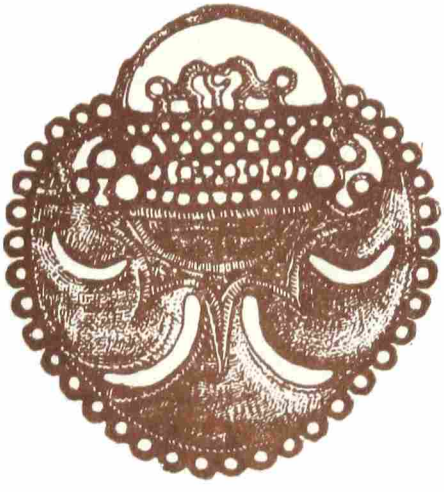
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4

1983

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 1983

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, Н. Н. Гурина,
В. И. Козенкова (отв. секретарь), *Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин,*
Л. Р. Кызласов, В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт,
Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора)
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Захарук Ю. Н. (Москва). Марксизм и некоторые вопросы развития археологии 5
Тер-Акопян Н. Б. (Москва). Развитие взглядов Карла Маркса на первобытное общество 13
Столяр А. Д. (Ленинград). Тезис К. Маркса о материальном «производстве идей» в свете археологических источников 22
Татаринов С. И. (Артемовск). Металлургия бронзы у племен срубной культуры Восточной Украины 32
Савостина Е. А. (Москва). К символике изображения лука на Боспоре . . 45
Шелов Д. Б. (Москва). Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе 57
Барцева Т. Б. (Москва). Химический состав изделий античного импорта, найденных в среднем Поднепровье (по данным спектрального анализа) 70
Панова Т. Д. (Москва). Памятники Московского Кремля в Лицевом своде XVI в. 83
Лоренсо Х. Л. (Мехико). Мексиканская археология и североамериканские археологи 95

Публикации

Клапчук М. Н. (Делятин, Ивано-Франковская обл.). Новые данные о палеолите и мезолите Прикарпатья 103
Сулейман А. (Алеппо, Сирия). Раскопки памятников раннего и среднего бронзового века в городе Алеппо (Сирия) 118
Сымонович Э. А. (Москва). Сюжетные изображения на черняховской керамике 132
Сорокина Н. П., Трейстер М. Ю. (Москва). Две группы бронзовых зеркал из собрания Государственного Исторического музея 142
Гопак В. Д., Шовкопляс А. М. (Винница, Киев). Черный металл зарубинецкого поселения на Оболони в Киеве 154
Тимощук Б. А., Русанова И. П. (Москва). Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута 161
Эрдели И. (Будапешт, ВНР). Кабары (кавары) в Карпатском бассейне 174
Сыркина И. А. (Тобольск). Клад с городища Лорвож (XII в.). 182

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1983 г.

Заметки

Куратов А. А. (Архангельск). Соловецкие стоянки II—I тысячелетия до н. э. 199
Малов Н. М. (Саратов). Конструктивные особенности псалия из Краснополья 204
Тешев М. К. (Туапсе). Новый памятник поздней бронзы на Западном Кавказе 209
Айбабин А. И., Веймарн Е. В. (Севастополь, Москва). Склеп 406 Скалистинского могильника 213
Рунич А. П. (Пятигорск). Железноводский могильник I (I—IV вв.) . . . 218
Недошивина Н. Г. (Москва). Средневековые крестовидные подвески из листового серебра 222

Критика и библиография

Яйленко В. П. (Москва). Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978 226
Сергин В. Я. (Москва). Тарасов Л. М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979 233
Тимофеев В. И. (Ленинград). Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979 236
Горончаровский В. А. (Ленинград). Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979 241
Могильников В. А. (Москва). Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979 244
Пугаченкова Г. А. (Ташкент). Francfort H. P. Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze à l'époque Kouchane. Paris, 1979 252
Арутюнов С. А. (Москва). Федосеева С. А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980 256
Даркевич В. П., Макарова Т. И. (Москва). [Рец.] Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981 258

Хроника

Конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Артемия Владимировича Арциховского 265
Крайнов Д. А., Кольцов Л. В. (Москва). 25 лет (1959—1983 гг.) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР 267
Доманский Я. В., Щукин М. Б. (Ленинград). Научная сессия, посвященная 50-летию Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа (27—30 октября 1981 г.) 271
Левковская Г. М. (Ленинград). Вопросы палинологии на советско-французских полевых семинарах 275
Старков В. Ф. (Москва). Отдел археологии в краеведческом музее Баренцбурга на архипелаге Шпицберген 279
Памяти Игоря Георгиевича Шургая 281

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1983 г. 284

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 18.07.83 Подписано к печати 23.09.83 Т-15871 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 25,2 Усл. кр.-отт. 84,1 тыс. Уч.-изд. л. 28,9 Бум. л. 9,5
Тираж 3314 экз. Зак. 2990

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 4
1983

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Zakharuk Yu. N. (Moscow). Marxism and Some Problems of Archaeological Development 5
Ter-Akopyan N. B. (Moscow). The Development of Marx's Views on Primitive Society 13
Stolyar A. D. (Leningrad). Marx's Thesis on the Material «Production of Ideas» and Archaeological Sources 22
Tatarinov S. I. (Artemovsk). Bronze Metallurgy Among the Timber-Grave Tribes of the Eastern Ukraine 32
Savostina E. A. (Moscow). The Symbolics of the Bow in the Bosporus . . . 45
Shelov D. B. (Moscow). Roman Bronze Jugs and Amphorae in Eastern Europe 57
Bartseva T. B. (Moscow). Chemical Composition of Antique Imported Objects Found on the Middle Dnieper (According to Spectral Analytical Data) . . . 70
Panova T. D. (Moscow). Moscow Kremlin in the 16th-Century Litsevoi Svod 83
Lorenzo J. L. (Mexico). Mexican Archaeology and North American Archaeologists 95

Publications

Klapchuk M. N. (Delyatin, Ivano-Frankovsk Region). New Data on the Palaeolithic and the Mesolithic of the Carpathian Region 103
Suleiman A. (Aleppo, Syria). Excavations of Early and Middle Bronze Age Sites in Aleppo, Syria 118
Symonovich E. A. (Moscow). Various Subjects of the Chernyakhovo Pottery 132
Sorokina N. P., Treister M. Yu. (Moscow). Two Groups of Bronze Mirrors from the Collection of the State Historical Museum 142
Gopak V. D., Shovkoplyas A. M. (Vinnitsa, Kiev). Iron objects From the Zarubintsy Settlement on Obolon, in Kiev 154
Timoshchuk B. A., Rusanova I. P. (Moscow). Slavonic Sanctuaries in the Middle Dniester and the Prut Basin 161
Erdélyi I. (Budapest, HPR). The Kabars (Kavars) in the Carpathian Region 174
Syrkina I. A. (Tobolsk). A Hoard from the Lorvozh Fortified Settlement (the 12th Century) 182

Notes

Kuratov A. A. (Arkhangelsk). The Solovki Sites (2nd-1st Millennia B. C.) 199
Malov N. M. (Saratov). Some Peculiarities of the Construction of Parts of Harness from Krasnopolie 204
Teshev M. K. (Tuapse). A Newly Discovered Late Bronze Age Site in the Western Caucasus 209
Aibabin A. I., Veimarn E. V. (Sevastopol, Moscow). Vault 406 of the Skalistinsky Burial Ground 213
Runich A. P. (Pyatigorsk). The Zheleznovodsk Burial Ground I (1st-4th Centuries) 118
Nedoshivina N. G. (Moscow). Mediaeval Cross-Shaped Pendants Made of Sheet Silver 222

Book Reviews and Bibliography

Yailenko V. P. (Moscow). Medyntseva A. A., 11th-14th-Century Russian Graffiti in the Novgorod Sophia Cathedral, Moscow, 1978 226

Sergin V. Ya. (Moscow). Tarasov L. M. The Gagarino Camp and Its Place in the European Palaeolithic, Leningrad, 1979 233
Timofeyev V. I. (Leningrad). Loze I. A., The Late Palaeolithic and Early Bronze of the Lubanas Plain, Riga, 1979 236
Goroncharovsky V. A. (Leningrad). Maksimova M. I., The Artyukhovo Mound, Leningrad, 1979 241
Mogilnikov V. A. (Moscow). Vasiliev V. I. Problems of the Formation of the North Samodian Peoples, Moscow, 1979 244
Pugachenkova G. A. (Tashkent). Francfort H. P. Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze a l'époque Kouchane. Paris, 1979 252
Arutyunov S. A. (Moscow). Fedoseyeva S. A., The Ymyakhtakh Culture in the North—Eastern Asia, Novosibirsk, 1980 256
Darkevich V. P., Makarova T. I. (Moscow). [Rev.] The Eurasian Steppes in the Middle Ages. Archaeology of the USSR. Moscow, 1981 258

Chronicle

A Conference on the 80th Birth Anniversary of Artemii Vladimirovich Artsikhovsky 265
Krainov D. A., Koltsov L. V. (Moscow). 25 Years (1959—1983) of the Upper Volga Expedition of the Institute Archaeology, USSR Academy of Sciences 267
Domansky Ya. V., Shchukin M. B. (Leningrad). A Scientific Session on the 50th Anniversary of the Hermitage Department of the History of Primitive Culture (October 27-30, 1981) 271
Levkovskaya G. M. (Leningrad). Problems of Palynology at Soviet-French Field Seminars 275
Starkov V. F. (Moscow). A Department of Archaeology at the Barentsburg Local Lore Museum (Spitsbergen) 279
In Memory of I. G. Shurgai 281

ЗАХАРУК Ю. Н.

МАРКСИЗМ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИИ

Марксизм утвердился ныне во всем мире как самая влиятельная и самая действенная научная теория, которая оказывала и оказывает огромное влияние на развитие мировой науки. В становлении и развитии советской науки марксизму принадлежит особая, решающая роль. Коренное отличие советской науки от буржуазной состоит в том, что советская наука сформировалась и успешно развивается на прочном фундаменте марксистской философии диалектического и исторического материализма. Этим самым она избавлена от безуспешных попыток буржуазных ученых в поиске философских основ своей науки или позитивистского отрицания значения философии для развития частных наук.

Становление советской археологической науки было неразрывно связано с творческим усвоением богатого теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма. Это было тем более важно и необходимо, поскольку сами основоположники марксизма-ленинизма проявляли большой интерес к истории вообще и к ее древнейшему прошлому в частности, к проблемам становления человека и человеческого общества, т. е. к той предметной области знания, которую исследует археология совместно с другими общественными и естественными науками.

Уже в первые десятилетия становления советской археологической науки многие молодые археологи с большим энтузиазмом приступили к внимательному и глубокому изучению богатого теоретического и философского наследия классиков марксизма-ленинизма. Это была не легкая по тем временам задача. Речь шла не просто об овладении новыми, обширными, знаниями, а о необходимости научиться мыслить по-новому, о творческом усвоении высших диалектико-материалистических форм мышления, формировании единственно научного — марксистского мировоззрения. Для этого нужно было специально воспитать способность к строгому пониманию философского языка. Без этого нельзя было подняться на высшую, философскую ступень марксистского учения. Эти требования к овладению теоретическим мышлением, философией марксизма и на сегодня сохраняют актуальное, непреходящее значение.

Подчеркивая решающее значение марксизма в становлении советской археологической науки, следует отбросить, как в корне неверное, утверждение о том, что будто бы марксизм внедрялся в советскую археологию не прямо, а **через** посредство так называемой теории стадиальности [1, с. 13]. Это утверждение никак не согласуется с действительной историей нашей науки, на что уже обращалось внимание в археологической литературе [2, с. 180, 181].

Следует особо подчеркнуть, что первое поколение советских археологов не ограничилось только изучением, усвоением марксистского учения. В это время были предприняты первые попытки конкретного приложения марксистского учения, в частности философии, к задачам и проблемам археологического познания. Справедливо рассматривая марксистскую философию как методологическую основу всех наук, некоторые молодые советские археологи приписывали только ей одной роль единственной методологической науки. В соответствии с этим единственным «универсальным методом для всех наук» провозглашался метод диалектического материализма [3, с. 45]. Этим самым недооценивались частнонаучные методы исследования, а философии приписывались не свойственные ей исследовательские задачи и методы, которые, естественно, оказывались беспомощ-

ными в решении различного рода конкретных частнонаучных задач. В итоге дискредитировалось само общенаучное значение философии как методологической основы всех наук. А это, в свою очередь, рождало у археологов скептическое отношение к философии вообще, которое и сейчас пока еще полностью не преодолено. Как свидетельствует история развития советской науки, творческое применение марксистской философии в частнонаучных исследованиях зачастую сопряжено с большими трудностями. Эти трудности нередко были обусловлены разным пониманием и толкованием исследователями различных положений и идей марксизма-ленинизма.

Уже в первые годы становления советской археологии имело место различное понимание и толкование известного положения К. Маркса о роли и важности останков средств труда для реконструкции исчезнувших общественно-экономических формаций. Опираясь на это ставшее хрестоматийным положение К. Маркса, ученые уже тогда предпринимали попытки определить статус советской археологии как самостоятельной науки. В качестве генеральной задачи советской археологии выдвигалась задача восстановления по памятникам материальной культуры общественно-экономических формаций [4, с. 137]. В соответствии с этим археологи считали, что «методом восхождения от производительных сил к производственным отношениям можно восстановить общественно-экономические формации по памятникам материальной культуры» [4, с. 138]. Решение этой задачи представлялось предельно простым, поскольку «почти все археологи невольно были вынуждены исходить в конечном счете из производительных сил, от орудий труда» [5, с. 11]. Действительно, археологи всегда имеют дело с такой категорией находок, как орудия труда, притом в большом их количестве. Но у К. Маркса речь шла о таком понятии «средств труда», которое входит в единую систему с такой высокоабстрактной категорией, какой является «общественно-экономическая формация». В данном случае не различались разного уровня понятия «орудий труда». Последние, по К. Марксу, могут представлять как «всеобщечеловеческие», так и «специфически общественные (формационные)» категории — понятия, различающиеся между собой как по объему, так и по содержанию. Различаются понятия «орудий труда» и в археологическом исследовании. Одно дело, когда речь идет об орудиях труда данного конкретного памятника (поселения, селища, городища), иное — когда оно относится к такому обобщающему понятию, как «археологическая культура», и совсем иное — когда речь идет об орудиях труда различных эпох (палеолита, неолита, бронзы и т. п.). Совсем иное по содержанию и объему понятие «орудий труда», соотносимое с категорией «общественно-экономическая формация». Курьезными поэтому оказались попытки прямого приложения историко-материалистической категории «общественно-экономической формации» к исследованию «неолитических культур» [5, с. 11] или такому источниковедческому понятию, как «культурный слой» [6, с. 8]. Концепция восхождения от орудий труда к общественно-экономическим формациям, верная в своей общей методологической направленности, для ее творческого приложения в археологии нуждалась в серьезной теоретической разработке и конкретизации с учетом различных уровней исследования и специфики научно-познавательных возможностей археологических источников.

Успешное исследование научно-познавательных возможностей археологических источников, в том числе и орудий труда, возможно вести, лишь опираясь на разработанную марксизмом концепцию о роли и значении орудий труда в изучении социальной структуры общества и его истории. Согласно фундаментальному положению исторического материализма, в конечном счете фактором социального развития является характер и уровень развития средств труда, и прежде всего орудий труда. Именно из этого положения исходил Ф. Энгельс, когда писал об орудиях дикаря, обусловивших первобытное общество, и новейших орудиях труда, обусловивших общество капиталистическое [7, с. 146]. Этим положением руководствовался В. И. Ленин, когда характеризовал разные эпохи рус-

ской истории такими орудиями труда, как соха, цеп, водяная и ручная мельница, с одной стороны, и плуг, молотилка, паровая мельница и паровой ткацкий станок — с другой [8, с. 597, 598].

В соответствии с положением исторического материализма орудия труда рассматриваются как основная доминанта общественного развития, в их неразрывной связи с определяющей ролью производительных сил [9, с. 98—109]. Последние включают в себя два основных элемента: средства производства и, прежде всего, средства труда и сам труд, которые в производстве выполняют разные функции. Люди, труд являются главной движущей производительной силой производства, а орудия труда определяют характер и уровень развития производительных сил. В этом действительном противоречии средств труда как определяющего элемента производительных сил и людей как его главного элемента сокрыты «глубинные истоки движения истории человечества» [9, с. 101].

В отличие от таких историко-материалистических категорий, как «средства труда», «орудия труда», археологическое понятие «орудий труда» обладает своей спецификой, пока еще в должной мере не учитываемой в археологическом познании. Это, прежде всего, согласно терминологии К. Маркса,— «**останки** средств труда» (здесь и далее подчеркнуто мною.— *Ю. З.*) уже несуществующих, «**исчезнувших** общественно-экономических формаций» [10, с. 191]. Средства труда, равно как и продукты труда, не включенные в процесс производства и потребления, являются таковыми, по К. Марксу, только лишь в возможности. «Железная дорога,— писал К. Маркс,— по которой не ездят, которой не пользуются, которая не потребляется, есть железная дорога только в возможности... платье становится действительно платьем лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не живут, фактически не является действительным домом» [11, с. 717]. Принципиально иная природа и, так сказать, «потребление» ископаемых останков средств труда и орудий труда, с которыми непосредственно как историческими источниками имеет дело археология. Ископаемые останки средств труда, орудий труда, как правило, оторваны от производства и потребления и не могут быть такими даже в возможности. На это важное обстоятельство археологи обратили внимание еще в годы становления советской археологии. Они выступили, например, против прямого отождествления города с городищем, селения с селищем [12, с. 11]. Справедливо в связи с этим подчеркивалось, что ископаемые археологические объекты, потерявшие свою прежнюю потребительную стоимость, обрели новую, специфическую потребительную стоимость, служа «удовлетворению потребности человека в изучении истории своего прошлого» [13, с. 11]. Эти принципиально важные с методологической и гносеологической точек зрения утверждения молодой советской археологии вытекали из основополагающих положений марксистского учения и сохраняют свое актуальное значение и сегодня.

Проблемы творческого приложения марксизма в советской археологии являются непреходящими и актуальными на всех этапах развития как марксизма, так и археологии. Особо актуальны эти проблемы на современном этапе развития советской археологической науки, когда она вступила на новый этап, этап теоретизации, этап творческой разработки общей археологической теории. Весьма показательна в этом отношении ведущаяся дискуссия по проблеме природы археологических источников. В археологической литературе имеют хождение две точки зрения: одна — утверждающая, вторая — отрицающая ископаемую, мертвую природу археологических следов и останков. Точка зрения на ископаемую, мертвую природу археологических источников подверглась критике, как находящаяся «в явном противоречии с диалектикой» [14, с. 10]. В соответствии с данной концепцией представляется совершенно невероятным существование в природе неразвивающихся, абсолютно мертвых объектов [14, с. 19]. Что же действительно утверждает марксистская концепция развития? Диалектико-материалистическая концепция развития как всеобщего свойства материи не только не отрицает, а, напротив, рассматривает развитие как диалектику возникновения и исчезновения, жизни и смерти,

движения и покоя. Критикуя плоскую эволюционистскую концепцию развития, В. И. Ленин противопоставлял ей диалектическое понятие развития. «Если все развивается,— рассуждает В. И. Ленин,— значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный *рост*, *увеличение* (respective уменьшение) etc.— Раз так, то во 1-х, надо *точнее* понять эволюцию как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы» [15, с. 229].

Спору нет, что ископаемые археологические объекты, выпавшие «из сферы живого общественного движения» [16, с. 207], становятся «участниками материального кругооборота в природе» и оказываются «в роли носителей низших форм движения материи» [16, с. 208]. Но значит ли это, что именно эти, низшие формы движения являются объектом исследования археологии? Конечно, нет.

Отрицание мертвой, ископаемой природы археологических источников, а значит, и специфики решаемых на их основе задач реконструкции прошлого не учитывает особый аспект логико-гносеологических и теоретических проблем археологического познания. Для большинства наук, исследующих, как правило, живые, динамически развивающиеся объекты, логико-методологический аспект исследования связан с задачей, так сформулированной В. И. Лениным: как движение «выразить в логике понятий» [15, с. 230]? Для археологии ее специфический аспект исследования оборачивается противоположной задачей. Речь идет о том, что в руки археолога поступает, как выразился Г. В. Плеханов, «*мертвая материя*..., из его рук должен выйти *полный жизни организм*» [17, с. 679]. Ископаемый археологический источник, если воспользоваться гегелевской терминологией в изложении В. И. Ленина, представляет собой «„окостенелый материал", который надо „сделать текучим"» [15, с. 149]. К. Маркс, анализируя процесс труда, отмечал на стороне человека — «форму деятельности», а на стороне продукта труда — «форму покоящегося вещества» [10, с. 192]. «Процесс,— по К. Марксу,— угасает в продукте» [10, с. 191] и превращается в мертвый кристаллизированный труд. С этой диалектикой взаимозависимости, переходов от деятельности к покою, от развития к исчезновению постоянно сталкиваются в своем исследовании история и археология.

В ходе археологического исследования на разных его уровнях, источниковедческом и историко-обобщающем, возникает множество так называемых общих вопросов, решение которых имеет важное методологическое и теоретическое значение. Наивно, например, полагать, что можно решить проблему выделения той или иной конкретной археологической культуры, предварительно не решив проблему определения понятия археологической культуры и теоретически обоснованных методов ее выделения. Не без основания В. И. Ленин предупреждал: «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „натыкаться" на эти общие вопросы» [18, с. 368].

Как об этом свидетельствуют многочисленные дискуссии по самым различным проблемам археологического, и не только археологического, познания наличие различных точек зрения определяется не столько фактами самими по себе, ибо нередко оппоненты апеллируют к одним и тем же фактам, но разницей в их интерпретации. Мало того, очень часто из одних и тех же широкоизвестных работ классиков марксизма-ленинизма исследователями делаются противоположные выводы. Показательна, в частности, в этом отношении дискуссия по проблемам становления человека и человеческого общества. Ни у кого не вызывает сомнения, что процесс антропосоциогенеза был сложным скачком от биологической формы движения к социальной. Как внутренние закономерности этого процесса, так и внешние его условия, предпосылки во многом остаются еще не ясными. Исключительная сложность проблемы обусловила расхождение во взглядах ученых как в определении границ этого процесса, так и в понимании его содержания. В развернувшейся дискуссии по данной проблеме ее участники для обоснования своих точек зрения, естественно,

опираются на работы классиков марксизма-ленинизма, в частности на классические работы Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Существующий разнобой во взглядах исследователей, с одной стороны, свидетельствует о различном понимании и интерпретации тех или иных положений и взглядов основоположников марксизма-ленинизма. С другой стороны, этот разнобой свидетельствует также и о том, что мы еще не овладели должным образом высоким и сложным искусством творческого, научного приложения принципов, идей и методов марксистской теории к конкретным задачам историко-археологического познания. В свою очередь, проблема антропосоциогенеза тесно связана с творческим применением таких близких, но не тождественных философских категорий, как «становление» и «развитие». К. Маркс строго различал историю подготовки и становления капитализма от его собственной истории, закономерностей его собственного развития. Эта мысль К. Маркса находит отражение в работах современных философов: «Порядок изменения предмета в процессе его исторического становления отличается противоположным образом от закономерностей его внутреннего развития» [19, с. 68]. По-видимому, сложность и дискуссионность проблемы становления человека и человеческого общества объясняется, кроме всего, еще и тем, что при решении этой проблемы пока еще в должной мере не учитывается специфика и различие таких категорий, как «становление» и «развитие». Между тем от различения этих категорий и умения их творчески приложить в историко-археологическом исследовании во многом зависит успешное решение проблемы в целом.

Если попытаться оценить современное состояние археологической проблематики, проблемных ситуаций в археологии, не трудно заметить, что они характеризуются исключительным разнобоем во взглядах исследователей, чрезвычайной противоречивостью предлагаемых ими решений. Как бы интенсивно ни увеличилось количество первичных решений по любой проблеме, они сами по себе ни о каком реальном сдвиге в их решении еще не свидетельствуют. В этих условиях особо важное, незаменимое значение приобретает научная критика. Речь идет о научном критическом анализе и оценке первичных решений, ибо только осуществив их, возможно объективно оценить научное значение предлагаемых конкретных решений, а также тех принципов и методов, с помощью которых они были получены. Как подчеркивал К. Маркс, важен не только результат исследования, но ведущий к нему путь, который «должен быть истинным» [20, с. 7]. Задача состоит в том, чтобы оценить и определить действительное место и значение в общей системе археологических знаний того огромного исследовательского материала, которым располагает к настоящему времени наша наука. Пока что он представляет собой весьма пеструю мозаику нередко не соподчиненных исходных принципов и положений, разных по своему значению и эффективности применяемых методов и приемов исследования, различных по охвату и доказательности объяснений и интерпретации археологических фактов. Здесь и решенные, и нерешенные вопросы, глубокая верная мысль и рабочая гипотеза, первые наброски, домыслы и обоснованные фактами решения. Разобраться в этом обилии разновеликих и неравнозначных мыслей, фактов, принципов, методов, предположений и решений — нелегко и сложно. И тем не менее уйти от решения этой задачи не удастся. Изучение, обобщение, совершенствование исследовательской работы, поиски путей и способов повышения объективности и точности археологических исследований на современном этапе развития нашей науки приобретают решающее значение. Важнейшая роль в этом деле справедливо отводится разработке и совершенствованию научной критики. Не лишне напомнить о том, какое важное значение и внимание уделяли К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин научной критике в становлении марксизма, в разработке его философской, экономической и исторической теорий.

Марксизм и советская археология неразделимы. На современном этапе развития советской археологической науки значение марксистского учения все более возрастает. В рамках марксистской философии формирует-

ся особая область познания, предметом философского осмысления которой стала сама наука. Именуют ее по-разному: философия науки, логика и методология науки, методология научного познания [21—24]. В свою очередь в рамках этой философской области исследования предметом специального познания стала историческая наука. Речь идет о логике и методологии исторического исследования, философии истории [25, 26]. Это ставит перед советскими археологами задачу глубокого творческого овладения марксизмом как системой, а не отдельными его положениями. Для этого необходимо продолжить углубленное изучение теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма. Особо актуальной и сложной является задача овладения приемами творческого приложения марксистской теории и метода к проблемам и задачам археологического познания. Эти задачи являются тем более важными и неотложными, что в последние годы к вопросам приложения марксизма в археологии заметно возрос интерес и внимание со стороны зарубежных ученых.

Естественно, что прежде всего особое внимание к проблемам марксизма в археологии, равно как и к методологическим проблемам советской археологии вообще, проявляют археологи братских социалистических стран. Об этом, в частности, свидетельствуют состоявшийся в Нитре симпозиум, посвященный методологическим проблемам и марксистским категориям в археологии [27] и научная сессия в Люблине, посвященная вкладу советской науки в методологическую перестройку польской археологии [28].

Особый интерес к проблемам марксизма в археологии заметен в странах Латинской Америки. И это не случайно. Кубинская революция, явившаяся для латиноамериканских стран реальным воплощением идей и учения марксизма, преобразующих общество на новых, социалистических началах, развертывание национально-освободительных движений в странах Латинской Америки явились важными факторами, стимулирующими интерес к марксизму — самой влиятельной, самой действенной в мире революционной теории и практики. О большом интересе к научной теории марксизма, в частности ее значения для творческой разработки методологических и теоретических проблем археологии, убедительно свидетельствуют вышедшие в свет в латиноамериканских странах работы, специально посвященные этому. Весьма показательна в этом отношении книга перуанского исследователя Луиса Лумбрераса «Археология как общественная наука» [29]. В книге подчеркивалась необходимость противопоставления традиционной культурной антропологии — археологии как составной части исторической науки, опирающейся на теорию и метод марксизма. В пространном интервью, опубликованном в кубинском журнале «Революция и культура» [30] во время пребывания Л. Лумбрераса на Кубе, где он читал лекции по археологии, перуанский археолог развивает далее свои взгляды на археологию как общественную науку, на необходимость ее перестройки на марксистской основе. Данное интервью Л. Лумбрераса примечательно озаглавлено — «Археология и марксизм» В Мексике в 1977 г. вышла в свет работа видного чилийского ученого Луиса Батэ — «Археология и исторический материализм» [31]. В работе была предпринята попытка приложить принципы и категории исторического материализма к разработке конкретных проблем археологической науки. Особое внимание уделил Л. Батэ в этой работе проблемам культуры. Изучение истории культуры для народов Латинской Америки имеет особо важное значение, если учесть, что зарубежными буржуазными антропологами всячески принижалась роль и значение культуры аборигенов и их вклад в историю мировой культуры. Л. Батэ стремится рассматривать проблемы культуры с позиций исторического материализма, в частности опираясь на понятие общественно-экономических формаций.

В 1978 г. в Каракасе была опубликована работа венесуэльских ученых Марио Санохи и Ирайды Варгас «Древние формации и средства производства в Венесуэле» [32]. Их работа явилась первой попыткой социально-экономической реконструкции древнейшей истории этой страны. В 1980 г. вышла в свет книга имигрировавшего в Мексику видного чи-

лийского политического деятеля и ученого Хулио Монтанэ «Марксизм и археология» [33], в которой обращалось внимание на важность разработки методологических проблем археологии на базе марксистской теории.

Высоко оценивая большой интерес ученых латиноамериканских стран к марксизму и их первые попытки его приложения к археологии, следует тем не менее подчеркнуть, что в них нередко повторяются те же ошибки, которые в свое время были характерны для археологических исследований периода становления советской археологической науки. Например, единственной универсальной научной теорией вообще и для археологии в частности провозглашается теория и метод исторического материализма. Философские категории и принципы исторического материализма прямо налагаются на археологические исследования без учета их частнонаучной специфики.

Интерес к марксизму в археологии, к разработке методологических проблем советской археологии проявляют также и археологи Америки, Канады, Англии, Франции и других стран. Как об этом убедительно свидетельствуют проведенные совместные научные совещания, конференции и симпозиумы по различным актуальным проблемам археологической науки, археологи этих стран уже не удовлетворяются только знакомством с результатами наших исследований, нашими историко-археологическими обобщениями. Они все больше и больше интересуются непосредственно состоянием разработки проблем общей теории археологии, различных методологических проблем. Французские археологи С. Клизеу и Ж. П. Демуль, оценивая положение в теоретической археологии во Франции, отмечали, что «здесь все пока происходит на ощупь» [34, с. 14]. В то же время они отмечали, что разработка теоретических проблем археологии на Востоке (имеются в виду социалистические страны) обусловлена опорой на общие философские теории, в частности на марксизм [34, с. 7, 8]. Примечательны в этом отношении также высказывания английского ученого Р. В. Чепмена в статье, посвященной теоретической археологии в Англии. Он, в частности, отмечал, «что введение за последнее время в британскую археологию понятий и моделей,— как он выразился,— неомарксистской антропологии значительно стимулировало теоретическую мысль» и что применение последней открывает «некоторые обнадеживающие перспективы для анализа культурной и социальной эволюции» [35, с. 23].

Растущее внимание и интерес ученых зарубежных стран к методологическим проблемам советской археологии, к особой роли марксизма в разработке археологической теории ставят перед нашей наукой ответственные задачи. Необходимо значительно активизировать наши исследования в области археологической методологии и теории. Остро стоит задача повышения общего теоретического уровня наших исследований, умения творческого применения положений, принципов и категорий марксистской теории к конкретным археологическим исследованиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клейн Л. С.* К оценке эмпиризма в современной археологии.— В кн.: Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
2. *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев: Наук. думка, 1982.
3. *Смирнов И. И.* Возможна ли «марксистская история материальной культуры»? — СГАИМК, 1932, № 1—2.
4. *Арциховский А. В.* Новые методы в археологии.— Историк-марксист, 1929, т. 14.
5. *Брюсов А. Я.* Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа.— Тр. секции теории и методологии РАНИОН, 1928, вып. 2.
6. *Гриневич К. Э.* К вопросу о методике археологии.— СГАИМК, 1931, № 4—5.
7. *Энгельс Ф.* Письмо К. Каутскому, 26 июня 1884 г.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 36.
8. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3.
9. *Келле Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). М.: Политиздат, 1981.
10. *Маркс К.* Капитал. Т. I.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23.
11. *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857—1859 годов).— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 12.

12. *Быковский С. Н.* К пересмотру археологической терминологии.— ПИМК, 1933, № 5—6.
13. *Кипарисов Ф. В.* Вещь — исторический источник.— ИГАИМК, 1933, вып. 100.
14. *Генинг В. Ф.* Объект и объективный предмет знания археологической науки.— В кн.: Теория и методы археологических исследований. Киев: Наук. думка, 1982.
15. *Ленин В. И.* Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии».— Полн. собр. соч., т. 29.
16. *Боряз В. Н.* Методологические предпосылки и принципы определения объекта археологической науки.— В кн.: Материалистическая диалектика и частные науки. Л.: Наука, 1976.
17. *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.— Избр. философск. соч., т. 1. М., 1956.
18. *Ленин В. И.* Отношение к буржуазным партиям.— Полн. собр. соч., т. 15.
19. *Оруджев З. М.* К. Маркс и диалектическая логика. Баку: Азербайдж. гос. изд-во, 1964.
20. *Маркс К.* Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. т. 1.
21. Методологические основы научного познания. М.: Высшая школа, 1972.
22. *Мостепаненко М. В.* Философия и методы научного познания. Л.: Лениздат, 1972.
23. *Ракитов А. И.* Философские проблемы науки. М.: Мысль. 1977.
24. *Штофф В. А.* Проблемы методологии научного познания. М.: Высшая школа, 1978.
25. *Косолапов В. В.* Методология и логика исторического исследования. Киев: Вища школа, 1977.
26. *Лоонэ Э. Н.* Современная философия истории. Таллин: Ээсти раамат, 1980.
27. Základné metodologické problemy a marxisticke kategorii v archeologii. Zbornik referátow. Nitra, 1978.
28. Wklad nauki radzieckiej w przebudowe metodologiczna archeologii polskiej. Sesja naukowa. Streszczenia referatów. Lublin, 1978.
29. *Lumbreras L. G.* La arqueología comociencia social. Lima, 1974.
30. *Lumbreras L. G.* Arqueologia y marxismo.— Revolucion y Cultura, 1976, № 5.
31. *Bate L. F.* Arqueologia y materialismo historico. México, 1977.
32. *Sanoja M., Vargas J.* Antiguas farmaciones y modos de producctión Venezolanos. Caracas, 1974.
33. *Montané J,* Marxismo y Arqueologia. México, 1980.
34. *Cleuzeou S., Demoule J.-P.* Situation de l'Archéologie théorique.— Nouvelles de l'Archéologia. P., 1980, № 3.
35. *Chapman R. W.* Evolution Recente de l'Archéologie Theorique en Grand Bretagne.— Nouvelles de l'Archéologie. P., 1980, № 3.

Yu. N. Zakharuk

MARXISM AND SOME PROBLEMS OF ARCHAEOLOGICAL DEVELOPMENT

Summary

The author discusses some topical theoretical and methodological problems of Soviet archaeology, connected with the creative application of philosophical ideas, premises and categories of dialectical and historical materialism to archaeological studies.

ТЕР-АКОПЯН Н. Б.

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ КАРЛА МАРКСА НА ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО

В известного рода разделении труда, которое сложилось между К. Марксом и Ф. Энгельсом в их творческом содружестве, освещение истории докапиталистических обществ выпало главным образом на долю Энгельса. Поэтому вклад Ф. Энгельса в исследование истории первобытного общества известен гораздо лучше, чем изыскания в этой области К. Маркса. Такие его работы, как «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Марка», «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», положили начало марксистской историографии истории первобытного общества.

Между тем разделение труда между К. Марксом и Ф. Энгельсом осуществлялось в рамках единой творческой лаборатории, и почти каждая работа, независимо от того, кем она была написана, являлась результатом труда обоих. Именно так обстояло дело и в исследованиях по первобытной истории. В этой связи достаточно напомнить о том, что и книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства» была создана Энгельсом в значительной части на основании составленного Марксом конспекта труда Моргана «Древнее общество» и представляла собой «в известной мере выполнение завещания» Маркса [1]. При этом конспект Маркса сохраняет самостоятельное значение как важный теоретический источник. А ведь помимо этого конспекта Маркс сделал обширные выписки из трудов М. Ковалевского, Г. Мейна, Дж. Леббока, Г. Маурера, Дж. Фира и многих других авторов (т. 45, с. 153—444) [2]. В своих трудах по политической экономии Маркс посвятил не одну страницу исследованию экономики человеческого общества на ранних стадиях развития. Самое непосредственное отношение к истории первобытного общества имеет анализ процесса труда в «Капитале». Огромное значение для исторической науки имеют также исследования Маркса об общине, о стадиях ее развития, о принципах подхода к исторической типологии общин, изложенные во Введении и в разделе «Формы, предшествующие капиталистическому производству» «Экономической рукописи 1857—1858 гг.» Наконец, до сих пор еще не вполне оценено большое теоретическое значение «Набросков ответа на письмо В. И. Засулич», написанных Марксом в 1881 г.

Для того чтобы правильно осветить взгляды Маркса на первобытное общество, следует рассмотреть их в соответствии с ленинской периодизацией истории марксизма в XIX в. Ленин различает три главные периода в развитии марксистского учения [3]. Первый, завершившийся к 1848 г.,— период формирования марксизма с преимущественным развитием его философской стороны. Второй — между 1848 и 1871 гг.— характеризуется выдвижением на первый план экономической стороны. В этот период был создан «Капитал», была выработана центральная категория исторического материализма — понятие общественной экономической формации. В третьем периоде особое значение приобрела разработка проблем науч-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 25 (при последующих упоминаниях — том. стр.— дается в тексте).

[2] Конспект книги Дж. Фира «Арийская деревня» опубликован в журнале «Народы Азии и Африки» (1964, № 1; 1965. № 1; 1966, № 5); конспекты книг Г. Маурера не опубликованы.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 1.

ного коммунизма. Этот период характеризуется также существенно новыми идеями в области исторического материализма, в частности исследованием активной роли надстройки по отношению к базису. В этой ленинской периодизации явственно видна непосредственная связь развития теории марксизма с практикой, с социалистическим рабочим движением. Периоды отделены друг от друга событиями всемирно-исторического значения, европейской революцией 1848 г. и Парижской Коммуной. Именно изменения в состоянии общества и переход рабочего движения на более высокую ступень развития служили импульсом для дальнейшего развития марксистской теории.

Какое же место занимала в марксистском учении концепция истории первобытной эпохи, казалось бы, столь отдаленной от насущных проблем современности? Как показывает обзор развития взглядов Маркса, она была неотъемлемой частью общей теории исторического процесса и разрабатывалась Марксом на протяжении всех упомянутых выше периодов. Некоторые важные моменты концепции первобытного общества возникли еще на стадии формирования марксизма. Взгляды Маркса в первый период с наибольшей полнотой отражены в написанной им совместно с Энгельсом в 1845—1846 гг. работе «Немецкая идеология» (т. 3) [4]. Во втором и третьем периодах они отражены соответственно в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.» (т. 46, ч. I, II) и в «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич» (т. 46, ч. I, II) [5]. Разумеется, замечания и высказывания, характеризующие те или иные черты и стороны первобытного общества, содержатся также и в других произведениях Маркса, но их обобщение в каждый из периодов дается именно в названных работах.

В конце 30-х годов прошлого века, когда К. Маркс начинал свой творческий путь, представления о первобытном обществе в Германии, как и в других странах, носили еще туманный характер. Религиозные представления и креационистские идеи еще господствовали в обыденном сознании немцев, но философы младогегельянского направления широко развернули критику библейской мифологии. В передовых слоях получили распространение выдвинутые уже мыслителями Просвещения идеи о неразрывной связи человека и природы, истории и эволюции. Учению церкви о том, что дикие и варварские племена возникли вследствие отпадения их от истинной христианской веры, что и привело их к одичанию и деградации, противопоставлялись представления о «добром дикаре», о «природном человеке», не испорченном цивилизацией, наконец, о «естественном состоянии» общества — понятии, по сути дела свидетельствовавшем о подходе философии к идее первобытного общества. Догме о божественном происхождении власти противопоставлялась идея о договорном ее возникновении, из которой вытекало существование догосударственной эпохи в истории человечества. В более развернутых периодизациях истории первобытность охватывалась эпохами дикости и варварства.

Наряду с этими общими интерпретациями первобытной истории существовали и ее более конкретные толкования. Седая древность воплo-

[4] Первая глава «Немецкой идеологии», в которой сконцентрировано основное содержание концепции первобытного общества, опубликована ИМЛ при ЦК КПСС отдельным, существенно улучшенным изданием. См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений». М.: Политиздат, 1966; при дальнейших ссылках на это издание в тексте указывается: («Фейербах...», страница).

[5] Этот том «Сочинений» публикуется с подзаголовком «Первоначальный вариант «Капитала». В составе тома семь рукописей, главная из которых, написанная в октябре 1857— мае 1858 гг., публикуется под названием «Критика политической экономии». В научном обиходе это произведение иногда называют «Экономической рукописью 1857—1858 гг.». Самостоятельной рукописью является также упомянутое выше Введение, написанное в августе 1857 г. В новом отдельном издании труда (*Маркс К.* «Экономические рукописи 1857—1861 гг.», ч. I и II. М.: Политиздат, 1980) общая датировка изменена в связи с уточнением времени написания еще двух рукописей: рефератов Маркса к собственным тетрадям и наброска плана I главы о «Капитале вообще».

щалась то в Греции гомеровских времен, то в Германии времен Рима. Идеализированное реакционными романтиками представление о древних германцах было широко распространено и играло определенную роль в формировании немецкого национализма.

В борьбе против реакционной креационистской доктрины прогрессивная философская мысль могла все в большей степени опираться на достижения конкретных наук. Космогоническая теория Канта — Лапласа, геологические исследования Лайеля служили непосредственными предпосылками для доказательства естественного происхождения человека. Археология делала уже первые шаги в изучении вещественных остатков первобытного человека, а этнография — в изучении структуры и обычаев первобытных обществ. Но предстояло еще не одно десятилетие упорного накопления фактов, их постепенного обобщения, синтеза различных областей знания, прежде чем открытия первых каменных орудий, сделанные Буше де Пертом, классификации Томсена, различавшего (почти по Лукрецию Кару) каменный, медный и железный века в истории человечества, описания родового строя у ирокезов, сделанные Морганом в конце 40-х годов, но еще не осознанные им самим как открытия, могли бы быть объединены в рамках специальной науки о первобытном обществе. Между тем Маркс и Энгельс при создании своей общей материалистической теории исторического процесса не могли обойтись без концепции истории первобытного общества. Они попытались решить эту задачу в общем виде, на основе имевшегося в их распоряжении материала.

Центральным пунктом материалистического понимания истории является, с одной стороны, раскрытие структуры общества, взаимосвязи и взаимозависимости ее различных звеньев (производительные силы, производственные отношения, другие общественные отношения, политическая надстройка, общественное сознание в различных его формах), а с другой — изучение закономерного изменения этой структуры в ходе исторического процесса, т. е. последовательной смены общественно-экономических формаций. Выявление звеньев общественной структуры и установление формационной периодизации истории происходило неравномерно и не сразу, хотя процесс создания нового мировоззрения и носил бурный, почти взрывной характер. Он занял немногим более трех лет — от появления статей Маркса в «Рейнской газете» осенью 1842 г. до завершения рукописи «Немецкой идеологии» весной 1846 г. Преодоление религиозных представлений закончилось еще до этого времени. «Религия сама по себе лишена содержания,— писал Маркс в ноябре 1842 г.— ее источники находятся не на небе, а на земле» (т. 27, с. 370). Первой ступенью собственно процесса формирования нового учения стала предпринятая Марксом в 1843 г. критика гегелевской философии права, которая привела его к выводу о том, что не государство определяет гражданское общество, а, напротив, последнее является определяющим. Под гражданским обществом Маркс понимает не совокупность атомизированных индивидов, а сферу материальных жизненных отношений.

Следующей ступенью явилось исследование самого гражданского общества, в результате которого Маркс пришел к выводу о том, что производство определяет все стороны жизни общества. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», в которых разработана эта проблема, содержится целый ряд общих положений, имеющих важное значение также и для концепции первобытной истории. История человечества рассматривается как часть истории природы — человек и общество возникают благодаря процессу своего взаимодействия с природой, процессу труда. «*Вся так называемая всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека» (т. 42, с. 126). Таким образом, вопрос о роли труда в становлении человека был в общей форме поставлен в марксизме уже в 1844 г. Спустя четыре десятилетия Энгельс конкретизировал это положение в своем исследовании «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (т. 20, с. 486—499).

Труд лежит также в основе членения исторического процесса на три

эпохи. Современная Марксу эпоха возникла в результате отчуждения труда, т. е. образования частной собственности. Противоречие между трудом и капиталом — последней формой частной собственности — может быть устранено только путем ее упразднения и установления коммунизма. Коммунизм есть «возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*» (т. 42, с. 116). Отсюда следует, что и первую эпоху в истории человечества Маркс мыслил как коммунизм, при котором не была еще нарушена гармония между природой и человеком. Такова была первая форма научного опровержения тезиса буржуазной идеологии об извечном существовании частной собственности.

Подход к проблемам первобытной истории в «Немецкой идеологии» существенно отличается от подхода на предыдущих ступенях. Глубже и полнее понимается структура общества. Первое ее звено — производительные силы, следующее — форма общения (т. е. общественные отношения), далее следуют политическая надстройка и формы общественного сознания. Уже выработаны понятия «способ производства» и «производственные отношения», но их место в системе категорий и взаимосвязь с другими категориями определены еще не полностью. Этот понятийный аппарат применяется для характеристики каждой из последовательных стадий развития общества. Периодизация истории охватывает племенную, античную, феодальную и буржуазную формы собственности; общество будущего — коммунизм.

Рассмотрение проблем первобытной истории начинается с анализа природных основ человеческой истории. «Всякая историография,— пишут Маркс и Энгельс,— должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они благодаря деятельности людей подвергаются в ходе истории («Фейербах...», с. 23). «Чисто эмпирическим путем» устанавливается «первая предпосылка» всякой истории — «существование живых человеческих индивидов» с соответствующей телесной организацией, обуславливающей их отношение «к остальной природе» (там же, с. 22, 23).

Отличие человека от животных рассматривается в исторической перспективе и по существу характеризует происхождение человека как длительный процесс. Люди «начинают отличать себя от животных как только начинают *производить* необходимые им жизненные средства» (там же, с. 23). Различаются пять основных сторон социальной деятельности, или первичных исторических отношений. Вслед за производством жизненных средств идет порождение новых потребностей. «С самого начала» «в ход исторического развития» включается третье отношение — семья, которая «вначале была единственным социальным отношением» (там же, с. 38). Семья осуществляет первичное разделение труда, она же обеспечивает и регулирует производство людей,— фактор, равный по значению производству жизненных средств. Росту населения как явлению, лежащему в основе и потребностей, и производства, Маркс и Энгельс придавали особое значение.

В качестве еще одной стороны первичных исторических отношений выделяются отношения общения. «Производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством деторождения — выступает сразу же в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения», иначе говоря, «совместной деятельности» (там же, с. 38). Отношения общения приобретают различные формы в зависимости от развития производительных сил. Определенному способу производства соответствует определенная форма общения, причем эта форма общения, или способ совместной деятельности, в свою очередь является производительной силой.

Сознание также является одним из первичных исторических отношений. Вначале оно «носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени». «Стадное», «баранье», «племенное» сознание представляет собой в сущности «осознанный инстинкт». Чисто животное обожествление природы совмещается с осознанием «связи с

другими лицами и вещами» и, таким образом, является «началом осознания того, что человек вообще живет в обществе». Сознание возникает не само по себе, а в неразрывной связи с языком, «язык *есть* практическое...действительное сознание», удовлетворяющее потребность и «настоятельную необходимость общения с другими людьми» (там же, с. 39, 40).

Первичные исторические отношения рассматриваются и как исходные, с возникновением которых человек и общество выделяются из животного мира, и одновременно как отношения, лежащие в основе исторически более поздних и развитых ступеней, или форм, общества. Племенная форма собственности — первая форма общества, которая открывает последовательный ряд ступеней исторического развития в «Немецкой идеологии», представляет собой первую более детальную и конкретную, чем прежде, характеристику первобытного общества как особой эпохи, особой стадии в развитии человеческого общества. Понятие первичных исторических отношений, глубокая научная абстракция, составляющая теоретическую основу характеристики первобытного общества, имеет значение также и для характеристики высших ступеней развития общества. Конкретные черты племенного строя представляют собой обобщение исторического материала, которым располагали в то время Маркс и Энгельс. Это были сведения об античных и германских племенах на стадии разложения общины, стадии, непосредственно предшествовавшей у этих народов возникновению государства. Из текста «Немецкой идеологии» видно также, что Маркс и Энгельс еще не подвергали сомнению распространенное в те времена представление о моногамной семье как о единственной изначальной форме, с которой начинается развитие общества.

Начало первобытной эпохи относится ко времени, когда «природа еще почти не видоизменена ходом истории» («Фейербах...», с. 40). Постепенно с ростом населения начинает развиваться производительность труда вместе с разделением труда, первоначально носившим естественный характер. Однако на стадии племенной собственности производство достигает лишь слабой степени развития, люди еще живут «охотой и рыболовством, скотоводством или самое большее земледелием». Соответственно этому ограниченному отношению к природе ограничены еще и отношения общения, в данном случае племенной строй. Однако и они претерпевают известные изменения: семья расширяется, превращаясь из простой в «сложную», развивается рабство, ранее существовавшее в семье в скрытом виде. Структура расширившейся семьи, или племени, выглядит следующим образом: «патриархальные главы племени, подчиненные им члены племени, наконец, рабы». Хотя племенная собственность и является коллективной, однако уже у «дикарей» существует обособленное хозяйство и отдельное жилище. Таким образом, понятия «племенная собственность» и «племенной строй» отражают поздний, завершающий этап первобытной эпохи (там, же с. 25, 47).

Такова была первоначальная концепция первобытной истории, выдвинутая К. Марксом и Ф. Энгельсом в середине 40-х годов прошлого века. Несмотря на то что впоследствии по мере накопления фактов в нее вносились существенные изменения, ядро ее сохранилось и более поздние их взгляды были органическим развитием этой первоначальной теории.

Важнейшую роль в дальнейшем развитии концепции первобытной истории сыграли исследования К. Маркса по политической экономии капитализма в 50—70-е годы и особенно общие методологические положения, которые были разработаны в ходе этих исследований и затем применены при изучении других эпох, в том числе и первобытной. Понятие экономической общественной формации, выдвинутое в этот период (1858—1859 гг.), было положено в основу новой периодизации всемирной истории как критерий, позволявший гораздо точнее и более емко определить общие и специфические признаки каждой из эпох — стадий развития человеческого общества. Разработанная Марксом система категорий политической экономии капитализма давала возможность ретроспективного анализа предшествующих менее развитых экономических систем. «Ана-

томия человека,— писал Маркс,— ключ к анатомии обезьяны. Намеки же на более высокое у низших животных могут быть поняты только в том случае, если само это высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам таким образом ключ к античной и т. д.» (т. 46, ч. I, с. 42).

При этом, однако, не все категории капиталистической экономики были применимы к экономическим системам предшествующих формаций в силу их ограниченности и меньшей степени развития. Подходя с этой точки зрения к экономике первобытного общества в начальный период, Маркс показывает, что тогда еще не было «произведенных средств производства» и, следовательно, к нему неприменимо понятие стоимости. Например, при изготовлении орудий, пишет Маркс, «дикарь впадает в тяжкое экономическое прегрешение вследствие полного равнодушия к тому, сколько времени он на это затрачивает». Лишь тогда, когда первобытные общины переходили к скотоводству и земледелию, когда начиналось «действительное развитие», становились пригодными для исследования первобытного общества категории политической экономии (т. 25, ч. II, с. 417; т. 24, с. 497; т. 46, ч. I, с. 44), разумеется, не в полном объеме. Те, которые относились к частной собственности, не являются адекватным средством для изучения общественной формации, в которой господствовала общая собственность. Подход с экономической точки зрения позволил К. Марксу наметить узловые моменты для внутренней периодизации истории первобытного общества: зарождение производящего хозяйства, возникновение обмена, сначала межобщинного, затем внутриобщинного, наконец обособление хозяйства и появление имущественного расслоения в общине как предпосылок перехода к классовому обществу.

Большое методологическое значение для реконструкции первобытной экономики имел также анализ процесса труда в «Капитале». Характеризуя труд как процесс, совершающийся между человеком и природой, Маркс четко разграничивает собственно человеческий труд и его животнообразные формы, имеющие инстинктивный характер. Принимая введенный Франклином критерий изготовления орудий в качестве специфического отличия человеческого труда, Маркс в свою очередь выдвигает средства труда как более широкий критерий отличия экономических эпох друг от друга. В этой связи он указывает также на большое значение археологических находок различных орудий. «Такую же важность,— пишет Маркс,— какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций... Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» (т. 23, с. 191). Этот вывод Маркса, вытекавший, с одной стороны, из его экономических исследований, а с другой — из изучения тогда еще немногочисленных данных археологии, послужил впоследствии методологическим ключом для разработки теории археологии и науки о первобытном обществе.

В ходе своих исследований по политической экономии Маркс пришел еще к одному выводу, методологически важному для реконструкции первобытной истории. «Чем дальше назад уходим мы в глубь истории,— писал он во Введении в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.»,— тем в большей степени индивид, а следовательно, и производящий индивид выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому» (т. 46, ч. I, с. 18). Из этого высказывания видно, что таким более обширным целым в первобытную эпоху не могла быть моногамная семья; из него также следует, что характер связей между индивидами, соотношение личности и общества в то время могли быть принципиально иными[6].

---

[6] Это предположение подтверждается еще одним высказыванием Маркса, относящимся к 1858 г., о том, что «первоначальная форма семьи есть сама родовая семья, из исторического разложения которой только появляется частная семья» (т. 13, с. 37, примечание).

В 50-е годы Маркс начинает уделять много времени изучению сельской общины. Ознакомившись с различными типами этого института: с гэльским кланом в Шотландии, с русской общиной, с индийской общиной, Маркс пришел к выводу, что, вопреки распространенному мнению, община представляет собой не особенность той или иной страны, а общественную форму, через которую так или иначе прошли все народы мира. Возник этот институт не при феодализме, а гораздо раньше и относится к патриархальным формам общественной жизни (т. 8, с. 523, 524. Ср. т. 13, с. 20, примечание). Индийские общины Маркс характеризовал даже как «первобытные» и «коммунистические» (т. 23, с. 369; т. 25, ч. II. с. 399), подчеркивая при этом, что «условие их существования — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе» (т. 23, с. 89). Основной теоретический вывод, сделанный Марксом на основе изучения общины в 50-е годы, имеет прямое отношение к концепции первобытного общества. «История... показывает нам,— говорится в упомянутом выше Введении,— общую собственность...как наиболее изначальную форму,— форму, которая еще долго играет значительную роль в виде общинной собственности» (т. 46, ч. I, с. 24). При этом собственность опосредуется принадлежностью индивидов к общине, т. е. существует только как коллективная собственность.

Положив в основу критерий собственности, Маркс выделил основные формы земледельческой общины в их исторической последовательности: азиатскую, античную и германскую. В первой из этих форм, как отмечает Маркс, сохраняется «*непосредственная общая собственность* (*восточная форма*), модифицированная у славян; развитая до противоположности, но все же являющаяся еще скрытой, хотя и чреватой противоположностями, основой античной и германской собственности» (т. 46, ч. I, с. 487). Данные известного немецкого историка Г. Маурера, с которыми Маркс ознакомился впоследствии, подтвердили теоретические предположения Маркса о характере древнегерманской общины (т. 32, с. 36). Исторические ступени развития общины соответствовали последовательности общественных формаций. В то же время они позволили обосновать типологию общин.

С конца 60-х годов вопрос об общине приобрел практическое значение. Русские революционные народники полагали, что этот институт открывал возможность для России избегнуть бедствий капиталистического развития. Многолетние исследования привели Маркса и Энгельса к несколько иным выводам, которые они сформулировали в Предисловии к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии». «Может ли русская община,— говорилось в этом документе,— эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна сначала пережить тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственно возможный в настоящее время ответ заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» (т. 19, с. 305).

Теоретическую возможность такого хода событий Маркс и Энгельс ограничивали определенным историческим моментом. Как известно, эта возможность не реализовалась и история пошла другим путем.

Белым пятном в исследованиях К. Маркса о первобытном обществе оставался вопрос о характере первоначальных связей внутри первобытного коллектива, о структуре первобытных общин. Эта проблема еще не была решена в исторической науке. В ее распоряжении еще не было достоверных систематизированных данных, а те отрывочные сведения, которые все же имелись, толковались неверно в силу буржуазных пред-

рассудков, от которых не были свободны ученые. Положение изменилось только с появлением в 1877 г. капитального труда американского ученого Л. Г. Моргана «Древнее общество».

Маркс ознакомился с этой книгой в конце 1879 г., а зимой 1880—1881 гг. составил ее подробный конспект. Исследование Моргана раскрывало внутренний социальный механизм первобытного общества, позволяло проследить процесс возникновения и развития родового строя, причины его разложения и появления классов и государства. Маркс поэтому считал Моргана основоположником науки о первобытном обществе. В своих замечаниях на труды некоторых видных ученых он противопоставлял им открытия, сделанные Морганом. «Леббок, таким образом,— писал Маркс,— ничего не знает о базисе, о роде, который существует *внутри племени*, так же, как и *Мак-Леннан*» (т. 45, с. 432).

Критические замечания Маркса касаются в какой-то мере и самого Моргана. Красноречивым восклицательным знаком выразил он свое отношение к непоследовательности в терминологии Моргана, писавшего об «идее собственности» (т. 45, с. 257). Косвенным результатом критики была и перестановка материала в конспекте: часть II («Развитие идеи управления») помещена в конспекте после части IV («Развитие идеи собственности»), тем самым раскрыта причинная связь между этими явлениями. Маркс отметил также недооценку Морганом изобретений, связанных с добыванием огня, взял под сомнение утверждение о том, что общество уже в древности «*достигло абсолютного контроля*» в добывании пищи и т. д. (т. 45, с. 229).

В записях К. Маркса содержится много замечаний, представляющих значительный интерес с точки зрения методологии, а также методики изучения истории первобытного общества. Он разоблачает попытки английских буржуазных юристов изображать государство как надклассовый институт, указывая, что его самостоятельность является лишь «*кажущейся*», что оно является «*наростом на обществе*», что в силу экономических условий «оно *появляется* только на определенной ступени развития общества» и со временем должно исчезнуть. Широко пользуется Маркс здесь сравнительно-историческим методом и методом пережитков, которые в современной исторической среде выглядели как «аномалии» в различных сторонах общественной жизни (т. 45, с. 422, 416).

Хотя К. Маркс и не завершил своих исследований, он успел, однако, сформулировать ряд выводов, чрезвычайно важных для изучения первобытной истории. В набросках своего ответа на письмо русской революционерки В. И. Засулич К. Маркс, опираясь на значительно более широкий, чем прежде, материал, предложил новую периодизацию всемирной истории. Он выделил первичную, или архаическую, формацию, вторичную формацию, охватывающую ряд обществ, основанных на частной собственности, и, по-видимому, третичную формацию, о характере которой можно судить на основании приводимого Марксом высказывания Моргана: «„Новый строй“... будет возрождением... в более совершенной форме... „общества архаического“ типа» (т. 19, с. 402).

Остановимся подробнее на данной К. Марксом характеристике первичной формации. «Архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи», которые Маркс сравнивает с первичными геологическими пластами земной коры. Эти напластования представляют собой ряд общин, «ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции» (т. 19, с. 413, 417). Общины, основанные на связях по родству, предшествуют территориальным. Водоразделом между первичной и вторичной формациями стала земледельческая община. Освобожденная от тесных рамок кровного родства, «она получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих, и в то же время дом и двор, являющиеся исключительным владением индивидуальной семьи, парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию лично-

сти, несовместимому с организмом более древних общин» (т. 19, с. 418, 419).

В этом дуализме общины была заложена возможность расхождения путей развития различных обществ. Открытие дуализма земледельческой общины Марксом давало ориентир для исследования процесса перехода от первичной формации ко вторичной. Впрочем, само исследование еще предстояло осуществить. «Историю разложения первобытных общин...— отмечал Маркс,— еще предстоит написать. До сих пор мы имели только скудные наброски» (т. 19, с. 402).

Первый шаг в этом направлении был предпринят Ф. Энгельсом вскоре после смерти Маркса. Ленин отозвался о книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» как об одном из основных сочинений социализма[7]. За столетие, которое минуло с тех пор, наука о первобытном обществе прошла огромный путь. В деталях изучена судьба общин во многих странах, созданы фундаментальные труды, но тем не менее поставленную Марксом задачу исследования первичной эпохи развития человеческого общества еще предстоит решить.

N. B. Ter-Akopyan

THE DEVELOPMENT OF MARX'S VIEWS ON PRIMITIVE SOCIETY

Summary

The article traces the development of the Marxist conception of primitive society in close connection with the emergence and development of the general theory of historical process, from the appearance of the materialist conception of history in the 1840s up to the last works by Marx written in the 1880s. The author dwells on the significance of creative cooperation between Marx and Engels for the elaboration of the problems of primitive history and follows Marx's views on the family, clan and community in primitive society, the developmental stages of primitive economy and the process of property formation. The reader will get some ideas on the literature and historical sources used by the great thinker, his research methodology, and his assessment of the role of such sciences as archaeology and ethnography in the study of the earliest stages of human development.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

СТОЛЯР А. Д.

ТЕЗИС К. МАРКСА О МАТЕРИАЛЬНОМ «ПРОИЗВОДСТВЕ ИДЕЙ» В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Обращаясь к великому наследию К. Маркса сейчас, когда вековой опыт показал исключительную историческую силу этого учения, уместно вспомнить определение творческой природы марксизма, данное Ф. Энгельсом. Он писал: «...все миропонимание [Auffassungsweise] Маркса — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод *для* этого исследования [1, с. 352].

Всем фундаментальным и многоплановым развитием науки подтверждается исключительная ценность марксовых идей именно как важнейших инструментов исторического познания, открываемого «седой древностью» человечества. Поэтому особого внимания и объективной оценки требует анализ тех случаев, когда в научной практике наших дней некоторыми философами одно из положений К. Маркса и Ф. Энгельса (конечно, не рассматриваемое и ими самими в качестве догмы) воспринимается как нечто метафорическое или же, более прямо, оспаривается.

Конкретно в виду имеется основополагающий тезис марксовой концепции происхождения человеческого сознания — той проблемы, где вековечно противостояние материализма и идеализма. Такое свидетельство гениальной интуиции заключено в теоретическом прогнозе «Немецкой идеологии» (1845–1846 гг.) о генезисе и начальной природе идеального: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей» [2, с. 24, а также с. 25, 29].

Смысл приведенного положения предельно ясен. Человеческая мысль не рождается первично в сфере отвлеченного размышления, которая исторически еще не сложилась. Она производится в процессе самого труда, в жесточайшей зависимости от его характера и содержания, совершенно слитно с действиями и продуктами материального производства и исторически специфического материального общения. Первые акты труда предшествуют зачатию сознания, которое как производное, существующее еще в первозданной предметно-чувственной форме и не получившее относительно самостоятельного идеального бытия, развивается в строгих границах непосредственного отражения эволюции коллективной материальной практики.

Приведенное положение широко вошло в научную литературу сразу же после издания «Немецкой идеологии», впервые опубликованной в СССР в 1932 г. Но при этом, однако, все ограничивалось только цитированием — эта идея не получила выверки, конкретно-исторического раскрытия и аргументации на базе накопленного наукой богатого фонда различных свидетельств антропосоциогенеза. В подобном упущении, приведшем к сугубо отрицательным последствиям, немалая доля вины падает на советскую археологию, до сих пор не выполнившую задачу специального анализа и обобщения исключительно важных палеолитических материалов под данным углом зрения, с помощью этого методологического инструмента.

В подобной ситуации уже в 50-х годах в сознании некоторых философов зародились сомнения, приведшие к тенденции обесценивания рас-

сматриваемого тезиса. Как будто обнаружилось, что здесь рассуждение оказывается в безысходном «заколдованном круге» причин и следствий. Один из видных исследователей писал по этому поводу: «Чтобы научиться мыслить, необходимо практически действовать, но для того чтобы разумно действовать, нужно уметь мыслить» [3, с. 65].

Подспудно такой скепсис, не встречая научного противодействия, набирает в части работ все большую силу. Девальвация марксова положения выражается, в частности, в том, что некоторые авторы предпочитают точной цитате свой, особо отредактированный ее пересказ (прежде всего исключается основное понятие — «*производство*» сознания). А изредка через завесу такой скрытой критики прорывается прямое оспаривание логики самой идеи. Приведем ниже два образца последнего: «...при упрощенном (! — *А. С.*) толковании мысли, согласно которой труд порождает сознание (а, спрашивается, какое еще «толкование» может получить тезис К. Маркса? — *А. С.*), возникает порочный круг, ибо человеческий труд является целеполагающей разумной деятельностью» [4, с. 6]. «Как известно, человеческий труд неразрывно связан с сознанием, не существует без него, и, следовательно, неверно говорить о том, что труд предшествует сознанию» [5, с. 57, 58]. Далее тот же автор утверждает, что орудия были созданы «наиболее умными и способными», поскольку это не могло осуществляться «обычной психикой» [5, с. 61, 62]. Как в связи с этим не вспомнить фантастическую «элиту» палеолита по Г. Осборну [6] или же «теорию» родоначального гения М. Герсковица и других [7].

Приветствуя откровенность приведенных суждений, позволяющую вести дискуссию и обсуждать вопрос по существу, приходится отметить, что преобладающей (скрытой) формой несогласия отдельных философов с положением К. Маркса и Ф. Энгельса является его замалчивание. В этом плане показательно, например, изложение проблемы происхождения сознания в таком фундаментальном своде, как «Философская энциклопедия» [8, с. 483, 484; 9, с. 46—48]. И уже уровня чуть ли не ритуального «избегания» такой момент достигает в отдельных монографиях [1].

Тем самым игнорируется тот теоретический ключ, в котором К. Маркс и Ф. Энгельс видели механизм основных закономерностей начальной зависимости сознания от материальной деятельности. Общим, хотя и не сразу замечаемым следствием этого является то, что утверждения об основополагающей роли труда в генезисе мышления приобретают исключительно декларативный характер. Во множестве работ встречаются ставшие чем-то общим фразы о том, что коллективный труд как решающий фактор антропосоциогенеза определял и обуславливал становление сознания. Но в них не находятся фактические ответы на неизбежно встающий вопрос — как конкретно-исторически реализовывалась эта важнейшая линия выделения человека из животного мира. Такой вакуум объяснений не позволяет выйти за пределы самых абстрактных суждений и представить грандиозный процесс материалистического синтеза человеческого типа умственной деятельности в чертах документально-определенной, глубоко своеобразной исторической реальности.

К тому же во многом неясное положение рассматриваемой темы в науке существенно усугубляется специфической ситуацией, которая сложилась сейчас в общем освещении всего глубоко комплексного блока проблем антропосоциогенеза. Ее ведущей чертой является интенсивное развитие естественно-философских аспектов исследования (разработка концепций арогенеза А. Н. Северцова [11], эпиморфоза И. И. Шмальгаузена [12], генетики и биосоциальной природы Н. П. Дубинина [13]) при определенном отставании «второго фронта» — общетеоретической социально-исторической дешифровки исключительных по потенциальному значению новых материалов начальной культуры человека. А стихийно происшедшее нарушение баланса двух аспектов в сводной программе исследования

[1] Так, например, в книге Ю. И. Ефимова [10], насыщенной сносками на труды К. Маркса и Ф. Энгельса (всего их 68), отсутствует именно ссылка на тезис «Немецкой идеологии» о материальном производстве первых идей.

ведет к известной деформации в оценке факторов разной природы в пользу биологических предпосылок. Они, несомненно, составляли глубокую базу, могучую подпочву, само чрево рождения человека, но сами по себе, непосредственно, противоположное им социальное качество (в первую очередь целенаправленный орудийный труд и его осознание) не образовывали. Объективное положение всей комплексной проблематики сейчас заключает в себе известную тенденцию нового этапа биологизации панорамы антропогенеза (назовем, к примеру, работы Ю. И. Ефимова [10] и Л. А. Файнберга [14]), что может особенно затруднить выявление исторических факторов биосоциального процесса, чрезвычайно скрытых и маскированных в дошедших до нас источниках.

Последствия исключения прогноза К. Маркса и Ф. Энгельса из методологического актива науки носят отнюдь не частный характер, они много более существенны, чем это сначала может показаться. Альтернативой здесь оказываются представления о биологической данности сознания, обладающего принципиальным приоритетом перед трудом, об истоке психики в развитии «мозга самого в себе» (Тейяр де Шарден [15]) и ее значительной исходной независимости от производственно-социальной обусловленности. Так создаются посылки для «опровержения» логики трудовой теории Ф. Энгельса и строгих историко-материалистических закономерностей — удревления, вопреки данным антропологии, явления развитой членораздельной речи, воскрешения мифологической фигуры первородного «дикаря-философа», наделенного метафизической вечностью духа, возрождения элитарных гипотез, да и нескончаемого потока исторически ложных «сенсаций».

В конечном счете отрицание важнейшего, генетически опорного звена марксовой трактовки отношения бытия и сознания ставит под угрозу целостность всей историко-материалистической концепции. Поэтому, на наш взгляд, острую актуальность приобрела задача откровенного, широкого, на междисциплинарном уровне, и строго научного обсуждения спорного вопроса по его коренному существу с целью определения истины. А эпиграфом такого обсуждения может служить непреложная научная заповедь К. Маркса: «Там, где прекращается спекулятивное мышление..., там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Прекращаются фразы о сознании, их место должно занять действительное знание» [2, с. 26].

Умозрительность в оспаривании тезиса К. Маркса и Ф. Энгельса проявляется уже в том, что при этом полностью игнорируются установленные психологией закономерности генезиса психики в онтогенезе — авторитетная в мировой науке теория интериоризации, в развитие которой особый вклад внесен «школой» Л. С. Выготского — А. Н. Леонтьева [16]. Согласно этой, опирающейся на необозримый фактический материал, теории исходным в интеллектуальном становлении каждого человека является «предметное» или «ручное» мышление. На его основе внешние материальные действия переводятся во внутренний план, развивая механизмы мозга и рождая первые мысли. В исключительно «чистой» и убедительной форме такое восхождение от действия к мысли неоднократно демонстрировали экспериментальные наблюдения над формированием интеллекта у слепоглухонемых.

Теория интериоризации представляет собой конкретную разработку идеи К. Маркса («...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [17, с. 21]), углубленной ленинской теорией отражения. Более чем вероятен аналогичный процесс в палеолитическом филогенезе, но прямыми доказательствами тому могут быть только археологические первосвидетельства.

Обратимся же к краткому и схематичному изложению рабочего опыта, выполненного в такой плоскости.

Сама по себе исключительная (в мерах истории) длительность нижнепалеолитического антропосоциогенеза (более 2,5 млн. лет), во многом обусловленная крайне медленно нараставшей «силой» интеллекта, служит

показателем исторической природы сознания, его первичной абсолютной зависимости от динамики материальной практики, исключавшей «свободное саморазвитие» мысли. Ступени формирования сознания документируются не только антропологическими характеристиками австралопитеков, архантропов и палеоантропов (особенно следует отметить обогащение наших знаний тонким сравнительным изучением эндокранов); они даже, пожалуй, более чутко (можно сказать, исторично) запечатлены в последовательных пластах индустрии — самом активном и определяющем элементе бытия, с которого начался человек.

Поставив задачей распознание того «духовного» процесса, который скрывается за эволюцией нижнепалеолитических артефактов, остановимся сначала на первом орудии объемно завершенной, целостной и определенной формы — раннеашельском рубиле (около 500 000 лет назад). Прозорливые исследователи (Г. Чайлд [18, с. 30], С. Н. Замятнин [19, с. 43] и др.) с полными основаниями усматривали в его варьирующей повторяемости материализацию обобщенного образа, прочно зафиксированного в сознании поколений и представляющего древнейший памятник выкристаллизовавшейся человеческой мысли. Как же сложилась такая «орудийная идея», обозначившая конечную цель уже достаточно сложного процесса собственно человеческого труда? Ее историю протяженностью в 2 млн. лет сейчас убедительно, во многих деталях позволяет проследить эволюция начальной индустрии известных местонахождений Восточной Африки [20, с. 66, сл.].

При возрасте австралопитеков до 5,5 млн. лет в их прошлом все определеннее намечается великий исторический рубеж на отметке около 2,6 млн. лет назад. Тогда их наиболее прогрессивные и этологически пластичные формы, еще не изменяясь морфологически, а реализуя скрытые рессурсы эволюции по типу ароморфоза в особых экологических условиях, перешли от, вероятно, уже достаточно систематического использования естественных неорганических предметов к первым, невообразимо примитивным актам изготовления орудий. На этой качественной грани завершения «эмбрионального» развития деятельности гоминид следует фиксировать именно по этому признаку появление первочеловека, отбросив и недавно еще встречавшиеся сомнения в искусственном характере орудий «человека умелого» (Homo habilis) Л. Лики [21, с. 24, сл.]. Ясно, что в общей перспективе развития «человек умелый», равно как и архантропы, а затем палеоантропы были формирующимися людьми только в том смысле, что они оказались подготовительными ступенями для появления «готового» (в критериях современной истории) неоантропа.

Первые орудия (Кооби-Фора — около 2,6 млн. лет, а затем местонахождения в долине Омо) — исключительно аморфные, произвольные по форме сколы, полученные бессистемным дроблением камня и не несущие никаких следов вторичной обработки. Одиночные проточоппинги (рис. 1, *1—2*), вероятно, сначала получались непреднамеренно при ударном использовании камня, когда обкалывался его рабочий конец, приобретавший таким образом «полезную» остроту. Вместе с тем однообразный состав употребляемых пород (почти исключительно куски лавы) свидетельствует о том, что именно отбор особого сырья, никак не используемого животными, стал сферой первых эмпирически-чувственных обобщений.

За этим этапом, когда произведенные артефакты мало чем превосходили те предметы, которые можно было заимствовать у природы, только, по-видимому, затратив порядочные усилия на их поиски, следует звено архаичных чоппингов (рис. 1, *3*, *4*) и чопперов (нижние слои пачки I Олдувая). Здесь все развитие было сконцентрировано на образовании несколькими сколами заостренного конца (рис. 1, *5*), что, очень вероятно, отразилось в соответствующих продуктах сознания (проступающий образ нужного «рабочего края»), обозначивших начальное, узко определенное функцией целеполагание.

Постепенное расширение и совершенствование двухсторонней оббивки удлиняло режущий край (рис. 1, *6*), который, несколько спрямляясь, как бы образовывал ось симметрии, а частичное распространение обработки

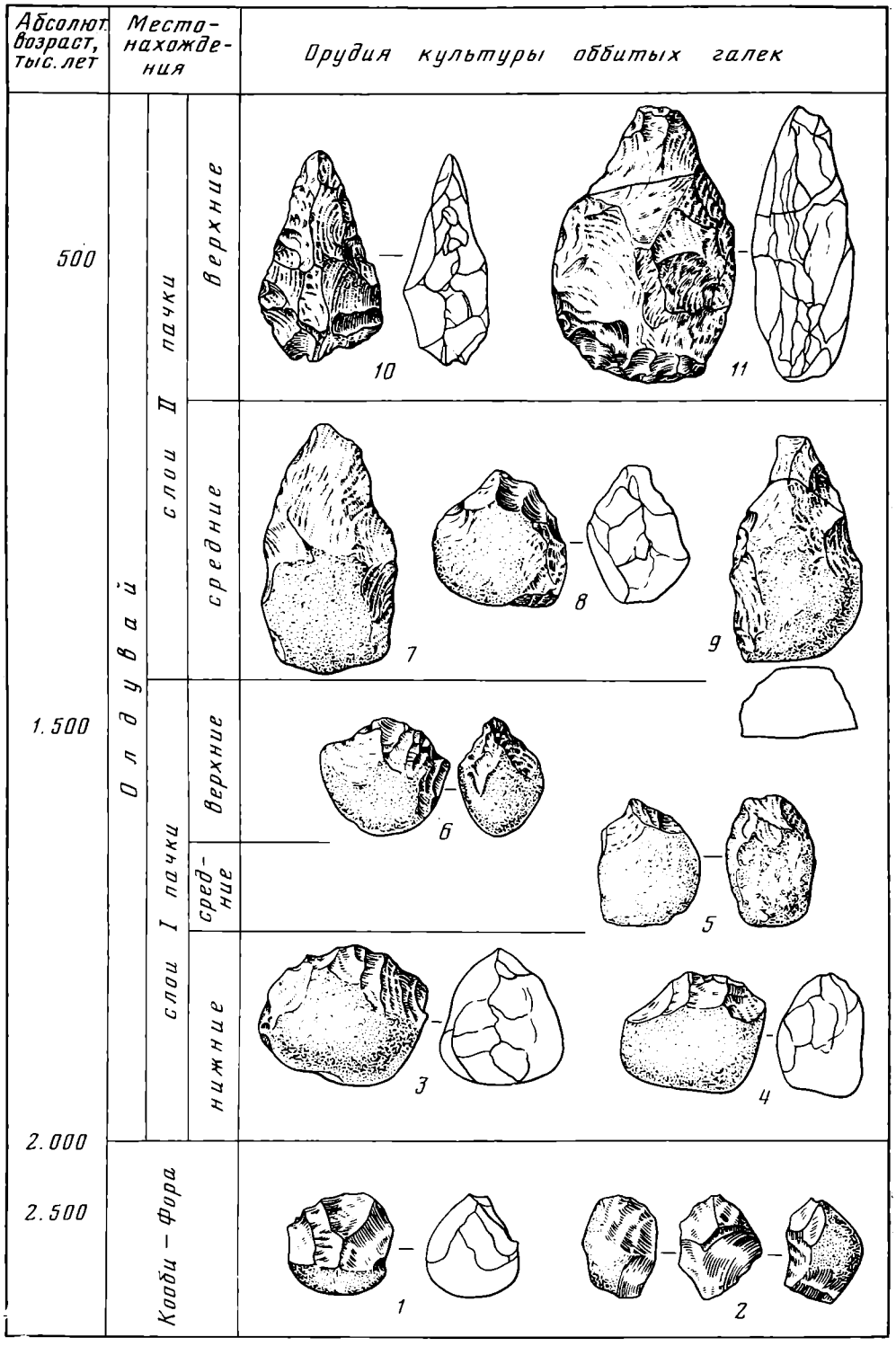


Рис. 1. Формообразование ручного рубила в индустрии оббитых галек Восточной Африки: *1—2* — Кооби-Фора (пункт KBS); *3—11* — Олдувай (*3—4* — пункт DK; *5* — FLK-NN; *6* — FLK-North; *7, 9* — EF-HR; *8* — HWK-East, слой 3; *10—11* — BK)

в сторону основания орудия (т. е. к той «пятке», которая захватывалась рукой) привело к конструкции прарубила (средние слои пачки II Олдувая — рис. 1, *7—9*) и в конечном счете к полной выделке архаичных раннеашельских рубил (верхние слои пачки II Олдувая — рис. 1, *10*, *11*). Их примитивная завершенность, строгая симметричность и целостность всей формы (тщательная обработка «нерабочей» части и т. п.) уже выходит за пределы только одних утилитарно-практических требований. В рубилах — и чем далее, тем более явственно — отражается проявление за-

чаточных норм человеческой фантазии в совершенствовании интериоризированного в сознание материального образа — вплоть до включения в него каких-то предэстетических оценок.

Итак, созревшая идея рубила, заключавшая в себе прочно осознанную цель труда, состоявшего примерно из 30 последовательных актов (т. е. сколов), была материально произведена многотысячелетним развитием индустрии, постепенно обогащаемым обратным воздействием пробуждавшегося сознания. Этот образ еще не был чисто мыслительным и существовал лишь в единстве с его постоянным воспроизведением в совершенствующихся сериях орудий. Таким материальным способом он увековечивался в сознании. И также «овеществленно» этот опыт передавался на основе «социального наследования» [13] по цепочке поколений вместе со всей системой технологических навыков.

Открытая ручным рубилом древнейшая линия производства «орудийных идей» затем проходит через весь палеолит, интенсивно обогащаясь все более сложными «образами», засвидетельствованными эпохиальной дифференциацией типов орудий. В становлении таких глубоко специфичных образно-предметных абстракций видятся первые зерна человеческого интеллекта, производимого слитно с особо напряженными и важными актами материальной активности.

Но еще более выразительна следующая, отличающаяся уже много большей отвлеченностью обобщения ступень материального производства идей. Ею был обеспечен генезис ашело-мустьерских символов, как бы фиксированных на грани орудия и его идеально-копиистского знака.

В добывающем труде всего нижнего палеолита продолжалось использование и естественных камней, прежде всего округлых булыжников как метательного орудия охоты. Крайне показательно, что социальное осмысление этого, данного уже природой средства овладения пищей, также реализовывалось не посредством созерцания и размышления, а только в особом процессе материализованного воплощения складывавшейся идеи.

Подобный ход развития мысли раскрывается историей нижнепалеолитических «шаров», которые более столетия (с 1872 г.) волновали науку своей загадочностью [22, с. 71, сл.]. При несостоятельности всех предлагавшихся рационалистических (грузики бола и др.) или же мистических (выражение «вечной» идеи Солнца или атрибут изначальной космической символики) объяснений ныне открытие ряда исключительно выразительных комплексов (в Европе лепные «шары» в позднем ашеле Ахенхейма и в мустье Базуа; в Африке мустьерская «пирамида» в Эль-Гуеттар и др.) дешифровало их как условный объемный знак метательного камня, вероятно, семантически уже наделяемого зачаточными фетишистскими эмоциями. Это не орудие, а только его идеальная характеристика, таящая в себе произведенное при такой многократной имитации обобщение.

Такая, можно сказать, вторая ступень генезиса орудийных образов (идея артефакта кристаллизовалась и внедрялась в сознание посредством создания его условно-эталонной модели) отмечает вместе с другими свидетельствами (прежде всего зарождением изобразительного анимализма, о чем речь пойдет ниже), важный рубеж в духовном антропогенезе, а именно раздвоение человеческой дятельности. От основного ствола производящего труда в позднем ашеле и мустье отделились первые ростки особой неутилитарной (иначе, зачаточно-теоретической или знаковой) активности. Она служила только потребностям растущего сознания в качестве его эффективного и исторически необходимого катализатора.

В том же новом, только возникающем русле «бесполезной» материальной деятельности еще более абстрактную (по счету третью) ступень интериоризации жизненно важных моментов критического вида труда передают плоскостные знаки неандертальца. Несмотря на одиночность их известных образцов, они, как подсказывает сравнительный анализ, очевидно, составляли семантически связанную систему — первую из различимых во всей истории человечества [23, с. 23, 24]. Это уже дематериализованные, изоморфные, сюжетно-предметные «формулы», вероятнее

всего, символизировали важнейшие (результативные) приметы охотничьего предприятия (обозначение разных типов ран, крови и т. п.). Знаки условно и типизированно передавали решающие следы действия охотничьих средств труда как нечто отдельное, мысленно снятое с туши зверя. В этом плане они открывали материальный способ абстрактно-обобщенного осмысления важнейших актов коллективного охотничьего труда, самого «добывающего» действия, основанного на применении орудий нападения. В дальнейшем подобные знаки, по-видимому, приобретали все более отвлеченную и широкую функцию обозначения производственно-социальной активности «вообще».

Итак, в первичном материальном генезисе идей археологические источники уже на начальной ступени их анализа в заданной плоскости позволяют наметить такую последовательность: 1 — производство обобщенного образа артефакта слитно с ходом формообразования в индустрии (ранний олдувай — ашель); 2 — производство обобщенного представления о естественном орудии путем его воспроизведения в идеальной модели (ашель — мустье); 3 — становление абстрактно-изобразительных символов эффективности охотничьих средств труда (мустье).

Последняя группа знаков, как бы олицетворявшая контакт средств труда с предметом труда, служит переходной к теме зверя — той охотничьей фауне, которая в палеолите составляла основной источник средств существования. Осмысление ведущего предмета труда было второй (после орудий) важнейшей сферой начального познания мира. Ее корни различаются еще в позднем ашеле, а в целом она, уступая в темпах абстрагирования знакам, в то же время представляет особенно масштабный и принципиально показательный многоэтапный процесс материального производства и развития анималистических обобщений.

В целом в литературе широко распространена тенденция прямого выведения прогресса сознания из эволюции коллективной охоты. Но такая установка сугубо умозрительна; она не учитывает обязательное методологическое требование историко-материалистической концепции — прошлое должно рассматриваться не абстрактно-созерцательно, а обязательно конкретно «...как *человеческая чувственная деятельность, практика*...» [24, с. 1].

В таком аспекте основной практический труд палеолита, создававший все предпосылки для генезиса анималистических обобщений, сам по себе непосредственно не мог обеспечить завершение операций абстрагирования и привести их к конечному логическому результату (предельно утилитарная направленность охоты и ее ограниченность присвоением естественных «даров природы» в их неизмененном виде) [25, с. 81—83]. Подобную миссию выполнила особая, теоретическая по тенденциям символико-изобразительная деятельность — ашело-мустьерская ступень «натурального творчества» и переходная к ориньяку фаза «натурального макета» [23, с. 25—38; 26; 27, с. 39—54; 28; 29]. Этот генезис идей завершился формированием понятийных по уровню раннеориньякских анималистических идеограмм [30, с. 9—11], удостоверяющих «готовое» разумное сознание неоантропа.

Так в конечном счете были произведены основные строительные элементы логического мышления, затем дополненные осмыслением темы общественного человека. На этом фундаменте неоантроп с мозгом, развитым взаимодействием биологических и социальных факторов, смог уже в начале верхнего палеолита создать первую образно-концептуальную картину мира, удвоить бытие в своем сознании.

Археологические материалы позволяют представить в числе других глубоко специфичных особенностей становления человеческого типа умственной деятельности первичное абстрагирование по теме зверя (мустьерское «натуральное творчество») во всей исторической неповторимости «отягощения духа материей». Такое абстрагирование, положившее начало разработке соответствующих механизмов и центров коры мозга, включившее в действие его потенциальный ресурс, выполнялось еще не мысленно, а в «самой натуре», вещественно, посредством особых симво-

лических действий (выделение доминирующего вида зверя, например пещерного медведя, из всей живой природы осуществлялось материально — несущие роль натуральных знаков животного голова и конечности множества особей преднамеренно столетиями собирались в избранных «хранилищах», образовавших целые «оссуарии»). Эти комплексы представляют прямую иллюстрацию к известному положению «Философских тетрадей» В. И. Ленина: **«...практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур**[2], дабы **эти фигуры могли получить значение аксиом»** [31, с. 172, а также с. 198].

Так, первичное производство идей по трем отправным темам первобытного сознания (средства труда, их производственные действия или, иначе, сам труд, основной предмет труда) предстает в свете материальных свидетельств нижнего палеолита как бесспорная археологическая реальность. Таким же свойством древней достоверности археологические источники наделяют второй определяющий фактор генезиса сознания в тезисе К. Маркса и Ф. Энгельса — древнейшее материально-производственное общение, которое одновременно составляло важнейшее русло всей системы социального наследования. В мустье (опорный памятник — пещера Базуа в Италии [28, с. 89—94]) такая «отдаленнейшая форма» общения [2, с. 24, 25], служившая, в частности, «лабораторией» глоттогенеза, обогащается уже очень развитыми специализированными функциями (инициационная охотничья пантомима), особенно стимулировавшими осознание социально-производственных связей (координация и отработка «типовых» коллективных действий, кристаллизация общественной структуры, закрепление норм поведения, табу и т. п.) и повышавшими эффективность всей общественно-духовной преемственности.

В итоге археологические материалы позволяют различить в человеческом начале постепенно усложнявшийся, охватывающий череду эпох процесс преобразования развивавшейся внешней чувственно-предметной, коллективно-производственной деятельности в ее внутреннее отражение, в активность зарождающегося и зреющего сознания. Все это характеризует обсуждаемый тезис как предельно точную формулировку основного исторического закона формирования сознания. Оно рождено трудом и вторично по отношению к нему, первоначально предельно материализованно, слито с определенной активностью и ее продуктами. С момента появления человека (т. е. Homo habilis) вся его сущность, сама коренная природа заключены именно в его социальном деянии, заложившем фундамент общественного бытия.

Однако, заканчивая статью, нельзя обойти вниманием то, казалось бы, очевидное возражение против марксовой логики, которое приводилось нами в начале. Но оно сразу же теряет всякую силу, если подойти к проблеме не с позиции здравого смысла, а элементарно исторически — т. е. попытаться реконструировать, опираясь на общую перспективу развития, механизм «возгорания» первой мысли. Достаточные предпосылки для начальных актов аморфного дробления камня на заре антропогенеза были даны развивавшимся по типу ароморфоза антропоидам генерализацией опыта манипулирования предметами, покоящейся на колоссальной базе всего предшествующего биологического развития. Стартовым моментом оказывается перезревший ориентировочно-исследовательский рефлекс, а не сознательное целеполагание, не собственно мысль; она сама генерируется в недрах начавшегося труда в прямой зависимости от создаваемых им артефактов и практики их применения. Разность между исходным побуждением и полученным в развивающемся процессе труда более высоким результатом образует систему *«возгонки сознания»*, в общем-то наблюдаемую в каждом цикле прогрессирующей деятельности.

В этой связи следует обратить внимание на разработанную в советской психологии концепцию С. Л. Рубинштейна [32] о генеральной ли-

---

[2] Под логическими фигурами, как подчеркивает В. И. Ленин, материализмом подразумеваются «самые обычные отношения вещей» [31, с. 159].

нии прогресса сознания в результате совершенствования и развития исходной «*психической составляющей*» (иными словами, отправного замысла) в процессе самого материально-практического действия. Мы полагаем, что в исторической перспективе эта теория и теория интериоризации, также решительно опирающаяся на идею материальной обусловленности психических явлений (можно сказать, что это — общий знаменатель, системно их объединяющий), не противоречат друг другу, как это порой представляется в литературе. Напротив, они охватывают неразрывное взаимодействие двух определяющих сторон сложного, но единого в основе процесса духовного становления — как первичную интериоризацию, приводящую, в частности, к генезису начальной «психической составляющей» человеческого уровня, так и в дальнейшем, наряду с продолжающимся переводом материальных результатов в их идеальное отражение, развитие в процессе труда самой отправной для него мысли.

Представленные выше археологические «пробы» части нижнепалеолитических материалов приподнимают завесу веков над отдельными кадрами происхождения сознания как исторически закономерного явления. Они свидетельствуют о том, что рассматриваемый тезис К. Маркса и Ф. Энгельса является главным теоретическим ключом для выявления того важнейшего, собственно социального фактора антропогенеза, который пока в бóльшей степени декларируется, чем источниковедчески осязательно и документально характеризуется. В этой мировоззренчески актуальной области перед археологией открывается обширное, но едва задетое специальными исследованиями поле.

100 лет назад Ф. Энгельс писал: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление» [33, с. 545]. При всех достижениях современной науки эта тема, по крайней мере в ее историко-генетической части, по-прежнему остается фактически мало разработанной. Тем самым определяется задача одного из фундаментальных направлений археологических исследований — изучения «духовного производства» первобытности, существенного в общей программе историко-материалистического раскрытия феномена человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Энгельс Ф.* Письмо Вернеру Зомбарту.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Соч., т. 3.
3. *Спиркин А. Г.* Формирование абстрактного мышления.— ВФ, 1954, № 5.
4. *Момджян Х. Н., Токарев С. А., Анциферова Л. И.* Предисловие к кн.: Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.
5. *Гурьев Д. В.* Предшествовал ли труд сознанию? — ВФ, 1967, № 2.
6. *Осборн Г.* Человек древнего каменного века. Среда, жизнь, искусство. Л.: Путь к знанию, 1924.
7. *Бляхер Е. Д.* Современная буржуазная эстетика о происхождении искусства.— ВФ, 1968, № 2.
8. Философская энциклопедия. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1960.
9. Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1970.
10. *Ефимов Ю. И.* Философские проблемы теории антропосоциогенеза. Л.: Наука, 1981.
11. *Северцов А. Н.* Морфологические закономерности эволюции. М., 1939.
12. *Шмальгаузен И. И.* Пути и закономерности эволюционного процесса. М.—Л., 1939.
13. *Дубинин Н. П., Шевченко Ю. Г.* Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М.: Наука, 1976.
14. *Файнберг Л. А.* У истоков социогенеза. М.: Наука, 1980.
15. *Тейяр де Шарден.* Феномен человека. М.: Прогресс, 1965.
16. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1981.
17. *Маркс К.* Капитал.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23.
18. *Чайлд Г.* Археологические документы по предыстории науки.— Вестн. истории мировой культуры, 1957, № 1—2.
19. *Замятнин С. Н.* Очерки по палеолиту. М.—Л.: Наука, 1961.
20. *Григорьев Г. П.* Палеолит Африки.— В кн.: Палеолит мира. Л.: Наука, 1977.
21. *Борисковский П. И.* Возникновение человеческого общества.— В кн.: Палеолит мира. Л.: Наука, 1977.
22. *Столяр А. Д.* О материальном «производстве идей» в антропогенезе как археологической реальности (освоение фигуры шара).— ВЛУ, 1971, № 20, вып. 4.

23. *Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства Евразии в историко-археологическом освещении: Автореф. докт. дис. Л.: ЛГУ, 1972.
24. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3.
25. *Столяр А. Д.* Археологические свидетельства становления логического мышления в свете идей «Философских тетрадей» В. И. Ленина.— ВЛУ, 1970, № 2, вып. 1.
26. *Столяр А. Д.* «Натуральное творчество» неандертальцев как основа генезиса искусства.— В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1971.
27. *Столяр А. Д.* О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания.— В кн.: Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972.
28. *Столяр А. Д.* Эволюция формы «натурального макета» в генезисе верхнепалеолитического анимализма.— В кн.: У истоков творчества. Новосибирск: Наука, 1978.
29. *Столяр А. Д.* Об археологическом аспекте проблемы генезиса анималистического искусства в палеолите Евразии.— СЭ, 1978, № 3.
30. *Столяр А. Д.* Проблема происхождения изобразительного искусства как предметно-генетическая задача.— В кн.: Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, 1981.
31. *Ленин В. И.* Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29.
32. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса.— Сов. психология, 1934, № 1.
33. *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.

A. D. Stolyar

MARX'S THESIS ON THE MATERIAL «PRODUCTION OF IDEAS» AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES

Summary

In *The German Ideology* Marx and Engels substantiated a premise on the historically specific process of the genesis of human consciousness. They wrote: «The production of ideas, of conceptions, of consciousness, is at first directly interwoven with the material activity and material intercourse of man...» (K. Marx and F. Engels, *Selected Works* in three volumes, Moscow, 1969, Volume One, pp. 24—25). Today, some philosophers throw doubt upon this thesis on the ground that, they argue, since human labour is unthinkable without conscious definition of its purpose it is preceded by consciousness as its basis, and not vice versa. The author traces the primary material «production of ideas» as an archaeological reality on the materials from the Lower Palaeolithic using the psychological data on human ontogenesis (the interiorisation theory). The process is evident, above all, from the most ancient and integral image, materialised in the Early Acheulian handaxes. A similar idea, clearly defining the aim of the rather complicated technology, resulted from the multistage empirical formation in the industry during 2,000,000 years (Fig. 1). Later, less concretised, stages in the Lower Palaeolithic «production of ideas» are illustrated by the Acheulian-Mousterian «balls», the palaeanthropos «sign system», and, finally, the Acheulian-Mousterian genesis of figurative anamalism. All these facts testify that the thesis forwarded by Marx and Engels precisely defined the basic historical law of the emergence of the human type of mental activity, which formed the foundation of human consciousness.

ТАТАРИНОВ С. И.

МЕТАЛЛУРГИЯ БРОНЗЫ У ПЛЕМЕН СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ

Уровень развития металлургического производства принято считать одним из главных показателей характера ремесла у племен первобытности [1]. В последние годы в Донбассе открыт древний горно-металлургический центр общей площадью до 1200 км^2, включающий следы добычи медных и сурьмяно-мышьяковистых руд [2, с. 192—207], стоянки и поселения горняков-металлургов [2, с. 192—195] с найденными на них горными орудиями, остатками плавилен и горнов [3, с. 258, 259; 2, с. 194, рис. 4, 5], следов литья в виде медных слитков, шлаков, обломков тиглей-горшков, литейных форм [3, рис. 2]. Эти новые данные дают прежде всего представление о роли металлургии в истории племен эпохи бронзы Восточной Украины [4, с. 8].

Раскопки 1979 г. на стоянке Пилипчатино-2 Артемовского р-на Донецкой обл. расширили круг источников для понимания уровня металлургии у племен срубной культуры. Стоянка Пилипчатино-2, как нами ранее указывалось [5], расположена вблизи стоянки 1, имеет вид пологой террасы размером 350×250 м (рис. 1), примыкающей к руднику № 3. Рудник с запада врезается в склон «Кислого бугра»; длина его 50, ширина около 20 м, глубина от 3 до 5—7 м. Южный отвал рудника — рудный (россыпи азурита и малахита, оруденелый песчаник, наваленные на поверхность гряды), современная толща гряды до 25 м, мощность отвала от 2 до 5 м. Северный отвал нерудный, состоит из бурых и красных рудовмещающих пород.

Центр стоянки, т. е. участки с наибольшей мощностью культурного

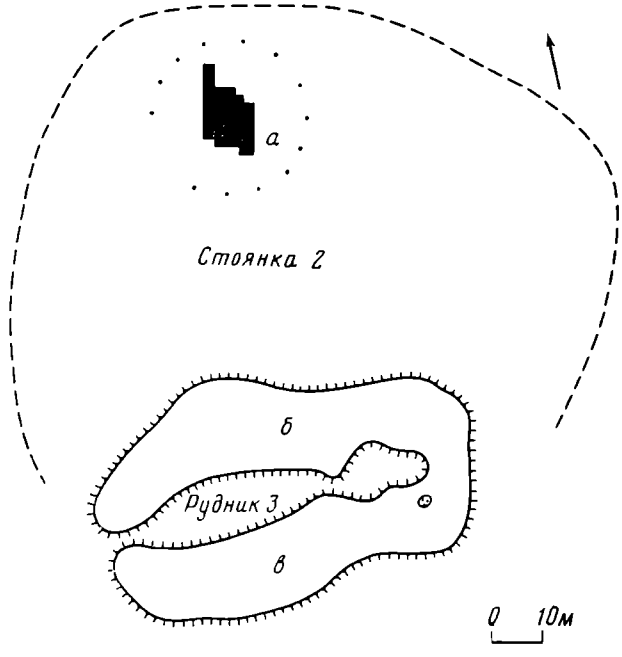


Рис. 1. Схема рудника № 3 и стоянки горняков-металлургов Пилипчатино-2: *а* — раскоп 1979 г.; *б* — нерудный отвал; *в* — рудный отвал

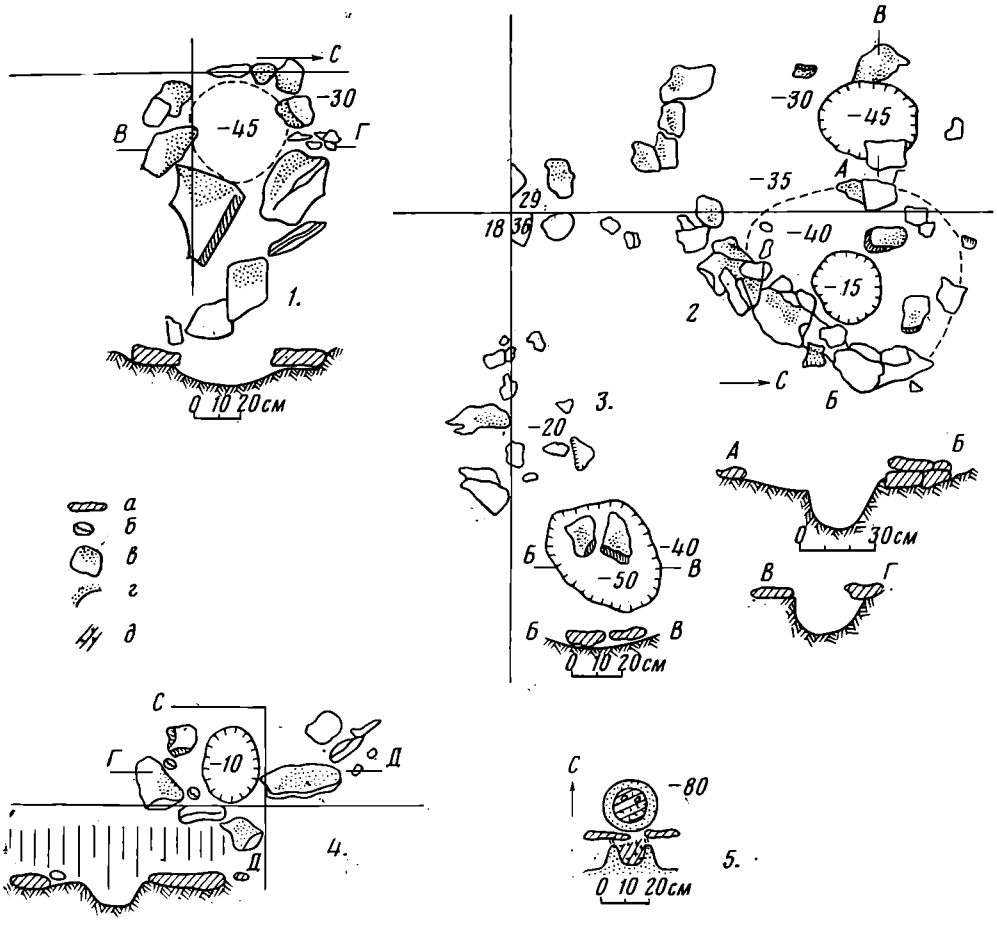


Рис. 2. Схемы остатков каменных конструкций плавилен (*1—4*) и горна ямочного типа (*5*). Пилипчатино-2. Условные обозначения: *а* — камни; *б* — ошлакованный камень; *в* — камни с нагаром; *г* — ошлакованная глина; *д* — штейн

слоя до 15—20 см, расположен на террасе в 100—120 м севернее нерудного отвала рудника № 3.

Металлургическая мастерская открыта раскопом 1 в центральной части стоянки, в центре террасы[1]. Этот участок имеет следующую стратиграфию: от дневной поверхности до глубины 0,15—0,2 м — серогумусовый пахотный слой, плавно переходящий на глубине 0,2—0,25 м в горизонт серо-красного предматерикового суглинка. Культурные остатки найдены на глубинах от 0,05 до 0,45 м, т. е. и в пахотном слое, и в предматерике. Верхняя часть слоя была сильно распахана. Культурный слой состоял (рис. 2) из сильно пропитанных медной окисью костей животных, фрагментов керамики, медных шлаков, обломков камней со следами температурных воздействий, дисперсной золы и мелких кусочков древесного угля. По периферии раскопа 1 слой резко утончался и исчезал, как показала контрольная шурфовка на расстоянии 4—8 м от центра стоянки. Раскопом 1 полностью, как нам представляется, вскрыта территория ремесленного комплекса срубной культуры.

Плавильня 1 располагалась (рис. 2, *1*) в северо-западной части раскопа (рис. 3, *1*) и имела вид выкладки из плит песчаника размером 1,1××0,7 м полуовальной формы, высотой 0,15—0,25 м, в один-два ряда камней; ширина стенок 0,2—0,3 м. На внутренней поверхности камня видны черно-бурые пятна — следы воздействия высокой температуры. Стенки плавильни стоят на материковой глине, в центре на дне имелось углубление диаметром 0,4, глубиной 0,1 м Рядом с плавильней найден слиток меди весом около 80 г.

[1] Раскоп 1 имеет площадь 140 м². Всего на стоянке раскопками 1977—1979 гг. вскрыто до 260 м² наиболее насыщенных находками участков, при этом следов долговременных жилищ не обнаружено.

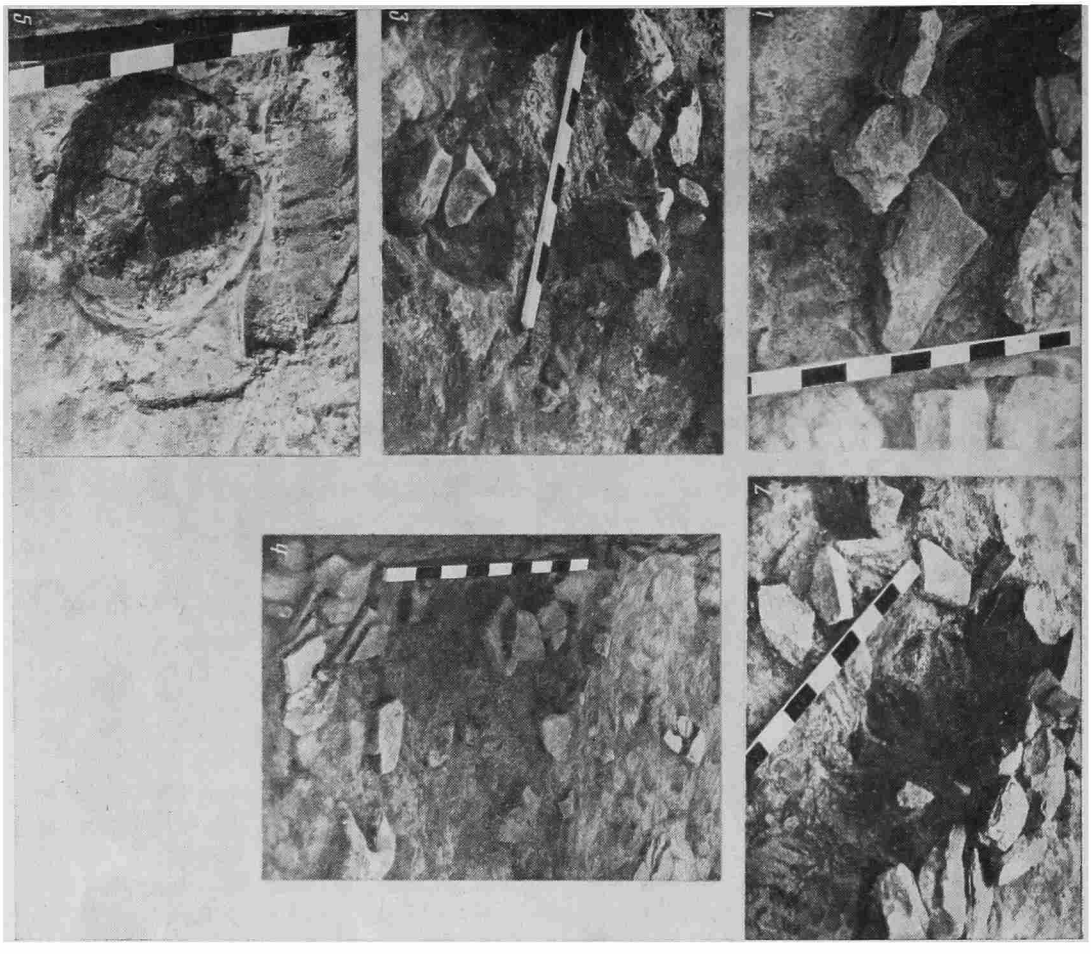


Рис. 3. Внешний вид остатков каменных конструкций плавилен (*1—4*) и ямного горна (*5*). Пилипчатино-2

Правильня 2, открытая в юго-восточной части раскопа (рис. 2, *2*; 3, *4*), имела вид сильно нарушенной кольцевой выкладки из плитчатого песчаника размером 1,0×0,9 м, овальной формы. Кладка восточной и южной стенок в два ряда камней сохранилась относительно хорошо на высоту до 0,2 м. На внутренних поверхностях камней заметны участки оплавленности, медная накипь, в щелях — кусочки медных шлаков и глиняная обмазка с медной оплакованностью. Внутренняя поверхность плавильни имеет диаметр 0,61 м; в дне, в материковой глине, была вырезана ямка диаметром 0,3 и глубиной 0,15 м, с прокаленной поверхностью. К западу от плавильни лежало несколько камней. В юго-западной части стенка (рис. 2, *2*) не сохранилась или была специально разомкнута, что, возможно, является результатом конструкционной особенности сооружения.

Плавильня 3 расположена к юго-востоку от плавильни 2 на расстоянии 1,1 м. Она имела вид округлого скопления кусков песчаника размером 0,55×0,65 м. Среди камней найдены медные шлаки, руда и печина с каплями меди (обмазка стен), некоторые камни имеют участки оплавленности (рис. 2, *3*). Плавильня 3 сильно повреждена (рис. 3, *3*), и детально описать ее не представляется возможным. Рядом найден лощильник из ребра, костяной наконечник стрелы и обломки андроновского горшка.

Плавильня 4 обнаружена между плавильнями 2 и 3 к юго-западу от них. Она представляет собой скопление камней диаметром в 1,2 м на глубине 0,3 м, в виде разорванного овала (рис. 2, *4*; 3, *3*). Послежены остатки стенки в два-три слоя плитчатого песчаника. Среди камней встречены медные шлаки, печина, на некоторых камнях следы черного

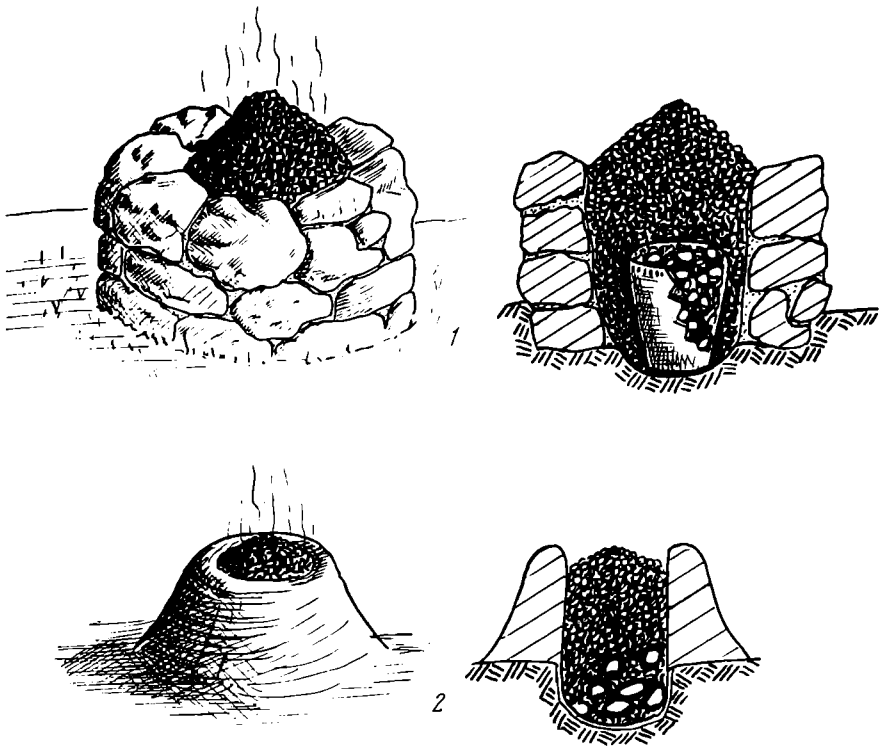


Рис. 4. Реконструкция первоначального вида плавилен из камня (*1*) и горна ямного типа (*2*). Пилипчатино-2 (реконструкция автора и А. Г. Копыла)

нагара. В центре сооружения, в материковой глине, было углубление овальной формы, размером 0,39×0,29 м, глубиной 0,19 м.

Плавильня 5 располагалась (рис. 3, *4*) в северной части раскопа. Разбросанные камни песчаника со следами огня лежали кольцеобразно (диаметр до 1,2 м), но сами стенки не сохранились. Следы высокотемпературных воздействий на камнях позволяют считать их остатками плавильни. Остатки ее перекрывали более раннюю (плавильню 6) — под камнями имелась прослойка культурного слоя и глины мощностью до 15—20 см.

Плавильня 6 открыта на глубине 0,8 м под восточной частью плавильни 5 (рис. 2, *5*; рис. 3, *5*). Она представляет собой круглое в плане сооружение в материковой глине, диаметром 0,15 и глубиной 0,15 м. Внутреннее пространство было заполнено спекшимся конгломератом из кусочков угля и мелкотолченой руды (азурита и малахита), общая масса которого равна 1,2 кг. Внутренние стенки плавильни-горна имели сильную ошлакованность медью, представлявшую собой корку толщиной до 1—2 см, с отдельными каплями меди. Дно плоское, ошлакованное и сильно растрескавшееся. Назначение плавильни не совсем ясно, так как не найдены канавки для слива шлаков, не ясно, как осуществлялось дутье. По каким-то причинам плавка руды была нарушена, в результате чего получилась спекшаяся масса типа «козла».

Под западным краем плавильни 5 на глубине 0,8 м на одном уровне с плавильней 6 открыт развал горшка раннесрубного облика с орнаментацией прочерченными треугольниками. Вполне вероятно, что горшок и горн-плавильня 6 (которая выглядит несколько архаичнее каменных конструкций) синхронны.

Следует отметить, что каменные плавильни 1—5 имеют ряд общих черт: все они располагались в культурном слое эпохи поздней бронзы на глубине 0,2—0,25 м от дневной поверхности, нижней частью врезаны в материковую глину. Сооружены они были скорее всего за относительно небольшой промежуток времени и могли функционировать одновременно.

Общие приемы их сооружения позволяют считать, что перед нами остатки сезонной металлургической мастерской.

Попытаемся представить себе приемы сооружения плавилен, приемы плавки в них медных руд. Вероятно, на материковой глине сначала выравнивалась площадка. По кольцу на глиняном растворе выкладывались из плитчатого песчаника (который являлся побочным продуктом при добыче медных руд) стенки высотой до 0,4—0,5 м, щели закрывались мелкими камнями и внутренняя поверхность покрывалась слоем глины с примесями растительных остатков. Глина, как и песчаник, бралась прямо в руднике. В дне некоторых плавилен в глине вырезалась ямка, в которую ставился сосуд с рудой и углем.

Подготовленная для выплавки руды плавильня имела вид каменного полуконуса (рис. 4, *1*). В центре устанавливался горшок с мелкотолченой рудой и древесным углем, все пространство вокруг горшка также засыпалось углем. На воздействие на его стенки температур выше 1000° указывают печина и капли меди на кусках медистых песчаников, попавших в кладку стен. Через верх плавильни, по мере перегорания, подсыпались новые порции угля. Вероятно, между камнями было отверстие, куда вставлялся наконечник воздуходувного сопла (меха); плавка могла вестись и при естественном дутье притоком воздуха, так как мастерская располагалась на высокой террасе в сильно продуваемой ветрами долине.

Горшок-тигель имел ряд преимуществ: исключались потери металла, который скапливался на дне, застывая круглой лепешкой; шлаки оставались в верхней части горшка, прилипая к его стенкам. Именно остатки такого тигля-горшка были найдены в 1969 г. при раскопках Т. А. Шаповалова на поселении срубной культуры Ильичевка на р. Донец: с медной лепешкой на дне, медными шлаками на стенках, наиболее прокалены и ошлакованы были стенки в верхней части горшка.

При плавке на внутренней поверхности плавильни на глине обмазки образовывалась черная корка, внутренние кромки камней в верхней части плавилен ошлаковывались и оплавлялись. По завершению плавки древним мастерам достаточно было убрать золу и извлечь через верх плавильни горшок с медью и шлаками. После мелкого ремонта — подмазки щелей стенок глиной и замены выгоревших камней — плавильня могла вновь эксплуатироваться. На широкое применение этого типа горнов для плавки медных руд в Донецком ГМЦ указывает обилие остатков разрушенных плавилен в виде множества ошлакованных камней и глины на поверхности стоянок горняков-металлургов Пилипчатино-1,2, Выскривка, Клиновое-2 и др.

Для получения меди в мастерской Пилипчатино-2 использовался тщательно перебранный, освобожденный от примесей песчаника, промытый малахит. О переработке и обогащении руд говорят находки большой серии пестов и терочников и каменной ступы — «ванны».

Экономичность плавок в плавильнях с горшками заключалась, на наш взгляд, в том, что древний плавильщик мог заранее рассчитать, сколько он получит металла. Слиток меди после плавки имел компактную форму. Слитки-диски из Славяносербского клада срубной культуры, хранящиеся в Харьковском историческом музее, вполне могли образоваться при плавке в горшке-тигле.

Открытые плавильни могли служить как для плавки в горшках медных руд, так и для предварительного обжига азурита и малахита с древесным углем для получения порошковой окиси меди. Не исключено, что в Пилипчатино-2 из сульфидных руд типа халькозин-халькопирита в плавильнях удаляли серу и получали спекшийся концентрат для дальнейшей тигельной (горшковой) плавки.

Следует подчеркнуть, что найденные нами обломки горшков, служивших для плавки медных руд в Пилипчатино-2, Пилипчатино-1 (раскопки 1975 г.), Выскривка-1 (раскопки 1976 г.), найденные на поселениях срубной культуры в Донецкой области (Донецк-1, Славянск-1, Лиманское озеро, Ильичевка, Усово озеро, Отрадовка-1, Клиновое-1) имеют общие

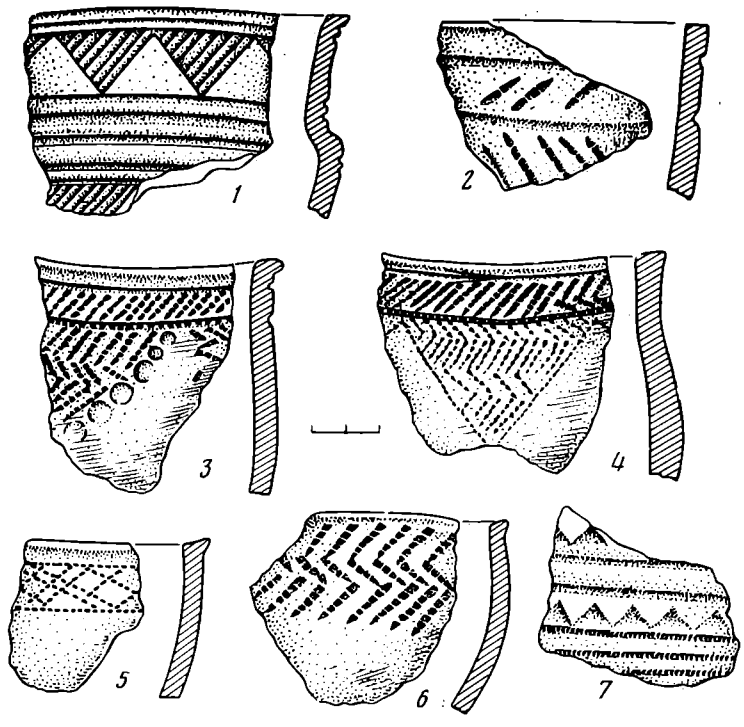


Рис. 5. Керамика первой группы из культурного слоя стоянки Пилипчатино-2 (раннесрубная и андроновская)

особенности: от дна до венчика их внутренняя поверхность ошлакована, в верхней части ошлакованность более сильная, переходит в оплавленность; снаружи такие горшки имеют ошлакованность по венчику, сильный обжиг сверху до половины высоты и иногда до дна, стенки горшка сильно растрескавшиеся вверху, с медью, дно в мелких трещинках. Это указывает на то, что горшки вкапывались в грунт и нижние их части мало подвергались температурным воздействиям.

Керамика, как самая многочисленная категория находок, позволяет датировать плавильни со стоянки Пилипчатино-2. Реконструировано всего 57 горшков.

Первая группа. Наиболее ранними здесь являются фрагменты, украшенные сложным орнаментом из оттисков мелкозубчатого штампа (рис. 5, *3*, *4*), стенки горшков толстые, в тесте кварцевый песок. Внутри сосудов видны расчесы. Возможны аналогии с бережновской [7, с. 75, рис. 2] и абашевской [8, с. 45, рис. 60, *1*] керамикой. По мнению Е. Е. Кузьминой, осмотревшей коллекцию, техника нанесения орнамента мелкозубчатым штампом имеет аналогии в андроновской культуре (алакульское время). Особый интерес представляет обломок горшка-кубка с четко выраженным уступом на ребре (рис. 5 , *1*), с орнаментом в виде свисающих штрихованных треугольников и параллельных прочерченных линий. Аналогии этому горшку имеются, по мнению Е. Е. Кузьминой, среди находок в руднике Алтын-Тюбе [9, с. 178] и могильнике Купухта [10, с. 96, рис. 37, *4*, *7*], в маевском локальном варианте срубной культуры Поднепровья [11, рис. 11]. К абашевской культуре Дона близки три фрагмента горшков: венчик с прочерченными горизонтальными глубокими линиями и оттисками косопоставленной крупнозубчатой гребенки (рис. 5, *2*), обломок стенки (рис. 5, *7*) и венчик с ложными валиками[2] (рис. 6, *7*). Два фрагмента венчиков горшков орнаментированы зубчатым штампом, образующим множественные ромбы (рис. 5, *5*) и вертикальный зигзаг (рис. 5, *6*), могут, по мнению Е. Е. Кузьминой, свидетельствовать об андроновском влиянии.

Вторую группу керамики составляют 13 горшков с профилированными слабовыпуклыми стенками (рис. 6, *1*—*6*), умеренно или сильно отогну-

[2] Этот тип керамики определен как абашевский А. Д. Пряхиным.

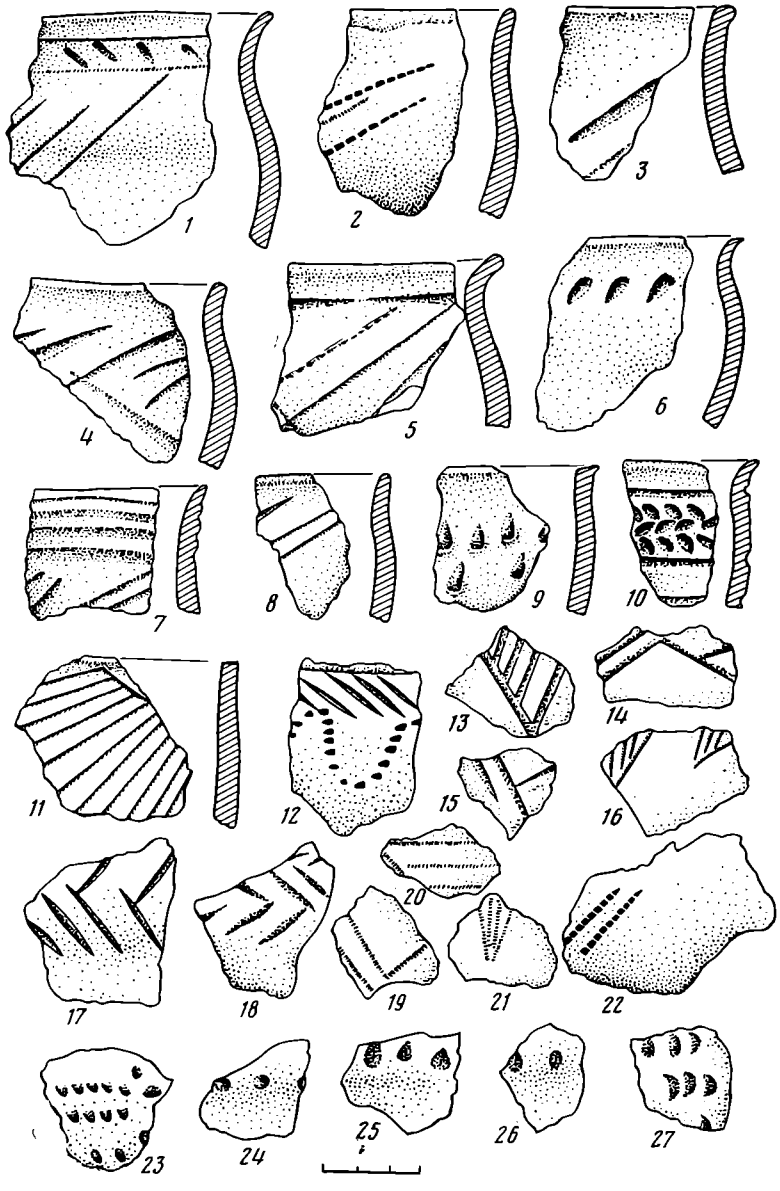


Рис. 6. Керамика срубной культуры, стоянка Пилипчатино-2

тым наружу венчиком (рис. 6, *1*, *3*, *6*) с закругленным краем. Десять горшков были орнаментированы косыми прочерченными линиями (рис. 6, *1*, *3*, *4*, *8*), косыми оттисками зубчатого штампа (рис. 6, *5*, *22*), прочерченными зигзагами, оттисками косопоставленной палочки (рис. 6, *6*, *9*, *10*), прочерченными треугольниками (рис. 6, *13*, *14*, *16*), ногтевыми оттисками и защипами (рис. 6, *25—27*). Керамика с подобными приемами орнаментации известна на срубных памятниках Подонья [12, рис. 1, *2*; 2—5], алакульских поселениях и могильниках Приуралья в районе медных рудников [13, рис. 27, 28]. Керамика Пилипчатино-2 близка алакульской по технике нанесения орнамента (прочерченность, гребенка), по элементам орнамента (зигзаг «углами», рифленые треугольники). Вся керамика второй группы имела плотное тесто, с примесями песка и дресвы, обжиг от бурого до светло-коричневого цвета. Поверхность без расчесов и слегка заглажена. К этой группе относятся также 14 венчиков баночных горшков и три венчика профилированных горшков без орнамента.

К третьей группе нами отнесена керамика, орнаментированная валиками. Можно реконструировать 15 горшков: валики располагались на расстоянии 1—2 см от края венчика, в профиле округлые, расчленены насечками (рис. 7, *5—11*), ногтевыми защипами (рис. 7, *1—4*). Горшки имеют округлое тулово, отогнутые венчики. На пяти венчиках имеется украшаю-

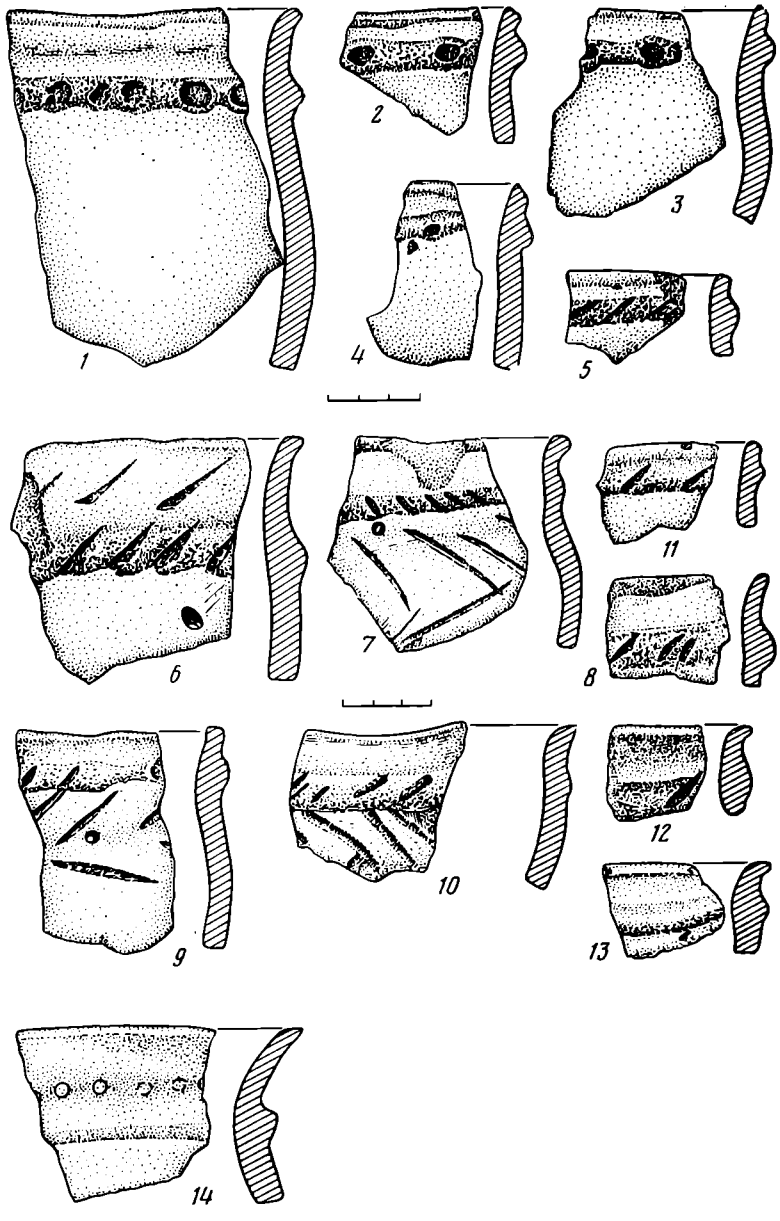


Рис. 7. Керамика сабатиновского времени, стоянка Пилипчатино-2

щий валики прочерченный орнамент в виде линий, полос, зигзага (рис. 7, *7*, *9*, *10*). Если аналогии обычным валиковым горшкам имеются среди сабатиновской керамики Дона — Днепра, то керамика с валиками и прочерченным орнаментом находит аналогии среди памятников круга Алексеевки на р. Тобол [14, с. 171, рис. 4]. Однако по составу теста, по отделке и цвету обжига третья группа более парадна по сравнению со второй группой керамики. По формам горшки третьей группы являются продолжением развития сосудов второй группы. Вероятно, горшки всех групп следует относить к одной культуре, поскольку условия залегания керамики (в слое незначительной мощности без подразделения керамики на отдельные горизонты) указывают на кратковременность существования стоянки Пилипчатино-2. Датировка керамики представляет известные трудности, ориентировочно весь комплекс следует относить к XV (XIV) — XIII(XII) вв. до н. э. О верхней дате слоя говорит находка костяного шиповидного наконечника стрелы длиной 5,5 см. Аналогичные наконечники найдены на Ильичевском [15, рис. 7, *21*] и Кировском [16, рис. 29] поселениях в сабатиновских слоях и датируются XIII—XII вв. до н. э.

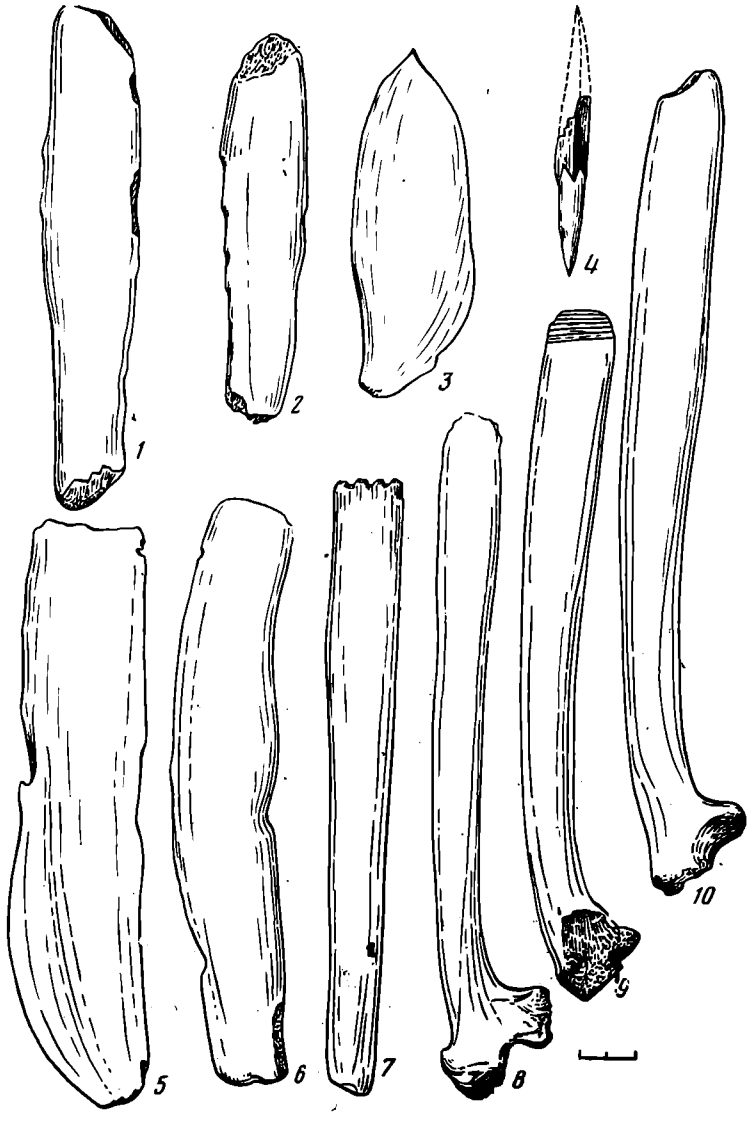


Рис. 8. Изделия и орудия труда из кости, стоянка Пилипчатино-2

Кость. Раскопки мастерской в Пилипчатино-2 дали серию изделий из кости, сделанных в основном из ребер (корова, свинья). Найденные орудия труда представляют собой: двуручные струги и скребла для мездрения кож, лощильники для втирания жира в кожи, орудия для пушения меха, костяные «сопла». Двусторонние (двуручные, по С. А. Семенову) [17, с. 160, рис. 51, 52] струги (2 экз.) имеют заполированность краев ребер. Длина их от 12 до 21 см, в плане они коленчатые (рис. 8, *1*, *2*). Лощильники (для втирания жира, по С. А. Семенову) [17, с. 165] (4 экз.) имеют сточенный конец с заполированностью прилегающих участков боковых граней, позвоночную часть, которая могла быть удобной рукояткой (рис. 8, *5*, *6*, *8*, *10*). Скребло серповидной формы (рис. 8, *3*) имеет сплошную заполированность по всей поверхности и резко округленные заполированные края, изготовлено из обломка трубчатой кости. На обломке ребра длиной 22 см (рис. 8, *7*) на дистальном конце видны четыре зубчика с заполированностью. Это орудие труда могло использоваться для пушения бахтармы [17, с. 165] и для нанесения орнамента на горшки. Орудие, напоминающее лощильник (рис. 8, *9*), имеет на заполированном дистальном конце с внутренней стороны несколько поперечных грубых нарезок. Обломки трубчатых костей со следами стесывания на концах имеют сильный коричневый и оранжевый обжиг. Предположительно мы считаем их костяными наконечниками воздуходувных мехов (сопла?).

Серия найденных орудий труда для обработки кож позволяет предпо-

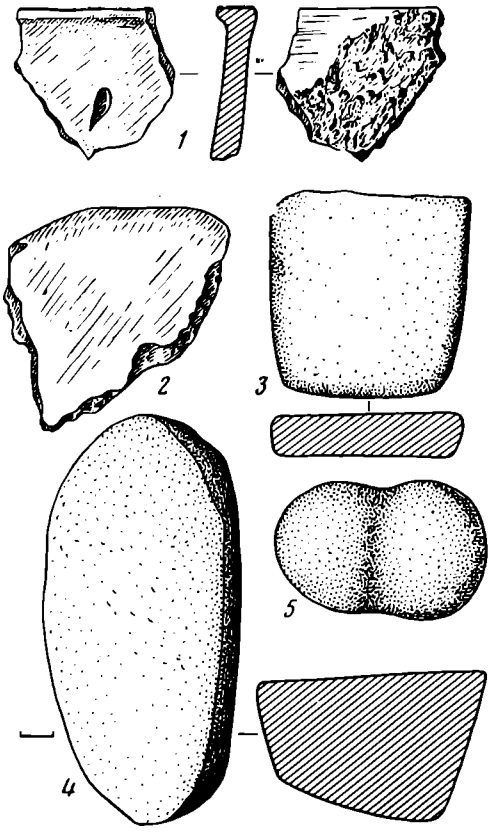


Рис. 9. Находки со стоянки Пилипчатино-2: *1*, *2* — глина; *3*—*5* — камень

Рис. 10. Каменная ступа для обогащения руды путем раздробления и перетирания, стоянка Пилипчатино-2

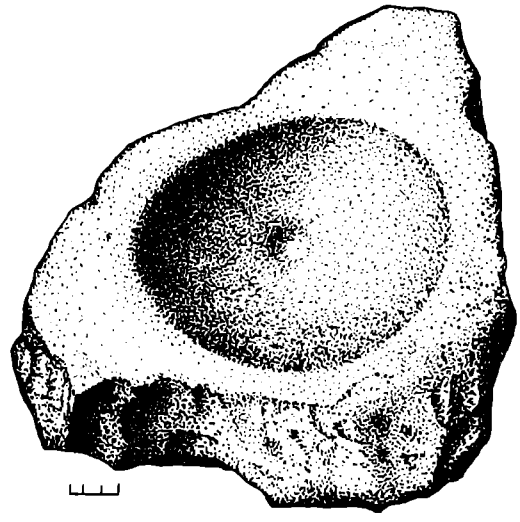


Рис. 9 Рис. 10

ложить, что на стоянках у рудников занимались также изготовлением из кожи мехов и мешков для выноса из выработок добытой руды на поверхность [18, с. 345]. Кроме того, кожаные мешки могли служить для хранения и транспортировки обогащенных руд, медных слитков на поселения долговременного характера, на которых найдены кусочки медных руд,— Ильичевка, Усово озеро, Грушевая Балка, Мосоловка, Таранцево [3, с. 264, 265]. Представляет определенный интерес найденный около плавильни 3 трехгранный в сечении черешково-шиповидный наконечник стрелы из кости (рис. 8, *4*).

Вероятно, необходимо внести ясность в вопрос об использовании на донецких стоянках горняков-металлургов костей животных в качестве топлива [19, с. 28; 6, с. 94, 95]. Кость, по нашему мнению, не могла быть топливом. В качестве топлива мог использоваться кизяк, древесный уголь и, вероятно, мелкодробленый антрацит.

Изделия из камня представлены 12 терочниками, изготовленными из плотного песчаника, из них один округлой формы, один дисковидный, три представляют собой камни (рис. 9, *3*) с гладкими, выпуклыми или вогнутыми гранями. Они использовались для растирания руды, а также послелитьевой обработки орудий труда из меди и бронзы. Найден терочник, напоминающий глиняные утюги эпохи бронзы (рис. 9, *4*), который мог использоваться для разминания кож. Терочник из обломка сломанного молота побывал в огне. В слое найден также миниатюрный (рис. 9, *5*) каменный молот с перехватом.

В 3 м к юго-западу от плавилен 2—4 найден камень подтреугольной формы (рис. 10), с углублением диаметром 20, глубиной до 5 см в центре, углубление меньших размеров имеется на другой стороне камня. Вероятно, камень использовался в качестве «ванны» для растирания и промывки медных руд с целью их обогащения. Можно предположить, что переработке подвергались песчаники с конкреционными стяжениями от 2 до 10 см сульфидных руд, которые можно было извлечь путем раздробления рудовмещающей породы, протирания, промывки и измельчения халькозин-халькопирита. Находка камня со специфическими проточинами косвенно указывает на это.

Находка новых обломков обычных срубных горшков, имеющих на внутренней поверхности ошлакованность медью, как и сделанные ранее находки горшков с каплями меди в Выскривке [20, с. 252, рис. 3, 2], Пилипчатино-1 [2, с. 200], на срубных поселениях Ильичевка (раскопки Т. А. Шаповалова), Грушевая Балка (раскопки И. А. Пислария), Славянск-1 (разведки А. В. Шамрая) и др., заставляют нас обратить внимание исследователей на такого рода находки, которые часто объединяют с широкими плавильными чашами под общим термином «тигли».

Обычные сосуды, такие же, как и на поселениях, больших и средних размеров, служили в каменных плавильнях и в угольных кучах как емкости для плавки медных руд, о чем писалось выше. После плавки они разбивались. Наиболее приемлемым будет определение этого типа горшков как рудоплавильные. Они изготавливались теми же приемами и из того же сырья, что и вся масса керамики срубной культуры. Использование этих сосудов — результат сложившейся на донецких рудниках своеобразной технологии плавок.

Широкие толстостенные чаши. Для них характерна относительно малая емкость (от 50 до 300 г) жидкого металла, выделенный слив, что говорит о разливе только жидкого металла, сильно ошлакованная и даже остекленная внутренняя поверхность. Чаши покрыты трещинами, сильно прокалены на всю толщу, имеют подмазки каолиновой глиной, что говорит о неоднократном их использовании. Чаши — специфические орудия труда кузнеца-литейщика, который в них расплавлял и медные слитки, и комки меди, добавляя лом, и готовил сплавы для литья в формы. Вероятно, следует называть их металлоплавильными тиглями. На специфичность этого типа глиняных изделий как атрибута литейщика указывают находки их в погребальном инвентаре ремесленников-мастеров от энеолита [21, с. 26, 27] до эпохи бронзы (раскопки Е. В. Евсеева); [22, с. 21—23] — в погребениях катакомбной и срубной культур. Обломки тиглей встречены на поселениях Усово озеро и Лиманское озеро, на р. Донец (раскопки С. С. Березанской и автора), на поселении Мосоловка [22, с. 22, 23]. Тигли использовались многократно, а каждый мастер имел свои тигли, возможно, сам их изготовлял.

Е. Н. Черных дал исчерпывающий анализ организации металлургического дела и социального положения горняков, литейщиков-кузнецов в обществе эпохи поздней бронзы [23]. Это позволяет нам провести, хотя и предположительно, реконструкцию организации горного дела и металлургии у племен срубной культуры Восточной Украины, разрабатывавших Бахмутские месторождения медных руд. Прежде всего следует отметить, что множество следов металлургии и металлообработки на стоянках у рудников и поселениях вдали от них указывают как на производство металла, так и на важное значение металлургии в жизни местного населения во II тысячелетии до н. э. О высоком уровне развития металлургии говорит и разнообразие использовавшихся сплавов из меди с оловом, мышьяком, сурьмой, никелем и свинцом от десятых до целых долей процента [3, с. 265].

Предпосылки возникновения ремесла на Восточной Украине уходят корнями в неолитическую эпоху, поскольку в Донбассе существовали рудники по добыче мелового кремня [24, с. 227]. Террасообразные открытые горные выработки на кремень найдены Д. С. Цвейбель у с. Красное Артемовского р-на, всего в 10 км западнее медных рудников. Примечательно, что на стоянках горняков-металлургов встречен красносельский меловой кремень — свидетельство продолжения разработки кремневых выработок в эпоху поздней бронзы.

Организация общества у племен срубной культуры позволила выделить обособленную группу профессионалов-мастеров, которые занимались добычей руд, переработкой и плавкой их, получением меди и литьем орудий труда и оружия, часто прямо у мест добычи руд. Как отмечал Е. Н. Черных, «клановая или кланово-производственная форма объединений чаще всего обуславливает и территориальное отделение» групп ре-

месленников от основной массы населения [23, с. 161]. Это означает, что стоянки у рудников, носившие сезонный характер (о чем свидетельствует полное отсутствие остатков долговременных жилищ), своим возникновением обязанные потребностью в добыче и переработке медных руд, литья ряда изделий, оставлены небольшими кланами. Разделение труда на стоянках горняков-металлургов находилось на уровне 2-го ранга, по Е. Н. Черных,— металлургия отделилась от горного дела. Производственная структура выглядела, возможно, следующим образом: горняки→металлурги→литейщики (кузнецы).

Поселения типа Усова озера на р. Донец и Мосоловка на р. Дон [22, с. 21—23], где в товарных сериях из привозных меди и руды отливались практически однотипные изделия: топоры, серпы, ножи, тесла, где ярко представлены следы металлообработки: слитки, сплески, шлаки, обломки рудоплавильных горшков и металлоплавильных тиглей, оставлены большесемейными мастерскими ремесленников.

Производственная структура выглядела там, вероятно, следующим образом: металлурги→кузнецы (литейщики)→ювелиры(?).

Для племен срубной культуры Восточной Украины на территории ДГМЦ применимо определение металлургии и металлообработки как крупнотоварного производства [23, с. 161] в первую очередь на внутренний рынок, а также на продажу — обмен с населением близких локальных вариантов СК и синхронных культур лесостепи. Можно предположить, что статус мастеров у племен срубной культуры Восточной Украины был таким же, как у населения эпохи бронзы Юго-Запада СССР [23, с. 163]. Новые археологические материалы говорят о том, что на многих поселениях срубной культуры лесостепи жили мастера-одиночки, которые производили металлические изделия для соплеменников (Грушевая Балка, Капитаново-1, Ильичевка, Таранцево) [26, с. 57, 58]. Импорт металла на восток Украины шел преимущественно из Волго-Уралья, в меньшей мере из Карпато-Трансильвании.

С эксплуатацией медных рудников Донбасса во II тысячелетии до н. э. связан резкий рост количества поселений срубной культуры на Восточной Украине (только в Донецкой обл. в р-не р. Донец, примыкающем к рудникам, более 30 крупных и до 50 небольших селищ срубной культуры). С притоком нового населения из андроновской культурно-исторической провинции, из лесостепи междуречья Днепра и Дона была создана база для возникновения черной металлургии киммерийского и раннескифского времени [25; 27, с. 12].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй первобытных обществ. Л., 1978.
2. *Татаринов С. И. О* горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе.— СА, 1977, № 4.
3. *Татаринов С. И.* Металлообработка в эпоху поздней бронзы на Среднем Донце.— СА, 1979, № 4.
4. *Березанская С. С.* О роли металлургии в общественном прогрессе в эпоху меди и бронзы.— Археологія, 1971. № 2.
5. *Татаринов С. И., Шепитько А. А.* Новые данные о древних медных рудниках Донбасса.— АО — 1976. М., 1977.
6. *Гришин Ю. С.* Древняя добыча меди и олова. М.: Наука, 1980.
7. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья.— СА, 1978, № 3.
8. *Либеров П. Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964.
9. *Кабанов Ю. Ф., Кожин П. М., Черных Е. Н.* Андроновские находки на реке Алтынсу.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
10. *Кузьмина Е. Е.* Купухта — могильник андроновской знати. КСИА, 1963, вып. 93.
11. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С.* Маевский локальный вариант срубной культуры.— Археологія, 1976, № 20.
12. *Москалев А. Н., Пряхин А. Д.* Новые данные о поселениях эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону.— В кн.: *Либеров П. Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964.
13. *Кузьмина Е. Е.* Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры.— КСИА, 1962, вып. 88.
14. *Евдокимов В. В.* Новые раскопки Алексеевского поселения на реке Тобол.— СА, 1975, № 4.

15. *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976.
16. *Лесков А. М.* Кировское поселение.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка. 1969.
17. *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.
18. *Лавров Н.* О древнейшем горном производстве в горах Колываново-Воскресенского горного округа, на Урале и в Екатеринославской губернии.— Записки Императорского Сибирского минералогического общества. Т. IX. Спб., 1874.
19. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы: Автореф. докт. дис. Киев: ИА АН УССР, 1977.
20. *Татаринов С. И.* Древний медный рудник Выскривский в Донецкой области.— СА, 1978, № 4.
21. *Ковалева И. Ф.* «Вытянутые» погребения днепровского ареала волго-днепровской культурной общности.— Тезисы конференции «Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы». Донецк, 1979.
22. *Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д.* Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь.— В кн.: Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1979.
23. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
24. *Цвейбель Д. С.* Древние кремневые выработки у с. Широкое в Донбассе.— СА, 1970, № 1.
25. *Татаринов С. И.* Железоделательный горн бондарихинской культуры.— СА, 1980, № 3.
26. *Берестнев С. И.* Поселение срубной культуры Таранцево на Харьковщине.— Вестн. Харьковск. ун-та, 1980, вып. 201, серия истор., вып. 12.
27. *Шрамко Б. А.* Киммерийский вклад в культуру скифской эпохи.— Тезисы конференции «Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы». Донецк, 1979.

S. I. Tatarinov

BRONZE METALLURGY AMONG THE TIMBER-GRAVE TRIBES OF THE EASTERN UKRAINE

Summary

The author analyses materials obtained on the sites of miners-metallurgists Pilipchatino-2 (Artemovsk Region, Donetsk District), which contained a copper melting shop with remains of stone melting furnaces. Copper was smelted there out of copper ores with the use of charcoal in pots, typical for the timber-grave culture. Pottery relates the shop to the span of 14th-12th centuries. B. C. A set of bone implements, which probably served for working of leather used for sacks for storing and transporting copper ore or copper ingots were also found. The author also deals with the organisation of production among the timber-grave culture tribes: the settlements along the Don and Donets rivers were left by family group of metallurgists and coppersmiths, while seasonal camps at mines were left by clans of miners-copper smiths-metallurgists. According to the Chernykh classification, the specialisation of the tribes of the timber-grave culture of the Eastern Ukraine corresponded to the 2-A subrange. An analysis of new archaeological data testifies to the high level of the organisation of production, the presence of exchange trade and the great role played by the bronze metallurgy in the history of the timber-grave trabes of the Eastern Ukraine.

САВОСТИНА Е. А.

К СИМВОЛИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛУКА НА БОСПОРЕ

Исследователи памятников искусства Боспора неоднократно останавливались на проблеме, связанной с семантикой изображений надгробных рельефов, росписей склепов и саркофагов [1—4]. Однако до сих пор остается нерешенным основной вопрос: как трактовать изображения на надгробиях — рассматривать ли их как реальные, чуть ли не этнографические сцены, а помещенные фигуры — как персонификацию умерших [2, с. 152 сл.; 4] или видеть в них образы героизированных умерших [5, с. 187—203]. Решение вопроса об идентифицировании погребенного с изображением осложняется тем, что количество и пол умерших, указанных в надписях надгробных стел, нередко не соответствуют помещенным на них фигурам [1].

Большинство исследователей боспорских надгробий видят в них и определенную условность, и отражение реальной жизни, поскольку внешнее воплощение образа отражает черты эпохи: меняются костюм, прическа, форма атрибутов, форма и тип вооружения. Атрибуты изображенных на надгробиях лиц обычно считаются этнографическими реалиями, имеющими или имевшими значение лишь в действительной жизни умершего [2, с. 31—44; 6, с. 140, 180, 185; 5, с. 199]. Это касается и интересующего нас лука в налучии (горите). Его принято рассматривать или как традиционный атрибут Геракла, правда, менее характерный, чем палица и львиная шкура [7, с. 107 сл.; 8, с. 81], или как распространенный на Боспоре в конце I в. до н. э.— II в. н. э. предмет вооружения [9, с. 175].

На боспорских погребальных памятниках изображение лука встречается часто, причем в композиции и сюжете изображений оно играет неоднозначную роль. На большей части надгробий конца I в. до н. э.— II в. н. э. лук фигурирует в качестве элемента вооружения всадника: он приторочен к его левому бедру. Таких надгробий известно 65 [4, табл. XI, № 606, 593, 587, 591; XIII, № 619, 618, 622, 626], одно из них происходит из Фанагории (КБН, № 1000), одно из Горгиппии (КБН, № 1197), два из Кеп (КБН, № 1012, 1032), четыре из Тамани и окрестностей (КБН, № 1077, 1088, 1085, 1223), остальные из Пантикапея.

В двух случаях горит изображен за спиной пешего воина (КБН, № 260, 262). Многие стелы имеют эпитафии, семь из которых посвящены от лица синода членам фиаса [2].

Во второй группе лук в горите помещается обособленно от фигуры безбородого пешего мужчины, в верхнем углу рельефа (рис. 1). Умерший, как правило, представлен в позе печали, левой рукой он опирается на столбик, который обычно интерпретируют как надгробную стелу или просто невысокую колонку [9, с. 174]. На плечи его накинут плащ, на нем узкие штаны и мягкие сапоги, иногда подпоясанный кафтан. Часто на правом боку изображен меч. Известно семь изображений такого рода I в. до н. э.— II в. н. э.: шесть рельефов [9, рис. 1; 4, № 718, 693 (=КБН, № 4), 454 (=КБН, № 80); КБН, № 88; 10, рис. 4] и одна роспись на саркофаге [1, с. 376, табл. XCIII] (рис. 2). В большинстве случаев лук

[1] Например, на надгробии Феодора (КБН, № 135) изображены три фигуры: женская и две мужские. Надпись же относится к одному Феодору. То же — (КБН, № 262): изображены четыре мужские фигуры, надпись же касается одной из них. То же — (КБН, № 289, 328, 987, 1006).

[2] Зафиксировано шесть памятников такого рода из Пантикапея (КБН, № 83) [4, № 627 (=КБН, № 78]; (КБН, № 84, 87, 90, 91) и один из Фанагории (КБН, № 987).

Рис. 1. Надгробие I в. н. э.

помещен в правом верхнем углу, на двух надгробиях — в левом [4, № 718; 9, рис. 1]. Четыре изображения сопровождаются надписями (КБН, № 400, 80, 88) [10, рис. 4], две из которых посвящаются от лица синода и фиаситов членам фиаса (КБН, № 80, 88).

Рис. 2. Сцена росписи саркофага 1900 г.

В третьей группе памятников изображение горита связано с каким-либо вертикальным предметом: деревом или колонной. На дереве лук показан в росписи пантикапейского склепа 1877 г. (так называемом склепе Анфестерия) I в. до н. э.— I в. н. э. [1, табл. II, *6*], на колонне — на рельефе из насыпи Трехбратнего кургана IV—III вв. до н. э. [11, с. 128 сл., рис. 3, 4] (рис. 3). В сцене росписи склепа Анфестерия дерево с висящим на нем горитом дано слева от юрты, находящейся в центре композиции. Справа от нее представлен загробный выезд всадника перед сидящей в кресле богиней. На трехбратном рельефе, самом раннем из всех рассматриваемых, горит на верху плоской колонны возвышается над сценой предстоящего перед богиней (?) всадника [11, с. 131, рис. 3]. Всадник одет в кафтан, на боку у него еще один горит. Он протягивает руку к женщине в высоком головном уборе и гиматии, сидящей в портике[3].

К этой группе с меньшей определенностью можно отнести росписи Анапского склепа 1975 г., имеющего дату II—III вв. [13, с. 102], где лук в налучии изображен на стилизованных полукруглых «веточках», обрамляющих каждую сцену подвигов Геракла[4].

Приведенный обзор изображений лука позволяет считать, что только в первой группе стел его назначение может быть чисто утилитарным: лук — предмет вооружения. В двух других группах такое объяснение не может быть единственным.

Лук как древнейшее оружие охоты и дальнего боя — частый атрибут богов (в античности — Аполлон, Артемида) и не менее частая принадлежность мифов. В мировой мифологии так называемый «культурный герой» [14, с. 93] часто оказывался искусным стрелком, лучником. В мифологической судьбе прокезского Гайваты, китайского Хоу-И («стрелка И»), индуистского Арджуны [15, с. 261, 653, 101] и скифского Таргитая [16, с. 12; 18, с. 39, 75 сл.] лук наделялся особой силой, и совершенные с его помощью подвиги играли большую роль. В преданиях о Таргитае эта роль была, видимо, даже большей, чем в подвигах его греческого эквивалента — Геракла: по скифской легенде, эллинизированный вариант которой передан Геродотом, Таргитай (Геракл) [17, с. 41] с помощью лука выбирает царя скифов (Herod., IV, 8—10).

[3] Согласно принятой интерпретации, портик обычно означает храм [12, № 33].

[4] Особняком в рассматриваемых изображениях стоит пантикапейское надгробие I в. до н. э. Левкия, сына Фарнака, воспитанника Хреста (КБН, № 279). На рельефе справа показан юноша, стреляющий из лука вправо, одетый в подпоясанный кафтан и плащ. Слева — небольшая фигурка мальчика (?), обращенная влево. Он держит за узду лошадь.

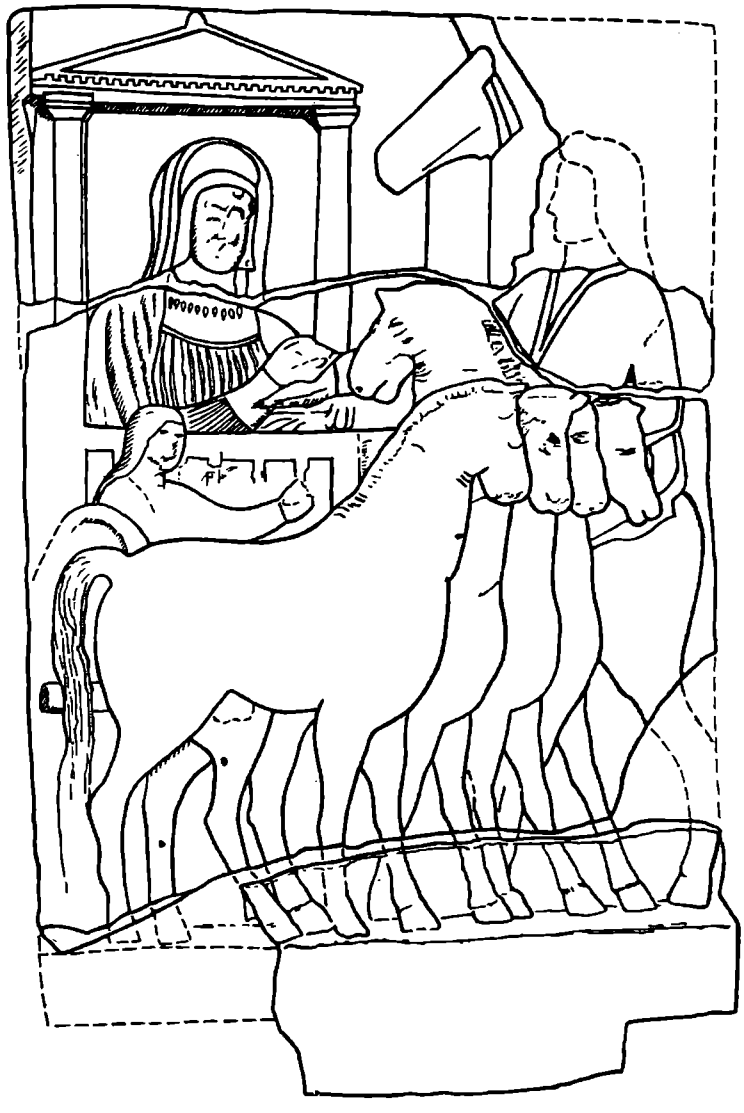


Рис. 3. Надгробный рельеф из насыпи Трехбратнего кургана (графическая реконструкция), III в. до н. э.

Таким образом, с древнейших времен и во многих культурах лук как оружие бога и героя приобретает символический смысл. Так, у скифов он символ силы и царской власти [17, с. 75 сл.]. О магическом значении лука в представлениях различных народов говорят ритуальная стрельба из лука по четырем сторонам света [18, с. 48] и военный танец с этим оружием [19, с. 16, 84 сл.].

Античная традиция наделяла магической силой лук Геракла. Сведения об этом мы находим у Вакхилида в «Дифирамбах»: «...Эллины послали на Лемнос за Филоктетом тогда, когда получили предсказание Гелена, что без гераклова лука им не взять Гелиона» [20, фр. 7, с. 277]. Видимо, с этим же кругом представлений о магической силе лука и царской власти связаны эмблемы в виде лука на многих монетах царей, возводящих основание своего рода к герою-первопредку Гераклу: Гераклеи, Херсонеса, Ольвии, Пантикапея [21, с. 130 сл.; 22, с. 171 сл., табл. XL—XLIII].

Излюбленным типом лука кочевников евразийских степей был так называемый «скифский» лук — небольшой (длина его обычно 60—80 см), с очень гибкими и круто изогнутыми плечами при абсолютно не гнущихся концах и рукояти [23, с. 29].

Греки заимствовали лук «скифского» типа еще в архаический период, однако в самой Греции лук не был особенно популярен [24, с. 85], и отряды лучников эллинского войска формировались из критян и скифов [25, с. 19; 26, с. 135 сл.]. Возможно, поэтому состязания лучников были исключены из агонистической программы после возобновления Олимпийских игр [27, с. 37].

Мы располагаем немногочисленными данными о распространении лука в Северном Причерноморье. В основном это находки в некрополях греческих городов наконечников стрел скифского типа, на основании чего можно предполагать наличие здесь лука скифского типа [28, с. 74, 79; 26, с. 134]. Кроме того, в IV в. до н. э. в Ольвии были засвидетельствованы соревнования по стрельбе из лука [IOSPE I², № 197]. Последнее, возможно, указывает на бóльшую (по сравнению с Грецией, где такие соревнования уже не проводились) популярность этого оружия у населения северопричерноморских городов, живущих в постоянном соседстве с воинственными кочевыми народами, прекрасными стрелками и наездниками.

На рубеже нашей эры в тактике и вооружении этих кочевников происходят существенные изменения, связанные с появлением тяжелой конницы, против которой старый лук стал менее эффективен [23, с. 33]. Появляются стрелы с железными наконечниками, пробивающие панцирь. Соответственно меняется и лук — он становится значительно длиннее (до 1,40 м) и обладает большей мощностью [23, с. 28]. Этот тип лука был распространен на очень широкой территории, и в том числе на Боспоре, о чем свидетельствуют надгробные рельефы I в. до н. э.— II в. н. э., где лук изображается в качестве вооружения всадника.

Хотя новый тип лука и проник в боспорское войско, изображения старого, небольшого лука скифского типа по-прежнему не менее популярны. В группе надгробий, где лук помещен отдельно от фигуры мужчины, стоящего в позе печали, изображается именно такой лук «старого» типа. Объяснение этому может быть двояким. Во-первых, новый тип оружия не обязательно должен был распространиться сразу и повсеместно. Известно, что еще на колонне Траяна сарматские луки очень похожи на скифские [23, с. 28]. Кроме того, возможно, изображение лука на надгробиях этого типа несло иную смысловую нагрузку, а потому воспроизводился лук в его более привычных очертаниях, а не соответствующий последнему слову военной науки. В любом случае кажется невозможным считать эти надгробия изображениями легковооруженных пеших лучников [9, с. 174]. Во-первых, почти на всех рельефах такого рода на правом боку мужской фигуры изображен длинный меч, выступающий из-под плаща [9, рис. 1],— принадлежность конника, а не пехотинца [28, с. 119; 29, с. 159]. Во-вторых, в сцене на саркофаге 1900 г. изображена лошадь, которую мужчина держит в поводу (рис. 2). Это тоже отвергает возможность прямого отождествления изображения с пешим лучником, хотя и необязательно указывает на всадническую (в смысле воинскую) принадлежность изображенного, ибо еще по поводу надгробия Стратоника было сказано: «Не каждый, кто имеет оружие, должен быть признан воинским чином» [30, с. 77]. Здесь же мы, как и в случае с ученым Стратоником, очевидно, имеем дело с погребением не воина, а художника [6, с. 173].

Кроме того, пешие лучники, как известно, принадлежали к небогатым и незнатным сословиям, и поэтому маловероятно установление их изображений «памяти ради» от имени синода и того фиаса, членами которого были Мастус, сын Мастуса [КБН, № 80] и Сай [КБН, № 88] [5]. Следовательно, в данном случае изображение лука нельзя рассматривать только как этнографическую деталь. Скорее это некий символ. Обозначая один из основных элементов вооружения того времени, лук мог указывать на

[5] Поскольку наши представления о назначении и составе фиасов недостаточно полны, мы не вправе утверждать невозможность объединения в одном фиасе имущих и неимущих граждан боспорского города [31, с. 1420 сл.]. Жебелев, правда, приводит надпись с Коса, где есть сведения о плате натурой за вступление в религиозное общество, связанное с культом Геракла [32, с. 46 сл.].

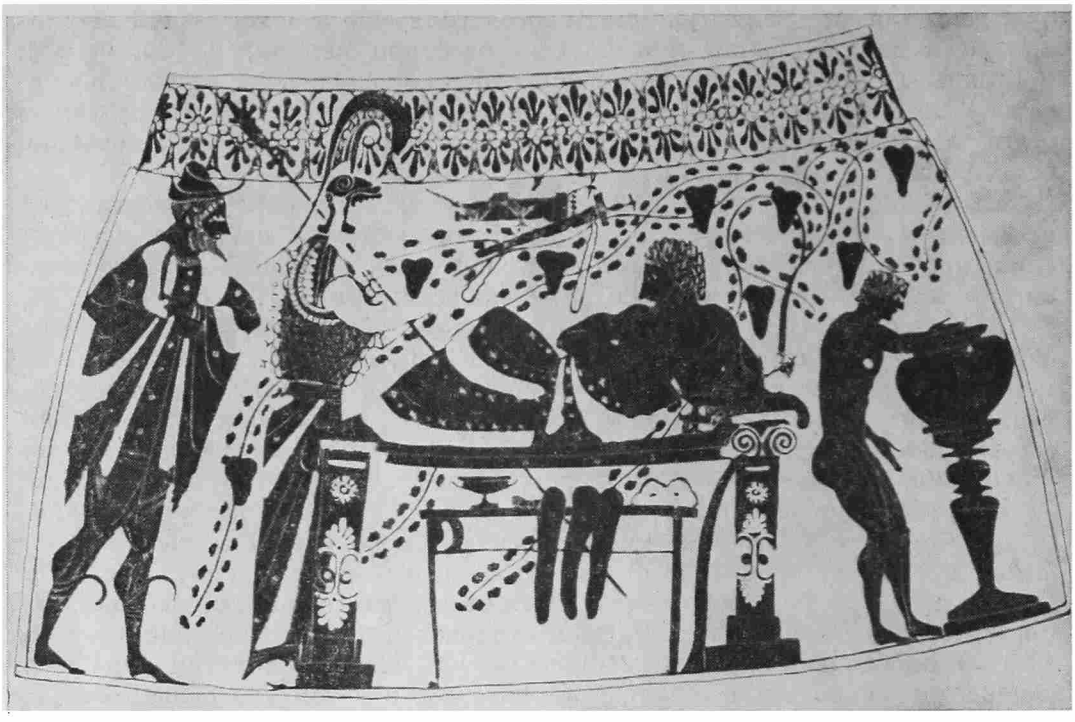


Рис. 4. Изображение пира Геракла на аттической вазе VI в. до н. э. (мастер Андокид)

принадлежность умершего ко всадничеству. Однако, вероятно, он был не только знáком достатка и определенного общественного положения.

В неоднократном повторении этого атрибута в одной и той же композиции (лук на дереве, лук на колонне, лук на фоне рельефа) можно видеть применение определенной иконографической формулы, несущей в себе иносказательный смысл. Пояснительная роль атрибута при том или ином персонаже хорошо известна в античном искусстве. Гирлянды, тени над атлетами, тамбурины, помещенные над танцующими менадами, музыкальные инструменты, изображенные над играющими музыкантами, призваны обозначать действие, характеризовать среду, в которой оно совершается.

В изображении подвига Геракла, там, где лук не имеет функционального значения, он тем не менее помещается рядом с героем, становясь как бы его пояснением, эпитетом [33, табл. 128, 401; 34, табл. 66, *9*]. Таким же эпитетом, а не конкретным атрибутом (вещью) Геракла, возможно, является лук, сопровождающий каждую сцену подвигов Геракла на Анапском склепе 1975 г. Сопровождает он и ту сцену, где лук является орудием борьбы. Так, в изображении Геракла, стреляющего в стимфалийских птиц, лук фигурирует дважды: как постоянный эпитет героя и как фактическое оружие [14, с. 102].

Однако есть основания предполагать, что в памятниках сакрального характера луку придавалось особое значение. В погребальной тематике античности оружие вообще имело специфическую символику. Копья на надгробиях, например, часто изображаются опущенными вниз (кроме одного случая: [4, № 454]) : [4, № 455-КБН, № 81; № 267-КБН, № 78; № 718], в чем можно видеть отражение определенного обряда. Вакхилид описывает его следующим образом: «Оплакивающие держат копья острием не вверх, а вниз, потому что на похоронах у древних все делалось наоборот: так, они и щиты поворачивали, чтобы изображения на щитах не осквернялись видом мертвого тела» [20, фр. 8, с. 277]. На одном из рассмотренных надгробий помимо опущенных остриями вниз копий и щита в левом углу рельефа (рис. 1) показан лук [4, № 718].

Поиски закономерности связи изображения лука и его символического осмысления приводят нас к северопричерноморским рельефам, представляющим «отдыхающего Геракла» [35, с. 124, рис. 66, *2*, *4*]. На двух

Рис. 5. Изображение пира Геракла и Диописа (V в. до н. э., коллекция Оксфорда)

из шести рельефов в левом углу изображен лук. На рельефе, происходящем с городища у санатория «Чайка», он помещен на дерево. Геракл возлежит, опираясь на левый локоть, в руках его канфар. В нижнем правом углу представлены другие атрибуты героя: палица и львиная шкура. Посвятительный характер памятников [7, с. 116], поза героя и тема его пирования позволили исследователям сопоставить эти изображения с рельефами, изображающими сцену загробной трапезы [36, с. 47 сл.]. Ее семантика в известном смысле близка идее апофеоза Геракла, его пира на Олимпе [37, с. 65, 68].

Корни иконографии сравнительно редкого образа Геракла, пирующего на Олимпе, восходят к аттической вазописи VI в. до н. э. В разных вариантах этого сюжета Геракл показан возлежащим на ложе в окружении богов [38, табл. 22, *в*], в особенности Гермеса и Афины, препроводившей его на Олимп, как на чернофигурной стороне вазы Андокида VI в. до н. э. [33, с. 70, табл. 265] (рис. 4). Известна сцена симпозия Геракла и Диописа на вазе V в. до н. э., хранящейся в Оксфорде [39, табл. 1.11, *1*] (рис. 5). Во всех перечисленных сюжетах имеется изображение лука с колчаном, свисающих с виноградной лозы над ложем нового божества, но нет его традиционных палицы и шкуры. Вероятно, в этом нужно видеть намеренное перенесение акцента на другие атрибуты героя, соответствующие новой ипостаси Геракла, и прежде всего на лук (или иногда и меч). В данном случае, возможно, сказались все приведенные выше значения лука в древнем мире, магическая сила всякого оружия (в том числе лука). Именно оружие главным образом символизирует героическую сущность нового божества.

Можно сказать, что здесь мы впервые встречаемся с луком — не только конкретным атрибутом или атрибутом-эпитетом, а характеристикой сущности персонажа. Развитие этой идеи можно видеть на вазе с амазо-

Рис. 6. Дионис, возлежащий под деревом (изображение на вазе IV в. до н. э.)

номахией IV в. до н. э. [40, табл. 26, *3*]. На верхнем ее поясе есть небольшой, но заслуживающий внимания эпизод (рис. 6): под деревом, в ветвях которого висит лук с колчаном, на леопардовой шкуре возлежит некто, кому три других персонажа подносят столик, блюдо и т. п. Поскольку один из них с хвостом, можно считать, что это сатириски, готовящие дионисову трапезу: под деревом же лежит сам Дионис (на это указывает шкура леопарда). Но тогда именно к нему относится висящий на дереве лук. Между тем лук — нехарактерный атрибут Диониса, особенно же в IV в. до н. э. Очевидно, здесь он не просто атрибут, а предмет, указывающий на сущность бога, вытекающую из его архаической ипостаси — Загрея [41, с. 56 сл.]. Это прошлое выделяет Диониса среди прочих богов как Героя, подобно Гераклу — Герою среди богов (Pind., Nem. III, *22*) [6]. Следовательно, в рассмотренном сюжете лук — также символ героической сущности, но уже в более общем, отвлеченном смысле, поскольку он не вытекает из обязательных атрибутов Диониса, а навеян образом героической параллели Диониса — Геракла.

Тенденцию к утверждению нового символа можно наблюдать начиная с VI в. до н. э. На амфоре мастера Антимена показан длиннобородый варвар, сидящий на табурете, над его головой — лук с колчаном (рис. 7), перед ним стоит молодой варвар-лучник [43, № 107, табл. IV, *в*]. Длиннобородый персонаж держит в правой руке жезл-клевец, левой же касается лука молодого варвара. По бокам показаны два гоплита, наблюдающие эту сцену. Голова правого из них повернута назад так, будто он обернулся при ходьбе. Создается такое впечатление, что оба гоплита ждут лучника, чтобы отправиться в поход или бой, тем более что на обороте изображены сборы гоплита [44, с. 42]. Центральный сюжет интерпретируется как вручение или освящение лука молодого воина длиннобородым варваром [44, с. 42]. Возможно, это освящение оружия перед боем. При этом лук, изображенный над головой последнего, равно как и жезл в его руках, говорит о том, что этот персонаж наделен какой-то властью, возможно царя, вождя [44, с. 43] или жреческой, дающей ему право на освящение оружия.

Итак, и в данном случае лук помещен над головой не просто старца, не просто воина, но персонажа героической (царь, вождь) или божественной (жрец) наделенности.

Воспетая эпосом и мифами героическая сущность богов и героев-первопредков отразилась затем и в сложившемся культе героев. О полубогах-героях как объекте религиозного поклонения впервые встречается

[6] В античном искусстве известно несколько примеров объединения Диониса и Геракла одним сюжетом. Исследователи часто обращают внимание на общность черт и функций двух богов-героев, акцентированную различно, в зависимости от того, чья сущность доминирует в данном случае [42, с. 178 сл.]. Пир Геракла и Диониса, показанный на вазе из Оксфорда (V в. до н. э.), может быть также трактован как пир на Олимпе двух персонажей, которых, возможно, объединяет здесь именно героическая сущность.

Рис. 7. Сцена вручения лука на аттической вазе VI в. до н. э. (прорисовка)

у Пиндара (Pind, Nem., III), затем таким объектом становится всякий умерший. Посмертный апофеоз человека мыслился в первую очередь подобным апофеозу умерших героев, ставших богами,— Диониса и Геракла.

Как и во всем античном мире, на Боспоре культ героев был очень развит. Сохранились свидетельства существования целой системы погребальной героической символики. Обитель героев — посмертное пристанище доблестных людей — неоднократно упоминается в эпитафиях [КБН, № 119]. Одним из многих элементов в этой сложившейся системе на Боспоре могло стать изображение лука-знака, атрибута Геракла, как обозначение того состояния, в которое перешел умерший. В таком случае лук, изображенный на надгробных рельефах, представляющих мужчину в позе печали, означает, что умерший (Ἡρῶς) находится в обители героев.

Одна из линий рассматриваемой изобразительной традиции, как представляется, указывает на место нахождения этой обители. Имеются в виду памятники выделенной нами третьей группы, изображающие лук на дереве или колонне. О существовании определенной семантической связи между луком и деревом говорит целый ряд памятников, например уже упомянутые рельеф с «отдыхающим Гераклом», сцена на вазе с возлежащим Дионисом, а также алтарь I в., связанный с культом Аполлона-Гелиоса, из Род-Айленда [45, с. 106, 222, табл. 43].

Аттическая вазопись доносит до нас отголоски некоего ритуала, связанного с деревом и луком у варваров. В одной сцене, изображенной на чернофигурном килике, по двум сторонам дерева показаны стоящие лицом к нему два бородатые воина-варвара (рис. 8). В левых руках у них луки, в правых — по стреле [46, табл. II; *22*]. На другом сосуде [47, табл. 44, *1*] подобные им воины целятся из луков навстречу (вернее, их стрелы направлены вниз и наперекрест) друг другу (рис. 9). Примечательно, во-первых, что под деревом изображены две лани, которые не являются объектом стрельбы (это видно, если продолжить направление стрел). А во-вторых, в нижнем поясе росписи показан танец под аккомпанемент флейты[7]. Следовательно, это не сцена охоты, а некое действо,

[7] Возможно, эти росписи представляют разные моменты одного ритуального действа с луком, соответствующего магическому танцу и стрельбе из лука, показанному Д. С. Раевским на куль-обской бляшке [19, с. 48]. Не исключено, что с каким-то подобным ритуалом связано изображение стреляющего юноши на боспорском надгробии Левкия.

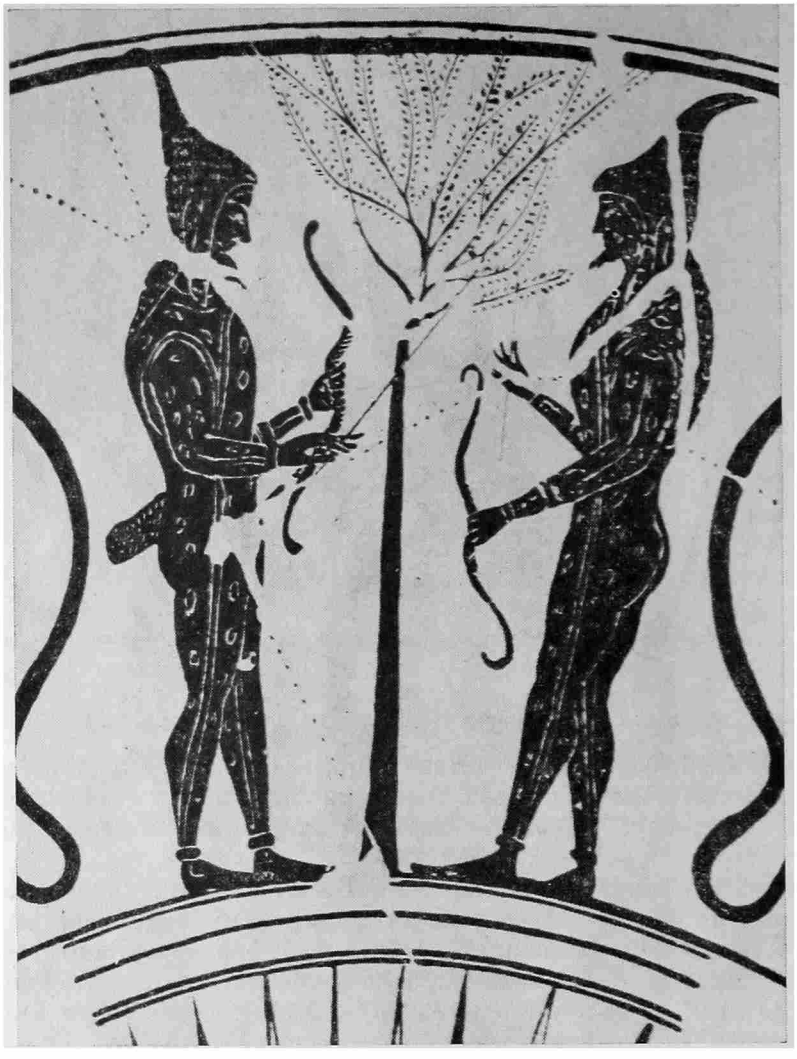


Рис. 8. Фрагмент росписи килика (чернофигурная сторона), VI в. до н. э.

возможно, ритуального характера, что подчеркивается и сопровождающим его танцем.

Существование семантической связи лука и дерева в скифо-сакском мире можно видеть в сюжетах сакской застежки из Сибирской коллекции Петра I и пластины из Брюссельского музея, где лук, как и в рассмотренных античных памятниках, свешивается с ветки дерева [48, с. 146, рис. 189, 190], в одном случае под ним лежит обезглавленный человек, а в другом — спящий (мертвый?).

Распространение данного сюжета и в античном искусстве, и во многих других культурах указывает на то, что в практике боспорского искусства он не является случайным явлением, а отражает определенное мировоззрение, а именно ту давно сложившуюся космологическую систему, в которой через образ дерева (или заменяющий его эквивалент — в данном случае колонну) выражалось представление о трехчастном строении мира [49, с. 93, 94; 50, с. 91; 51, с. 257]. Приведенные случаи — вариант модели мирового дерева, дополненный еще одним символическим элементом — изображением лука.

Значение этого элемента может быть раскрыто через его положение на кроне дерева, относящейся, согласно всеизвестной концепции мирового дерева, к «верхнему миру», миру богов. По тем же космологическим представлениям, к «верхнему миру» относится все, что связано с кроной и изображено на ней. Общая же символическая ситуация объясняется как «происходящая в верхнем мире». Изображенный изолированно лук оста-

Рис. 9. Чернофигурное блюдо VI в. до н. э.

ется символом «верхнего мира» [52, с. 122, примеч. 27] и может указывать на то, что туда же, в обитель богов, перешел умерший, изображенный рядом с ним.

Итак, из сказанного следует, что появлению изображения лука на боспорских погребальных памятниках предшествовали не только изменения в реальной системе вооружения Боспора, но и установление глубокой, проявившейся во многих культурах семантической связи «герой — бог — героизированный человек», причем на Боспоре, как представляется, эта связь была выражена с помощью сформировавшейся уже в аттической Греции и позднее существовавшей в Северном Причерноморье изобразительной традиции, связанной с луком Геракла.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Спб., 1914.
2. *Марти Ю. Ю.* Позднеэллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ.— СА, 1941, т. VII.
3. *Иванова А. П.* Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1953.
4. *Kieseritzky G., Watzinger C.* Südrussische Grabreliefs. B., 1909.
5. *Иванова А. П.* Боспорская живопись.— В кн.: Археология и история Боспора. Вып. 1. Симферополь: Крымиздат, 1952.
6. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М.: Наука, 1964.
7. *Наливкина М. А.* О некоторых находках памятников античной эпохи Северо-Западного Крыма.— СА, 1940, т. VI.
8. *Цветаева Г. А.* Грунтовой некрополь Пантикапея.— МИА, 1951, № 19.
9. *Кобылина М. М.* Пан на надгробной плите из Фанагории.— СА, 1973, № 3.
10. *Болтунова А. И.* Неизданные надгробия из Керчи и окрестностей.— ВДИ, 1965, № 2.
11. *Бессонова С. С., Кириллин Д. С.* Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
12. *Furtwängler A.* La Collection Sabouroff. T. I. B., 1883.
13. *Алексеева Е. М.* Раскопки Горгиппии и ее окрестности.— АО — 1975. М., 1976.

14. *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
15. Мифы народов мира. Т. I. М.: Сов. энциклопедия, 1980.
16. *Граков Б. Н.* Скифский Геракл.— КСИИМК, 1950, вып. XXXIV.
17. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифских племен. М.: Наука, 1977.
18. *Раевский Д. С.* Куль-Обские лучники.— СА, 1981, № 3.
19. *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов.— Асб. ГЭ, 1961, вып. 2.
20. *Пиндар, Вакхилид.* Оды, фрагменты / Пер. и ред. М. Л. Гаспарова М.: Наука, 1980.
21. *Francke R. P.* Zur Tyrannis des Klearchos und Satyros im Herakleen am Pontos.— AA, 1966.
22. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
23. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
24. *Tarn W. W.* Hellenistic Military and Naval Developments. Cambridge, 1930.
25. *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М.: Наука, 1975.
26. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981.
27. *Шанин Ю. В.* Лучники у Гомера, в Олимпии и в Северном Причерноморье.— В кн.: Историчность и актуальность античной культуры (тезисы докладов научной конференции). Тбилиси, 1980.
28. *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
29. *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи.— МИА, 1954, № 33.
30. *Мацулевич Л. А.* Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1948 г.— СА, 1941, т. VII.
31. RE, 1932, B. VIII.
32. *Жебелев С. А.* Боспорские этюды.— ИГАИМК, 1935, № 104.
33. *Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung bei den Griechen, Bd III. München, 1923.
34. CVA. France (Bibliothèque national), P., 1932.
35. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
36. *Сапрыкин С. Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху эллинизма.— СА, 1978, № 1.
37. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936.
38. CVA. Madrid, III. He., s. a.
39. CVA. Oxford, III., s. a.
40. CVA. Italia, IV, Dr., s. a.
41. *Иванов В.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.
42. *Sarafov T.* Sur le culte d'Héracles en Bulgarie.— Acta antiqua Philippopolitana Studia Archaeologica. Serdicae, 1963.
43. *Vos M. F.* Scythian Archers in Archaic Attic Vase-Painting. Groningen, 1963.
44. *Алексеев А.* Сцена вручения лука на аттической амфоре VI в. до н. э.— СГЭ 1981, вып. XLVI.
45. *Ridgway B. S.* Museum of Art Rhode Island School of Design. Catalogue of Classical Sculpture. Rhode Island, 1972.
46. CVA. Italia, Museo Nazionale di Palermo, I—III. Ie. s. a.
47. CVA. Bologna, Museo civico. III He., s. a.
48. *Артамонов М. А.* Сокровища саков. М.: Искусство, 1973.
49. *Топоров В. Н.* К происхождению некоторых поэтических символов.— В кн.: Ранние формы искусства. М.: Наука, 1972.
50. *Воронина В. Л.* Конструкция и художественный образ в архитектуре Востока. М.: Стройиздат, 1977.
51. *Литвинский Б. А.* Пальмирская космология.— Страны и народы Востока, 1975, вып. XVI.
52. *Раевский Д. С.* Из области скифской космологии.— ВДИ, 1978, № 3.

E. A. Savostina

THE SYMBOLICS OF THE BOW IN THE BOSPORUS

Summary

The author discusses representations of the bow found in the Bosporan sites. Their analysis testifies that there were two meanings attached to this object: it was treated as a part of armament or as a sign element. In the latter case the bow is a key to the whole situation in which the deceased is regarded as a Hero. In cases when the bow is associated with a vertical object (a tree or a column) it can be interpreted as a symbol of the «upper world», where, according to antique notions, heroes dwelt. The sources of the bow symbolics must be sought in the cult of mythological heroes, Heracles one of them. It is not accidental, therefore, that the bow, one of Heracles' attributes, became a symbol of a Hero.

ШЕЛОВ Д. Б.

РИМСКИЕ БРОНЗОВЫЕ КУВШИНЫ И АМФОРЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Среди античных древностей первых столетий нашей эры, находимых как в античных городах Северного Причерноморья, так и в курганах и могильниках населения Восточной Европы, видное место занимает бронзовая посуда, изготовленная в ремесленных и художественных мастерских Италии и западных провинций Римской империи. Она получила в литературе условное наименование римской бронзовой посуды, хотя бóльшая часть ее происходит не из самого Рима, а из других италийских центров, прежде всего из Капуи и мастерских Северной Италии, а многие сосуды вообще были изготовлены не италийскими, а провинциальными мастерами в разных областях империи — в Галлии, Рейнской области, Фракии, Паннонии и т. д. Тем не менее применение этого условного термина вполне приемлемо как обозначение изделий, произведенных на территории Римской империи и вывезенных за ее пределы[1]. Но в каждом отдельном случае следует стремиться к тому, чтобы выяснить конкретное место происхождения того или иного сосуда или целой группы их и дать возможно более точную атрибуцию.

Место, занимаемое римской бронзовой посудой среди античных древностей, определяется отнюдь не ее численностью. В Восточной Европе известно всего немного более 200 находок целых или фрагментированных римских бронзовых сосудов рубежа первых веков нашей эры. Художественная ценность их, как правило, тоже весьма невелика — это обычно массовые ремесленные изделия — ковши, котелки, миски, тазы, кувшины и т. п., хотя среди них встречаются иногда и подлинно художественные произведения, украшенные рельефами, гравировкой, инкрустацией.

Ценность римской бронзовой посуды для современного исследователя определяется обилием и разнообразием той информации, которую несут в себе находки ее в могилах и на поселениях. Бóльшая часть этих изделий хорошо датируется в сравнительно узких хронологических пределах, и потому находки их в закрытых археологических комплексах могут способствовать более точному хронологическому определению этих комплексов. Тот факт, что место изготовления почти всех римских бронзовых сосудов может быть точно или приблизительно установлено, делает их чрезвычайно важным показателем при исследовании контактов между различными районами Римской империи и окружающими народами, при определении торговых центров и прослеживании торговых путей, по которым могли перемещаться эти вещи. Именно этот аспект исследования преобладает в западноевропейской литературе, посвященной бронзовой посуде первых веков нашей эры (например [1—12] и др.).

Римская бронза довольно широко использовалась вождями и знатью варварских племен Европы и попадала затем в богатые погребения туземной аристократии, иногда целыми наборами в сочетании с серебряной утварью, дорогими украшениями, оружием и пр. Это обстоятельство не только позволяет использовать находки римской бронзовой утвари при характеристике бытового уклада, культурных навыков и культовых потребностей варварской знати, но и делает такие находки важным показателем имущественной дифференциации, социальной стратификации евро-

[1] Об условности наименования всей этой бронзовой посуды «римской» вполне справедливо писал К. Маевский [1, с. 11, 12].

пейских варварских обществ и воздействия на эти общества римской экономики и культуры. Картографирование находок римской бронзы в аристократических погребениях может содействовать локализации древних племенных и межплеменных центров, местоположений ставок кочевнических вождей и т. п. [1, с. 59].

Большая историческая информативность римских бронзовых изделий вызвала повышенный интерес к их исследованию. В европейской литературе существуют десятки книг и статей, посвященных определению, классификации, датировкам разных типов римских бронзовых сосудов, картографированию их находок в Западной и Средней Европе. Особенно значительны работы Г. Виллерса, Г. Эггерса, А. Радноти, Г. Экхольма, К. Маевского и др. [1, 3–10, 13–40].

Римские бронзовые изделия, найденные в Северном Причерноморье и в прилегающих районах, изучены менее подробно, хотя и ими занимался ряд исследователей. Поволжские находки систематически изучались В. П. Шиловым [41–46; 47, с. 138–166]. Бронзовые сосуды, найденные на Дону, стали объектами исследований С. И. Капошиной, Б. А. Раева и автора настоящей статьи [48–55; 56, с. 146–149, 195–198, 206–211; 57–66]. Изучением отдельных предметов рассматриваемой категории или целых групп их занимались многие исследователи — А. М. Волкович, А. И. Мелюкова, Е. К. Максимов, В. В. Кропоткин и др. [67–73]. В 60-х годах сведения обо всех известных тогда находках римских бронзовых сосудов в Восточной Европе были собраны В. В. Кропоткиным в своде римских импортных изделий на территории СССР [74] [2]. Им же была сделана попытка рассмотреть эти находки как свидетельство экономических связей между Римской империей и народами, населявшими Восточную Европу в первые века нашей эры [76]. Если нам тем не менее представляется целесообразным вновь вернуться к рассмотрению найденной на нашей территории бронзовой посуды, то это объясняется не только тем, что в последние годы сделаны новые находки, но и тем, что сейчас появились возможности более уверенной и точной датировки и атрибуции ряда сосудов. Анализ условий находок бронзовых сосудов и картографирование мест их обнаружения позволяют высказать некоторые предположения о том, каким образом и какими путями рассматриваемые изделия попадали в руки варварской знати, какую роль играли они в быту и в представлениях варварских племен.

Рассматривая бронзовую посуду западного происхождения, найденную в Восточной Европе, В. В. Кропоткин подразделил все сосуды на столовую, кухонную, туалетную посуду и сосуды культового назначения [74, с. 23–26; 76, с. 78–83]. Такая классификация вполне понятна, но следует иметь в виду, что она в высшей степени условна и далеко не всегда дает представление о действительном функциональном назначении сосудов. Во-первых, многие сосуды могли выполнять при различных обстоятельствах разные функции; это известно, например, в отношении больших бронзовых открытых сосудов, именуемых обычно тазами или чашами, которые могли служить и парадной посудой, и украшением дома, и использовались в хозяйственных нуждах, и применялись при жертвоприношениях [59, с. 181]. Во-вторых, даже специфическая форма сосудов еще не всегда определяет их применение. Так, бронзовые ойнохои, казалось бы, вместе с кувшинами должны быть включены в категорию столовой посуды (так их и трактует В. В. Кропоткин), но повторяющиеся находки их во Фракии и в других районах в комплексе с патерами (причем ойнохоя бывает поставлена в патеру), несомненно, свидетельствует не о бытовом, а о культовом применении этих ойнохой [37, 39] [3]. Вряд ли в бронзовых ковшах и цедилках всегда можно видеть только кухонную утварь [27, с. 174]. В-третьих, мы не всегда можем быть уверены, выполняли ли те или иные сосуды у их последних владельцев,

[2] Более поздняя очень краткая сводка была составлена недавно нами [75].

[3] Только во Фракии бронзовые ойнохои разных типов встречены в погребениях вместе с патерами около 30 раз [39, с. 635–642, № 1, 3, 4, 7, 9, 11, 16*в*, 18–20, 23, 25, 38, 39, 44, 51–53, 55, 56, 72, 86*в*, 99, 100, 102].

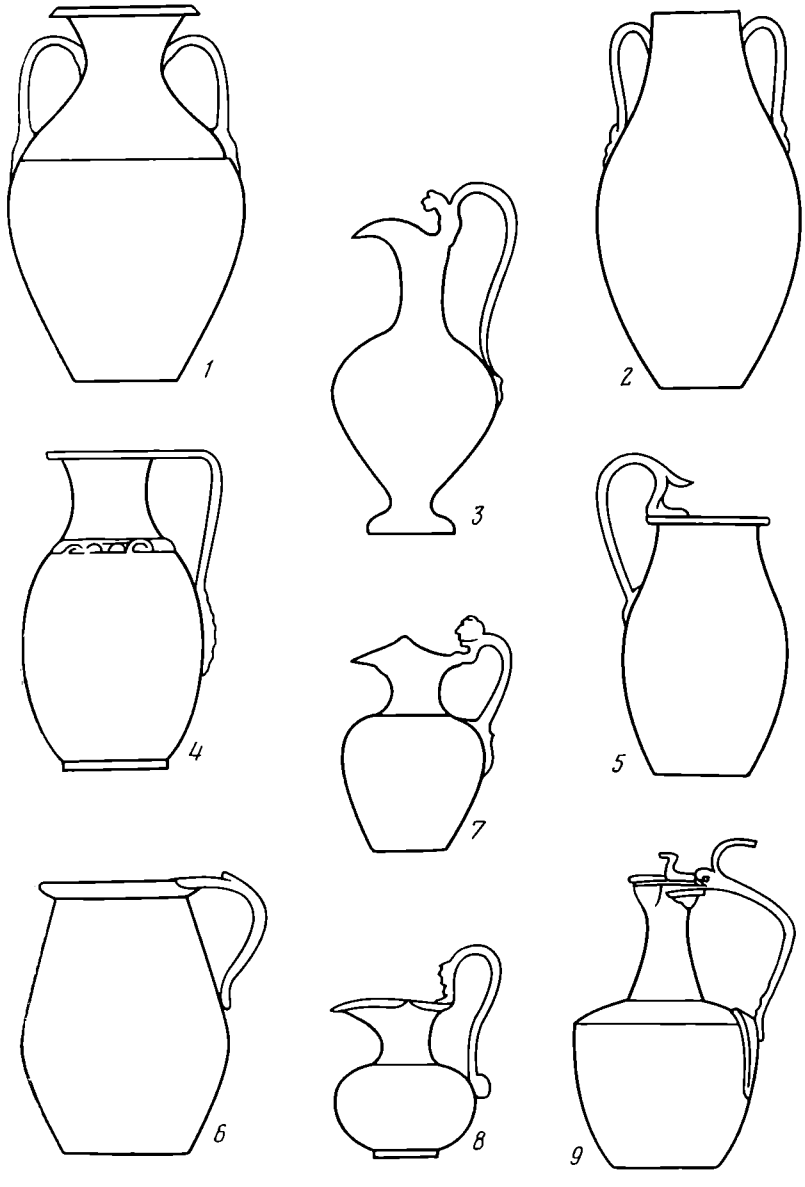


Рис. 1. Римские бронзовые сосуды из Восточной Европы

в частности у сарматской знати, те функции, для которых они первоначально были предназначены. В этом отношении показателен тот факт, что парадный бронзовый кратер, найденный в сарматском погребении Калиновского могильника в Поволжье, оказался сильно закопченным с внешней стороны [47, с. 143]: видимо, он использовался владельцем не по прямому своему назначению, а в качестве котла для варки пищи. Все это заставляет нас отказаться от группировки бронзовой посуды по функциональным категориям и рассматривать ее только по формам сосудов.

Настоящая статья посвящена находкам римских бронзовых сосудов закрытого типа, к которым могут быть отнесены амфоры, кувшины и ойнохои. Рассмотрение сосудов открытого типа — чаш, тазов, ковшей, черпаков и пр.— мы надеемся осуществить в другой работе.

Бронзовые плоскодонные амфоры представлены находками всего четырех экземпляров[4]. Одна амфора была найдена С. И. Капошиной в 1960 г. в тризне богатого сарматского кургана № 13 у хут. Верхнеянченково в Багаевском р-не Ростовской обл.[5] (рис. 1,*1*). Амфора имеет почти

[4] Место находки пятой бронзовой амфоры неизвестно, указание на обнаружение ее в Твери, как справедливо отметил В. В. Кропоткин [74, с. 98, № 859], весьма сомнительно. О находках отдельных ручек амфор будет сказано ниже.

[5] Этот комплекс получил в литературе несколько разных наименований: то он именуется курганом № 13 у хут. Верхнеянченково [49, с. 50], то курганом у Кудинова хутора [74, с. 92, № 788], то просто Багаевским курганом № 13 [61, с. 144].

яйцевидное тулово с крутыми плечиками и невысокое горло, расширяющееся кверху, к отогнутому наружу венчику; сравнительно короткие литые ручки украшены снаружи растительным орнаментом, на плечиках и на горле заметны горизонтальные полоски [50, с. 209, 210, рис. 1, *1*, 2, *1*; 61, с. 144, рис. 7]. Очень близка по форме к этой амфоре хранящаяся в Эрмитаже бронзовая амфора из знаменитого кургана Хохлач под Новочеркасском. Она отличается тем, что венчик ее украшен овами, а нижние атташи ручек выполнены в виде рельефных головок или масок [63, с. 236, рис. 10, 11].

Подобные амфоры встречаются довольно редко. Б. А. Раев сопоставляет [63, с. 236; 64, с. 91—92] оба описанных сосуда с приземистыми короткогорлыми шарообразными амфорами италийского происхождения, встречающимися в погребальных комплексах Фракии [39, с. 622—624]. Сопоставление это не совсем точно, поскольку нижнедонские амфоры отличаются от фракийских значительно более вытянутыми пропорциями и многими деталями оформления. Шарообразные короткогорлые амфоры, подобные найденным во Фракии, у нас не представлены. Можно, правда, назвать две находки, связанные, может быть, с такими сосудами. Первая — это бронзовая ручка, найденная в 1867 г. В. Г. Тизенгаузеном в одной из разграбленных могил Танаисского некрополя. Она украшена у основания скульптурной человеческой головой, а выше — двумя профильными масками, исполненными в низком рельефе [54, с. 254, рис. 2; 56, с. 147]. Издавая эту ручку, мы сочли ее частью бронзового плоскодонного кувшина или ойпохои с яйцевидным туловом и узким горлом типа кувшинов, происходящих из западных провинций Римской империи и опубликованных А. Радноти, А. Риддером и др. [15, табл. 98, 101; 20, с. 166, табл. XLII; 77, № 322, 629]. Однако Б. А. Раев высказал, пожалуй, более убедительное предположение о том, что эта ручка принадлежала шарообразной амфоре группы I-а его классификации [39, с. 622, прим. 99], подобной тем, какие были найдены во фракийских комплексах Царимир, Далаков кладенец, Памукчия и др. [78, с. 268, 269; рис. 56; 79, с. 33, рис. 9; 80, с. 35, 36, рис. 2, 3]. Вторая находка подобной же ручки сделана в том же Танаисе в 1972 г. [90, с. 112].

Возвращаясь к бронзовым амфорам из Багаевского кургана № 13 и Хохлача, следует отметить, что наиболее близкой аналогией им является известный бронзовый сосуд из Луклума в Брауншвейге (ФРГ), имеющий почти такую же форму; к сожалению, ручки у луклумской амфоры утрачены [13, с. 123, рис. 50; 14, с. 19, рис. 14]. Вероятно, прав был А. Ф. Ку, который, публикуя близкую луклумскому сосуду амфору из Боскореале, видел в ней переходный тип от амфор с округлым туловом к амфорам с вытянутым корпусом [81, с. 189]. Б. А. Раев добавляет к этому, что и по технике изготовления рассматриваемые амфоры принадлежат к переходному типу, так как некоторые из них (в том числе амфора из Багаевского кургана № 13) изготовлялись по ранней технологии: в виде нескольких отдельных частей, которые затем спаивались, тогда как другие выделывались уже целиком, как амфоры более поздней группы [39, с. 623; 61, с. 144].

От двух нижнедонских амфор заметно отличаются два других сосуда. Они имеют более стройные пропорции, тулово незаметно переходит в почти цилиндрическое горло, оканчивающееся прямым венчиком. Ручки, вытянутые вдоль горла, заканчиваются внизу рельефными атташами (рис. 1, *2*). У амфоры, найденной в кург. № 14 («Красный») у Кудинова хут. Багаевского р-на, эти атташи выполнены в виде медальонов, изображающих менаду с маленькой пантерой на руках [49, с. 50, рис. 18; 50, с. 212, рис. 1, *2*; 2, *2*, *3*; 61, с. 144, рис. 8]. У амфоры из кургана, разрушенного в 1960 г. в ауле Кончукохабль в Прикубанье нижние концы ручек оформлены в виде скульптурных изображений фантастических животных, напоминающих собаку [72, с. 67, рис. 2, *3*; 74, с. 90, рис. 59, *7*]. В обоих случаях детали изображений инкрустированы серебром.

Амфоры этого второго типа известны в довольно большом числе. Они найдены в Помпеях [82, с. 366 сл.], в Боскореале [83, с. 184, 185, рис. 10],

в Геркулануме [82, с. 368], а за пределами Южной Италии — в Швеции [8, с. 171], в Голландии [24, № 260, 261] и Болгарии [84, с. 17, рис. 16].

Г. Виллерс и Г. Ю. Эггерс не различали амфор обоих типов, рассматривая их все вместе [13, с. 123, прим. 2; 8, с. 171]. Г. Ю. Эггерс объединил их в один тип 129 (тип Хессельби) и отнес к периоду В, т. е. к I в. н. э. С. И. Капошина считала амфоры обоих типов одновременными и определяла время их погребения в донских курганах рубежом нашей эры [49, с. 50; 50, с. 213; 51, с. 148]. Б. А. Раев полагает, что амфоры второго типа должны быть несколько моложе амфор из Хохлача и из Багаевского кургана № 13 [39, с. 623; 61, с. 144]. В этом он, несомненно, прав, но следует заметить, что хронологический разрыв между обоими типами амфор вряд ли может быть значительным, так как они встречаются в очень близких комплексах. Интересна в этом отношении и находка ручки амфоры второго типа в кургане Хохлач, где была представлена, как мы знаем, и ранняя амфора [63, с. 237, табл. 136, *14*]. Как бы связующим звеном между сосудами обоих типов являются маленькая амфорка из второго погребения Рошава Драгана в Чаталке и амфоры из погребения у Пловдива [85, с. 26, рис. 12*а*; 86, с. 1 сл., рис. 28, *2*, *3*]. Эти амфоры по общим формам и пропорциям принадлежат второму типу, но имеют заметно расширяющееся горло, что сближает их с амфорами из Хохлача и Багаевского кургана № 13.

Что касается абсолютной хронологии, то датировки С. И. Капошиной представляются неоправданно заниженными. Л. Радноти относил амфоры II типа к I в. н. э. [20, с. 158]. Повторяющиеся находки рассматриваемых амфор в италийских центрах, погибших при извержении Везувия в 79 г. н. э., свидетельствуют о том, что эти сосуды (во всяком случае амфоры второго типа) были во всеобщем употреблении в самой Италии в начале последней четверти I в. н. э. Не ранее чем к 70-м годам этого столетия относится и захоронение двух амфор второго типа в погребении № 7 могильника Чаталка во Фракии, где они найдены вместе с монетой императора Гальбы (68—69 гг.) [84, с. 16, 17]. Нет никаких оснований думать, что в курганы Подонья или Прикубанья италийские бронзовые амфоры могли попасть раньше, чем в упомянутые западные комплексы.

В пользу более поздней датировки говорят и совместные находки. В комплексе разрушенного кургана из Кончукохабля вместе с рассмотренной амфорой были обнаружены и другие вещи I в. н. э., в том числе бронзовый кувшин с высоким узким горлом и ручкой, нижний атташ которой выполнен в виде маски [74, с. 90, № 769, рис. 59, *5*; 72, с. 67, 68, рис. 4]. Кувшины близкой формы были широко распространены в первых веках нашей эры. Для них характерны, помимо узкого вытянутого горла со сливом, четко очерченное, резко сужающееся книзу тулово, изящно профилированный высокий поддон и вертикальная ручка, украшенная внизу рельефным атташем в виде женской головы (Медузы?), а вверху — человеческим бюстом или скульптурной протомой грифона, собаки, коня и т. п.[6] [20, с. 137—144, табл. XLVII, XLVIII; 87] (рис. 1, *3*).

Эти узкогорлые кувшины принято относить к 127-му типу классификации Г. Ю. Эггерса ([25, с. 22—26; 39, с. 613; 40, с. 30; 74, с. 23, 90] и др.). Однако это совершенно неправомерно, 127-й тип Эггерса представлен у него только одним сосудом из второй могилы в Страже в Словакии, датируемой позднейшим периодом С-2 [8, с. 171, прилож. 53]. Сосуд из Страже, хотя и сохраняет ту же общую форму, но резко отличается от рассматриваемых кувшинов не только рядом деталей, но и, главное, техникой изготовления: он кованый, а не литой [25, с. 124—127, рис. 27, табл. 32, 33; 40, с. 19, 20, 33, рис. 11, *2*, табл. XVII] и, несомненно, принадлежит более позднему времени, чем литые кувшины с узким горлышком. В. Ондрух датировал погребения в Страже концом III или началом IV в. н. э. [25, с. 171], но в то же время считал, что кувшин типа 127

[6] Бóльшая часть ручки у кувшина из Кончукохабля утрачена [72, с. 68] и восстановлена, безусловно, неверно, без протомы животного наверху. Очень сомнительно и восстановление фигурной пластины, воспроизводящей растительный орнамент, при помощи которой ручка якобы прикреплялась к горлу сосуда.

изготовлен еще в раннеримское время [25, с. 130], тогда же, когда были изготовлены литые кувшины с узким горлышком из погребений в Высока на Мораве и др. С этим невозможно согласиться. Кувшин из Страже, несомненно, более поздний и вероятно нужно принять его датировку периодом С-2, т. е. III в. н. э. ([40, с. 33; ср. 36, с. 524]).

Литые кувшины с узким горлом в классификации Г. Ю. Эггерса отсутствуют вовсе. Подробно рассмотрел подобные сосуды из Паннонии и из прилегающих областей А. Радноти. Он пришел к убеждению, что их начали делать еще в первой половине I в. н. э. мастера Южной Италии, вдохновленные эллинистическими образцами, но что одновременно или несколько позже подобные сосуды стали производиться и в восточных провинциях Империи, в частности в Малой Азии и во Фракии, а в Паннонии они выделывались во II в., а может быть, и позже, до конца III в. ([20, с. 139—144; 27, с. 199; 87, с. 118, 119]; ср. [88, с. 56—58]). Х. Нубер, обративший внимание на то, что кувшины с узким горлом никогда не встречаются в комплексах ранее середины I в. н. э., отнес начало их изготовления ко времени Флавиев [37, с. 69]. О сравнительно долгом периоде не только бытования, но и производства таких кувшинов в римских провинциях может свидетельствовать помимо приведенных А. Радноти примеров поздних кувшинов с узким горлом [20, с. 142; 87, с. 120—124] использование этой формы при создании упомянутого кованого сосуда из могилы № 2 в Страже.

Кувшин из Кончукохабля, судя по общим пропорциям и обработке деталей, должен принадлежать к сравнительно ранним изделиям этого рода. Он отличается от большинства подобных сосудов отсутствием характерных рельефных валиков на плечиках. Это сближает его с кувшином из могилы № 67 в Интерциссе, который датируется А. Радноти II в. н. э. [27, с. 198—199]. Второй кувшин этого типа был найден в Херсонесе [89, с. 14, рис. 13]. Близкие аналогии ему можно увидеть в кувшинах из погребений Высока на Мораве и Зогор в Словакии [25, с. 22—26, рис. 4, табл. 5, 5 *а*, 7, *2*; 40, с. 12, 15, 29, 30, рис. 3, *2*, 8, *2*, табл. VII, XIII; 91, с. 120 сл., рис. 38—41], которые должны быть датированы концом I или началом II в. н. э. [25, с. 77; 36, с. 519; 40, с. 31; 91, с. 131].

Находки рассматриваемых кувшинов вместе с патерами позволили А. Радноти предположить, что этими сосудами пользовались главным образом при жертвоприношениях [27, с. 198] и даже что они были связаны, возможно, с культом Изиды ([20, с. 138]; ср. [25, с. 28]), хотя А. Радноти и не отрицал возможности использования их как бытовых кувшинов. Что касается обоих кувшинов из Восточной Европы, то нет никаких свидетельств их связи с культовыми функциями.

Два следующих кувшина, несомненно италийского производства, принадлежат другому типу, определенному А. Радноти как «расчлененные кувшины с ручкой» (рис. 1, *4*). Определение типа указывает на изготовление этих кувшинов из двух отдельно отлитых частей, тулова и горла, которые затем спаивались [20, с. 159 сл.]. Один такой сосуд был найден в 1901 г. при неизвестных обстоятельствах в Ольвии и издан затем Э. Р. Штерном [*92*, с. 31, 32, табл. I], второй происходит из комплекса тризны 3-го Соколовского кургана на Нижнем Дону [60, с. 123 сл., рис. 1—3; 61, с. 142, рис. 4—6]. Он детально исследован Б. А. Раевым, который вслед за А. Радноти пришел к выводу, что «расчлененные» кувшины производились в мастерских Южной Италии еще в конце I в. до н. э. и в начале I в. н. э. и распространились в провинциях Римской империи (и за их пределами) во второй половине I — начале II в. н. э. [60, с. 131], хотя отдельные сосуды могли доживать и до более позднего времени, даже до III в. н. э.[7]. Кувшин из 3-го Соколовского кургана датируется всем комплексом второй половиной I в. н. э.

По-видимому, к той же группе «расчлененных» кувшинов принадле-

[7] Показательна в этом отношении находка клада римских монет II—III вв. в «расчлененном» бронзовом сосуде в Вышовграде в Тырновском округе Болгарии [93, с. 16 сл.].

жит и сосуд, найденный в богатом сарматском погребении у с. Лебедевка в Западном Казахстане [94, с. 83, рис. 15]. Хотя географически эта находка лежит вне интересующей нас территории Восточной Европы, но она все же должна быть здесь упомянута, так как проникновение римской бронзовой посуды в этот отдаленный район могло происходить только через волго-донские степи [56, с. 210, 211]. В лебедевском погребении среди разнообразного инвентаря обнаружена узкогорлая светлоглиняная амфора «танаисского» типа [94, с. 83, рис. 12], твердо датирующая погребальный комплекс III в. н. э. [95, с. 19]. В другой могиле той же курганной группы у с. Лебедевка найдена ручка бронзового кувшина с нижним атташем в виде бородатой головы силена или Диониса [94, с. 75, рис. 5, *1*], как и у рассмотренного кувшина, но определить, принадлежала ли она сосуду того же типа, невозможно.

Небольшой кувшин, найденный в Ольвии в 1900 г. [74, с. 97, № 841, рис. 54, *1*; 92, с. 37, табл. IV, *6*], принадлежит другой группе сосудов, определенной А. Радноти как «нерасчлененные» [20, с. 162 сл.]. Сосуды этой группы отличаются от рассмотренных «расчлененных» кувшинов не только тем, что отлиты целиком, но и формой: тулово их имеет наибольшее расширение примерно на середине высоты сосуда и сужается как книзу, к плоскому дну, так и кверху, к горизонтальному венчику; горло не выделено. Как и у «расчлененных» кувшинов, верхний конец ручки, прикрепляемый к венчику, оформлен в виде двух птичьих головок (рис. 1, *5*). Как и «расчлененные» кувшины, сосуды рассматриваемой группы довольно значительно различаются между собой. Ближайшей аналогией ольвийскому кувшину является бронзовый сосуд из известного погребения в Балчике, античном Дионисополе [96, с. 47 сл.].

Бронзовые «нерасчлененные» сосуды начали выделываться в Италии немного позже «расчлененных», но все же еще в первой половине I в. н. э., как показывают массовые находки их в Помпеях [82, с. 344—354, № 69—71, 74—86, 88—103]. Б. А. Раев обратил внимание на то, что огромное большинство этих кувшинов происходит с территории Италии, и пришел к выводу, что они не вывозились из Италии или вывозились в весьма незначительном количестве [60, с. 129—131]. Вряд ли это так: все же известно довольно много находок их за пределами Аппенинского полуострова, притом не только в Галлии и Паннонии, но и в Рейнской области, во Фракии и в Восточной Европе [60, с. 129, рис. 4, II). Здесь кроме упомянутого ольвийского экземпляра может быть названа еще находка в Вершвай (г. Каунас), в Литве [74, с. 98, № 854, рис. 64, *5*; 97, с. 166, 175, № 4]. В последнем случае бронзовый «нерасчлененный» кувшин (совершенно того же типа) происходит из богатого погребения, датируемого IV в. н. э. [98, с. 41, 42]. Наличие этого и некоторых других сосудов этой группы в поздних погребениях может говорить о длительном их бытовании в варварской среде. Правда, можно предполагать, что производство их существовало в течение долгого времени, может быть еще во II—III вв. н. э., при этом не только в Италии, но, вероятно, и на территории некоторых римских провинций [20, с. 166; 60, с. 132; 39, с. 621]. Однако сравнение ольвийского и каунасского сосудов с кувшинами из Балчика и из Боскореале [83, рис. 17] говорит об их раннем происхождении.

Несколькими находками представлены кувшины или кру́жки другой формы — с биконическим расширяющимся книзу туловом и сильно отогнутым наружу венчиком. Вертикальная ручка имеет внизу атташ в форме маски или листа, а верхний конец охватывает венчик двумя дужками, моделированными в виде лебединых головок (рис. 1, *6*). Такие кру́жки, несомненно южноиталийского происхождения, довольно обычны во всех западноевропейских коллекциях античных бронз, они именуются иногда сосудами кельхеймского типа, по находке у Кельхейма в Баварии [22], или типом Венглевице, по находке в Польше [1, с. 71, табл. XLII, XLIII, *a*].

Самыми ранними кру́жками этого типа являются сосуды, найденные в италийском некрополе Орнавассо, где они датируются еще концом II в.

до н. э. находкой римского денария магистратов Квинта Фабия и Марка Бебия [14, с. 14, 19, рис. 12, *5, 7*]. Следует упомянуть также о находке в такой кружке клада монет республиканского времени в Филипповцах в Болгарии [99, с. 242; 39, с. 609, табл. 27, *4*].

В Северном Причерноморье такие кружки встречены в одной из могил Кобанского могильника [100, с. 85, рис. 81; 74, с. 94, № 808, рис. 57, *3*; 60, *6*] и в составе погребального инвентаря могилы у станицы Даховской на Северном Кавказе [101, с. 33, 39; 74, с. 90, № 768]. Третий сосуд рассматриваемого типа найден в известном погребении 55/8 Калиновского курганного могильника на Нижней Волге, датируемом В. П. Шиловым рубежом нашей эры [43, с. 35; 47, с. 143, рис. 53, *5*; 102, с. 484, рис. 57, *3*; 103, с. 133 сл.].

Довольно широкое распространение на территории Восточной Европы, как в античных городах Причерноморья, так и в среде варварской знати, получили небольшие бронзовые ойнохои I в. н. э. капуанского происхождения с ручкой, поднимающейся в виде петли над венчиком сосуда и нередко украшенной скульптурной головкой. Их можно разделить на две разновидности по форме тулова. Одни из них, имеющие тулово яйцевидной, сужающейся книзу формы (рис. 1, *7*), выделены Г. Ю. Эггерсом в особый, 124-й тип его классификации, названный им, вслед за К. Маевским, типом Рандз (Рондсен) [8, с. 171, табл. II, *124*). Впрочем, К. Маевский, судя по его ссылке на находку в Хатажухаевском ауле, видимо, не делал различия между обеими разновидностями сосудов [1, табл. XLIII, *d*; XLIV, *a*; 10, с. 70, табл. IV, *1*]. Ойнохои типа Рандз найдены на нашей территории главным образом на Северном Кавказе: в погребении у станицы Тульской [104, с. 77], в одном из разрушенных курганов у аула Шенджий Адыгейской автономной обл. [73, с. 234; 74, с. 90, № 772], у станицы Владимирской [73, с. 234, 235; 74, с. 88, № 749]. Ручки от подобных сосудов встречены среди древностей того же аула Шенджий [73, с. 234; 74, с. 90, № 772] и в подкурганной гробнице у станицы Некрасовской [105, с. 74, рис. 96, *а*, *б*; 74, с. 89, № 761, рис. 64, *1*]. Кроме того, одна ойнохоя найдена в богатом сарматском погребении у с. Цветно Кировоградской обл. [74, с. 95, № 823, рис. 62, *1, 2*] и ручка от ойнохои — в погребении липицкого типа у с. Колоколин Ивано-Франковской обл. [10, с. 9, 71, табл. VI, *1—3*]. Впрочем, последнюю находку К. Маевский выделяет в особый тип и считает ее импортом не из Италии, а из Александрии.

Вторая разновидность ойнохой (рис. 1, *8*), определенная Г. Ю. Эггерсом как тип 125 (Стангеруп), отличается шарообразным туловом и общими более приземистыми пропорциями [8, с. 171, табл. II, *125*). К ней принадлежат два сосуда, найденные в керченских погребениях [106, с. 69; 107, с. 91, рис. 148], один сосуд из Горгиппии [108, с. 71, рис. 25, *4*], две ойнохои из богатых курганных могил в Прикубанье — из упомянутого аула Хатажухаевский (станица Воздвиженская) [109, с. 47—49, рис. 92, 93] и из станицы Тбилисская [110, с. 70, рис. 147, *а, б*], наконец, один сосуд из погребения липицкого типа у с. Чижиков Львовской обл. [111, с. 238, табл. I, *1*]. Южноиталийское происхождение ойнохой этого типа и принадлежность их, как и сосудов типа Рандз, первому столетию нашей эры, кажется, ни у кого не вызывает сомнения, хотя они встречаются в погребальных комплексах и более позднего времени, вплоть до III в. ([8, с. 171; 20, с. 147 сл.; 37, с. 45 сл.; 39, с. 612; 1, с. 70] и др.).

Упомянутыми сосудами не исчерпываются находки ойнохой обоих типов на нашей территории. Известны еще экземпляры этой посуды, тип которых не может быть установлен,— из станицы Титоровская и Курджипского кургана на Северном Кавказе [112, с. 305; 113, с. 558; 114, с. 62; 115, с. 7, 13, 111]. Бронзовая ойнохоя, найденная в кургане у пос. Искра Ленинградского р-на Краснодарского края [116, с. 70], не принадлежит ни одному из рассмотренных типов, хотя ручка со скульптурной женской головкой наверху и нижним атташем в виде бородатой головы Диониса и роднит ее с описанными ойнохоями. Вытянутый вверх корпус этого сосуда, постепенно переходящий в широкое горло, сближает его с ойнохоями, выделенными Г. Ю. Эггерсом в 123-й тип [8, с. 170, 171,

табл. II, *123*]. Время и место производства этой ойнохои, видимо, те же, что и ойнохой типов 124 и 125.

Выше упоминалось о том, что во Фракии бронзовые кувшины и ойнохои часто находят в паре с бронзовыми патерами, что указывает на их использование в качестве ритуальных сосудов. Такие находки известны и в других районах Европы — ойнохои типов 124 и 125 найдены вместе с патерами в погребениях Хагенов в Мекленбурге, Добрихов-1, 2 и 3 в Чехии, Злив, Лег Пьекарский и Рандз в Польше и т. д. (см. перечень находок у Г. Ю. Эггерса [8]). Полная идентичность состава металла и приемов изготовления патеры и ойнохои, найденных в 1956 г. в курганном погребении у Асеновграда в Болгарии [117, с. 37], дает основание предполагать, что и выделывались эти сосуды вместе, парами. Поэтому совместные находки их отражают применение их согласно первоначальному функциональному назначению. Что касается территории Восточной Европы, то здесь такая закономерность почти не прослеживается. Бронзовые ойнохои обычно находят в сравнительно богатых погребальных комплексах, в которых они нередко соседствуют с другими импортными бронзовыми сосудами (Тбилисская, Шенджий, Воздвиженская, Лебедевка и др.), но этими сосудами могут быть и так называемые «галло-римские» кувшины и котелки, и ковши и т. д., а не культовые патеры. Только в двух случаях найдены вместе патера и ойнохоя: в погребении I в. н. э. в Чижикове и в склепе 339 (216) пантикапейского некрополя. Первое из этих погребений, расположенное в Пустомытовском р-не Львовской обл. [111, с. 238—240], по своему географическому положению тесно примыкает к упомянутым польским и другим среднеевропейским погребальным комплексам, и наличие в нем отмеченного в этих комплексах явления не должно нас удивлять. Что же касается пантикапейского земляного склепа, то, поскольку здесь имело место античное, а не сарматское погребение, естественно отражение в его инвентаре первоначальных функций положенных в могилу сосудов. Интересно отметить, что это погребение надежно датируется III в. н. э. индикацией с боспорской монеты [106, с. 69]. Можно полагать, что и в эту сравнительно позднюю эпоху в античных центрах ойнохои и патеры играли роль культовых принадлежностей. Но ойнохои, найденные в курганах Северного Кавказа или Украины, вряд ли могли рассматриваться их последними владельцами как сосуды культового назначения, а использовались скорее всего как обычная бытовая посуда наряду с другими бронзовыми импортными изделиями. Характерно, что второй компонент этой пары, сосуды несомненно ритуального назначения — патеры, в курганных древностях почти никогда не встречаются.

Известны сравнительно частые находки в Восточной Европе кованых бронзовых узкогорлых кувшинов, или ойнохой, так называемого «галло-римского» типа. Они имеют сужающееся книзу тулово и плоское дно, которое иногда покоится на трех свинцовых ножках. Над плечиками, почти горизонтальными, слегка покатыми, возвышается узкое высокое горло, заканчивающееся трехлепестковым венчиком. Высокая изогнутая ручка, литая бронзовая, иногда железная, прикреплена к тулову сосуда и к венчику; в верхней части обычно имеет вертикальный отросток. Устье кувшина закрывается вращающейся на шарнире бронзовой крышечкой, к которой сверху приделана литая фигурка птички (рис. 1, *9*).

Лучшими образцами изделий этого типа являются кувшины из знаменитой царской гробницы с золотой маской в Керчи [118, табл. XLIV, *8*; 74, с. 96, № 826, рис. 69], из сарматского погребения у с. Олонешты в Молдавии [69, с. 200, 201, рис. 3, *4*] и из кург. № 20 у пос. Центральный Мартыновского р-на Ростовской обл. [119, с. 123]. В Керчи кроме упомянутого сосуда из царской гробницы найдено еще не менее трех «галло-римских» кувшинов [106, с. 69; 107, с. 101, 102; 74, с. 96, № 829, 831, 833], еще два кувшина происходят из погребений Инкерманского и Чернореченского могильников в Крыму [120, с. 114, табл. V, *17*; XII, *1*]. Вероятно, сосуд того же рода встречен и в одном из погребений Харакса [121, с. 269]. Фрагменты трех кувшинов обнаружены в Танаисе при раскопках в 1964 г. [56, с. 149, рис. на с. 151; 122, с. 161, 162, табл. XXXIII,

1), наконец, еще три подобных сосуда, все с утраченными ручками, находились в составе погребальных комплексов Нижнего Подонья: в курганах у станиц Крепинской [62, с. 160, прим. 33] и Мелиховской [74, с. 92, № 789, рис. 57, *6*] и в упоминавшемся уже кургане Хохлач [63, с. 237, рис. 13]. В этом кургане обнаружен также еще один бронзовый кованый сосуд близкой формы, но значительно больших размеров и с относительно более широким горлом [63, с. 237, рис. 12].

Сосуды рассматриваемого типа обычно сопоставляются с бронзовым кувшином, происходящим из могилы Страже-2 в Словакии, опубликованным В. Ондрухом [25, с. 132, рис. 30, табл. 36, 37; 40, с. 33, рис. 12, *1*, табл. XIX, *1*], либо с кувшинами из Галлии и Германии, выделенными Г. Ю. Эггерсом в его 128-й тип [8, с. 171]. Однако указанные сосуды, представляя в целом тот же тип кованого кувшина, все же резко отличаются от восточноевропейских находок прежде всего формой тулова, имеющего или приземистую полушаровидную (сосуд из Страже), либо биконическую (галльские сосуды) форму, а также некоторыми техническими деталями. Гораздо ближе к нашим сосудам находятся некоторые кувшины из Паннонии [20, с. 151 сл., табл. LI сл.] и особенно из Фракии [39, с. 616, сл.]. Б. А. Раев, специально рассматривавший эту категорию кувшинов, разделил их на две большие группы. Обе они, по его мнению, имеют в качестве прототипов кувшины италийского производства. Если для первой группы (группа Веринген) Б. А. Раев признает западное происхождение и сохраняет за ней название «галло-римская», то производство сосудов второй группы (группа Стралджа), к которой относятся и все восточноевропейские находки, он локализует во Фракии и предлагает именовать эту группу «фракийской» [62, с. 155 сл.; 39, с. 616 сл.]. Наблюдения Б. А. Раева и выделение им двух групп кувшинов несомненно правильны, но признать все найденные в Восточной Европе кованые кувшины импортом из Фракии все же было бы неосторожным. Концентрация находок их в Пантикапее, Танаисе и прилегающих районах позволяет высказать предположение (для большего пока нет оснований), что кованые кувшины второй группы Б. А. Раева могли производиться не только во Фракии, но и где-то в Северном Причерноморье по тем же италийским или фракийским образцам.

В хронологическом отношении рассматриваемая группа кувшинов довольно компактна. Самыми ранними экземплярами являются, видимо, кувшины из кургана Хохлач, датируемого началом II в. н. э. Но основная масса их приходится на весь II в. и первую половину III в. н. э. Примерно в тех же границах датируются и аналогичные находки во Фракии, Мезии и Паннонии [62, с. 157, табл. II; 39, с. 617].

Обзор находок сравнительно немногочисленных закрытых бронзовых сосудов в Восточной Европе уже позволил сделать некоторые наблюдения топографического и хронологического порядка, важные сами по себе. Значительно больше сможет сказать сопоставление этих находок с находками бронзовых римских сосудов других категорий — ковшей, чаш, котлов и т. д., нередко оказывающихся в одних комплексах с кувшинами или ойнохоями. Этим находкам предполагается посвятить следующую статью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Majewski K.* Importy rzymskie w Polsce. Warszawa — Wrocław, 1960.
2. *Gumowski M.* Handel rzymski na ziemiach polskich.— In: Charisteria Casimiro de Moranski. Krakow, 1922.
3. *Ekholm G.* Om romarnas handel på Nordeuropa.— Fornvännen, 1934, № 6.
4. *Ekholm G.* Gallish-Skandinaviska förbindelser under öldre Keisartid.— Fornvännen, 1935, № 7.
5. *Ekholm G.* Zur Geschichte der römisch-germanischen Handels.— Acta archeologia, 1935, v. VI. København.
6. *Brogan O.* Trade between the Roman Empir and the free Germans.— Journal of Roman Studies, 1936, v. 26.
7. *Eggers H. J.* Das römische Einfuhrgut in Pommern.— Balt. Studien, 1940, v. XLII.
8. *Eggers H. J.* Der römische Import im freien Germanien, I—II. Hamburg, 1951.
9. *Majewski K.* Obszar Słowianszczyzny zachodniej w świetle importow rzymskich. Archaeologia (Warszawa), 1947, 1.

10. *Majewski K.* Importy rzymskie na ziemiach słowiánskich. Wroclaw, 1949.
11. *Lindeberg J.* Die Einfuhr römischer Bronzegefässe nach Gotland.— Saalburg Jahrbuch, 1973, 30.
12. *Hedeager L.* A quantitative analysis of Roman imports in Europe north of the Limes and the question of Roman-Germanic exchange.— In: New directions in Scandinavian archeology. Kopenhagen, 1978.
13. *Willers H.* Die römischen Bronzeeimer von Hemmoor. Hannover — Leipzig, 1901.
14. *Willers H.* Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien. Hannover — Leipzig, 1907.
15. *Ridder A.* Les bronzes antiques du Louvre. V. II. Paris, 1915.
16. *Pernice E.* Gefässe und Geräte aus Bronze (Die Hellenistische Kunst in Pompei. Bd IV). Berlin, 1925.
17. *Lamb W.* Greek and Roman bronzes. L., 1929.
18. *Fremersdorf F.* Römische Brandgrab mit Bronzegefässen von Köln — Lindenthal.— Germania, 1933, Bd XVII, № 4.
19. *Ekholm G.* Romerska vinskopor och kärl av Hemmoortyp i Skandinaviska fynd.— Upplands Fornminnesförenings Tidscrift, 1934, 45.
20. *Radnóti A.* Die römischen Bronzegefässe von Pannonien. Budapest, 1938.
21. *Nordling-Christensen H.* Den aeldre romerske Jaernalders Kronologie.— Fornvännen, 1944.
22. *Werner J.* Die Bronzekanne von Kelheim.— Bayerische Vorgeschichtsblätter, 1954, № 20.
23. *Eggers H. J.* Zur absoluten Chronologie der römischen Keiserzeit in freien Germanien.— Jahrbuch d. Römisch-Germanischen Zentral Museum, 1955, Bd II.
24. *Boesterd den M. H. P.* The Bronze-Vessels Description of the Collection in the Rijksmuseum G. M. Kam at Nijmegen, V. Nijmegen, 1956.
25. *Ondrouch V.* Bohate hroby z doby rimskej na Slovensku. Bratislava, 1957.
26. *Ekholm G.* Die absolüte Chronologie der römischen Keiserzeit.— Jahrbuch d. Römisch-Germanischen Zentral-Museum, 1957, Bd IV.
27. *Radnoti A.* Gefässe, Lampen und Tintenfässer aus Bronze.— Intercissa. 1957, Bd II, Budapest.
28. *Menzel H.* Die römischen Bronzen aus Deutschland. Bd I. Mainz, 1960.
29. *Ekholm G.* Handelsförbindelser mellan Skandinavien och Romerska riket. Stockholm, 1961.
30. *Alföldy G.* Bronze vesssels in the burial rites of the native population in North Pannonia.— Archaeologia (Warszawa), 1961, № 11.
31. *Kolnik.* Zu neuen römisch-barbarischen Funden in der Slowakei und ihrer Chronologie.— Studia historica slovaca, II. Bratislava, 1964.
32. *Eggers H. J.* Romische Bronzegefässe in Britannien.— Jahrbuch d. Römisch-Germanischen Zentral-Museum, 1966, Bd XIII.
33. *Tejral J.* K otázce importu bronzových nádob ve starší dobé římské.— Památky archeologické (Praha), 1967, XVIII.
34. *Kraskovská L.* Rimské bronzové nádoby na Slovensku.— Slovenská archeológía, 1976, XXIV.
35. *Sakař.* Roman Imports in Bohemia.— Fontes Archaeologiae pragenses, 1970, XIV.
36. *Kolnik T.* Prehl'ad a stav bádania o dobe římskej a st'ahovaniá narodov.— Slovenská archeológia, 1971, XIX.
37. *Huber H. U.* Kanne und Griffschale.— Bericht der Römisch-Germanischen Komission, 1972, Bd 53.
38. *Жуглев К. И.* Проучване на античните съдове trullae, открити в Тракия и Мизия.— Годишник на Софийския университет. Филос.-ист. фак., 1973, LXV.
39. *Raev B. A.* Die Bronzegefässe der römischen Keiserzeit in Thrakien und Mösien.— Bericht der Römisch-Germanischen Komission, 1977, Bd 58.
40. *Kraskovská L.* Roman Bronze Vessels from Slovakia. Oxford, 1978.
41. *Шилов В. П.* Позднесарматское погребение у с. Старица.— В кн.: Античная история и культура Северного Причерноморья. М.: Наука, 1968.
42. *Шилов В. П.* Бронзовая чаша Андреевского кургана — СА, 1972, № 2.
43. *Шилов В. П.* Южноиталийские сосуды Калиновского могильника.— СГЭ, 1973, вып. 36.
44. *Шилов В. П.* Металлические сосуды из кургана у с. Большая Дмитриевка.— СА, 1973, № 4.
45. *Шилов В. П.* Бронзовая патера из Астраханской области.— СА, 1974, № 1.
46. *Шилов В. П.* К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху.— КСИА, 1974, вып. 138.
47. *Шилов В. П.* Очерки из истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
48. *Капошина С. И.* Ценные находки археологов в районе Новочеркасска.— ВАН, 1963, № 3.
49. *Капошина С. И.* Итоги работ Кобяковской экспедиции.— КСИА, 1965, вып. 103.
50. *Капошина С. И.* Италийский импорт на Нижнем Дону.— ЗОАО, 1967, II (35).
51. *Капошина О. И.* Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н. э. и в первые века н. э.— В кн.: Античное общество. М.: Наука, 1967.
52. *Капошина С. И.* Кельтский котел из Садового кургана у Новочеркасска.— КСИА, 1969, вып. 116.

53. *Kaposhina S. I.* A Sarmation Royal Burian at Novocherkassk.— Antiquity, 1963, XXXVII.
54. *Шелов Д. Б.* Италийские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э.— ААН, 1965, t. XVII.
55. *Шелов Д. Б.* Западноримские импорты в Нижнем Подонье в первые века н. э.— ЗОАО, 1967, II (35).
56. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М.: Наука, 1972.
57. *Schelow D.* Der römische Import im Unterdon — und Wolgagebiet in den ersten Jahrhunderten u. Z.— Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968.
58. *Раев Б. А.* Богатые сарматские погребения 3-го Соколовского кургана.— ВЛУ, 1972, № 20 (История. Язык. Литература, вып. 4).
59. *Раев Б. А.* Бронзовый таз из 3-го Соколовского кургана.— СА, 1974, № 3.
60. *Раев Б. А.* К хронологии римского импорта в сарматских курганах Нижнего Дона.— СА, 1976, № 1.
61. *Raev B. A.* Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas-Don.— Bull. des Musées Royaux d'art d'histoire, 46 année, 1974. Bruxelles, 1977.
62. *Raev B. A.* Les «Blechkannen» de province et leurs prototypes italiques.— Actes du IV Colloque international sur les bronzes antiques. Lyon, 1977.
63. *Raev B.* Metall vessels from «Hohlač» (Novočerkassk).— In: Bronzes hellénistiques et romains. Tradition et renouveau. Lausanne, 1979.
64. *Раев Б. А.* Металлические сосуды кургана «Хохлач».— Проблемы археологии, Л., 1978, вып. 2.
65. *Раев Б. А.* Новые погребения с римским импортом в Нижнем Подонье.— СА, 1979, № 4.
66. *Раев Б. А.* Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I—III веков н. э. на Нижнем Дону. Автореф. канд. дис. Л., 1979.
67. *Волкович А. М.* К южным связям Прикамья в последние века до н. э. и в первые века н. э.— Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, 1941, № 1.
68. *Максимов Е. К.* Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области.— СА, 1957, № 4.
69. *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты.— СА, 1962, № 1.
70. *Кропоткин В. В.* Из истории римской торговли с Восточной Европой.— В кн.: Историко-археологический сборник. М.: Изд-во МГУ, 1962.
71. *Кропоткин В. В.* Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР.— КСИА, 1969, вып. 119.
72. *Дитлер П. А.* Комплекс из кургана близ аула Кунчукохабль.— В кн.: Сборник материалов по археологии Адыгеи. Вып. 3. Майкоп, 1972.
73. *Анфимов Н. В.* Импорт бронзовой италийской посуды в Прикубанье (II в. до н. э.— III в. н. э.) — В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Т. 2. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979.
74. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.) — САИ, М., 1970, Д 1-27.
75. *Schelov D. B.* Römische Bronzegefässe in Osteuropa.— Eirene, 1981, XVIII.
76. *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.: Наука, 1967.
77. *Braemer F.* L'art dans l'Occident romain. Trésor d'argenterie. sculptures de bronze et de pierre. Catalogue. Paris, 1963.
78. *Цончев Д.* Материалы на археологическата карта на България.— Годишник на народния археологически музей в Пловдив, 1950, II.
79. *Табакова-Цанова Г., Гетов Л.* Могилни погребения от с. Тулово, Старозагорско.— Археология, 1969, № 4.
80. *Буюклиев Х.* Тракийски могилни погребения от околностите на Стара Загора.— Археология, 1973, № 4.
81. *Cou de H. F.* Antiquities from Boscoreale in Field Museum of Natural History.— Field Museums of Natural Histori Publication, t. 152. Anthrop. series, VII, 1912.
82. *Schreiber Th.* Die alexandrinische Toreutik.— Abhandlungen der philologische-historischen Classe der königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig, 1894, Bd XIV.
83. *Pernice E.* Bronzen aus Boscoreale.— AA, 1900, Bd XV.
84. *Николов Д., Буюклиев Хр.* Нови тракийски могилни погребения от Чаталка, Старозагорско.— Археология, 1967, № 3.
85. *Николов Д., Буюклиев Хр.* Тракийски могилни гробове от Чаталка, Старозагорско.— Археология, 1967, № 1.
86. *Дякович Б.* Тракийска гробница при Пловдив и некропол на древния град.— В кн.: Сборник на народнии умотворения, наука и книжнина, 1907, № 22—23.
87. *Radnoti A.* Eine Bronzekanne aus Augsburg.— Bayerische Vorgeschichtsblätter, 1960, 25.
88. *Balty J.—Ch.* Une anse d'aiguiere d'époque romaine a incrustation d'argent.— Bull. des musées royaux. Bruxelles, 1967, 37.
89. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом.— ИАК, 1900, вып. 1.

90. *Арсеньева Т. М.* Работы в Танаисе.— АО — 1972. М., 1973.
91. *Kraskovská L.* Hroby z doby rímskej v Zohore.— Slovenská archeológia, 1959, VII, 1.
92. *Штерн Э. Р.* Несколько античных бронз из коллекции Одесского музея.— ЗООИД, 1911, т. XXIX.
93. *Султов Б.* Принос към античната история на Павликенския край.— Изв. на Народния музей в Велико Търново, 1962, т. I.
94. *Багриков Г. П., Сенигова Т. Н.* Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV вв.) — Изв. АН КазССР. Сер. общественная, № 2. 1968.
95. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология.— КСИА, 1978, вып. 156.
96. *Шкорпил К., Шкорпил Х.* Балчик.– Изв. на Варненското археологическо дружество, 1912, V.
97. *Михельбертас М. М.* Римские металлические предметы в Литве.— СА, 1965, № 3.
98. *Puzinas.* Dviguhas IV amž. kapas surastas Veršvnose.— Vytanto Didřiojo kulturos muziejas metrastis, Kaunas, 1941, 1.
99. *Мушмов Н.* Колективни находки на монети от 1921—22.— Изв. на Българския археологически институт, 1922, т. I.
100. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, т. VIII.
101. *Лунин Б. В.* Серебряная чаша с рельефными изображениями и греческой надписью и стеклянная чашка из находок у станицы Даховской.— Изв. Ростовск. обл. музея краеведения, 1940, II.
102. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
103. *Moser E.* Italische Bronzegefäße in Kalinowka, Wolgograd.— Archäologische Korrespondenzblatt, 1975, Bd V.
104. Отчет по Кубанскому войсковому этнографическому и естественно-историческому музею за 1911—1912 гг. Екатеринодар, 1913.
105. ОАК за 1905 г. СПб, 1908.
106. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г.— ИАК, 1905, вып. 17.
107. ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918.
108. *Кругликова И. Т., Цветаева Г. А.* Раскопки в Анапе.— КСИА, 1963, вып. 95.
109. ОАК за 1899. СПб, 1902.
110. ОАК за 1902 г. СПб, 1904.
111. *Смишко М. Ю.* Богатое погребение начала нашей эры в Львовской области.— СА, 1957, № 1.
112. Журнал Министерства внутренних дел, 1846.
113. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
114. ОАК за 1896 г. СПб, 1898.
115. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.
116. *Анфимов Н. В.* Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
117. *Жуглев К., Калудова Й.* Към историята на античното селище при Асеновград.— Археология, 1962, № 1.
118. Древности Боспора Киммерийского. СПб, 1854.
119. *Казакова Л. М., Копылов В. П., Науменко С. А.* Раскопки курганов у пос. Центральный.— АО — 1975. М., 1976.
120. *Бабенчиков В. П.* Чорноріченський могильник.— Археологічні пам'ятки. 1963, т. XIII.
121. *Блаватский В. Д.* Харакс.— МИА, 1951, № 19.
122. *Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б.* Раскопки юго-западного участка Танаиса — В кн.: — Археологические памятники Нижнего Дона. М.: Наука, 1974.

D. B. Shelov

ROMAN BRONZE JUGS AND AMPHORAE IN EASTERN EUROPE

Summary

The author deals with bronze closed-type vessels, amphorae, and jugs, made in the 1st-3rd centuries A. D. by Roman craftsmen, found in Eastern Europe in the ruins of antique cities of the Northern Black Sea coast and in barbarian mounds in the East European steppe, mainly on the lower Don and Northern Caucasus. Barbarian nobility came into possession of these vessels by different ways: they were either spoils of war, presents to tribal chiefs, or were acquired through trade. The vessels served various, sometimes widely different from the original, purposes.

БАРЦЕВА Т. Б.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ИЗДЕЛИЙ АНТИЧНОГО ИМПОРТА, НАЙДЕННЫХ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

(по данным спектрального анализа)

Особое внимание исследователей издавна привлекали изделия импортного (античного и греческого) производства, обнаруженные в памятниках скифской поры на территории Среднего Поднепровья. В наиболее полном объеме сводка этих находок дана в двух сводах Н. А. Онайко, изданных в конце 60-х — 70-х годов [1, 2]. В этих же работах приведена обширная библиографическая литература с описанием интересующих нас памятников.

Задачей настоящей статьи является первая попытка исследования античного импорта с привлечением спектроаналитических данных. Подобное изучение позволяет: во-первых, на основании объективных данных определить химико-металлургический состав античных бронзовых изделий и, во-вторых, выделить характерные показатели производственной манеры тех или иных мастерских или центров производства, что ранее решалось лишь на основании стилистического анализа.

Спектроаналитическую обработку в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР прошли все наиболее часто встречающиеся и оказавшиеся доступными для изучения категории импортных вещей. В общей сложности было изучено 26 изделий (42 анализа) самого разнообразного функционального назначения. Среди них следует назвать: клад бронзовой посуды из с. Песчаного на р. Супой (№ 19.886—19.895*а*), кратер из с. Мартоноши (№ 20.739; 22.617—22.618), ситулу из с. Тишково (№ 22.445—22.446), чашу из кург. 66 у с. Бобрицы (№ 19.756), вазы-кубки из с. Букрин (№ 19.757) и кург. 33 у с. Бобрицы (№ 19.758), зеркала «ольвийского» типа из бывшего Роменского уезда (№ 19.754), кург. 38 у с. Гуляй Город (№ 19.736), кург. у с. Мачухи (№ 20.613), зеркала-диски с художественно оформленными ручками из курганов у сел Басовки (№ 19.753) и Волковцы (№ 19.755), а также ручку от зеркала кульобского типа из бывшего Чигиринского уезда (№ 17.216). К предметам конской упряжи [3, с. 40] относится пластина из кург. 9 у с. Пруссы (№ 19.670), которую некоторые исследователи считают пластиной от колчана [4, с. 33—34]. К защитному доспеху относятся аттический шлем и его детали из кург. 4 у с. Пастырского (№ 19.694—19.694*б*), а также поножи, найденные в кургане у с. Ильинцы на территории Побужья (№ 22.628—22.629) (рис. 1 и 2). Сводная таблица с данными результатов анализа приведена в конце статьи.

В качестве фонового материала, необходимого для проведения сравнительных сопоставлений, в работе привлечены синхронные материалы из памятников смежных и более удаленных областей. Среди них важнейшими были следующие: клад защитного доспеха из с. Олонешты (№ 24.487—24.495), аттические и иной формы шлемы, найденные на территории Болгарии (№ 19.512—19.537), отдельные находки шлемов, нагрудных украшений панциря, поножей с территории Прикубанья (станица Темнолесская, Майкоп, станица Елизаветинская, Кубань: № 17.265, 10.515, 10.619, 22.616) и степной части Украины (Чертомлык, № 22.408); часть сосудов и блях от конской узды из Гайматовой могилы (№ 19.884—19.886); черпаки из случайных находок у Днепропетровска и Ольвии (№ 16.422—16.423; 21.742); зеркала из Анновки (№ 22.614), из Поволжья (№ 16.948—

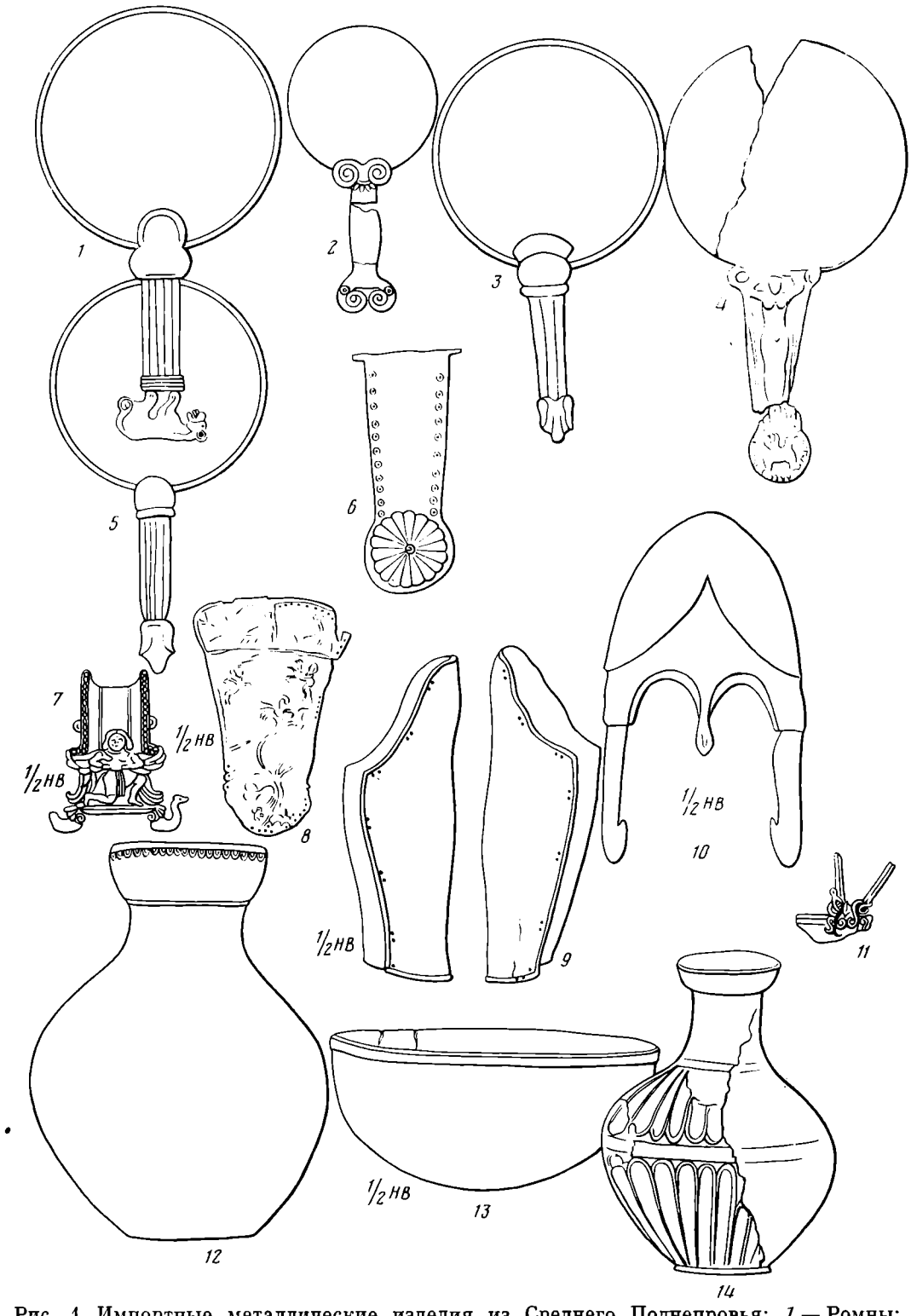


Рис. 1. Импортные металлические изделия из Среднего Поднепровья: *1* — Ромны; *2* — Басовка; *3* — Мачухи; *4* — Волковцы; *5* — Гуляй Город; *6* — Чигирин; *7* — Мартоноша; *8* — Пруссы; *9* — Ильинцы; *10* — Пастырское; *11* — Тишково; *12* — Букрин; *13, 14* — Бобрицы

16.949), Прикубанья (№ 11.217—11.218; 10.549 и 13.730) (рис. 3). Всего для сравнений привлечено 47 анализов, произведенных в кабинете спектрального анализа и хранящихся в его архиве. Хронологические рамки всего изученного материала довольно широки и охватывают четыре столетия — от VI до III в. до н. э. К первой половине VI в. до н. э. относится кратер из с. Мартоноши [1, с. 30, 63; 5, с. 115]. Ко второй половине VI—рубежу VI—V вв. до н. э.— зеркала «ольвийского» типа [6, с. 22—24; 7,

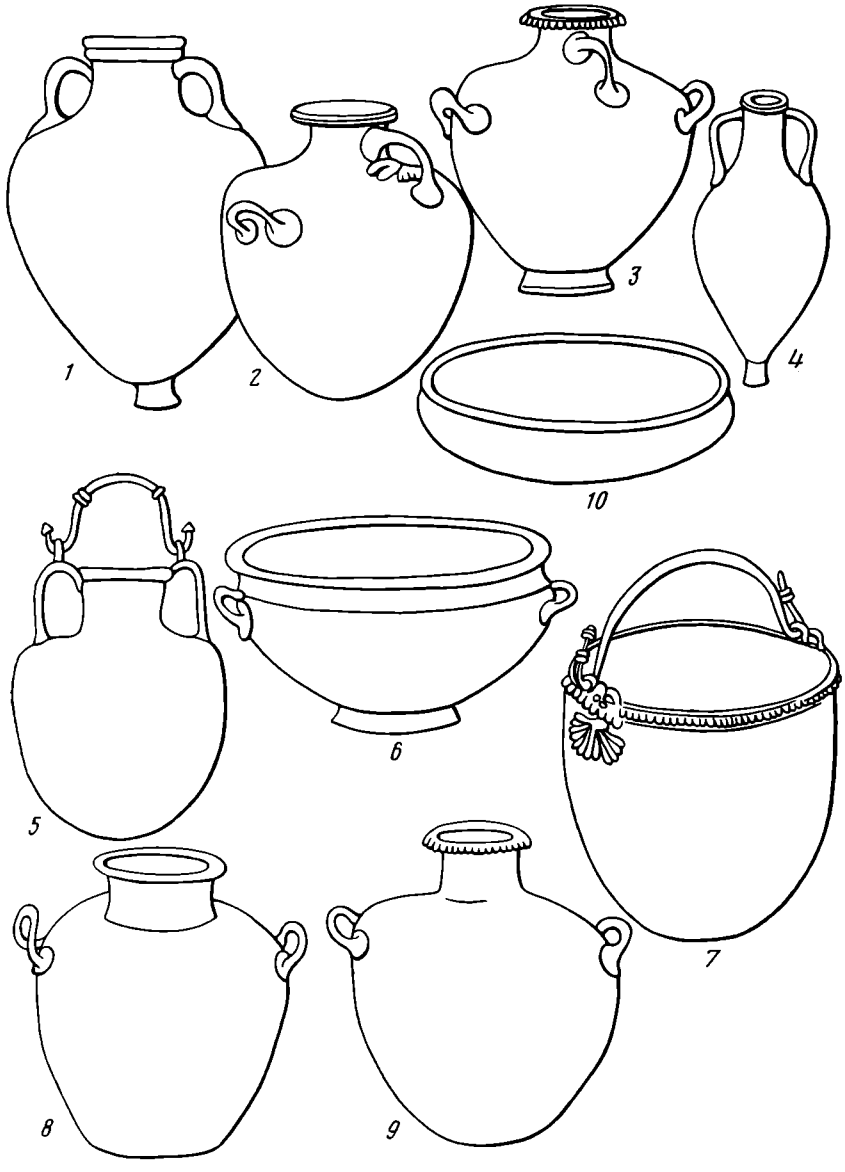


Рис. 2. Клад бронзовой посуды из с. Песчаного

с. 28, 29], зеркало из Басовки [1, с. 65; 8, с. 152, 153], Волковцев [8, с. 153] и бывш. Чигиринского уезда [1, с. 65]. Клад бронзовой посуды из Песчаного [9; 1, с. 30, 63], кубки из кург. 33 у сел Бобрицы и Букрин [3, с. 25] датируются V в. до н. э.; рубежом V—IV вв. до н. э.— чаша из кург. 66 у с. Бобрицы [3, с. 94]; IV в. до н. э.— ситула из Тишкова [8, с. 163], а также поножи из с. Ильинцы [10, с. 35] и шлем из кург. 4 у с. Пастырского [3, с. 95]. Пластина с растительным орнаментом и грифонами из кург. 9 у с. Пруссы относится к III в. до н. э. [3, с. 39].

В результате обработки спектроаналитических данных методами математической статистики была составлена сводная гистограмма распределения ведущих диагностических примесей в меди изученных образцов (рис. 4). Анализ сводной гистограммы свидетельствует как о разнообразии рудных источников, так и о металлургической (рецептурной) их несхожести. Особое внимание привлекают многовершинность и асимметричность гистограмм свинца, серебра, сурьмы и частично мышьяка. Более компактны фигуры олова, никеля, кобальта и висмута. Проведенная корреляция ведущих пар элементов олова-свинца, сурьмы-мышьяка, никеля-кобальта, серебра-сурьмы позволила более четко определить границы металлургических и химических групп (рис. 5).

В результате было установлено, что бронза импортных изделий в большинстве своем была высокооловянным сплавом на медной основе.

Рис. 3. Бронзовые изделия с территории Украины, Поволжья, Молдавии и Прикубанья: *1, 3, 16, 18* — Прикубанье; *2, 6* — Астраханская губерния; *4* — Анновка; *5* — Цемдолина; *7* — близ Днепропетровска; *8—15* — Гайманова могила; *17* — Олонештский клад; *19* — станица Темнолесская; *20* — станица Елизаветинская

где концентрации олова, как правило, представлены в интервалах от 10 до 30%. Содержания свинца обычно колеблются в границах сотых и, реже, десятых долей процента (рис. 5, *а*). Из высокооловянной бронзы отлито большинство исследованных изделий независимо от их функционального назначения и времени бытования. Вторым типом металлургического сплава или рецепта была оловянно-свинцовистая бронза, где содержания олова и свинца сочетаются в целых долях процента с небольшим перевесом олова над свинцом. Концентрации олова повторяются те же, что отмечены и для оловянных бронз. За границу искусственного ввода свинца в сплав приняты его концентрации, равные одному процен-

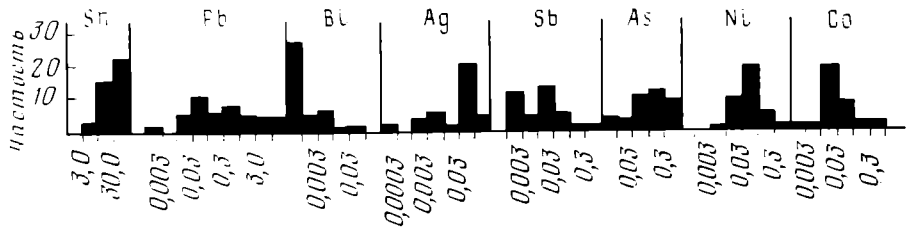


Рис. 4. Сводная гистограмма распределения концентраций примесей к меди импортных изделий с территории Среднего Поднепровья

ту, что хорошо видно на корреляционном графике (рис. 5, *а*). Сложный медно-оловянно-свинцовистый сплав обычно применялся для отливки зеркал «ольвийского» типа (№ 19.754, 19.736, 22.613) и изредка посуды или ее деталей (№ 19.888, 19.889*а*, *б*, 19.890*б*, 19.891*б*, 19.892, 19.894, 19.895*а*, 22.446). Иных искусственных сплавов на медной основе для импортных изделий не отмечено, за исключением свинцово-медной затычки ножки амфоры III из клада у с. Песчаного (№ 19.891*в*).

Расположение точек на общем корреляционном поле другой пары ведущих примесей сурьмы-мышьяка (рис. 5, *б*) позволяет выделить еще две группы, свидетельствующие о различиях химического порядка, связанных с использованием исходного сырья. В первую химическую группу попадают те из исследованных предметов, медь которых обеднена содержаниями сурьмы, не поднимающимися выше тысячных долей процента (от 0 до 0,007%), и мышьяка (от 0 до 0,3%). Зачастую в их составе отсутствуют или представлены в тысячных долях процента также и концентрации серебра (рис. 5, *в*, *г*). Во вторую химическую группу попадает основная масса вещей, связанных с кладом у с. Песчаного. Концентрации мышьяка в этой группе, равно как и сурьмы, более стабильны и высоки, нежели в первой. Для сурьмы они представлены в интервале сотых (0,01—0,08%) долей процента, а для мышьяка — в десятых (0,15—0,7%). Серебро, как правило, содержится в сотых и даже десятых долях процента (0,03—0,2%). Выявленные различия для двух химических групп, однако, полностью стираются при корреляции еще одной пары диагностических примесей, а именно никеля-кобальта (рис. 5, *д*). При корреляции этих элементов наблюдается поразительно компактная группировка всех точек в центральной части поля. Металл выделенных химических групп оказывается в одинаковой степени насыщенным микропримесями никеля-кобальта в пределах сотых —десятых долей процента (от 0,01 до 0,1 и даже более 0,3%). Лишь четыре образца из всей исследованной коллекции составляют исключение. Это зеркало кульобского типа из бывшего Чигиринского уезда (№ 17.216; рис. 1, *6*), кубок из кург. 33 у с. Бобрицы (№ 19.758; рис. 1, *13*) и детали аттического шлема из кург. 4 у с. Пастырского (№ 19.694*а* — 19.694*б*; рис. 1, *10*). Различия и сходства у выявленных химических групп хорошо можно продемонстрировать на сводных гистограммах (рис. 6). Для большей наглядности (из-за малочисленности импортов из Среднего Поднепровья) в них включены и образцы металла, привлеченного в качестве фонового материала. В настоящее время на основании нескольких тысяч спектрально исследованных образцов руд, шлаков, отходов металлургического производства, а также и самих бронзовых предметов, как относящихся к эпохе медного и бронзового веков, так и более поздних (эпоха железа), установлено, что высокие содержания никеля-кобальта были наиболее показательны для руд Балкано-Карпатской ГМО. Отмеченное единство двух химических групп по содержаниям никеля-кобальта скорее всего свидетельствует о сравнительно близкой геохимической характеристике источников единой ГМО, что повсеместно наблюдалось в пределах металлургических очагов Балкано-Карпат, особенно ярко на примере металла позднего бронзового века [11, с. 82, 83; 12, с. 131]. По разработанной на сегодняшний день номенклатуре химических групп позднего бронзового века для территории Болгарии и Юго-Запада СССР нами две выявленные химические группы

аналогичны X или КТ (наша вторая химическая группа), XI или Пб (наша первая химическая группа) [12, с. 179, табл. IV, *2*].

Конкретный анализ бронзовых вещей начнем с самого древнего в коллекции изделия — кратера из с. Мартоноши (№ 20.739, 22.617—618; рис. 1, *7*), представляющего собой классический образец изделий ионийских мастерских. Бесспорность его греческого происхождения является общепризнанной [1, с. 30; 5, с. 115]. На основании этого химико-металлургический состав меди данного изделия можно признать эталонным образцом для определения круга изделий ионийского производства. Были исследованы сам кратер (№ 20.739) и его сохранившаяся ручка (№ 22.617 — ручка, № 22.618 — фигура на ручке). Все три проанализированные детали имеют абсолютно сходные химико-металлургические показатели. Кратер был отлит из высокооловянной бронзы с концентрациями олова, превышающими 10%. Химический состав руды, из которой он изготовлен, отличается большой чистотой и лишен целого ряда диагностических микропримесей, что соответствует нашей первой химической группе. Таким образом, при определении круга изделий ионийского производства следует иметь в виду именно эти показатели. Среди прошедших лабораторную обработку материалов аналогичные характеристики отмечены для значительной группы вещей различного функционального назначения, время бытования которых укладывается в рамки V—IV вв. до н. э. Это аттические шлемы из случайных находок в Прикубанье [13, с. 64, 65, табл. II] и из Фракии (№ 19.518, 19.520—521, 19.524—527, 19.530—532, 19.535), нагрудное украшение панциря из станицы Елизаветинской (№ 22.616), черпаки, ручки которых оканчиваются головкой уточки (№ 21.742, 16.422—423), некоторые уздечные бляхи из Гайманової могилы (№ 19.985—986; 20.017) [1], поножи из кургана у с. Ильинцы (№ 22.628—629, рис. 1, *9*). Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод, что у мастеров ионийских центров на протяжении нескольких столетий (VI—IV вв. до н. э.) сохранились не только стойкие производственные традиции, но и снабжение сырьем из единого круга источников, что легко позволяет определять их продукцию. В связи с этим хочется особо остановиться на химико-металлургическом составе бронзового зеркала из Анновки, также считающегося изделием ионийского производства (№ 22.614 — зеркало, № 22.615 — подставка фигуры). Отлитое из той же высокооловянной бронзы, оно отличается от разобранных выше изделий более насыщенным химическим составом руды. В сотых долях процента в его меди зафиксирована сурьма (0,01%), в десятых (0,25—0,45%) — мышьяк. Подобные расхождения, вероятно, позволяют поддержать высказанное мнение о его производстве мастерами иных центров, нежели ионийские. Согласно точке зрения С. А. Жебелева, его могли создать мастера дорийской школы [1, с. 18]. Незначительные отклонения в содержаниях серебра (сотые доли процента) от классических образцов ионийского производства отмечены и для изделий Олонештского клада (№ 24.478—495), орнаментированной пластины из кург. 9 у с. Пруссы (№ 19.670), а также части шлемов, найденных на территории Болгарии (№ 19.512—517, 19.519, 19.522, 19.529, 19.533—534, 19.536—537) [2]. Последняя группа изделий в целом по своим геохимическим показателям может быть сопоставлена с I или XI (по Е. Н. Черных) химической группой. Возможно, однако, что образцы ионийского производства могли быть отлиты из металла, аналогичного XII химической группе. Но, как уже отмечалось Е. Н. Черных, отличаясь от иных групп более пониженными концентрациями почти всех примесей, последняя группа могла получиться за счет особой рафинировки металла. Источники сырья для названных химических групп, скорее всего, следует искать среди месторождений северной части Странджанского горнорудного района, где следы горно-металлургических производств датируются археологическими

---

[1] Архив кабинета спектрального анализа ИА АН СССР.
[2] Архив кабинета спектрального анализа ИА АН СССР.

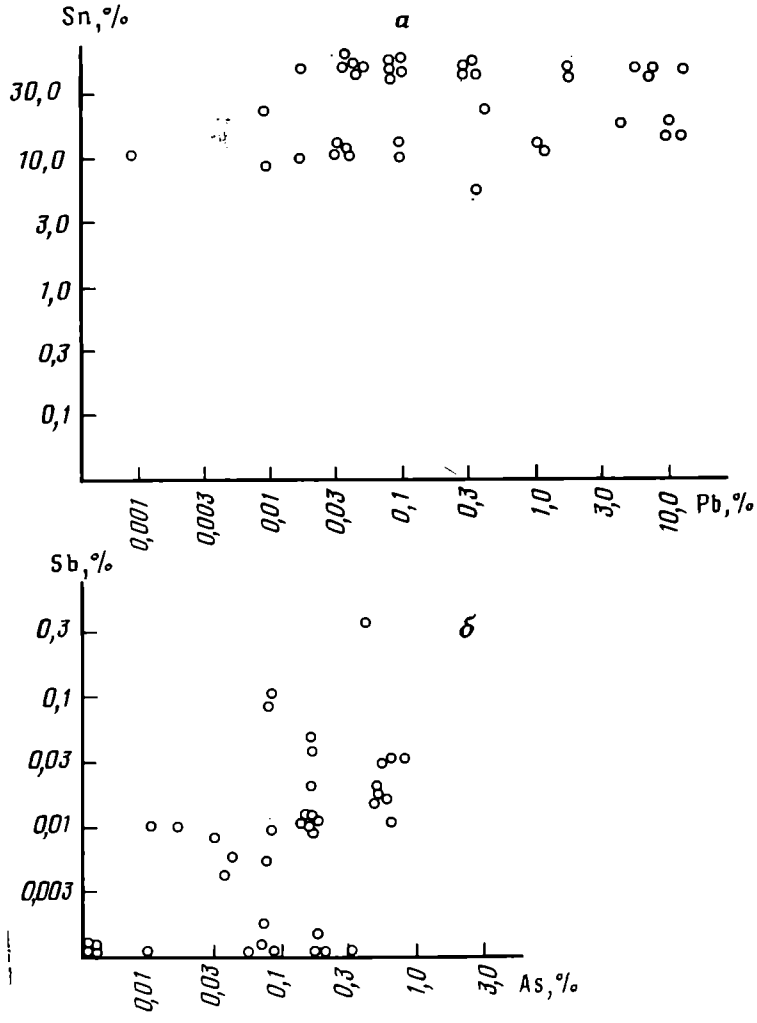
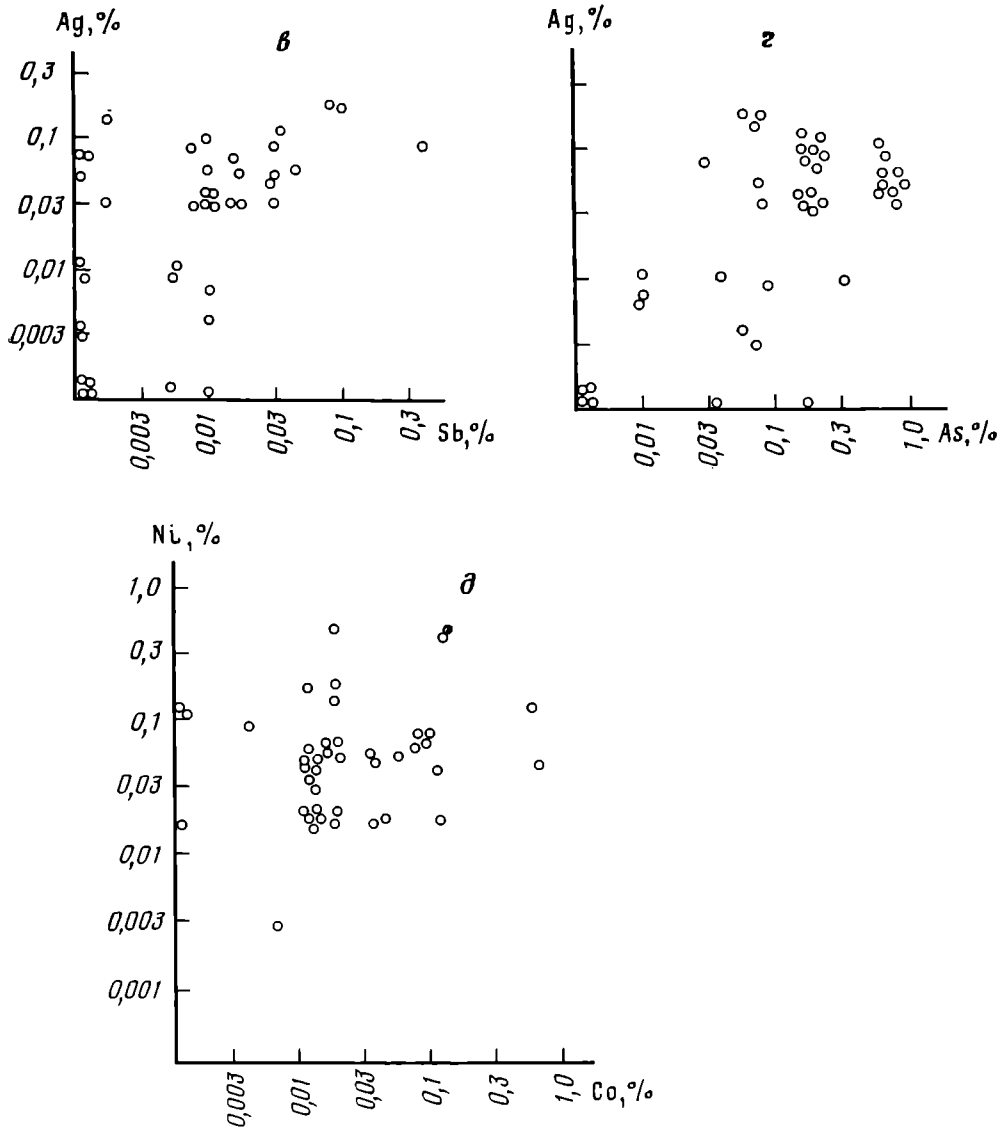


Рис. 5. Графики корреляционной взаимозависимости концентраций некоторых примесей к меди импортных изделий с территории Среднего Поднепровья: *а* — олова-свинца; *б* — сурьмы-мышьяка; *в* — сурьмы-серебра; *г* — серебра-мышьяка; *д* — никеля-кобальта

материалами античного и раннесредневекового времени [12, с. 39, 178, 179].

Пожалуй, наиболее представительным по количеству образцов V в. до н. э. оказался клад бронзовой посуды из с. Песчаного. Химико-металлургический состав его един, хотя нельзя не отметить отклонений в содержаниях серебра и сурьмы в меди некоторых его изделий. Две трети изделий клада было отлито из высокооловянной бронзы. Изредка использовались и медно-оловянно-свинцовистые рецепты. Средние содержания олова в обеих группах бронз колеблются в пределах целых процентов (от 3 до 30% и более), свинца — сотых — десятых (от 0,04 до 0,3%) в оловянных и целых долей процента (от 2 до 12%) в оловянно-свинцовистых бронзах. По химическому составу медь большинства изделий клада ближайшие соответствия имеет со II химической группой (или X, по Е. Н. Черных), где в сотых долях процента обычно фиксируются серебро и сурьма (от 0,01 до 0,1%), в десятых (от 0,1 до 0,7%) — мышьяк. Источники сырья и для этой группы металла также находились в пределах Карпато-Трансильванской группы месторождений [14, с. 26]. Особое внимание при этом следует обратить на вариации в содержаниях сурьмы, серебра и мышьяка в химическом составе лутерия (№ 19.886), стамноса (№ 19.880), амфоры I (№ 19.888*а*) и гидрии III (№ 19.889). Скорее всего, они были отлиты из металла, чьи геохимические характеристики ближе металлу I химической группы (или XI—Пб, по Е. Н. Черных).



Со II химической группой можно сопоставить и металл двух кубков и ситулы, синхронных супойской находке и найденных в кург. 33 у сел Бобрицы, Букрин и Тишково (№ 19.757—758, 22.445—446). Таким образом, на основании полученных аналитических данных появилась возможность наряду с ионийским центром выделить еще один, мастера которого, специализируясь на выпуске высокохудожественной посуды, также снабжались сырьем Балкано-Карпатского региона, но соответствующего группе КТ.

В заключение хочется разобрать химико-металлургический состав еще одной группы бронзовых изделий — зеркал «ольвийского» типа. В современной науке не существует единого мнения о местах их производства. Называются ольвийские центры, степные скифские, венгерские и трансильванские [7; 6, с. 23—25]. В результате спектроаналитического изучения меди зеркал, найденных в памятниках лесостепного Поднепровья, установлено, что все они отлиты из сложных оловянно-свинцовистых бронз, где концентрации олова представлены в пределах от 10 до 16%, а свинца — от 1 до 10%. Как уже отмечалось выше, подобные сложные сплавы обычно не использовались при изготовлении разнообразных бронзовых изделий западного производства. Своеобразен и химический состав меди зеркал, где отмечается постоянное отсутствие микропримесей сурьмы, что уже фиксировалось и для меди источников I химической группы. Однако более высокие концентрации серебра (сотые доли процента) и мышьяка (десятые доли процента) скорее сближают медь зеркал со II химической группой. Полного же тождества ни с одной из двух выделенных химиче-

№ п.п.	Шифр	Предмет	Место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Публикации
1	17.216	Зеркало	б. Чигиринский уезд	Осн.	8,0	0,01	–	0,001	0,004	–	0,06	0,02	0,003	0,007	0,001	[1, табл. XX, *5*]
2	19.670	Пластина	Пруссы к. 9	»	17,0	0,01	–	–	0,2	0,002	0,07	0,25	0,05	0,02	0,003–0,01	[15, табл. VIII, *217*]
3	19.736	Зеркало	Гуляй Город, к. 38	»	16,0	7,60	–	0,005	0,07	–	0,2	0,1	0,15	0,5	0,01–0,03	[18, табл. 8, *3*]
4	19.694	Шлем	Пастырское, к. 4	»	33,0	0,02	–	–	0,007	–	0,3	1,20	0,15	0,01	0,001	[20. табл. IX, *218*]
5	19.694*а*	Шлем (нащечник)	То же	»	33,0	0,04	–	–	0,007	0,005	0,07	0,25	0,15	0,001	0,001	Там же
6	19.694*б*	Шлем (стержень)	»	»	33,0	0,3	–	–	0,05	0,025	0,2	0,30	0,05	0,01	0,01–0,03	»
7	19.753	Зеркало	Басовка	»	5,0	0,4	–	?	0,07	0,007	0,03	3,0	0,05	0,02	0,003–0,01	[15, табл. XLIV, *351*]
8	19.754	»	б. Роменский уезд	»	14,0	10,0	–	0,005	0,07	–	0,2	0,1	0,05	0,05	0,001–0,003	[17, табл. XI, *3*]
9	19.755	»	Волковцы	»	19,0	0,4	–	–	0,03	0,009	0,2	0,6	0,04	0,7	0,003–0,01	[15. табл. XIV, *3516*]
10	19.756	Чаша	Бобрица, к. 66	»	33,0	0,08	–	–	0,05	–	0,07	0,25	0,02	–	0,001–0,003	[3, табл. 15, *10*]
11	19.767	Кубок	Букрин	»	33,0	0,1	–	0,005	0,03	0,01	0,2	0,9	0,05	0,01	0,01–0,03	[3, табл. 15, *14*]
12	19.758	»	Бобрица, к. 33	»	33,0	0,04	0,04	–	0,07	0,03	0,7	0,25	0,09	0,004	0,1–0,03	[3, табл. 15, *15*]
13	19.886	Лутерий	с. Песчаное	»	12,0	0,04	–	–	0,01	0,005	0,04	0,3	0,2	0,02	0,003–0,01	[9]
14	19.887	Гидрия	То же	»	33,0	0,3	0,001	0,001	0,03	0,02	0,6	0,6	0,05	0,15	0,001–0,003	Там же
15	19.887*а*	Гидрия (ручка)	»	»	33,0	0,4	–	0,002	0,06	0,02	0,2	0,2	0,05	0,03	0,01–0,03	»
16	19.888	Амфора I (дно)	»	»	33,0	2,0	–	0,03	0,05	0,03	0,6	0,02	0,02	0,02	0,03	»
17	19.888*а*	Амфора I (горло)	»	»	12,0	0,1	–	–	0,003	–	0,07	0,02	0,02	0,04	0,01–0,03	»
18	19.888*б*	Амфора I (ручка)	»	»	33,0	0,1	–	0,005	0,03	0,02	0,5	0,02	0,02	0,01	0,003–0,01	»
19	19.889	Гидрия III (горло)	»	»	33,0	0,1	–	–	0,006	0,01	0,2	0,2	0,05	0,03	0,01–0,03	»
20	19.889*а*	Гидрия	»	»	12,00	10,0	–	0,005	0,15	0,04	0,2	0,6	0,05	0,01	0,003–0,01	»

		III (ручка)															
21	19.889*б*	Гидрия III (дно)	»	»	33,0	6,0	–	–	0,07	0,05	0,2	0,6	0,05	0,02	0,003–0,01	»
22	19.890	Стамнос (горло)	с. Песчаное	Осн.	33,0	0,04	–	–	0,03	0,002	0,2	0,6	0,05	0,02	0,003–0,01	[9]
23	19.890*а*	Стамнос (ручка)	»	»	33,0	6,0	–	–	0,08	0,3	0,6	0,2	0,05	0,05	0,01–0,03	Там же
24	19.891	Амфора III (горло)	»	»	33,0	0,04	–	0,005	0,03	0,02	0,7	0,1	0,05	0,05	0,01–0,03	»
25	19.891*а*	Амфора III (ручка)	»	»	33,0	0,05	–	0,005	0,05	0,02	0,6	0,1	0,05	0,05	0,01–0,03	»
26	19.891*б*	Амфора III (тулово)	»	»	33,0	6,0	–	0,002	0,05	0,03	0,6	0,2	0,05	0,05	0,01–0,03	»
27	19.891*в*	Амфора III (затычка)	»	<70.0	Есть	<30,0	–	Мало	Есть	Есть	Есть	Есть	Мало	–	–	»
28	19.892	Амфора II (тулово)	»	Осн.	33,0	12,0	–	0,005	0,03	0,01	0,07	0,4	0,02	0,01	0,001–0,003	»
29	19.892*а*	Амфора II (ручка)	»	»	33,0	0,1	–	0,002	0,004	0,01	0,2	0,3	0,02	0,01	0,003–0,01	»
30	19.893	Ситула I	»	»	33,0	0,3	–	–	0,2	0,08	0,07	0,9	0,02	0,03	0,003–0,01	»
31	19.893*а*	Ситула (ручка)	»	»	33,0	0,3	–	–	0,2	0,1	0,07	1,0	0,03	0,01	0,003–0,01	»
32	19.894	Кратер (дно)	»	»	12,0	12,0	–	0,03	0,1	0,01	0,2	0,3	0,4	0,15	0,003–0,01	»
33	19.895	Гидрия II (тулово)	»	»	33,0	0,04	–	–	0,03	0,01	0,6	0,2	0,2	0,01	0,003–0,01	»
34	19.895*а*	Гидрия II (ручка)	»	»	33,0	2,0	–	0,02	0,03	0,01	0,2	0,1	0,03	0,01	0,01–0,03	»
35	20.739	Кратер	с. Мартоноша	»	10,0	0,001	–	–	0,001	–	–	0,07	0,02	0,01	0,001	[1, табл. XIV]
36	22.617	Кратер (ручка)	»	»	10,0	0,04	0,005	–	–	0,001	0,005	0,04	0,02	0,02	0,001	Там же
37	22.618	Кратер (фигура)	»	»	10,0	0,02	0,01	–	0,001	0,005	0,04	0,01	0,05	0,01	0,001	»
38	22.445	Ситула	с. Тишково	»	10,0	0,1	0,002	–	0,001	0,01	0,2	0,01	0,02	0,01	0,001	[8, табл. LV, *1*]
39	22.446	Ситула (ручка)	»	»	10,0	1,0	0,1	0,002	0,05	0,01	0,15	0,03	0,05	0,01	0,001	Там же
40	20.613	Зеркало	с. Мачухи	»	10,0	1,0	–	0,001	0,01	–	0,01	0,06	0,02	0,15	0,003	[16, рис. 41, *8*]
41	22.628	Поножи	с. Ильинцы	»	10,0	0,04	0,02	–	0,001	–	–	0,75	0,25	0,02	–	[19, рис. 2, *1–5*]
42	22.629	»	»	»	10,0	0,04	0,002	–	0,001	–	–	0,001	0,5	0,02	–	Там же

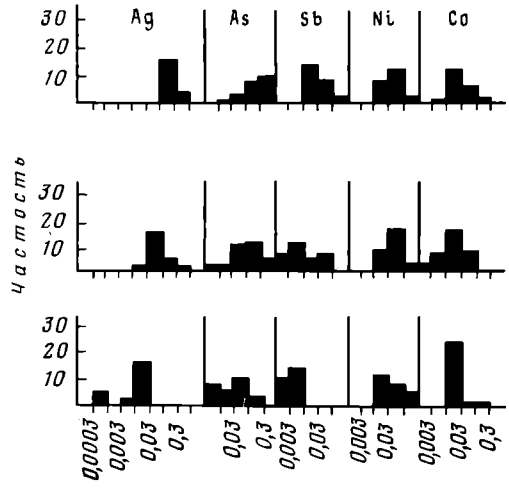


Рис. 6. Сводные частотные гистограммы I и II химических групп: верхний ряд — II химическая группа; средний ряд — I химическая группа (XI, по Е. Н. Черных); нижний ряд — I химическая группа (XII, по Е. Н. Черных)

ских групп не установлено. Изучение химико-металлургического состава зеркал «ольвийского» типа, найденных в Поднепровье, позволяет заключить, что они были изготовлены в одних и тех же мастерских. Используя источники Балкано-Карпатского круга, мастера, выпустившие их, имели металлургические традиции, отличные от тех, которые длительное время сохранялись в ионийских и иных западных центрах. Были ли это мастера Ольвии, работавшие на импортном сырье, сказать трудно, ибо только полный и всесторонний анализ металла ольвийского производства позволит окончательно решить этот вопрос. Из западного металла, близкого нашей I химической группе, отлиты подобные зеркала, найденные на Кубани и в Нижнем Поволжье (№ 10.549; 16.948—949; рис. 3, *1*, *6*) [3]. Однако далеко не все зеркала «ольвийского» типа, подвергнутые спектроаналитическому изучению, оказались выпущенными из единого центра. Своеобразный сложный металлургический рецепт (медно-оловянно-свинцовисто-мышьяковая бронза) был зафиксирован у небольшого зеркала из Цемдолины (могильник «Золотая Рыбка», раскопки Н. А. Онайко). Нет совпадений у этого изделия с уже разобранными выше и в химическом составе, где следует отметить высокие (десятые доли процента) содержания сурьмы и очень низкие (тысячные доли процента) никеля-кобальта. Все эти данные позволяют считать зеркало из Цемдолины изделием иного круга мастерских или мастеров, чем те, о которых речь шла выше. Ближайшее соответствие металлу «ольвийских» зеркал, найденных в Среднем Поднепровье, обнаруживают также и зеркала-диски с художественно оформленными ручками из сел Басовка и Волковцы (№ 19.753, 19.755; рис. 1, *2*, *4*), отличаясь от них лишь несколько пониженными концентрациями свинца (0,4%). Несколько особняком к этой серии зеркал стоит ручка зеркала «кульобского» типа из находок в бывшем Чигиринском уезде (№ 17.216; рис. 1, *6*). На основании стилистического анализа высказано предположение об ольвийском производстве зеркал этого типа [1, с. 34, 65]. Отлитая из оловянной бронзы из обедненной микропримесями руды, медь ручки может быть сопоставлена с выделенной I химической группой. Однако в отличие от ионийских образцов, отлитых из сходного металла, медь чигиринского зеркала фактически лишена микропримесей никеля-кобальта, присутствие которых в меди импортных изделий обычно фиксируется в пределах сотых—десятых долей процента. Аналогичный геохимический состав отмечен и у зеркала, найденного в бывшей Кубанской обл., ручка которого украшена фигурками двух животных (группа II, по В. М. Скудновой) [6]. Но в

[3] Архив кабинета спектрального анализа ИА АН СССР.

отличие от чигиринской ручки последнее зеркало отлито по рецептуре, стандартной для зеркал «ольвийского» типа,— оловянно-свинцовистой бронзы (рис. 3, *3*; № 11.217—218). Таким образом, вопрос о центрах производства зеркал, подобных чигиринскому и кубанскому, пока следует оставить открытым, до накопления объективных данных. В настоящее время можно лишь утверждать, что зеркала, считавшиеся вышедшими из ольвийских мастерских и бытовавшие одновременно (рубеж VI—V вв. до н. э.), не имеют совпадений ни по металлургическим, ни по сырьевым показателям. Все это позволяет предположить наличие нескольких мастерских или круга мастеров, снабжавшихся сырьем различных рудных источников и имевших свои производственные традиции. Были ли это ольвийские мастера — покажет время.

Подводя общие итоги, отметим следующее: ведущим металлургическим рецептом для большинства импортных изделий на протяжении нескольких столетий были высокооловянные сплавы на медной основе; оловянно-свинцовистые бронзы отмечены только для зеркал «ольвийского» типа и частично металлической посуды или ее деталей; сырье, из которого отлиты импортные античные изделия, связано с источниками Балкано-Карпатской ГМО; в результате спектроаналитического изучения появилась возможность выделить три производственных центра с определенным набором бронзовых изделий.

Самыми крупными, со стойкими производственными традициями были ионийские мастерские. Ведущий рецепт — высокооловянные бронзы, сырье I химической группы (или XI—XII, по Е. Н. Черных). Продукция их — высокохудожественная посуда (кратеры, черпаки), предметы защитного доспеха (поножи, шлемы, нагрудные украшения панцирей). В особом производственном центре изготовлена столовая утварь, найденная в кладе у с. Песчаное и курганах у сел Бобрицы, Букрин и Тишково. Ведущий рецепт — оловянные бронзы, изредка оловянно-свинцовые. Сырье II химической группы (или X, по Е. Н. Черных). Исследование зеркальных сплавов из-за больших расхождений в их химико-металлургическом составе не позволяет пока однозначно ответить на вопрос о месте производства подобных изделий в единых ольвийских мастерских. Для зеркал «ольвийского» типа ведущим рецептом оказались сложные оловянно-свинцовые бронзы. Сырье — карпато-балканских месторождений с постоянно отсутствующими микропримесями сурьмы; для зеркала кульобского типа — оловянные бронзы из руды, обедненной микропримесями ряда элементов, включая никель-кобальт.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— САИ, вып. Д 1-27. М., 1966.
2. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, вып. Д 1-27. М., 1970.
3. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, вып. Д 1-4. М., 1967.
4. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, вып. Д 1-4. М., 1964.
5. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975.
6. *Скуднова В. М.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии.— ТГЭ, 1962, т. II.
7. *Граков Б. М.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? — Археологія, 1947, т. I.
8. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
9. *Ганіна О. Д.* Античні бронзи з Піщаного. Київ: Наук. думка, 1970.
10. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья.— САИ, вып. Д 1-33. М., 1977.
11. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
12. *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
13. *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке: Канд. дис.: ИА АН СССР. 1974. Архив ИА АН СССР. р-1, № 2130.
14. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
15. *Ханенко Б. И.* Древности Приднепровья. Вып. III. Киев, 1900.
16. *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967.

17. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. III. Спб., 1901.
18. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. I. Спб., 1887.
19. *Галанина Л. К.* О греческих поножах Северного Причерноморья.— АСбГЭ, 1965, вып. 7.
20. *Ханенко Б. И.* Древности Приднепровья. Вып. II. Киев, 1899.

T. B. Bartseva

CHEMICAL COMPOSITION OF ANTIQUE IMPORTED OBJECTS FOUND ON THE MIDDLE DNIEPER
(According to Spectral Analytical Data)

Summary

The author cites the results of analyses of 26 objects (42 analyses, Table and Figs. 1, 2), and compares them with the metal of artifacts (Fig. 3) found in the Ukrainian and Kuban steppes. It was established that for several centuries, from the 6th to 3rd centuries B. C., imported objects were cast from high-tin bronze, complex plastic-bronze being used only for the mirrors of the Olbia type. The imported objects found on the middle Dnieper were cast of ore extracted in the Balkans and the Carpathians (Figs. 4—6).

ПАНОВА Т. Д.

ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В ЛИЦЕВОМ СВОДЕ XVI в.

Лицевой летописный свод XVI в. издавна привлекал внимание исследователей. Большое число работ посвящено истории появления этого памятника, его составу, палеографическому анализу, времени и месту его создания, припискам на его полях и т. д. Миниатюры же долгое время оставались пассивным иллюстративным материалом — исследований, посвященных им, очень мало.

Учеными были высказаны достаточно противоречивые мнения по проблеме достоверности изображений архитектуры в источнике. Например, А. В. Арциховский, убедительно доказавший наличие в рисунках свода большого числа ранних вещей, почти все изображения архитектурных памятников считал лишь условным фоном миниатюр, признавая точное отражение только отдельных построек Московского Кремля (Успенский, Архангельский, Благовещенский соборы), Софии в Новгороде [1, с. 104]. Отметим, однако, что А. В. Арциховский не ставил перед собой задачу специального изучения рисунков архитектуры, что и явилось, видимо, причиной такой оценки миниатюр. О необходимости привлечения лицевых рукописей для решения многих вопросов, связанных с историей развития архитектурных форм, писал Б. А. Рыбаков [2]. Наиболее подробно приемы изображения архитектуры в миниатюрах свода были рассмотрены в книге О. И. Подобедовой [3]. Ценность этой работы — четкое выделение форм, заимствованных из византийского, древнерусского и западноевропейского искусства, описание приемов, используемых знаменщиками при создании архитектурного фона миниатюр. Автор уделяет достаточно большое внимание ансамблю Московского Кремля, отмечает анахронизмы в изображении Архангельского собора. Однако некоторые выводы по поводу рисунков зданий Кремля не всегда точны, что, впрочем, вполне объяснимо, так как в задачу автора не входил полный анализ изображений архитектуры того или иного отдельного комплекса построек.

Единственной работой, посвященной непосредственно ансамблю Кремля, является статья В. Д. Черного [4], носящая описательный характер. Некоторые миниатюры, как, например, с изображением колокольни Ивана Великого, привлекались для изучения истории создания этого сооружения. Отметим статьи Т. Сидоровой [5], Н. Н. Воронина [6], А. И. Михайлова [7] и Бондаренко [8]. Как видим, даже общий обзор литературы показывает, что до сих пор не был проведен полный анализ изображений архитектуры Московского Кремля в миниатюрах Лицевого свода XVI в.

В настоящей статье автор ставит перед собой следующие задачи: выяснить, сколько и каких построек древнего центра Москвы попало на рисунки летописи; можно ли, опираясь на миниатюры, проследить историю создания сооружений Кремля и микротопографию кремлевской застройки; какой век больше отразился в архитектурном фоне рисунков — XVI или более раннее время.

Работа основана на материале Остермановских I и II, Голицынского, Шумиловского томов, Никоновской летописи с рисунками (Синодальный № 962) и Царственной книги (Синодальный № 149) [1], охватывающих период с 1253 по 1567 г. Это составляет около 7 тысяч листов рукописи,

[1] Далее сокращенно: Ост. I том; Ост. II том; Гол. том; Шум. том; Никон. лет.; Царств. кн.

содержащих более 9 тыс. рисунков. Для изучения было отобрано около 2 тыс. миниатюр с изображениями Кремля и его памятников. В ходе исследования привлекались также письменные источники (летописи, духовные и договорные грамоты), древние планы Москвы (рубежа XVI—XVII вв.), графические, архивные материалы, результаты археологических наблюдений на территории Кремля.

Одним из основных методов исследования является статистический. Проведен сплошной просмотр источника и выбраны все миниатюры с изображением построек Кремля. По каждому архитектурному памятнику, отмеченному в рисунках, сделана специальная таблица, где выделены формы того или иного сооружения, в которых он показан на миниатюрах. Эти таблицы позволяют проследить изменения в изображении зданий, наличие архаизмов или анахронизмов, их распределение по времени и т. д.

Как показало изучение Лицевого свода, на его миниатюры попали почти все те памятники Кремля, которые упомянуты в Никоновской летописи при описании событий XIV—XVI вв. Прежде всего это церковные здания, дворы великого князя, митрополита, удельных князей, знатных боярских фамилий, монастыри, палаты, колокольни и т. д.

Выделены три группы архитектурных сооружений Московского Кремля, изображенные на миниатюрах лицевой летописи XVI в.

Первая группа объединяет памятники, которые сохранились на территории древнего центра Москвы до наших дней. Вторая группа — сооружения, которые в основном к середине XIX в. исчезли с лица земли (некоторые из них просуществовали в Кремле до 30-х годов XX в.). Многие из этих построек известны нам по древним планам, графическому материалу XVIII—XIX вв., фотоматериалу конца XIX — начала XX в. Третья группа — сооружения, сведения о которых есть только в письменных источниках.

В небольшой статье невозможно дать полную характеристику всем памятникам, поэтому ограничимся кратким описанием групп и некоторых построек. К сожалению, недостаточная на данный момент изученность источника не позволяет нам в этой работе провести сравнительный анализ изображений архитектуры Москвы и других древнерусских городов, остановиться на рисунках оборонительных сооружений.

Отметим, что чаще всего в Лицевом своде изображены культовые постройки. Многие исследователи справедливо выделяли рисунки пятиглавого Успенского собора, считая его символом Москвы в миниатюрах. Статистический анализ показал, что, иллюстрируя события, связанные с Москвой, художники изображали преимущественно одноглавые храмы (около 850 рисунков), в то время как пятиглавые постройки даны на 704 рисунках. Есть некоторое число миниатюр с трехглавыми и девятиглавыми храмами в Кремле. Значительный процент изображений одноглавых и пятиглавых церквей не сопровождается упоминаниями их в тексте (соответственно 84 и 65% рисунков). Все это говорит о том, что при создании архитектурного фона миниатюр художники использовали ограниченное число форм, превратив их в своеобразный штамп, повторявшийся из рисунка в рисунок. Анализ изображений построек Московского Кремля позволяет, однако, проследить в миниатюрах характерные черты памятников, существовавших во время создания Лицевого свода.

В первую группу вошли восемь сооружений. Это Успенский, Архангельский и Благовещенский соборы, Грановитая палата, церкви Ризположения, Рождества Богородицы с приделом Воскрешения Лазаря, Воскресения (Звонница) и колокольня Ивана Великого. Все эти памятники были построены или перестраивались во второй половине XV — первой половине XVI в.

На миниатюрах, иллюстрирующих московские события XIV—XVI вв., Успенский собор занимает значительное место. Необходимо отметить, что далеко не всегда изображения пятиглавого собора, символизирующие главный храм Москвы, сопровождаются упоминанием Успенского собора в тексте летописи. Только 147 миниатюр из 599 имеют такие упоминания

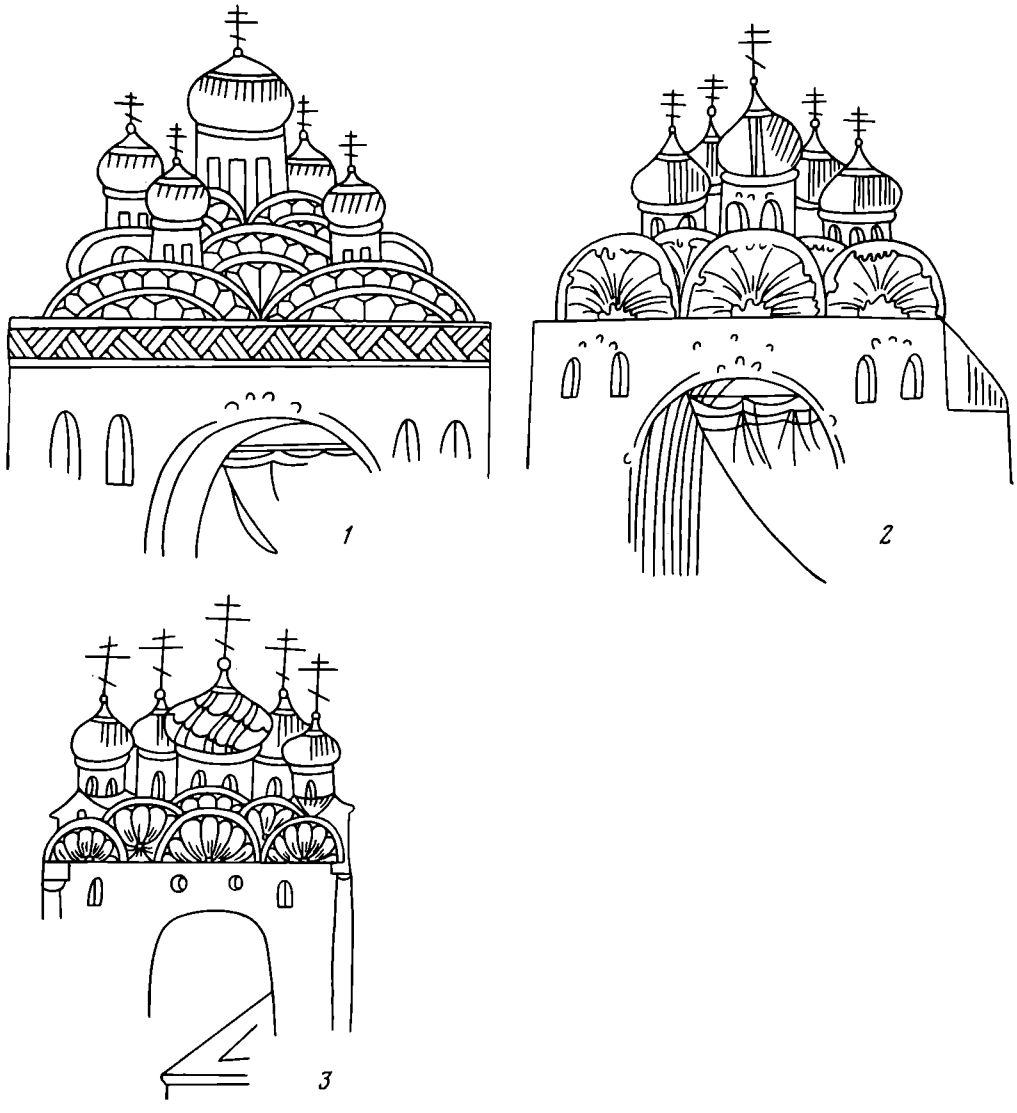


Рис. 1. Архангельский собор: *1* — 1365 г. (Ост. I том, л. 1059); *2* — 1441 г. (Гол. том, л. 534 об.); *3* — 1534 г. (Царств. кн., л. 72)

в сопутствующем им тексте. Но если учесть, что некоторые события, запечатленные в рисунках, совершенно определенно связаны с Успенским собором (поставление епископов, митрополитов и т. д.), число миниатюр, его изображающих, несколько возрастет. На первый взгляд, этот памятник дан на рисунках довольно разнообразно — одноглавым, трехглавым и пятиглавым. Но статистический анализ показал, что в 95,5% случаев его изображений — это пятиглавый собор 1479 г. Собор в формах постройки Аристотеля Фиораванти появляется на миниатюрах уже первых томов, описывающих события XIV — начала XV в. Лишь один раз он показан здесь трехглавым. В миниатюрах, иллюстрирующих рассказ о перестройке Успенского собора в 1472 г., появляются изображения одноглавого храма (10 миниатюр в Гол. и Шум. томах). Интересно отражен в своде временный деревянный храм — в виде небольшой шатровой церкви (14 миниатюр). После 1479 г. Успенский собор показан в лицевой летописи только пятиглавым. Появляющиеся неожиданно при описании событий 1472 г. рисунки одноглавого храма, перед самой перестройкой здания храма, вряд ли свидетельствуют о том, что в данном случае художники XVI в. показывают нам древний собор, построенный при Иване Калите. Если бы знаменщики пользовались в своей работе какими-либо ранними лицевыми рукописями, изображений древнего храма было бы значительно больше. Подавляющее число рисунков Успенского собора в

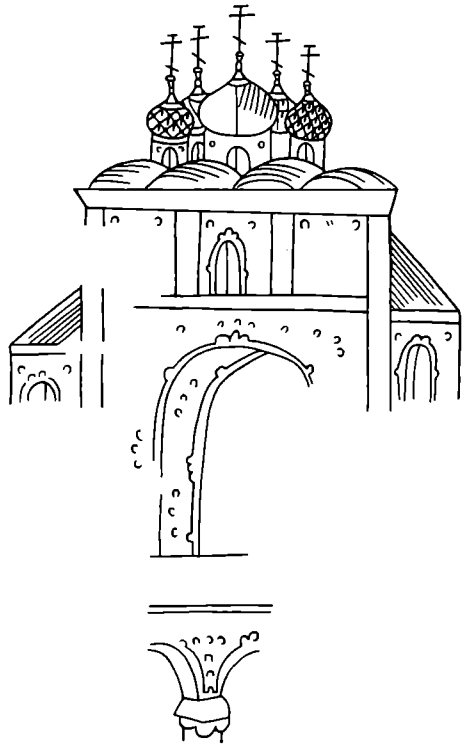


Рис. 2

Рис. 2. Благовещенский собор 1489 г. (Шум. том, л. 421 об.)

Рис. 3. Церковь Иоанна Лествичника: *1* — 1329 г. (Ост. I том, л. 637) — в формах колокольни Ивана Великого; *2* — 1382 г. (Ост. II том, л. 283); *3* — 1472 г. (Шум. том, л. 30); *4* — 1476 г. (Шум. том, л. 108)

Рис. 4. Закладка фундамента колокольни Ивана Великого, 1505 г. (Шум. том, л. 647)

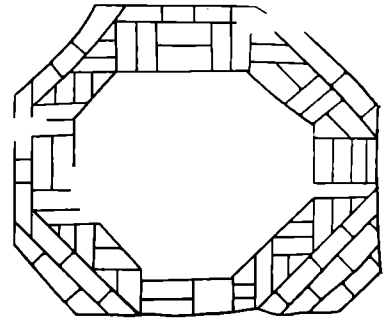


Рис. 4

Рис. 3

Лицевом своде показывает нам сооружение конца XV в., т. е. то, которое служило оригиналом для художника второй половины XVI в.

Архангельский собор (66 миниатюр) всегда привлекал внимание исследователей, отмечавших анахронизмы в изображении этого памятника — наличие пятиглавого собора с закомарами-раковинами при иллюстрировании событий XIV—XV вв. В миниатюрах свода Архангельский собор показан очень разнообразно, особенно в Остермановском I томе, где есть рисунки одноглавого (3), трехглавого (1), пятиглавого храмов (с приде-

лом, без приделов, с раковинами и без них). В остальных томах представлены изображения только пятиглавого здания.

Интересно отметить, что Архангельский собор в формах постройки Алевиза Нового появляется уже в Остермановском I томе, где таких изображений 36,3%. В Остермановском II томе собор 1508 г. представлен уже на 71,4% миниатюр, в Голицынском — на 83,3%. Заметно увеличение количества рисунков храма-усыпальницы в формах XVI в. по мере приближения событий ко времени его создания. Несмотря на разную манеру изображения этого памятника художниками, характерная черта его — закомары-раковины — показана очень четко (рис. 1).

Резко меняется картина в Шумиловском томе летописи, где нет ни одного рисунка Архангельского собора с характерными закомарами, хотя именно на этот том приходится время перестройки здания Алевизом Новым. Нет таких рисунков и в Никоновской летописи. Архангельский собор в этих формах появляется вновь только в миниатюрах Царственной книги, однако здесь этих изображений меньше, чем в ранних томах (Ост. II и Гол.) — только 66%. Отметим, что подавляющая часть рисунков храма-усыпальницы XVI в. с закомарами-раковинами приходится на время до 1505 г. (70,4%) и лишь остальное — на период после 1508 г. Таким образом, и в данном случае мы практически ничего не узнаем из миниатюр об истории создания и формах храма во имя Архангела Михаила в XIV в. Исследование показало, что процент анахронизмов в изображении этого памятника значительнее, чем это отмечали до сих пор, и что в томах, охватывающих XIV—XV вв., отражены в основном формы постройки XVI в. Трудно пока объяснить отсутствие на большинстве рисунков Архангельского собора, при иллюстрировании событий XVI в., характерных черт, присущих зданию этой эпохи.

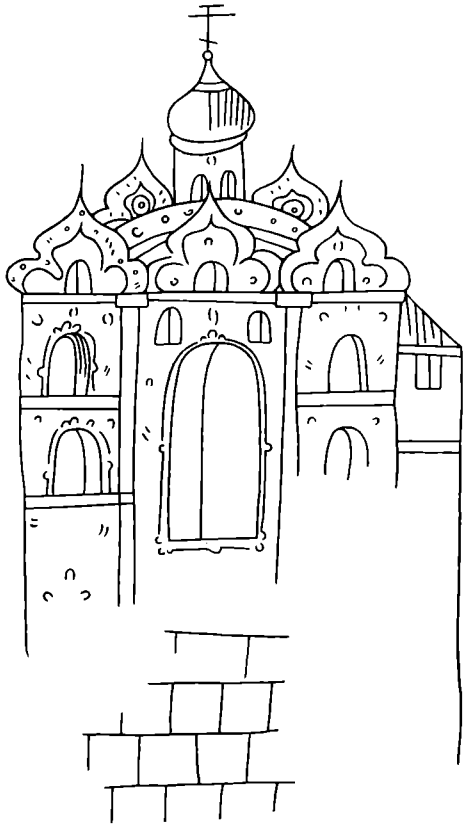
Благовещенский собор изображен в Лицевом своде только 23 раза, причем основная часть рисунков дает нам пятиглавый храм (17 миниатюр). Лишь однажды он показан одноглавым (Ост. II том) и трехглавым с приделом (Шум. том). Интересны четыре миниатюры Царственной книги, где изображен девятиглавый Благовещенский собор. Эти рисунки иллюстрируют события 1534—1553 гг. Известно, что многоглавым придворный храм стал только в 60-х годах XVI в. Таким образом, и здесь мы видим анахронизм, перенос поздних форм в ранние по времени события. Одно из интересных изображений Благовещенского собора дано на миниатюре Шумиловского тома (л. 421 об.). На рисунке центральное место занимает пятиглавый собор, стоящий на высоком арочном основании (рис. 2). Четко показаны две арки и центральный столб. Можно предположить, что художник изобразил на миниатюре древний подклет, хотя о нем нет ни слова в тексте, ее сопровождающем. Возможно и другое объяснение — показана галерея, окружающая храм с трех сторон. Исследование показало, что 92% рисунков демонстрируют нам многоглавый Благовещенский собор, каким он стал только в конце 60-х годов XVI в. И в изображении этого памятника прослеживается значительное число анахронизмов, которые не позволяют говорить о формах ранних построек (XIV — начала XV в.).

Колокольня Ивана Великого (и предшествовавшая ей церковь Иоанна Лествичника «иже под колоколы») отражена в миниатюрах свода 67 раз. Храм во имя Иоанна Лествичника появляется в Остермановском I томе под 1329 г., и уже на первом рисунке мы видим граненое трехъярусное здание колокольни, построенное Боном Фрязиным в 1505—1508 гг. (рис. 3, *1*). Казалось, что изображения и этого памятника Кремля будут развиваться по схеме, выявленной при исследовании рисунков предыдущих построек. Формы здания XVI в. попали в миниатюры, иллюстрирующие события начала XIV в. Однако в том же Остермановском I томе начиная с 1372 г. церковь Иоанна Лествичника «иже под колоколы» рисуют только в виде двух- или трехъярусной ступенчатой постройки (рис. 3, *2—4*). Если до этого года здание церкви показано довольно разнообразно (два раза в форме граненой трехъярусной колокольни, один раз в виде одноглавой церкви, один раз — круглой трехъярусной башни),

Рис. 5. Колокольня Ивана Великого: *1* — 1508 г. (Шум. том, л. 691); *2* — 1544 г. (Царств. кн., л. 250 об.); *3* — 1560 г. (Никон. лет., л. 493)

то после 1372 г. оно 51 раз показано единообразно, вплоть до 1505 г. Именно 1505 г. является резкой границей в смене изображений этой постройки. На миниатюре, иллюстрирующей закладку колокольни Боном Фрязиным в 1505 г., изображен фундамент, представляющий собой в плане восьмигранник (рис. 4). Начиная с этого рисунка (Шум. том, л. 647) на 11 миниатюрах в своде дана восьмигранная колокольня (рис. 5). Художникам XVI в. трудно было показать здание восьмигранной формы, поэтому на миниатюрах оно дано шестигранным. Итак, разница между старым храмом во имя Иоанна Лествичника и новым зданием колокольни на рисунках летописи прослеживается очень четко, чего мы не увидим в изображениях ни одного другого памятника Кремля.

До 1505 г. изображения ступенчатых построек (церковь Иоанна Лествичника) на миниатюрах составляют 93%, а после создания колокольни в 1508 г. восьмигранные сооружения на рисунках составляют 84,5% (остальное приходится на архаизмы, анахронизмы, прослеженные в миниатюрах, а также на рисунки колокольни в других формах). В связи с этим наблюдением возникает вопрос: не изображения ли это древнего здания церкви во имя Иоанна Лествичника «иже под колоколы», построенного при Иване Калите? Трудно сказать, почему художники столь четко разграничили в рисунках формы старой церкви и новой колокольни. Можно предположить, что они опирались при этом на какие-то ранние миниатюры, а возможно, что сохранилась устная традиция. Вспомним, что заказчиком летописи был сам Иван IV, а Иоанн Лествичник был патроном его старшего сына. Видимо, исполнителей свода это побудило внимательней отнестись к изображениям сооружения, носящего столь громкое имя.



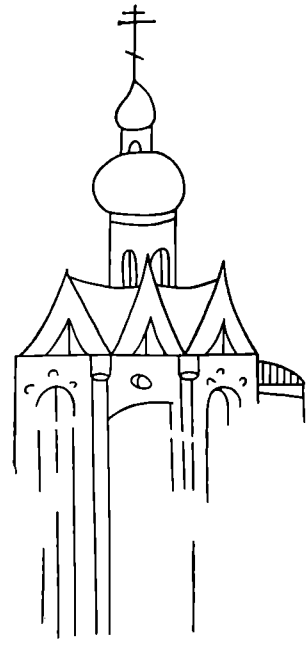


Рис. 6. Церковь Воскресения 1544 г. (Царств. кн., л. 250 об.)
Рис. 7. Церковь Рождества Иоанна Предтечи на Бору 1461 г. (Гол. том, л. 885)

Церковь Рождества Богородицы с приделом Воскрешения Лазаря довольно редко встречается в миниатюрах свода — всего 11 раз. Есть изображения одноглавой (иногда с приделом) и трехглавой построек. В этих формах она представлена только в Остермановском II томе. В остальных чаще дана трехглавой, что составляет половину всех рисунков церкви Рождества. К началу XVI в. храм имел два придела — Воскрешения Лазаря (конец XIV в.) и св. Онуфрия (1479 г.). Таким образом, появление трехглавого здания церкви в миниатюрах свода вполне оправдано.

Несколько слов об остальных сооружениях, отнесенных к первой группе, в изображениях которых нет разнобоя. Церковь Ризположения показана в Лицевом своде восемь раз. Это рисунки одноглавого храма, причем только три раза есть упоминания о церкви в текстах, сопровождающих миниатюры. В остальных случаях она изображена в связи с упоминанием двора митрополита.

Церковь Воскресения Христова дана в своде дважды (Царств. кн., л. 250 об. и л. 251). Постройка была начата в 1534 г. итальянским архитектором Петроком Малым Фрязиным, завершили строительство только в 1544 г. уже русские мастера. На миниатюрах изображено мощное трехэтажное здание, прямоугольное, увенчанное одной главой (рис. 6). По рисункам можно судить, что сооружение не задумывалось как звонница, что подтверждается и планом Годунова. Трижды показана в своде Грановитая палата Кремля (Шум. том, Царств. кн.). Как правило, на миниатюрах изображено здание с двускатной кровлей и одним рядом окон. Руст отсутствует.

Вторая группа сооружений Кремля довольно многочисленна и включает в себя 18 памятников (17 церквей и Казенный двор). В эту группу вошли здания, не сохранившиеся до наших дней, но известные нам

по древним планам Москвы, гравюрам, рисункам, архивным материалам. Большинство построек второй группы упоминается в Лицевом своде очень редко, всего по два-три раза, в отличие от памятников первой группы, и не имеет разнобоя в изображениях. Это, как правило, одноглавые церкви, и их рисунки соответствуют тому, что мы знаем о них по другим источникам. Перечислим эти постройки: церкви Спаса на Бору (1330 г.), Архангела Михаила (Чудов монастырь, 1365 г.), Афанасия Александрийского (Кирилловское подворье, 1389 г.), Вознесения (Вознесенский монастырь, 1407 г.), Воздвиженья (двор Ховрина, 1445 г.), Введения (Симановское подворье, 1458 г.), Богоявления (Троицкое подворье, 1460 г.), Рождества Иоанна Предтечи на Бору (1461 г.), Константина и Елены (на Подоле, 1470 г.), Кузьмы и Демьяна (Чудов монастырь, 1476 г.), Петра митрополита (на Подоле, 1480 г.), Алексея чудотворца (Чудов монастырь, 1483 г.), Николы Гостунского (1506 г.) великомученика Георгия (у Спасских ворот, 1527 г.), Иоанна Лествичника с приделом Евдокии (Чудов монастырь, 1557 г.), Введения Богородицы (1560 г.), Сретения с приделом Никиты Столпника (дворцовый комплекс, 1560 г.) и Казенный двор (1492 г.).

Выделим рисунки, изображающие церковь Рождества Иоанна Предтечи на Бору. Это сооружение хорошо известно по графическому материалу и фотографиям XVIII — середины XIX в. Обращает на себя внимание сложный двухъярусный купол. Такое же сложное завершение это здание имеет на трех миниатюрах свода, передающих формы постройки итальянского архитектора Алевиза Нового (1508 г.). И здесь мы наблюдаем анахронизм — церковь 1461 г. также дана в форме сооружения 1508 г., т. е. такой, какой ее знали художники второй половины XVI в. (рис. 7). Иоанн Предтеча был духовным патроном Ивана IV; возможно, это обстоятельство заставило создателей рисунков отразить в миниатюрах характерную особенность этой постройки, как и в случае с рисунками колокольни Ивана Великого.

Пять сооружений второй группы показаны достаточно разнообразно в миниатюрах свода (храмы Спаса на Бору, Архистратига Михаила, Алексея чудотворца, Вознесения, Богоявления). Все здания даны то одноглавыми, то трех- или пятиглавыми, причем эти формы постоянно чередуются в рисунках, иллюстрирующих события одного дня или очень небольшого временного отрезка. Это затрудняет работу по выяснению степени достоверности их отражения в миниатюрах свода.

Храм Спаса на Бору изображен 18 раз (почти все рисунки сосредоточены в Ост. I и II томах). Чаще всего в своде (около 70% всех изображений) храм показан одноглавым, как правило, в комплексе с монастырем. Разнобой в изображениях особенно велик в Остермановском I томе, при иллюстрировании момента создания этого комплекса (есть трех- и пятиглавое здания). Довольно часто изображалась на миниатюрах церковь Архистратига Михаила — 37 раз. Большая часть рисунков (67,5%) показывает нам пятиглавый храм, хорошо известный по Годуновскому плану Кремля. Церковь Вознесения (монастырская) на рисунках дана 25 раз. Все отмеченные выше формы представлены в изображениях этой постройки примерно в одинаковом количестве (чуть выделяются здания с трехглавым завершением). Есть здание с пятиглавием, отмеченным и на плане Годунова. Семь раз показана в своде церковь Богоявления Троицкого подворья. Разнобой велик: три раза она дана пятиглавой, дважды — трехглавой, дважды — одноглавой. Отметим постоянное чередование этих форм в рисунках. Наиболее вероятно, что церковь Богоявления во время создания свода была трехглавой. Именно такой она описана в сообщении летописей о пожаре в Кремле 1565 г., с тремя главами дана на Годуновском плане и в миниатюре «Книги об избрании на царство» XVII в.

Единственная гражданская постройка, вошедшая во вторую группу памятников Кремля,— Казенный двор — упоминается в своде только три раза, в связи с использованием его помещений как места заключения под стражу. Здание Казенного двора известно по старым планам и ри-

сункам. Изображения на миниатюрах далеки от действительности. Это или стереотипная палата с двускатной кровлей, или сооружение фантастической формы. Таким образом, несмотря на разнобой, на некоторой части рисунков сооружений второй группы отражены формы храмов, известные нам по другим материалам. Дальнейшее изучение истории этих памятников с привлечением других источников поможет выявить степень достоверности их отражения в миниатюрах Лицевого свода.

Сложна третья группа, объединяющая довольно разнообразные комплексы построек. Но их характеризует одно — отсутствие каких-либо изобразительных источников, только упоминания в письменных памятниках. В третьей группе выделяются прежде всего дворцовый комплекс, дворы: митрополита, удельных князей, боярских фамилий, церковнослужителей. В эту же группу включены миниатюры, на основе которых можно говорить об отдельных производственных процессах (например, об отливках колоколов), о формах колоколен, о сооружениях городского хозяйства и местах заключения в Кремле.

Как известно, дворцовый комплекс в Кремле занимал значительное место в районе Боровицких ворот. Впервые «двор княж» отмечен в Лицевом своде под 1378 г., и интересно отметить, что до конца XV в. в летописи нет упоминаний об отдельных зданиях или помещениях княжеского двора. Изображен он, как правило, в виде большой палаты с двускатной крышей; далеко не всегда двор отделен от других строений Кремля. Единственная интересная подробность о постройках княжеской резиденции есть в Остермановском I томе (л. 1324), где под 1404 г. дан рисунок часов, установленных за церковью Благовещения. В 1487 г. впервые упоминается «большая палата», строящаяся на месте терема. При Иване III начинается создание нового каменного дворца. Целая серия миниатюр иллюстрирует этот достаточно длительный процесс. В своде появляются изображения высоких, в два этажа, палат с двускатными кровлями. И только в XVI в., начиная с 1534 г., почти каждая запись о дворе содержит сведения об отдельных его частях. Это передняя изба (1534 г.) палата за дворцом у конюшни (1538 г.), палата у Лазаря (1540, 1563 гг.), средняя лестница (1547 г.), Оружейная и Постельная палаты (1547 г.), набережная палата и церковь Сретения (1560), постельные хоромы царя (1562 г.). Но на большинстве рисунков даны лишь стереотипные здания с двускатной крышей. Оружейная палата, например, показана как высокая столбовая конструкция, и только изображение предметов воинского снаряжения под ее кровлей указывает на назначение этого здания. Интересен рисунок, изображающий момент создания двора с храмом для сыновей Ивана IV. Этот сложный комплекс зданий достаточно близок к дворцовым сооружениям, данным на Годуновском плане Кремля, хотя идентифицировать эти рисунки нельзя. Двор митрополита на миниатюрах отмечен редко, художники, как правило, ограничивались рисунком палаты и одноглавого храма Ризположения. Иногда, правда, дается более сложная застройка в виде двух- или трехэтажных келий на подклетах, с высокими лестницами (Шум. том, л. 499).

Большую группу составляют рисунки княжеских и боярских усадеб на территории Кремля. Всего мы встречаем сведения о 23 дворах: первое упоминание относится к 1368 г., самое позднее — к 1566 г. Все изображения построек шаблонны, художники ограничиваются чаще всего рисунком большой палаты с двускатной крышей. Это одинаково относится к миниатюрам, иллюстрирующим события и XIV, и XVI в. Достаточно много фантастических зданий, скомпонованных из хорошо известных по иконописи и фресковой живописи форм (покрытия бочкой, ступенчатые кровли и т. д.). Отметим также заимствования из западноевропейского и византийского искусства. Но использование всех этих форм не позволяет художникам создать образ реальных построек гражданского назначения, видимо, еще и потому, что многие из них уже не существовали во время работы над сводом. Возможно, некоторые интересные выводы дадут наблюдения над отдельными деталями миниатюр с изображением гражданских построек.

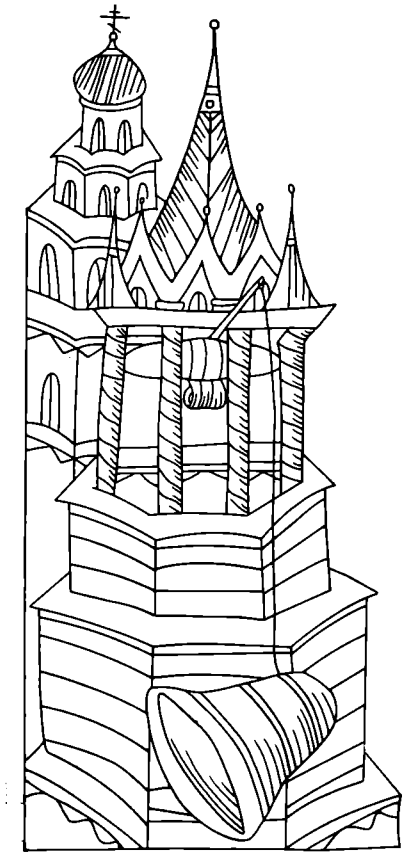


Рис. 8

Рис. 8. Временная деревянная звонница на Соборной площади, 1547 г. (Царств. кн., л. 296)

Рис. 9. Остатки белокаменного фундамента шестигранной формы (Соборная площадь, 1913 г.)

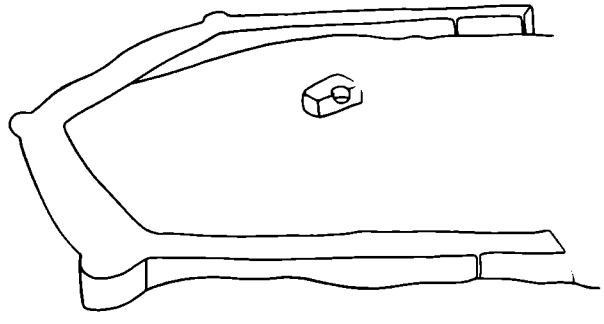


Рис. 9

Достаточно точно показан в Лицевом своде процесс отливки колоколов (подробно эти изображения рассмотрены в работе А. В. Арциховского) [1, с. 78—80]. Для нас эти рисунки интересны тем, что здесь, как правило, на втором плане даны колокольни с уже установленными на них, только что отлитыми колоколами. Лицевой свод позволяет выделить несколько типов этих культовых построек. Выше мы уже говорили о колокольне Ивана Великого.

Самый простой тип — это деревянная звонница из двух столбов с перекладиной для подвешивания колоколов. Чуть сложнее столбовая конструкция с покрытием в виде шатра или двускатной кровли. И наконец, еще один тип колокольни, привлекшей наше внимание. На двух миниатюрах Царственной книги (л. 296 и 296 об., 1547 г.) изображена трехъярусная колокольня шестигранной формы с шатровым покрытием (рис. 8). Нижний ярус каменный, украшен бегунком, два верхних — деревянные. Кровля опирается на четыре витые столбика. Низ шатра украшен кокошниками. Подобные сложные деревянные звонницы в Лицевом своде больше не встречены. Было бы вполне естественно отнести это архитектурное сооружение к разряду фантазий художника или, с меньшей долей вероятности, к разряду все же существовавших в Кремле построек. В решении этого вопроса помог материал из фотоархива Машкова[2]. В 1913 г. проводились работы по понижению на 1 м уровня Соборной площади. Между Успенским и Архангельским соборами, перед колокольней Ивана Великого были обнаружены остатки фундамента шестигранной формы, сложенного из белого камня[3] (рис. 9). К сожалению, никаких описаний этой находки нет. Судя по сохранившимся

[2] Архив ГММК. Коллекция фотоподборок, № 16 (архив Машкова), фото № 77—79.

[3] На рис. 9 дана выкопировка с фотографии 1913 г., воспроизведение которой в печати невозможно.

фотографиям (их три), стыки граней были украшены снаружи полукруглыми пилястрами. Фундамент прослеживается вглубь на два ряда белого камня. Один из белокаменных блоков, найденный здесь же, имеет полукруглую выемку, возможно, для закрепления деревянной балки. Несомненна связь этих двух сооружений — изображенного в своде и сохранившихся остатков фундамента. Во-первых, совпадает место расположения колокольни. На миниатюре это Соборная площадь перед Иваном Великим. Во-вторых, совпадает форма здания — шестигранная. В-третьих, на миниатюре свода четко показано белокаменное основание звонницы, украшенное бегунком. Именно оно было найдено на Соборной площади при понижении ее уровня (в 1913 г.). Археологические наблюдения за земляными работами в Кремле дали новый материал, подтверждающий выводы, сделанные на основании архивных данных и рисунков летописи. В 1981 г. при земляных работах на Соборной площади удалось проследить развал фундамента из крупных белокаменных блоков, находящийся в 24 м к северу от Архангельского собора, непосредственно перед колокольней Ивана Великого. Остатки строительства лежали на слое XV в., хорошо датированном красной керамикой (с ангобом, вертикальным лощением).

Таким образом, миниатюры Лицевого свода донесли до нас истинный облик временной звонницы, стоявшей в середине XVI в. (с 1533 г.) на Соборной площади в Кремле. Отметим, что традиция в устройстве временных деревянных колоколен на этом месте прослеживается и в дальнейшем, но постройки имели другие формы (одна из них показана на плане Годунова).

Изучение Лицевого свода XVI в. показало, что Кремль и его памятники достаточно широко представлены на миниатюрах этого источника. На рисунки попало более 50 церковных и гражданских построек. Выделены три группы памятников, охарактеризованные выше.

Миниатюры, содержащие изображения сооружений первой группы, не позволяют проследить историю их создания и изменения в формах зданий при их перестройках. Большинство рисунков дает нам формы, современные художникам XVI в., несмотря на видимое значительное разнообразие в изображении памятников. Исключение составляют миниатюры с колокольней Ивана Великого, где отмечена четкая грань между зданием церкви Иоанна Лествичника, построенным при Иване Калите, и творением Бона Фрязина XVI в. Рисунки памятников первой группы мы можем сравнивать с дошедшими до наших дней сооружениями, что позволяет выявить наличие значительного числа реалий в своде. Это дает нам возможность с большим доверием относиться к изображениям построек, при сравнительном анализе которых мы опираемся на ограниченное число письменных и изобразительных источников или вообще лишены последних.

Сооружения второй группы в основном на миниатюрах свода показаны такими, какими мы знаем их по другим источникам. Не всегда в рисунках отражены характерные черты отдельных незначительных построек. Но некоторые привлекли особое внимание и изображены достаточно точно, как, например, церковь Рождества Иоанна Предтечи.

Сооружения третьей группы, как выяснилось, изображены на рисунках шаблонно, возможно еще и потому, что большинство из них к середине XVI в. уже не существовало на территории Кремля. Однако и в этой группе есть постройка, о внешнем виде которой мы можем судить по двум источникам — миниатюрам Лицевого свода и архивному материалу. Это деревянная временная колокольня шестигранной формы на белокаменном основании, стоявшая в середине XVI в. на Соборной площади в Кремле. Удалось идентифицировать рисунки летописи и обнаруженные в 1913 г. остатки этой постройки. Все это позволяет ставить вопрос о реконструкции исторической топографии отдельных участков территории Московского Кремля XVI в., в основном его центра.

Статистический анализ показал, что характерные черты памятников, существовавших во время создания свода, в значительной степени отра-

жены в ранних томах, повествующих о событиях XIV—XV вв. Разнобой в формах некоторых архитектурных сооружений, изображенных в миниатюрах свода, отсутствие четкой грани между новыми постройками и им предшествующими говорят о том, что образцов для копирования старых форм зданий Московского Кремля при создании лицевой летописи, видимо, не было. В архитектурном фоне миниатюр свода Кремль отражен таким, каким его знали художники второй половины XVI в.

Некоторые выводы, полученные в результате исследования миниатюр Лицевого свода XVI в., позволяют несколько по-иному отнестись к проблеме достоверности изображений архитектуры вообще в этом источнике. Однако изучение достаточно замкнутого комплекса построек Московского Кремля без сравнительного анализа с изображениями архитектуры других древнерусских городов несколько снижает ценность полученных выводов. Все это ставит перед автором данной работы серьезные и многочисленные вопросы, решение которых возможно только при комплексном изучении лицевой летописи XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арциховский А. В.* Древнерусская миниатюра как исторический источник. М.: Изд-во МГУ, 1944.
2. *Рыбаков Б. А.* Окна в исчезнувший мир.— Доклады и сообщения историческ. ф-та МГУ, 1946, вып. 4.
3. *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М.: Наука, 1965.
4. *Черный В. Д.* Архитектурные сооружения Московского Кремля в Лицевом летописном своде XVI в.— МИ ГММК, 1980, вып. III.
5. *Сидорова Т.* Реалистические черты в архитектурных изображениях древнерусских миниатюр.— Архитектурное наследство, 1958, № 10.
6. *Воронин Н. Н.* Историко-архитектурные заметки.— СА, 1957, № 2.
7. *Михайлов А. И.* Колокольня Ивана Великого в Московском Кремле. М.: Искусство, 1963.
8. *Бондаренко И.* Первоначальный облик Ивана Великого.— Строительство и архитектура Москвы, 1980, № 2.

T. D. Panova

MOSCOW KREMLIN IN THE 16 TH-CENTURY *LITSEVOI SVOD*

Summary

The author takes as her subject the representation of the Moscow Kremlin in the 16th-century *Litsevoi Svod* (Illuminated chronicle). The problem is not novel, previously it was treated in different ways. The author is attempting to decide how many and which Kremlin monuments were represented in the miniatures, whether it was possible to trace their history and changes of their forms, and also to establish which century was most prominent in the architectural background of the miniatures. The article is based on the material of the Osterman I and II, Golitsyn and Shumilov copies, the illuminated Nikon Chronicle and the Tsar's Book. Three groups of Kremlin buildings were singled out: buildings that have come down to our day; buildings that were destroyed by the mid-19th century, but are known from old maps and graphic and archive materials; and the monuments known from old written memorials only. The study of the *Litsevoi Svod* and its miniatures showed that the Kremlin figured prominently (more than 50 buildings) in the chronicle. Drawings of many monuments were made from nature and showed certain characteristic features. The stylistic analysis has revealed the fact that some typical architectural details of synchronous monuments were mainly present in earlier volumes, describing the events of the 14th-15th centuries. Some discrepances in architectural forms, the absence of a clear boundary between later and earlier buildings testifies that some earlier buildings were not drawn from nature. The Kremlin in the chronicle is shown as miniaturists of the second half of the 16th century saw it.

ЛОРЕНСО Х. Л.

МЕКСИКАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ И СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ АРХЕОЛОГИ

Очерк о том, что означают для Мексики археологические исследования, которые проводятся на ее территории североамериканцами, и какие результаты извлекают из них как они сами, так и мексиканцы, в обязательном порядке требует критического, но объективного анализа всего сделанного, поскольку обе группы исследователей использовали одни и те же материалы и решали одни и те же проблемы, и их деятельность проходила на территории одной и той же страны.

В немногочисленных работах, главной темой которых является развитие археологии как в США, так и в Мексике, имеются существенные расхождения. Для североамериканцев главным является выяснение того, кто, когда и какими методами работал в области археологии, с тем, чтобы составить некую законченную периодизацию, в которой, однако, практически не принимается в расчет самое главное — зачем и для чего проводятся археологические исследования. При этом данная периодизация сама страдает недостатком, неоднократно подвергавшимся критике сторонниками этой аналитической системы,— описательностью [1, с. 42—88]. В статьях же мексиканских авторов, небольших по объему и менее претенциозных, отчетливо проявляется исторический подход, позволяющий проследить причины и цели создания археологии [2, с. 137—151].

Чтобы показать взаимосвязь археологической теории и практики, необходимо проследить тот философский фон, на котором развивалась археология в обеих странах. Отправной точкой освещения данной проблемы я считаю момент появления испанцев и англичан на Американском континенте.

Между завоеванием испанцами Мексики и началом колонизации территории, ставшей в дальнейшем Соединенными Штатами Америки, прошел почти целый век, насыщенный бурными историческими событиями. Испания и Португалия к моменту колонизации представляли собой абсолютные монархии с господством феодального способа производства. Соответственно управление колониями они строили в значительной мере по тому же типу. Англичане и голландцы, подданные государств с парламентским строем, эксплуатировали свои колонии в основном на капиталистической основе. В первом случае колонии управлялись из метрополии, посредством назначаемых королем и наделенных всей полнотой власти лиц, во втором — спустя короткий промежуток времени установилась своя система представительных органов.

Что касается религии, испанское духовенство было вынуждено досконально изучать индейские общества и их верования, поскольку лишь этим путем можно было их христианизировать. Миссионерские задачи англичан в Северной Америке были значительно уже: они практически не затрагивали индейское население.

Большое значение имеет то обстоятельство, что испанцы столкнулись на территории Анахуака[1] с уже сложившейся системой эксплуатации многочисленного населения, плоды труда которого целой системой сборов и податей отчуждались в пользу правящего класса. По сравнению с этим возможности эксплуатации местной рабочей силы на атлантическом побережье Северной Америки были ограничены.

[1] Анахуак (Anahuac) — так ацтеки называли долину Мехико и прилегающие к ней районы.

Кроме того в Новом Свете испанцы повседневно встречались с остатками грандиозных сооружений, построенных до их прибытия, постоянно пользовались изделиями местных ремесленников, проложенными местным населением дорогами, ирригационными системами и акведуками. К этому прибавлялось само присутствие индейцев, по-прежнему многочисленных, несмотря на гибель многих из них во времена Конкисты [1, с. 23—28].

Колонизатор-англосакс лично и непосредственно овладевает природными ресурсами «своей» территории; испанский колонизатор овладевает природными ресурсами через посредство местной рабочей силы и, кроме того, вступает в браки с местными индейскими женщинами.

Началом сознательного отношения к древностям в Новой Испании XVI в. можно считать выдачу частным лицам разрешений на раскопки захоронений индейских вождей, осуществлявшуюся испанской королевской властью. При этом пятая часть найденных драгоценностей и золота отчислялась государству. Этот и последующий века были периодом расширения захваченных территорий, упрочения власти завоевателей и расового смешения: вследствие своей многочисленности метисы и креолы начинают участвовать в общественной жизни, хотя их роль в ней и невелика.

В Северной Америке в XVII в. происходит образование колоний, увеличение их населения и предпринимаются попытки расширения колоний, что приводит к первым столкновениям с туземным населением. Естественно, что ни здесь, ни в Новой Испании не возникло отношение к местным древностям, подобное отношению к греческой и римской культурам в Европе ввиду отсутствия духовной связи между индейцами и колонистами.

В XVIII в., и прежде всего во второй его половине, в Америку приходят идеи Просвещения. Проникают в Америку также идеи Руссо — представление о «благородном дикаре», обладающем всеми положительными качествами рода человеческого, многие из которых исчезли с развитием цивилизации.

Американская и французская революции в испанских колониях нашли последователей в лице представителей креольской буржуазии. Именно эти прогрессивные элементы Новой Испании в той или иной форме ставят вопрос об индейском прошлом, с которым они связаны своими корнями.

Существовало четкое противопоставление метрополии и колонии. Принятый уроженцами Новой Испании подход к истории Мексики и Испании позволил им начать борьбу против теорий Бюффона и де Пова, которые, подходя ко всему миру с европейской меркой, превознося европейскую действительность и не зная американской, отрицали применительно к новому континенту всякую возможность развития.

Несомненно, именно идеи Просвещения пробудили самосознание жителей Американского континента, проявлявшееся, в частности, в стремлении показать имевшиеся здесь достижения, что стимулировало интерес к широкому изучению всего, относящегося к Америке.

Первенство в области проведения археологических работ в Америке принадлежит, без всякого сомнения, Томасу Джефферсону, а раскопки, осуществленные им в 1784 г. в Виргинии, вошли в историю археологии как первые научные археологические работы. Причиной, побудившей Джефферсона предпринять это исследование, было стремление получить данные для решения вопроса о происхождении и назначении искусственных холмов [1, с. 36—38]. Его современники и соотечественники также проявляли интерес к лежащим на поверхности или случайно обнаруживаемым остаткам древних предметов и, естественно, строили всевозможные предположения об их происхождении.

В эту эпоху Новая Испания находилась под правлением Карла III, типичного представителя просвещенного деспотизма, который, будучи королем Неаполитанским, был знаком с археологией; в частности, он отдал распоряжение о проведении раскопок в Помпее и Геркуланум. Поэтому капитану Антонио дель Рио было приказано в 1786 г. совер-

шить путешествие к развалинам Паленке (Чиапас, Мексика). Раньше, в 1773 г., эти развалины посетил монах Рамон де Ордоньес-и-Агилар, посвятивший им памятную записку, а в 1776 г. их посетили алькальд селения Санто Доминго де Паленке Хосе Антонио Кальдерон и архитектор Антонио Бернаскони [5].

Хосе Антонио де Альсате-и-Рамирес побывал на развалинах Шочикалько и Тахина, о чем он рассказал на страницах «Гасета де литература» в 1791 г., не указав, однако, даты путешествия. В 1792 г. дон Антонио де Леон-и-Гама, физик и астроном Королевского католического университета Мехико, опубликовал большую работу о статуе богини Коатликуэ и о «Камне солнца» — двух монолитах, найденных при ремонте мостовой на площади Сокало в Мехико; к этому он добавил очерк о календаре древних мексиканцев.

Следует также упомянуть, что между 1771 и 1779 гг. вице-король Букарелли распорядился о создании университетского музея в Мехико, где были бы собраны древние индейские памятники; это решение было принято, несомненно, не без влияния Карла III, основавшего подобные музеи в других городах [2, с. 137—151].

Завоевание американцами Североамериканского Запада, начавшееся с Версальского договора 1783 г. и завершившееся Месильским (Гадсденским) договором 1853 г., прежде всего породило интерес к «большим холмам» в долине Огайо, возведение которых, как считали, не могло быть делом рук местных индейцев. Предполагалось, что их насыпали египтяне, финикийцы, ацтеки и даже инки. Как бы то ни было, был проведен ряд исследований: в кабинетных условиях, на основе книжной эрудиции и буйного воображения, и на местности, путем раскопок. Появление колонистов на территории, названной впоследствии «Юго-Западом», привело к контакту первых исследователей с местным населением, обитавшим в многолюдных оседлых поселениях. В непосредственной близости от них находились руины более древних поселений. Конечно, некоторые сведения о них, почерпнутые из рассказов испанских конкистадоров и монахов, были известны и раньше. Однако теперь перед исследователями были уже не страницы древней хроники, а осязаемая реальность.

В Соединенных Штатах в 1794 г. было создано Американское философическое общество, чей интерес к археологии проявился в 1799 г. в издании циркулярного письма членам общества, в соответствии с которым в 1812 г. было основано Американское общество антиквариев.

В Мехико с 1831 г. существовал основанный Лукасом Аламаном Национальный музей, а в 1833 г. было создано Мексиканское общество географии и статистики, первоначально носившее название Национального института географии и статистики Мексиканской республики, где часто читались доклады и об археологических исследованиях. В 1865 г. император Максимилиан Габсбург передал Национальному музею здание Монетного двора, где музей размещался до 1964 г. [2].

В 1846 г. возникает Смитсоновский институт, а в 1866 г.— музей Пибоди Гарвардского университета. Смитсоновский институт, в свою очередь, основал в 1879 г. Национальный музей и Этнологический отдел (с 1894 г.— Бюро американской этнографии).

Создание этих учреждений явилось ответом на растущий интерес к прошлому Америки. Этот интерес нашел отражение и в работах Александра Гумбольдта; хотя в них непосредственно древностям доиспанского происхождения уделяется немного места, о них постоянно говорится в связи с другими проблемами [6]. Начиная с этого времени проводятся важные исследования в Мексике, Центральной Америке и в Андской области; при этом одни исследователи пытаются доказать, что столь величественные развалины могут быть остатками лишь пришлых цивилизаций — египетской, финикийской или китайской; другие же пытались доказать, что речь идет о развитии автохтонных культур. Первые придерживались традиционного европейского взгляда на историю, вторые отстаивали новую, американистскую точку зрения.

Типичным представителем исследователей того времени был

Дж. Л. Стефенс, человек образованный и пытливый. Большой успех имели его очерки о путешествиях по Египту и Ближнему Востоку, где он ознакомился с методами работы европейских археологов. Дж. Л. Стефенс, несомненно, был знаком с работами Ф. Вальдека и А. Гумбольдта. Вскоре были опубликованы две известные его работы — «Некоторые эпизоды путешествия в Центральную Америку, Чиапас и на Юкатан» (1841 г.) и «Некоторые эпизоды путешествия на Юкатан» (1843 г.). Эти работы, по мнению фон Хагена, содержат идеи «археологического монроизма» [2]. В них он призывает новых обитателей Американского континента обратиться к эстетическим ценностям, созданным древними обитателями Нового Света и стоящим в одном ряду с достижениями прочих цивилизаций. Другими словами, можно говорить о том, что древняя Америка ни в чем не уступала Египту, Греции и Риму.

В 1843 г. У. Прескотт опубликовал работу «История завоевания Мексики», которая возбудила интерес к доиспанскому периоду. Это историческое исследование можно считать выдающимся для своего времени [7]. Следует упомянуть и тот большой вклад, который внес в решение проблемы Х. Банкрофт, выпустив в свет в 1882 г. фундаментальное исследование по истории Америки [8].

Однако этот период имеет также и отрицательную сторону, связанную с деятельностью музеев. Я считаю, что любой археолог-профессионал, восхищаясь археологическими экспонатами музеев, глубоко переживает тот факт, что большинство этих вещей было получено в результате грабительских раскопок, непоправимо разрушивших археологические памятники. Однако это было общепринято в то время: предметы собирались для заполнения залов и витрин, в условиях жестокой конкуренции; для этого во все страны посылались экспедиции, в которых порою военных было больше, чем ученых.

Мексике следовало защищать свои археологические ценности как от иностранных коллекционеров, так и от своих собственных. Правительство Мексики было вынуждено ввести законодательство по вопросам археологии: законы 1827 г. запрещали разграбление найденных при раскопках археологических находок и их вывоз за границу. В 1882 г. был издан закон об экспроприации в общественных интересах земель, где расположены один или несколько археологических объектов. Постановление 1868 г. напоминало местным властям, что все найденные в стране древности должны по возможности передаваться в Национальный музей и что не разрешается производить археологические раскопки лицам, не имеющим выданного правительством соответствующего разрешения. Тогда же указывалось, что не разрешается отчуждение заброшенных владений, на территории которых имеются археологические памятники, и они должны оставаться национальной собственностью, поскольку «... остатки сооружений, сохранившиеся на нашей земле от ее прошлых обитателей, должны оберегаться со всей тщательностью...» В 1885 г. была учреждена должность инспектора-хранителя археологических памятников республики, а в 1896 г. было четко определено, что в соответствии с законом археологические памятники являются собственностью нации [9, с. 121—145].

Интересно отметить, что эти мексиканские законы укрепляли присущий абсолютной монархии принцип государственной собственности на землю и ее недра, куда включались не только полезные ископаемые, но и, как уже говорилось, археологические памятники. Поэтому часто наши

[2] Доктрина Монро — декларация принципов внешней политики США, провозглашенная в форме послания президента США Дж. Монро конгрессу 2 декабря 1823 г. Разработана в связи с угрозой интервенции Священного союза в Латинскую Америку в целях восстановления господства Испании в ее американских владениях. В послании выдвигался принцип разделения мира на европейскую и американскую системы и провозглашалась идея невмешательства США во внутренние дела европейских стран и соответственно невмешательства последних во внутренние дела стран Американского континента (отсюда принцип «Америка для американцев»). В данном случае имеется в виду распространение принципов доктрины Монро на археологию.

коллеги из США, работающие в Мексике, не понимают основополагающих принципов нашего законодательства, столь отличающихся в данном аспекте от принятых в их стране. Законодательство XIX в. было расширено в 1930 г. после работ Э. Томпсона в священном колодце Чичен-Ицы. В 1934 г. в закон внесены изменения, а в 1939 г. новые добавления; наконец, в 1972 г. было принято еще одно новое, значительно более жесткое и детальное законодательство, берущее под защиту наше культурное наследие. Но одних законов для этого мало, необходимо воспитывать в народе уважение к реликвиям прошлого, а также готовить специалистов для проведения необходимых исследований.

Еще в 1558 г. в Королевском католическом университете Мехико была организована кафедра индейских языков, которым обучали также будущих монахов и священников в монастырях. Однако лишь в 1895 г. некоторым местным языкам стали обучать в светских учебных заведениях. В это же время в Национальном музее был создан Отдел антропологии, который с 1907 г. занимается также изучением археологии и этнографии, а с 1909 г.— физической антропологии.

Президент Колумбийского университета США Н. М. Батлер еще в 1904 г. вынашивал идею организации в Мексике центра по изучению американской этнографии и археологии путем объединения усилий ряда американских университетов, некоторых европейских стран и научных учреждений Мексики. В 1910 г. Ф. Боас и Э. Зелер предприняли новые попытки в этом направлении.

В 1911 г. была открыта Международная школа американской археологии и этнографии. Ее членами-основателями явились Пенсильванский, Гарвардский и Колумбийский университеты, Американо-Испанское общество, а также правительства Соединенных Штатов, Пруссии, Франции и Мексики [10, с. 235—262].

Ф. Боас начал чтение лекций в Мехико, в Высшей школе, с 1910 г. За время своего пребывания в Мексике он ознакомился в общих чертах с развитием археолого-этнографических исследований, и это позволило ему разработать план решения основных проблем археологии. Одной из них была археология долины Мехико. Ее решению был посвящен ряд работ, среди которых выделяются работы мексиканца Мануэля Гамио.

В 1906—1908 гг. Мануэль Гамио прослушал в Мексиканском Национальном музее курсы археологии, этнографии и физической антропологии. Затем с 1909 по 1911 г. он учился в Колумбийском университете. В это же время он принял участие в организованной Музеем американских индейцев экспедиции в Эквадор, которую возглавил М. Савий. Мануэль Гамио закончил университет в 1911 г., в 1921 г. ему было присвоено звание доктора, а в 1948 г. Колумбийским университетом — звание почетного доктора наук. По возвращении в Мексику в 1911 г. Мануэль Гамио проводит ряд раскопок, самыми известными из которых явились раскопки в Сан Мигель Амантле, так как именно там впервые была применена стратиграфическая фиксация находок по слоям, величина которых определялась как фактической мощностью природных напластований, так и количеством находок. Эти находки, прежде всего керамика, анализировались, классифицировались и сравнивались между собой с учетом их общего количества в каждом слое. Результаты этих новаторских исследований были представлены в 1912 г. в Мехико на выставке, организованной Международной школой [11, с. 1—22].

Это фундаментальное археологическое исследование было, несомненно, первым, осуществленным совместными усилиями Соединенных Штатов, Мексики и Германии. Следует упомянуть, что в это время в Международной школе работали: Альфред М. Тоззер, Дж. Олден Мэсон, Джордж Энгерранд и Эдуард Зелер. Хотя упомянутые ученые и оказали известное влияние на Мануэля Гамио, необходимо признать, что замысел исследования и его результаты, опубликованные в книге «Население долины Теотихуакан» в 1922 г., целиком принадлежат мексиканскому ученому [10, с. 235—262].

Идеологической основой своей деятельности М. Гамио считал вовлече-

ние индейского крестьянства в активную жизнь нации. Для этого, по его мнению, необходимо исследовать не только современное положение индейцев, но и их происхождение, прошлое и особенности окружающей их природной среды. Подобная постановка вопроса была для того времени уникальной, и работы, проведенные в Теотихуакане, в течение многих лет оставались примером для подражания [12].

М. Гамио был также выдающимся организатором науки. Именно ему мы обязаны созданием первого в Мексике официального археологического учреждения в 1917 г.— Управления археологических и этнографических исследований, переименованного в 1921 г. в Антропологическое управление. Любопытно, что это учреждение оставалось в составе Министерства земледелия до 1925 г., когда оно перешло в подчинение Министерства народного образования. В 1939 г., слившись вместе с другими государственными учреждениями, это Управление превратилось в Национальный институт антропологии и истории.

В 1937 г. Национальный политехнический институт основал Национальную школу антропологии при Национальной школе биологических наук, и в 1942 г. эта школа была включена в состав Национального института антропологии и истории [10, с. 235—262]. С самого начала своей деятельности Национальная школа антропологии сотрудничала с Институтом общественных наук Калифорнийского университета по программе изучения Западной Мексики и, в частности, памятников индейцев-тарасков. Некоторые из первых исследований, осуществлявшихся там, были чисто археологическими; позднее, когда к проведению работ присоединился Институт социальной антропологии Смитсоновского института, ставший их руководителем, основные усилия, естественно, направлялись в область социальной антропологии.

В 30-х — 40-х годах группой североамериканских археологов в Мексике был проведен ряд раскопок. Вместе с раскопками, осуществленными в это же время мексиканскими археологами, они легли в основу периодизации конкретных памятников и целых областей, при этом использовались методы стратиграфии и установления хронологии путем сопоставления и корреляции, затем к ним добавился и радиокарбонный метод. Эти работы, а также изучение календаря майя легли в основу всех хронологических построений мексиканской археологии [10, с. 235—262].

С начала 20-х годов на территории майя начал работать Институт Карнеги, но его исследования подверглись критике за то, что они были преимущественно описательными, без каких-либо попыток общей интерпретации материала. Хотя эта критика справедлива, полученные работами Института конкретные данные представляют несомненную ценность. Доказательством этого служат монографии общего характера, основанные на материалах, добытых экспедициями Института Карнеги. Отрицательным моментом в его деятельности можно считать реконструкции архитектурных сооружений, но не потому, что они были плохо выполнены, а лишь потому, что благодаря им возникло отношение к реставрированным археологическим памятникам прежде всего как объектам туризма. А это тяжело отразилось на развитии нашей науки. Однако вина за это ложится, в сущности, не на Институт Карнеги, а на распространение археологического туризма, который породил «туристическую археологию», примерами чего служат Теотихуакан, Ушмаль, Чолула, Теотенанго и т. д. [1, с. 88—129].

В 1940 г. был основан городской колледж Мехико, где мексиканские преподаватели подготовили большую группу археологов из США, многие из которых одновременно вели те или иные курсы в Национальной школе антропологии и истории. Подготовка национальных и иностранных кадров археологов в Мексике оставалась в руках мексиканцев.

В настоящее время развитие археологии в Мексике законодательно возложено на Национальный институт антропологии и истории. Институт обладает также правом выдачи разрешений на проведение работ мексиканским и иностранным археологам. Национальный институт антропологии и истории имеет ряд археологических отделов. Национальный музей антро-

пологии является исключительно местом экспонирования и хранения материала, хотя его сотрудники, чтобы не потерять профессиональный навык, также периодически работают в археологических экспедициях [13]. Порою из-за исследовательской деятельности Института его смешивают с учреждениями университетского типа; это вытекает также из существенных различий в подходе к археологическим памятникам в Мексике и в США.

С момента своего основания Национальный институт антропологии и истории был свидетелем ряда перемен в археологии США. Этап «музейных поставщиков» сменился там этапом независимых исследований, финансируемых университетами, предоставляющими определенные суммы для проведения фундаментальных работ, которые составили так называемый период «исторической классификации». Это был также этап крупных экспедиций, имевших большие средства для выполнения долгосрочных исследований [1, с. 131—178].

Но постепенно стали появляться лица, которых можно охарактеризовать как «проводящих отпуск в Мексике». Не располагая крупными средствами, они использовали летние месяцы для осуществления небольших раскопок. О деятельности подобного рода «исследователей» порою становилось известно лишь из небольшого доклада, прочитанного на той или иной археологической конференции; эти доклады назывались обычно «предварительными отчетами», однако по большей части на этом все и кончалось.

В настоящее время в Мексике работают археологи, осуществляющие многолетние исследовательские программы. Некоторые из них имеют серьезный недостаток: для быстрого получения результатов зачастую поступаются качеством исследований. Это связано с необходимостью немедленной демонстрации конкретных результатов для дальнейшего финансирования работ. Вследствие ограниченности средств к работам часто привлекаются студенты, которые не только используются в качестве рабочей силы, но и должны также оплатить стоимость проезда и даже нести часть общих расходов по экспедиции. Однако подобная практика, как и так называемые «полевые школы», теперь запрещены.

Одним из вариантов крупных программ в последние годы являются разного рода теоретические разработки, представляющие, по сути дела, не более чем умозрительные построения. Для реализации таких программ необходимы, однако, значительные затраты и самые экзотические манипуляции, в результате которых в некоторых случаях доказывается очевидное, но в самых «научных терминах», которыми так грешит «новая археология» [1, с. 183—189]. Следует вспомнить, что представители этой «новой археологии» всегда оказывались не в состоянии работать в тех районах, где предварительно не поработали сторонники «старой» «и пришедшей в упадок» археологии, и что все их модели имеют в основе традиционную археологию. Им удалось сделать некоторые уточнения, однако лишь за счет лучшей технической оснащенности. Я не верю в существование «старой» или «новой» археологии. Я искренне верю просто в археологию, которая является продуктом своего времени. Однако я признаю, что была, есть и всегда будет «хорошая» археология и «плохая» археология.

Как уже указывалось, в Мексике работали и работают многие археологи из США, и это объясняется не в последнюю очередь экономическими причинами, поскольку стоимость проезда невелика, а обменный курс валют приемлем. Надо при этом отметить, что сейчас среди работающих в Мексике американцев образовалась группа людей с высоким профессиональным уровнем.

По моему мнению, в настоящее время как мексиканская, так и американская археология переживает интересный момент в своем развитии, связанный с осмыслением самого предмета археологической науки. В Соединенных Штатах есть сторонники «изменений» и «системного подхода», «процессуальной археологии» и даже «социальной археологии». Некоторые из нас, кто не согласен с тезисом, что «археология — это либо антропология, либо ничто», напротив, считают, что археология — это общественная

наука. Вспомним, что еще в 1942 г. Гордон Чайлд утверждал: «или во главе общественных наук стоит история, или же они не существуют как таковые» [14, с. 49—60].

В заключение можно подчеркнуть, что археологи из США являются сторонниками либо чисто полевой, либо теоретической археологии, в то время как мы, кроме этого, вкладываем в археологию историческое и общественное содержание.

Мы спокойно смотрим на фейерверк работ о «системах и изменениях», поскольку деятельность их авторов полностью оторвана от реальной действительности. Без исторического подхода к предмету невозможно понять ни «систем», ни «изменений». Не может быть человека без корней, без прошлого. Североамериканские археологи оценивают сейчас все происходившее лишь с позиций своей двухвековой истории, и им пока трудно понять тех, кто, как мы, мексиканцы, имеет многовековое прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Willey G. R., Sabloff J. A.* A History of American Archaeology. San Francisco, 1973.
2. *Bernal I.* Cien años de arqueología mexicana. 1780—1880.— Cuadernos Americanos, 11 (2). México, 1952.
3. *Zea L.* La Filosofía en México. V. 1—2. México, 1955.
4. *Xirau R.* Introducción a la Historia de la Filosofía (Tercera Edición). México. 1971.
5. *Ballesteros Gaibrois M.* Nuevas noticias sobre Palenque de un manuscrito del siglo XVIII.— Cuadernos del Instituto de Investigaciones Historicas. No. 11. México. 1960.
6. *Ortega y Medina J. A.* Estudio preliminar, revisión del texto, cotejos, notas y anexos al «Ensayo político sobre el Reino de la Nueva España», de Alexander von Humboldt. México. 1966.
7. *Ortega y Medina J. A.* Prólogo, notas y apéndices a la «Historia de la Conquista de México» de William H. Prescott. México, 1970.
8. *Bancroft H. H.* The Native Races. San Francisco. 1882.
9. *Bernal I.* La arqueología mexicana de 1880 a la fecha.— Cuadernos Americanos. 11 (6). México. 1952.
10. *Bernal I.* La arqueología mexicana del siglo veinte.— Memorias del Congreso Científico Mexicano, 13. México. 1953.
11. *Strug D.* Manuel Gamio. The Escuela Internacional and the Origin of Stratigraphic Excavations in the America. Ms. Columbia University. N. Y., 1970.
12. *Villoro L.* Los grandes momentos del indigenismo en México, 1950.
13. Disposiciones legales del Patrimonio Cultural. México, 1980.
14. *Childe V. G.* Archaeology as a Social Science. L., 1946.

J. L. Lorenzo

MEXICAN ARCHAEOLOGY AND NORTH AMERICAN ARCHAEOLOGISTS

Summary

The article by a prominent Mexican archaeologist deals with the emergence and development of Mexican archaeology and relations between Mexican and North American scholars. It presents a considerable interest for the history of world archaeology.

Публикации

КЛАПЧУК М. Н.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ ПРИКАРПАТЬЯ

Объектом археологических исследований была восточная часть Ивано-Франковской обл., именуемая Покутьем, занимающая площадь примерно в 6—7 тыс. км.^{2} В течение 1964—1976 гг. здесь открыто свыше 170 археологических местонахождений [1—11], сконцентрированных главным образом (114 памятников) на высоких правобережных террасах Днестра, между областным центром и г. Городенка, а также (свыше 40 памятников) на левобережье Прута в окрестностях Делятина.

Большинство археологических местонахождений датируется верхним палеолитом, и только некоторые из них имеют мустьерский, мезолитический или же более поздний возраст. На местонахождениях собран подъемный материал. Как правило, количество находок на отдельных местонахождениях колеблется в пределах 50—250 кремней, и только в редких случаях оно превышает 1500—2000 каменных изделий. Особого внимания заслуживают такие местонахождения, как Долина-2, Межигирци-1, Красна-3, Делятин-11 и Делятин-7 (рис. 1).

Долина-2. Местонахождение расположено на расстоянии 1 км от центра с. Долина Тлумачского р-на, влево от шоссейной дороги на Делеву, на урочище «Чучелове». Приурочено оно к древнему аллювию Пра-Днестра верхнеплиоценового-эоплейстоценового возраста, перекрывающему самую высокую (VII надпойменную) террасу Днестра. Западная часть галечника перемещена в овраг или же уничтожена карьером. В восточной части урочища грубый аллювий перекрыт маломощным (0,1—0,3 м) слоем темно-серого суглинка, который после ежегодной вспашки используется под выращивание сельскохозяйственных культур.

На поверхности вокруг карьера, а также на поверхности пашни после многократных весенне-осенних вспашек в течение 1974—1978 гг. собрано свыше 530 кремневых изделий, покрытых глубоким слоем молочной патины. Кремень местного происхождения в виде желваков встречается среди галек древнего аллювия. Судя по отпечатку на одном из кремневых желваков ежа, возраст его туронский.

Коллекцию долинских кремней составляют 19 нуклеусов, 130 отщепов, 7 пластинчатых сколов, 46 орудий труда и свыше 220 отходов производства.

Удельный вес нуклеусов в общем количестве находок небольшой (4,4%). Большинство их (68%) представлено многогранниками, в частности 11,— одноплощадочными экземплярами коротких пропорций (56××65×30 мм; рис. 2, *3*) и 2 экз. удлиненных (38×36×18 мм; рис. 2, *4*) пропорций. Один нуклеус (рис. 2, *1*) обладает формой чоппинга (40×65××50 мм) и еще один (рис. 2, *2*) — формой одностороннего диска (65××56×22 мм). От четырех, по-видимому, аморфных нуклеусов сохранились только более или менее выразительные фрагменты.

Сколы составляют 31,8% от общего числа кремней в коллекции. В основном (95%) это отщепы, главным образом клектонского типа. Они характеризуются небольшими размерами, значительной массивностью, короткими пропорциями, большими ударными бугорками, скошенными

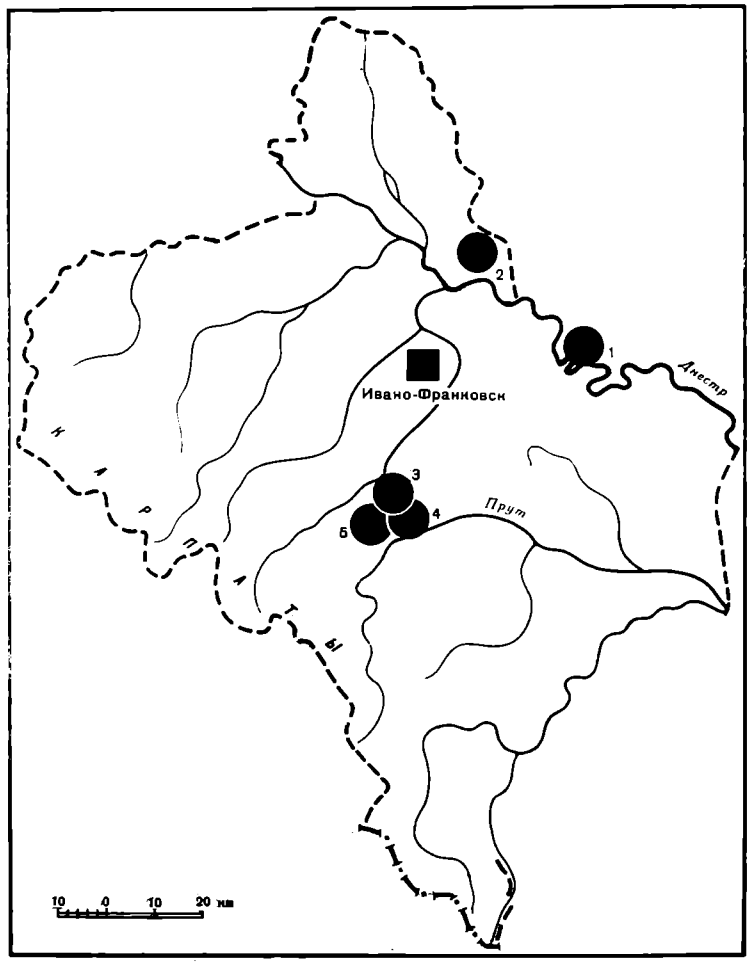


Рис. 1. Схема археологических памятников Прикарпатья. *1* — Долина-2; *2* — Межигирци-1; *3* — Красна-3; *4* — Делятин-7; *5* — Делятин-11

и нефасетированными ударными площадками. На многочисленных экземплярах на спинке сохранились более или менее значительные участки с желвачной коркой. Только 7 экз. можно отнести к категории пластинчатых сколов, которые, как и отщепы, характеризуются массивностью и бессистемным ограненнем.

Готовые изделия составляют 10,7% кремневых находок. Они представлены в основном четырьмя группами орудий, в частности зубчатыми орудиями (19,5%), остриями (15,2%), скреблами (15,2%) и сколами со следами вторичной обработки. Зубчатые орудия (60×44×12 и 52×32×12 мм; рис. 2, *10*, *11*) изготовлены на коротких массивных отщепах всевозможных очертаний, со значительными участками с желвачной коркой на спинке. Эти орудия оформлены крутой ретушью, нанесенной только в определенных, необходимых для выполнения тех или иных операций, местах рабочего края.

Крутой, грубой ретушью оформлены и острия (51×42×12 мм; рис. 2, *8*), изготовленные на отщепах. Некоторые из них имеют несколько удлиненные пропорции.

Среди скребел выделяется одно (рис. 2, *8*), длиной 132 и шириной 57 при толщине 20 мм. Изготовлено оно на крупном отщепе, один длинный край которого утолщенный, покрытый желвачной коркой, а другой — грубой, крутой, местами ступеньчатой ретушью оформлен в рабочий край. Скребла имеют разновидности с прямым лезвием (рис. 2, *14*; 56×38×16 мм), выпуклым (рис. 2, *9*; 65×33×7 мм) и вогнутым (рис. 2, *13*; 44×36×17 мм), оформленными крутой ретушью со стороны спинки.

Внимания заслуживают два рубильца. Одно из них сердцевидной фор-

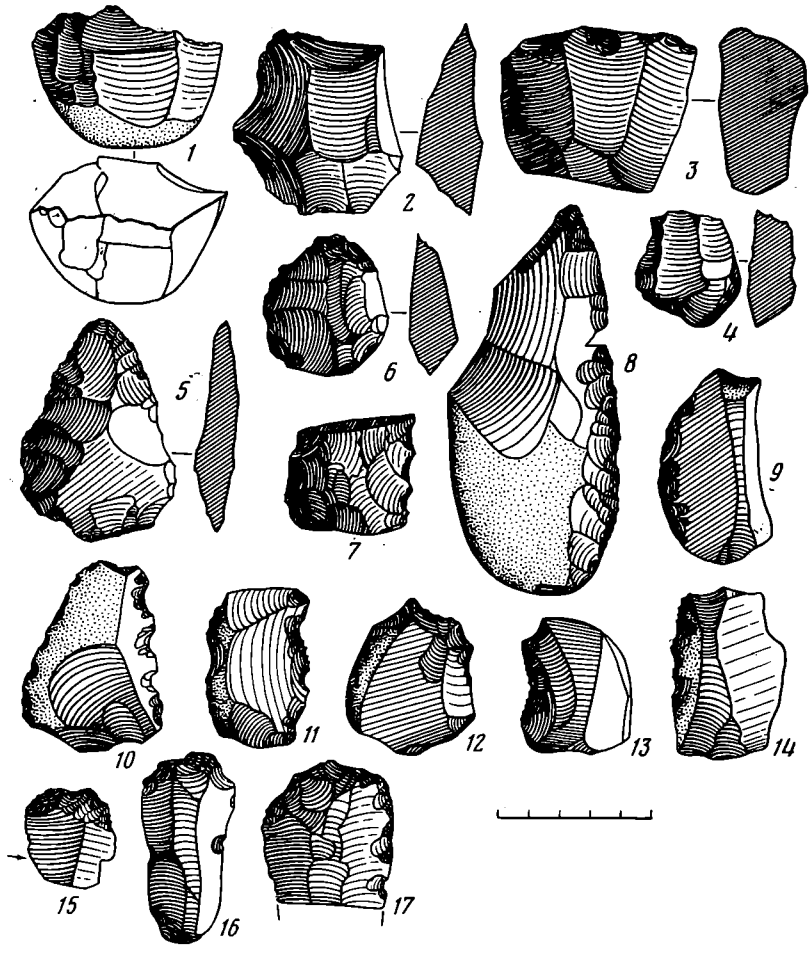


Рис. 2. Инвентарь мустьерского местонахождения Долина-2

мы (74×41×14 мм; рис. 2, *5*) изготовлено посредством двухстороннего снятия коротких, широких сколов по всей поверхности и крутой, мелкой ретушью по периметру. Второе рубильце (рис. 2, *6*) овальных очертаний, весьма небольших размеров (43×41×17 мм), с одной стороны оформлено снятием небольших сколов от краев к центру по всей поверхности. Вторая сторона рубильца оформлена только частичным снятием коротких сколов по периметру, а центральная часть орудия осталась под желвачной коркой.

В коллекции имеются три концевых скребка (рис. 2, *15—17*): два, сохранившиеся во фрагментах (31×30×9 и 47×42×13 мм), и один на целой массивной пластинке (60×30×10 мм). Острия скребков изготовлены посредством снятия крутой ретуши.

В общем комплексе находок местонахождения Долина-2 характеризуется абсолютным преобладанием клектонских приемов скалывания кремня, почти полным отсутствием леваллуазских элементов, сериями зубчатых орудий, клектонских острий и рубилец, истоки которых следует искать в ашеле. Их древний, среднепалеолитический возраст и принадлежность к мустье не вызывает сомнения. В известной мере сопоставляется с инвентарем коллекции Осыпки на Буковине [12].

Межигирци-1. Местонахождение расположено на горе Верстовой, южнее селения Межигирци Галичского р-на. Упомянутая гора представляет собой мысовидный останец VI надпойменной террасы р. Днестр, которая здесь далеко вклинивается с юго-востока в широкую, занятую многочисленными старицами Днестра и его притоков долину и доминирует над ее поймой. Верстовая, как и другие смежные участки террасы, сложена в основном известняком, содержащим многочисленные желваки кремня.

а также мергелями, перекрытыми четвертичными отложениями. На склонах горы в нескольких местах функционируют родники с хорошей питьевой водой.

Начиная с 1962 г. на горе ведутся интенсивные работы по добыче мергеля. В процессе земляных работ в карьере уничтожена бóльшая часть стоянки, о существовании которой стало известно только летом 1975 г. Тогда же произведены сборы кремневых изделий на поверхности снятых бульдозерами четвертичных суглинков, а осенью 1975 г. и в 1976—1977 гг. произведены раскопки в тех местах карьера, где в четвертичных отложениях сохранился непотревоженный культурный слой.

Раскопочные работы велись на четырех участках общей площадью в 200 м². Самый большой (130 м²) раскоп 1 вскрыл периферийную часть стоянки[1], очень бедную кремневыми изделиями и костными остатками. Раскоп 3 на площади 30 м² был заложен в центральной части стоянки, но в процессе земляных работ его культурный слой еще до раскопок был сильно поврежден и практически не дал находок, пригодных для построения надежных научных выводов. Особого внимания заслуживают небольшие, но исключительно богатые материалом площади раскопов 2 и 4, где вскрыт полностью непотревоженный культурный слой мощностью 0,40 м, включавший линзы золы с кремневыми находками и обломками костей животных, исчислявшимися сотнями на 1 м².

Стратиграфическое положение культурного слоя на раскопе 2 следующее: 0,00—0,40 м — суглинок темно-серый, монотонный, вниз по разрезу теряющий темный оттенок. Содержит корневища и перегнившие остатки травянистой растительности.

0,40—1,70 м — суглинок желтый, монотонный, плотный, в сухом состоянии имеющий глыбистую структуру. В верхней части прослеживаются более темные пятна кротовин, а в нижней — белесые карбонатные стяжения и линзы золы, вмещающие кремневые изделия и кости животных, интенсивно покрытые коркой карбонатов.

1,70—2,50 м — супесь светло-желтая, глинистая, монотонная, местами горизонтально-слоистая, без посторонних включений.

Культурный слой (рис. 3, 4) вскрыт на глубине 1,50—1,65 м. Он хорошо фиксирован хаотическим скоплением костей животных и линзами золы различных размеров и формы, залегающими двумя-тремя изолированными или переходящими друг в друга ярусами. К сожалению, на небольшой (всего 20 м²) площади этого раскопа не удалось проследить закономерностей в горизонтальном простирании линз золы и костей мамонта, несомненно свидетельствующих о существовании здесь хозяйственного комплекса первобытных жителей стоянки. Можно предположить, что линзы золы и кости фиксируют основную (по длинной оси) часть довольно большого наземного жилища, следы же опор крыши, наверное, находились уже за пределами раскопа. В жилище располагалось несколько очагов, где огонь поддерживался постоянно или с более или менее длинными перерывами.

Следы кострищ и бивни мамонта встречены и в раскопе 4, но его еще более незначительная площадь (13 м²) не дает возможности определить их роль в хозяйственном комплексе стоянки.

В золе встречены кусочки охры и угольки древесины, но для определения их абсолютного возраста радиокарбоновым методом количество угольков оказалось недостаточным.

Видовую принадлежность костей определили В. И. Бибикова и Н. Г. Белан. По их данным, кости из раскопов принадлежали следующим животным (табл. 1).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в поисках мясной

[1] Раскопки финансировались Ивано-Франковской областной организацией Украинского общества по охране памятников истории и культуры и Ивано-Франковским областным краеведческим музеем. В работах отряда принимали постоянное участие ст. научный сотрудник музея П. И. Арсенич, студент Ивано-Франковского педагогического института Л. Н. Микитенко и ученик Делятинской средней школы В. М. Клапчук.

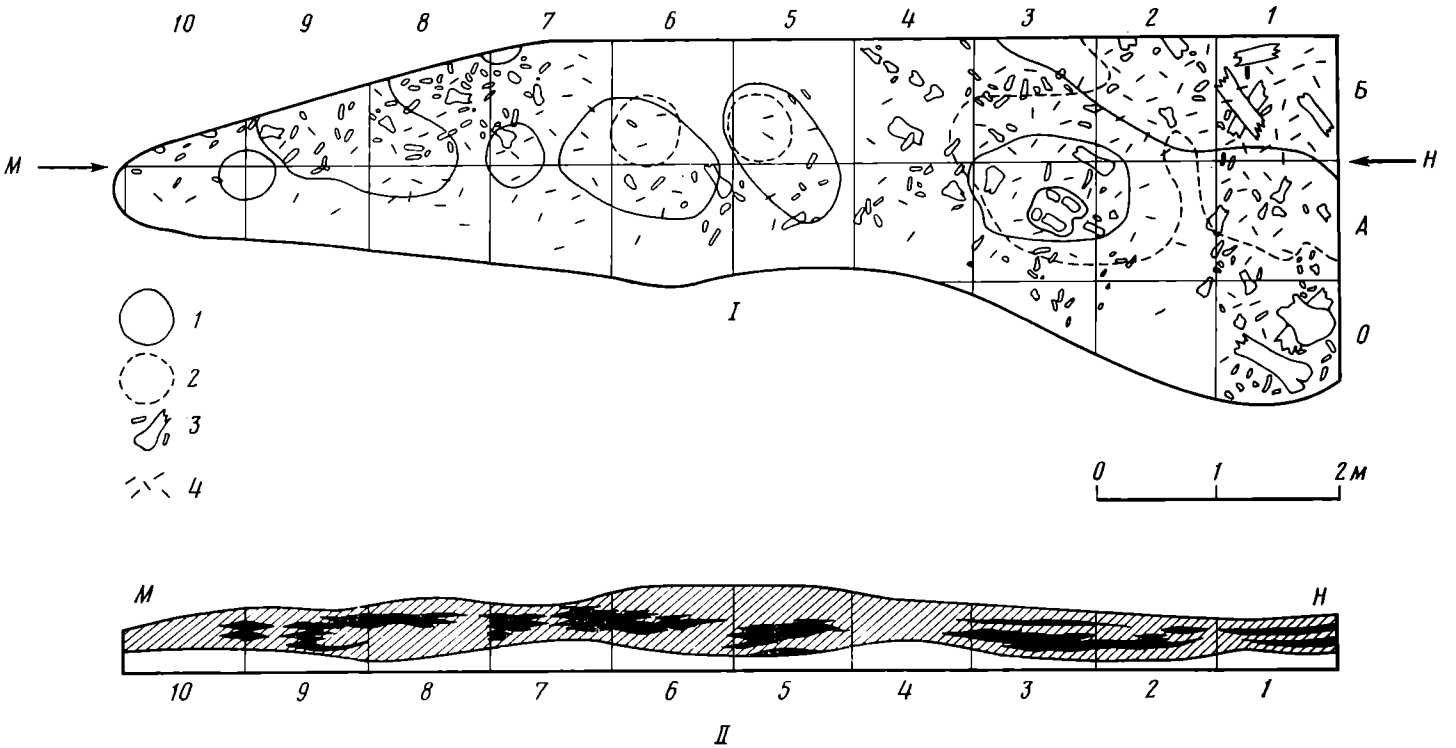


Рис. 3. I — план, II — разрез по линии М—Н раскопа 2 на местонахождении Межигирци-1. *1* — верхняя линза золы *2* — нижняя линза золы; *3* — кости диких животных; *4* — орудия труда первобытного человека

Таблица 1

Животные	Раскоп 2 (1975 г.)		Раскоп 4 (1976 г.)	
	количество			
	костей	особей	костей	особей
Лошадь	4	2	1	1
Мамонт	Сборы костей не производились		19	2
Северный олень	64	5	9	2
Бурый медведь	2	1	–	–
Волк	21	3	15	3
Лисица или песец	1	1	–	–
Песец	–	–	1	1
Млекопитающие	9	7	10	7

пищи жители стоянки Межигирци-1 сходились прежде всего на копытных, но не пренебрегали и мясом хищников. Подсчет показывает, что центральную часть стоянки с большим количеством костных находок составляла площадь 5—6 тыс. м². Судя по плотности костных остатков в раскопках 2 и 4, на территории стоянки могло быть съедено не менее 4—5 тыс. диких животных.

В процессе сборов подъемного материала и раскопок на стоянке Межигирци-1 собрана коллекция кремней, насчитывающая свыше 9500 предметов. На поверхности свалки четвертичных суглинков собрано 2377 изделий из кремния: в раскопе 1 — 2110 экз., в раскопе 2 — 2520 и в раскопе 4 — 2515 экз. Если в раскопе 1, вскрывшем периферийную часть стоянки, собрано в среднем по 28,3, то в раскопе 2 и 4 — по 123—126 кремневых предметов на 1 м² исследованной площади.

Ниже приводим анализ каменных изделий из раскопов 1, 2 и 4. Заготовки составляют 62% всех находок; включая нуклеусы — 3,1%, отщепы — 46,7% и пластины 50,0%.

Нуклеусов собрано 140 шт. Представлены они в подавляющем большинстве случаев слабосработанными экземплярами, как правило, больших размеров. Среди нуклеусов преобладают одноплощадные односторонние формы удлиненных пропорций с острым углом между ударной площадкой и рабочей стороной. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в раскопе 1 свыше 38% нуклеусов, судя по дополнительной обработке рабочей стороны (рис. 5, *1—5*), были переоформлены в специфические орудия, которые, возможно, использовались для выдалбливания бревен при изготовлении лодок.

В раскопах 2 и 4 подобные орудия не встречены. Здесь собрано небольшое количество нуклеусов, в два-три раза меньше, чем на площади первого раскопа.

Из раскопа 1 происходит довольно много (около 33%) отщепов, как правило покрытых со стороны спинки более или менее значительными участками желвачной корки. Это свидетельствует о том, что именно в этой части стоянки занимались в основном предварительным оформлением нуклеусов.

В раскопах 1, 2 и 4 собрано 2214 пластинок и сечений пластинок. Как правило, их размеры большие, нередко длина целых экземпляров превышает 100—120 мм. Со стороны брюшка все, без исключения, пластинки вогнуты; в отдельных случаях кривизна брюшка составляет 10—15% длины пластинок. Неповрежденные экземпляры пластинок составляют небольшой удельный вес: в раскопе 1 — свыше 17%, в раскопе 2 — около 14 и в раскопе 4 — только 9,3%. Вес отдельных экземпляров составляет: в раскопе 1 — соответственно 10,6 и 4,7 г, в раскопе 2 — 7,0 и 3,4 г и в раскопе 4 — 18,7 и 4,9 г.

Готовых орудий на площади раскопов собрано 326, что составляет 4,5% от общего количества находок. Распределение их по раскопам следующее (в %): (табл. 2).

Рис. 4. Вид на участок раскопа 4 местонахождения Межигирци-1 с бивнем мамонта

Общей чертой всех готовых изделий являются большие размеры и исключительно тщательная отделка их рабочих элементов. Лезвия некоторых скребков имеют лекально-точную полукруглую форму. Миниатюрные изделия неизвестного назначения изготовлены из пластинки толщиной 3 мм, путем снятия сотен микроскопических сколов с точностью, вызывающей удивление (рис. 6, *24*).

Скребла в большинстве случаев изготовлены на массивных отщепах, зачастую имеющих на спинке участки желвачной корки. Всего в раскопах найдено 9 экз., при этом во втором раскопе — 6 экз. (рис. 5, *8*, *9*).

Удельный вес скребков (рис. 5, *2—7*) среди готовых изделий довольно высокий. В подавляющем большинстве скребки представлены формами на пластинках. Соотношение целых и сломанных экземпляров равное. Свыше 77% скребков имеют овальные и строго полукруглые лезвия; форм с угловатым рабочим краем мало, и среди них преобладают экземпляры со скошенными краями. В раскопе 2 — 25% скребков имеют обработанные ретушью длинные нерабочие края. В раскопе 4 у всех скребков края необработаны.

Скребки характеризуются большими размерами и тщательной обработкой рабочих элементов. Размеры самых больших экземпляров составляют: 11×30×16; 107×43×14; 102×43×11 мм (рис. 6, *5*); 90×41×17; 90×35×10 (рис. 6, *2*); 78×37×10 мм (рис. 6, *3*). Эти скребки не имеют дополнительной обработки длинных краев. Скребки с такой обработкой меньше размерами — 74×36×12 и 68×31×11 мм (рис. 6, *7*).

В раскопе 4 свыше 10% готовых изделий составляют комбинированные скребки-резцы (рис. 6, *17*). Много этих орудий встречено также среди находок на поверхности перемещенных суглинков в отвале.

Особенностью местонахождения Межигирци-1 является высокий удельный вес резцов (40—60% от общего количества готовых орудий труда). Среди них встречаются экземпляры (рис. 6, *8—12*) самых различных размеров, форм, количества и расположения рабочих углов.

Некоторая часть готовых орудий представлена комбинированными резцами-скобелями (рис. 6, *13*, *14*, *16*). Отличительной чертой некоторых из них является наличие 3—4 резцовых углов и одного скобелевого рабочего края, расположенного рядом с одним резцовым углом (рис. 6, *13*) или между парой этих углов на одном конце орудия (рис. 6, *16*). Как правило, резцы-скобели обладают незначительными размерами, но некоторые из них достигают рекордно большой массивности (104×31×17 мм).

Собственно скобелей мало. В незначительном количестве (5 шт.) встре-

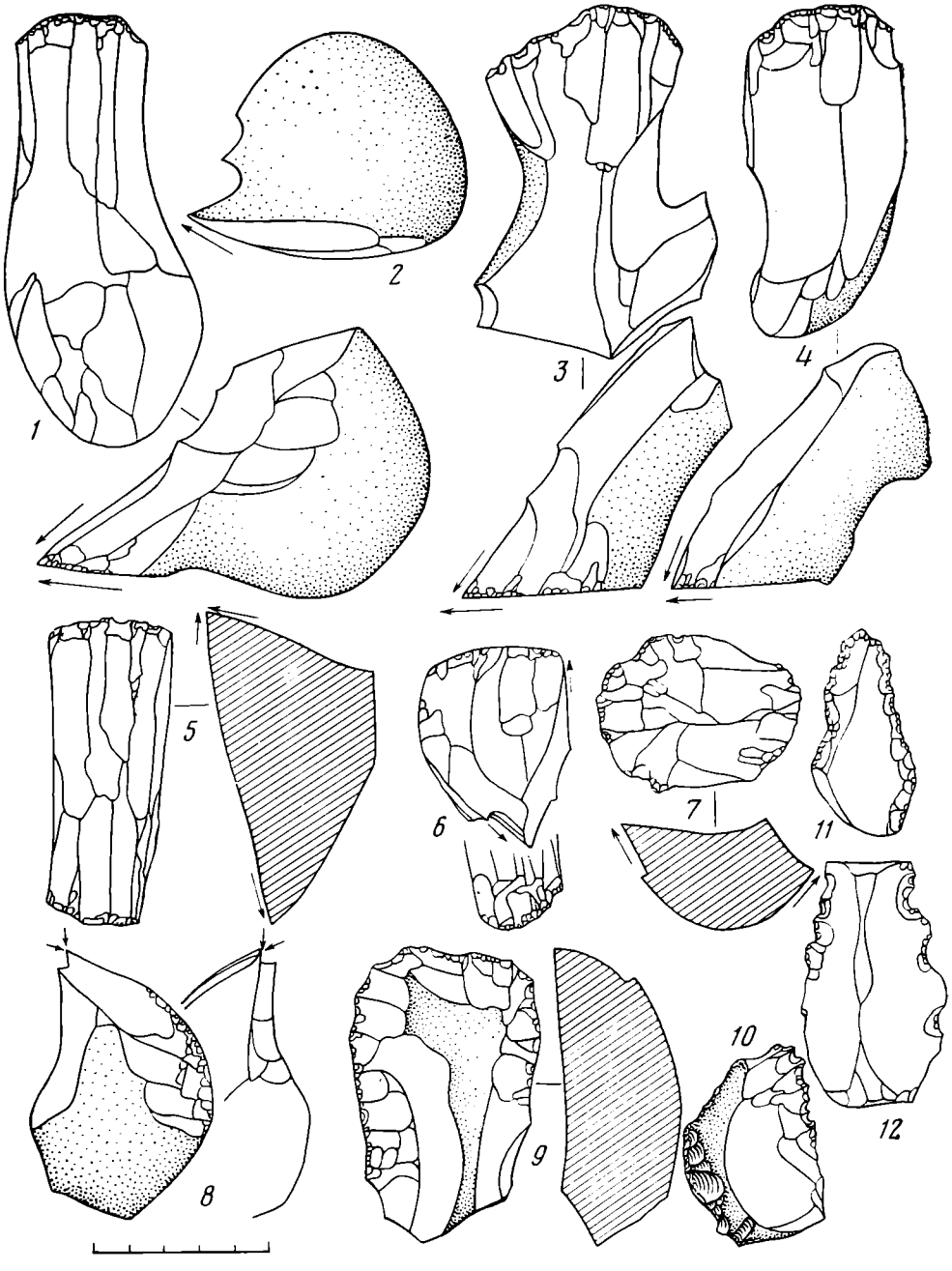


Рис. 5. Инвентарь верхнепалеолитического местонахождения Межигирци-1

чены остроконечники (рис. 6, *18*). Изготовлены они на пластинах, форма листа придана им снятием сколов и ретушью на конце и у основания пластинок со стороны спинки. Размеры целых экземпляров составляют 92×28×10 и 82×28×10 мм.

В раскопе 1 встречен единственный экземпляр острия типа шательперрон (рис. 6, *20*) размерами 68×29×8 мм. В довольно большом количестве встречены острия граветского типа (48 экз.; рис. 6, *21—23*), причем найдены они во всех раскопах, но больше всего в раскопе 2 (25 шт.). Изготовлены они на небольших ножевидных пластинках, как правило, без особо заметного изгиба в сторону брюшка, в результате удаления конечной и нижней частей пластинок, крутого ретуширования одного длинного края со стороны спинки. Размеры самых больших острий составляют 50× ×11×4, 45×9×4 и 39×9×3 мм.

Особого внимания заслуживают специфические проколки (рис. 6, *26—29*), рабочие элементы которых оформлены крутой ретушью, удалившей

Таблица 2

Изделие	Раскопы		
	1	2	4
Скребла	2,3	3,9	3,5
Скребки	30,6	9,1	17,0
Резцы	38,8	58,8	45,4
Проколки	3,5	7,1	6,8
Пластинки со следами обработки	4,6	2,6	–
Остроконечники	–	–	3,4
Острия граветского типа	12,9	16,3	7,9
Острия типа шательперрон	1,2	–	–
Скобели	2,3	0,6	1,1
Резцы-скобели-скребки	–	–	10,2
Сегменты пилочек	1,2	–	5,6
Долотовидные орудия	2,3	0,6	–
Растиратели красок	–	–	1,1

приконцевую часть пластинки. Этих проколок на местонахождении собрано 24 экз. Встречены на стоянке и фрагменты «иголок» и «пилочек». Один из фрагментов «иголки» (рис. 6, *24*) изготовлен путем тщательного ретуширования микропластинки и представляет собой изделие размерами 26×3×2 мм, которое из-за своей филигранности едва ли способно выполнять какие-либо операции с применением усилий.

Пилочек найдено 6 шт. Самая большая из них (19×3×2 мм; рис. 6, *25*) имеет 8 зубьев.

Кроме кремневых на стоянке Межигирцы-1 найдены каменные изделия. В их числе небольшой фрагмент круглой плитки песчаника для растирания красок и плоская, овальная галька со следами двухсторонне нанесенных ударов, которые в центре изделия образовали небольшие раковины.

Исследованный объект является самым большим памятником верхнепалеолитического времени в Прикарпатье. Его непотревоженный культурный слой имеет четкое стратиграфическое положение. Слой фиксирован золой кострищ, которые были расположены в центре хозяйственного комплекса. В слое найдены не только тысячи кремневых изделий, но и кости диких животных в количестве, достаточном для некоторых экономических реконструкций.

Условно местонахождение Межигирци-1 датируется началом второй половины верхнего палеолита, сопоставляется с такими местонахождениями, как Незвиско-4, Замостье-1, Молодова-5 (слой 7), Бабин-1 (слой 2), Корман-4 (слой 5) и т. д. [13, 14].

С известной мерой условности таким же временем можно датировать и комплекс находок местонахождения Делятин-11.

Делятин-11. Местонахождение расположено на краевом участке VI надпойменной (120-метровой) террасы р. Прут, называемом Жбыр, в 5 км к северо-востоку от Делятина Надворнянского р-на. Местонахождение открыто в 1972 г. В течение полевых сезонов 1973—1979 гг. на нем собрано свыше 130 изделий, изготовленных из светло-серого кремня, поверхность которого покрылась молочной патиной различной интенсивности.

В коллекции находок имеется один нуклеус, 22 сечения пластин, 22 готовых орудия и свыше 80 аморфных сколов и отходов производства. В отдельных случаях ширина сечений пластин достигает 40—45 мм. Готовые изделия размерами меньше. Значительная часть этих изделий изготовлена на сечениях пластин, а изготовленные на целых сколах орудия труда дошли до нас в поломанном состоянии. Удельный вес орудий труда здесь очень высок (18,3% от числа всех находок) и в Прикарпатье уступает только местонахождению Делятин-7.

Комплекс орудий труда состоит из четырех фрагментов концевых скребков на пластинках, двух резцов, трех двойных скребков со скошен-

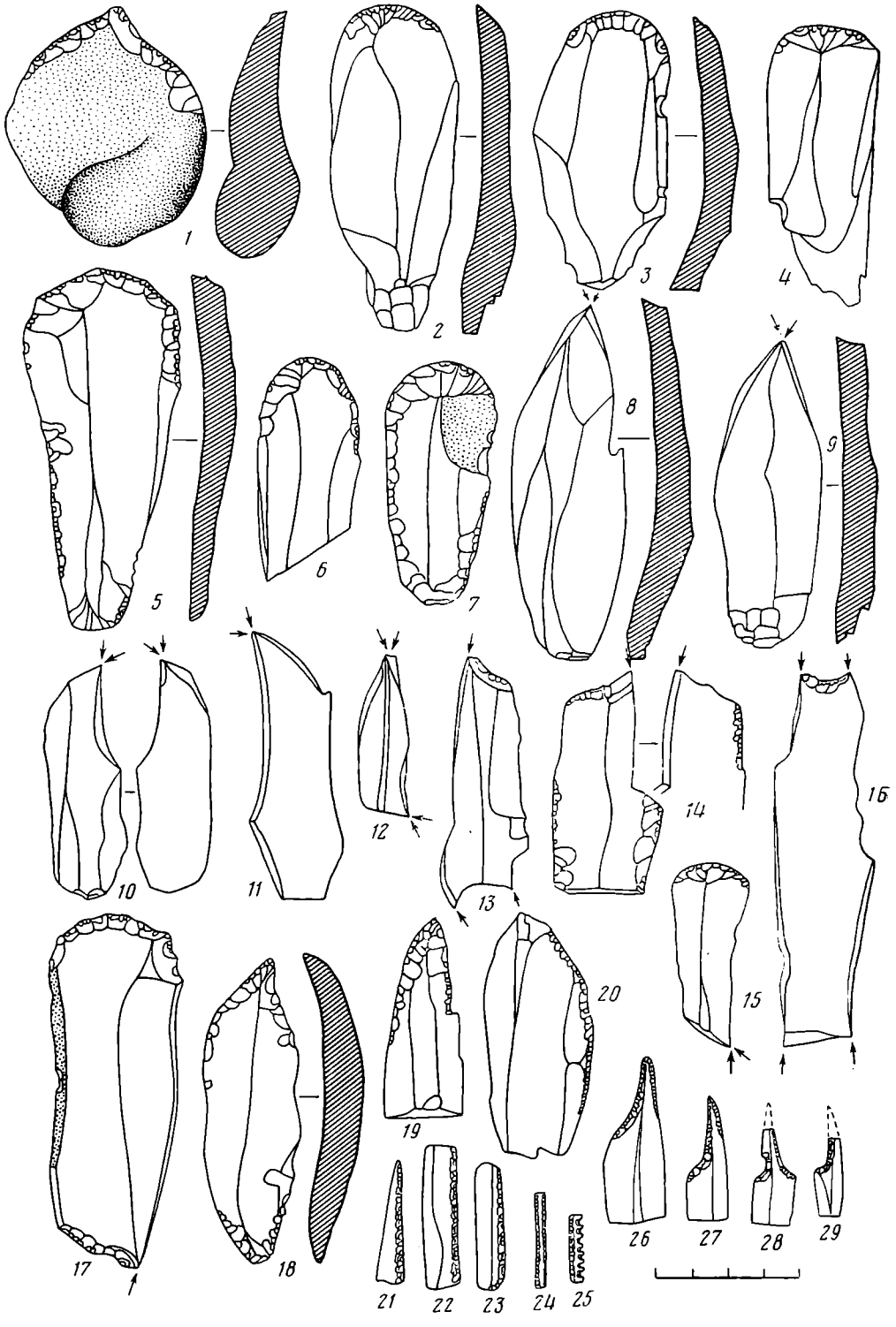


Рис. 6. Инвентарь местонахождения Межигирци-1

ными лезвиями ромбоидальных очертаний (рис. 7, *1—3*), четырех аморфных фрагментов режущих орудий с лезвием на одном длинном крае (рис. 7, *7—9*), семи фрагментов пластин с ретушированными двумя длинными краями и иногда заоваленной концевой частью (рис. 7, *4—6*, *10—13*), а также острия граветского типа (рис. 7, *14*).

Красна-3. Местонахождение расположено на невысокой возвышенности Кливка, к северу от сел. Красна, слева от шоссейной дороги Надворная — Ланчин. Скопление кремневых изделий приурочено к насолнечной прихребтовой части урочища. Местонахождение открыто в 1972 г., до-

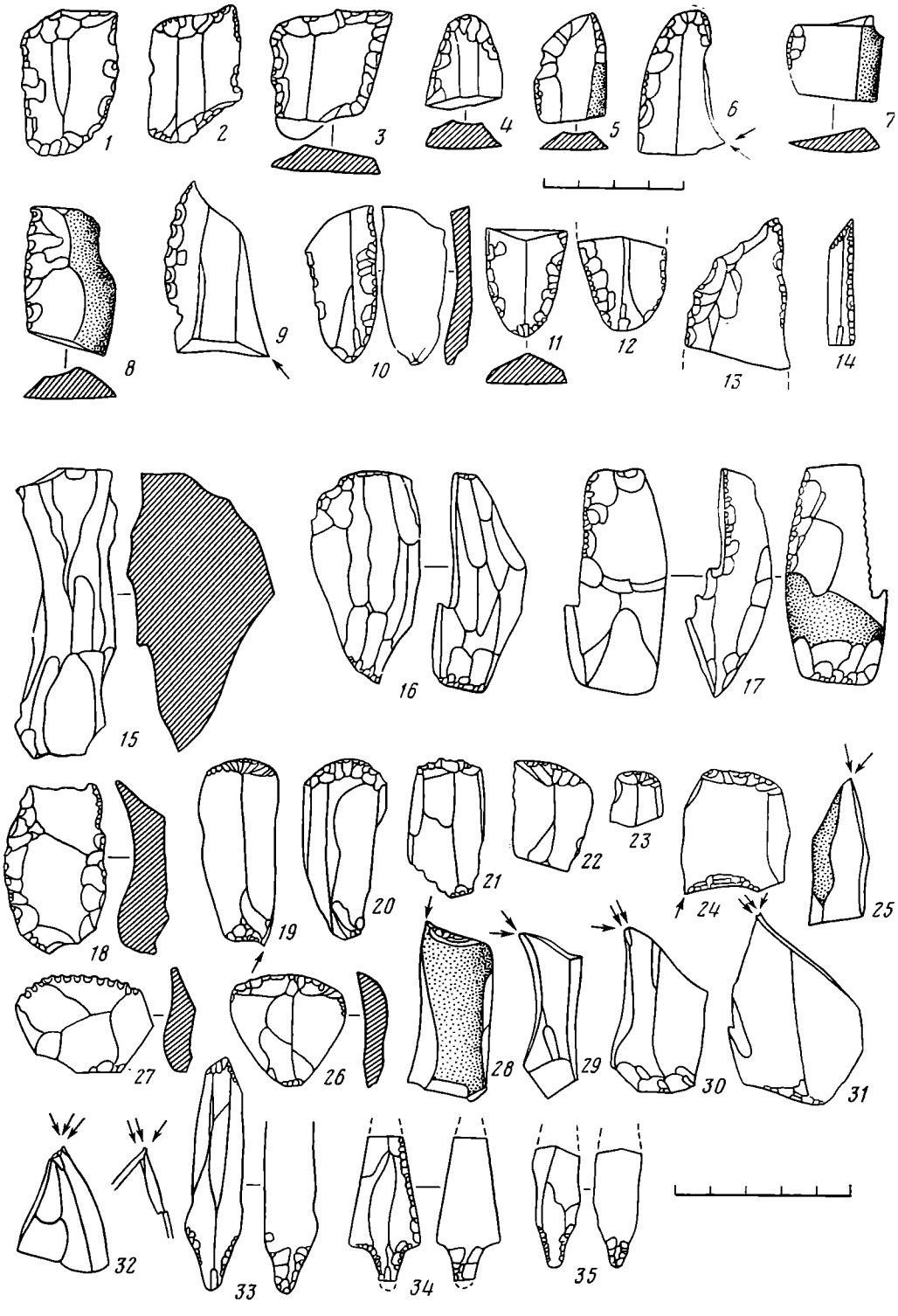


Рис. 7. *1—14* — инвентарь верхнепалеолитического местонахождения Делятин-II; *15—35* — инвентарь местопахождения конца палеолита и начала мезолита — Красна-3

полнительные сборы подъемного материала производились в течение 1973—1979 гг. Всего собрано свыше 700 кремней, интенсивно покрытых патиной молочного цвета с грязными налетами. Местами на поверхности кремневых изделий прослеживаются раковины, образовавшиеся в результате механического повреждения и выпадения толстого слоя патины.

В коллекции находок встречено 23 нуклеуса, 322 пластинки и сечения пластинок, 33 готовых изделий и свыше 320 аморфных отщепов и отходов производства.

Нуклеусы представлены всеми верхнепалеолитическими типами, по

преобладают призматические формы с сильно скошенной ударной площадкой. Эти нуклеусы характеризуются небольшими размерами (80××29×40; 61×42×23; 65×32×21 мм; рис. 7, *15—17*), по преимуществу удлиненными пропорциями и наличием на рабочих сторонах негативов длинных, прямых пластинок. В этой группе нуклеусов преобладают двуплощадные формы, с одной или двумя рабочими сторонами со встречным снятием пластинок. Зачастую двусторонние призматические нуклеусы имеют рабочие стороны, расположенные по отношению друг к другу на 60—90°, и это обстоятельство способствовало переоформлению этих нуклеусов на орудия для выполнения операций, связанных с долблением (рис. 7, *16*). В коллекции встречены также нуклеусы, деформированные в результате приламливания пластин примерно в половину длины тела (рис. 7, *17*). Они также в результате дополнительной обработки длинных краев рабочей стороны были переоформлены на орудия со скребуще-скобляющими функциями.

В группе пластин и сечений пластин большой удельный вес (87%) имеют последние, но бесспорного доказательства преднамеренного членения пластин в древности не имеется. Они, скорее всего, образовались в процессе употребления целых экземпляров, не имевших дополнительной обработки. Целые пластинки обычно длинные, узкие, прямые с параллельными длинными краями. Размеры самых больших экземпляров составляют 76×21×7 и 75×22×6 мм.

Готовые орудия представлены 13 скребками, 10 резцами, 2 скреблами, 2 комбинированными резцами-скобелями, 3 верболистыми наконечниками и 2 «пилками». Скребки составляют почти половину (40,6%) орудий труда. Большинство из них (69,2%) изготовлено на ножевидных пластинках, как правило не особенно длинных (рис. 7, *19—23*), обладающих размерами соответственно 54×22×6; 51×25×5; 39×27×7; 29×22×5; 16×15×××5 мм. В большинстве случаев (78%) лезвия скребков на пластинках симметричные, овальные, и только 22% скребков имеют скошенное вправо лезвие. Длинные края скребков не ретушированы. Скребки на отщепах небольших размеров (самый большой из них 31×33×7 мм), очень короткие, лезвия у них расположены на конце отщепов.

Удельный вес резцов среди готовых орудий составляет 31,2%. Преобладающее большинство резцов (70%) представлено срединными формами (рис. 7, *25*, *31*) на отщепах, целых пластинках и сечениях последних. Около 30% резцов имеют боковые лезвия. Резцовые лезвия встречены на скобеле (рис. 7, *28*) и на скребке-скобеле (рис. 7, *24*).

Скребла (рис. 7, *18*) представлены одним одинарным и одним двойным экземплярами с выпуклыми рабочими краями.

Особого внимания заслуживают один целый и два приломанных наконечника стрел верболистых очертаний (рис. 7, *33*, *35*). Наконечник, приведенный на рис. 7, *34*, имеет хорошо выраженный черешок. Размеры целого экземпляра наконечника составляют 65×14×6 мм и приломанных — 40×18×5 и 32×15×4 мм.

Два коротких отщепа имеют по краям оформленные мелкой, двухсторонней ретушью, мельчайшие (1×1 мм) зубья «пилочек» (рис. 7, *27*).

По ряду признаков (удлиненные пропорции нуклеусов с негативами снятия длинных, прямых пластинок, такие же пластинки, наличие верболистых наконечников и т. д.) комплекс изделий местонахождения Красна-3 хорошо сопоставляется с инвентарем стоянок свидерской культуры, расположенных на большом удалении от Прикарпатья. Рядом с Красной-3 открыты автором аналогичные местонахождения Горный Майдан-1 и 3, Красна-1 и 4, Средний Майдан-2, Ланчин-2, Делятин-6, Делятин-8, Делятин-9 и, вероятно, Делятин-1 и Заречье-1. Есть сведения о том, что местонахождения с аналогичным инвентарем имеются также к северо-западу от Надворной. Большая отдаленность наших местонахождений свидерского типа от основного ареала свидерской культуры позволяет ставить вопрос о трактовке их как самостоятельного археологического феномена (индустрия, культура), которому мы предлагаем присвоить название кливский — от урочища Кливка.

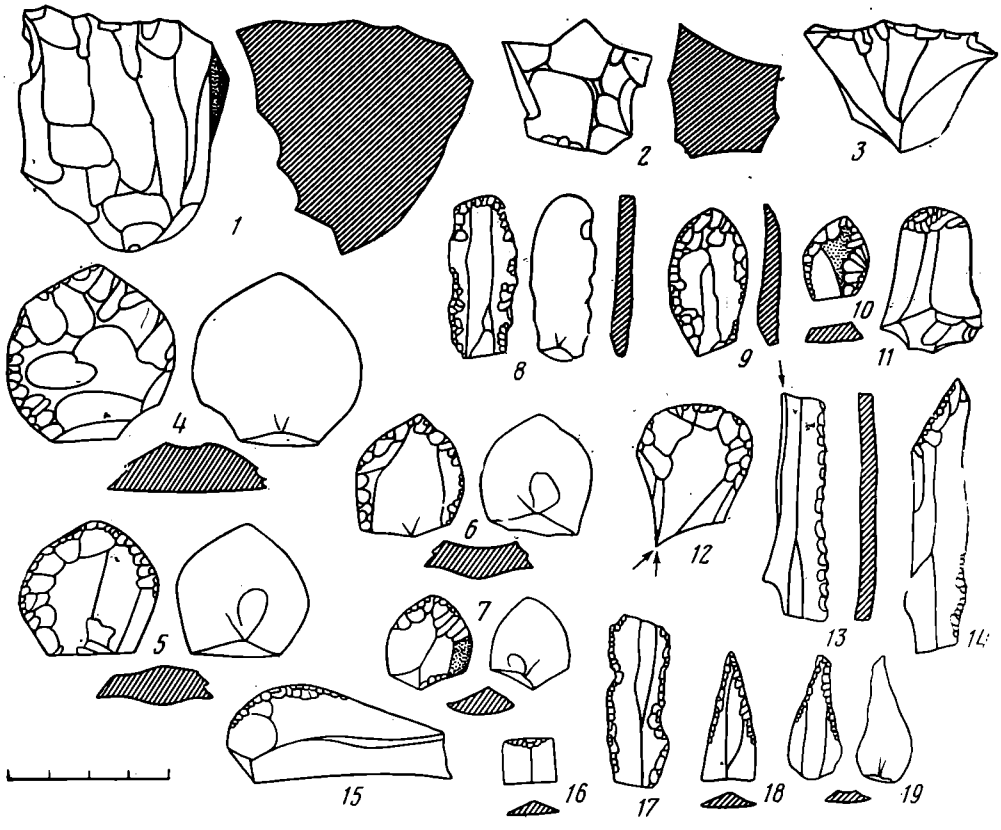


Рис. 8. Инвентарь позднемезолитического местонахождения Делятин-7

Сравнение инвентаря Красной-3 и местонахождения Межигирци I позволяет также высказать предположение о местном происхождении кливских комплексов Прикарпатья. В частности, бросается в глаза в обоих памятниках преобладание призматических нуклеусов удлиненных пропорций с острым углом между ударными площадками и рабочими сторонами, повторная утилизация нуклеусов и использование их в операциях по долблению, очень высокий удельный вес среди готовых орудий скребков и резцов, наличие на обеих стоянках изделий с лезвиями пилочек и т. д.

Делятин-7. Местонахождение расположено на слегка всхолмленной поверхности VI надпойменной террасы р. Прут, в урочище «Куцикове поле», на правом берегу ручья Рудка, в 5 км к северо-востоку от Делятина. Летом 1970 г. здесь открыта стоянка первобытного человека, обратившая на себя внимание наличием кремневых изделий, совершенно не покрытых патиной. Находки собраны на поверхности пашни и частично были получены в результате раскопок. Раскопки производились на участке 4×5 м, глубиной до 0,5 м. Следы непотревоженного культурного слоя встречены на глубине 10—25 см и фиксировались в виде еле заметных красноватых пятен пережженной земли, а также скоплением кремневых изделий с белой, растрескавшейся поверхностью (результат пребывания в огне).

На местонахождении собрано свыше 310 кремней небольших размеров, в том числе 17 со следами обжига. Комплекс находок составляют 9 нуклеусов, 10 целых пластинок, 82 сечений пластинок и 58 готовых орудий труда.

Нуклеусы (рис. 8, *1—3*) представлены небольшими (74×59×48; 30×48×50 и 31×54×45 мм) с разной степенью сработанности, призматическими, кубическими и пирамидальными формами с негативами снятия с них прежде всего отщепов. Ввиду этого несколько удивляет факт наличия на местонахождении среди заготовок значительного количества мелких, узких, с правильной огранкой пластинок и их сечений (в группе последних сечения пластинок составляют около 90%), по-видимому

использовавшихся в качестве орудий труда без дополнительной обработки. Источник получения этих заготовок в коллекции местонахождения отсутствует.

На пластинках было изготовлено не более 10—12% орудий труда. Полуфабрикатами для их изготовления служили прежде всего отщепы. В частности, среди скребков, составляющих самую многочисленную группу (74,1%) готовых изделий, встречено лишь 4,6% форм на пластинках (рис. 8, *8*, *11*) и 95,4% форм на отщепах.

Из 40 скребков на отщепах — 22 (53,4%) представлены короткими, близкими к округлым формами (рис. 8, *4—7*), имеющими размеры 43×××44×14; 34×35×13; 23×22×9 и 20×21×8 мм. Характерной их особенностью является наличие примерно по середине лезвий более или менее отчетливо выраженных гребней. Еще выразительнее они прослеживаются на скребках удлиненных очертаний (36×20×6 и 20×17×××6 мм), напоминающих ланцеты (рис. 8, *9*, *10*). Но удельный вес этих форм среди скребков на отщепах незначителен (4,9%). Довольно много (свыше 40%) скребков на отщепах имеют неопределенные очертания, как правило, очень мелкие размеры и в ряде случаев представляют собой фрагменты аморфных скребков.

В комплексе кремневых изделий и, в частности, среди готовых орудий труда абсолютно преобладают скребки. Проколки на пластинках (рис. 8, *14*, *18*. *19*) составляют лишь 5,2%, пластинки с зубчатым краем (рис. 8, *13*, *17*) — 3,4%. Единичными экземплярами представлены острие граветского типа, скребло, а также скобель и пластинка с прямым лезвием на одном конце (рис. 8, *16*).

Комплекс кремневых изделий местонахождения Делятин-7 очень своеобразен, резко выделяется среди других археологических памятников Прикарпатья. Он самый молодой, кремневые изделия не успели покрыться патиной, среди готовых орудий преобладают короткие скребки на отщепах. Этот комплекс сопоставляется с набором находок Фрумушики I и, как последний [13, с. 161—162; 14, с. 93], датируется поздним мезолитом.

Аналогичными находкам с местонахождения Делятин-7 оказались кремневые коллекции таких стоянок, как Делятин-6, Делятин-10, Горный Майдан I и некоторых других из окрестностей Надворной. Представляется возможным выделить эти позднемезолитические памятники в самостоятельную так называемую площанскую культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клапчук М. Н.* Разведка на Покутье.— АО — 1967. М., 1968.
2. *Клапчук М. М.* Пізньопалеолітичні місцезнахождения Добротів.— Археологія. 1970, т. XXIII.
3. *Клапчук М. Н.* Разведка в Ивано-Франковской области.— АО — 1970. М., 1971.
4. *Клапчук М. М.* Верхньопалеолітичні місцезнаходження на Покутті.— Археологія, 1972, № 7.
5. *Клапчук М. Н.* Поиски палеолитических местонахождений на Прикарпатье.— АО — 1972. М., 1973.
6. *Клапчук М. Н., Микитенко Л. Н.* Разведка на Прикарпатье.— АО — 1973. М., 1974.
7. *Клапчук М. Н., Микитенко Л. Н., Томенчук Б. П.* Исследования в Тлумачском районе.— АО — 1974. М., 1975.
8. *Клапчук М. Н., Микитенко Л. Н.* Новые данные о палеолите и мезолите в Ивано-Франковской области.— АО — 1975. М., 1976.
9. *Клапчук М. Н.* Раскопки верхнепалеолитического местонахождения Межигирци I.— АО — 1976. М., 1977.
10. *Томенчук Б. П., Клапчук М. Н., Арсенич П. И.* Разведки на юго-западном пограничье Руси.— АО — 1978. М., 1979.
11. *Клапчук М. М.* Палеолітичні та мезолітичні місцезнаходження поблизу Делятина.— Археологія. 1980, № 34.
12. *Анисюткин Н. К.* Мустье Пруто-Днестровского междуречья: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1971.
13. *Черныш А. П.* Палеолит Среднего Приднестровья.— Тр. КИЧП, 1959, т. XV.
14. *Черныш А. П.* Палеолит и мезолит Приднестровья: Карты и каталог местонахождений. М.: Наука, 1973.

M. N. Klapchuk

NEW DATA ON THE PALAEOLITHIC AND THE MESOLITHIC OF THE CARPATHIAN REGION

Summary

More than 170 archaeological sites, including 120 Palaeolithic and Mesolithic ones, were discovered between 1964 and 1976 in the eastern part of the Ivano-Frankovsk Region. The author surveys the industry of the five, more interesting sites (Fig. 1).

The Dolina 2 site, near the Dolina village, the Tlumach District, yielded 530 flint implements, racloirs and other Mousterian implements among them (Fig. 2).

The Mezhigirtsi 1 site is situated at the Mezhigirtsi village of the Galich District. Ashy lenses (Fig. 3), animal bones (Fig. 4) and more than 7,100 flint implements (Figs. 5—6) of the Upper Palaeolithic type were found in the cultural layer at the depth of 1.50—1.65 m.

The Early Mesolithic implements of the Swidry type (Fig. 7) was found on the Krasna 3 site and the Late Mesolithic (Fig. 8) — on the Delyatin 7 site in the Nadvornaya Region.

СУЛЕЙМАН А.

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО И СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ГОРОДЕ АЛЕППО

(Сирия)

Осенью 1973 г. на юго-западной окраине города Алеппо, в районе Ансари местными жителями случайно было обнаружено несколько керамических изделий, в том числе модель повозки и сосуд в форме животного (рис. 1). Эти предметы были доставлены в музей г. Алеппо, и в том же году на месте их находки были начаты раскопки, поскольку находки представляли несомненный интерес и датировались эпохой средней бронзы. Однако раскопки были прерваны в самом начале и продолжены лишь в 1977 г. В течение трех сезонов были вскрыты могилы и часть поселения площадью 85 м².

Местность в районе раскопок представляет собой равнину, занятую под сельхозкультуры. На западе поля упираются в скальное плато, сложенное из белых известняковых пород.

Почва на равнине имеет темно-красный цвет.

У подножия плато в результате небольшого оседания почвы и были сделаны находки.

Первоначальная поверхностная расчистка дала нам возможность предположить, что в данном месте находилась древняя могила. Общий вид представлял следующую картину: от основной стены скального плато, имевшего в этом месте небольшой изгиб вовнутрь, в центре площадки выступал большой камень, составлявший, по всей вероятности, некогда одно целое с плато. Каменная глыба имела овальную форму и размеры: 2,20 на 2,10 м. У юго-западного угла к ней примыкал камень несколько меньшего размера, расположенный на 20 см ниже верхнего края скалы,

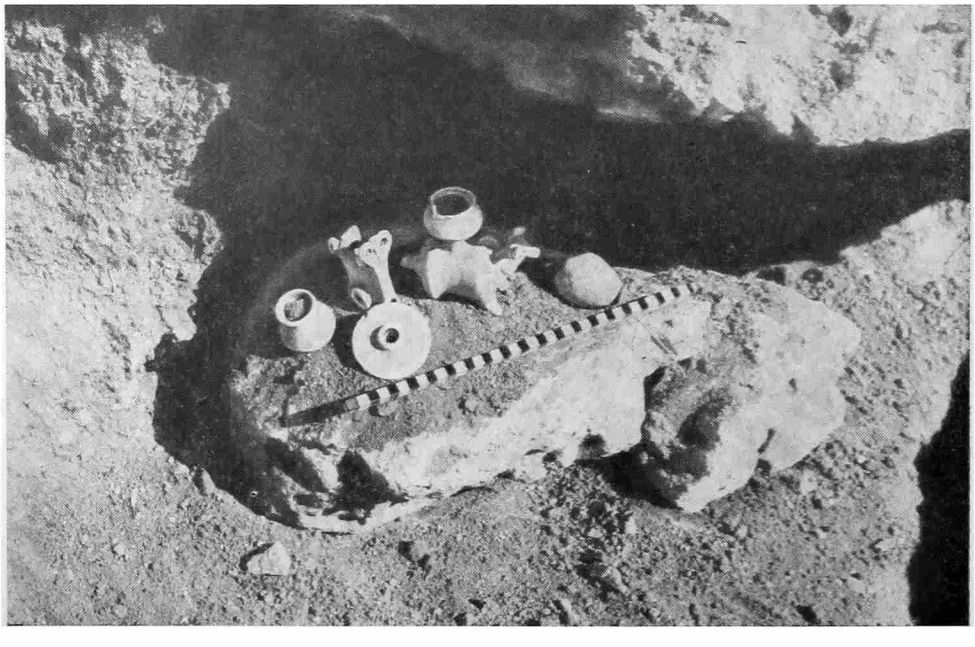


Рис. 1. Керамические изделия из могилы в районе Ансари, найденные случайно. Музей Алеппо

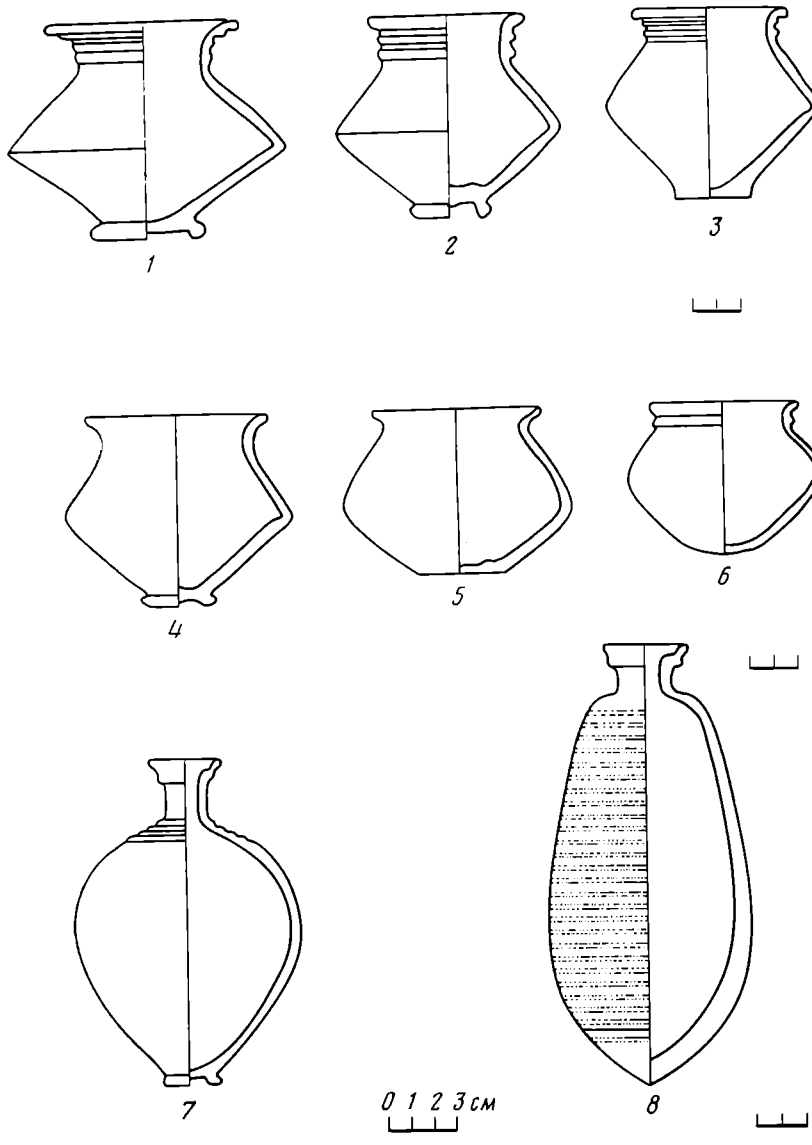


Рис. 2. Вазы и бутыли из могилы Ансари. Музей Алеппо

в то время как его нижняя сторона находилась на одном уровне с нижним краем каменной глыбы. На этом втором камне и были найдены предметы, доставленные в музей. У северо-восточной стороны каменной глыбы лежал третий камень примерно такого же размера, что и второй, и в таком же положении.

К восточной оконечности большого камня в центре на глубине 40 см примыкала вертикально стоявшая каменная плита. Ее длина достигала в среднем 80, ширина около 66, толщина 17 см. На восток от нее, на одном уровне с верхним ее концом шел небольшой участок, выложенный мелкими необработанными камнями белого цвета. Под ними лежала вторая плита таким образом, что нижний край вертикально стоявшей плиты составлял с ней прямой угол. Размеры последней 80×70 см. После удаления плит и камней общий размер раскопа достиг 4,40 на 3,20 м.

На всей территории участка как у поверхности, так и глубже, почва имела темно-красный цвет, что и на равнине. Однако здесь к ней примешивались следы белого известняка, проникшие в почву от разрушения камней, лежавших на поверхности.

В некоторых местах по юго-восточной и северо-восточной сторонам могильника можно было проследить остатки стен, идущих полукругом от одного конца плато до другого и выложенных морской или речной

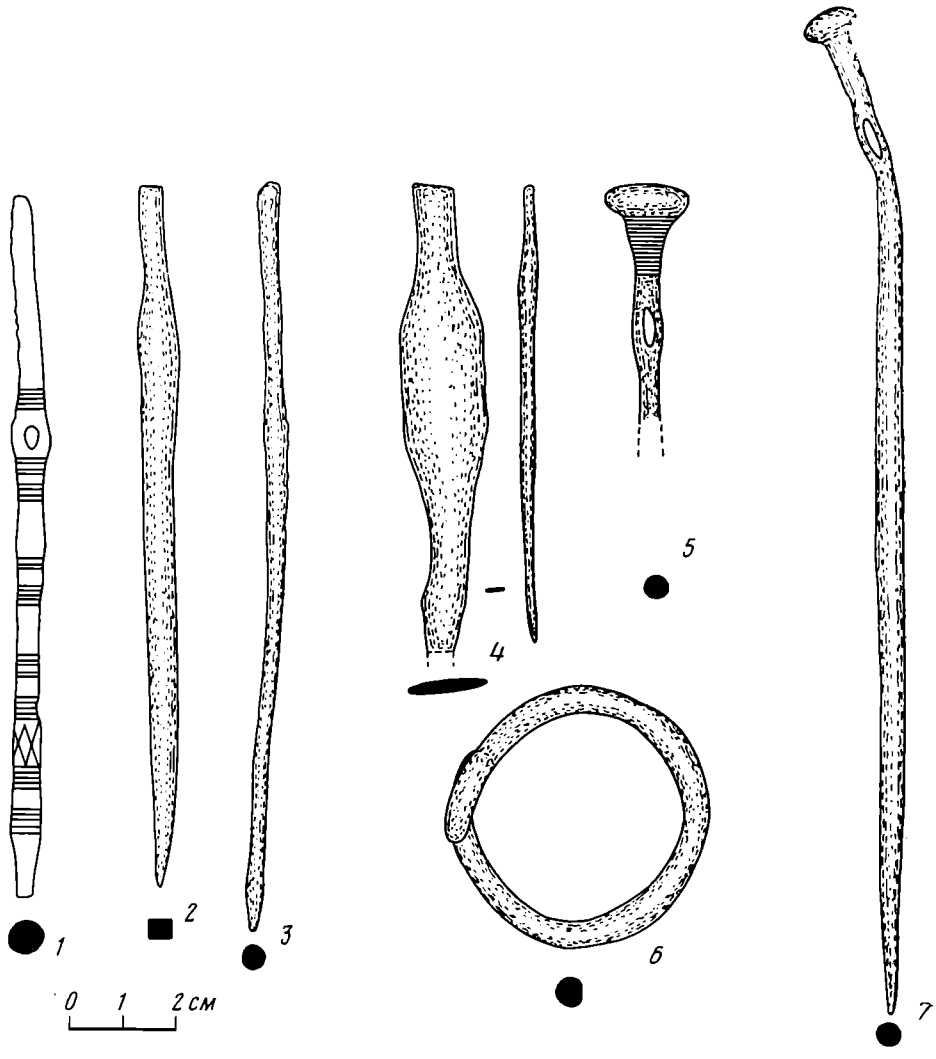


Рис. 3. Бронзовые изделия из могилы Ансари. Музей Алеппо

галькой небольшого размера. Особенно отчетливо прослеживаются их остатки в нижней части погребения.

Фрагменты керамики эпохи бронзы и человеческие кости встречались от самых верхних слоев под каменной глыбой, за исключением участка, где находились плиты. Под ними почва имела более плотный характер и не содержала никаких находок, что позволяет предположить, что плиты лежали на материке и обозначали только вход в могилу.

На глубине 1,3 м от поверхности в юго-западной стороне раскопа под каменной глыбой были найдены остатки нескольких человеческих скелетов довольно плохой сохранности. Однако можно установить, что положение двух скелетов вытянутое, на спине.

Ориентировка первого — юг — север, второго — запад — восток. Слой почвы, покрывающий скелет, был белого цвета. У изголовья обоих скелетов найдены в полной сохранности несколько керамических ваз (рис. 2, *1—3*) и бронзовые булавки (рис. 3, *1, 2, 3*).

В 20 см ниже двух первых в том же юго-западном углу раскопа находился третий скелет. Положение его вытянутое, лицом вниз, ориентировка — север — юг. Как и два первых, он был покрыт слоем извести. Рядом с ним найдены керамические вазы, аналогичные первым.

В дальнем юго-восточном углу на глубине в 1,8 м найдены остатки четвертого скелета. В самом нижнем слое в центре могилы обнаружен пятый скелет. Оба последних скелета были очень плохой сохранности, и определить их положение совершенно невозможно. Рядом с ними найдены частично сохранившиеся керамические предметы. Около четвертого

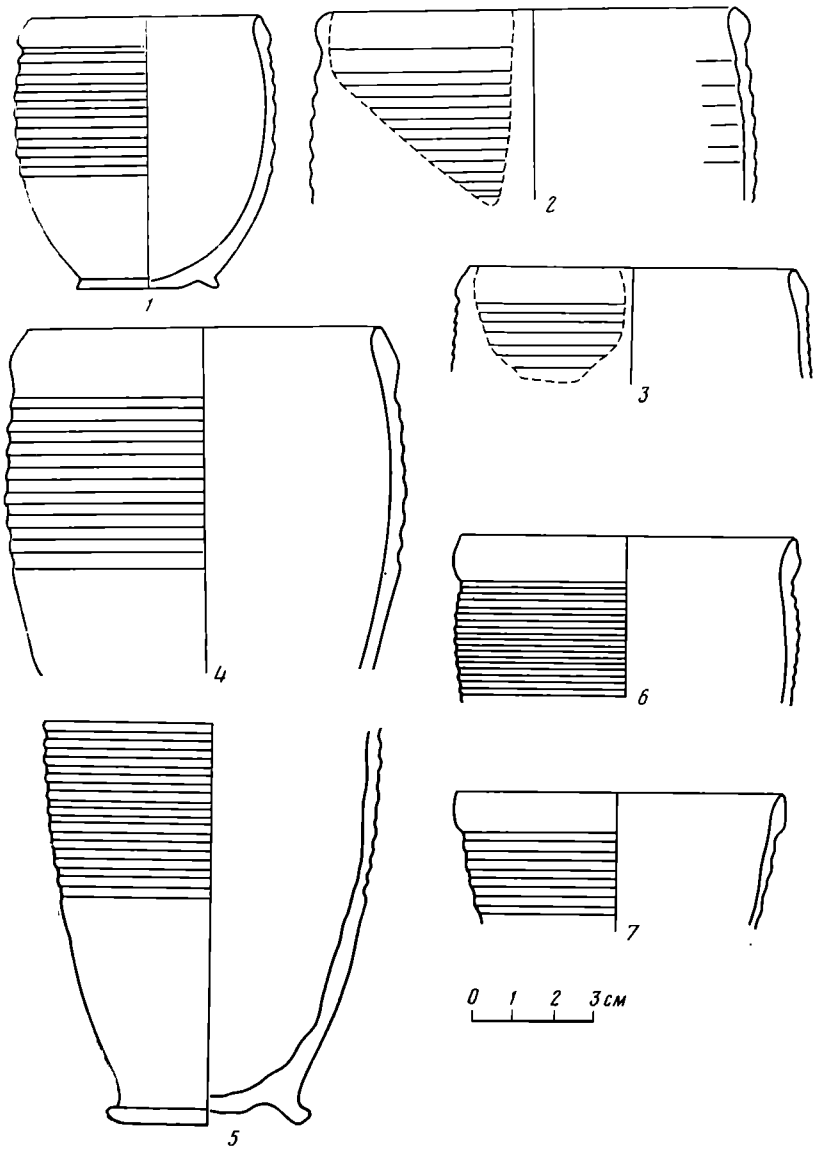


Рис. 4. Кубки ранних типов из могилы и поселения Ансари. Музей Алеппо

скелета находилась маленькая бутыль черного цвета (рис. 2, 7), фрагменты кубков и тарелок, а также бронзовый браслет (рис. 3, 6) и бусы из черного камня. Рядом с пятым найдены два кубка, почти целые (рис. 4, 5), один из серо-зеленой глины, другой из красной. Там же найдена бутыль из красной глины с вертикальными линиями, выполненными насечкой (рис. 5, 2).

Предметы, найденные рядом с двумя последними скелетами, могут быть отнесены к периоду ранней бронзы, в то время как находки верхних слоев относятся к эпохе средней бронзы.

Большое количество керамики, в основном во фрагментах, остатки человеческих скелетов очень плохой сохранности заполняли всю глубину могилы и сосредоточивались главным образом в ее центре и в южной стороне. В верхних слоях встречаются также кости животных.

В отличие от верхних слоев все нижние слои заполнения могилы, где присутствуют остатки кубков и другой керамики эпохи ранней бронзы, очень плохо различимы и часто кажутся смешанными, в то время как верхние слои гораздо более четки. Создается впечатление, что в более позднее время могила расчищалась для новых захоронений, отчего нижние слои погребений оказались разрушены.

Конструкция могильника имеет довольно определенную и завершен-

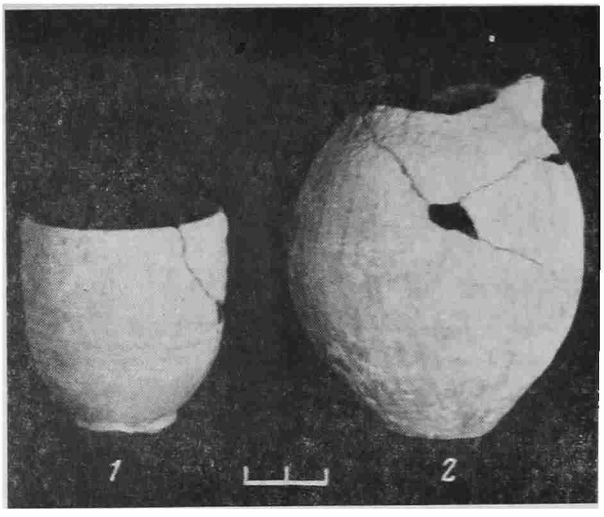


Рис. 5. Кубок и бутыль с ручкой (фрагментирована) из могилы у Ансари. Музей Алеппо

ную форму. Большая каменная глыба, вплотную прилегавшая к скальному плато, так же, как и два боковых камня, некогда составляли одно целое с плато. Под этим выступом овальной формы и был искусственно вырублен склеп. Наше предположение подтверждается следами обработки на внутренней стене скалы, ее слегка вогнутая вовнутрь форма. Таким образом, каменная глыба представляла собой верхнее перекрытие могилы. Две плиты, находившиеся у центра большого камня и расположенные под прямым углом друг к другу, представляли собой вход в погребальную камеру. Сама погребальная камера имела овальную форму. В центре восточной стороны находился вход. Он вдавался в погребальную камеру, как бы разделяя ее на две половины. Западную стену могилы составляла скала. Наибольшее число находок было сделано в центре и в южной половине могилы. Северная половина почти совершенно лишена погребений, хотя характер заполнения указывает на его однородность с заполнением остальной части могильной камеры, т. е. ясно, что и эта сторона некогда была частью погребальной камеры.

Найти аналогию данной могиле среди других, открытых в Северной Сирии, довольно трудно, поскольку все ранее известные погребальные сооружения являлись более обширными и конструкция их представляла собой склеп с искусственно сделанной погребальной камерой, свободной от засыпки, с довольно глубоким входом.

В данном случае постройку могилы можно отнести ко времени ранней бронзы, судя по древнейшим находкам. Однако в отличие от могилы IV в Мишрифе-Катна [1, табл. XXXVIII—XXXIX], относящейся к той же эпохе, могила в Ансари значительно меньших размеров, более простой конструкции и напоминает скорее ранние погребения некрополя в Иерихоне [2, с. 199, рис. 12].

Одновременно с раскопками могилы в 1977 г. были заложены пробные квадраты на равнине в 120 м к востоку от могилы. В этом районе на поверхности было найдено большое число фрагментов керамики, аналогичной керамике из могилы и относящейся к периодам ранней и средней бронзы. Находки сосредоточивались главным образом на одном участке площадью примерно в 1500 м², где и были заложены новые квадраты раскопа.

Предварительная расчистка показала наличие каменной кладки разновременных построек, что указывало на существование на этом месте поселения. С целью более систематического исследования этого участка нами были заложены семь квадратов со стороной в 4 м общей площадью 15×12 м (рис. 6). Седьмой квадрат заложен к востоку от основного раскопа на расстоянии в 15 м.

Вся близлежащая местность представляла собой равнину. Место рас-

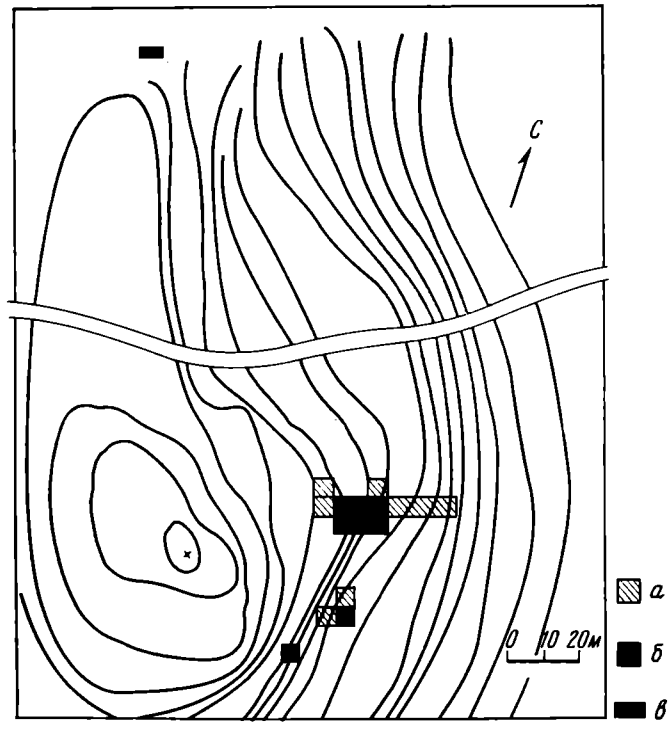


Рис. 6. План раскопок поселения и могилы у Ансари.
а — раскопки 1980 г., *б* — раскопки 1978—1979 гг.,
в — могила

копок входило в площадь обрабатываемого поля, однако, как показали последующие вскрытия, культурные отложения вплоть до самого верхнего слоя, относящегося к римской эпохе, не были нарушены.

Проведенные в течение двух сезонов раскопки позволили выявить следы ряда поселений различных эпох. Общая мощность культурных напластований на различных участках неодинакова и достигает глубины от 70 см до 3 м.

Верхний слой в квадратах 4 и 6 относился к римской эпохе. Здесь были найдены куски черепицы, остатки каменной кладки, фрагменты керамики и керамический светильник римского времени. В квадрате 6 на одном уровне с материалами римской эпохи были обнаружены остатки печи эпохи средней бронзы. Керамика римского времени найдена была у северной стены квадрата, тогда как его середину и южную часть занимала цементированная площадка полукруглой формы с идущей вдоль одной стороны дорожкой в виде дуги. Рядом земля была смешана с золой и найдены фрагменты керамики эпохи средней бронзы.

В квадратах 1, 2 и 3 верхний слой содержал остатки стен эпохи средней бронзы, а также много фрагментов керамики той же эпохи. В отличие от римской кладки из больших обработанных камней известняка стены средней бронзы были сложены из крупных камней округлой формы, положенных в два ряда. Что касается керамики, то она была смешанной и содержала также частично фрагменты эпохи ранней бронзы.

В квадрате 3 юго-восточный угол занимала стена, уходящая дальше на юго-запад. Ее продолжение обнаружено в квадрате 2. Рядом со стеной квадрата 3, примерно в центре, была обнаружена вторая печь, сложенная из небольших камней. Она имела форму полукруга, середина ее была заполнена золой, смешанной с костями животных. Здесь же были найдены в большом количестве фрагменты керамики. В северо-восточном углу рядом с остатками стены была найдена зернотерка и женская фигурка из серой глины (рис. 7, *3*). В юго-западном углу обнаружен фрагмент фигурки животного, сделанного из такой же серой глины.

В квадрате 2 на одном уровне с квадратом 3 в юго-восточном углу была найдена вторая женская фигурка из красной глины. Голова ее

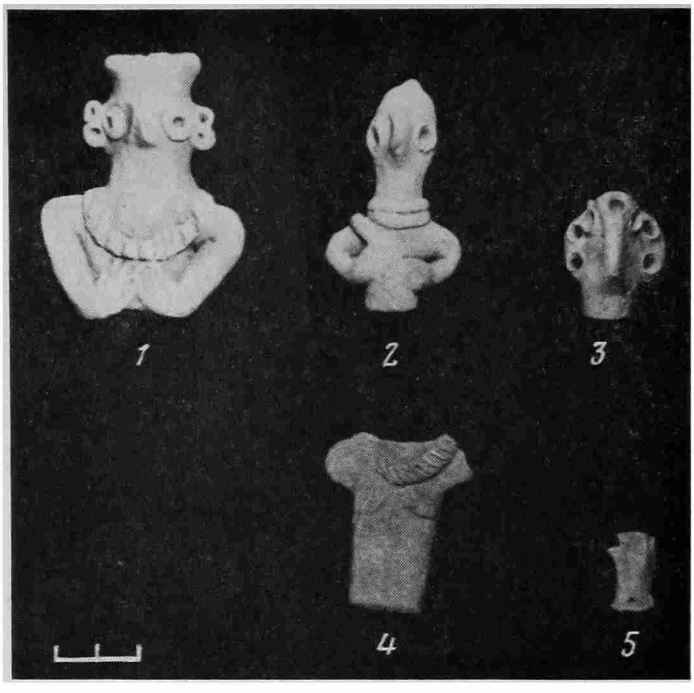


Рис. 7. Статуэтки из раскопок поселения Лисари. Средний бронзовый век. Музей Алеппо

утрачена (рис. 7, *4*). Квадрат 5 почти полностью был заполнен золой, смешанной с фрагментами керамики.

Во всех квадратах почва смешана с остатками пепла и золы, свидетельствующих о следах пожара, которые выявляются на всех уровнях, вплоть до самого нижнего, отчего стратиграфия значительно нарушена. Фрагменты керамики эпохи ранней бронзы часто встречаются в слоях, относящихся к средней бронзе. Однако остатки каменной кладки, служившей, очевидно, фундаментами стен домов, прослеживаются довольно определенно во всех квадратах.

Раскопки квадрата 7 до настоящего времени не окончены. Вскрыт культурный слой на глубину в 1,20 м. У поверхности найдены мусульманские захоронения. Рядом с ними на одном уровне в южной части квадрата следы пожара и сооружение из мелких камней. Оно имеет круглую форму и напоминает цистерну, но уходит в глубь культурного слоя. Оно датируется, судя по находкам фрагментов керамики, эпохой средней бронзы. Под мусульманскими захоронениями на глубине 1 м найдены также фрагменты керамики эпохи средней бронзы и фрагменты двух статуэток (рис. 7, *2*, *3*) и маленькая женская фигурка (рис. 7, *5*). Эта последняя, очевидно, предназначалась для украшения сосудов.

Под слоем эпохи средней бронзы во всех шести квадратах вскрыты остатки стен эпохи ранней бронзы. В отличие от стен предшествующего периода они сложены из мелких камней, часто положенных только в один ряд. Высота их около 40 см. Стены ориентированы в направлении с юго-запада на северо-восток и идут диагонально относительно стен более позднего времени.

В квадрате 5 культурный слой достигает мощности 3 м и содержит много золы и фрагментов керамики. На глубине в 2,5 м, т. е. на уровне стен эпохи ранней бронзы в соседних квадратах, в средней части квадрата находится скелет лошади. На несколько сантиметров ниже, у восточной стены квадрата располагаются остатки печи. Внутри нее — полусгоревшие зерна, смешанные с золой.

В квадрате 2 на глубине 2,5 м в нижнем культурном слое с юго-запада на северо-восток проходит стена, а всю северо-западную его часть занимают равномерно чередующиеся слои мелких камней, похожих на морскую гальку. Слои эти белого и темно-коричневого цвета. Можно про-

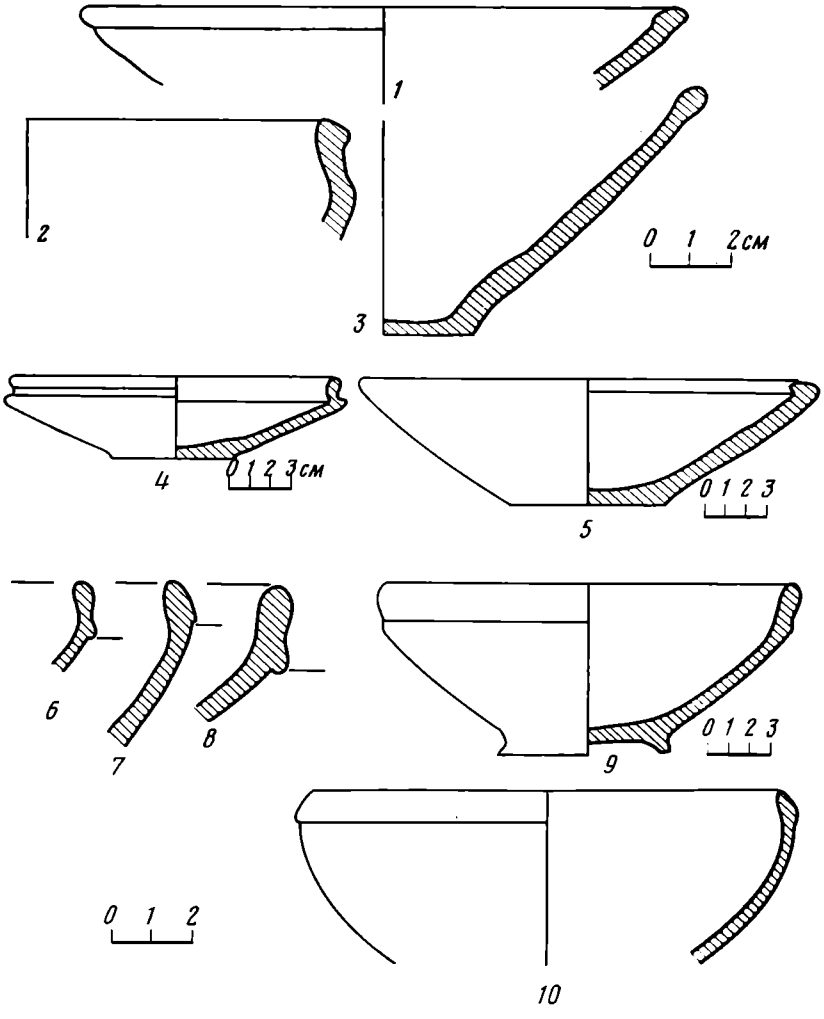


Рис. 8. Тарелки из раскопок поселения Ансари: *1—3* — средний бронзовый век В; *4—5* — средний бронзовый век А; *6—10* — ранний бронзовый век

следить около семи подобных слоев. Начинаются они на уровне стен эпохи средней бронзы и заканчиваются рядом со стенами ранней бронзы.

Сопоставление находок, сделанных на поселении, с находками из могилы позволяет проследить определенную связь между ними. Совершенно очевидно, что могила служила местом захоронения умерших жителей данного поселения. Небольшие размеры могилы, изолированный характер, а также близость к поселению подтверждают эту связь, поскольку само поселение, вероятно, было незначительным по размерам и, очевидно, представляло собой малое сельское поселение. Так как дать подробное описание всего найденного материала в небольшой статье не представляется возможным, мы ограничимся описанием лишь отдельных видов керамики, являющихся наиболее типичными для раннего памятника.

Наиболее показательную и обширную группу керамики как в могиле, так и на поселении, составляют сосуды в форме кубков. Они происходят из самых нижних слоев и являются наиболее древним видом керамики. Кубки по форме и характеру изготовления можно разделить на два типа.

К первому типу относятся кубки овальной формы с широким валиком, идущим по верхнему краю (рис. 4, *3*, *4*). Дно вогнутое, иногда плоское, но всегда с кольцевым поддоном. Верхняя часть сосуда украшена ребристым горизонтальным орнаментом, сделанным таким образом, что ребристая поверхность сохраняется и на внутренних стенках кубка. Изготовлены они из розовой глины.

Второй тип кубков представлен экземплярами несколько меньших размеров, более округлой формы, с орнаментами и валиками в верхней

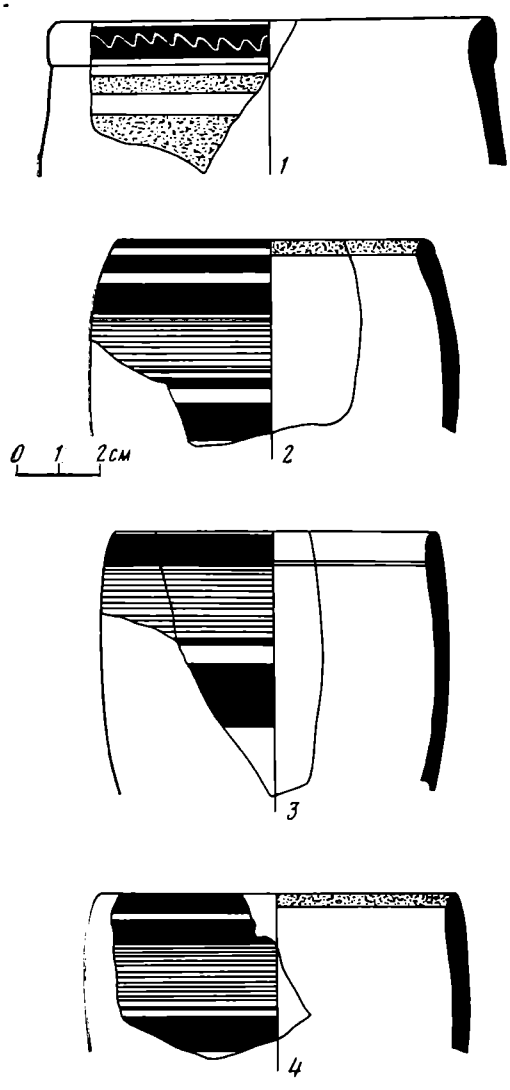


Рис. 9. Кубки с расписной орнаментацией из поселения и могилы Ансари. Ранний бронзовый век. Музей Алеппо

части, причем верхний край их не суживается, как у кубков первого типа, а представляет собой невысокий цилиндр. Изготовлены они из такой же розовой глины, что и первые (рис. 4, *1*, *3*, *6*, *7*).

Оба типа кубков имеют аналогии среди находок из телля Мардих II B_1 [3, с. 95, рис. 15, *8—15*], Хама J 8—6 [4, рис. 74, № 3G 699, рис. 75, 3D 968, 3D 969, рис. 85, 3F 544, 3H 83], телля Ассан[1], телля Барзибе [5, табл. XX, *3—12*], Амука J [6, табл. 40, *8*; 46, *6*], телля Рифа'ат [7, с. 140, рис. 9, *30*], Мишрифе-Катна [8, с. 162, рис. 6, *5*, *6*], телля Мазин [9, табл. XLIX, *9*], Ум Эль-Марра [10, с. 89, рис. 18, *1*, *2*], телля Селен-кахийе [11] и Днеби [8, табл. XXXIII, ряд. 5, № 6]. Однако следует отметить, что если кубки второго типа полностью идентичны отдельным экземплярам из телля Мардих и других памятников, то кубки первого типа отличаются от аналогичных им кубков из перечисленных выше памятников мастерством исполнения. Они поражают тонкостью работы, совершенством форм, кроме того, характерно, что ребристая поверхность снаружи кубка сохраняется и внутри, тогда как все ранее известные кубки имеют гладкую внутреннюю поверхность, а стенки их толще, грубее. Другой особенностью кубков из Ансари является их дно, почти всегда вогнутое в отличие от кубков из телля Мардих, у которых дно чаще плоское.

Другую не менее обширную группу керамики, происходящую из тех же слоев, что и кубки описанных типов, составляют тарелки (рис. 8, *6—10*).

Они имеют полусферическую форму. Верхний край часто снабжен валиком, иногда гладкий, дно плоское. Сделаны они из светло-розовой глины и не орнаментированы. Аналогичные тарелки встречаются в телле Мардих [3, с. 97, рис. 16, *1—11*, *12*], Амуке J [6, рис. 337, *2—6*], Хама J [4, рис. 103, 3B 978], телле Ассан[2], телле Барзибе [5, табл. XXI, *11—23*), телле Мазин [9, табл. XLIX, 18], телле Рифа'ат [7, с. 139, рис. 8, *4—6*, *17*].

В нижних слоях поселения и могилы в небольшом количестве найдены бутыли (рис. 2. *8*). Они имеют овальную форму, широкое тулово и узкое короткое горло. Горло по верхнему краю снабжено валиком. Все бутыли сделаны из черной глины и орнаментированы лощением. Они датируются концом ранней бронзы. Подсобные им бутыли встречаются на Евфрате в Салаи-кахие [11] и Айн Ассан.

Интересную находку представляет бутыль, происходящая из самого нижнего слоя могильника. В отличие от указанных бутылей черного цвета эта бутыль сделана из красной глины, очень тонкой работы, с орнамен-

[1] Экспозиция музея Алеппо.
[2] Музей Алеппо. № 207, 39, 5, 378.

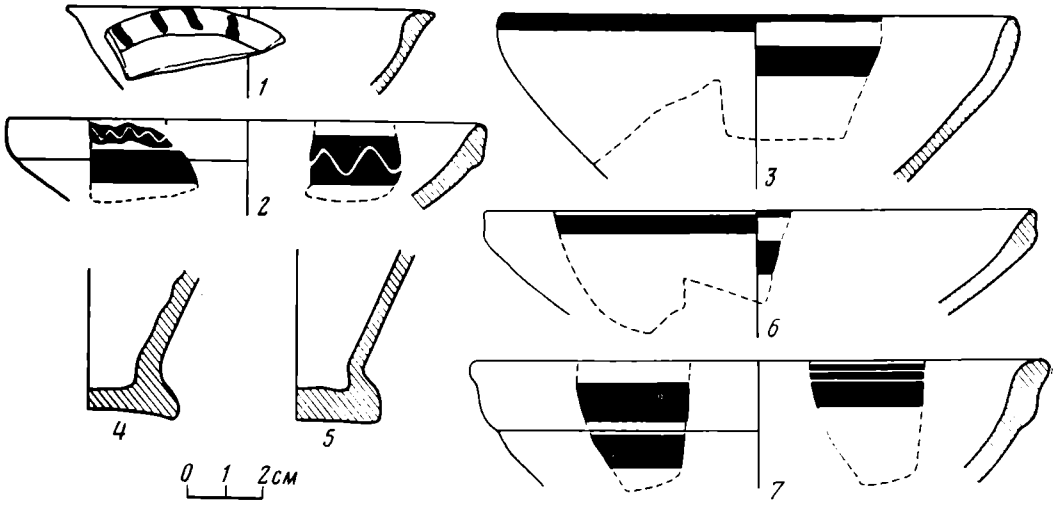


Рис. 10

Рис. 10. *1—3, 6—7* — тарелки с расписной орнаментацией из Ансари. Ранний бронзовый век. *4—5* — профили днищ кубков позднего типа. Музей Алеппо

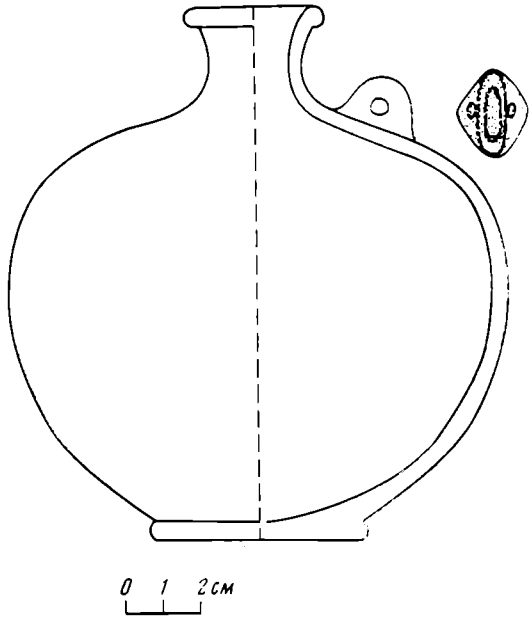


Рис. 11. Бутыль с ушком на плечиках. Могила у Ансари. Музей Алеппо

Рис. 11

том из тонких насеченных линий, идущих вертикально по всему тулову. Подобные бутыли происходят главным образом из Палестины.

В более поздних слоях поселения и могилы тип керамики несколько меняется. Кубки ранних типов исчезают, и появляются кубки нового типа (рис. 9; 10, *4—5*). В отличие от ранних эти кубки имеют более вытянутую форму с более четко выраженным сужением в нижней части, образующим подобие ножки. Верхний край кубка без венчика. Дно плоское с поддоном. Сделаны они из светло-серой и красной глины с расписным черно-красным орнаментом из волнистых и прямых горизонтальных линий.

Тарелки, происходящие из тех же слоев, в основном сохраняют свою первоначальную форму. Однако появляются тарелки упрощенного типа. Как и кубки, они имеют гладкий верхний край без венчика и налепов сложной формы. Сделаны все тарелки из серой глины и имеют орнамент из красных или черных горизонтальных линий (рис. 10, *1—3, 6—7*).

Бутыли в этих слоях отсутствуют.

Кроме перечисленных выше типов керамики во фрагментах найдено несколько кувшинов для воды с носиком в верхней части тулова, кувшины и горшки сферической формы.

Аналогичные типы керамики, расписные кубки и тарелки, кувшины с

лосиками, встречаются в телле Мардих II B_2 [3, с. 111, рис. 21, *1—14*], Хама J [4, рис. 85, № 3F 865, рис. 74, 3H 112, 3G 696, 3G 269, рис. 93 3H 363, 5—1, 3K 171, рис. 98, 3D 98, 3H 85, 3D 773], Амуке J [6, рис. 111, *9—16*, рис. 321, *90*], Мишрифе-Катна [8, табл. XXXIII, *2*], Днеби (могилы 1 и 3) [8, табл. XXXIII, *5*, *6*], Шайрате [8, табл. XXXIII, *4*], Айн Ассане [3] телле Рифа'ат [7, с. 140, рис. 9, *31*], Хан Шейхуне [12, табл. XXXVI].

Керамический инвентарь средних и верхних слоев характеризуется полным исчезновением кубков и появлением совершенно нового типа керамики, так называемых ваз. Следует отметить, что на поселении во всех первых шести квадратах вазы полностью отсутствуют. Фрагменты ваз встречаются лишь в квадрате 7. Если считать, что вазы имели не утилитарное, а скорее религиозное назначение, то тогда станет понятным их почти полное отсутствие в поселении и, наоборот, большое количество, найденное в могиле (рис. 2, *1—6*).

Вазы представляют собой сосуды небольшого размера, биконической формы, с резко выраженным расширением в средней части, образующим почти острое ребро. Горло широкое, низкое, верхний край его отогнут наружу. Часто горло имеет налепной валик, один или несколько, что придает профилю волнистую линию. Дно плоское, без поддона. Сделаны они из желтой или розовой глины и без орнаментации. Подобные вазы встречаются в телле Мардих III A_1 [3, с. 147, рис. 33], Мишрифе-Катна [13, табл. XII, *2*, тип E], Хама H [4, рис. 110, 3A 896, 3B 926].

Из тех же слоев, что и вазы, происходят бутылки (рис. 2, *7*). Встречаются они в большом количестве и в отличие от бутылей раннего периода значительно меньших размеров. Они имеют округлое, почти шарообразное тулово, невысокое узкое горло, снабженное венчиком. Сделаны из черной глины, с орнаментом из насеченных горизонтальных линий на плечиках. Дно плоское с поддоном. Эти бутыли имеют аналогии в Мишрифе-Катна [13, табл. XII, № 1, тип BI] и Хама [14, табл. X, 5B 683, 5B 185, 5B 382].

По-прежнему в этих слоях продолжают встречаться тарелки (рис. 8, *1—5*). Часто верхний край у них загнут вовнутрь или отогнут наружу. Сделаны они из желтой, серой и бледно-розовой глины и не орнаментированы.

Из других типов керамики встречаются кувшины с ушком на плечике (рис. 11) и кувшины для воды.

В самых верхних слоях тип ваз меняется. Ухудшается качество их изготовления, качество глины, стенки сосудов более толстые, грубой работы. Исчезает орнамент. Горло становится ниже и тулово более округлым, без четкого ребра в средней части (рис. 2, *5*, *6*).

Новым элементом, характерным для поздних слоев, является наличие кувшинов большого размера, без ручек (рис. 12). Они имеют округлое тулово, узкое низкое горло, снабженное венчиком. В верхней части — орнамент из насеченных прямых или волнистых горизонтальных линий. Сделаны они из глины серого цвета. В могиле эти кувшины встречаются лишь в самом верхнем слое, тогда как на поселении найдены в большом количестве. Подобные кувшины встречаются в телле Мардих III A_1 [3, с. 150, рис. 35, *1—10*].

Помимо посуды интересны два керамических предмета, найденных в верхнем слое могилы. Это модель повозки с возничим и сосуд в виде быка с кубком на спине (рис. 1).

Модель повозки сделана из желто-розовой глины хорошего качества Повозка двухколесная, оба колеса съемные и прикрепляются к оси, которая вставлялась отдельно. В передней части помещена фигурка возничего, соединенная с передком повозка. Голова возничего утрачена. Подобная модель найдена в Хама H [14, с. 57, табл. XVIII].

Фигурка быка по размерам соответствует повозке. Внутри полая. На спине быка помещается сосуд в форме кубка на ножке. В задней части животного имеется отверстие для стока жидкости. Глина и качество

[3] Музей Алеппо.

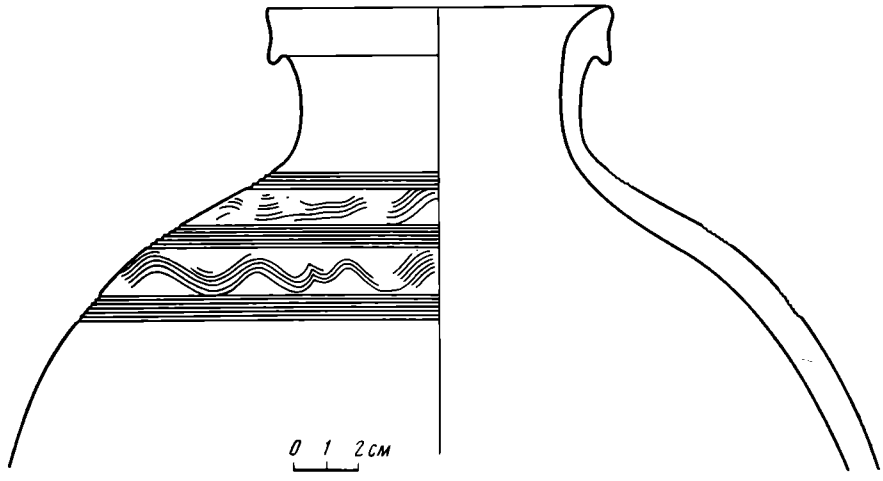


Рис. 12. Кувшин с процарапанной орнаментацией из поселения Ансари. Средний бронзовый век. Музей Алеппо

изготовления аналогичны модели повозки. Подобные фигурки найдены также в Хама H [14, с. 58, табл. XVIII, *1*] и Хама H_1 [4, рис. 4А 509].

Из поселения происходят отмеченные выше три женские фигурки.

Из бронзовых изделий в средних слоях могильника вместе с керамическими вазами найдены четыре булавки, браслет, лезвие ножа (рис. 3).

Одна из булавок круглая в сечении. В верхней части расположено круглое отверстие. От отверстия к острию идет орнамент в виде насечек и треугольников. В верхней части орнамент состоит из насеченных горизонтальных линий.

Вторая булавка такого же размера, что и первая, но в сечении квадратная, без орнамента и без отверстия. Подобные булавки найдены в телле Мардих [4].

Третья булавка круглая в сечении. В средней части небольшое утолщение и отверстие. Верхний конец снабжен головкой полусферической формы. В верхней половине орнамент из насеченных горизонтальных линий (рис. 3, *5*).

Лезвие ножа неполное. Очень тонкое в профиле. С одной стороны острый выступ, предназначенный для ручки. Браслет представляет собой один виток спирали. Небольшие размеры его указывают на то, что он принадлежал ребенку. Вместе с браслетом были найдены бусы из черного непрозрачного камня. Каждая бусинка имела форму стилизованного цветка.

Из того же слоя эпохи средней бронзы происходят бусины круглой формы из темно-синего непрозрачного камня, украшение из сердолика яйцевидной формы с отверстием в одном конце, костяная подвеска круглой формы с отверстием в центре и рисунком из мелких отверстий вдоль всего круга.

Анализ найденного материала ясно указывает на принадлежность его к двум разным фазам, относящимся к различным эпохам и различным культурам. Первая фаза хронологически определяется периодом ранней бронзы и характеризуется наличием среди керамики сосудов в форме кубков. Таким образом, поселение и могила в Ансари должны относиться к культуре кубков, распространившейся в Северной Сирии в этот период. Аналогии, довольно четко прослеживающиеся между типами керамики из Ансари и керамикой из других памятников, относящихся к той же культуре кубков, позволяют уточнить хронологию различных периодов существования культуры кубков в Ансари.

Наиболее ранние типы керамики и прежде всего кубки с орнаментом из насеченных линий, отнесенные нами к двум первым типам, датируются 2400—2200 гг. до н. э. [3, с. 45].

[4] Музей Дамаска.

Кубки с расписным орнаментом относятся к концу эпохи ранней бронзы, к 2200—2000 (или 1900) гг. до н. э. [3, с. 45].

Таким образом, начальной датой существования поселения и могилы в Ансари следует считать 2400 г. до н. э. Иными словами, древнее Ансари существовало с самого начала культуры кубков в Северной Сирии и до исчезновения этой культуры, связанного с появлением новых племен. Новая фаза в истории поселения и могильника Ансари знаменуется появлением керамических ваз характерных типов и исчезновением кубков.

С этим периодом можно связать следы пожара, отчетливо наблюдаемые в слоях поселения, отделяющих эпоху ранней бронзы от средней бронзы.

Обычно гибель культуры кубков в начале эпохи средней бронзы связывают с приходом в этот район племен аморитов. Новый тип керамики, найденный в Ансари, связан с появлением здесь новой культуры, культуры аморитов.

Открытия последнего времени, сделанные в телле Мардих, подтверждают это предположение. Хронологически вторая фаза, относящаяся к культуре аморитов, может быть датирована 2000 (1900) — 1600 гг. до н. э. [3, с. 45].

Поселение и могильник в Ансари продолжают существовать в течение почти всего этого времени.

Факт существования в этом районе культуры на протяжении всего периода ее развития указывает на то, что этот район находился в сфере влияния какого-то крупного центра этой культуры. Как уже отмечалось, само поселение в Ансари довольно небольшое, однако, как правило, высокое качество керамики указывает на существование весьма значительной керамической мастерской, снабжавшей поселение своей продукцией.

Если мы обратим внимание на отдельные особенности керамики, происходящей из различных памятников культуры кубков в Северной Сирии, имея в виду преимущественно ранние типы керамики, то мы сможем довольно определенно выделить несколько таких центров. Так, ранние кубки из Хама и Мишрифе-Катна несколько отличаются по качеству и характеру оформления от кубков из телля Мардих или телля Барзиб. Очевидно, производство единой по своим основным типам керамики имело местные варианты и отличия.

Ранние кубки из Ансари находят наиболее близкие аналогии в кубках из телля Мардих и, казалось бы, Мардих можно считать тем самым центром, от которого зависело Ансари. Однако обращает на себя внимание принципиальное различие между типами кубков из телля Мардих и Ансари. В то время как в Ансари большинство кубков с ребристым орнаментом очень тонкого качества имеет повторение этого орнамента на внутренних стенках кубка, в телле Мардих подобные кубки исключительно редки. Различный характер имеют днища кубков в Ансари и телле Мардих. Кубки из Ансари, как правило, обладают вогнутым дном, а у кубков из телля Мардих дно плоское. Наблюдаются и другие различия в керамике иных типов.

Иными словами, несмотря на ряд аналогий, керамика из Ансари и телля Мардих имеет ряд довольно знаменательных различий. Нет полных аналогий и между керамикой Ансари и телля Барзиб или Хама. Все это заставляет нас предполагать существование по соседству с Ансари иного значительного центра культуры кубков. Вполне возможно, что этим центром являлся древний Алеппо (Халаб), известный по древним документам, но до сих пор не обнаруженный.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Du Mesnil du Buisson, R.* Le site archéologique de Mishrifé-Qatna. P., 1935.
2. *Kenyon K.* Digging up Jericho. L., 1957.
3. *Matthiae P.* Ebla. Un impero ritrovato. Torino, 1977.
4. *Fugmann E.* Architecture de period prehellenistiques.— Hama, II, København, 1958.
5. *Thureau-Dangin F., Dunand M.* Til Barsib. P., 1936.
6. *Braidwood R. and L.* Excavations in the plain of Antioch. I. The earlier assemblages. Phases A—J. Chicago, 1960.

7. *Matters J.* Tell Rifa'at 1977. A preliminary report of an archaeological survey.— Iraq, 1978, XL, 2.
8. *Du Mesnil du Buisson R.* Compte-rendu de la quatrième compagne de fouilles à Mishrifé-Qatna.— Syria, v. XI. P., 1930.
9. *Du Mesnil du Buisson R.* Souran et Tell Masin.— Berytus, 1935, II.
10. *Tefnin R.* Sondages sur le sité d'Oumm el-Marra, 1978.— Ann. l'Inst. de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. T. 23. Bruxelles, 1979.
11. *Van Loon, M.* Excavations at Tell Sellenkhiye.— Les annales archéologiques de Syrie. V. 23. Damaskus, 1973.
12. *Du Mesnil du Buisson R.* Une campagne de fouilles à Khan-Sheikhoun.— Syria, v. XIII. P., 1932.
13. *Du Mesnil du Buisson R.* Mishrifé-Qatna. P., 1927.
14. *Ingholt H.* Rapport preliminaire sur sept campagnes de fouilles à Hama en Syria (1932—1938). København, 1940.

A. Suleiman

EXCAVATIONS OF EARLY AND MIDDLE BRONZE AGE SITES IN ALEPPO, SYRIA

Summary

The author publishes material from two Bronze Age sites on the Syrian territory: hypogeum-type burials used for a considerable span of time (from the end of the Early Bronze Age to the beginning of the Middle Bronze Age) and a settlement in the vicinity of the burial, probably connected with it. The settlement is a multilayer one, the principal finds, however, are connected with the early and middle Bronze Age.

The pottery is classed among the so-called culture of the beakers, among which beakers, plates and bottles are singled out.

Besides pottery the author publishes a model of a vehicle and a vessel representing a bull carrying a beaker on its back, and some bronze objects, mainly pins.

The author believes that the settlement appeared about 2400. The first period of its existence coincides with the culture of the beakers. The settlement perished as a result of a fire. The second stage is associated by the author with a new, Amorites, culture which existed in the first half of the 2nd millennium B. C.

СЫМОНОВИЧ Э. А.

СЮЖЕТНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КЕРАМИКЕ

Роскошная и изысканная орнаментация, а также разнообразие форм круговой черняховской посуды всегда привлекали внимание исследователей. Сделаны попытки классификации узоров и изучения приемов их нанесения [1, с. 270—361]. На отдельных образцах столовой посуды, очевидно, игравшей роль в каких-то ритуальных действиях, имеются геометризованные, зашифрованные в символах своеобразные рисунки. Их прослеживают иногда и на предметах из кости и металла. Ученые в подобных изображениях усматривают календарные и солнечно-космические знаки [2, с. 68—89; 3, с. 77—85]. Образцы, символизирующие силы природы, имели прямое отношение к магическим действиям, направленным на благоденствие древнего земледельца-скотовода.

Однако встречаются и совершенно иные сюжеты, украшающие глиняные сосуды. Это довольно реалистические, хотя и схематизированные изображения животных, птиц и целых сцен.

Первой находке подобного рода — изображению сцены пахоты и среднеднепровского черняховского поселения Черепин (рис. 1, *3*) — М. Ю. Брайчевский посвятил специальную статью. Опубликованный фрагмент небольшого тонкостенного кругового сосуда был обнаружен в 1959 г. при расчистке печи в полуземляночном жилище [4, с. 183—184]. На черепке сохранилось три яруса орнаментации. Верхний состоял из пунктирных косонаправленных прямых и зигзагообразных линий. Ниже, отделенный желобком, шел фриз из рельефных изображений коней вправо, следующих друг за другом. От фигуры коня, наиболее полно сохранившейся, сзади отходил стержень, заканчивающийся поперечным брусом, видимо изображавшим грядиль сохи или плуга. В третьем ярусе уцелел только круг, выполненный зубчатым штампом, являющийся знаком космического порядка, одним из тех, которые подробно разобраны И. С. Винокуром [5, с. 108—118; 6, с. 48—61].

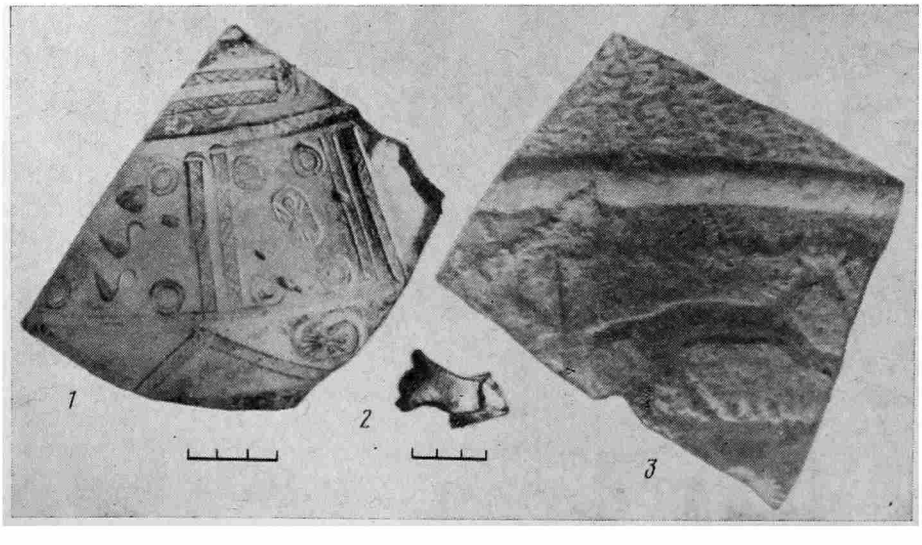


Рис. 1. Образцы орнаментированной керамики. *1* — с. Устье (по Э. А. Рикману); *2* — Журавка ольшанская; *3* — Черепин (по М. Ю. Брайчевскому)

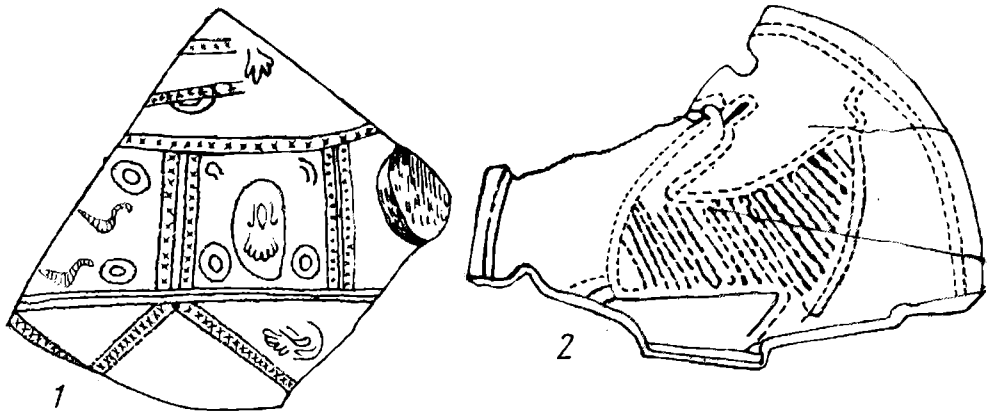


Рис. 2. Орнаментированные фрагменты глиняного сосуда и костяная пластинка. *1* — Фалешты (по Г. Б. Федорову); *2* — Ромош (по В. В. Кропоткину)

Из с. Фалешт в Молдавии [7, с. 138, рис. 17, *1*] [1] происходит фрагмент сероглиняного кругового сосуда со сложной орнаментацией. Сохранилось три яруса изображений (рис. 1, *1*; 2, *1*). Вверху были помещены параллельные горизонтальные полосы с сетчатым узором внутри. Справа полосы прерывал отпечаток штампа овальной формы. Ниже тянулся горизонтальный валик с перекрещивающимися линиями. Он отделял изображения второго, самого широкого и представляющего наибольший для нас интерес яруса. Орнамент расчленяли сдвоенные вертикальные полоски, подобные тем, какие были в первом ярусе. Таким образом, были выделены квадраты с зубчатыми розетками по углам. В правом квадрате посредине находился отпечаток овального штампа с «растительными» завитками. Слева в квадрате были помещены штампованные изображения двух водоплавающих птиц, скорее всего гусей или лебедей. В этой связи интересно отметить, что известны археологические находки гусиных яиц, фотография одного из них была воспроизведена Г. Б. Федоровым при публикации материалов Малаештского могильника [9, с. 302, рис. 17, *2*]. Последний ярус на черепке занимал зигзаг из таких же, как и выше, полос. В одном из образовавшихся треугольных пространств — отпечаток штампа овальной формы с «растительными» завитками. Описание этого обломка посуды Э. А. Рикман приводит в разделе «Влияния Рима», а Г. Б. Федоров ищет аналогии такого типа узорам у кельтов [7, с. 137; 8, с. 24—25].

Еще один редкий образец орнаментированной посуды представляет находка из бассейна Южного Буга (рис. 3, *1*). Возле с. Кодыма при сборе подъемного материала на черняховском селище обнаружен обломок кругового, желтоватого цвета сосуда, изготовленного из тонкой глины. Размеры черепка 5,2×4,6 см. В верхней части его помещены изображения (вправо) петухов, шествующих один за другим [2]. Фигуры прорисованы смелыми уверенными движениями зубчатого пунктирного штампа. Под изображениями птиц — орнаментальный пояс, исполненный тем же зубчатым колесиком. Его составляют участки из косонаправленных параллельных линий [10, с. 311—312].

Интересна находка изображения зверя или птицы на костяной пластинке с многослойного западнобугского поселения Ромош (рис. 2, *2*). На частично сохранившейся округлой костяной пластинке пунктирным орнаментом изображено существо, как бы присевшее на ноги, с прямоугольным, заштрихованным параллельными зубчатыми линиями туловищем,

[1] Тот же фрагмент посуды в брошюре Э. А. Рикмана значится как происходящий из с. Устье, см. [8, с. 25, рис. 11].

[2] Определения произведены В. И. Цалкиным.

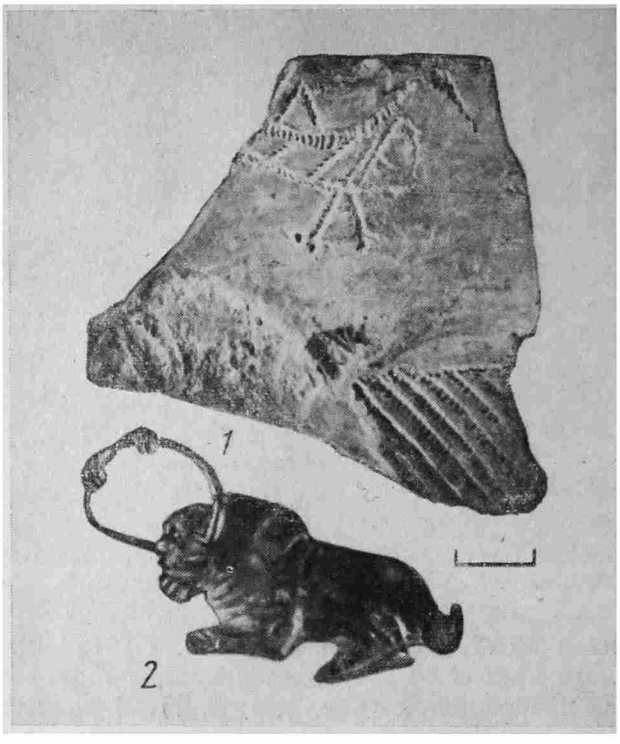


Рис. 3. Обломок глиняного сосуда и бронзовая подвеска. *1* — Кодыма (фонды ОГАМ); *2* — Черепин (по В. Д. Барану)

с длинной, как у ламы, шеей, с вертикально торчащим на голове ухом и коротким хвостом [11, с. 295].

Особого внимания заслуживает новая находка еще одного оригинально украшенного кувшина из с. Ромашки, откуда происходит известный сосуд с календарными знаками, прочтенными Б. А. Рыбаковым. При строительных работах на территории древнего кладбища выкопан круговой одноручный сероглиняный лощеный кувшин, связанный с захоронением черняховской культуры (рис. 4, *1А—Б*). По плечикам биконического тулова кувшина с одной стороны между двумя горизонтальными валиками пролощен зигзаг, представленный чередующимися и заштрихованными и незаштрихованными треугольниками; с другой стороны сосуда оказалось сюжетное изображение, выполненное лощеными линиями по матовому полю. Вот как его описали Н. М. Кравченко и другие участники ее экспедиции, кратко сообщая об этой находке: «В Белоцерковском музее сохраняется кувшин черняховского типа из с. Ромашек с любопытным орнаментом, который наряду с геометрическими фигурами дает изображение гребня и мыши. Сюжет имеет безусловно символическое значение» [12, с. 344].

После посещения Белоцерковского музея мы считаем необходимым снова обратиться к изображению на сосуде. Композицию составляют помещенное слева животное, справа — какое-то сооружение. В животном усматриваются черты вола или рогатого быка с маленькой треугольной мордой, повернутой вправо. Задняя часть животного, так же как и на черепке из Поросья (Черепин), соединена с бесполозным ралом, показанным крючковатой линией, с раздвоением на конце. Последнее обстоятельство исключает возможность усматривать тут изображение длинного мышиного хвоста. Может быть, мастер хотел показать таким образом наличие чересла, которые, как мы знаем, черняховским пахарям были известны [13, с. 19, рис. 5б; 14, с. 115, табл. 1, *10*]. Вол или бык показан весьма схематично. Он имеет сзади угловатое, а спереди подтреугольное туловище, от которого отходят изображенные черточками ноги. Сооружение перед животным действительно похоже на изображение гребня с полукруглой спинкой и как бы веером расходящимися вниз зубца-

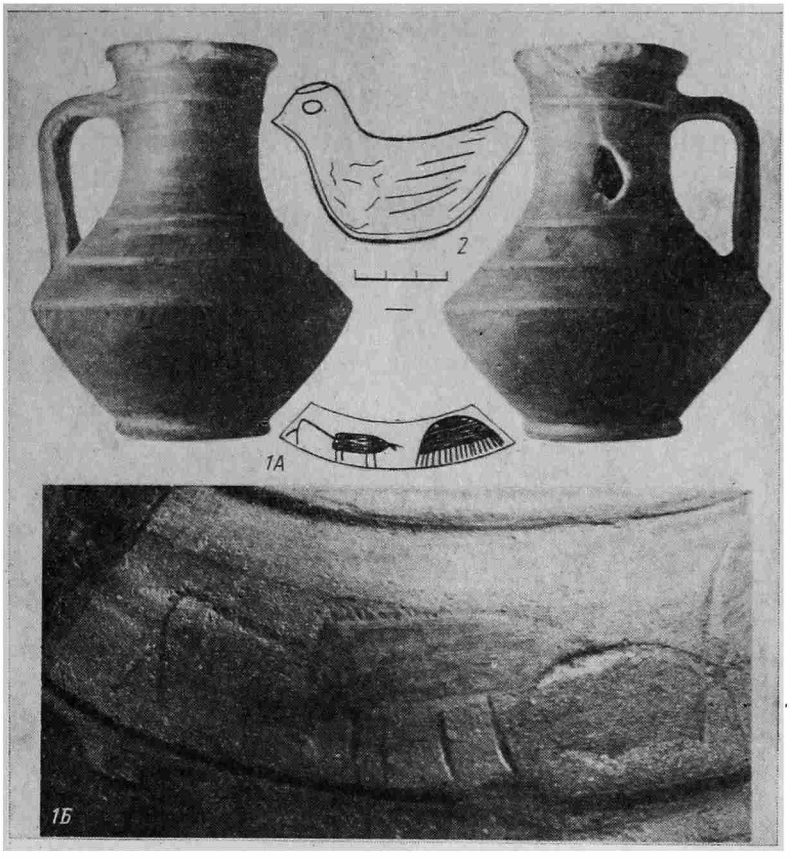


Рис. 4. *1, А—Б* — сосуд с сюжетным изображением (Ромашки); *2* — костяная фигурка птицы (Слободище, прорисовка по фотографии И. С. Винокура)

ми [15, с. 157, рис. 5, *5А*]. В принципе нет ничего невероятного в предположении Н. М. Кравченко, что тут был изображен гребень — предмет, занимающий определенное место в магических действиях, связанных с головой-«солнцем» и т. д. Тем более, что такого рода гребни украшают лицевые урны, на которых иногда встречаются изображения животных, близкие по стилю описываемым. Они имеют геометризованное прямоугольное туловище и показанные простыми черточками прямо свисающие ноги [16, табл. 9, *362*; табл. 14, *557*; табл. 18, *788*; 17, с. 89, фиг. 29]. Обращает внимание пропорциональное несоответствие левой и правой части изображения ромашковской находки. К тому же известны постройки, по рисунку напоминающие гребни, где верхняя часть строения дается в виде угловатой или полукруглой крыши, а стены состоят из вертикальных полосок, которые обозначают столбики или переплет из прутьев. Такой прием создания стен хозяйственных и жилых построек был широко распространен у различных народов. В равной степени правое изображение на кувшине из Ромашек можно понимать как стог, обложенный в нижней части вертикальными плахами. Такой сюжет прекрасно вяжется с предстоящим перед ним сельскохозяйственным животным. Отношение сооружения к заготовкам зерна и кормов тем более вероятно, поскольку в ромашковском рисунке вполне возможно усматривать вид некоего приспособления для сушки снопов, известного по этнографическим данным. Для сушки снопы укладывали на коническое сооружение из кольев, внутри которого тлел огонь [3]. Место же для просушки хлеба перед его обмолотом в представлении древних восточных славян издавно слыло священным и «под овином» молились [18, с. 154].

С помощью штампа были изображены кони (по определению В. И. Бибиковой) на сероглиняном круговом черепке из Бережанского могильника

[3] На возможность такого истолкования рисунка обратил мое внимание В. И. Довженок, о чем я не могу не вспомнить с благодарностью, см. [8, с. 154].

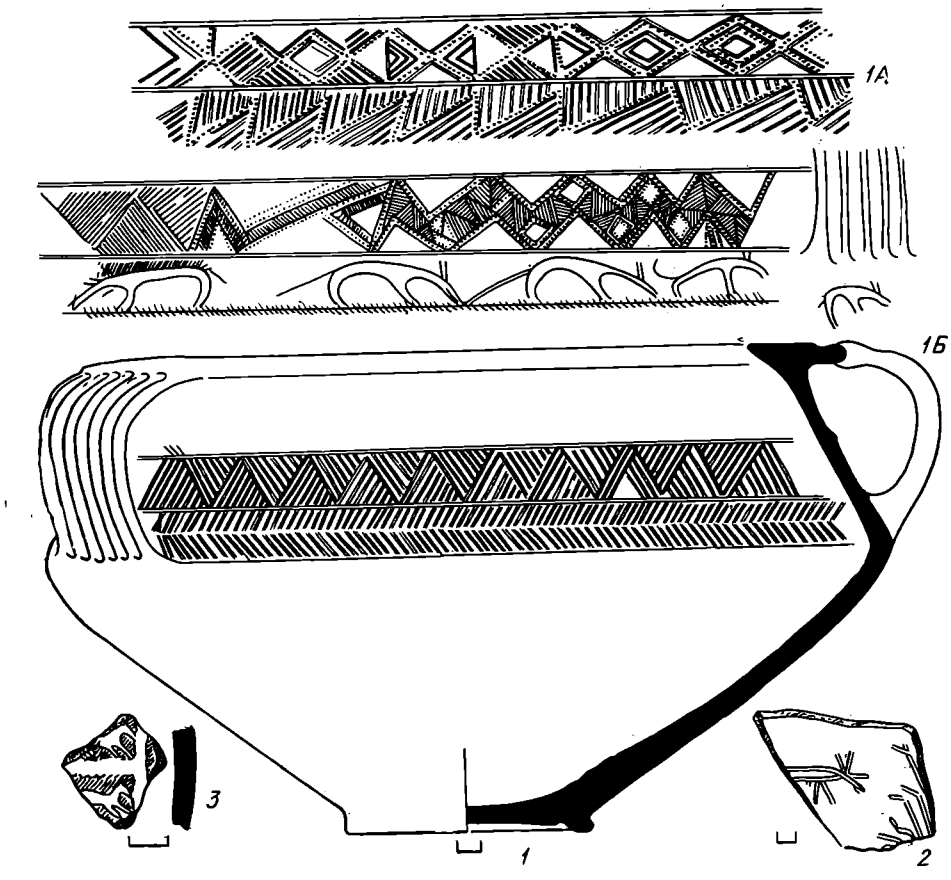


Рис. 5. *1, А—Б* — трехручная миска-ваза из могильника Каборга IV — Осетровка (по Б. В. Магомедову); *2* — сероглиняный черепок с графическим изображением с черняховского поселения Пилипча (по Н. М. Кравченко); *3* — штампованное изображение на фрагменте сероглиняного сосуда из погр. 7 Бережанского могильника (по В. К. Волянику)

на Волыни (рис. 5, *3*). В погребении 7 с трупосожжением в фрагментированном узкогорлом кувшине найден маленький сероглиняный («мажущийся») черепок с изображениями. На нем в два ряда, ярусами были оттиснуты фигурки коней, окруженные зубчатыми рамочками. Очевидно, кони были показаны как бы присевшими на задние ноги [19, с. 75, рис. 9, *1*].

Еще один не менее интересный сюжет, опубликованный Б. В. Магомедовым, открыт в орнаментике трехручной миски-вазы, найденной при раскопках причерноморского черняховского поселения Каборга IV — Осетровка (рис. 5, 6) [20, с. 25—26, 29, рис. 3]. Этот темно-серый лощеный сосуд был подвергнут вторичному обжигу, по-видимому, в пламени погребального костра. Между ручками вазы — три участка сложных узоров. Два участка — это обычные для черняховской культуры геометрические орнаменты в виде заштрихованных треугольников, ромбов, горизонтально идущей «елочки» и т. п. В третьем участке под полосой несколько вычурного и не вполне симметричного орнамента обычного типа идет фриз, в котором углубленно-лощеными линиями изображено три животных, следующих один за другим вправо. Четвертое подобное же существо, но несколько меньших размеров было помещено под ручкой сосуда. Пятое животное, обращенное головой в левую сторону, было отделено промежутком от остального «стада». Крайний схематизм в изображении фигур затрудняет точное видовое их определение. Нет сомнений, что животные пасутся и имеют недлинные ноги. Сужающиеся их морды, видимо тупые на концах, опущены вниз, к траве, показанной косыми насечками. С наибольшей точностью, по мнению Б. В. Магомедова, удается опреде-

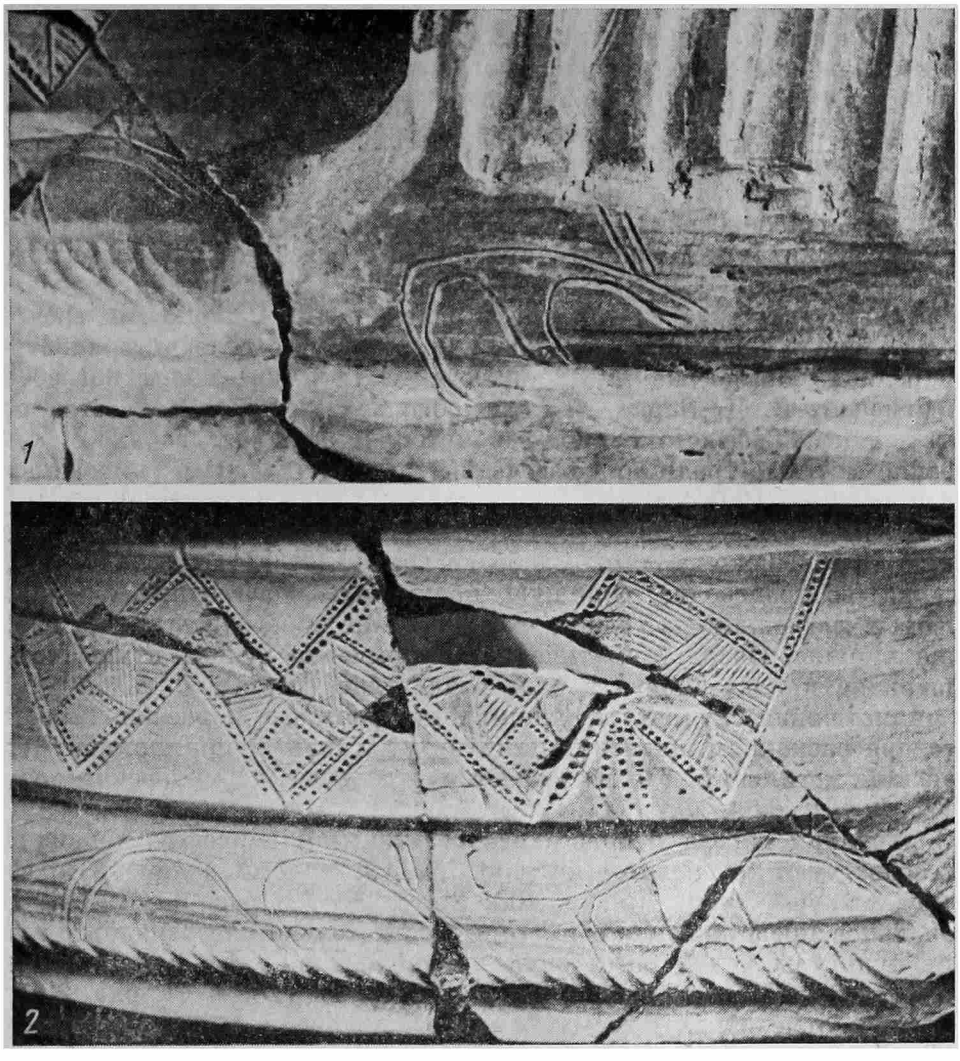


Рис. 6. Детали орнамента миски-вазы из могильника Каборга IV — Осетровка

лить животное, повернутое в сторону, противоположную остальным. Этот возможный вожак стада имеет на спине показанную короткими прямыми линиями щетину и на конце морды — выступающие наружу клыки, характерные для кабанов. В такой передаче шерсти Б. В. Магомедов усматривает, основываясь на аналогиях, влияние кельтского искусства [20, с. 57]. Таким образом, наиболее вероятно, что описанный фриз передает картину пастьбы свиней, домашних или диких. Как известно, кости этих животных, чаще домашних, повсеместно встречаются на памятниках культуры полей погребений, в том числе и в областях, прилежащих Черному морю. Находки костей свиней совершенно нетипичны для памятников поздних сармат и других кочевых племен, окружавших с юга оседлых земледельцев.

В какой-то мере близким по стилю вышеописанным изображениям является рисунок на черепке с черняховского среднеднепровского поселения Пилипча I Белоцерковского р-на Киевской обл. (рис. 5, *2*). Н. М. Кравченко и ее соавторы приводят в прорисовке круговой сероглиняный черепок, на котором сохранилась часть процарапанного рисунка пасущегося животного. Авторы публикации предполагают (под знаками вопросов), что это частично сохранившееся изображение оленя или козы [12, с. 342, рис. 1].

Однако, как нам кажется, рисунок рогатого, схематически, несколькими линиями показанного животного очень напоминает изображение вола, процарапанного на ромашковском кувшине (рис. 4, *1*).

Кроме графических зооморфных сюжетов можно отметить схематическое изображение головы животного в месте прикрепления ручки сосуда к его краю из Журавки ольшанской в Среднем Поднепровье (рис. 1, *2*) [1, с. 323—324, рис. 25, *1*]. Подобные изображения распространены у различных народов, живших в середине I тысячелетия н. э. и последующие века [21, с. 21—24; 24, с. 240—243].

Уникальная бронзовая односторонняя зооморфная подвеска из каменной печи черняховской полуземлянки поднестровского с. Черепин издана В. Д. Бараном (рис. 3, *2*) [23, с. 136, 137]. Схематически переданная фигура льва украшена черточками и вдавленными маленькими треугольниками, подчеркивающими мускулатуру и строение туловища животного. Этот редкий образец не имеет аналогий в культуре полей погребений. Как отмечает В. Д. Баран, лев был обычным сюжетом искусства предшествующего скифского периода, и автор усматривает в таком сюжете «древние местные традиции» и связанность с прикладным ремеслом римских провинций [23, с. 137].

Напомним также поделку в виде птицы, вырезанную из кости и найденную на волынском селище Слободка (рис. 1, *2*) [24, с. 86, табл. XI, *1*]. Фигурка воспроизводит сидящую, поджавшую ноги птицу с коротким клювом и гребешком на голове, что позволяет определять ее как изображение курицы. Очень схематическое оформление тулова птицы состоит из штрихов и показанного в виде овала глаза птицы. В какой-то мере эта миниатюрная скульптура напоминает бронзовые подвески, известные благодаря раскопкам крымских памятников, таких, например, как Чернореченский могильник, где встречаются отдельные черняховские элементы [25, с. 101, табл. XIV, *14*].

О значении образа птицы в изобразительном искусстве черняховцев свидетельствуют и некоторые типы фибул, напоминающие в профиль фигуру летящей птицы [26, с. 108; 27, с. 25—29; рис. 8, *16—18*]. Первоначальное представление о их типичности только для западных памятников культуры полей погребений изменялось по мере разворота работ на памятниках Поднепровья и его Левобережья [28, с. 47, рис. 2, *5*, *8*].

Следует отметить, что несмотря на все увеличивающееся количество сведений об антропоморфизации пантеона языческих черняховских божеств, в особенности в западных областях Поднестровья (работы И. С. Винокура), в сфере прикладной мелкой пластики изображения людей пока неизвестны. В то же время в изобразительном искусстве сармат и поздних скифов образ человека широко используется. Неясна связь с черняховской культурой бронзовой пряжки с изображением на щитке лица явного кочевника [29, с. 179—181; 30, с. 162, рис. 40]. Во-первых, датируется она временем V в. н. э. и позднее, во-вторых, приемы расположения на щитке антропоморфных образов распространены именно у кочевых народов [31, с. 41—45, табл. XV, *4*, табл. XVIII—XXI]. О невозможности связывать изображение человека на поливном сосуде, хранящемся в Белоцерковском музее, с черняховской культурой мы уже писали [32, с. 233, рис. 3а—в; 1, с. 273].

Художественные образы в изобразительном искусстве черняховцев были чужды культуре античного мира, несмотря на тесные торгово-экономические связи.

Совершенно то же можно сказать об отношениях с кельтским искусством, где ведущими являются антропоморфно-растительные образы. Это тем более странно, что в культуре полей погребений на зарубинецком и черняховском этапах развития прослеживаются явные связи с латенской цивилизацией [3, с. 17—23; 34]. Пока же только трактовка щетины на спине у кабана на рисунке из Каборги IV — Осетровки дала повод Е. В. Магомедову для сопоставления с кельтскими изображениями.

Нет сомнений и в том, что изобразительное искусство черняховцев чуждо по стилю субстратному и отчасти современному культуре полей погребений образному мышлению сармат и скифов. Нет стилизованных борющихся и переплетающихся один с другим хищников, нет орнаментации предметов прикладного ремесла инкрустацией и т. д. Вышеопи-

санные сюжеты, связанные с животными, статичны, даже если они изображены в движении друг за другом на фризах на сосудах, без яркой проработки деталей, как в скифо-сарматском зверином стиле[4].

Не приходится выводить из такого рода изображений сюжеты, характерные для центральноевропейского искусства, ставшего столь выразительным в эпоху норманнов, хотя отдельные приемы орнаментации черняховских сосудов, как уже отмечалось, и имеют совпадение [1, с. 348—358, рис. 29, 31].

Пока можно констатировать для приведенных изображений достаточное сюжетно-стилистическое единство, несмотря на разнообразную технику исполнения. Это схематизм, статичные позы животных, как бы присевших на задние лапы, с характерными округлоизогнутыми спинами. Преимущественно выбраны были в качестве модели домашние животные и птицы, во всяком случае те, которые были значимы для космогонических представлений черняховцев. Не будем в этой связи широко освещать роль коня в славянской мифологии, но напомним импортные изделия из глины и бронзы, попадавшие на черняховские памятники [35, с. 310—311; 36, с. 22—27]. Сцены же пахоты и, следовательно, производства зерна как основы благосостояния человека не могли не волновать, как мы знаем и по календарным знакам, древнего земледельца.

Немалая роль в изобразительном искусстве черняховцев отводилась изображению птиц. Птица не только увеличивала пищевой рацион — она, очевидно, значила гораздо больше, поскольку использовалась в погребальном обряде и при каких-то магических действиях (гусиные и куриные яйца, подвески из костей петухов). Позже, с принятием христианства, петух, например, возвещавший конец тьмы и начало нового дня, остался в числе объектов почитания [37, с. 114].

По мере обнаружения все новых сюжетных схематически-реалистических изображений, исполненных в разной гончарной технике, расширяется наше представление об уровне развития мастеров-ремесленников, работавших над производством круговой посуды. Так, А. А. Бобринский отметил, что в смешении разных технологических приемов находит отражение взаимодействие разных «в культурном отношении групп населения» [38, с. 242, 243]. По-видимому, одним из возможных источников черняховских сюжетов и стиля их изображений, по самым предварительным предположениям, можно считать области поморской, а затем пшеворской культуры, генетически взаимосвязанные. Как уже отмечалось, в культуре лицевых урн есть отдельные совпадения образов и сюжетов. Животных на них изображали в схематически-геометризованном виде. Правда, в отличие от поморской и пшеворской культур в прикладных произведениях черняховцев пока отмечается отсутствие антропоморфных мотивов, тогда как на пшеворских землях они имеются [39, с. 424, 425, рис. 365—366]. Наличествует также хронологически-территориальный разрыв между памятниками поморскими и культуры полей погребений зарубинецкого, а затем черняховского типов. Тем не менее рассмотрение изображений, представленных в черняховской культуре отдельными образцами, число которых постепенно все увеличивается, дает основание искать промежуточные звенья в областях пшеворских древностей, наследовавших восточнопоморские. По мере расширения фронта археологических работ на памятниках черняховского типа все очевидней становится факт взаимодействия их с западными венедскими областями [40, с. 53—74, 89—91 сл.], важный притом не только для Поднестровья, но и для поднепровского бассейна.

Сказанное выше не означает, что отпала необходимость поисков черт приемственности с местными культурами раннего железного века Под-

[4] Наблюдение В. Д. Барана над черепинской подвеской, действительно изображающей льва, еще не дает оснований сближать это своеобразное по стилю изделие с предметами скифо-сарматского круга, и, кроме того, остается неясно, имел ли предмет местное происхождение или явился импортом, как многие бронзовые фигурки из западных областей Украины, где были распространены черняховские памятники.

непровья: с милоградской и ее скульптурными и прочерченными изображениями [сцена пахоты — см. 41, с. 121, 132, рис. 54, 25] или с зарубинецкими памятниками, с загадочными рисунками на керамике, выявленными в недавние годы [42, с. 149; 43, с. 105, рис. 11, 17].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сымонович Э. А.* Орнаментация черняховской керамики.— МИА, 1964, № 116.
2. *Рыбаков Б. А.* Календарь IV в. из земли полян.— СА, 1962, № 4.
3. *Винокур І. С.* Історія та культура черняхівських племен. Київ. Наукова думка. 1972.
4. *Брайчевский М. Ю.* Зображення коня з с. Черепин в Средньому Пороссі.— Археологія, 1961, т. XII.
5. *Винокур І. Т.* Деякі язичницькі символи в орнаментиці пам"яток черняхівської культури.— Археологія, 1970, № 23.
6. *Винокур И. С.* Некоторые вопросы духовной культуры черняховских племен.— СА, 1969, № 1.
7. *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1960, № 89.
8. *Рикман Э. А.* Памятники древнего искусства Молдавии. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1961.
9. *Федоров Г. Б.* Малаештский могильник.— МИА, 1960, № 82.
10. *Сымонович Э. А.* Уникальная керамическая находка в районе с. Кодымы.— АО — 1968. М., 1969.
11. *Кропоткин В. В.* Раскопки поселения у с. Ромош.— АО — 1973. М., 1974.
12. *Кравченко Н. М., Бугай А. С., Магомедов Б. В.* Розвідки на Київщині.— АДУ — 1969. Київ, 1972.
13. *Ляпушкин И. И.* Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного Левобережья.— СА, 1950, т. XIII.
14. *Савич В. П.* Нові пам"ятки доби полів поховань території Львівської і Тернопільської областей.— МДАПВ, 1959, № 2.
15. *Сымонович Э. А.* Ромашковский могильник — первый черняховский памятник Поднепровья.— СА, 1979, № 3.
16. *La Baume W.* Die pommerilischen Gesichtsurnen. Mainz, 1963.
17. *Gimbutas M.* The Balts. L., 1963.
18. *Довженок В. О.* Землеробство древньої Русі. Київ: Наукова думка, 1961.
19. *Воляник В. К.* Могильник черняхівської культури у верхив"ях р. Горинь.— Археологія, 1974, № 13.
20. *Магомедов Б. В.* Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.).— В кн. Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1979.
21. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.).— САИ, вып. Д1-27. М., 1970.
22. *Кропоткин В. В.* О датировке кувшина из Чистиловского могильника (Тернопольская область).— СА, 1973, № 3.
23. *Баран В. Д.* Бронзовая подвеска из с. Черепино.— КСИА, 1956, вып. 65.
24. *Винокур І. С.* Старожитності Східної Волині першої половини I тис. н. е.— В кн.: Старожитності Східної Волині. Чернівці, 1960.
25. *Бабенчиков В. П.* Черноріченський могильник.— АП, 1963, т. XII.
26. *Симонович Е. А.* Про культуру полів поховань на Поділлі.— Археологія, 1951, т. V.
27. *Сымонович Э. А.* О датировке поселения первых веков нашей эры в Луке-Врублевецкой.— КСИА, 1955, вып. 57.
28. *Зайцев Б. П.* Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла.— МИА, 1964, № 116.
29. *Коршенко С. В.* Пряжка с головою варвара.— Археологія, 1948, т. II.
30. *Брайчевський М. Ю.* Біля джерел слов"янської державності. Київ. Наукова думка, 1964.
31. *Ковалевская В. В.* Поясные наборы Евразии IV—IX вв.— САИ, вып. Е1—2. М., 1979.
32. *Брайчевский М. Ю.* Материалы культуры полей погребений Среднего Поросья.— СА, 1959, № 4.
33. *Щукин М. Б.* Черняховская культура и явления кельтского ренессанса (к постановке проблемы).— КСИА, 1973, вып. 133.
34. *Rosen-Przeworska J.* Tradycje celtyckie w obrędowości: Protosłowian. Wrocław— Warszawa — Kraków, 1964.
35. *Тиханова М. А.* Борочицкий клад.— СА, 1956, т. XXV.
36. *Сымонович Э. А.* Две статуэтки коня из Побужья.— КСИА, 1958, вып. 72.
37. *Сымонович Э. А.* О культовых представлениях населения юго-западных областей СССР в позднеантичный период.— СА, 1978, № 2.
38. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
39. *Hensel W.* Polska starożytna. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973.
40. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
41. *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967.
42. *Третьяков П. Н.* Чаплинское городище.— МИА, 1959, № 70.
43. *Заверняев Ф. М.* Почепское селище.— МИА, 1969, № 160.

E. A. Symonovich

VARIOUS SUBJECTS OF THE CHERNYAKHOVO POTTERY

Summary

Besides decorative patterns and symbolic images individual artifacts from Chernyakhovo sites bear different artistic motifs, namely, realistically portrayed, although somewhat schematically and geometrically presented, domestic animals and birds. Both had a great part to play in economic activity and ideological life of the population of the urnfield culture. Most of the images are rather close stylistically though they differ in techniques and materials used (clay, bone or bronze).

Alien both to the Sarmatian and Scythian art and to the civilisation of the Antiquity these images illustrate the level of development of local handicrafts. Some of the subjects found on articles from Chernyakhovo sites have probably originated from the region of east Pomorze antiquities and succeeding Przeworsk sites.

СОРОКИНА Н. П., ТРЕЙСТЕР М. Ю.

ДВЕ ГРУППЫ БРОНЗОВЫХ ЗЕРКАЛ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Бронзовые зеркала из античных центров Северного Причерноморья и с территории соседних племен многократно привлекали к себе внимание [1, с. 89 сл.; 2, с. 60 сл.; 3; 4; 5, с. 101 сл.; 6, с. 140; 7, с. 76]. Однако в научный оборот введены еще не все типы этих памятников. К ним относятся зеркала из собрания Государственного Исторического музея, одни из которых имеют редкую прямоугольную форму, другие, хотя и более обычны по форме (они круглые), но выделяются отверстиями, расположенными в один ряд вдоль края изделия. Для них употребляют термин «зеркала с перфорацией».

В собрании ГИМ находятся четыре зеркала прямоугольной формы [1].

1. Бронзовая пластина. Размер 18,6×15,5 см (рис. 1, *7*; 2, *8*). Разбита на три куска. Раскопки К. Е. Думберга в Керчи в 1894 г. [9, с. 43]. Инв. 33 528—33 530.

2. Бронзовая пластина. Размер 11,8×10,5 см (рис. 1, *9*). Разбита на три куска. Раскопки К. Е. Думберга в Керчи в 1900 г.[2] [10, с. 40 сл.]. Инв. 42 417.

3. Бронзовая пластина. Размер 21,8×19,0 см (рис. 1, *6*). Разбита на четыре куска. Раскопки В. В. Шкорпила в Керчи в 1903 г. Могила 44 [11, с. 13 сл.]. Инв. 43 938.

4. Бронзовая пластина. Размер 16,8×14,5 (рис. 1, *8*). Собрание И. Е. Забелина. Покупка в Керчи. Инв. 22 204.

Зеркал с перфорацией в ГИМ три штуки.

5. Бронзовая пластина. Диам. 9,8 см (рис. 1, *3*). По краю на расстоянии 0,2 см одно около другого круглые отверстия диам. 0,18—0,2 см. На обеих поверхностях следы волокон дерева. На одной стороне между волокнами дерева виден небольшой отрезок рельефной линии, параллельный краю. Зеркало происходит из хищнических раскопок в окрестностях Керчи и Тамани. Собрание Д. Я. Самоквасова [12, с. 98, № 5235]. Инв. 76 990.

6. Бронзовая пластина. Диам. 8,3 см (рис. 1, *5*). По краю параллельно ему отверстия диам. 0,2 см. На одной поверхности две концентрические рельефные линии и один кружок в центре. Собрание А. С. Уварова. Инв. 54 791.

7. Бронзовая пластина. Диам. 10,4 см (рис. 1, *1*). По краю параллельно ему отверстия диам. 0,18 см. На одной стороне четыре концентрические рельефные линии. В центре кружок. Собрание А. С. Уварова. Инв. 54 791.

У нас не было возможности изучить технику изготовления зеркал 1—7 методом микро- и макроструктурного анализа подобно С. Пансери и М. Леони [13, с. 395; 14] и М. Г. Мошковой и Н. В. Рындиной [15, с. 117 сл.]. Ограничиваемся визуальными наблюдениями.

Прямоугольные зеркала отличаются большей толщиной (0,2—0,4 см); их края ровные, иногда с утолщением. Это указывает на возможность их отливок в формах. Обе поверхности гладкие. Под сильной патиной прослеживаются участки белого металла (№ 1, 3). Круглые зеркала тоньше (0,1—0,15 см); их металл отличается золотым оттенком. Отлиты они,

[1] Упомянутое Н. И. Сокольским зеркало, вмонтированное в крышку деревянной шкатулки, хранящейся в ГИМ, относится к другому типу зеркал [8, с. 133].

[2] В тексте о находке зеркал не упомянуто.

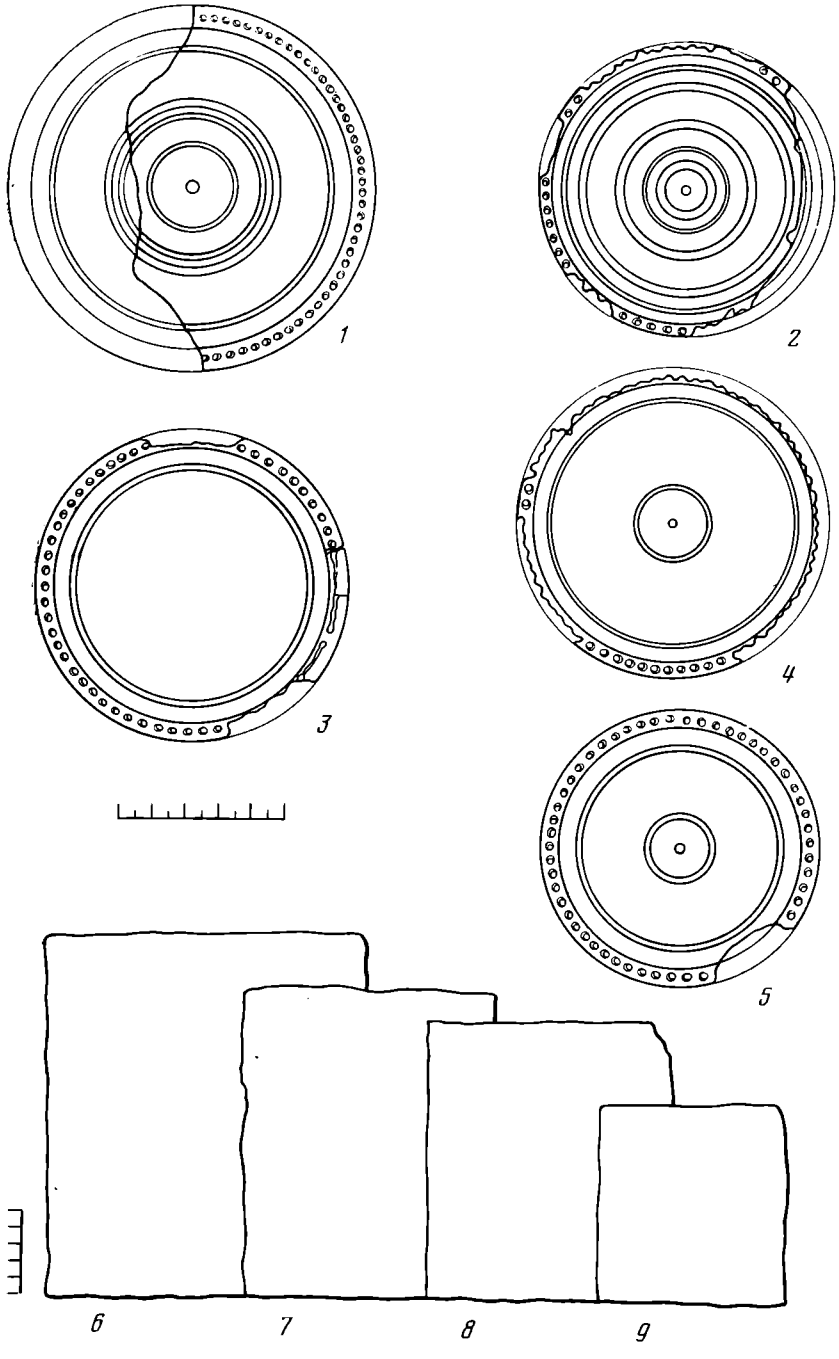


Рис. 1. Квадратные зеркала и зеркала с перфорацией I в. н. э. *1* — место находки неизвестно, собрание А. С. Уварова, ГИМ; *2* — Пантикапей, IV каменная гробница, 1872 г., ГЭ; *3* — окрестности Керчи и Тамани, собрание Д. Я. Самоквасова, ГИМ; *4* — Пантикапей, мог. 69 (раскопки 1900 г.), ГЭ; *5* — место находки неизвестно, собрание А. С. Уварова, ГИМ; *6* — Пантикапей, мог. 44 (раскопки 1903 г.), ГИМ; *7* — Пантикапей, так называемый склеп А. Борецкого, 1894, ГИМ; *8* — Пантикапей, собрание И. Е. Забелина, ГИМ; *9* — Пантикапей (раскопки 1900 г.), ГИМ

надо думать, тоже в формах, но с последующей обработкой на токарном станке (ср. [16, с. 150]). При помощи его нанесены концентрические линии на нерабочую сторону зеркал. Правильные, стандартные отверстия вдоль краев пластин по диаметру несколько шире с оборотной стороны, чем с лицевой. Видимо, они делались сверлом по предварительным наметкам [17, с. 277].

Состав металла зеркал 1—5 был изучен методом спектрального анализа в лаборатории ИГЕМ АН СССР (табл. 1).

Таблица 1

№	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co
1	Осн.	13,0	6,4	0,025	0,009	0,023	0,05	0,08	0,12	0,03	0,02
2	»	16,2	6,9	–	0,002	0,022	0,06	0,03	0,4	0,007	0,005
3	»	39,0	9,5	0,04	0,008	0,032	0,2	0,16	0,12	0,032	0,025
4	»	0,35	1,1	–	–	0,002	–	–	0,08	0,02	–
5	»	8,3	6,4	–	0,001	0,02	0,06	0,03	0,06	0,003	0,004

Данные анализа показали, что зеркала 1—3,5 изготовлены из оловянисто-свинцовистого сплава. Содержание олова сильно варьирует — от 8,3 до 39%. Концентрации свинца более стабильны: 6,4—9,5%. Висмут и золото встречаются в тысячных долях процента, никель и кобальт — в тысячных и сотых долях. Более высоки примеси железа, сурьмы, мышьяка.

Состав металла зеркала 4 отличен от металла зеркал 1—3, 5. Концентрация олова не противоречит искусственному введению его в сплав; содержание свинца (1,1%) говорит о том, что либо в сплав вводилось очень незначительное количество свинца, либо это результат переплава лома бронзовых изделий. Известно, что введение в сплав свинца в концентрациях до 2% почти не меняет механических свойств сплава [18, с. 25]. Интересно, что в металле зеркала 4 отсутствуют микропримеси висмута, сурьмы и мышьяка.

Находки изучаемых зеркал на Боспоре отмечались неоднократно. Они распределяются следующим образом. Четыре прямоугольных зеркала из собрания ГИМ найдены в некрополе Пантикапея, так же как и три зеркала из коллекции Эрмитажа [3]. Из Пантикапея происходят два зеркала, известные нам только по литературе [4]. Три зеркала обнаружены в округе столицы [21, с. 83—85, рис. 1, *1—3*], одно засвидетельствовано в Танаисе [22, с. 56].

Из зеркал с перфорацией бесспорно к боспорским находкам относится зеркало 5, так же как и зеркала из пантикапейских захоронений [5], и одно — из Кыз-Аульского могильника [24, с. 209, рис. 79, *1*; 80А].

Таким образом, на Боспоре известно 13 прямоугольных и четыре зеркала с перфорацией. По количеству они значительно уступают более распространенным на Боспоре в первых веках нашей эры зеркалам так называемого сарматского типа. Эта редкая и интересная группа памятников с Боспора до сих пор специально не изучалась и даже не учитывалась, хотя как о прямоугольных зеркалах, так и образцах с перфорацией с территории соседних племен писали К. Ф. Смирнов и В. П. Шилов [25, с. 166—167; 26, с. 261 сл.] [6]. Попутно отметим, что в зарубежной литературе нет специальных исследований о зеркалах изучаемых типов с территории Римской империи. Имеются лишь упоминания о них в энциклопедических статьях об античных зеркалах [30, с. 43—44; 31, с. 1429].

Остановимся на времени распространения на Боспоре интересующих нас зеркал. Вместе с зеркалом прямоугольной формы в мог. 26 (раскопки 1905 г.) был открыт фигурный сосуд в форме головы Геракла. Б. В. Фармаковский датировал его серединой I в. до н. э. [32]. Остальные вещи

[3] Могила 4 на г. Митридат, раскопки 1861 г. (ГЭ. П. 1861. 4); мог. 96 на г. Митридат, раскопки 1867 г. (ГЭ. П. 1867. 37); мог. 44 на Глинище, раскопки 1908 г. (ГЭ. П. 1908. 98). Приносим благодарность Н. Э. Куниной и Д. С. Герцигер за предоставление сведений о зеркалах, хранящихся в Гос. Эрмитаже, и возможность ознакомиться с ними.

[4] Могила 331 на Глинище, раскопки 1902 г. [19, с. 131]; мог. 26, раскопки 1905 г. [20, с. 9—10].

[5] IV каменная гробница, раскопки 1872 г. [23, рис. 2, 7]; мог. 69, раскопки 1900 г. (23, рис. 4, *33*].

[6] Авторы не ставили перед собой цель создания свода зеркал рассматриваемых типов с других территорий Северного Причерноморья. Отметим, однако, что прямоугольные зеркала известны на территории Среднего Поднепровья [27, с. 42; 28, с. 202—203] и в Приуралье [29, с. 46, рис. 17, *1*]. Аналогичная находка, как нам любезно сообщил И. Т. Черняков, была сделана недавно под Одессой.

из погребения, по его мнению, не противоречили тому же времени [32, с. 313] [7]. Как аналогию Б. В. Фармаковский использовал очень близкий по составу инвентарь могилы середины II в. до н. э. из Кардицы в Фессалии [34, с. 73 сл.]. Однако разработанная к настоящему времени хронология стеклянных сосудов позволяет уточнить даты могил, предложенные как Б. В. Фармаковским, так и А. С. Арванитопулосом. Флакон из могилы в Кардице сделан из стекла глухого красного цвета с плотной иризацией зеленоватого оттенка. Сосуды из такого стекла очень редки. Они датируются I в. до н. э.— I в. н. э. [8] [35, № 22, 23]. Стеклянный флакон же из мог. 26 относится к сосудам [35, № 42; 36, № 351], имитирующим изделия из полудрагоценных камней, изготовлявшимся не ранее I в. н. э. Таким образом, зеркало из мог. 26 следует отнести к I в. н. э., сузив его дату до первой половины. Основанием для этого может служить стеклянный флакон из той же могилы, горло которого имеет очертание, характерное для подобных сосудов именно этого периода [23, с. 171, рис. 11, *11*; 14].

Зеркало 1 входило в состав погребального инвентаря, который поступил в Эрмитаж и Исторический музей. Две стеклянные патеры первой половины I в. н. э. (рис. 2, *6*, *7*) из Эрмитажа опубликованы Н. З. Куниной [37]. Более многочисленные памятники из ГИМ уточняют время комплекса. Это ойнохоя, сделанная как и патеры, из довольно тяжелого стекла оливкового оттенка, со сплющенным шаровидным туловом на высоком поддоне (рис. 2, *5*). По форме тулова ойнохоя перекликается со стеклянными кувшинами, некоторые из которых датируются монетами Тиберия [38, рис. 88, *9*]. Ручка ойнохои по очертанию близка ручкам бронзовых сосудов из Помпей [39, № 81, 82]. Все это позволяет считать ойнохою одновременной патерам. Не исключено, что сосуды были изготовлены в одной мастерской Северной Италии, скорее всего находившейся в Аквилее. К этому предположению склоняет зооморфное изображение на ручке одной из эрмитажных патер, если не аналогичное, то очень близкое зооморфным завершениям ритонов из стекла аквилейского производства [9] [40, табл. 19, *1*; 41]. Важны для датировки индикация с монеты Тиберия и бляшка с изображением гермы (рис. 2, *4*). Индикация говорит о времени сама по себе, а бляшки с гермой, хотя датируются в пределах I в. н. э. [42, с. 83, рис. 57; 19, с. 168, рис. 55], но данный экземпляр является одним из ранних. Остальной инвентарь склепа состоял из разбитой солонки с черной лакообразной обмазкой (рис. 2, *1*), простой чашечки-ситечка (рис. 2, *2*), обломка прямоугольной гипсовой пластинки (рис. 2, *9*), золотых листиков, золотой тонкой свернутой пластинки с тисненым орнаментом с бахромой на конце для закрепления конца повязки или пояса (рис. 2, *3*) и монет. Из этих находок обращают на себя внимание монеты и чернолаковая солонка времени позднего эллинизма. Они заставляют склониться к мнению, что захоронение в склепе было совершено в начале I в. н. э.

Прямоугольное зеркало из мог. 4 (раскопки 1861 г.) относится к середине — второй половине I в. н. э. Его датируют два стакана из синего стекла (ГЭ.П.1861. 2—3), находящие аналогии среди таких же памятников из Кольчестера, Помпей, Коринфа, датирующихся серединой — концом I в. [43, с. 56, № 133; 44, форма 34].

Зеркало 3 дополняло богатый инвентарь из мог. 44 [11, с. 13 сл.]. Датирующими являются бальзамарий и крупный флакон или скорее бутыль [ГЭ.П.1903. 40—41]. Форма последнего не характерна для стеклянных сосудов первой половины I в., она получает развитие позднее. С этим согласуется дата бальзамария — поздний I—II вв. до н. э.

Прямоугольные зеркала 2, 4, обломки зеркала из мог. 96 (раскопки

---

[7] Д. С. Герцигер считает, что сосуд был привезен на Боспор в конце I в. до н. э. [33, с. 44].

[8] Поэтому вряд ли могилу из Кардицы можно датировать серединой II в. н. э. По стеклянному флакону ее надо отнести к I в. до н. э.

[9] Аквилийский ритон М. Кальви датирует II в. н. э., что представляется нам слишком поздней датировкой.

1867 г.) точно датированы быть не могут, так же как и зеркало 5 с перфорацией. Два других зеркала с перфорацией относятся к середине I в. (рис. 1, *2*, *4*). Зеркало с перфорацией было найдено в мог. 4 Кыз-Аульского некрополя I—II вв. Оно было обнаружено в деревянном гробу с краснолаковой миской с клеймом в виде ступни, стеклянными амфорой и бальзамарием, которые позволяют уточнить время данного инвентаря, и в том числе зеркала,— вторая половина I в. Из трех прямоугольных зеркал из могильника Ново-Отрадное два лежали в могиле второй половины I — начала II в. [21, с. 83—85, рис. 1, *1*, *2*], одно — в разрушенном погребении I—III вв. [21, с. 111, рис. 1, *3*].

Датированные экземпляры особенно важны. Они указывают время распространения зеркал в Северном Причерноморье. Зеркала прямоугольной формы засвидетельствованы на Боспоре с начала I в. н. э.[10], а образцы с перфорацией — с середины столетия. Отметим, что и те и другие найдены преимущественно в могилах с богатым инвентарем, почти, как правило, включающим различные украшения из золота и дорогую для того времени стеклянную посуду, что характерно вообще для набора инвентаря погребений I в. н. э., особенно его первой половины [45, с. 215 сл.].

Наши наблюдения по хронологии распространения зеркал прямоугольных и с перфорацией подтверждаются датировками комплексов с подобными зеркалами с территории Северной Италии и Швейцарии. Прямоугольные зеркала встречены в могилах с монетами Августа [38, с. 45—46, 137], в комплексах второй четверти I в. н. э. [46, с. 170], тогда как зеркала с перфорацией происходят из могил, относящихся к 80—120 гг. н. э. [47, с. 114].

Сводка распространения зеркал с перфорацией дана В. П. Шиловым [26], однако нам удалось ее существенно расширить [47, табл. 8, 9; 30, *9*; 48, табл. XIV, *3*; 49, табл. 29, *8*; 90, *10*; 103, *9*; 124, *1;* 125, *16*; 161, *12*; 50, с. 14, № 9; 51, стлб. 245—246, рис. 4; 52, с. 28, рис. 66; 53, табл. 2, *17*, *21*; 4, *22*; 8, *20*; 16, *2*; 17, *29*; 20, *17*; 31, *5*; 32, *20*; 35, *27*; 38, *5*; 42, *16*; 49, *20*; 66, *21*; 78, *2*; 95, *8*, *9*; 116, *2*, *18*; 54, стл. 15, рис. 12]. Сопоставляя места находок изучаемых зеркал с рассказом Плиния (Plin. N. H., XXXIII. 45) о процветавшем южноиталийском районе производства зеркал, приходится констатировать, что его сведения по этому поводу далеко не полны. Их, видимо, можно использовать только для эпохи эллинизма. С I в. н. э., судя по топографии находок, мастерские, изготовлявшие зеркала, возникают в северной части Апеннинского полуострова, а несколько позднее и в других местах западноримских провинций. Не без основания М. Пардуц называет зеркала с перфорацией из Паннонии не южноиталийскими, как В. П. Шилов, а «римско-провинциальными» [55, с. 69, табл. XXVI, *6*]. Однако зеркала интересующих нас типов на первых порах, надо думать, относились к италийской продукции. Они в качестве товара, а возможно, и личных вещей распространялись по территории государства и далеко за его пределами. Так, находки прямоугольных зеркал засвидетельствованы к северу и востоку от Италии — в Швейцарии, Югославии [49, табл. 82, *5*; 97, *15*; 129, *16*; 181, *5*; 55, *4*; 53, табл. 7, *11*; 19, *41*; 84, *2*; 87, *11*; 56, табл. 22, 20; 57, с. 11, рис. 176, *1*; с. 110, рис. 115д, *3*]; к западу — в Карфагене; к востоку — в Фессалии, Афинах, на о. Кипр, в Малой Азии (Галикарнас, Кимы) [31, с. 1429; 34; 58, с. 290, № 840; 59, с. 120—125]. Далее они доходили до Среднего Поднепровья и Восточного Крыма. Вероятно, с Боспора попадали прямоугольные зеркала к сарматам Заволжья и Приуралья.

Пути распространения италийских зеркал в Восточном Средиземноморье дают веское основание считать боспорские находки италийским импортом. Помимо этого наблюдения подкреплением нашего вывода слу-

[10] Из разработанной на основании многих средиземноморских и боспорских находок хронологии данных зеркал выпадает экземпляр из мог. 44 (раскопки 1908 г.), обнаруженный с инвентарем, относящимся к III в. до н. э. Такая аномалия может быть результатом неточности фиксации погребального инвентаря разновременных могил.

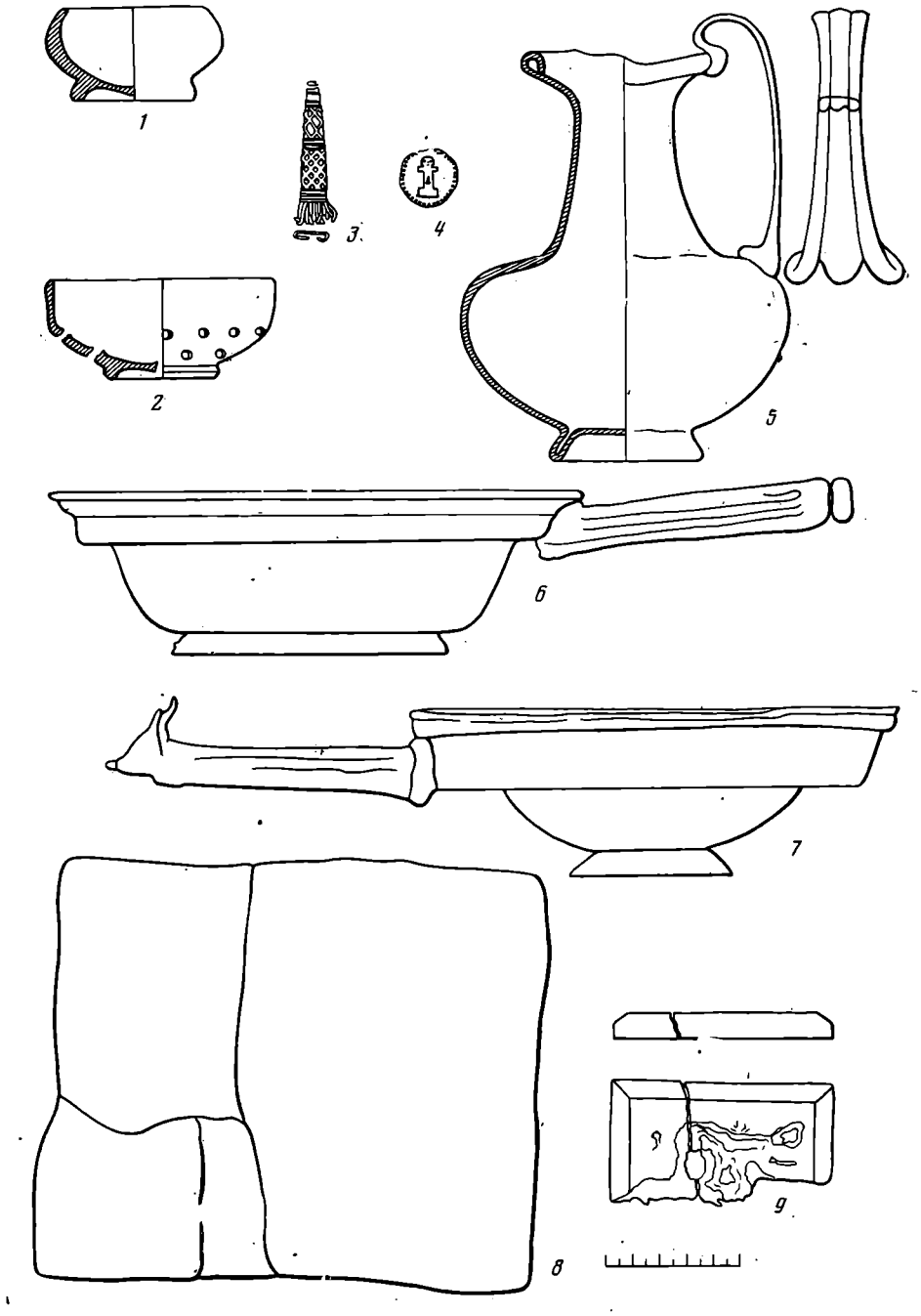


Рис. 2. Инвентарь так называемого склепа А. Борецкого. Первая половина I в. н. э. *1* — чернолаковая солонка; *2* — чашечка-ситечко; *3* — золотая пластинка, свернутая в трубку; *4* — золотая бляшка; *5* — стеклянная ойнохоя; *6, 7* — стеклянные патеры; *8* — бронзовое зеркало; *9* — обломок гипсовой пластинки

жат результаты анализов металла зеркал из собрания ГИМ. Экземпляры № 1—3,5 имеют состав металла, близкий металлу италийских зеркал, найденных в Ломбардии [13, с. 308; 14, с. 180] [11]. На зеркала Средиземноморья шли сплавы двух типов — оловянистые и оловянисто-свинцовистые бронзы. Зеркала VI—IV вв. до н. э., по данным П. Т. Крэддока, изготовлялись, как правило, из оловянистой бронзы. В эпоху эллинизма этот сплав также широко использовался, однако в этот период для изготовления зеркал все чаще и чаще используют оловянисто-свинцовистую

[11] Аналогичные результаты показали анализы металла прямоугольных зеркал, проведенные в лаборатории Британского музея П. Т. Крэддоком, любезно предоставившим неопубликованные материалы.

Таблица 2

№	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co
А *	Осн.	0,6	1,4	0,013	0,001	0,02	0,05	0,12	0,08	0,9	0,13
Б **	»	0,04	1,5	—	—	0,007	—	0,04	0,2	0,003	0,007
В ***	»	0,7	0,7	0,02	0,001	0,03	0,014	—	0,22	0,005	0,013
Г ****	»	0,06	0,01	0,01	—	0,001	—	0,03	0,06	0,003	0,002

* Фанагория, 1965 г., мог. 325. ГМИИ.
** Кепы, 1967 г., мог. 286, костяк 2. ГИМ. Инв. 98709.
*** Кепы, 1977 г., кург. 18, плитовая могила. ГИМ. Инв. 104747.22.
**** Кепы, 1977 г., кург. 18, разрушенная могила. ГИМ. Инв. 104747.37.

бронзу [60, с. 105—109]. В I—II вв. н. э. италийские зеркала отливались из оловянисто-свинцовистой бронзы [14, с. 180; 17, с. 188—189, табл. II, № 17, 34—38]. Плиний писал, что брундизийские зеркала изготовляли из смеси стагна с медью (Plin. N. H., XXXIII. 130; stagno et aere mixtis praelata sunt argentea) или из стагна (Plin N. H., XXXIV, 160) [12].

Анализ металла прямоугольных зеркал из собрания ГИМа дал очень интересный и важный результат. Оказалось, что зеркало 4 по своему составу отличается от остальных, но оно аналогично местным боспорским зеркалам II—I вв. до н. э., найденным в некрополях Фанагории и Кеп (табл. 2).

Зеркала А, В, Г — круглые плоские диски диам. 8—9 см. Зеркала этого типа были особенно распространены в I в. до н. э. — I в. н. э. [61, с. 125, рис. 52, *7*, *9*; 2, с. 66]. Множество их известно на Боспоре [21, с. 140; 62, с. 107, рис. 9, *1*]. Отметим также, что зеркало В окончательно не обработано (не обточен его край),.что свидетельствует в пользу его боспорского происхождения. Зеркало Б представляет собой округлый диск диам. 8 см с вертикальным бортиком и выступом-ручкой.

Таким образом, исследование химического состава зеркал из Пантикапея позволяет утверждать, что зеркала 1—3,5 — италийского происхождения, а зеркало 4 изготовлено на Боспоре по привозным образцам [13].

Практика подражания привозным образцам в греческую и римскую эпоху хорошо известна. В этом Боспор не являлся исключением не только в эллинистическую эпоху (например, боспорское производство так называемых мегарских чаш), но и в первые века нашей эры (подражания италийским и провинциально-римским фибулам, светильникам, выпуск обожженных кирпичей по римским стандартам и т. д.). Теперь же можно добавить к ассортименту таких изделий этого времени бронзовые зеркала прямоугольной формы, которые изготовляли боспорские бронзолитейщики для внутреннего рынка.

Прямоугольные зеркала могли быть «ручными». В этом случае они либо имели обрамление с рукояткой [14], либо хранились в кожаных чехлах, как, например, зеркало из Аквилеи [54, стлб. 14, рис. 11]. Их могли вешать на стены [64, с. 50, рис. 11], монтировать в крышки ларцов [31, с. 1429], ставить на туалетные столы.

Интересные данные о возможности использования зеркал в двух последних случаях дают находки в Северном Причерноморье. В мог. 44 пантикапейского некрополя (раскопки 1903 г.) в ногах погребенного находился большой четырехугольный кусок сплошного гипса величиной в $^1/_2$ листа писчей бумаги, а под ним костяное веретено, три обломка четырехугольного бронзового зеркала, покрытого с двух сторон слоем

[12] Стагн может быть как оловом, так и сплавом олова с различными металлами, например со свинцом [17, с. 81—82, 266].

[13] Изучение металла боспорских монет IV в. до н. э.— IV в. н. э. показало, что в I в. до н. э. монеты предпочитали чеканить из «чистой» меди, что нехарактерно ни для предшествующего, ни для последующего периодов. Может быть, в это время (а не исключено, что и в начале I в. н. э.) на Боспоре испытывали затруднения с легирующими металлами.

[14] Зеркало из мог. 44 (раскопки 1908 г.) имело железную ручку, покрытую с двух сторон деревянными планочками [63, с. 88—89]. Обрамление и рукоятку имело и зеркало с территории Италии [31, с. 1429, рис. 6538].

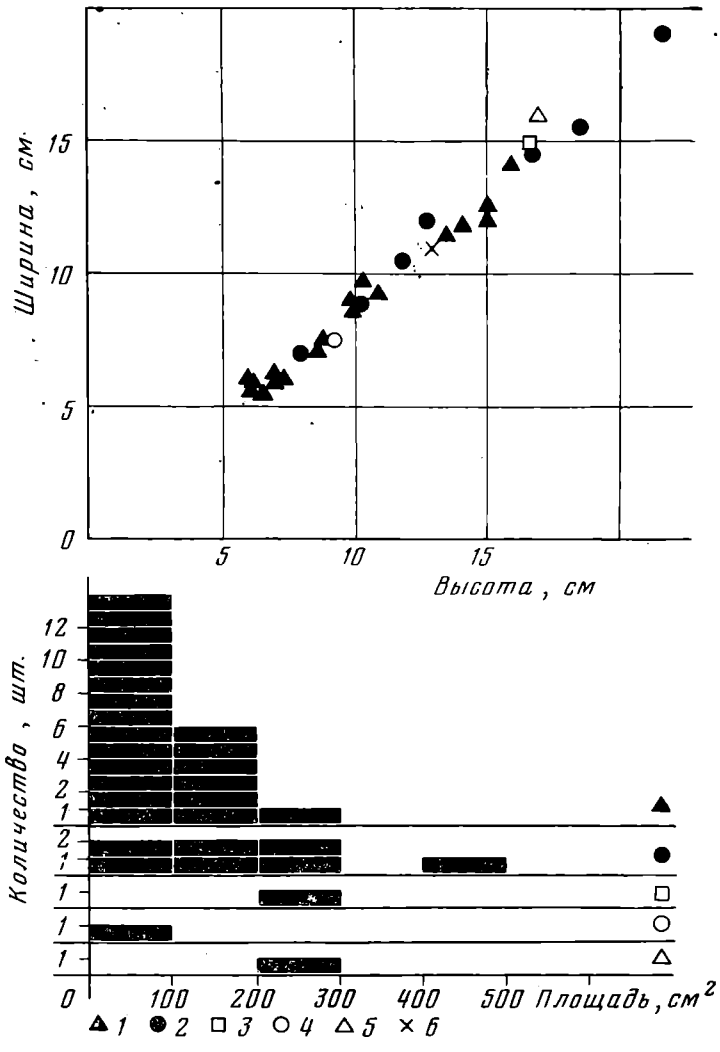


Рис. 3. Размеры прямоугольных зеркал из античных центров и с территорий соседних племен. *1* — Италия, Югославия, Швейцария; *2* — Боспор; *3* — Среднее Поднепровье; *4* — Приуралье; *5* — Кипр; *6* — место находки неизвестно

гипса, на котором видны следы истлевшего дерева. Зеркало и веретено были положены в деревянный ларец, наружная сторона которого была покрыта гипсом, может быть, с рельефными изображениями [11, с. 14]. Из описания трудно восстановить, в какой связи находились остатки гипса и бронзового зеркала. Указанные В. В. Шкорпилом размеры четырехугольного куска гипса несколько меньше бронзовой пластины, поэтому считать его футляром вряд ли можно. Думается, что бронзовая пластина либо могла быть укреплена в гипсовую обмазку внутренней стороны крышки деревянной коробочки, либо бронзовое зеркало как отдельный предмет в гипсовом обрамлении было положено в ларец вместе с веретеном. В погребении I в. н. э. из кург. 224 на Киевщине стояла вертикально обращенная к черепу костяка квадратная пластина бронзы 6×6 и $^3/_4$ дюйма, покрытая с одной стороны довольно толстым, около 0,2 дюйма слоем белого мажущегося и рассыпчатого вещества (по нашему мнению, скорее всего гипса) и слоем такой же толщины дерева [27, с. 42]. Здесь в могилу было поставлено прямоугольное зеркало в обрамлении из гипса и дерева. Обращает на себя внимание наличие в том и другом случае рядом с прямоугольными зеркалами остатков гипса и дерева. Не исключена возможность, что они являлись остатками обрамления, представление о котором может дать редкое стеклянное прямо-

Таблица 3

№	Размеры, см	Площадь поверхности, см²	Вес, г
1	18,6×15,5	288,3	600
2	11,8×10,5	123,9	190
3	21,8×19,0	414,2	620
4	16,8×14,5	243,6	570

угольное зеркало из Сирии, оправленное в гипсовую раму сложного архитектурного типа [65, с. 33, рис. 21].

Зеркала с перфорацией не такие крупные и менее тяжелые, чем прямоугольные, поэтому они употреблялись, вероятно, только как «ручные». Для этого они могли снабжаться рукоятками [124, с. 204] подобно зеркалу из мог. 12 Кыз-Аульского некрополя со стержнеобразной ручкой, с выступами у прилегающей к диску части. Однако зеркало с перфорацией (5) со следами от деревянного футляра не имеет никаких признаков наличия рукояти. Может быть, рукоятки зеркал в некоторых случаях были съемными, а для соединения с диском использовались отверстия?

Размеры как прямоугольных, так и круглых зеркал с перфорацией варьируют. Если мы попытаемся выделить стандарты зеркал с перфорацией, привлекая все доступные нам материалы, размеры 38 зеркал, то заметим, что диаметр зеркал колеблется между 7,5 и 17,7 см, что соответствует при переводе в римскую метрическую систему [66, с. 547] величинам от 3 до 7 дюймов [67, с. 41, № 251; 68, с. 59, рис. 38; 69, с. 244; 70, с. 226]. Выделяются четыре стандарта: первый — 3—4 дюйма (наиболее распространенный), второй — 5 дюймов (зеркала из Ломбардии, области Комо, Эмоны), третий — 6 дюймов (экземпляр из собрания Карлсруэ), четвертый — 7 дюймов (зеркало из Эмоны).

Что касается прямоугольных зеркал, то их размеры соотнести с римской метрической системой сложнее, однако, как и для зеркал с перфорацией, возможно выделить стандарты (рис. 3).

Нам известны размеры 32 прямоугольных зеркал. Удалось выделить четыре стандарта: первый — до 100 см², второй — 120—190, третий — 220—290, четвертый — около 400 см² (табл. 3).

Первая группа — наиболее многочисленная — 17 зеркал[15]. Отметим, что 14 из них происходят с территории Италии, Швейцарии, Югославии, два найдены в Пантикапее и одно в Приуралье. Археологически не зафиксировано, употреблялись ли эти зеркала как настольные или как «ручные», но последнее более вероятно.

Вторая группа включает девять зеркал: шесть из Италии, Швейцарии и Югославии (из них 4 экз. найдены в Эмоне), два из Пантикапея и одно из собрания Карлсруэ. Зеркало из Пантикапея (мог. 44, раскопки 1908 г.) имело железную ручку; площадь его поверхности 153 см². Вероятно, бронзовые зеркала этой группы, так же как и I группы, были «ручные». Нас не должны смущать размеры стеклянного зеркала в гипсовой оправе из Сирии. Площадь его поверхности близка размерам зеркал II группы (123 см²), но учтем, что и небольших размеров стеклянные зеркала ввиду хрупкости материала, из которого они сделаны, должны были использоваться как настольные.

Третью группу составляют пять зеркал: два из Пантикапея, по одному из Киевской обл., Северной Италии, с. о. Кипр. Зеркала этой группы, вероятнее всего, использовались как настольные. Об этом свидетельствует зеркало в гипсово-деревянной оправе из Среднего Поднепровья.

Особняком стоит зеркало 3. Площадь его поверхности 414 см². Зерка-

[15] Размеры трех зеркал из некрополя Эмоны [49, табл. 97, *15*; 129, *16*; 53, табл. 7, 11] восстановлены приблизительно. Зеркала сохранились неполностью, но для каждого мы знаем одно измерение (высоту или ширину?). Зная одну величину и среднее соотношение высоты и ширины для прямоугольных зеркал (а оно почти всегда примерно составляет 1.2 : 1), можно определить по два варианта размера площади зеркал.

ло либо было вмонтировано в крышку ларца, либо использовалось как настольное.

Как видно, стандарты зеркал связаны со способом их употребления.

Обратим внимание на зеркала I группы. Большинство их найдено на территории Северной Италии, Югославии[16] и Швейцарии, и можно считать, что здесь зеркала этой группы были ведущими. Для Пантикапея характерны зеркала II—IV групп. Заметим, что доля пантикапейских зеркал в общем количестве зеркал этих групп довольно высока.

Результаты спектрального исследования дали нам возможность предположить боспорское происхождение зеркала 4, которое входит в III группу настольных зеркал. Вероятно, на Боспоре в подражание привозным, как правило, небольшим «ручным» зеркалам североиталийского производства стали делать зеркала больших размеров и использовались они чаще как настольные или вмонтированные в шкатулки.

Сопоставление размеров зеркал позволяет подразделить их на ручные и настольные, что проливает свет на экономическую и организационную стороны их производства. Нет сомнения, что размер зеркал прямо пропорционален количеству использованного металла (см. табл. 3), а это отражалось и на стоимости изделия. Кроме того, крупные настольные зеркала требовали дополнительного обрамления, изготовлением которого занимались уже не бронзолитейщики, а мастера другой специализации, если оно изготовлялось не в металле. Сопоставление размеров зеркал, учитывая топографию их находок, с результатами спектрального анализа позволяет с определенной долей вероятности делать предположения о центрах производства зеркал и направлениях их вывоза.

Зеркала прямоугольной формы и круглые зеркала с перфорацией, до сих пор не привлекавшие к себе внимание, несут, как мы попытались показать, значительную информацию. Они расширяют данные о товарах, поступавших в I—II вв. н. э. из Средиземноморья, и в частности из Италии, на Боспор, а также дополняют наши представления о работе местных бронзолитейщиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хазанов А. М.* Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов.— СЭ, 1964, № 3.
2. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, 1963, № 4.
3. *Скуднова В. М.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии.— ТГЭ, 1962, вып. VIII.
4. *Билимович З. А.* Греческие бронзовые зеркала Эрмитажного собрания.— ТГЭ, 1976, вып. XVII.
5. *Кузнецова Т. М.* Зеркала из сарматских погребений Ставрополья.— КСИА, 1980, вып. 162.
6. *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Изд-во АН УССР, 1959.
7. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1975.
8. *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья.— МИА, 1971, № 178.
9. ОАК за 1894 г. Спб., 1895.
10. *Думберг К. Е.* Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 г.— ИАК, 1902, вып. 2.
11. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г.— ИАК, 1905, вып. 17.
12. *Самоквасов Д. Я.* Основание хронологической классификации. Варшава, 1892.
13. *Panseri C., Leoni M.* Tecnica di fabricazione degli specchi di bronze etruschi.— SE, 1957, v. XXV.
14. *Panseri C., Leoni M.* Esame di specchi bronzei, ritrovati in sepolcreti romani dell'alta Lombardia del I e II secolo D. C.— Sibrium. Varese, 1957, v. III.
15. *Мошкова М. Г., Рындина Н. В.* Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое исследование).— В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975.
16. *Кадеев В. И.* О времени появления токарного металлорежущего станка в Херсонесе.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968.
17. *Blümner T.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Lpz., 1887, B. IV.

[16] Довольно много зеркал найдено в некрополе Эмоны. О тесных торговых связях между Аквилеей и Эмоной хорошо известно [71].

18. *Brown D.* Bronze and pewter.— In: Roman crafts. L., 1976.
19. *Шкорпил В. В.* Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г.— ИАК, 1904, вып. 9.
20. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г.— ИАК, 1909, вып. 30.
21. *Арсеньева Т. М.* Могильник у д. Ново-Отрадное.— МИА, 1970, № 155.
22. *Книпович Т. Н.* Танаис. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
23. *Кунина Н. З., Сорокина Н. П.* Стеклянные бальзамарии Боспора.— Тр. ГЭ, 1972, вып. XIII.
24. *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов.— МИА, 1959, № 69.
25. *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975.
26. *Шилов В. П.* Южноиталийские зеркала в волго-донских степях.— СА, 1972, № 1.
27. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. Спб., 1908.
28. *Люценко Д. Е.* Замечания о курганах Киевской губернии.— Тр. III АС. Киев, 1878, т. II.
29. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, 1960, № 78.
30. Paulys Real-Encyclopädie des classisches Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1921, Bd XXI.
31. *Daramberg Ch. et Saglio É.* Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Paris, [190—], t. IV.
32. *Фармаковский Б. В.* Терракотовый сосуд в форме головы Геракла из Пантикапея.— В кн.: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916.
33. *Герцигер Д. С.* Об одном фигурном сосуде из Пантикапея.— СГЭ, 1981, вып. 46.
34. *Arvanitopullos A. S.* Ein Thessalischer Gold- und Silberfund.— AMitt, 1912, B. 37, № 1.
35. The Constable-Maxwell collection of ancient glass. L., 1979.
36. *Saldern A., von.* Gläser der Antike. Sammlung Openländer. Hamburg, 1974.
37. *Кунина Н. З.* Две стеклянные патеры из некрополя Пантикапея.— СГЭ, 1964, вып. 25.
38. *Simonett Ch.* Tessiner Gräberfelder.— In. Monographien zur Ur- und Frühgeschichte der Schweiz. Basel: Birkhäuser u. Cie, 1941.
39. Pompeji. Leben und Kunst in den Vesuvstädten. Essen, 1973.
40. *Calvi M. C.* Die Römischen Gläser. Museum von Aquileja, 1969.
41. *Козуб Ю. И.* Стеклянный ритон из Ольвии.— В кн.: История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
42. *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг.— МИА, 1962, № 103.
43. *Hayes J. W.* Roman and pre-roman glass. Toronto. 1975.
44. *Isings C.* Glass from dated finds. Djacarta, 1957.
45. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л.: РАИМК, 1925.
46. *Graue J.* Die Gräberfeld von Ornavasso. Hamburg, 1974.
47. *Sapelli H.* I materiali della necropoli di Mariano Comense.— In: I Romani nel Comasco. Testimonianze archeologiche della citto'e dal territorio Como.— Ex Chiesa di S. Francesco. 1980.
48. Real Museo Borbonico. V. 9. Napoli, 1833.
49. *Plesničar-Gec L.* Severno Emonsko grobišče. Ljubljana, 1972.
50. *Karageorghis V.* Excavations in the necropolis of Salamis. Nicosia, 1973—1974, v. III.
51. *Zerlinati E.* Scoperte archeologiche nel'volume dell'«Istoria agraria» di Camillo Silvestri.— AqN, 1974—1975, v. 45—46.
52. *Mercando L.* La necropoli romana di Portorecanati.— NSc, 1974, v. 28.
53. *Petru S.* Emonske nekropole. Ljubljana, 1972.
54. *Guida P.* Una nuova tomba scoperta nella necropoli di Levante.— AqN, 1963, v. 34.
55. *Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. Budapest, 1941, Bd 1.
56. *Petru S., Petru P.* Neviodunum. Ljubejana, 1978.
57. *Simonett C.* Necropoli romane nelle terre dell'anuale Canton Ticino. Bellinzona: Archivo storico Ticinese, 1971.
58. *Richter G. M. A.* The Metropolitan museum of arts. Greek, Etruscan and Roman bronzes. N. Y., 1915.
59. *Reinach S.* Chronique d'orient. Fouilles et découvertes.— RA, 1883, v. II.
60. *Craddock P. T.* The composition of the copper alloys used by the Greek, Etruscan and Roman civilisations. Pt 2.— JAS, 1977, v. 4, № 2.
61. *Шилов В. П.* Раскопки Калиновского курганного могильника.— КСИА, 1955, вып. 59.
62. *Кругликова И. Т.* Некрополь поселения у д. Семеновки.— СА, 1969, № 1.
63. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г.— ИАК, 1912, вып. 40.
64. *Reich W.* Bild und Rahmen in Altertum. B., 1953.
65. *Abdul Hak S.* Contribution d'une découverte archéologique recente a l'etude de la verrerie l'epoque Romaine.— JGS, 1965, v. VII.
66. The Oxford classical dictionary. Oxford: Clarendon press, 1957.
67. *Schumacher K.* Beschreibung der Sammlung antiker Bronzen. Karlsrue: Bielefeld, 1890.
68. *Müller S.* Nordische Altertumskunde. Bd II. Strassburg, 1898.
69. *Biro E.* Györ-Nadorvarosi Kora-Csaszazkori strok.— AE, 1961, v. 88 / 2.
70. *Дончев Д.* Тракийски некропол при с. Поповицы.— В кн.: Годишник на музейте в Пловдивски окръг. София, 1954.
71. *Plesničar-Yec L.* Aquileia ed Emona.— AAAd, 1976, v. IX.

N. P. Sorokina, M. Yu. Treister

TWO GROUPS OF BRONZE MIRRORS FROM THE COLLECTION OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

Summary

The State Historical Museum has in its collections seven bronze mirrors, which can be divided into two groups differing from more common Bosporan mirrors of the first centuries A. D. The first group consists of four rectangular mirrors, other three mirrors are round, and they form the second group. The round mirrors known as «perforation mirrors» have a number of small holes along the edge.

The first group and one of the «perforation mirrors» were found in late 19th-early 20th century in the Panticapeum necropolis in the context which gave ground to a supposition that they had become popular with the Bosporan population in the first half of the 1st century A. D., and that rectangular mirrors had appeared earlier.

The mirrors have analogies among materials from sites of the Roman empire, including those on the Italian territory, which leads to the conclusion that they were imported from Italy. The conclusion is also supported by the spectral analysis of four mirrors. One of the rectangular mirrors was made in the Bosporus by analogy with the imported ones.

ГОПАК В. Д., ШОВКОПЛЯС А. М.

ЧЕРНЫЙ МЕТАЛЛ ЗАРУБИНЕЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ОБОЛОНИ В КИЕВЕ

С 1965 по 1973 г. экспедиция Государственного Исторического музея УССР и Киевской городской организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры проводила раскопки остатков поселения зарубинецкой культуры [1—5]. Оно находилось в северо-восточной части территории Киева, известной под названием Оболони, и занимало самый высокий участок правого берега летописной р. Почайны (ур. Луг). Место это было труднодоступным из-за окружавших его низких участков широкой поймы с ее заболоченными лугами, озерами и старицами.

В процессе раскопок на площади около 25 тыс. м² обнаружены и исследованы остатки 66 жилищ, располагавшихся в основном в виде трех вытянутых овалов на наиболее возвышенных участках поселения. Остатки жилищ представляли собой небольшие прямоугольные углубления (0,4—0,7 м от древней дневной поверхности), площадью 12—20 м². Стены их сооружались из дерева, лозы и глины. Иногда на полу жилищ вдоль стен удавалось проследить ямки от столбов деревянного каркаса их наземной части. Встречались куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев лозы, особенно в местах сгоревших в свое время жилищ. Полом служил утрамбованный песок, иногда перекрытый слоем глины. В центре пола большинства жилищ находились остатки очагов, различавшихся по своему устройству. Более ранние из них имели вид округлых линзовидных углублений диаметром 0,7—1,1 м, заполненных мелкими угольками и золой. Более поздние очаги представляли собой округлые вымостки из камней и глины диаметром около 1 м, устроенные на полу и возвышавшиеся на 10—15 см над ним. На поселении раскопано 918 хозяйственных ям. Чаще они были круглыми, диаметром 0,5—1,5 м, реже — овальными длиной 0,8—2,3 и шириной 0,6—1,6 м. Все ямы имели отвесные стенки и ровное дно, глубина их 0,45—1,55 м.

В углублениях жилищ, в ямах и в культурном слое поселения собраны многочисленные находки. Они свидетельствуют о занятии обитателей поселения земледелием и скотоводством, охотой и рыболовством. Развивались у них домашние ремесла, существовали связи с античными городами Северного Причерноморья.

Материалы, собранные на поселении, позволяют датировать его временем от I в. до н. э. до II—III вв. н. э.

Больше всего среди находок изделий из глины — обломков посуды (горшков, мисок, кружек, сковородок, амфор) и пряслиц.

Металлические изделия изготовлялись из бронзы и железа.

Бронзовые изделия представлены обломками фибул, браслетов, колечек, подвесок, а также шпорой.

Интересны изделия из железа. Большинство из них было обнаружено в жилищах и хозяйственных ямах. В отдельных жилищах их находилось по нескольку штук (например, в жилищах 54, 55, 57). Это орудия труда и промыслов, бытовые изделия и украшения — обломки ножей, шильев, серпов, острог, рыболовный крючок, обломки фибул и пряжек, бритвы и шпоры (рис. 1, 2). Кроме того, имеются мелкие обломки железных предметов, установить назначение которых невозможно.

Для определения уровня развития железообработки на поселении были изучены металлографически кузнечные изделия (51 экз.). Наиболее многочисленную группу составляют ножи (15 экз.).

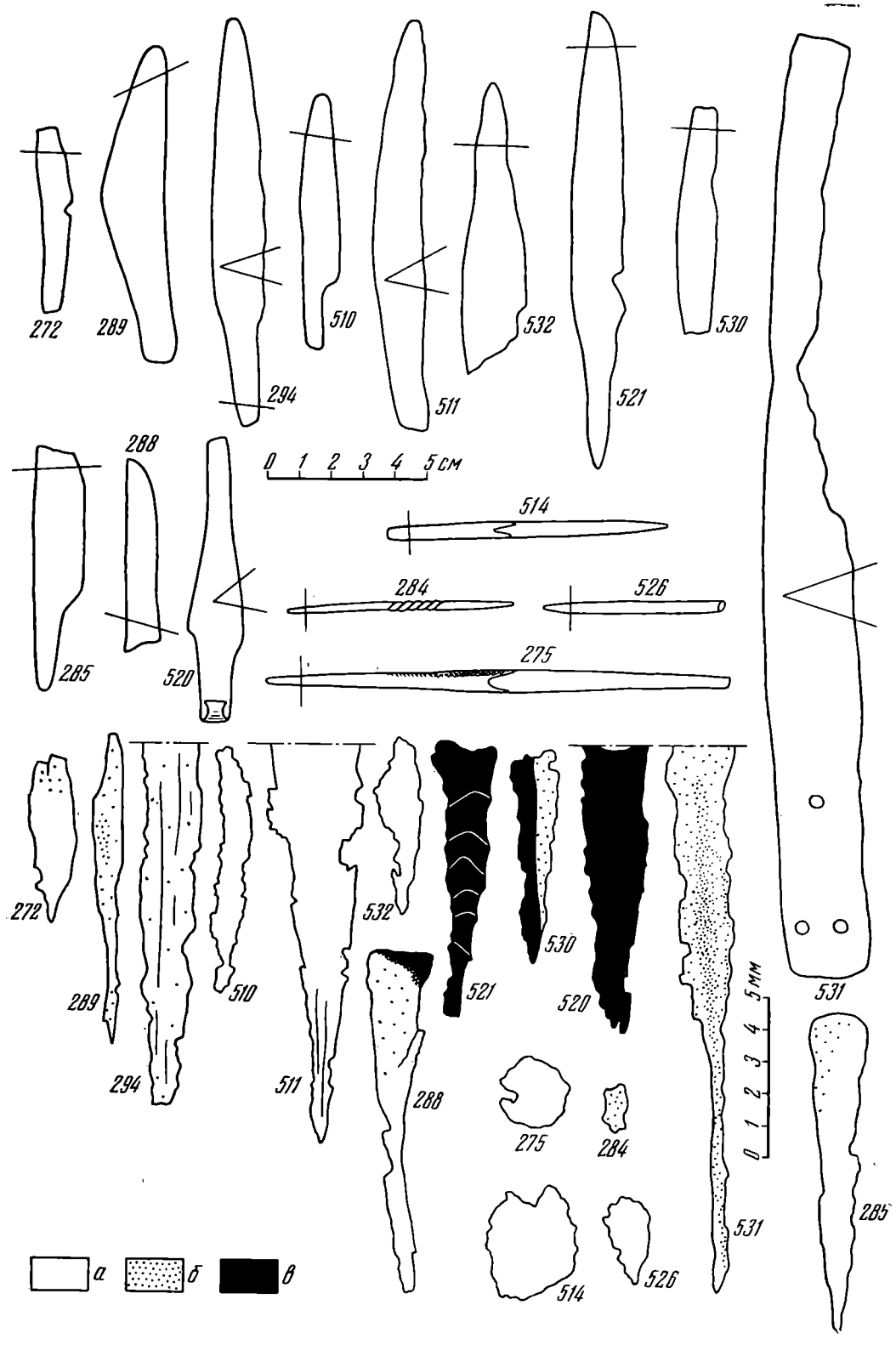


Рис. 1. Рисунки и технологические схемы изделий. Нумерация соответствует номерам анализов

Восемь из них относятся к типу так называемых ножей с горбатой спинкой, хотя кроме формы спинки других общих конструктивных черт у них проследить не удается. Длина полностью сохранившихся ножей колеблется от 80 до 145 мм, максимальная ширина лезвия находится в пределах 15—22 мм, толщина лезвия у спинки около 3 мм. Ножи с горбатой спинкой широко представлены на большинстве памятников зару-

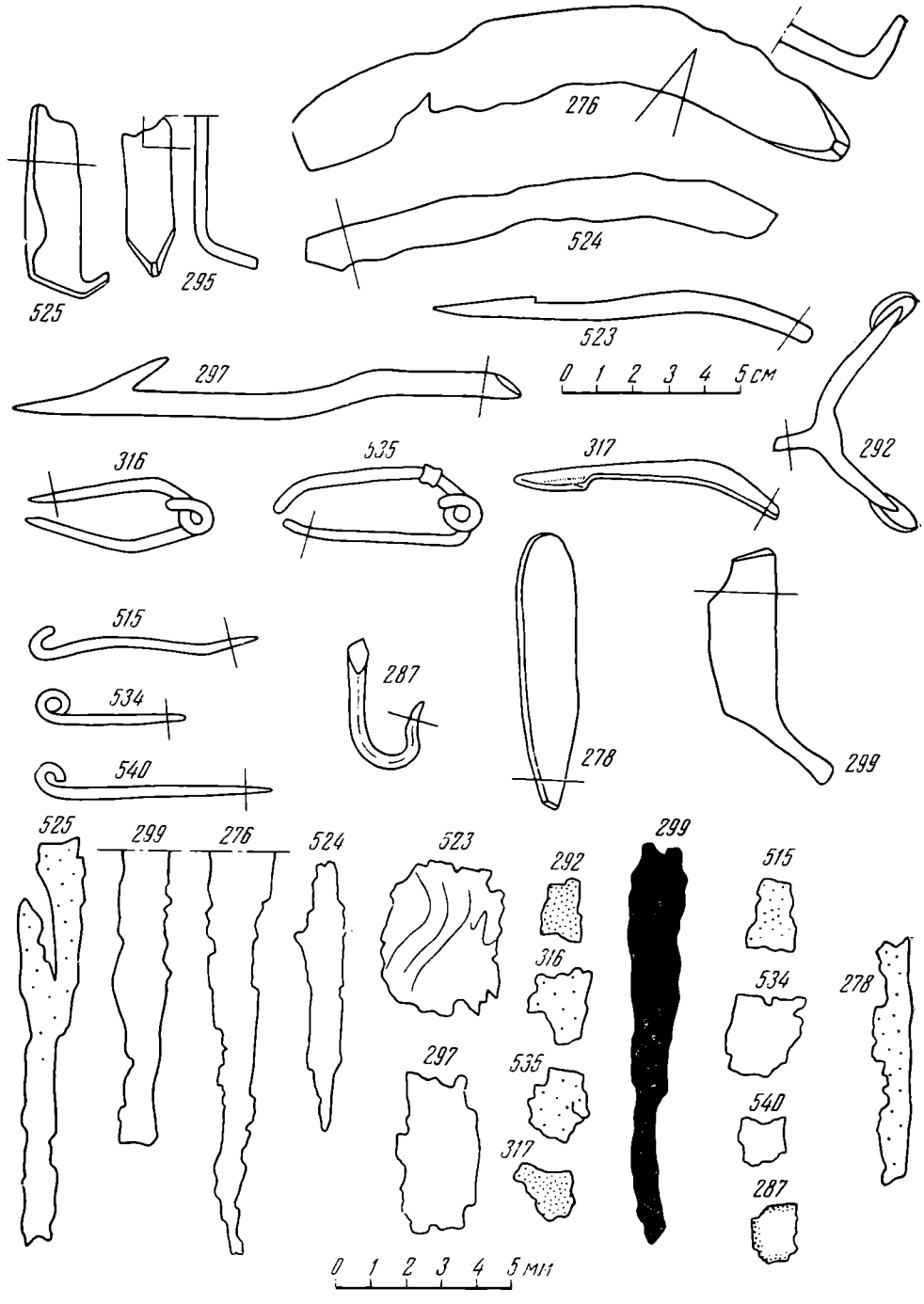


Рис. 2. Рисунки и технологические схемы изделий. Нумерация соответствует номерам анализов

бинецкой культуры [6, с. 90, табл. VIII, *115*; 7, с. 139, рис. 12, *3*, *4*, *6*, *7*; 8, с. 111, рис. 13, *1—9*].

Шесть ножей этой группы (рис. 1, *272*, *289*, *294*, *510*, *511*, *532*) — цельножелезные. В большинстве случаев для их изготовления использовано грубое кричное железо с большим количеством шлаковых включений. Лишь в одном случае (рис. 1, *289*) почти полное отсутствие шлака в металле указывает на его тщательную исходную проковку. Микроструктура металла ножей — феррит, иногда следы перлита. Микротвердость колеблется в пределах 116—221 кг/мм². В одном случае прослеживается строчечность микроструктуры (рис. 3, *1*).

Седьмой нож (рис. 1, *521*) был целиком откован из стальной заготовки. Лезвие ножа закалено в воде. Микроструктура — мартенсит, микро-

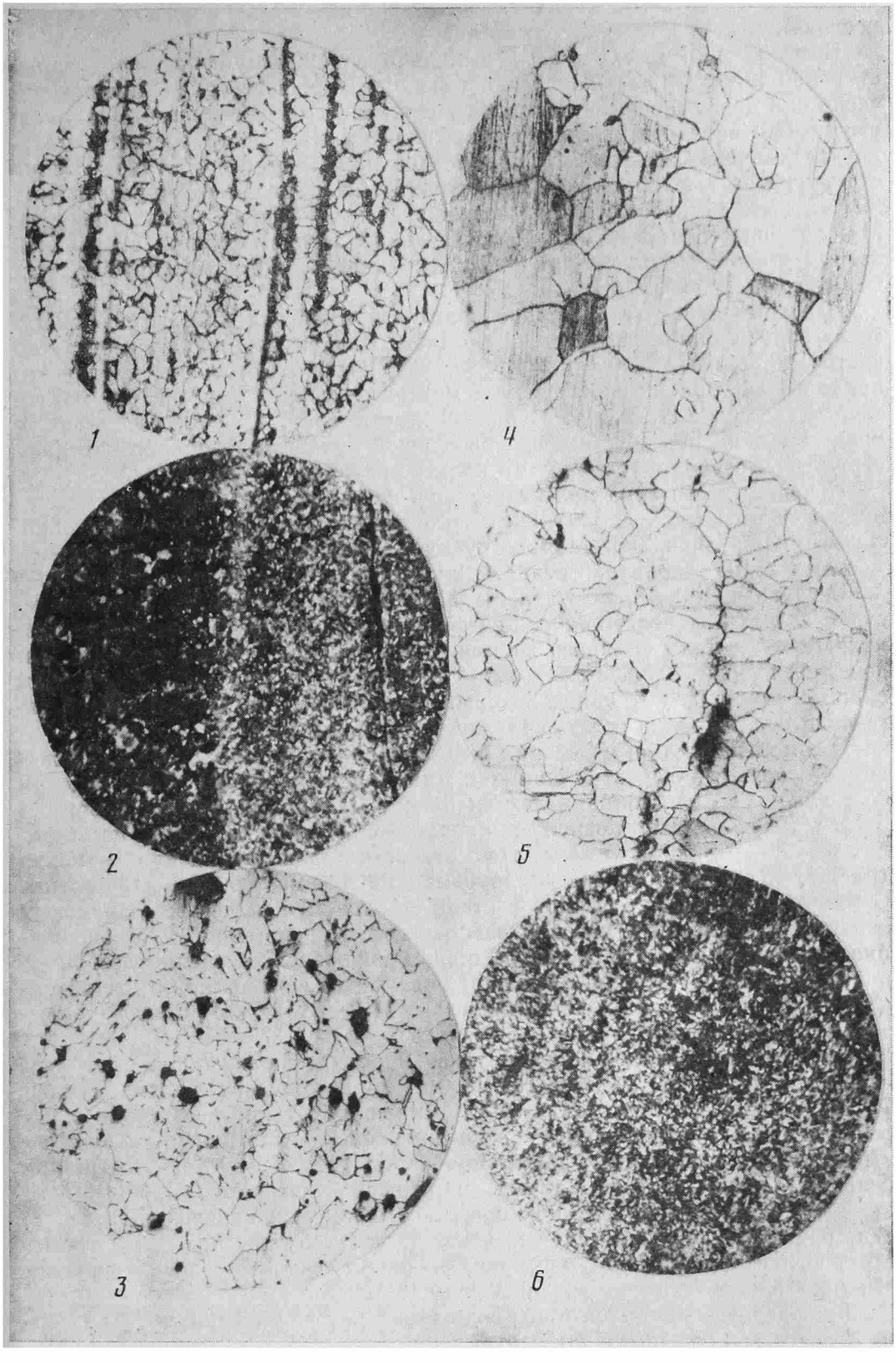


Рис. 3. Фотографии микроструктур. *1* — нож, ан. 294. Феррит, следы перлита. Увел. 120; *2* — нож, ан. 530. Зона сварки. Увел. 200; *3* — нож, ан. 285. Феррит, включения шлака. Увел. 160; *4* — серп, ан. 295. Феррит. Увел. 160; *5* — острога, ан. 297. Феррит, отдельные включения шлака. Увел. 160; *6* — бритва, ан. 299. Сорбит. Увел. 450

твердость 572 кг/мм². Стальная заготовка для ножа получена сваркой нескольких поперечных полос стали.

Восьмой нож (рис. 1, *530*) выполнен в технике продольной сварки стальной и железной полос. Сварка выполнена качественно. Микроскопически она прослеживается по слабовыраженной светлой полосе и наличию вытянутых включений остатков сварочного флюса вдоль границы стальной и железной зон (рис. 3, *2*). Лезвие ножа термообработано. Микроструктура стальной полосы — троостит (?), максимальная микротвердость 297 кг/мм². Микроструктура железной зоны — феррит, следы перлита. Микротвердость 143 кг/мм². Ножи, выполненные в технике продольной сварки стальной и железной полос, известны и на других зарубинецких памятниках [9, с. 93, рис. 2].

Два ножа относятся к группе ножей с прямой спинкой, встречающихся на зарубинецких памятниках Среднего Поднепровья также достаточно часто [10, с. 79]. Оба (рис. 1, *285*, *288*) были изготовлены из грубого кричного железа. Микроструктура металла — феррит (рис. 3, *3*), микротвердость 160—236 кг/мм². В одном случае (рис. 1, *288*) на лезвии у края спинки прослеживается небольшой участок термообработанной структуры, очевидно, случайного происхождения.

К ножам этого типа примыкает нож со своеобразным лезвием клиновидной формы (рис. 1, *520*). Он изготовлен из цельностальной заготовки. Лезвие ножа закалено. Микроструктура — малоуглеродистый мартенсит, местами зерна феррита. Средняя микротвердость по шлифу 383 кг/мм².

Остальные ножи представлены небольшими обломками. Типологически разделить их невозможно. Два обломка принадлежат ножам, изготовленным из грубого кричного железа. Один обломок цельностальной. Следов термической обработки здесь проследить не удалось. Четвертый обломок принадлежит ножу, который был откован из цементованной заготовки. Он сохранил остатки термической обработки.

В одном из жилищ поселения был обнаружен обломок крупного ножевидного орудия с горбатой спинкой. Длина сохранившейся части изделия составляет 308 мм, ширина лезвия около 32, толщина лезвия у спинки 5,5 мм. Лезвие сильно повреждено коррозией. Черенковая часть по ширине равна лезвию и имеет три отверстия для крепления рукояти (рис. 1, *531*). Аналоги среди зарубинецких древностей нам неизвестны. Орудие изготовлено из сырцовой стали с большим количеством шлаковых включений. Углерод в металле распределен неравномерно. Его содержание колеблется от 0,7% в центре шлифа поперечного сечения лезвия до почти полного отсутствия в его наружных зонах. Микроструктура металла — феррит и перлит, микротвердость — 110—181 кг/мм². Следов термической обработки нет.

На поселении найдено четыре шила. Размеры их различны — от массивного, длиной 152 мм и весом 20,6 г, до небольшого шильца длиной 72 мм, с витой центральной частью. Шилья имеют круглое острие и четырехгранный суживающийся к концу черенок. Аналогичные находки на зарубинецких памятниках достаточно часты [11, с. 91—92]. Все шилья цельножелезные, в трех случаях изготовлены из плохо прокованного кричного железа с большим количеством шлаковых включений (рис. 1, *275*, *514*, *526*), в одном случае (рис. 1, *284*) металл прокован лучше. Микроструктура изделий — феррит, в одном случае — следы перлита. Микротвердость колеблется в пределах 116—236 кг/мм².

Земледельческий инвентарь представлен четырьмя серпами. Два серпа относятся к обычному для зарубинецких памятников крючковому типу и имеют плоский черенок с вертикальным шипом на конце (рис. 2, *276*, *295*). У одного серпа по бокам черенка оттянуты небольшие закрапны для фиксации деревянной рукоятки (рис. 2, *525*). Серпы подобной конструкции встречаются реже. Они известны в Лютеже и на Чаплинском городище [12, с. 70, рис. 11, *23*; 7, с. 141, рис. 13, *8*]. Конструкция четвертого серпа (рис. 2, *524*) неясна, так как черенковая его часть не сохранилась. Все серпы были изготовлены из грубого кричного железа с большим количеством шлаковых включений. Микроструктура — феррит

(рис. 3, 4), иногда слабые следы перлита, микротвердость — 116—236 кг/мм².

В двух жилищах найдены рыболовные остроги длиной 153 и 127 мм (рис. 2, *297*, *523*). Находки острог на зарубинецких селищах довольно редки. Известны лишь две остроги — на поселении Пилипенкова Гора и в Чаплине [10, с. 166, табл. XXVIII, *11*; 7, с. 141, рис. 13, *10*]. Обе наши остроги цельножелезные, с большим количеством шлака в металле. Микроструктура — феррит (рис. 3, *5*), микротвердость — 170 и 193 кг/мм². Обнаружен также один рыболовный крючок длиной около 40 мм, изготовленный из грубого кричного железа и сохранивший остатки неглубокой поверхностной цементации (рис. 2, *287*). Изделия бытового назначения представлены фибулами, бритвой, язычками пряжек и обломком иглы (?).

Две фибулы (рис. 2, *3*, *16*, *535*), несмотря на отсутствие приемников и деформацию корпусов, по сохранившимся элементам конструкции относятся к позднелатенской схеме и датируются I в. до н. э. — I в. н. э. [13, с. 22—23, табл. 38, *9*, *11*]. Сохранившаяся спинка третьей фибулы (рис. 2, *317*) близка к так называемым воинским фибулам с прогнутым корпусом, датируемым первыми веками нашей эры [13, с. 24—25, табл. 4, *1*]. Позднелатенские фибулы цельножелезные. Спинка воинской фибулы цельностальная. Микроструктура металла — феррит и перлит, содержание углерода в стали около 0,7%, микротвердость — 193—221 кг/мм².

Из стали изготовлена бритва (рис. 2, *299*). Лезвие бритвы термообработано. Микроструктура металла — сорбит, микротвердость 297 кг/мм² (рис. 3, *6*).

Из кричного железа были откованы все язычки пряжек (рис. 2, *515*, *534*, *540*) и заостренный стерженек диаметром 2,4 мм, являющийся, очевидно, обломком иглы.

Интересной находкой является шпора латенского типа с круглым шипом и широко раскрытой дугой, оканчивающейся выпуклыми «пуговицами». Ширина шпоры по хорде дуги составляет 71 мм, высота от «пуговиц» до конца шипа 43 мм, вес 13,2 г (рис. 2, *292*). Шпоры на зарубинецких памятниках встречаются редко. Известна подобная находка на Чаплинском городище. Однако при общей близости конструкции и размеров обеих шпор чаплинская отличается от найденной на Оболони устройством крепежных элементов. Конструкция их выполнена в виде петель, а не «пуговиц» [14, с. 33, 126, рис. 66, *10*].

Исследованная нами шпора изготовлена из стали с содержанием углерода около 0,7%. Характер микроструктуры металла шпоры и спинки воинской фибулы (ан. 317) чрезвычайно близки.

На поселении найден также цельножелезный предмет (рис. 2, *278*), имеющий довольно близкие аналогии в Почепе [8, с. 111, рис. 13, *29—31*].

Остатки железных предметов в виде небольших обломков принадлежат в большинстве случаев к различного рода стержням (12 экз.). Среди них находятся также черенок ножа (?) и обломок плоской пластины. За исключением двух обломков стержней, изготовленных из сырцовой стали, все остальные фрагменты цельножелезные.

Как уже отмечалось, большинство сохранившихся изделий из железа (81,3%) найдены в жилищах или в хозяйственных ямах-погребах. Вне комплексов, как правило, находились мелкие обломки стержней, лезвия ножей и пр. Такое же явление прослеживается и на других зарубинецких памятниках, в частности на Почепском селище [8, с. 92], и указывает на большую ценность железных изделий, которые здесь тщательно хранились.

Несмотря на сравнительно большое число найденных железных предметов, ассортимент их довольно беден. Орудия труда представлены всего пятью наименованиями. В их числе три вида орудий (серпы, остроги и рыболовный крючок) указывают на занятие жителей поселения земледелием и рыболовством. Два вида — ножи и шилья — относятся, как из-

вестно, к универсальным инструментам, позволяющим выполнять широкий круг несложных хозяйственных работ.

Как показывают исследования, большинство предметов изготовлялось из грубого кричного железа с большим количеством шлаковых включений. Сталь, хотя и была уже достаточно хорошо известна, применялась редко. Из 51 исследованного предмета стальными оказались лишь 11 экз. (21,6%).

Местные кузнецы используют термическую обработку стали, пока еще в основном простейшую ее форму — закалку нагретого стального изделия в холодной воде. Из шести исследованных стальных ножей термообработаны были пять.

В одном случае зафиксирован технологический прием сварки железа со сталью (рис. 1, *530*). Иногда применялась цементация железных изделий, следы которой обнаружены на жальце рыболовного крючка. Вместе с тем, судя по наличию стальных изделий, цементация железных заготовок небольшого объема с последующей их проковкой была, очевидно, главным способом получения стали.

В целом же особенности, отмеченные для железообработки Оболони, характерны и для других синхронных памятников зарубинецкой культуры Киевского региона, в частности Лютежа [11, с. 85—98] и Ходосовского городища, а также Почепского селища на Брянском Подесенье[1]. Это свидетельствует о близком, сравнительно невысоком уровне развития местной железообработки, о сходных технологических традициях в обработке железа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шовкопляс А. М.* Поселение зарубинецкой культуры на берегу Почайны в Киеве.— МИА, 1970, № 176.
2. *Шовкопляс А. М.* Раскопки поселения зарубинецкой культуры в Киеве.— АИУ — 1968. Киев, 1971.
3. *Шовкопляс А. М.* Поселение зарубинецкой культуры в Киеве.— АО — 1970, М., 1971.
4. *Шовкопляс А. М.* Раскопки раннеславянского поселения на Оболони в Киеве.— АО — 1973, М., 1974.
5. *Шовкопляс А. М.* Работы на Оболони в Киеве.— АО — 1974. М., 1975.
6. *Самойловский И. М.* Корчеватовский могильник.— МИА, 1959, № 70.
7. *Третьяков П. Н.* Чаплинское городище.— МИА, 1969, № 160.
8. *Заверняев Ф. М.* Почепское селище.— МИА, 1969, № 160.
9. *Гопак В. Д., Хавлюк П. І.* Технологія обробки заліза у зарубинецьких племен Південного Побужжя.— Археологія, 1972, № 6.
10. *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев: Наук. думка, 1972.
11. *Пачкова С. П.* Господарство східнослов"янських племен на рубежі нашої ери. Київ: Наук. думка, 1974.
12. *Бидзиля В. И., Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж.— МИА, 1969, № 160.
13. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ. Вып. Д1-30. М., 1966.
14. *Поболь П. П.* Славянские древности Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1971.

V. D. Gopak, A. M. Shovkoplyas

IRON OBJECTS FROM THE ZARYBINTSY SETTLEMENT ON OBOLON, IN KIEV

Summary

The article deals with the results of the metallographic research of iron objects found in Zarubintsy settlement of the 1st century B. C.-first centuries A. D. on Obolon in Kiev (the Lug stow).

The research showed that the local blacksmiths had used badly forged puddling iron. Steel artifacts are few. The thermal treatment was used, as well as the welding of iron and steel. Sometimes, carburised objects are found.

On the whole, the Obolon iron processing is very similar to that of other synchronous Zarubintsy sites in the Kiev area—(the Lyutezh and Khodosovo sites), and in the Bryansk area (the Pochep settlement).

[1] Материалы исследований железных предметов из Почепа и Ходосовского городища готовятся к печати.

ТИМОЩУК Б. А., РУСАНОВА И. П.

СЛАВЯНСКИЕ СВЯТИЛИЩА НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ И В БАССЕЙНЕ ПРУТА

Святилища играли существенную роль в жизни славян-язычников не только как места молений и жертвоприношений, но и как общественные центры, объединяющие население всей округи. В различных местах восточнославянских земель раскопано несколько святилищ, которые, несмотря на различия в деталях, характеризуются общими чертами: у них небольшие округлые площадки, окруженные рвом, где горели огни, в центре площадки стоял идол [1, с. 261—263]. Кроме того, известны городища-святилища с такими же круглыми площадками (иногда с возвышением в середине), окруженными одним или двумя концентрическими валами [2, с. 57—64]. Эти городища-святилища не раскапывались, конструкция их валов и рвов неизвестна. Шурфами, заложенными на их площадках, установлено, что на городищах нет культурного слоя, и только по материалам окружающих поселений и могильников они могут датироваться IX—XI вв. Несколько новых святилищ открыто в последние годы на территории Северной Буковины. Некоторые из них уже опубликованы [3, с. 82—93], сведения о других приводятся в данной статье.

При сплошном обследовании территории между Средним Днестром и Прутом в пределах Черновицкой и отчасти Ивано-Франковской области были выявлены скопления-гнезда поселений VIII—XI вв. Гнезда состоят из нескольких селищ и имеют свои объединяющие центры, которыми служили городища-убежища или городища и селища с относительно развитым ремесленным производством. Каждое гнездо поселений, по-видимому, имело и свой культовый центр. Такими центрами могли быть общие для всего населения могильники (например, курганные могильники в Черновском и Горишнешеровецком гнездах) [4, с. 166, 188—190] или городища-убежища, которые в мирное время выполняли сложные общественные функции. На этих городищах, не имевших стационарных жилищ, располагались грунтовые могильники (в Белевском и Ревнянском гнездах), и на площадках городищ вдоль валов были построены длинные общественные дома, где исполнялись, вероятно, и религиозные обряды [3, с. 121—129; 4, с. 155—158, 168, 183—184]. Наряду с такими культовыми местами в состав ряда гнезд входили и специально устроенные, отделенные от других памятников языческие святилища. Святилища в основном открыты в тех гнездах, где не было городищ-убежищ, что подтверждает мысль об осуществлении убежищами и культовых функций.

Около с. Кулешовка Сокирянского р-на Черновицкой обл. находится гнездо поселений, включающее пять селищ, большое окруженное валом городище, на площади которого обнаружены полуземляночные жилища с печами-каменками и остатки железоделательного ремесла, и городище-святилище (рис. 1, I). Святилище расположено на высоком мысе (высота около 80 м), образованном крутыми берегами Днестра и впадающего в него ручья, в ур. Паланка. На окопечности мыса, обращенного к востоку, находится маленькая круглая в плане площадка диаметром 8 м. Площадка слегка повышается в центре и окружена кольцевым ровиком, в настоящее время частично заплывшим. С напольной стороны ее дугообразно ограждают пять линий валов и рвов, между которыми остаются горизонтальные площадки. Ширина всей системы валов и рвов около 70 м, т. е. она во много раз превышает диаметр центральной площадки (рис. 1, II; 2).

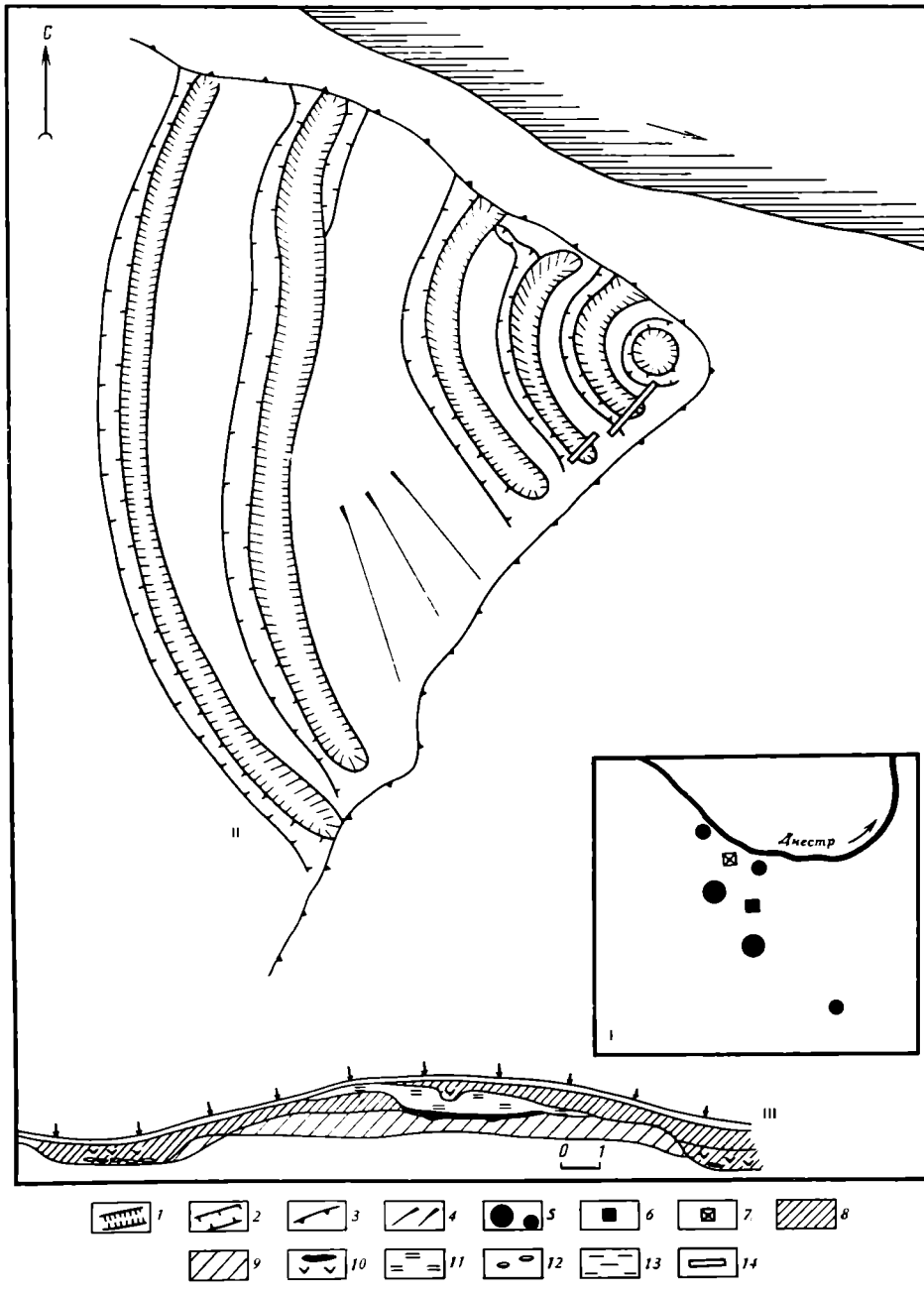


Рис. 1. Святилище у с. Кулешовка. I — Кулешовское гнездо поселений; II — план святилища; III — профиль первого вала и рвов святилища; *1* — вал; *2* — ров; *3* — обрыв; *4* — склон; *5* — большие и малые поселения; *6* — городище; *7* — городище-святилище; *8* — темно-серая земля; *9* — серая земля; *10* — уголь; *11* — обожженная глина; *12* — камни; *13* — глина; *14* — разведочные траншеи

В 1982 г. три вала и два рва городища были перерезаны траншеями. Оказалось, что первый вал, непосредственно примыкающий к центральной площадке, имел первоначальную высоту 0,4—0,5 и ширину около 9 м (рис. 1, III). На его плоской вершине находилось углубление (до 20 см при ширине около 3 м), дно которого было прокалено, и на нем лежали угли, куски обожженного дерева, кальцинированные кости животных, обломки древнерусской посуды X—XI вв. со следами вторичного обжига, обожженные камни. Такой же состав находок обнаружен на дне первого рва, окружавшего центральную площадку. Этот ров имел незначительную глубину (0,6 м) и плоское дно, выложенное камнями. Одновременно с первым был сооружен и второй вал городища. Но он имел не плоскую, а заостренную вершину, в его насыпи не обнаружено

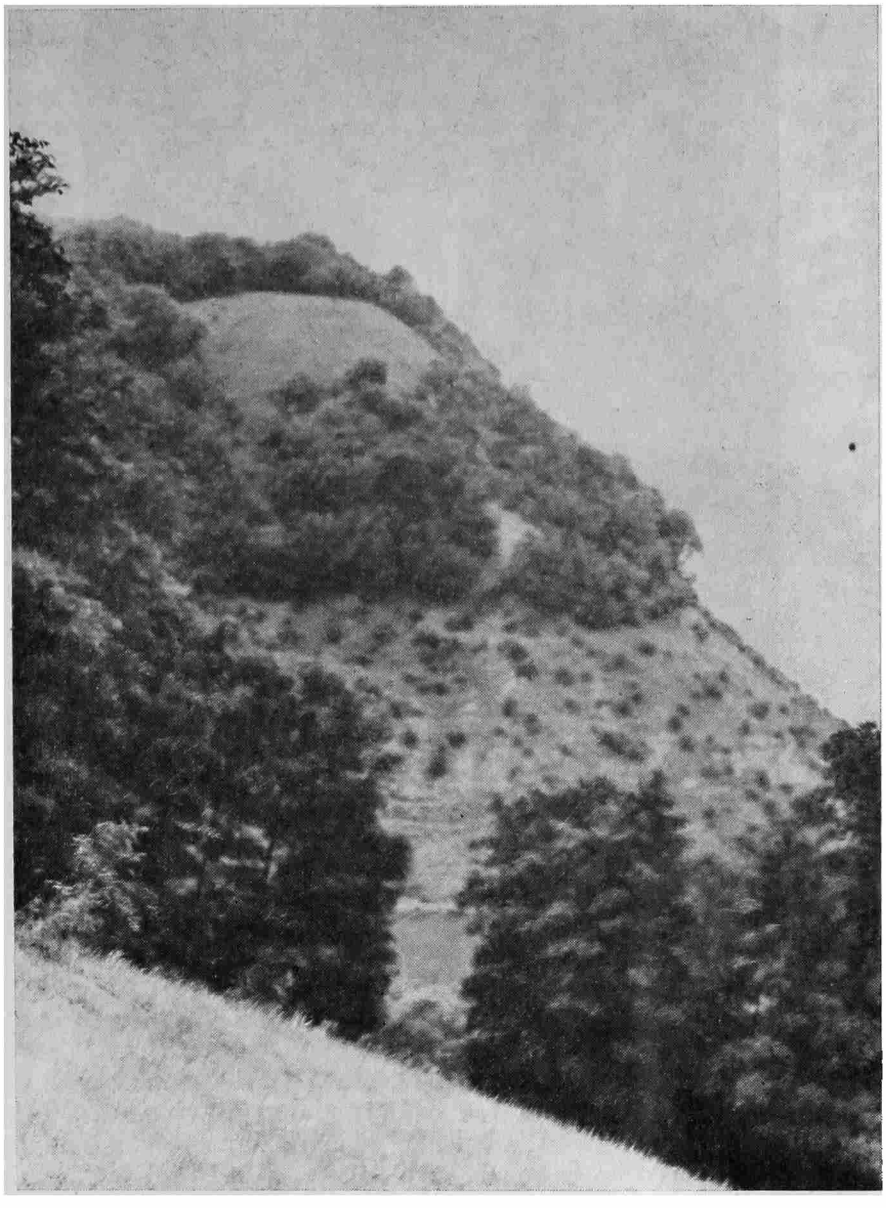


Рис. 2. Центральная площадка святилища в Кулешовке

никаких конструкций, найдены лишь обломки лепной славянской посуды.

Городище продолжало функционировать и позднее, в XII в. В это время на первом валу, на месте более древнего кострища, перекрытого толстым слоем обожженной глины, была построена деревянная стена. От нее сохранилась канавка шириной и глубиной около 20 см, заполненная углем и кусками глиняной обмазки с отпечатками бревен (рис. 1, III). По-видимому, стена была сложена из горизонтально положенных бревен, обмазанных глиной. Среди остатков этой стены найдена керамика XII в. Такая же керамика и угли лежали во рву, расположенном между первым и вторым валами. На плоском дне этого неглубокого рва (его глубина 0,5 и ширина 2,5 м) была выложена кладка из плоских камней шириной 1,6 м (рис. 3).

Третий вал городища (его современная высота 0,9, ширина 6—8 м), как и первый, имеет плоскую вершину шириной 4 м. На ней обнаружены остатки каменной вымостки шириной 1,2 м. На каменной площадке лежали угли, насыпь вала под ней была сильно прожжена. Этот вал, по-видимому, также был насыпан во второй период существования городища: в его внешнем рву найдены обломки посуды XII в., а под насыпью вала на древней дневной поверхности обнаружена керамика типа Луки Райковецкой.

Рис. 3. Каменная вымостка на дне рва на святилище в Кулешовке

Расположение Кулешовского городища на высоком месте, обращенном в сторону восходящего солнца, удаленность от источников воды, необычайно маленькая и круглая площадка городища, непригодная для постоянной жизни, сложная система его валов и рвов, не имевших оборонительного значения (низкие уплощенные валы и неглубокие рвы с плоским дном), места для разжигания огня на валах и во рвах — все это придает городищу своеобразный характер и позволяет считать его святилищем[1].

Близкое по конструкции городище-святилище открыто у с. Бабин Кельменецкого р-на Черновицкой обл., в ур. Говда. Оно занимает каменистый останец, резко выделяющийся среди ровного плато высокого берега Днестра (рис. 4, *1*; 5, *1*). Круглая вершина останца диаметром 7 м ограждена неглубоким (0,5 м) и нешироким (2 м) ровиком, теперь почти полностью заплывшим, но все же в нем видны какие-то полукруглые расширения по направлению к центральной площадке. С напольной стороны по склону останца проходят дугообразно два рва, выбросы из которых образуют валы-эскарпы. Во внешнем рву найдены угли, куски глиняной обмазки с отпечатками дерева, кальцинированные кости и обломки лепной и гончарной посуды IX—X вв. К северо-западу от центральной

[1] Рядом с городищем в лесу находится камень, который местные жители называют «божьи ноги». Два неправильной формы углубления на этом камне отдаленно напоминают отпечатки ступней человека.

площадки, в сторону Днестра, отходит хребтообразный, постепенно понижающийся отрог, на горизонтальной площадке в конце которого, над обрывом к реке, лежат огромные каменные глыбы. Расположенный посредине между этими глыбами камень, высотой до 2 м, несколько похож на фигуру сидящего человека (рис. 5, *2*). Большие камни выступают на поверхности всего останца.

У подножья святилища расположено огромное селище IX—XII вв., на поверхности которого видны распаханные печи-каменки и собраны лепные и гончарные черепки славянской посуды. Бабинское святилище и примыкающее к нему большое селище, вероятно, служили центром гнезда поселений, на территории которого находилось еще девять меньших по площади селищ с материалами культуры типа Луки Райковецкой и одно поселение пражской культуры (рис. 4, III).

Такого же типа городище-святилище обнаружено у с. Нагоряны того же района. Оно, как и Бабинское святилище, расположено на холме-останце высокого правого берега Днестра. Центральная площадка городища диаметром 20 м со стороны Днестра ограждена двумя рвами и эскарпами, а с напольной стороны — валом со рвом и эскарпом, который дугообразно окружает городище по склону холма. На городище также есть камни, напоминающие человеческие фигуры. Здесь найдена керамика типа Луки Райковецкой и обломки гончарной посуды XI—XII вв.

Нагорянское городище-святилище являлось частью общинного центра гнезда поселений IX—X вв. Рядом с ним на соседнем мысе расположено большое городище того же времени, а у его подножия открыто селище с материалами типа Луки Райковецкой, полуземляночными жилищами и печами-каменками. Всего к этому гнезду относится шесть селищ.

Совершенно особый тип памятников представляет собой святилище у с. Зеленая Липа Хотинского р-на Черновицкой обл. Оно расположено на правом высоком берегу Днестра, в ур. Турецкая Криница, и занимает сравнительно невысокий останец берега, укрытый с трех сторон более высокими холмами, лишь с севера он возвышается над обрывистым берегом Днестра. Холм святилища не имеет искусственных укреплений, в южной части его склоны ровные, возможно подправленные в древности. Северная часть холма испорчена оползнями и обрывами. Подножие возвышенности окружено ручьями и болотами (рис. 6, I). Верхняя площадка холма не совсем правильной овальной формы (ее размеры 42×14 м) слегка понижается в сторону Днестра. В ее южной части выделяется возвышенность до 0,7 м, диаметром около 8 м. Это возвышение частично уничтожено военным окопом, перерезавшим его с запада на восток. Сохранившаяся южная половина была раскопана в 1982 г., насколько это позволяли растущие здесь деревья.

На площадке обнаружены напластования двух периодов. Нижний слой был почти полностью разрушен позднейшим сооружением и сохранился лишь в небольшом углублении в материке. К этому слою относятся обломки лепной и гончарной посуды X в. Верхний слой датируется XI — началом XII в. на основании находок характерной для этого времени керамики (обломки гончарных сосудов с изогнутыми венчиками, покрытых в верхней части линейным и волнистым орнаментом, сделанных из глины с примесью мелкозернистого песка и слюды) [4, с. 22—25]. Верхний слой, мощностью до 70 см, почти целиком состоял из завала обожженной глиняной обмазки (рис. 6, II). Куски обмазки, иногда очень большие и тяжелые, толщиной в 5—7 см, сохранили отпечатки дерева (больших бревен и плетня). Ниже завала глиняной обмазки на древней поверхности прослежены отпечатки горизонтально лежавших бревен от стен стоявшей здесь постройки (рис. 6, III). Отпечатки бревен в виде неглубоких канавок шириной около 10 см, заполненных углем и имеющих обожженные стенки, расположены двумя параллельными рядами на расстоянии 20—30 см друг от друга. Вероятно, постройка имела двойные стены, обмазанные глиной и сложенные из горизонтально положенных бревен и в какой-то мере сделанные с применением плетня.

В плане сооружение имело прямоугольную форму и было ориентиро-

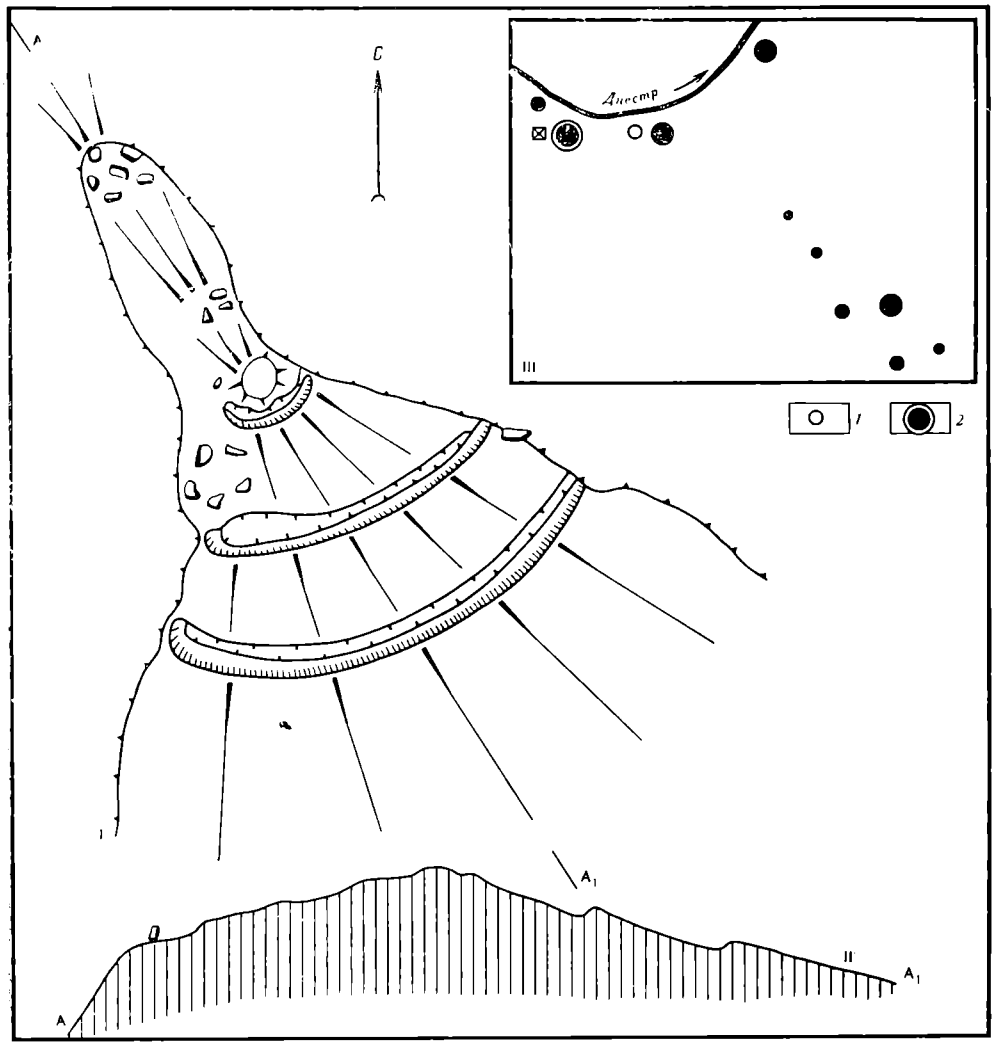


Рис. 4. Святилище у с. Бабин. I — план святилища; II — разрез городища-святилища; III — бабинское гнездо поселений; *1* — поселение пражского типа; *2* — большое селище с ремесленным производством. Остальные условные обозначения см. на рис. 1

вано почти по странам света. Полностью прослеженная южная стена здания имела длину 5,3 м, а западная сохранилась на протяжении 4,2 м. Уничтоженная часть постройки не могла быть очень большой, так как остатки здания не выявляются на противоположной стороне окопа. Почти в центре помещения, ближе к его западной стене, в полу была вырыта большая столбовая яма диаметром 0,6—0,7 и глубиной 1,2 м. На дне ямы лежал углистый слой, стенки ее были сильно обожжены, а в верхней части заполнения сохранились остатки сгоревшего столба, укрепленного в яме с помощью камней. Почти в центре здания, ближе к восточной стене, обнаружено погребение, помещенное в округлую яму диаметром около 2 м и глубиной 40 см от уровня пола. Костяк лежал вытянуто на спине, со сложенными на груди руками и был ориентирован головой на запад. Возле скелета найдены обломки славянской посуды и не совсем правильной формы четырехгранный камень размерами 40×60 см.

По обе стороны сооружения на склонах холма находились круглые в плане ямы с отвесными стенками (глубины и диаметры ям — 60—80 см). В их заполнении прослеживаются многочисленные прослойки угля и глины. По-видимому, в ямах разжигался огонь. У западного края холма в скале был вырублен глубокий колодец (его глубина 14,5 м). В плане он квадратный 2,1×2,1 м, стенки отвесные (рис. 7). Колодец пробивал скалу до слоя песка, который и в древности не был водоносным, он впи-

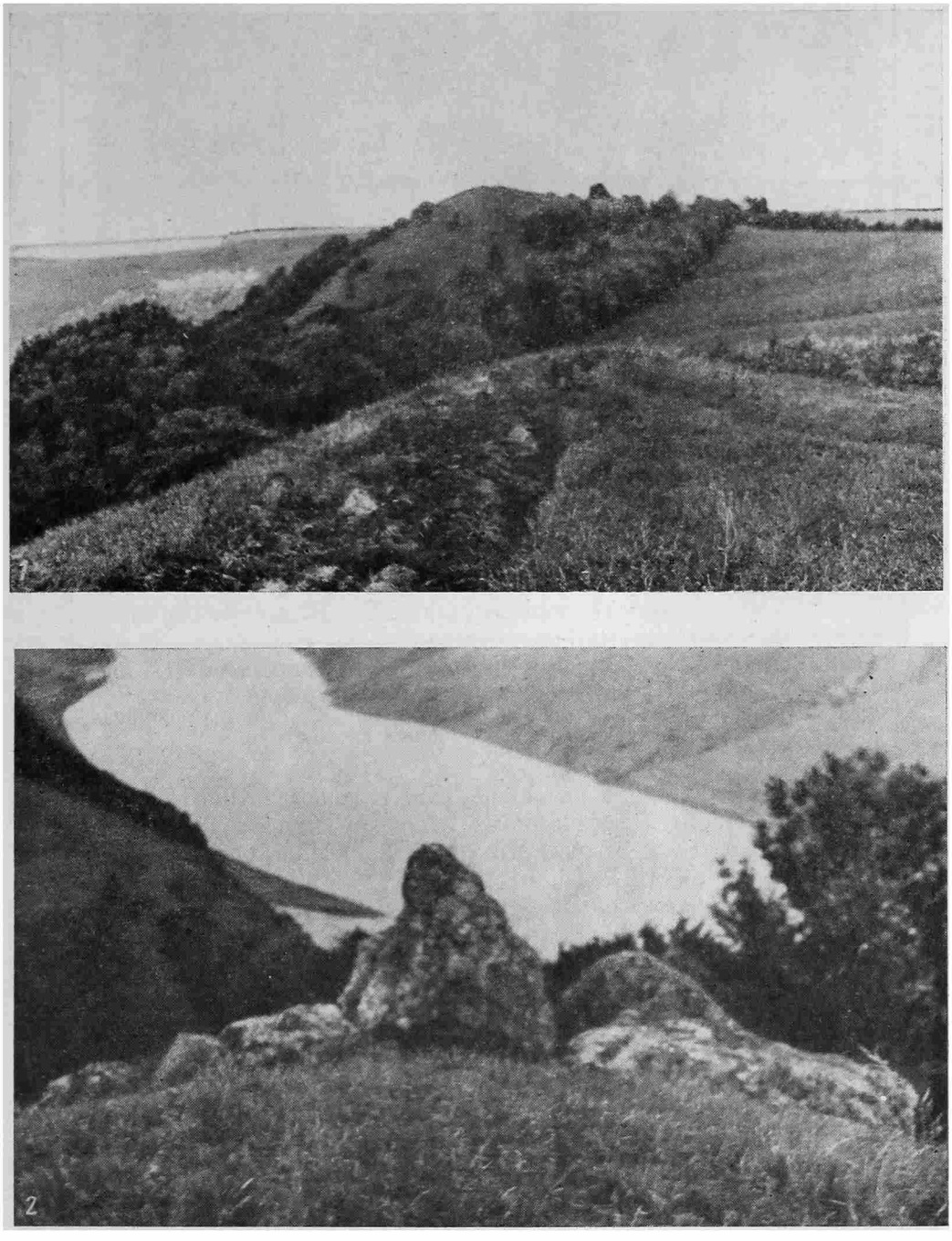


Рис. 5. Бабинское святилище. *1* — общий вид святилища; *2* — камни на конце мыса святилища

тывал и дождевые воды. Следовательно, колодец был вырублен не для добывания воды, которой было вполне достаточно в ручьях кругом холма, а имел культовое значение [2].

Находившееся на вершине холма прямоугольное, возможно, почти квадратное здание, деревянные стены которого были обмазаны глиной и внутри которого стоял большой столб (идол?) и совершено захоронение, было, по-видимому, «храмом идольским». Вокруг храма по склону холма

[2] Колодец таких же размеров был вырублен в скале на городище у с. Урич Сколевского р-на Львовской обл. Здесь в IX—X вв., до сооружения крепости, вероятно, находилось святилище, с которым связываются солярные знаки, выбитые на скалах. Второй колодец, несколько меньших размеров, расположен в окрестностях этого городища среди скал в ур. Острый камень. Рядом с колодцем до сих пор стоит каменный идол. Выражаем благодарность М. Ф. Рожко за предоставленную нам возможность ознакомиться с этими памятниками и материалами раскопок.

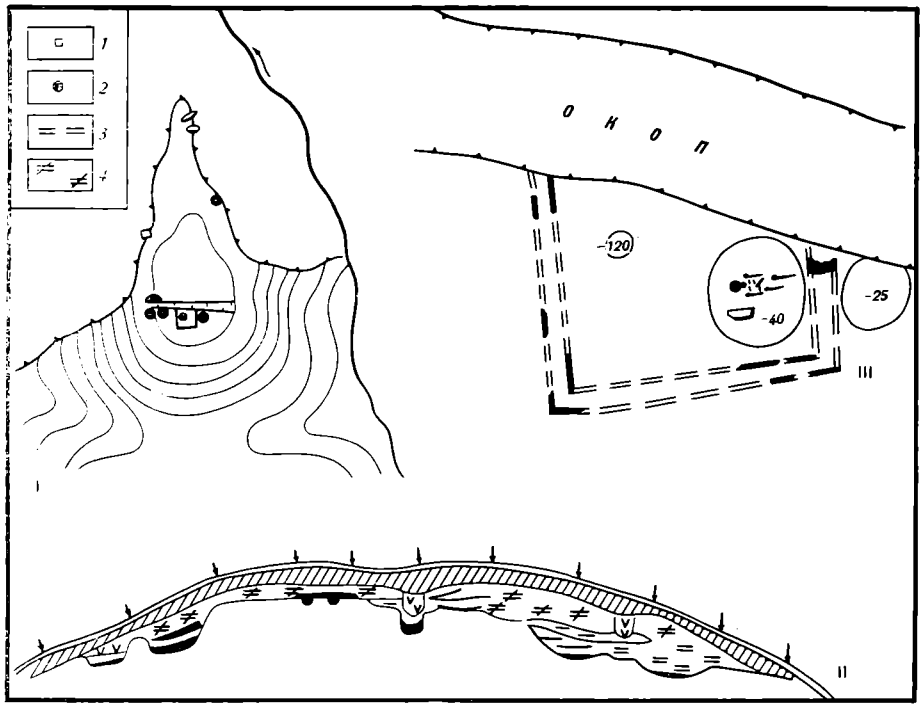


Рис. 6. Святилище у с. Зеленая Липа. I — план святилища; II — профиль сооружений; III — план раскопанного сооружения — храма; *1* — колодец; *2* — ямы; *3* — следы бревен на материке; *4* — глиняная обмазка. Остальные условные обозначения см. на рис. 1

горели огни и рядом находился священный колодец. «Храмы идольские» известны по письменным источникам[3] и исследовались на землях западных славян. Так, остатки языческого храма X—XII вв. раскопаны в Гросс Радене на территории ГДР [6, с. 19—27; 7, с. 90—91, рис. 19]. Храм представлял собой прямоугольное здание размерами 12,5×7 м, построенное из вертикально поставленных бревен, обшитых снаружи плахами. На территории Восточной Европы такого типа сооружения до сих пор не были известны.

По-видимому, такое же сооружение, как в Зеленой Липе, находилось на святилище у с. Рудники Снятинского р-на Ивано-Франковской обл., в ур. Копапа гора. Это святилище расположено в центре гнезда поселений. На трех селищах, находящихся в непосредственной близости от святилища на террасах правого берега р. Рыбница (приток Прута), обнаружены полуземляночные жилища с печами-каменками и лепная и гончарная керамика X—XI вв. Четвертое селище того же времени занято современным селом. Большое селище XII—XIII вв. находится в 3 км к югу от городища.

Рудниковское городище представляет собой сложный памятник, использовавшийся в разные периоды; здесь найдены материалы раннежелезного века и X—XII вв Восстановить планировку городища в разное время его существования будет возможно лишь после стационарных раскопок, сейчас выяснены только некоторые ее детали.

Городище занимает часть длинного отрога коренного берега р. Рыбница (рис. 8). Отрог вытянут с востока на запад, его южный склон крутой, северный переходит в ровное плато и испорчен оползнями. Городище отделено от коренного берега валом, который продолжается по южному склону холма. Валы, спускающиеся по склону, характерны для городищ раннежелезного времени. С внутренней стороны вала проходит ров, опоясывающий и западный склон городища. Часть рва была засыпана в древнерусское время, что подтверждает сооружение вала и рва

[3] В Житии св. Владимира говорится: «Храмы идольские и требища всюду раскопа и посече и идолы сокруши» [5, с. 4, 5].

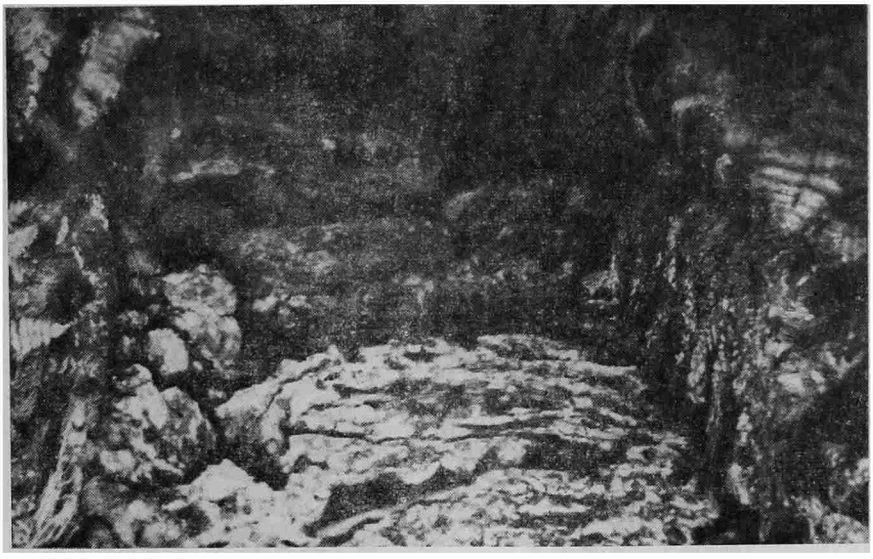


Рис. 7. Дно колодца, вырубленного в скале на святилище в Зеленой Липе

в древнейший период. Площадка городища, вероятно, тоже еще в раннее время была перерезана несколькими дополнительными рвами, благодаря чему на ней образовалось несколько конусообразных возвышений (рис. 9, *I*). На плоской вершине самого высокого из них находится площадка размерами 6×10 м. В шурфе на этой площадке обнаружены остатки здания такой же конструкции, как на святилище в Зеленой Липе. Это слой толщиной 40—50 см, состоящий из кусков глиняной обмазки с сохранившимися отпечатками бревен, ниже которого залегает углистый слой с находками керамики XI в. К сожалению, растущие на площадке деревья не дают возможности полностью вскрыть остатки стоявшего здесь здания.

Подножие возвышения, на котором стояло здание, окружено рвом. На его плоском дне обнаружено три слоя каменной вымостки (рис. 9, II). Нижняя вымостка, шириной 1,7 м, находящаяся на глубине 1 м от современной поверхности, сложена из небольших плоских камней, поверхность которых сильно обожжена. На камнях лежали угли, кости животных, иногда кальцинированные, и обломки посуды X—XI вв. Вымостка была перекрыта слоем земли, вероятно наплывшей со стенок рва, и сверху была сооружена вторая каменная площадка такого же характера. Найденные здесь обломки посуды датируются XI в. Затем ров был частично присыпан чистой глиной, и на ней выложена третья вымостка из камней, несколько меньшей ширины (около 1 м), на которой также сохранились следы сильного огня. Керамика, найденная на верхней вымостке, относится к XII в.

На западном склоне городища, на месте засыпанного рва раннежелезного времени, образовалась горизонтальная площадка, на которой сохранился культурный слой толщиной 20—30 см, насыщенный углем, остатками дерева, кусками глиняной обмазки и обломками посуды XI в. Судя по находкам и планировке этого места, на площадке был построен длинный наземный дом. Длина этого дома около 70 м, ширина 3,6 м.

По имеющимся данным, святилище в Рудниках функционировало с X по XII в. На самой высокой точке холма было сооружено деревянное здание со стенами, обмазанными глиной. Здание было окружено рвом, в котором на каменных вымостках многократно разжигался огонь. На западном склоне холма находился большой общественный дом. Длинные дома такого же характера раскопаны на многих городищах — общинных центрах [3, с. 21—129]. Они предназначались для празднеств, ритуальных пиров и других общественных нужд. По сведениям Гельмольда, на территории святилищ кроме совершаемых там жертвоприношений и

Рис. 8. Вид городища-святилища в Рудниках

пиршеств «каждый второй день недели собирался народ с князем и жрецом на суд» [8, с. 185].

Длинные дома открыты и на Ржавинском святилище (у с. Ржавинцы Заставненского р-на Черновицкой обл.). Это святилище совмещает в себе почти все наиболее характерные черты памятников такого рода [3, с. 84—90]. Небольшая округлая площадка святилища слегка повышается в центре, окружена двумя концентрическими рвами и валами, где на специально устроенных площадках горели огни (рис. 10, I, II). На святилище найден высокий четырехгранный столб, возможно стоявший первоначально в центре площадки. На склоне городища находится родник чистой воды, стенки которого обложены каменными плитами. Святилище окружено селищами культуры типа Луки Райковецкой и входит в состав большого гнезда поселений (рис. 10, III). Остатки длинных домов на святилище были открыты в 1982 г. на пространстве между валами. Здесь выявлены ровные горизонтальные площадки, идущие вдоль внешнего вала. На их месте выявлен культурный слой с углем, следами дерева и керамикой IX—X вв.

В Поднестровье известно еще одно городище-святилище, расположенное у с. Хребтиев Новоушицкого р-на Хмельницкой обл. Оно находится на высоком каменистом мысе, и его площадка с напольной стороны ограждена двумя невысокими валами [9, с. 176—177]. В центре площадки городища еще в конце прошлого века стояла «каменная баба» [10, с. 294; 11, с. 300]. Возле городища собраны обломки посуды VIII—IX вв.

Конструкция описанных святилищ в общих чертах соответствует сведениям о памятниках такого рода на других восточнославянских землях. Их основной частью являются небольшие, круглые в плане площадки, иногда с возвышением в середине, окруженные ровиком, в котором разжигались огни. Это были капища — место, где стоял деревянный или каменный идол[4]. Но буковинские святилища имеют еще ряд важных особенностей, которые пока не выявлены на других территориях.

Святилища в Среднем Поднестровье и Попрутье, в противоположность болотным городищам Смоленщины, находятся на высоких холмах, господствующих над окружающей местностью. Конфигурация расположения на них валов и рвов различна. Валы и рвы бывают концентрическими, как

[4] «Капъ» — славянское название статуи бога. Слово «идол» неславянского происхождения [13, с. 288; 12, с. 292].

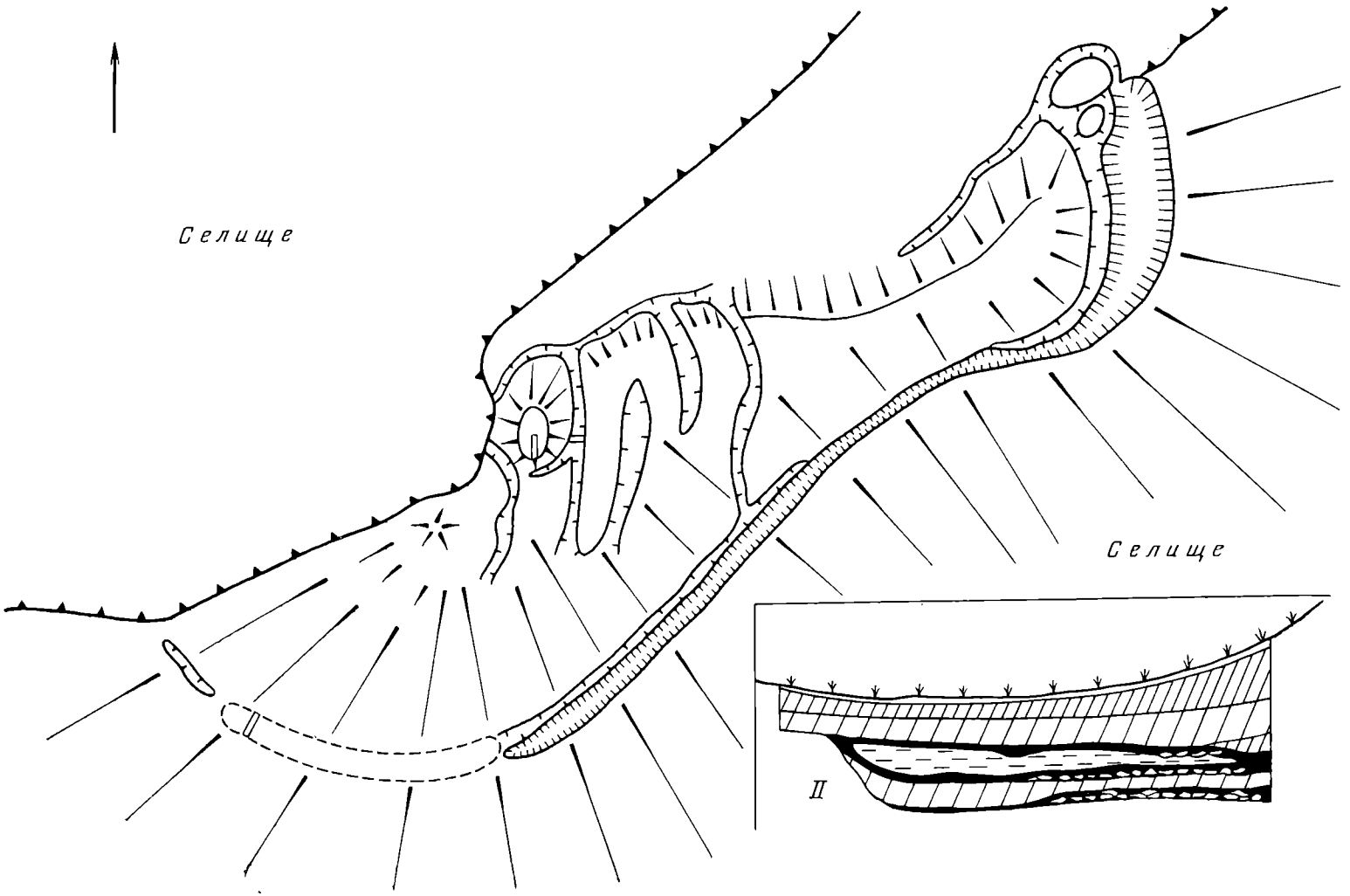


Рис. 9. Святилище у с. Рудники. I — план городища - святилища; II — профиль рва. Условные обозначения см. на рис. 1

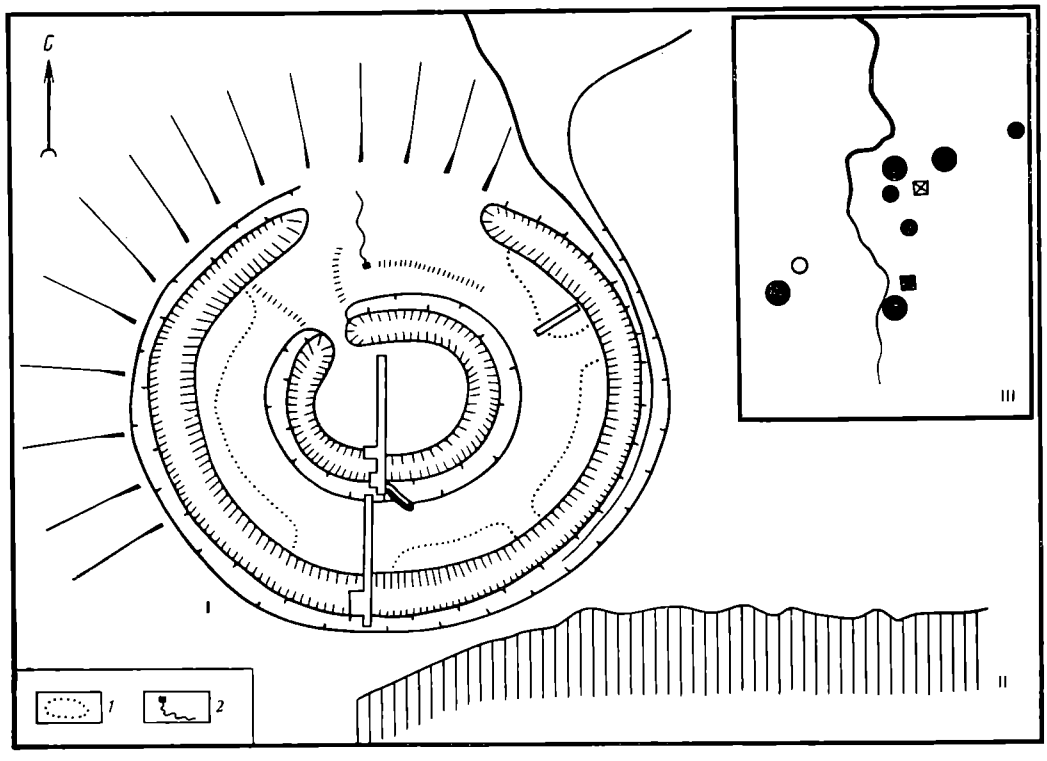


Рис. 10. Святилище у с. Ржавинцы. I — план городища-святилища; II — разрез городища; III — гнездо поселений со ржавинским святилищем; *1* — следы длинных домов; *2* — родник. Остальные условные обозначения см. на рис. 1

в Ржавинцах, или дугообразно окружают центральную площадку с напольной стороны, как в Кулешовке, иногда располагаясь по склону, как в Бабине. Выясняется конструкция валов и рвов, отличающаяся от устройства оборонительной системы на других синхронных городищах. Валы святилищ, как правило имеют плоскую вершину или ступеньку на склоне, где горели огни. Их рвы неглубокие, с плоским дном, на котором также многократно разжигались костры, помещенные часто на специально устроенных каменных вымостках. Здесь находились, вероятно, «горящие жертвенники», как их называет Б. А. Рыбаков [12, с. 279]. В костры бросали мясо жертвенных животных и ритуально разбитые сосуды. Культовое значение имели колодцы, источники воды и каменные глыбы, находящиеся на святилищах.

На пространствах между валами выделяются горизонтальные площадки, где стояли длинные дома, выполнявшие сложные общественные функции по типу контин, известных на землях западных славян. Такие дома открыты в Ржавинцах и в Рудниках, возможно, они имелись и в Кулешовке на площадках между третьим, четвертым и пятым валами. Вероятно, валы и рвы с горевшими здесь кострами и находящиеся в промежутках между ними общественные длинные дома можно рассматривать как требища [5] — «места потребления жертв и ритуального пира» [12, с. 292].

До сих пор не были известны у восточных славян деревянные языческие храмы — «храмы идольские». Прямоугольный деревянный храм со стоявшим внутри него идолом, раскопанный около с. Зеленая Липа, функционировал до середины XII в. и был уничтожен пожаром. Он существовал в то время, когда на Руси уже было распространено христианство. Вероятно, недаром этот храм был построен в уединенном месте, среди холмов и лесов. Около него нет синхронных поселений, и распола-

[5] По Л. А. Динцесу, требища — это «вся огражденная площадь, на которой совершались моления и которая включала священную рощу, идолов, жертвенник и другие культовые сооружения» [14, с. 69]. Здесь приносились жертвы («требы») богам, «и кланяются им, и требы им кладут» [15, с. 36].

гался он как бы в пограничье между густо заселенными гнездами поселений. Можно предположить, что у славян, живших на окраине древней Руси, обычай сооружать деревянные языческие храмы сложился под влиянием христианских деревянных церквей. Одна из таких церквей, раскопанная на селище Мартыновка около с. Окно Черновицкой обл., по конструкции очень близка языческим храмам [4, с. 138—140, рис. 79].

Открытые на Буковине святилища так же, как и на Смоленщине, возникли не раньше VIII—IX вв. Для их устройства требовалась значительная затрата труда сравнительно больших коллективов людей, и их сооружение, вероятно, еще было не под силу мелким патриархальным общинам VI—VII вв. Все святилища, за исключением храма в Зеленой Липе, были окружены синхронными им селищами и являлись культовыми центрами больших гнезд поселений. Функционировали святилища довольно длительное время, на некоторых из них видны позднейшие перестройки. Прекратили они свое существование в XI — середине XII в., уже после христианизации. В это время структура заселения территории стала совсем другой, гнезда поселений распались, их городища — общинные центры были уничтожены и уступили свое место новым феодальным центрам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982.
2. *Седов В. В.* Языческие святилища смоленских кривичей.— КСИА, 1962, вып. 87.
3. *Тимощук Б. О.* Слов"яни Північної Буковины V—IX ст. Київ: Наук. думка, 1976.
4. *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. Київ: Наук. думка, 1982.
5. Память и похвала Владимиру и его житие.— Зап. Академии наук по историко-филологическому отделению, 1897, т. I.
6. *Herrmann J.* Zu den kulturgeschichtlichen Wurzeln und zur historischen Rolle nordwestslawischer Tempel des frühen Mittelalters.— Slovenská archeológia, 1978, № 1.
7. *Герман И.* История и культура северо-западных славян.— В кн.: Наука и человечество. М.: Знание, 1980.
8. *Гельмольд.* Славянская хроника / Пер. Л. В. Разумовского. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
9. *Брайчевский М. Ю.* Археологічна розвідка в Новоушицькому районі Хмельницької області.— АП, 1955, т. V.
10. *Сецинский Е.* Археологическая карта Подольской губернии.— Тр. XI АС, 1901, т. I.
11. *Гульдман В. К.* Памятники старины в Подолии. Каменец-Подольский, 1901.
12. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
13. *Нидерле Л.* Славянские древности. М.: Изд-во иностр. лит., 1956.
14. *Динцес Л. А.* Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства.— СЭ, 1947, № 2.
15. *Фаминцын А. С.* Божества древних славян. Спб., 1884.

B. A. Timoshchuk, I. P. Rusanova

SLAVONIC SANCTUARIES IN THE MIDDLE DNIESTER AND THE PRUT BASIN

Summary

Lately discovered fortified settlements-sanctuaries of the 9th-12th centuries are usually situated on high hills. Their central grounds, nearly oval and not big (from 7 to 20 m in diameter), often with a small central eminence, are surrounded with shallow moats, in which fires were built on stone foundations. The ramparts were either concentric (Rzhavintsy), or arch-like (Kuleshovka, Babin, Nagoryany) and had flat tops or flat grounds on the slope where fires were also built. Animal bones and broken vessels were found on these places. Wells, springs and large stones also had religious meaning. Remnants of long communal houses were discovered in Rzhavintsy and Rudniki.

The sanctuary at the Zelenaya Lipa village yielded traces of a rectangular temple. Its walls were made of horizontally placed clay-plastered logs. Inside there was a wooden idol and a burial.

The sanctuaries were the religious centres of big groups of settlements typical of the communal system then prevalent among the Slavs.

ЭРДЕЛИ И.

КАБАРЫ (КАВАРЫ) В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ

В венгерской исторической и археологической научной литературе с давних пор был поставлен вопрос о размещении трех каварских (кабарских) племен, присоединившихся к венграм еще до обретения ими родины. Однако на территории Карпато-Дунайского бассейна кабары, как и другие древневенгерские племена, не прослеживаются. Что касается венгерских племен, то это объясняется методологической ошибкой, поскольку у древних венгров в конце IX в. давно уже не существовало племенной организации, и в связи с этим они не расселялись по племенам. Кавары, будучи последним племенем, присоединившимся к венграм, в принципе могли быть размещены компактно. Но топонимы, которые можно было бы связать с ними, не подтверждают этого. Такие названия, как *ковар* на территории северной Венгрии, *козар* на юге Задунавья, *берцел* (=барсил) на Тисе и др., разбросаны по многим областям, что означает, по-видимому, распространение кавар на достаточно широкой территории (рис. 1).

Некогда археологами была высказана гипотеза, что самые роскошные древневенгерские находки из погребального инвентаря принадлежали каварам. Однако это было опровергнуто исследователями, поскольку эти находки, как и топонимы, встречаются почти по всей территории Венгрии. В дальнейшем было выдвинуто предположение о том, что ряд находок, относящихся к IX в., могут быть связаны с каварами.

В начале 1972 г. при добыче глины для кирпичного завода в окрестностях дер. Челарево в Югославии был обнаружен интересный могильник. В том же году под руководством Р. Бунарджича были проведены разведочные раскопки, в результате чего до конца 1973 г. удалось спасти 263 погребения[1]. Публикация материала этих раскопок вышла лишь в 1979 г.[2] [2, с. 33–67].

Часть погребений (16) представляет собой захоронения с конем и сбруей. Среди украшений сбруи доминируют характерные большие фалары. Костяк лошади помещался как слева, так и справа от мужского скелета; их ориентировка совпадала. Помимо погребений с конем было обнаружено также отдельное конское погребение. Во многих мужских погребениях обнаружены богатые поясные наборы, украшенные орнаментом в виде виноградной лозы. Среди них один изготовлен из позолоченной бронзы (погр. 203).

За исключением кинжалов, оружие почти не было представлено в могильнике. Керамика во многих погребениях — желтая гончарная. Один кувшин украшен орнаментом, нанесенным ангобом в виде больших кругов (погр. 168), который может быть прослежен на постсасанидских тканях. Этот орнаментальный прием напоминает орнамент сосудов из клада из Надьсентмиклоша. Случайная находка на могильнике — позолоченная

[1] К сожалению, бóльшая часть могильника была уничтожена еще до раскопок. В процессе спасательных раскопок, в которых принял участие Ш. Надь, обративший мое внимание на эти находки, удалось вскрыть 77 мужских, 71 женское, 60 детских и 45 погребений, пол которых установить не удалось. Все погребения были с трупоположениями, без сожжения, в некоторых могилах скелеты полностью истлели. Лишь небольшая часть могильника осталась не вскрытой. Рядом с могильником некогда находилось и поселение, которое было уничтожено при разработках глины [1].

[2] План могильника был опубликован позже, без нумерации погребений в каталоге Белградской выставки семисвечников [3].

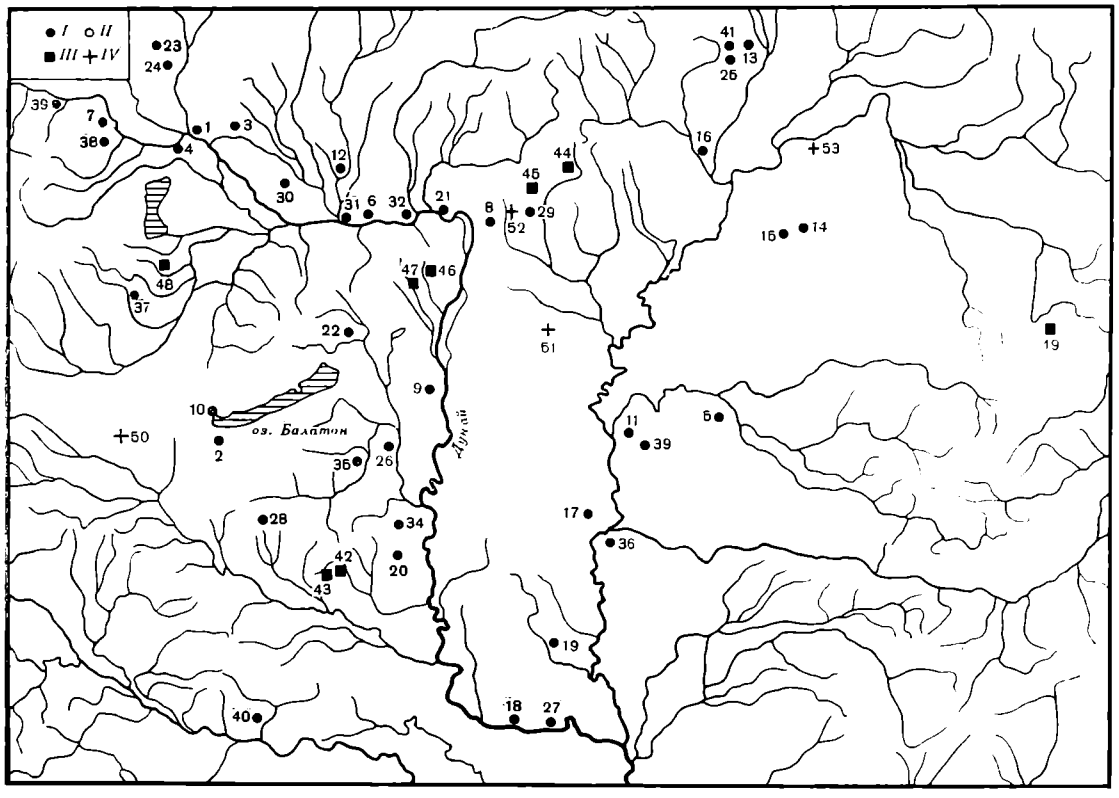


Рис. 1. Карта распространения памятников и топонимов хазарского происхождения. *1* — Девинска Нова Вес; *2* — Залакомар; *3* — Бернолаково; *4* — Эделстал; *5* — Бекешчаба-Дюда; *6* — Житавске Тонь; *7* — Вна-Унтер Санкт Вейт; *8* — Сирак; *9* — Дунауйварош; *10* — Кестхей-Фенекпуста; *11* — Сентеш-Берекхат; *12* — Нове Замки; *13* — Лемешань; *14* — Дебрецен-Ондод; *15* — Хортобадь-Аркуш; *16* — Бёч; *17* — Сегед-Маккошэрдё; *18* — Челарево; *19* — Фекетич; *20* — Эржебет; *21* — Соб; *22* — Варпалота-Гимназиум; *23* — Дразенгофен; *24* — Мистельбах; *25* — Шебастовцы; *26* — Шарсентлёринц; *27* — Бачка Паланка; *18* — Топонар; *29* — Пасто; *30* — Холиаре; *31* — Комарно-Хайодьар; *32* — Паркань-Штурово; *33* — Сентеш-Надьхедь; *34* — Морадь; *35* — Регёй; *36* — Нови Кнежевац; *37* — Рохниц; *38* — Мюнхендорф; *39* — Кацелсдорф; *40* — Бродски Дреновац; *41* — Барца; *42* — Надькозар; *43* — Козармишлень; *44* — Казар; *45* — Козард; *46* — Козар; *47* — Козаром; *48* — Козари; *49* — Козарвар (Куздриоара, Рум); *50* — Берцелке; *51—53* — Берцел. I — могильники с большими фалярами; II — могильники без фалар, но с аналогичными находками; III — топонимы казар-козар; IV — берцел

бронзовая бляшка в виде орлиной головки (рис. 2, *1*) стилистически близка головке птицы на сосуде 2 из упомянутого клада.

Среди наиболее интересных находок могильника следует упомянуть кирпичи (70 шт.) из кладки римского времени, на которых нанесены граффити, изображающие семисвечники (рис. 3). Процарапывание было совершено значительно позже обжига, поскольку многие рисунки сделаны на обломках кирпичей, в соответствии с чем рисунок семисвечника либо увеличен, либо уменьшен. Эти кирпичи были положены в погребения, по-видимому, с определенной целью (рис. 4). К сожалению, значительная часть кирпичей с семисвечниками происходит из нарушенных погребений.

Впервые всесторонний анализ находок больших фалар конского убора был проведен И. Ковриг[3] [4, с. 4], а несколько лет тому назад оценку им дала З. Чилинска [5, с. 125—132]. По ее мнению, могильники, в инвентаре которых были большие фалары, располагались по окраинам Аварского каганата. Однако материалы с территории современных Дебрецен-Ондод или Хортобадь-Аркуш, Залакомар, Сегед-Маккошэрдё опровергают эту точку зрения[4]. Подобные могильники известны на окраинах Карпат-

[3] При интерпретации больших фалар автор связывает их с народом, отколовшимся от хазар.

[4] Мною, еще в 1976 г. в докладе, прочитанном в г. Новый Сад, указывалось на необоснованность этой точки зрения.

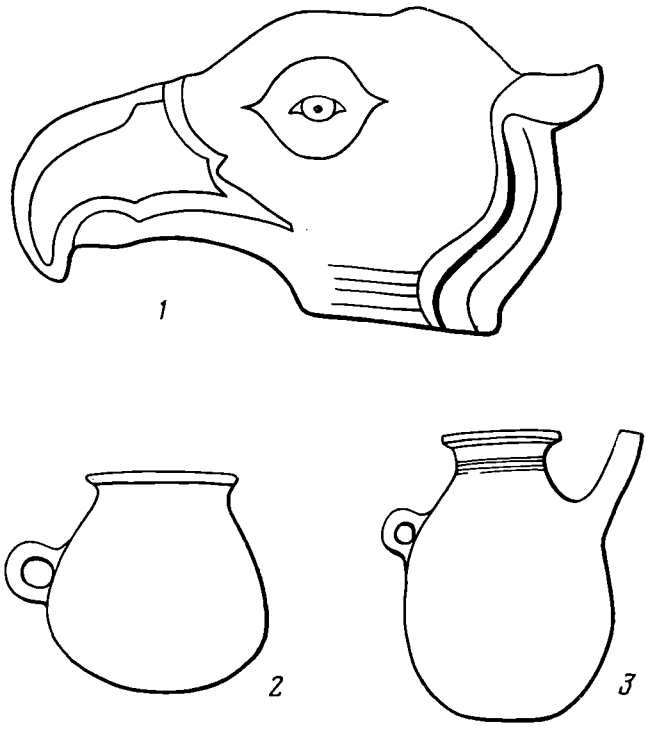


Рис. 2. Находки из мог. Челарево: *1* — литая бронзовая накладка ремня; *2* — кувшин из погр. 40; *3* — кувшин со сливом из погр. 162

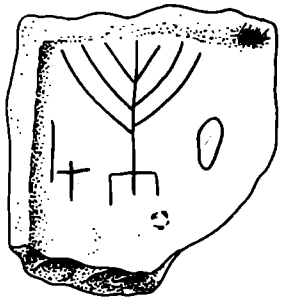
ского бассейна, например в Словакии: Комарно, Девинска Нова Вес, Житавске Тонь. Возможно, здесь располагались «сторожевые поселения», такие, как в Лемеше, Холиаре, Шебастовцах, Бернолаково, а также Дразенгофене, Мистельбахе, Вене-Унтер Санкт Вейте в Австрии и Фекетиче, Бачке Паланке и др.— на юге в Югославии.

Р. Бунарджич считает челаревские погребения позднеаварскими. Он датирует могильник рубежом VIII—IX вв. Анализ по C_{14}, проведенный на образцах костей, взятых из парного погребения 244—244 А (Британский Музей, 1394), указывает на 969±66 гг. Если эту дату скоррегировать к нижней границе, то возникновение могильника может быть отнесено к эпохе обретения венграми родины — рубежу IX—X вв. Очевидно, результат, полученный при анализе единственного образца кости, с большим трудом может быть помещен в типологически устанавливаемую хронологию. Следует упомянуть, что в 1958 г. историк Д. Дьёрффи считал, что пояса позднеаварского времени с грифоно-лозовым орнаментом могут быть связаны с венграми эпохи обретения родины и отнесены к более позднему времени, чем это считали прежде. Он датировал их IX—X вв. [6, с. 613—614]. Это мнение было отвергнуто большинством археологов. Позднее И. Ковринг [7] предлагала датировать появление могильников с «большими фаларами» 30-ми годами IX в. Однако подтвердить это данными письменных источников ей не удалось.

Попытаемся определить этническую принадлежность могильника Челарево, исходя из двух хорошо известных фактов: 1) венгры в 862 г. во время похода против франков заходили в Карпатский бассейн; 2) в 861 г. кавары сражались в окрестностях Вены [8, с. 76].

Самой необычной находкой в могильнике являются кирпичи с семисвечником. У автора отчета Р. Бунарджича не вызывает сомнения, что здесь присутствуют элементы иудейского погребального ритуала. Однако более глубокому исследованию он это не подвергает. Он считает также, что кирпичи могли происходить из близлежащего древнеримского поселения.

Очевидно, на кирпичи римского происхождения при их вторичном употреблении был нанесен прочерченный рисунок, изображающий семи-



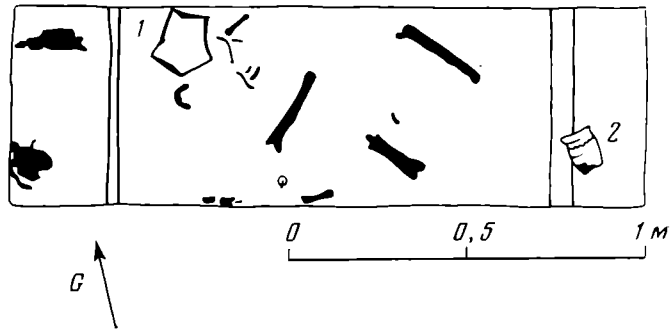


Рис. 3 Рис. 4

Рис. 3. Кирпич из могильника Челарево с изображением семисвечника
Рис. 4. План погр. 231 (женское). *1* — кирпич; *2* — сосуд

свечник. Этот семилучевой канделябр, в котором горело масло, а позже свечи (рисунок изображает его стоящим на маленьком постаменте), является важнейшим атрибутом иудейского ритуального искусства. Это изображение встречается, начиная с древнейших времен [9, с. 140—142]. На челаревских находках около семисвечника, справа и слева от него, помещены символические изображения. Одно из них представляет собой шофар (рог барана), другое, вероятно, этрог (райское яблоко) [10]. Сам семисвечник является символом вечной жизни [11, с. 104]. Кроме того, он символизирует древо жизни и «заменяющее» его оливковое дерево. Таким образом, эти изображения не случайно попали в погребения. Скорее всего наше предположение о том, что часть погребений челаревского могильника принадлежала группе населения, исповедывавшего иудаизм, справедливо. Заимствован иудаизм, очевидно, был из Хазарского каганата [5]. С этим ранним государственным образованием у древних венгров в IX в., а возможно, и в более ранний период существовали тесные связи, и, по мнению некоторых исследователей, эти отношения поддерживались на протяжении многих лет. Среди вышедших из Хазарского каганата кавар, по-видимому, какая-то часть придерживалась иудейского вероисповедания. Некоторые исследователи считают, что хазарский правитель Булан вместе со своим ближайшим окружением в самом конце VIII в. (может быть, более точная дата — 800 г.) принял иудаизм. Принятие хазарами иудаизма ряд ученых относят к еще более раннему времени — к 730—731 гг. Позднее каган Обадях (Сабриел) в 863 г. стал исповедывать более строгий талмудизм [15, с. 86—96, 159—168]. Многие оспаривают эту дату и относят переход к талмудизму к периоду до 815 г., т. е. ко времени восстания, вспыхнувшего из-за проводимых каганом политических и религиозных реформ [16, с. 286—287; 17; 18, с. 101]. Вслед за этим событием последовал уход из каганата каварских племен. Известно, что три каварских (повстанческих) племени примкнули к венграм «из народности хазар» [20, гл. 39; 8, с. 114]. В 881 г., как уже

[5] В связи с моим докладом, прочитанным 17 ноября 1980 г. на кафедре арабистики Будапештского университета имени Л. Ётвёша, проф. К. Цегледи обратил мое внимание на то, что лишь правящий слой Хазарского каганата был иудейским по своему вероисповеданию, но не исключено, что личная охрана кагана, в частности арсии, которых считают выходцами из областей, примыкающих к Хорезму, по-видимому, были мусульманами. Но в свите кагана среди арсиев также были иудеи по вероисповеданию [12, с. 46]. Таким образом, часть воинов, например, по языку могли быть иранцами, а по вероисповеданию — иудеями. Находки в могильниках с погребениями с конем и большими фаларами по своему характеру являются ярко выраженными «иранскими» и носят признаки сасанидского стиля. В некоторых погребениях наблюдались следы ритуальных действий с огнем, например погр. 34 могильника в Бернолаково с трупосожжением (но не славянское) [13, с. 46]. Следы сожжения были зафиксированы во многих местах, так, например, в 114 погребениях могильника Девинска Нова Вес [14]. Ш. Сатмари считает, что могильник продолжает существовать и в IX в. В могильнике монголоидных типов не обнаружено. Была вскрыта одна могила (№ 319) с подбоем. Ориентировка могил необычна, в 883 могилах погребенные лежали головами на юго-восток.

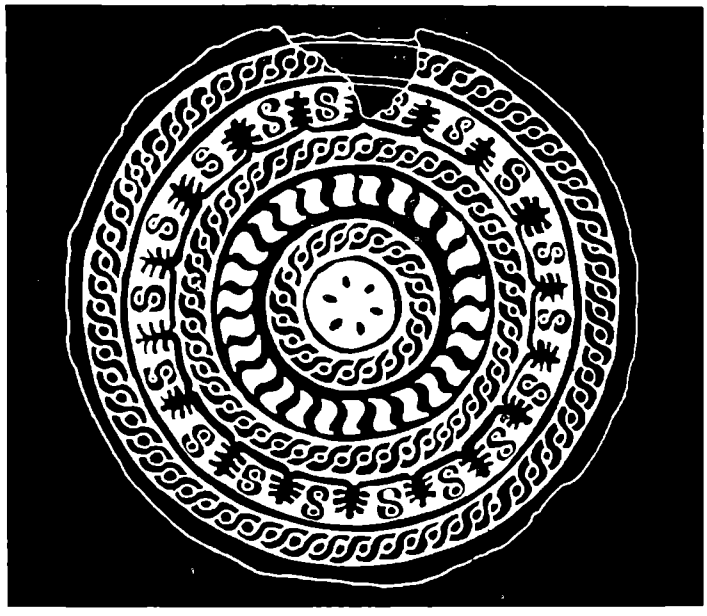


Рис. 5. Железный фалар с серебряной инкрустацией

упоминалось, кавары сражались на стороне венгров под Веной. Между прочим, по своей языковой принадлежности кавары относятся к тюркам.

В погребениях с большими фаларами, принадлежащими конскому убору, среди находок были обнаружены предметы, представляющие особый интерес. К ним относятся, например, литые бронзовые бляшки с пунсонным фоном, по форме напоминающие головы кабана [21], грифона[6] (Комарно), или, чаще всего, голову лошади, иногда капитель колонны. Аналогии им находим лишь в салтово-маяцкой культуре на территории юго-восточной Европы (Дмитриевское, Песчанка) [22, с.165]. Обычно на них прослеживается единый по своему характеру, так называемый иранский стиль. На некоторых из фаларов тесно расположенная S-видная инкрустация (рис. 5) напоминает орнамент на сасанидских блюдах, несколько более ранних. Литые фалары из Варпалоты изображают голову иранского чудовища Кхиртумукхи [23, 25]. Несколько расплывчатое, но в общих чертах похожее изображение встречается на некоторых фаларах из Холиаре. Полное представление об этом стиле мы сможем получить лишь тогда, когда наконец будут опубликованы материалы раскопок таких важнейших могильников, как Хортобадь-Аркуш и Топонар[7], а также Залакомар[8], где были обнаружены самые красивые и богато украшенные бляхи. На них имеются не только зооморфные (змеи, грифоны и т. п.), но и антропоморфные изображения (Хортобадь-Аркуш)[9].

В материалах VIII—IX вв. салтово-маяцкой культуры и с примыкающих к ней территорий содержатся элементы, тесно связанные с находками в Карпатском бассейне этого времени. Там также, хотя и не в большом количестве, известны погребения с конем (например, Нетайловка, около Верхнего Салтова) [26]. Оформление сабель из Дмитриевского могильника идентично аналогичным находкам в могильнике Девинска Нова Вес, откуда происходят и султаны, указывающие на связь с салтовским кругом памятников [22].

Среди восточных находок фалары до настоящего времени не были известны. Они встречены лишь на изображениях лошадей в орнаменте серебряных чаш и блюд. Частично они известны нам из альбома

[6] Из раскопок 1980 г. Ш. Тругли. Сообщение И. Сентпетери с разрешения руководителя раскопок.

[7] Раскопки Е. Н. Симоновой.

[8] Раскопки Б. Сёке и Л. Вандора.

[9] Неопубликованные данные из раскопок Э. Х. Тот.

Н. И. Смирнова [27] и происходят из следующих местонахождений: Нижнешахаровки (Пермская обл.), датирующейся не позже VII в.; Керчевы (Чердынский р-н) и Вереино (Пермская обл.). Позже множество серебряных блюд было опубликовано И. А. Орбели и К. В. Тревер [28]. Одно из них было приобретено в Тбилиси (местонахождение неизвестно). О блюде из Керчевы авторы пишут, что на нем изображен Варахран I.

Более мелкие бляхи, чем фалары аварской эпохи, изображенные на среднеазиатских фресках, можно считать предшественницами аварских фалар, однако по времени идентичные им бляхи с изображениями нам неизвестны. Исключение, по-видимому, составляет фалар из Галиата, выполненный техникой прессовки и относящийся к самому началу VIII в.

Все собранные к настоящему времени факты неоспоримо свидетельствуют об очень слабой связи комплексов, характеризующихся погребениями коней и большими фаларами IX в., с археологической культурой венгров эпохи обретения родины. Интересно, что в могильниках с большими фаларами совсем не встречаются арабские диргемы, тогда как в могильниках эпохи обретения венграми родины, расположенных к востоку от Дуная, эти находки довольно часты. Вполне возможно, что объяснить это можно приходом сюда несколькими десятилетиями раньше кавар.

Разнообразие типов орнамента на металлических предметах и методов его нанесения, различные варианты погребений с конем свидетельствуют о том, что тюркоязычные этнические элементы, скрывающиеся под общим именем кавар, обладали иной археологической культурой, чем древние венгры, и, таким образом, их искусство носило другой характер, чем древневенгерское. Образцы орнаментов, прослеженные на упомянутых бронзовых бляхах, дают возможность говорить о сильном иранском влиянии. Однако это влияние имело здесь совершенно иные источники, чем влияние, оказанное на искусство венгров эпохи обретения родины. Обнаружить мастерские, где изготовлялись эти предметы,— задача будущего.

Обобщая все изложенное, можно сделать следующие выводы.

Могильник в Челареве по характеру найденного в нем материала не единственный в Карпатском бассейне. В настоящее время известно около 40 аналогичных памятников, где почти в каждом могут быть найдены погребения с конем и конский убор с большими фаларами. В могильниках Бродски-Дреновац и Барца фалары не были найдены. Однако в Бродски-Дреноваце обнаружены три погребения с конем, а также короткий франкский меч IX в. типа DX [29].

До сих пор изображения семисвечника были обнаружены лишь в Челареве. Можно высказать предположение, что этот могильник принадлежит каварским племенам, присоединившимся к венграм эпохи обретения родины. Некоторые из кавар, пришедших из Хазарии, придерживались, видимо, иудейского вероисповедания. Необходимо исследовать аналогичные могильники, перечисленные в данной статье, и обосновать предполагаемую нами датировку — вторая половина — конец IX в. [10]

При описании погребений с конем IX в. следует провести сравнение костяков лошадей, но подобного рода исследование еще не проведено. Эти данные могут иметь большое научное значение. Определение костяков лошадей из Челарева (остатки 20 особей) было проведено Ш. Бёкёни. Прочие остатки животного происхождения следующие: кости курицы, яичная скорлупа (из многих могил) и в основном кости крупного рогатого скота и овец.

Анализ антропологического материала из Челарево свидетельствует о большой степени монголоидности населения, оставившего могильник [34, с. 1; 47, 51]. Обработка антропологического материала других идентичных могильников пока не производилась.

---

[10] Для доказательства того, что авары продолжали существовать в IX в. был предпринят ряд попыток [30; 31, с. 249, примечание]. В этом отношении по неправильному пути пошел Д. Чаллань [32, с. 39—48], хотя упомянутые им несколько находок (табл. IV—V) IX в. входят в круг искусства больших фалар [33, с. 83].

В эпоху Арпадов кавары как сторожевые группы войск поселились во многих областях, а не только по окраинам страны. Топонимика, связанная с ними, обнаруживает большую разбросанность. Однако об их расселении ранее XII в. на основании данных топонимики мы судить не можем, поскольку, как правило, более ранние письменные сведения о поселениях не сохранились. Если могильники с большими фаларами в конском уборе действительно принадлежат отколовшимся от хазар каварам, то мы уверенно можем говорить о местонахождении ранних каварских поселений. На севере они располагаются дугой, которая охватывает Моравскую территорию. В других местах они размещались у переправ или при пересечении дорог (таможенные заставы?), около стратегически важных пунктов.

В заключение хотелось бы указать на то, что салтово-маяцкая культура предоставляет большие возможности для сравнительного изучения памятников аварской эпохи и памятников IX в. с территории Венгрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Nagy S.* Paralellen des Steines von Aracs in der Woiwodina.— Alba Regia, Székesfehérvár, 1979, v. XVII.
2. *Бунарджич Р.* Извештай са заштитног ископавана раносредньовековне некрополе на локалитету «Циглана» код Челарева.— Грађа за проучаване с поменика културе Војводине. Т. VIII—IX. Нови Сад, 1978—1979.
3. Menore iz Čelarevo. Beograd. 1980.
4. *Kovrig I.* Az alattyáni avarkori temető: Kand. diss. tézisei. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1960.
5. *Čilinská Z.* Zur Frage der Wachtsiedlungen an der Mittleren Donau.— In: Problemi Seobe Naroda u Karpatskej Kotlini. Novi Sad, 1978.
6. *Györffy Gy.* A magyar nemzetségtől a vármegyéig, a törzstől az országig.— Századok, Budapest, 1958, v. 92.
7. *Kovrig I.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán. Budapest, 1963.
8. *Macartney C. A.* The Magyars in the ninth Century. Cambridge, 1968.
9. *Wirgin W.* The Menorah as Symbol of Judaism.— Israel Expl. J. Jerusalem, 1962, v. 12, fasc. 11.
10. *Roth C.* Die Kunst der Juden, T. I. 1963.
11. *Wirgin W.* The Menorah as Symbol of After Life.— Israel Expl. J. Jerusalem, 1964, v. 14, fasc. 2, 4.
12. *Göckenjahn H.* Hilfsvölker und Grenzwächter im mittelalterlichen Ungarn. Wiesbaden, 1972.
13. *Točik A.* Pohrebny ritus na pohrebiskach v Holiaroch a Šturove.— SlA, 1970, XVIII, 1.
14. *Szatmári S.* A dévéhyujfalui temető etnikai és történelmi problémái.— Komárom megyei Múzeumok Közleményei, 1968, 1.
15. *Gyoni M.* Kaliozok, kazárok, kabarok, magyarok.— MNy, 1938, XXXIV.
16. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
17. *Pletnowa S. A.* Die Chasaren. Leipzig, 1978.
18. *Bálint Cs.* A honfoglalás kori lovastemetkezések.— A Móra F. Muzeum Évkönyve, 2. Szeged, 1971.
19. *Erdélyi I., Kádár Z., Ojtozi E.* A kazárok történetének első összefoglalása.— AÉ, 1965, 92.
20. *Konstantinos Porphyrogenitos.* De administrando imperio/ford. Moravcsik Gv. Budapest, 1950.
21. *Bárdos E.* Avar temető Kaposvár határában. Somogyi Muzeumok Közleményei, 1978.
22. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
23. *Erdélyi I., Németh P.* A Várpalot-gimnáziumi avar temető.— A Veszprém Megyei Muzeumok Évkönyve, 1969, v. 8.
24. *Erdélyi I.* Az avarság és Kelet a régészeti források tükrében. Budapest, 1982.
25. *Čilinská Z.* Nové nalezy falér slovansko-avarskih pohrebisk na Slovensku.— SlA, 1961, IX, 12.
26. *Березовец Д. Т.* Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг.— КСИА АН УССР, 1962, вып. 12.
27. *Смирнов Н. И.* Восточное серебро. Спб., 1909.
28. *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1935.
29. *Vinski K., Gasparini-Ercegović S.* Ranosrednjovekovno groble u Brodskom Drenovcu.— Vjesnik Arheološkog Muzeja u Zagrebu, 1958, ser. 3.1.
30. *Szatmári S.* Das spätawarische Fundmaterial der Randgebiete.— A Móra F. Muzeum Évkönyve. Szeged. 1970.
31. *Tomka P.* Le probléme de la survivance des avars dans le litterature archeologique hongroise.— AOH, 1971, v. XXIV, fasc. 2.
32. *Csallány D.* A X. századi avar továbbélés problémája. Szabolcs-Szatmári Szemle. Nyiregyháza, 1956.

33. *Csallány D.* Szabolcs-Szatmár megye avar leletei.— A Nyíregyházi Jósa A. Muzeum Évkönyve 1958. 1. Nyiregyháza, 1960
34. *Živanović S.* Skeletons of the mongolian population from Čelarevo (Vojvodina).— Folia Anatomica Jugoslavica. Belgrad. 1977.

I. Erdélyi

THE KABARS (KAVARS) IN THE CARPATHIAN REGION

Summary

The author forwards a hypothesis according to which the finds in the Čelareva burial ground (Yugoslavia) and analogous materials on the territory of Hungary, Czechoslovakia and Austria originated from the Kabar sites and are of Khazar origin. It is supported by finds of bricks in some Čelareva burials carrying Judaic symbols. The sites are dated by the author to the 9th century A. D.

СЫРКИНА И. А.

КЛАД С ГОРОДИЩА ЛОРВОЖ (XII в.)

В путевом журнале известного ученого, хранителя Тобольского губернаторского музея Н. Л. Скалозубова, под 1896 г. сохранилась запись: «Шурышкарские Юрты... Около Юрт (саженях в 400), на берегу р. Оби, находится городище — Лорваш. Предание говорит, что здесь когда-то жил славный шаман. Когда в край пришли русские, он, предвидя конец господству остяков, встал над краем и на трех белых оленях бросился в воды Оби. Остяки чтут это место, и доселе редкий пройдет мимо этого городища, не бросив чего-нибудь в воду. Берег, где расположено городище, рвет водою, на берегу часто находят стрелы и какие-то «китайские» вещи» [1, с. 10—11].

Городище Лорвож (хант. город-на-сору), о котором идет речь, по преданию аборигенного населения, некогда принадлежало среднеобским хантам, часть которых бежала из городов, разрушенных низовскими хантами («манзи», «касымскими хантами») [1]. Но и после прекращения жизни на городище оно продолжало пользоваться большим почитанием у местного хантейского населения. Вода из сора [2], на берегу которого находился Лорвож, считалась священной, и пить ее запрещалось. В с. Шурышкарах существовало даже специальное лицо, считавшееся хранителем святого места. Русскому же населению старое название городища неизвестно. Они называют мыс Лорвож «Белой горой» за светлый песчаный откос, интенсивно размываемый водами р. Оби.

Городище в 60—70-х годах XX в. неоднократно посещалось археологическими и этнографическими экспедициями, но раскопки на нем не производились. Собранные местными жителями у подножия «Белой горы» вещи передавались частично участникам экспедиций [3], частично в Салехардский музей. Есть в с. Шурышкары и частные коллекции. В 1976 г. сотрудникам экспедиции Тобольского музея, работавшей в Ямало-Ненецком национальном округе, были переданы: Коноваловым Владимиром Филлиповичем из пос. Мужи — три серебряные нашивные пластины и накладка на крышку шкатулки, т. е. часть клада с «Белой горы»; учеником шурышкарской школы Рочевым Николаем — коллекция вещей (497 предметов), сорванных им на берегу сора близ «Белой горы» [2]. В 1977 г. Тобольский государственный музей-заповедник организовал археологическую экспедицию для уточнения характера и хронологических рамок памятника [3].

В результате проведенных работ выявилось, что археологический памятник находится в 300 м от северной окраины с. Шурышкары и в свое время состоял из поселения (городища) и жертвенного места (рис. 1). Располагались они на обской коренной террасе (высота 18—20 м), а точнее на двух мысах — «Белой горе» (поселение) и «Черной горе» (жертвенное место), разделенных оврагом, по которому протекает ручей, образующий заболоченность у подножия «Черной горы». Но именно здесь, у откоса «Черной горы», по словам местных жителей, были сделаны все самые ценные находки. Обследование экспедицией берега сора у подножий «Белой горы» и «Черной горы» дало небольшую коллекцию кера-

[1] Сообщение Е. Т. Кондыгина (рожд. 1927 г., с. Шурышкары), Л. Моксарова (рожд. 1919 г., с. Шурышкары).

[2] Сор — обширная пойма, род залива, соединенного проливом с рекой.

[3] По сообщению проф. Л. П. Лашука, этнографической экспедиции МГУ было передано в с. Шурышкары серебряное блюдо и другие вещи с «Белой горы».

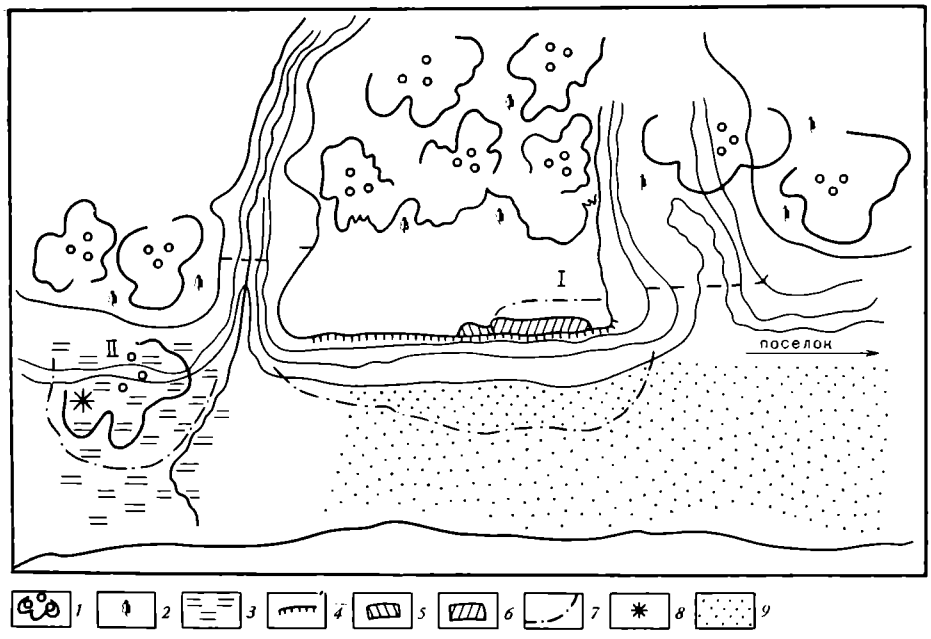


Рис. 1. План жертвенного места и городища Лорвож: *1* — кустарник; *2* — деревья; *3* — заболоченная почва; *4* — обрыв; *5* — траншея; *6* — раскоп 1977 г.; *7* — граница размытого культурного слоя с единичными находками; *8* — место клада серебряных вещей; *9* — песок; I — поселение XVI—XVIII вв. («Белая гора»); II — жертвенное место («Черная гора»)

мики, украшений. Шурфовкой на «Черной горе» и у ее подножия установлено, что культурный слой на жертвенном месте полностью разрушен.

Материал из размытого слоя городища Лорвож и жертвенного места позволяет утверждать, что памятник существовал по крайней мере в X—XII вв., а затем в XVII—XVIII вв. Об этом свидетельствует керамика кинтусовского типа, украшенная полулунным штампом и гребенкой, обычной и овальной. Орнамент нанесен небрежно, в основном по принципу отступающего штампа. Лепка сосудов грубая, но лощение доведено до блеска. Венчики срезаны внутрь или наружу, частично орнаментированы. К X—XII вв. относится и большая часть вещей, найденных у подножий «Белой горы» и «Черной горы».

Раскопки на краю площадки «Белой горы» выявили остатки наземных жилищ с овальными очагами, обведенными ровиком. Возле них найдены скопления костей, бусы, обломки серой, изготовленной на гончарном круге керамики, аналогичной мангазейской и характерной для XVII в.; изделия из кости (скребок, кольцо с шипом, проколка), железный нож, медный крестик и т. д. Возле костровых ям, которые, по-видимому, не были связаны с жилищами, найдены: железные наконечник стрелы, крючок и пластина; позднего типа глиняные грузила в виде дисков, шлифовальная плитка, поделки из кости. Эти материалы относятся к XVII в., а возможно, и к XVIII в.

В результате раскопок, сборов материалов в нарушенном культурном слое, дарственных передач находок с памятника местным населением образовалась коллекция археологических вещей, состоящая из колец, медных перстней, оловянных нашивных бляшек и фигурных подвесок, бус, бисера, обломков от серебряных вещей (чаши, бубенцов, цепочек, браслетов и других ювелирных изделий), антропоморфных и зооморфных изображений, керамики.

Наиболее интересной находкой, сделанной на данном памятнике, является клад серебряных вещей, обнаруженный в 1974 г. учениками шурышкарской школы после спада воды у подножия «Черной горы» (рис. 1). Среди сгнивших остатков деревянной шкатулки ими были обнаружены серебряная накладка на крышку шкатулки и несколько серебряных нашивных пластин. Недалеко от этого скопления найден серебряный на-

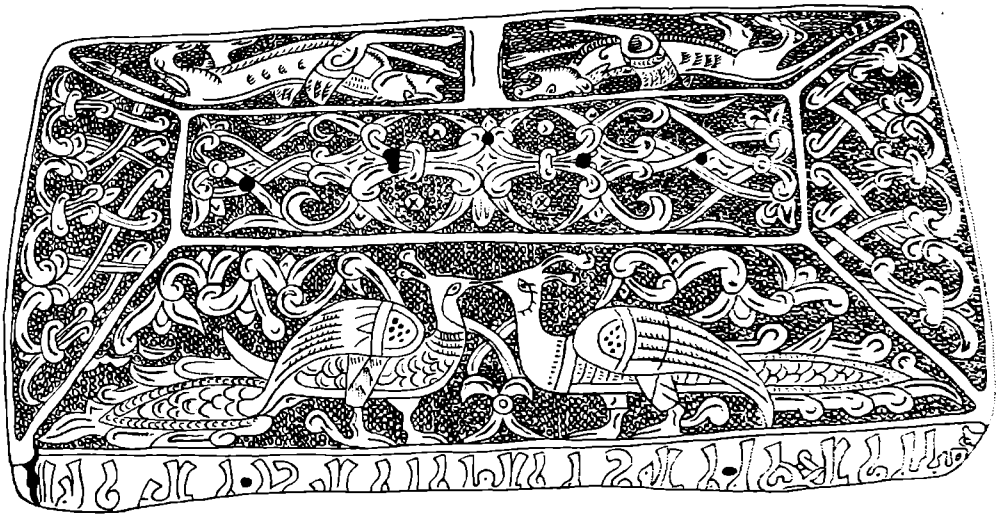


Рис. 2. Накладка на крышку шкатулки

чельник с шумящими подвесками. Три пластины и накладка на крышку шкатулки были отданы В. Ф. Коновалову, передавшему позднее их в Тобольский музей. Две пластины и начельник поступили в Салехардский музей. Одна пластина из клада в 1976 г. была передана участникам археологической экспедиции Тобольского музея учениками шурышкарской школы, две — остались в с. Шурышкарах у частных лиц.

В настоящей статье публикуются только вещи из клада (накладка на крышку шкатулки и четыре пластинки), которые находятся на хранении в Тобольском государственном музее-заповеднике [4].

1. Накладка на крышку шкатулки. Серебро, чеканка, гравировка [5] (рис. 2). Размеры накладки 20×10 см. Общая высота 4 см, высота стенок 2 см. Толщина стенок около 1 мм, форма прямоугольная. Стенки-бортики поставлены вертикально. Верхняя часть накладки — в виде усеченной пирамиды, у которой длина наклонных граней 5 см, а размеры верхней горизонтальной плоскости 4×14 см. Геометризм «пирамид» смягчен тем, что все плоскости несколько выпуклы. Это делает ее контуры более плавными. Сохранились отверстия: на бортиках от креплений к основе; на верхней горизонтальной плоскости — два от ручки (одно диаметром 5, другое 5×8 мм) и три от застежек в виде стрел с ромбическими головками (диаметр 2—3 мм). По отпечаткам застежек можно определить, что две из них частично прикрывали декор шкатулки (изображения павлинов) и не были предусмотрены при изготовлении накладки. Для третьей застежки предназначалась неорнаментированная полоска между крылатыми львами. Основные контуры узоров накладки углублены с лицевой стороны чеканом, поставленным под углом. В результате ложным рельефом переданы изображения животных и схематизированных растений. Фон, заполненный пунсонными кружка́ми (диаметр 1 мм), создает контраст с основными изображениями. На больших гранях усеченной пирамиды нанесены павлины и фантастические львы в симметричном зеркальном удвоении (рис. 3, *1—3*). Фигуры нанесены без трафарета, свободно, от рукп, и пары изображений не совпадают в деталях. Львы переданы в статичной «охранительной» позе, с поднятой лапой и оскаленной пастью. Древний образ крылатого льва, известный еще в Ассирии, сасанидском Иране, в скифо-сибирском искусстве, в данном случае связан с новой сюжетной композицией и трактован несколько иначе. Место «дерева всех семян, исцеляющих от зла» и охраняемого некогда сенмурвами, на крышке занимает гладкая неорнаментированная полоска

[4] Тобольский музей. ф. II, инв. № 13 368—13 372.
[5] Тобольский музей, ф. II, инв. № 13 368, ф. 93.

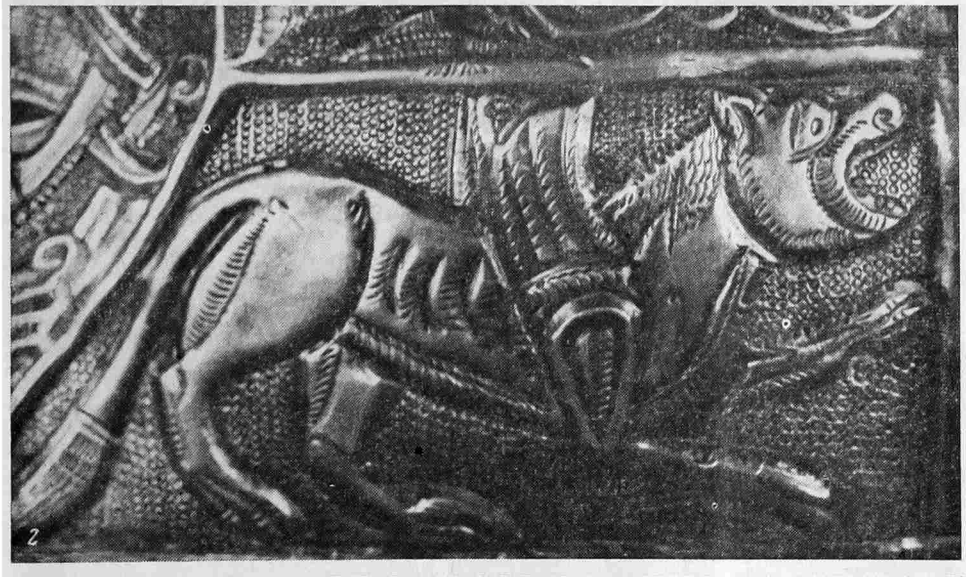


Рис. 3. Фрагменты крышки шкатулки: *1* – павлины; *2*, *3* – львы

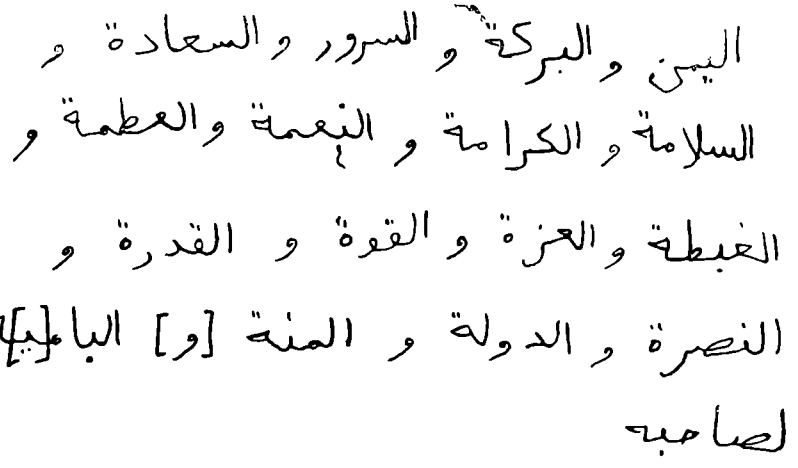
Рис. 4. Орнамент на трапециевидных гранях шкатулки

Рис. 5. Верхняя плоскость шкатулки

с отпечатками застежки. Фантастические львы стали как бы играть более утилитарную роль — охранителей содержимого ларца. Для передачи образа зверя мастером были использованы различные приемы: двойным контуром переданы оскал пасти, грудь и нижняя часть торса животного; отпечатками косо поставленного скобкообразного штампа обозначены шерсть, грива, концы хвостов, маховые перья на крыльях; в виде спиралей или каплевидной фигуры даны мышцы передних лап; дугами — ребра. Крылья львов направлены вперед маховыми перьями. Фигуры павлинов выполнены в той же технике, даны статично, фронтально. Глубокими линиями обозначены общие контуры изображений. Детали маховых перьев на крыльях и рулевых перьев хвоста гравированы. Оперенье тела птиц и покровные перья на крыльях и хвосте переданы штампом-скобкой. Этим же штампом нанесены косые насечки в пять рядов на шее одной из птиц. Шея другой гладкая. Хохолки павлинов — в виде спиральных завитков. Между павлинами помещена трехлистная пальметка с от-

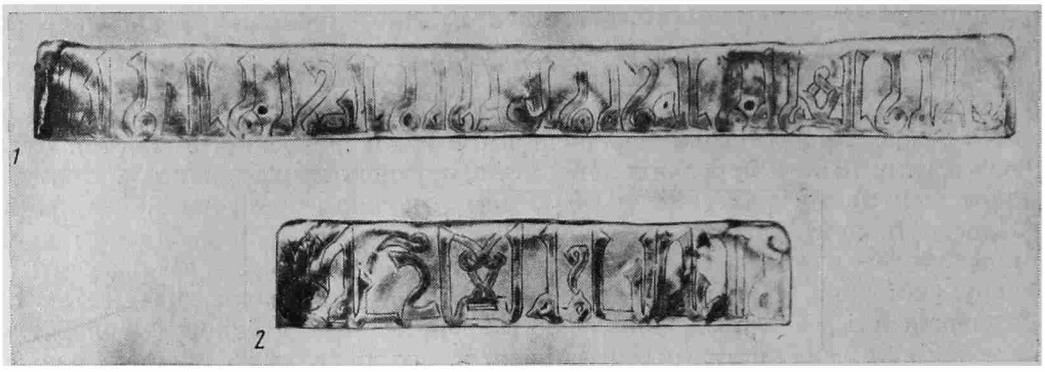
ходящими от нее усиками. Фон над птицами заполнен разрозненными декоративными элементами растительно-геометрического узора.

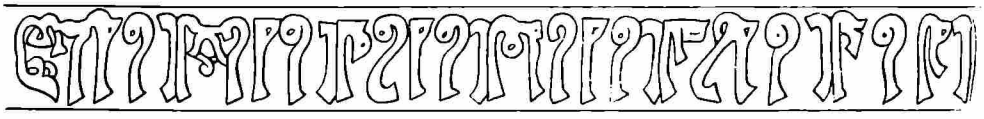
Малые трапециевидные грани (рис. 4) и верхняя горизонтальная плоскость шкатулки (рис. 5) орнаментированы стилизованным растительным узором, фактически перешедшим в геометрический. Лепестки бутонов, ветки, побеги переданы лентами, закругленными на концах. Контуры лент выпуклы и нанесены, по-видимому, чеканом с внутренней стороны. Плоскость лент расположена наклонно: выше — у края с гладким валиком, ниже — у валика с косыми насечками. Все это создает эффектную игру светотени. Ленты-стебли образуют ряд полуовалов, на местах соприкосновения которых закругленные концы лент в одном случае являются нижними листьями пятилепестковых пальметок, в другом — они вытянуты вверх, схвачены перевязью и составляют часть схематизированных трилистников. Бутоны с тремя и пятью лепестками чередуются. Вверх от них отходит по паре лент-усиков, концы которых перекрещиваются и создают своеобразную декоративную плетенку. Композиция орнамента на верхней прямоугольной плоскости выполнена более небрежно, чем на боковых гранях. Она состоит из пучков лент-усиков, схваченных перевязью или перекрещенных. Все это создает сплошную сетку-плетенку. Полное неприятие неорнаментированных плоскостей, боязнь свободного пространства (что было так характерно для торевтов XI—XII вв.) заставили мастера заполнить небольшие пространства между декором отпечатками штампика, нанесенного с внутренней стороны. С лицевой стороны образовались выпуклые кружки с крестами и точками (рис. 5). По стенкам-бортикам крышки выгравированы круговая арабская надпись в виде обрамляющего бордюра почерком процветшей куфи (рис. 6):



«Счастье и благословение, и удовольствие, и благополучие, и здравие, и щедрость, и благоденствие, и величие, и блаженство, и слава, и сила, и мощь, и победа, и господство, и милость, (и) высшая власть владельцу сего» (чтение Г. А. Федорова-Давыдова).

В связи с надписью необходимо отметить, что изображения крылатых львов и павлинов использовались, по-видимому, не только для создания общего художественного эффекта, но и для образного раскрытия главного смысла благожелательной надписи. Образ льва поражал людей всех времен силой, ловкостью и, по крайней мере, с ассирийских времен был олицетворением власти, победы, мощи. На шкатулке изображение крылатого льва, по-видимому, переводило на язык символов ту часть благопожелательной надписи, где говорилось: «... и величие, и слава, и сила, и мощь, и победа, и господство, и милость, (и) высшая власть владельцу сего». Первая часть надписи: «Счастье и благословение, и удовольствие, и благополучие, и здравие, и блаженство...»,— получила символическое выражение в образе павлинов, ставших с эпохи зороастризма эмблемой огня [4, с. 137], доброго начала. Перекличка диких фазанов и домашних павлинов по зороастрийским поверьям была добрым предзнаменованием и обозначала победу над врагом [5, с. 207]. У христиан павлин стал





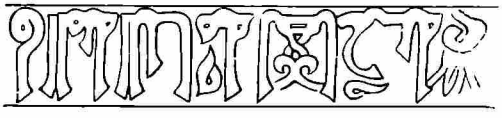


Рис. 6. *1–3* – образцы надписи на крышке

олицетворением бессмертия [6, с. 19]. Таким образом, интерпретация символов была хорошо известна мастеру-торевту, изготовившему шкатулку, и использована им со знанием дела.

2. Нашивная пластина с изображением львов в геральдической позе[6]. **Серебро, гравировка, чеканка, позолота, чернь** (рис. 7). Пластина овальная, в форме сегмента цилиндра, выпуклая по длинной оси. Размеры 13×7,8 см, толщина около 1 мм.

Декор в основном выполнен зубчатым штампом и гравировкой. По краю пластины проходит выпуклый валик, за ним — неорнаментированная полоска (ширина 8 мм). Орнаментальное поле состоит из двух вписанных одна в другую зон, повторяющих форму пластины. Границы отмечены зубчатыми линиями. Внешняя орнаментальная полоса заполнена стилизованным вьюнком, завитки которого украшены двух- или трехлепестковыми побегами и попеременно обращены то к той, то к другой границе зоны. Вторая зона состоит из овала (9×3,8 см), разделенного орнаментальной полосой (ширина 1,2 см) на два полуовала с помещенными в них круглыми медальонами. Разделительная полоса и пространство в полуовалах вокруг медальонов заполнены орнаментом, в основе которого положена композиция из первой зоны, но еще более геометризированная. Вьюнок выгравирован зубчатыми линиями и дан на черневом фоне. В медальонах (диаметр 3 см) помещены львы в геральдической позе, т. е. использован мотив кругов с вписанными в них фигурами, что в свое время было характерно для римской мозаики [7, с. 241], а в раннем средневековье — для восточных и византийских тканей [8, с. 171], торевтики. Фигуры животных выполнены гравировкой. Шерсть передана точками, грива — волнистыми полосками. Голова льва дана в профиль и весьма примитивно, без признаков породы животного. Так, раскрытая пасть с высунутым языком напоминает клюв птицы. Фигуры в медальонах даны свободно, без применения трафаретов. Пропорции животного в круге справа выдержаны более или менее правильно, но в левом — искажены, из-за чего задняя нога сильно укорочена. Медальоны позоло-

[6] Тобольский музей, ф. II.

Рис. 7. Пластина с изображением львов в геральдической позе

чены холодным способом, а фон в них заполнен плотно поставленными друг к другу отпечатками зубчатого штампа.

На пластинах проделаны четыре отверстия (диаметр 4 мм) со стоящими на обороте краями. Такие отверстия пробивались инструментами круглого сечения на мягких подставках. Края пластины загнуты на оборотную сторону и закрепляют вложенную в валик медную проволоку.

3. Нашивная пластина с изображением фантастической пары льва и львицы[7]. Серебро, позолота, гравировка, чернь (рис. 8). Пластина овальная, в форме сегмента цилиндра, выпуклая по длинной оси. Размеры 12,8×7,2 см, толщина около 1 мм.

Рисунок выполнен небрежной гравировкой — процарапыванием без применения трафаретов. По краю пластины проходит выпуклый валик, в который для прочности вложена с внутренней стороны медная проволока. Края пластины загнуты так, что удерживают в валике проволоку. За валиком — гладкая полоска, затем — орнаментированное поле из трех зон. Первая зона (ширина 1 см) состоит из плетенки в три ленты на черневом фоне (чернь во многих местах выкрошилась, обнажив насечку для сцепления черневой массы с поверхностью изделия). Вторая зона (ширина 2,5 см) заполнена полосой треугольников, покрытых косой насечкой. Третья — овал (8,8×3,3 см) — разделена на два полуовала полосой (ширина 8 мм) из взаимопроникающих треугольников, каждый из которых состоит из малого треугольника с косой штриховкой и большого — с гладкой позолоченной поверхностью, имеющих общее основание. Контуры фигур оттенены чернью. В полуовалах на черневом фоне (черневое заполнение сохранилось слабо) дана пара львов: в левом — лев, в правом — львица. У льва длинный хвост, заканчивающийся драконовидной головой. Из пасти дракона высовывается язык, касающийся головы животного. У льва человеческая голова с монголоидным типом лица, данным в фас. Большой нос образует с бровями одну линию. Рот дан овалом. Складки над ртом напоминают усы. Низ головы оформлен в виде продолговатой бородки. Лоб украшен точкой. Точками же обозначены глаза. У льва подчеркнуты признаки пола. Тела зверей позолочены.

Мотив человека-зверя, сфинкса, получил в XI—XIII вв. широкое распространение и в Европе, и в Азии. Появление сфинкса на нашивной пластине было своеобразной данью мастера моде своей эпохи.

Львица изображена с высунутым языком и повернутой назад головой. Хвост ее также заканчивается драконовидной головой, язык которой и язык львицы сливаются в одну линию. Под фигурой львицы помещена

[7] Тобольский музей, ф. II, инв. № 13 369; ф. II, 101.

Рис. 8. Пластинка с изображением фантастической пары льва и львицы

голова Медузы Горгоны со змеями вместо волос. С античных времен вид устрашающей головы должен был отвращать всякое зло от владельца вещей. Но в данном случае изображение головы, по-видимому, имело более скромное назначение: она заполняла часть неорнаментированного фона. Мускулатура львицы не обозначена. Моделировка тулова зверя весьма условна. Сказалась столь характерная для торевтики XII в. стилизация. Хвосты и лапы зверей покрыты точками-наколками, имитирующими шерсть. Орнаментированные участки тела отделены от неорнаментированных условными полосками. Чернением отмечены складки на морде, ноздри, глаза, ушные углубления льва, львицы и драконовидных голов.

На длинных сторонах пластины нанесено по два круглых отверстия (диаметр 2 мм).

4. Нашивная пластина с изображением рыб[8]**. Серебро, гравировка, позолота, чернь** (рис. 9). Пластина овальная, выгнута в форме сегмента цилиндра по длинной оси. Размеры 13×7 см, толщина около 1 мм.

Контуры рисунка выполнены тонкими небрежными линиями. Фон несколько углублен сплошным процарапыванием и заполнен черневой массой. Чернь во многих местах выкрошилась. Края пластины с внутренней стороны загнуты под выпуклый валик и удерживают в нем проволоку. На лицевой стороне за краевым валиком идет неорнаментированная полоса (ширина 1 см), далее зона (ширина 1,2 см), заполненная плетенкой-косичкой в «три ручья», выполненной гравированными строенными линиями. Далее следует узкая полоска (ширина 3 мм) из треугольников, обращенных основаниями к центру пластины и покрытых косой штриховкой. Третья орнаментальная зона — овал (8×2 см) — разбита поперечной каймой (ширина 7 мм) на две части. Кайма состоит из двух рядов треугольников, заштрихованных косой насечкой и расположенных основаниями к краю каймы. Вершины треугольников первого и второго ряда соприкасаются. В полуовалах помещены схематично выполненные пары рыб. Тела рыб гладкие и позолочены, но центральную часть их занимают овалы, покрытые косой сеткой, имитирующей чешую. Жабры (две дуги) и глаза подчеркнуты чернением. Мотив рыб широко бытовал в странах зороастрийского круга и в странах, контактировавших с ними [9, с. 214; 10, с. 11—13]. Не чужд он был и мастерам Волжской Булгарии [11, с. 119]. На длинных сторонах пластины имеются по два отверстия. Двумя отверстиями (по одному с каждой стороны), по-видимому, не пользовались, и они сохранили первоначальную величину (диаметр

[8] Тобольский музей, ф. II, инв. № 13 371; ф. II, 99.

Рис. 9. Пластина с изображением рыб

2 мм). Два других отверстия деформированы, имеют рваные края и большие размеры. В процессе использования пластины были пробиты еще две большие и бесформенные дыры (диаметр 7 мм) на краю узкой стороны изделия. Одно из отверстий — на орнаментальном поле.

5. Нашивная пластина с растительным орнаментом[9]. **Серебро, тиснение на матрице** (рис. 10). Пластина овальная, в форме сегмента цилиндра, выпуклая между длинными сторонами. Размеры 13×7,8 см.

По краю пластины проходит валик, в который вложена проволока. Удерживается она загнутыми краями пластины. Декор изделия выполнен тиснением на матрице. В процессе работы с матрицей между пластиной и молотком, вероятно, помещалась, как обычно, свинцовая прокладка. На участках, где удары были слабее, узор нечеток и как бы смазан. Орнаментальная композиция пластины несколько иная, чем у описанных выше. Она совершенно не связана с архитектоникой пластины, тогда как декоративное поле и его разбивка на предыдущих пластинах повторяли форму изделия. В последнем же случае был использован раппорт (9×5 см), который в других случаях мог служить для построения широкой каймы. Штамп нанесен небрежно, сдвинут от центра и несколько косо расположен по отношению к краям пластины (от длинных сторон на расстоянии 20 и 11 мм). Композиция же раппорта стройна, ритмична и отличается гармонической законченностью. Растительно-геометрический орнамент густой сеткой покрывает все пространство раппорта, но в его основе лежит осевое построение. В центре композиции помещено овальное пятнышко — «семя», от которого в обе стороны идут гибкие побеги. Плавно изгибаясь, они образуют ромбические фигуры. В больших ромбах, составляющих характерную и организующую часть узора, побегами построены малые ромбы. От этого каркаса декора во все стороны отходят отростки-усики и пальметки, заполняющие сплошь всю композиционную площадь. Стебли, побеги даны рельефной полоской с прочерченным посреди углублением. Трехлепестковые пальметки даны как три свернувшихся жгутиком бутона в начальной фазе роста и объединенных одной завязью. От верхушек пальметок и стеблей отходят усики-спирали. Все вместе составляет декор в стиле арабески.

На длинных сторонах пластины — по два отверстия диаметром 1 мм. Необходимо отметить, что все нашивные пластины из клада изготовлены из кованого листа серебра, из которого по шаблону (14×8,6 см) вырезаны заготовки[10]. Валик по краю пластины изготовлен, по-видимому, на специальной матрице.

[9] Тобольский музей, ф. II, инв. № 13 372; ф. III, 100.

[10] Исключением является пластина с изображением рыб. Ее шаблон 14×8 см.

Рис. 10. Пластина с растительным орнаментом

Датировка клада по стратиграфическим данным затруднена, так как он найден случайно в нарушенном культурном слое и не включает датирующих вещей. Нашивные пластины, подобные описанным выше, известны в Западной Сибири[11], но не имеют хронологической атрибуции. Сюжеты и даже некоторые приемы их исполнения, использованные на вещах из клада, имеют весьма широкий временной и территориальный диапазон. Так, крылатые львы с человеческой головой (рис. 8) появились в Передней Азии не позднее чем в начале II тысячелетия до н. э. Тогда же змеиными головками стали оформлять львиные хвосты (рис. 8) [13, с. 50, 58]. Противопоставление львов в геральдической позе характерно для ассирийского, иранского, скифо-сибирского искусства [14, с. 36]. Растительный мотив цветка лотоса, взятый из мира растений Египта и Индии, развивался и перерабатывался в странах Азии и Европы в соответствии с художественными вкусами и техническими возможностями с древнейших времен. Его перерождение в декоративную пальметку наблюдается на вещах из клада (рис. 4, 5). Ряд описанных выше сюжетов — львы, крылатые львы, павлины, рыбы — сложился в сасанидское время. Приемы стилистического оформления животных — точкой, запятой, полуподковой и т. д. (рис. 3, 7, 8) связаны с искусством Средней Азии времен Ахеменидов [14, с. 34]. Унификация в изображениях животных, выразившаяся в условной моделировке тела (рис. 7—9), известна в скифо-сибирском искусстве с VII—VI вв. до н. э. [15, с. 21]. Особенность в воспроизведении крыльев львиных грифонов — направление вперед концов маховых перьев — манера, характерная для ахеменидской Персии, искусства ранних кочевников Сибири [14, с. 34]. Но хотя орнаментальные сюжеты на вещах из клада уходят корнями в искусство Древнего Востока, нельзя не отметить, что они получили дальнейшее развитие и своеобразное преломление, характерное, как увидим ниже, для средневековья.

Более перспективным определением датировки клада в данных условиях является анализ комплекса технологических и стилистических признаков вещей.

Технологическая характеристика изделий уже дает в этом отношении некоторые ориентиры. Вещи легки, сделаны из столь тонких пластин, что нуждаются в каркасе (медной проволоке), для которого по краю гото-

[11] Первая пластина находится в фондах Тобольского музея-заповедника (из дореволюционных поступлений). Ф. II, инв. № 3075. Вторая — передана археологической экспедиции Свердловского гос. университета из школьного музея в с. Шаркалы. Третья — опубликована [12, рис. 37].

вился специальный валик. Изготовление вещей из тонких серебряных и золотых пластин характерно для XI—XII вв. [16, с. 34] и связано с резким сокращением ввоза серебра в Европу из Средней Азии, где с процессом сложения раннефеодальных кочевых держав Караханидов (XI в.), Сельджуков (конец XI в.) уменьшились серебряные запасы. Не способствовал притоку серебра и разгром Хазарского каганата Святославом [17, с. 149]. Все это вызвало так называемый «серебряный кризис», сказавшийся на изделиях из клада.

Техника художественного оформления вещей весьма богата и разнообразна: рельефный чекан (рис. 2); гравировка (преобладает) (рис. 7, 9); плоский рельеф (рис. 2—5); позолота (рис. 7—9); чернь (рис. 8, 9); точечный фон (рис. 2—5); гравировка мелкозубчатым штампом (рис. 7, 8) и обычными линиями (рис. 9); насечка для сцепления черневой массы с фоном (рис. 8, 9); применение мелких штампов (рис. 5) и хорошо разработанных матриц (рис. 10); использование шаблонов для получения заготовок, разбивка орнаментального поля на зоны. Все эти черты характерны для XII в. [17, с. 129; 18, с. 216], когда «широкое распространение общественного разделения труда и стабилизация профессии ремесленников» привели к развитию подражания и копийного мастерства [4, с. 160]. Применение штампов распространилось даже на изготовление посуды [19, с. 264], и «техника ремесла и стандарт производства заглушили индивидуальный голос художника» [4, с. 160].

Стиль орнамента и характер фона на вещах из клада не менее показательны: подчинение декора архитектонике формы, тенденция к исчезновению пунсонного фона (он наблюдается только на крышке шкатулки), жесткая, сухая, далекая от реального растительного мира трактовка цветов, побегов (рис. 4, 5, 10), геометрическое построение композиции, подчиняющее себе причудливую игру скрученных в спирали бутонов, цветов-пальметок (рис. 2, 10) и, наконец, господство линейно-декоративного стиля, ленточной плетенки, геометрических фигур (ромбов, треугольников, полос и т. п.), достигшее апогея в декоре пластин со львами и рыбками (рис. 7—9).

Все это в совокупности типично для середины и второй половины XII в., когда на территории распространения мусульманского искусства происходил переход от реализма к полной стилизации, геометризации узора, а искусство орнаментики, достигнув высшего развития, стало приобретать черты некоторой деградации, прежде всего в периферийных школах. XII век, особенно вторая его половина, стал временем господства декоративного начала, повторяемости одинаковых элементов орнамента, декора без лакун, потери естественной формы [20, с. 130—131; 21, с. 47, 50; 8, с. 225, 234, 237].

Изображения животных на вещах из клада также входят в круг традиционных иконографических типов второй половины XII в. XII век — век триумфального шествия ислама, сопровождавшегося жестокой регламентацией в художественном ремесле [22, с. 243; 23, с. 156]. Но художественные формы, сложившиеся под влиянием более древнего зороастризма, довольно прочно держались в областях, расположенных в стороне от великих путей и защищенных от прямого давления ислама [24, с. 203; 25], хотя и претерпевали существенную трансформацию. Изображениям животных приписывались магические функции. Их воспринимали как символы. И художник теперь заботился не столько о внешнем правдоподобии, сколько о высшем смысле изображаемого, закрепляя символическое значение звериных мотивов созданием абстрактных форм [21, с. 21, 25; 8, с. 180]. Животные на вещах из клада трактованы сухо. Условна орнаментальная моделировка туловищ зверей и птиц: точками, короткими штришками, скобковидными врезами, узорной разделкой перьев (рис. 3, 7—9). Но утрата живописности и пластичности, стилизация звериных образов отразили не падение уровня мастерства художника-торевта, а своеобразие ви́дения им формы, в которую он вкладывал определенный смысл. Например, изображение льва, как воплощение идеи сильной власти, чаще, чем любого другого животного, встречается на вещах из клада.

Но формы передачи этого символа весьма различны: львы с крыльями (рис. 3), львы с драконовидными хвостами и человеческими головами (рис. 8), «реальные» львы, поставленные в геральдическую позу (рис. 7). Технологические приемы передачи образов не менее разнообразны: зубчатый чекан (рис. 7), гравировка (рис. 8), плоский рельеф (рис. 3), чернение (рис. 8), золочение (рис. 7, 9). Характерно для названной даты также сочетание арабских надписей с изображением живого существа [24, с. 214; 4, с. 166]. Датировке вещей второй половиной XII в. не противоречит характер начертания надписи куфи по бортику крышки.

Пути проникновения серебряных вещей в Нижнее Приобье во второй половине XII в. прослеживаются по вещественным источникам довольно определенно. Водная система Иртыша с его притоками Ишимом и Тоболом хотя и была весьма благоприятна для торговли со Средней Азией, в XII в., по-видимому, для этих целей не использовалась и не могла служить путем для появления вещей из клада в Приобье. Караванные дороги, соединявшие в XVI—XVII вв. столицу Сибирского ханства Искер со Средней Азией и проходившие одна — вдоль Ишима, другая — вдоль Иртыша [26, с. 196—197], начали функционировать, по-видимому, не ранее XIII в. Пока неизвестны вещи среднеазиатского типа XII в. вдоль этих речных дорог. Препятствовали товарообмену городов Средней Азии с Приобьем ряд обстоятельств. Во-первых, отсутствие денежного обращения, развитого ремесла и торговли у гузов, команов, кимаков, печенегов, уйгуров, карлуков [27, с. 107; 28, с. 239, 402—403; 29; 30], занимавших в I тысячелетии — начале II тысячелетия н. э. степи Западной Сибири, что исключало их участие в качестве посредников в торговле; во-вторых, образование в XI—XII вв. в Средней Азии под властью тюркских ханов из династии Караханидов, а затем Сельджуков раннефеодальных государств отнюдь не способствовало установлению прямых торговых контактов Средней Азии с Приобьем. Кроме того, можно отметить, что вещи с городища Лорвож носят иной характер, чем художественные изделия XII в. из Средней Азии времен «сельджукского ренессанса» [31, с. 153; 32, с. 243], и ювелирные изделия мастеров Тюркского, Уйгурского, Кыргызского каганатов [33, с. 97]. Не могла, вероятнее всего, служить для доставки вещей из лорвожского клада и водная артерия р. Исеть. В XI—XII вв. из степной полосы началось активное просачивание тюрков в среду угорских племен лесостепной, затем и в таежной зоны. Об этом свидетельствует появление в данное время курганных и грунтовых могильников со смешанным угорско-тюркским инвентарем [34, табл. IV; *17*; 35, с. 139; 36, с. 136—137]. Вероятно, настоящий процесс послужил одной из причин прекращения функционирования в XI—XII вв. торговой трассы по р. Исеть. Характер находок изделий из серебра по течению р. Исеть [37, с. 8, 20—21; 17, табл. 51, II, с. 154] свидетельствует о том, что в VIII—X вв. по этому пути осуществлялись обменно-торговые взаимосвязи между населением Среднего Приобья и Северного Притоболья с Хазарским каганатом, осуществлявшим активную торговую экспансию в области, богатые пушниной. В XI—XII вв. эти отношения прекращаются. Хазарский каганат приходит в упадок, а затем прекращает свое существование. Сопровождается падение каганата возвышением с X в. Волжской Булгарии, что в свою очередь вызвало изменение в направлении обменных контактов. В XI—XII вв. был открыт путь на Северный Урал и в Нижнее Приобье. Маршрут пролегал по Каме, Вишере и Северной Сосьве. Дорога документирована многочисленными кладами импортных художественных изделий в Нижнем Приобье XI—XII вв. [17, с. 154, 163, табл. 51, II]. Пользовались названным маршрутом и в более позднее время [38, с. 280]. Вероятнее всего, клад с городища Лорвож попал именно этим путем.

Главными поставщиками художественной продукции в Приобье в XII в. были Северная, Северо-Западная Русь (новгородские владения в XI—XII вв. доходили до Урала) и Волжская Булгария. Немалая часть серебряных изделий, импортируемых оттуда, принадлежала к «вторичному импорту». Это были в основном блюда, чаши, кувшины, кубки, ведра

иранского, русского, среднеазиатского, булгарского, византийского происхождения [17, с. 21, 44—48, 161—176; 20, с. 8, 17, 81; 12, табл. IXXX, рис. 145, табл. IXXXII, рис. 147, 150, табл. IXXXIII, рис. 148, 149; 39, с. 23; 9 с. 220] и предназначавшиеся первоначально для иного круга потребителей, чем племена Западной Сибири. Нашивные пластины из клада не могут быть отнесены к типу «вторичного импорта». Они по всем признакам изготавливались сразу в расчете на сибирского потребителя. Качество изделий, технология свидетельствуют о том, что главной целью мастера было получение наибольшего внешнего эффекта при наименьших затратах технических средств и сил. Отсюда небрежное исполнение декора, замена трудоемких технологических приемов менее трудоемкими: чеканки — гравировкой и штамповкой, гравировки — процарапыванием, применение линейно-геометрического орнамента вместо растительного. Монголоидный тип лица у льва-сфинкса, преувеличенно подчеркнутые признаки пола у животного были рассчитаны явно на вкусы аборигенов Сибири. И все это в сочетании с высоким профессионализмом, проявившимся в изготовлении изображений резьбой без трафарета, умелом создании декоративного эффекта, построенного на сочетании контрастов — матового черневого фона, блеска серебряных фигур и позолоты. Кроме того, на всех вещах лежит явная печать стандартизации. Вещи из клада с городища отразили попытку мастеров-торевтов преодолеть в какой-то степени несоответствие в уровне культуры и восприятии предметов искусства у аборигенов Сибири и представителей мусульманского мира. С одной стороны, это выразилось в использовании «бродячих сюжетов», которые к XII в. стали уже своеобразными символами, и каждый этнос мог вкладывать в них свое смысловое содержание. Например, мотив рыб варьировался и приобретал различные этнические оттенки в зависимости от того, где появлялся — в Китае, Византии или в Северном Приобье. У племен Приобья он, по-видимому, отвечал вкусам владельцев, поскольку пластина с изображением рыб оказалась более деформированной, носила явные следы долгого и интенсивного использования (рис. 9). С другой стороны, торевты пытались чуждые для населения Сибири образы несколько видоизменить, дополнить деталями, более соответствующими их потребностям и вкусам. Наиболее ярким примером может служить наделение льва человеческим лицом с монголоидными чертами (рис. 8). И третий путь решения этой задачи — развитие мотивов в декоративном направлении, так как информационная сторона изображений была безразлична зрителю.

Наиболее вероятным местом изготовления нашивных пластин могла быть Волжская Булгария. Датировка и место производства накладки на крышку шкатулки определяются несколько сложнее. Шкатулки подобной формы, со стреловидными застежками, бытовали в широких хронологических рамках (X—XIV вв.) на обширной территории — от Персии, Месопотамии до Испании [40, с. 127—155]. Но ближе всего по форме, разделке орнаментального поля к лорвожской крышке стоит серебряный ларец XII в. [41, с. 14, рис. 216]. Характер мотива орнаментального декора, трассировки линий, обработки поверхности лорвожской крышки имеет много общего со знаменитым золотым кувшином из Реи, хорошо датированным концом X в. по надписи, содержащей имя одного из представителей Буидской династии [42, с. 2503—2504, табл. 1343; 43, рис. 63], и с сосудом из коллекции Харари [43, рис. 66] [12]. Несомненно, лорвожская крышка выполнена в буидском стиле, как и названные выше сосуды. Но в отличие от них в ее декоре наблюдается жесткая сухая трактовка орнаментальной плетенки, распад ее в некоторых случаях на отдельные элементы, заполнение лакун на орнаментальном поле отпечатками круглого штампа с косым крестом и точками, отразившее стремление мастера избежать неорнаментированного пространства. Все это указывает на то, что аналоги в данном случае отражают преемственность, а не

[12] На этот факт обратили внимание В. П. Даркевич и Б. И. Маршак, за что, пользуясь случаем, приносим им благодарность.

Технологическая характеристика нашивных пластин

№ п.п.	Изображение	Длина, см	Ширина, см	Наличие каркаса	Диаметр отверстия, мм	Технология орнамента				
						гравировка	чеканка	позолота	черненне	тиснение на матрице
1	Пара львов	13	7,8	+	4	+	+	+	+	–
2	Фантастические львы	12,8	7,2	+	2	+	–	+	+	–
3	Рыбки	13	7,0	+	2	+	–	+	+	–
4	Растительный орнамент	13	7,8	–	4	–	–	–	–	+

синхронность. Еще одно обстоятельство подтверждает более позднюю дату лорвожской шкатулки: накладка на крышку кованая. Начертание букв в надписи аналогично куфи на пластине с мечети Эль-Азар (дата — 1125 г.) [41, рис. 80, с. 96].

Все это, включая и стратиграфические данные (совместное нахождение шкатулки и нашивных пластин), позволяет датировать лорвожскую шкатулку XII в. Буидские традиции в торевтике, по-видимому, в конце XI, в XII в. сохранились в среде мастеров-шиитов, асасинов, идеализировавших период правления Бувейхидов (Буидов) в Иране. Во время господства сельджуков, устраивавших гонения на шиитов, часть их, вероятно, мигрировала, оказав влияние на ювелирное дело Волжской Булгарии, Древней Руси, Венгрии [44, с. 154; 45]. Поэтому пока трудно сказать, была ли лорвожская шкатулка сделана непосредственно в Иране или переселенцем в Волжскую Булгарию из Ирана. Хотя второе предположение более предпочтительно. Более вероятно также булгарское происхождение нашивных пластин. Они явно синхронны и вышли из одной ювелирной мастерской. И хотя, на первый взгляд, декоративные приемы, принципы построения, орнаментика и стиль рисунка на пластинах кажутся различными, при внимательном рассмотрении они оказываются сходными по ряду технологических принципов, по манере изображения, по отдельным мотивам (таблица).

Общий стиль изделий из клада отличается эклектизмом, где слились воедино традиции различных художественных школ Азии и Европы. Этот гибридный стиль искусства булгарских торевтов был неслучаен. В городах Волжской Булгарии находили приют не только среднеазиатские мастера. Здесь появляются колонии армян [39, с. 27] и других переселенцев с Кавказа. Булгария поддерживала самые тесные связи со Средней Азией, Закавказьем [41, с. 497—498]. Здесь были частыми гостями русские купцы.

Продукция мастерской, изготовившей вещи из клада с городища Лорвож, пользовалась, по-видимому, в Сибири большим спросом. Как отмечалось выше, пластина с рыбками найдена на городище близ с. Шеркалы. На р. Иртыше — пластина со стилизованными львами в полуовалах. Обе пластины по технологии изготовления и приемам орнаментации аналогичны лорвожским и могут быть датированы одним временем. Наибольший интерес представляет находка из дер. Тюково Тобольской губернии[13]. Эта нашивная пластина по размерам, композиции, технологии нанесения декора подобна лорвожским, что свидетельствует о принадлежности к одной мастерской. Но работа на тюковской пластине отличается тщательностью, добротностью. Пластина более массивна, и на том месте, где у лорвожских пластин имеется ложный валик для каркаса, у нее выполнен рельеф из материала самой пластины. В данном случае мы, по-видимому, можем наблюдать эволюцию в производстве одной из булгарских мастерских. Небрежность исполнения, низкое качество ее продукции, появившееся со временем, объясняются не отсутствием мастер-

[13] Тобольский музей, ф. II, пнв. № 3075.

ства у исполнителей, а определенным уровнем требований потребителей и возросшей стандартизацией.

Анализ технологических характеристик лорвожских пластин свидетельствует о том, что все они готовились по определенным шаблонам (14×8,6 и 14×8 см), при изготовлении их использовался определенный набор инструментов (отверстия наносили пробойниками диаметром 2 и 4 мм). Использовались одинаковые технологические приемы (вкладывался каркас из медной проволоки или же края пластин просто подгибались на внутреннюю сторону). Технология орнаментации, принципы, композиции переносились с одного изделия на другое, варьировались, но были похожи. Очевидно, мастерская, где были изготовлены вещи из лорвожского клада, принадлежала одному из переселенцев-ремесленников исламской художественной школы. Подобные мастерские не были в городах Волжской Булгарии исключением. Абу-Бекра, сын Ахмеда, держал в XII в. мастерскую, где изготавливались булгарские замки с искусным орнаментом и арабскими надписями [11, с. 119]. Медное блюдо из дер. Пеняхино Чердынского р-на Пермской обл.— образец булгарского ремесленного производства XIII—XIV вв. [46, с. 303—305]. Находки матриц, штампов с элементами схематизированного растительного орнамента [11, с. 121] также служат этому подтверждением. После падения Хазарского каганата, принятия ислама, приобретения в лице Багдадского халифата сильного союзника Волжская Булгария стала пристанищем ремесленников и купцов, бежавших из стран, более доступных для кочевников, и привлеченных в северные области сравнительно легким способом обогащения в торговле пушниной. XII век, особенно вторая его половина, стал «золотым веком» развития городского ремесла и торговли и в Волжской Булгарии [17, с. 161]. Поскольку наиболее выгодным эквивалентом в обмене служило вещевое серебро, изготовление посуды, украшений и прочих вещей из него, предназначенных специально для обмена, было делом особенно выгодным.

Клад с городища Лорвож дает представление о характере и степени развития мастерства торевтов Волжской Булгарии, об уровне меновой торговли, существовавшей во второй половине XII в. между Приобьем и булгарскими городами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скалозубов Н. Л.* От Тобольска до Обдорска.— Ежегодник Тобольского музея, 1906, вып. XVI.
2. *Сыркина И. А.* Отчет об археологических разведках в Викуловском и Шурышкарском районах Тюменской области. Тобольск, 1979. Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7636.
3. *Сыркина И. А.* Отчет об археологических исследованиях на территории Тюменской области в 1977 г. Архив ИА АН СССР. Р-1, 6787.
4. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 27.
5. *Иностранцев К. А.* Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Приметы и поверья.— ЗВО РАО, 1908, т. XVIII.
6. *Бадер О. Н., Смирнов А. П.* «Серебро закамское» первых веков нашей эры. М.: Госкультпросветиздат, 1954.
7. *Грабарь А. Н.* Светское изобразительное искусство домонгольской Руси.— ТОДРЛ, 1962, т. XVIII.
8. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. П.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М.: Искусство, 1965.
9. *Шелковников Б. А.* Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями.— СА, 1965, № 1.
10. *Тревер К. В.* Сэнмурв — Паскудж, собака — птица. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1937.
11. *Смирнов А. П.* Волжские булгары.— Тр. ГИМ, 1951, вып. 19.
12. *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. Спб., 1909.
13. *Руденко С. И.* Искусство Алтая и Передней Азии. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
14. *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
15. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.
16. *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII веков. Л., 1936.
17. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М.: Наука, 1976.
18. *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Старорязанский клад 1966 года.— СА, 1967, № 2.

19. *Булатов М. С.* Шедевр мастера Абдль Азиза. Из истории художественного литья в эпоху средневекового Ренессанса.— СА, 1969, № 2.
20. *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М.: Искусство, 1975.
21. *Даркевич В. П.* Путями средневековых мастеров. М.: Наука, 1972.
22. *Якубовский А. Ю.* Ваза с изображением музыкантов и игры в поло.— В кн.: Памятники эпохи Руставели. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1938.
23. *Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.
24. *Орбели И.* Албанские рельефы и бронзовые котлы.— В кн.: Памятники эпохи Руставели. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1938.
25. *Якубовский А. Ю.* Культура и искусство Средней Азии. Л., 1940.
26. *Бухрушин С. В.* Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв. Научные труды, т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
27. *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг.— ЗАН ИФО, 1894, т. I, № 4.
28. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
29. *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
30. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.— Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966.
31. *Орбели И. А.* Проблема сельджукского искусства.— III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М.—Л., 1939.
32. *Лещенко В. Ю., Оборин В. А.* Новые находки восточного серебра в Прикамье.— СА, 1966, № 3.
33. Народы Сибири. Этнографические очерки / Под ред. С. П. Толстова. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
34. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48.
35. *Зданович С. Я.* Лихачевский могильник на р. Ишим.— УАС, 1967.
36. *Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б.* Пахомовский могильник.— ВАУ, 1969, № 8.
37. *Лещенко В. Ю.* Восточные клады на Урале в VII—XIII вв. (по находкам художественной утвари). Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1971.
38. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
39. Эпиграфика Восточной и Южной Азии, 1972, № 21.
40. *Migeon G.* Manuel d'art musulman. V. II, P., 1907.
41. *Migeon G.* Manuel d'art musulman. V. II, P., 1927.
42. *Pope A.* Survey of Persian art from Prehistoric times to the Present. L.— N. Y., 1939.
43. *Allan J. W.* Silver: the Rey to Bronze in Early Islamic Iran.— Kunst des Orients, 1977, Jg XI. № 1—2. Wiesbaden.
44. *Маршак Б. И.* Серебряные сосуды X—XI веков, их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии.— В кн.: Искусство и археология Ирана. Т. II, М., 1976.
45. Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энциклопедия / Под ред. Б. В. Иогансона. М.: Сов. энциклопедия, 1962.
46. *Харитонов Д. Е.* Булгарское медное блюдо из Чердынского района.— СА, 1965, № 1.

I. A. Syrkina

A HOARD FROM THE LORVOZH FORTIFIED SETTLEMENT (THE 12TH CENTURY)

Summary

The author publishes five artifacts from a hoard found in 1974 at the foot of the Chernaya Mount, a sacrficial place at the Lorvozh fortified settlement. They are: a silver plate, intended for decoration of a box, and four oval plates used as dress decorations. They are lavishly embellished with stamping, engraving, relief work, niello and guilding.

The analysis of the techniques and stylistic features of decorations permits the author to conclude that these artifacts were made in the second half of the 12th century in the Volga Bulgaria.

Заметки

КУРАТОВ А. А.

СОЛОВЕЦКИЕ СТОЯНКИ II—I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

До недавнего времени ничего не было известно о древней кремневой индустрии на Соловецких островах, хотя археологические исследования на архипелаге проводились в 1964 г. [1]. Изучая культовые постройки из камня, в том числе знаменитые соловецкие лабиринты [2, с. 34—48; 3, с. 63—76; 4, с. 18—20; 5, с. 59—63], мы настойчиво искали поселения вблизи древних святилищ. На Большом Заяцком острове и на о. Анзерском в каменных россыпях были найдены следы кварцевой индустрии. Однако за годы стационарных исследований на архипелаге не было обнаружено ни одного кремневого орудия.

В 1974 г. при случайных обстоятельствах была найдена уникальная кремневая фигурка, изображающая, по всей вероятности, тюленя [6, с. 21]. Эта находка позволила нам увереннее предполагать наличие в позднем неолите связей между Соловецкими островами и памятниками Архангельского Беломорья, где кремневые фигурки встречаются довольно часто [7, с. 106, рис. 4—7, 14]. В 1975—1979 гг. были открыты две первые стоянки с кремневым инвентарем — Муксалма-1 и Колгуевская-1 [8, с. 27; 9, с. 22; 10, с. 20]. Ниже приводится их краткое описание.

Стоянка Муксалма-1 расположена на северо-восточной оконечности острова Большая Муксалма, в 1,5 км восточнее Ивановской тони на дюнной гряде второй террасы, на высоте 8 м над уровнем моря [1]. Площадь стоянки около 150 м^2. Культурный слой (0,03 м) залегал в песке, неравномерно обнажаясь в осыпях и раздувах дюны. Вблизи стоянки тянутся ряды каменных груд искусственного происхождения.

В раскопе 1975 г. (50 м^2) найдено 15 кремневых наконечников, 20 скребков и несколько нуклеусов, 1500 отщепов и сколов. Раскопками 1977 г. (16 м^2) была уточнена стратиграфия стоянки: дерн с подстилающим серым песком — 0,10 м, культурный слой с прослойками золы и угля — 0,03—0,04 м, ниже культурного слоя — белый песок. В раскопе 1977 г. и в подъемном материале найдены 13 кремневых орудий, один фрагмент стенки лепного сосуда и 250 отщепов и пластинок. Наибольший интерес вызывают кремневые наконечники стрел с пильчатой ретушью (рис. 1, *17*, *25*). Форма некоторых наконечников приближается к беломорскому типу, по М. Е. Фосс (рис. 1, *19*). Большинство наконечников обломаны и представляют собой производственный брак (рис. 1, *16*, *30*). Вторую по численности группу находок составляют разнообразные по форме боковые и концевые скребки (рис. 1, *3—10*, *12*, *32—35*). Единственный в своем роде обломок вкладышевого кремневого кинжала (рис. 1, *13*). Керамика из сборов 1975—1977 гг. немногочисленна, очень плохой сохранности. Преобладает керамика без орнамента, лишь на нескольких фрагментах стенок сосудов с примесью песка в тесте видны точечные штрихи и слабые гребенчатые отпечатки; один из сосудов со штриховкой украшен рядом ямчатых отпечатков. По аналогии со стоянками Летнего берега Белого моря дюнная стоянка Муксалма-1 датируется второй половиной II — серединой I тысячелетия до н. э.

Стоянка Колгуевская-1 находится на восточной оконечности Анзер-

[1] Обнаружена разведкой А. Я. Мартынова и Ф. А. Михайловского в 1975 г.

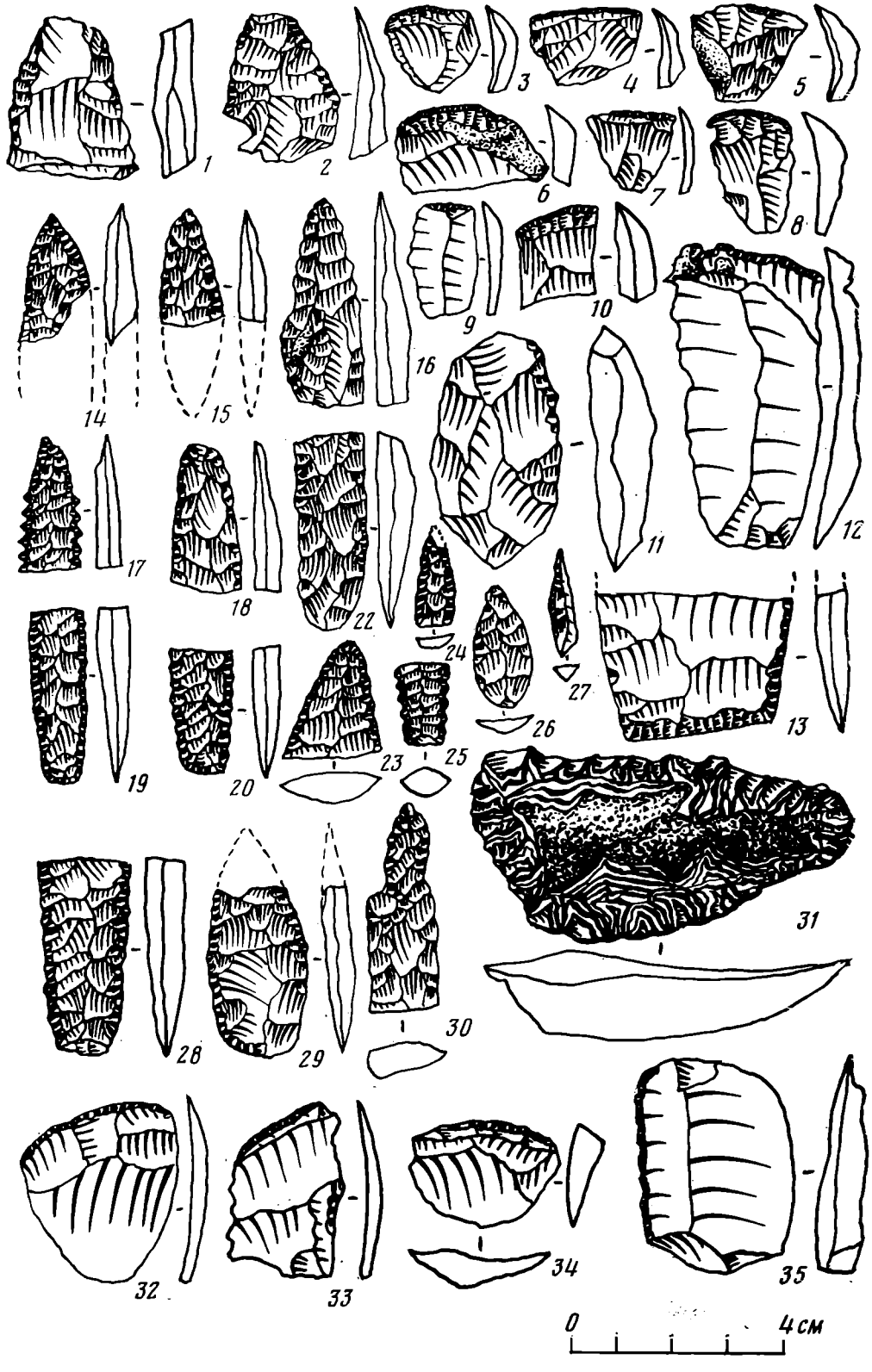


Рис. 1. Кремневый инвентарь стоянки Муксалма-1. Остров Большая Муксалма Соловецкого архипелага

ского острова, на мысе Колгуй [2], близ известного каменного лабиринта. Выступая далеко в море, мыс представляет собой три террасы. Первая терраса возвышается над уровнем моря на 3,95, вторая — на 8,35, третья — на 18,65 м. Археологические памятники Колгуя расположены соответственно: три саамских могильника с массой обломков тризненной

[2] Открыта автором в 1969 г. [11, с. 17]. Последнее обследование проведено в 1977 г. Н. Н. Гохманом и Т. В. Лукьянченко [12, с. 98—106].

Рис. 2. Каменный лабиринт на Колгуевском мысе. Остров Анзер. Общий вид

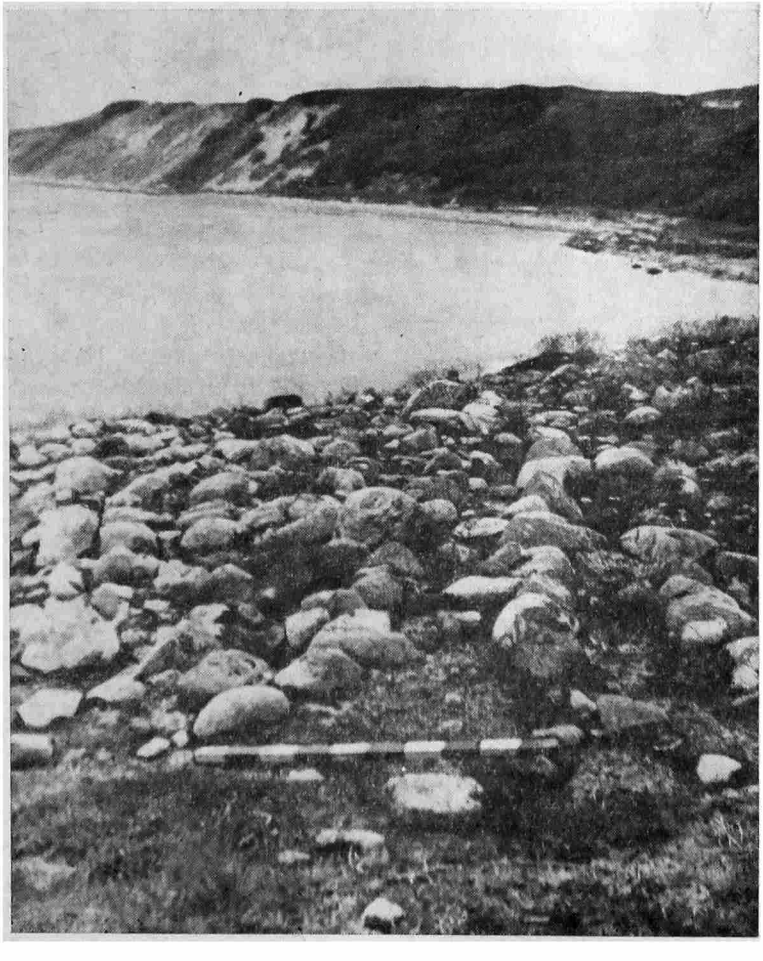


Рис. 3. Каменный лабиринт на Колгуевском мысе. Остров Анзер. Деталь

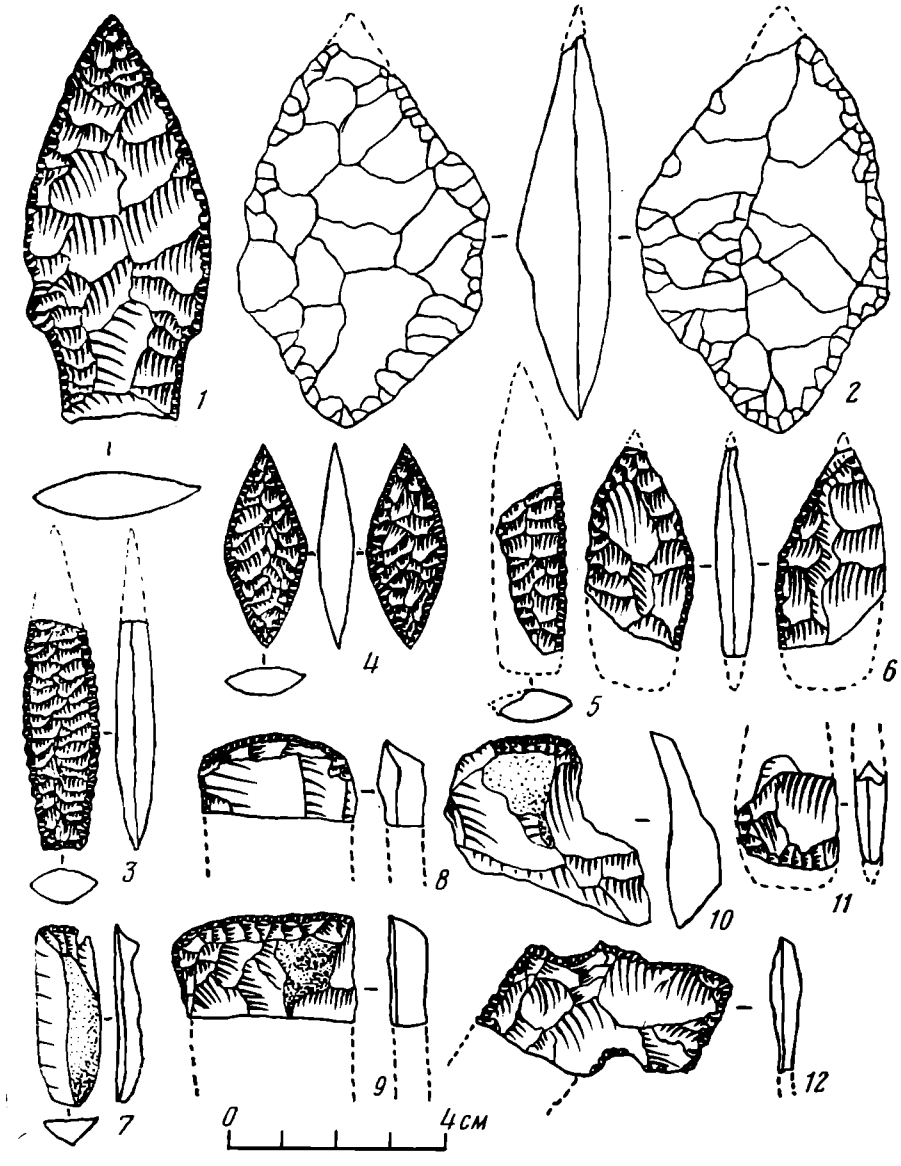


Рис. 4. Кремневый и кварцевый инвентарь стоянки Колгуевская-1. Остров Анзер Соловецкого архипелага. 1979

лепной и гончарной посуды — на первой террасе; на второй террасе расположен каменный лабиринт; на третьей террасе были собраны единичные находки.

Колгуевский лабиринт видела К. П. Гемп еще в 40—50-х годах XX в. В 1975 г. его «открыли» участники тушения пожара на Колгуе. Лабиринт стал широко известен благодаря научно-популярным изданиям [13, с. 12]. Он расположен на южной «округлости» второй террасы (рис. 2, 3). Юго-западная часть каменного сооружения разрушена оползнем: две каменные стенки лабиринта обрушились в море. Размеры лабиринта (в м): диаметр с севера на юг 12,1; с востока на запад 12,8; окружность по внешней стенке 39. Вход в лабиринт ориентирован почти строго на восток, в створ оконечности Колгуевского мыса. Памятник относится к так называемому классическому типу северо-европейских каменных лабиринтов, характеризующемуся крестообразным пересечением круговой и радиальной линий стенок в центре подковообразной конструкции. Вся площадь террасы (около 30 тыс. м^2) представляет собой выжженную песчано-каменистую твердь с углисто-зольными «потеками». Лишь в отдельных местах были обнаружены скопления кремневых сколов и отщепов, а в одном из таких скоплений удалось проследить нетронутый культурный слой в горизонте золы и угля мощностью в 0,05—0,06 м.

Подъемный материал состоит из 119 предметов. В коллекции кремневых орудий выделяется группа наконечников стрел и дротиков, в основном обломки, представленные либо производственным браком (рис. 4, *6*), либо орудиями, сломанными при использовании (рис. 4, *5*). Великолепен треугольно-черешковый наконечник дротика (гарпуна?) (рис. 4, *1*). Традиционна для Беломорья треугольно-удлиненная форма узколезвийного кремневого наконечника с прямой базой, с удивительно тонкой пильчатой и «стелющейся» ретушью (рис. 4, *3*). Скребки на отщепах и пластинах составляют особую группу орудий (рис. 4, *7—10*). Несомненный интерес вызывает кремневая фигурка, обломанная с одного края, уже вторая на Соловках (рис. 4, *12*). Наряду с кремневыми орудиями на стоянке найден кварцевый наконечник дротика, обработанный двухсторонней ретушью (рис. 4, *2*). И кремневый инвентарь, и единичные кварцевые орудия стоянки Колгуевская-1 находят близкие аналогии в инвентаре дюнных стоянок Летнего берега, с одной стороны, и в комплексах стоянок южного и юго-восточного побережья Кольского полуострова — с другой [1; 14—17]. Керамика сохранилась плохо. В целом комплекс стоянки Колгуевская-1 можно отнести, как и материалы стоянки Муксалма-1, ко второй половине II — первой половине I тысячелетия до н. э.

На третьей, самой высокой террасе, в 300—350 м к западу от каменного лабиринта и стоянки, в одном из дюнных выдувов, был поднят кремневый наконечник стрелы ромбической формы, тщательно обработанный ретушью (рис. 4, *4*). Находка оказалась единичной, поиски культурного слоя и других кремневых изделий вблизи места находки оказались безрезультатными; несомненно, однако, что наконечник занесен сюда жителями стоянки Колгуевская-1.

Соловецкие стоянки с кремневым инвентарем, по всей вероятности, синхронны каменным лабиринтам, о чем свидетельствуют одинаковые высотные отметки стоянок Колгуевская-1, Муксалма-1 и большинства соловецких лабиринтов. На Колгуевском мысе стоянка и каменный лабиринт расположены на одной террасе по соседству друг с другом. Весьма вероятно, что поселенцы стоянок Колгуевская-1 и Муксалма-1 были строителями каменных лабиринтов Соловецких островов. Дальнейшие археологические исследования на архипелаге позволяют сформулировать этот предварительный вывод более категорично.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Куратов А. А.* Археологические памятники Архангельской области. Каталог. Архангельск: Северо-Западное книжн. изд-во, 1978.
2. *Куратов А. А.* О каменных лабиринтах Северной Европы. Опыт классификации.— СА, 1970, № 1.
3. *Куратов А. А.* Древние лабиринты Архангельского Беломорья. К вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы.— Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1973.
4. *Куратов А. А.* К вопросу об иррациональном назначении каменных лабиринтов Севера Европы.— Вопросы советского финноугроведения. Тезисы докладов и сообщений на XV Всесоюзной конференции по финноугроведению. Петрозаводск, 1974.
5. *Kuratov A.* Stenlabyrinter i Solovetskij arkipelagen i Vita ha et (USSR).— FM 1972, Hagalund, 1973.
6. *Куратов А. А., Мартынов А. Я., Михайловский Ф. А.* Древние памятники Беломорья.— АО — 1974. М., 1975.
7. *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы.— СА, 1948, т. X.
8. *Куратов А. А., Мартынов А. Я., Михайловский Ф. А., Шевелев В. В.* Исследования в Архангельской области.— АО — 1975. М., 1976.
9. *Куратов А. А., Мартынов А. Я.* Исследования на Архангельском Севере.— АО — 1976. М., 1977.
10. *Куратов А. А., Мартынов А. Я.* Разведки и раскопки на Архангельском Севере.— АО — 1977. М., 1978.
11. *Куратов А. А.* Изучение древностей Архангельского Севера.— АО — 1971. М., 1972.
12. *Гохман И. И., Лукьянченко Т. В.* О предшественниках русских на Соловецких островах.— СЭ, 1979, № 4.
13. *Куратов А. А.* Наш край в древности.— Наш край в истории СССР. Архангельск: Северо-Западное книжн. изд-во, 1979.

14. *Гурина Н. Н., Тимофеев В. И., Шумкин В. Я.* О работах Кольской экспедиции.— АО — 1976. М., 1977.
15. *Никитин А. Л.* Памятники позднего неолита на юго-востоке Кольского полуострова.— В кн.: Памятники древней истории Евразии. М.: Наука, 1975.
16. *Никитин А. Л.* Население юго-востока Кольского полуострова в позднем неолите.— СЭ, 1976, № 2.
17. *Песонен П. Э.* Неолитические памятники Кандалакшского берега Белого моря.— В кн.: Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.

МАЛОВ Н. М.

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСАЛИЯ ИЗ КРАСНОПОЛЬЯ

Из погребения срубной культуры Краснопольского кургана происходят фрагменты костяных пластинок [1, с. 156—157, рис. 53, *5*], определенные И. В. Синицыным как два однодырчатых псалия [1, с. 195]. К. Ф. Смирнов считал их верхними частями древних псалий первого типа [2, с. 47]. При ознакомлении с предметами из Краснополья в фондах Саратовского краеведческого музея мы убедились в том, что в месте излома они совмещаются и поэтому могут рассматриваться как две части, верхняя и нижняя, одного изделия[1] (рис. 1, *3*). Общая длина псалия 125 мм, толщина 8 мм. Судя по сохранившимся частям, он сделан из расколотой вдоль трубчатой кости животного. Но в профиль он плоский, поскольку с внутренней стороны его боковые грани срезаны и тем самым устранена желобчатость. Здесь оставлено только четыре заостренных точеных шипа высотой 6—7 мм (сохранилось три). Пары шипов располагались друг против друга, по два на каждом краю. В центре псалия проделано большое овальное отверстие (длина 30, ширина 10 мм), окруженное уплощенным, рельефным валиком. На противоположных, расширенных концах изделия вырезано по одной прямоугольной уступчатой планке, на которой просверлено до пяти расположенных в ряд малых отверстий. По боковым краям планок, на одной линии с малыми отверстиями, сделано по выемке. Псалий расширен на концах и несколько сжат в средней части, что придает ему форму «двойной секиры». Он сделан аккуратно, наружная поверхность отполирована, внутренняя несколько шероховата.

По способу изготовления, наличию верхней прямоугольной планки с отверстиями, а также расположению центрального отверстия псалий из Краснополья сближается с прямоугольными желобчатыми псалиями. Но в отличие от них он плоский и имеет по краям шипы. Кроме того, у краснопольского псалия есть не только верхняя планка, но и нижняя. Нижние и верхние отверстия, связанные, по мнению авторов публикации, с системой раздвоенного нащечного ремня, имеются на желобчатом псалии из Мосоловского поселения [3, с. 81—83, рис. 3, *3*], но здесь нижние и верхние пары отверстий расположены неоднотипно: вверху они просверлены горизонтально, друг рядом с другом, а внизу вертикально, одно под другим. Такое взаимное расположение отверстий обусловлено различным функциональным назначением крепившихся к ним ремней: за верхние пары отверстий мосоловского псалия более удобным было крепить нахрапный ремень, а за нижние — конец раздвоенного нащечного ремня. Место соединения другого нащечного ремня с псалием установить сложно из-за фрагментарности находки.

Классифицируя евразийские псалии, К. Ф. Смирнов указывал на сходство краснопольских изделий с секировидными и плоскими псалиями первого типа (по Г. Потратцу) из Нимруда и Ниневии [2, с. 55—57]. В предлагаемой нами реконструкции краснопольский экземпляр по комплексу признаков еще более сближается с ранними передневосточными псалиями и, вероятно, имеет аналогичную систему крепления с уздой. Как и псалии из Нимруда и Ниневии, он секировидный в плане и плос-

[1] Инв. № 2072—2075.

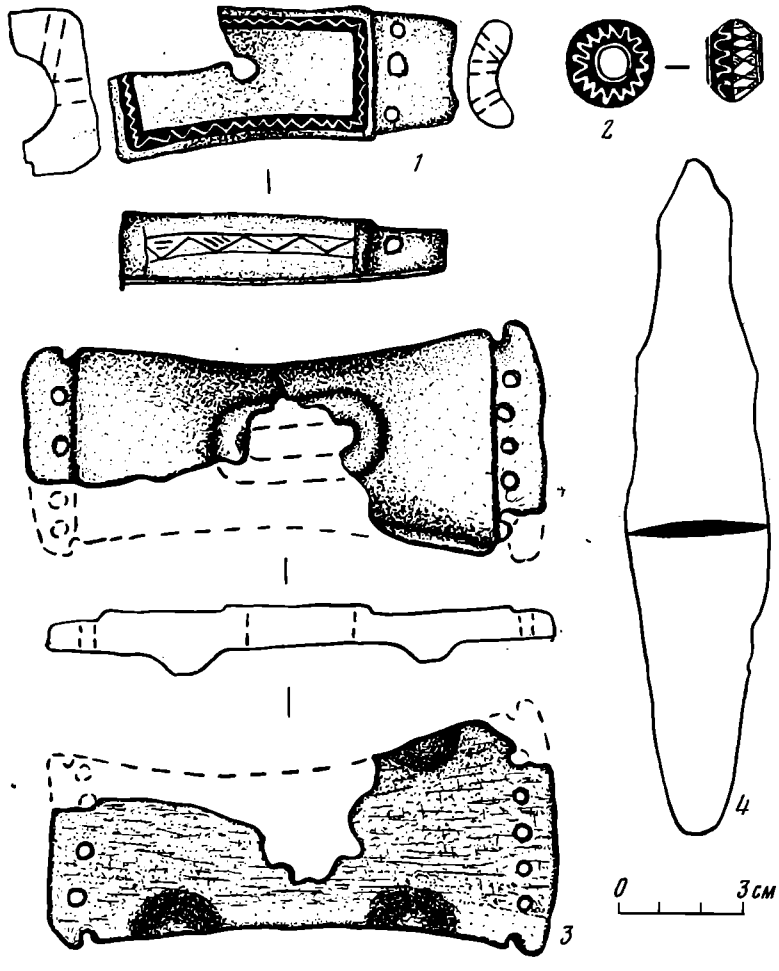


Рис. 1. *1* — Лебзак (Усатово), кург. 5, погр. 8, *2* — Покровск, юго-восточная группа, кург. 34, *3*, *4* — Краснополье, кург. 2, погр. 5

кий в профиль, имеет верхние и нижние малые отверстия, валик, большое центральное отверстие.

По-видимому, нижние и верхние ряды отверстий у псалия из Краснополья предназначены для прочного соединения с наносным и подгубными ремнями, а через центральное отверстие проходил конец мягких удил с петлей. Плоский валик укреплял центральную часть псалия, предохраняя ее от постоянного трения удил и повода. При управлении лошадью именно в этом месте на псалий приходилось значительное усилие. Не случайно многие желобчатые псалии бывают повреждены именно около центрального отверстия, рядом с которым у них крепился один конец нащечного ремня. Фрагментарность краснопольского псалия не позволяет установить наличия малого бокового отверстия для привязывания нащечного ремня. Вполне возможно, что концы узкого раздвоенного нащечного ремня привязывались в обхват планок, за верхние и нижние пары боковых вырезов, имеющих следы от трения. Не исключено, что малые отверстия на пленках служили не для привязывания нахрапного ремня, а для крепления раздвоенных нащечных ремней. Однако горизонтальное расположение малых отверстий на планках позволяет считать наиболее приемлемым первый из двух возможных вариантов, при котором за верхнюю планку привязывался наносный ремень, а за нижнюю подгубный. Это не противоречит последовательности развития конской узды Евразии, поскольку наносный и подгубный ремни появились одновременно с зарождением примитивного капцуга [4, с. 79]. При этом следует учитывать, что если бы нащечный ремень не двоился, то нахрапный сползал бы на ноздри лошади [4, с. 79]. Упоры, которыми ограничены планки,

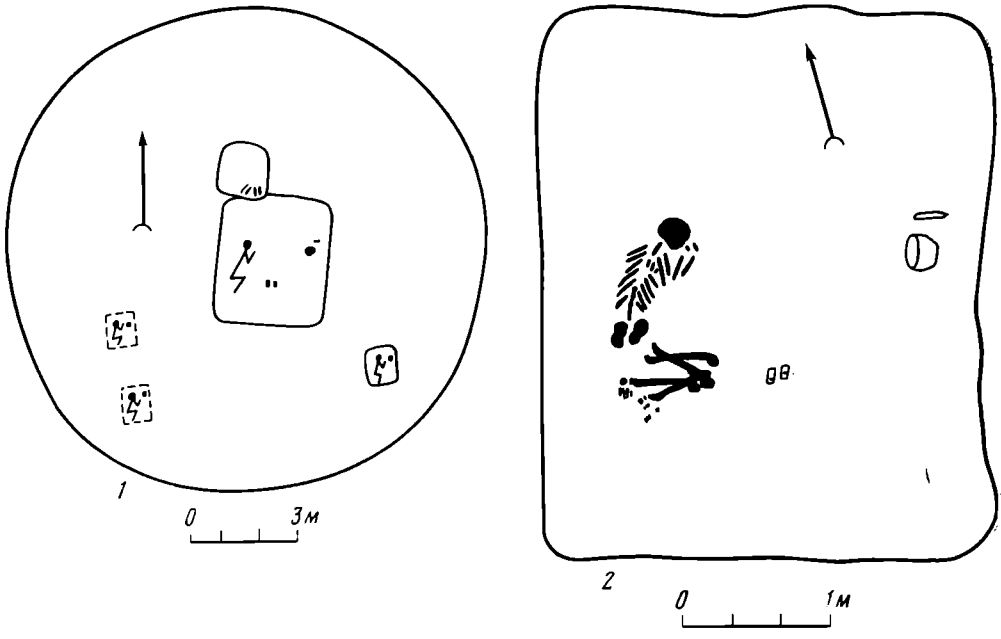


Рис. 2. Краснополье, кург. 2 (*1* – план кургана, *2* – план погр. 5)

удерживали концы нащечных ремней краснопольского псалия, а также многих дисковидных и желобчатых псалий, привязанных в обхват планок, что препятствовало их сползанию к большому центральному отверстию. Очень высокий уступ-упор есть на псалии, найденном П. Д. Рау около хут. Лебзак [5, с. 99, табл. 1, рис. 1]. В публикациях обычно отсутствует прорисовка боковой стороны этого псалия, где в прямоугольной рамке вырезана тонкая зигзагообразная линия с двумя заштрихованными углами (рис. 1, *1*) [2]. На гусёльском псалии функцию удержания верхнего нащечного ремня выполнял рельефный валик-упор [6, с. 24—25, рис. 9, *1*]. Из слоя Животинного городища происходит заготовка псалия, имеющего в верхней своей части желобок [3, с. 81, рис. 3, *1*], предназначенный скорее всего для крепления одного из концов нащечного ремня.

Вместе с тем такие детали краснопольского псалия, как плоская форма, прямоугольная планка с малыми отверстиями, упор и монолитные шипы сближают его с дисковидными псалиями катакомбной, абашевской культур и культуры многоваликовой керамики, от которых некоторые из этих конструктивных элементов были позаимствованы раннесрубными мастерами. Количество шипов у краснопольского псалия (четыре) такое же, как и у многих дисковидных псалий [7, с. 13, табл. 1].

Прототипом прямоугольных псалий Е. Е. Кузьмина считает овальный псалий с поселения Мирный-4, занимающего, по своей форме и другим деталям, промежуточное положение между дисковидными прямоугольными псалиями [7, с. 15—16]. Псалий из Краснополья имеет сходство как с прямоугольными желобчатыми, так и с дисковидными псалиями, и, следовательно, является одним из самых ранних плоских псалий, имеющих шипы.

У краснопольского псалия есть еще одна конструктивная особенность, отличающая его от известных псалий Евразии: наличие нижней планки с малыми отверстиями. Присутствие такого элемента позволяет рассматривать находку из Краснополья как особый подтип прямоугольных псалий. Вполне возможно, что она послужила одной из исходных форм для развития трехдырчатых псалий эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Для определения места погребения с псалием в срубной культуре Нижнего Поволжья необходимо привлечь дополнительные данные об обряде и инвентаре этого комплекса. Напомним, что оно являлось основным и располагалось в центре кургана (рис. 2, *1*, *2*), а обломки от

[2] Хранится в Энгельсском музее краеведения, инв. № 77.

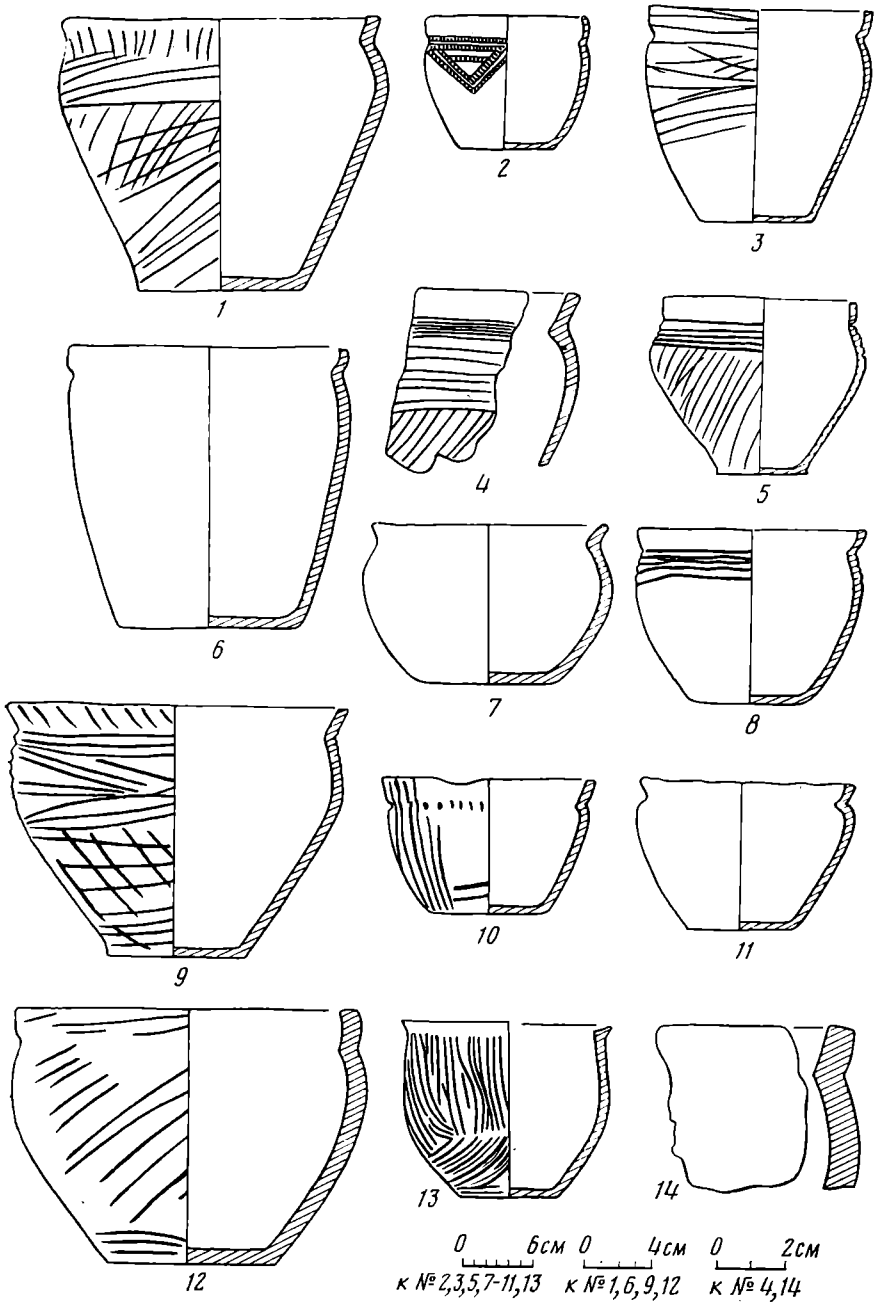


Рис. 3. *1, 6* — Аткарск (*1* — кург. 27, *2* — кург. 23, погр. 2), *2, 4, 5* — Бережновка I (*2* — кург. 35, погр. 5, *4* — кург. 32, насыпь, *5* — кург. 5, погр. 15), *3* — Бережновка II (кург. 80, погр. 4), *7* — Бережновка — Лесной Кордон (кург. 1, погр. 12), *8, 13* — Бережновка, юго-западная группа (кург. 1, *8* — погр. 1, *13* — погр. 13), *9, 14* — Максютово (кург. 3, *9* — погр. 7, *14* — погр. 5), *10, 11* — Краснополье (кург. 2, *10* — погр. 2, *11* — погр. 1), *12* — Бережновка, южная группа (кург. 2, погр. 9)

псалия лежали около колен покойника [8, с. 57, рис. 2]. Из этой же могилы происходит лепной ребристый сосуд с примесью толченых раковин в глине и нож с намечающимся перекрестием, перехватом и ромбической пяткой черенка (рис. 1, *4*), изготовленный из меди химической группы ВК [9, с. 63, 127, № 1657]. К. Ф. Смирнов вполне справедливо отмечал архаизм обряда и инвентаря погребения и относил памятник к группе раннесрубных комплексов, синхронных комплексам Покровских курганов и раннеандроновских памятников [2, с. 57—59]. Н. К. Качалова не включила Краснопольское погребение с псалием в число памятников «бережновского» горизонта, предшествующих, по ее мнению, времени возникновения Покровских курганов [10, с. 69—78, рис. 3; 11, с. 58, рис. 6]. Следовательно, в схеме Н. К. Качаловой это захоронение отно-

сится к второму срубному «покровскому» горизонту, куда исследовательница включает памятники, одновременные Покровским курганам [10, с. 72—73, рис. 3].

Сейчас установлено, что на покровском этапе срубной культуры иногда встречается абашевская посуда (рис. 3) [12, 13, с. 3—13], имеющаяся во впускных детских погребениях Краснопольского кургана. Комплексы типа Староюрьевских и Покровских курганов, содержащие посуду абашевского типа, дисковидные и желобчатые псалии, а также другой близкий инвентарь, на каком-то отрезке времени сосуществуют [14, с. 243]. Этому не противоречит такой элемент, как резная волна и зигзаг, присутствующие на костяном колечке (рис. 1, *2*) срубного погребения кург. 34 Покровского могильника [3].

Согласно схеме Н. К. Качаловой, срубно-абашевские погребения присутствуют только в «бережновском» и «покровском» горизонтах срубной культуры Нижнего Поволжья. Керамику абашевского типа содержит ряд захоронений, включенных Н. К. Качаловой [10, с. 74, рис. 2, *23*, *24*; 11, с. 30—31, рис. 2] в «бережновский» горизонт (Максютово, кург. 3, погр. 5, 7; Бережновка I, кург. 35, погр. 3, 5, 6; Бережновка II, кург. 80, погр. 4; кург. 90, погр. 3). Подобная посуда присутствует среди погребений, относимых Н. К. Качаловой к «покровскому» горизонту (Бережновка I, кург. 25, погр. 2, 4, 6; кург. 87, погр. 2) [11, с. 30—31, рис. 2]. Одно захоронение с гибридным срубно-абашевским сосудом, имеющим глубокие горизонтальные желобки (рис. 3, *3*), отнесено к «позднеполтавкинскому» горизонту [11, с. 30] случайно, поскольку Н. К. Качалова уже указывала на отсутствие контактов между полтавкинцами и абашевцами [12, с. 11]. Независимо от того как исследователи называют нижневолжские погребения, содержащие абашевский компонент — раннесрубные, покровско-абашевские, абашевско-срубные или срубно-абашевские — их обычно относят к «сейменскому» хронологическому горизонту и полностью или частично синхронизируют с Приуральскими погребениями типа Петровки, Спнташты, Нового Кумака, Герасимовки, именуемыми раннеандроновскими, новокумакскими, абашевско-алакульскими, петровскими или раннеалакульскими [15, с. 48—49; 16, с. 121; 17, с. 19—50]. Следовательно, даты этих приуральских памятников могут полностью или частично распространяться на нижневолжские срубно-абашевские комплексы, в том числе и краснопольские. Большинство специалистов относит памятники раннеандроновского времени к XVI в. до н. э. [18, с. 94—95; 19, с. 21; 17, с. 19—50]. Иногда предлагаются даты более поздние, в пределах третьей четверти II тысячелетия до нашей эры, куда, по мнению А. Д. Пряхина, «не включается только позднее время сейменского хронологического горизонта, ибо в этот период уже не было ощутимого проявления абашевских традиций» [16, с. 121]. Погребения с абашевскими элементами Н. К. Качалова относит к началу третьей четверти II тысячелетия до нашей эры [12, с. 11]. К этому времени, вероятно, относятся впускные и основное захоронения Краснопольского кургана, поскольку они по обряду и инвентарю не могут быть отнесены к концу сейменского хронологического горизонта.

Н. Н. Чередниченко датировал ранний этап срубной культуры XVI—XIV вв. до н. э., разделив его на две ступени [13, с. 3—13]. Наиболее поздние дисковидные псалии, с которыми сближаются желобчатые и краснопольский псалии, датируются не позднее XV—XIV вв. до н. э. [7, с. 15—16]. Краснопольский же экземпляр по своим деталям относится к наиболее ранним образцам. Учитывая приведенные выше даты, предлагаемые для раннеалакульских комплексов, а также новую дату Бородинского клада [20, с. 82—83; 21, с. 4—6] срубно-абашевские погребения, памятники «бережновского» и «покровского» горизонтов срубной культуры Нижнего Поволжья можно в общих чертах датировать XVI—XIV вв. до н. э.

---

[3] Находится в экспозиции Саратовского краеведческого музея.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, 1959, № 60.
2. *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей.— СА, 1961, № 1.
3. *Екимов Ю. Г., Пряхин А. А.* Костяные псалии эпохи бронзы с территории лесостепного Подонья.— Тр. КПИ, 1979, т. 230.
4. *Чередниченко Н. Н.* Основные этапы развития конской узды Евразии в середине II — нач. I тыс. до н. э.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тез. докл. конференции). ч. I. Киев: Наук. думка, 1975.
5. *Синицын И. В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья.— Уч. зап. СГУ, 1947, т. 17.
6. *Синицын И. В., Фисенко В. А.* Поселение срубной культуры Гусёлка-II в окрестностях Саратова.— В кн.: Античный мир и археология. Вып. 1. Саратов: изд-во Саратовск. ун-та, 1972.
7. *Кузьмина Е. Е.* Еще раз о дисковидных псалиях Евразийских степей.— КСИА, 1980, вып. 161.
8. *Синицын И. В.* Отчет об археологических исследованиях Заволжского отряда Сталинградской экспедиции в 1953 году. Архив ИА АН СССР, р-1, № 819.
9. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья.— МИА, 1970, № 172.
10. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья.— СА, 1978, № 3.
11. *Качалова Н. К.* Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников.— АСб. ГЭ, 1979, № 20.
12. *Качалова Н. К.* Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья.— АСб. ГЭ, 1976, № 17.
13. *Чередниченко М. М.* Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я.— Археологія, 1977, № 22.
14. *Пряхин А. Д.* Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево.— СА, 1967, № 3.
15. *Халиков А. Х.* Покровско-абашевский этап эпохи бронзы Поволжья и Приуралья.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд-во Куйбышевск. ун-та, 1976.
16. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1977.
17. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.
18. *Генинг В. Ф.* Хронологические комплексы 16 в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника).— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тез. докладов конференции). Ч. I. Киев: Наук. думка, 1975.
19. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
20. *Березанская С. С.* Предсрубный культурно-хронологический горизонт Украины.— Тр. КПИ, 1978, т. 221.
21. *Березанская С. С.* Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк. Изд-во Донецкого ун-та, 1979.

ТЕШЕВ М. К.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Основы формирования будущих народностей Кавказа и их культур были заложены в недрах местных культур: прикубанской, колхидской, кобанской и каякентско-хорочоевской [1, с. 66].

В решении проблемы этногенеза адыгов большое значение имеют памятники прикубанской культуры: на Кубани — протомеотский могильник с. Николаевского [2, с. 103—126], могильник хут. Кубанского [3, с. 45], могильник Ясеновая Поляна [4, с. 129, 141, 148, 166], древнемеотский могильник близ г. Абинска [5, с. 48—59]. На Черноморском побережье Западного Кавказа в этом плане интерес представляют Геленджикские подкурганные дольмены [6, с. 139—149] и отдельные находки из района Сочи [7, с. 57—60] и Новороссийска [8, с. 19—21]. Первый могильник эпохи поздней бронзы был обнаружен здесь в 1981 г. [1].

[1] Могильник обнаружил А. Т. Ачох, сторож строящегося завода железобетонных изделий. О паходке нам сообщил главный агропом Туапсинского плодосовхоза В. А. Назаренко.

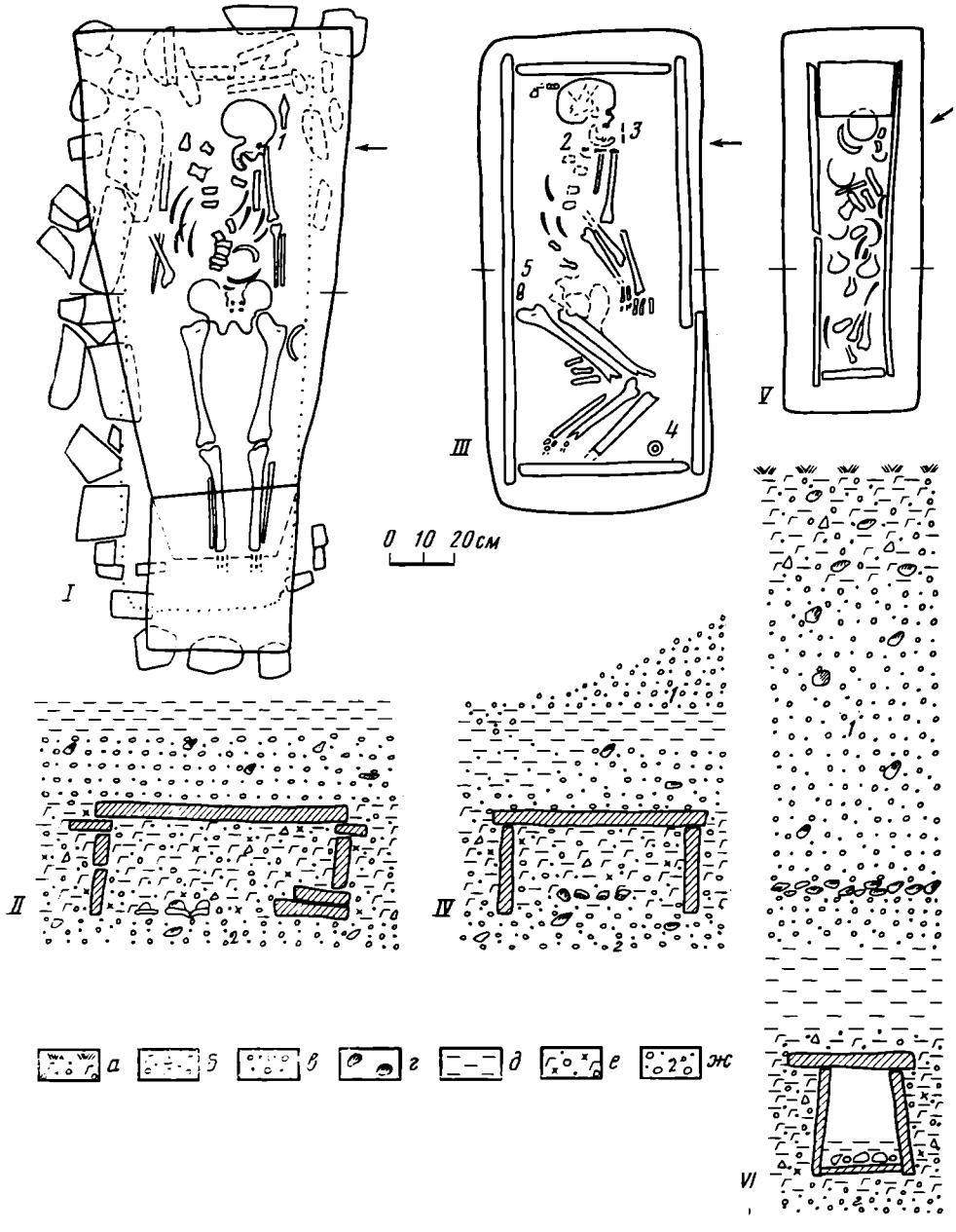


Рис. 1. Могильник Псыбе. Планы (I, III, V) и профили (II, IV, VI) погребений 13, 14, 11. *1* — наконечник копья; *2* — фрагменты спиралек; *3* — фрагменты прутика (шило?, игла?); *4* — пряслице; *5, 6* — пуговицы. *1—3* — бронза; *4—6* — кость. *а* — задернованный гумус; *б* — средневековая погребенная почва; *в* — поздние отложения р. Псыбе; *г* — камни; *д* — глина; *ж* — древняя погребенная почва с культурными остатками; *з* — древний стерильный аллювий р. Псыбе

Могильник Псыбе находится на левом берегу р. Псыбе, в 1 км восточнее пос. Новомихайловского Туапсинского р-на. Он расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Псыбе, на высоте 10—11 м над современным урезом реки, под 2,5-3-метровыми позднимп отложениями (рис. 1, VI). Весной 1971 г. в могильнике было исследовано 14 погребений.

Установить планировку могильника оказалось затруднительно, однако зафиксировано расположение могил вдоль надпойменной террасы, строго с запада на восток. Среди раскрытых погребений 4 мужских, столько же женских, 3 погребения подростков и ребенка 3—5 лет; остальные не определены. Общим типом погребального сооружения является удлиненно-прямоугольная грунтовая яма, обложенная и перекрытая сверху плитами из серого песчаника (рис. 1, I, IV, VI),— наиболее типичная форма погребального сооружения поздней бронзы на Северном Кавказе

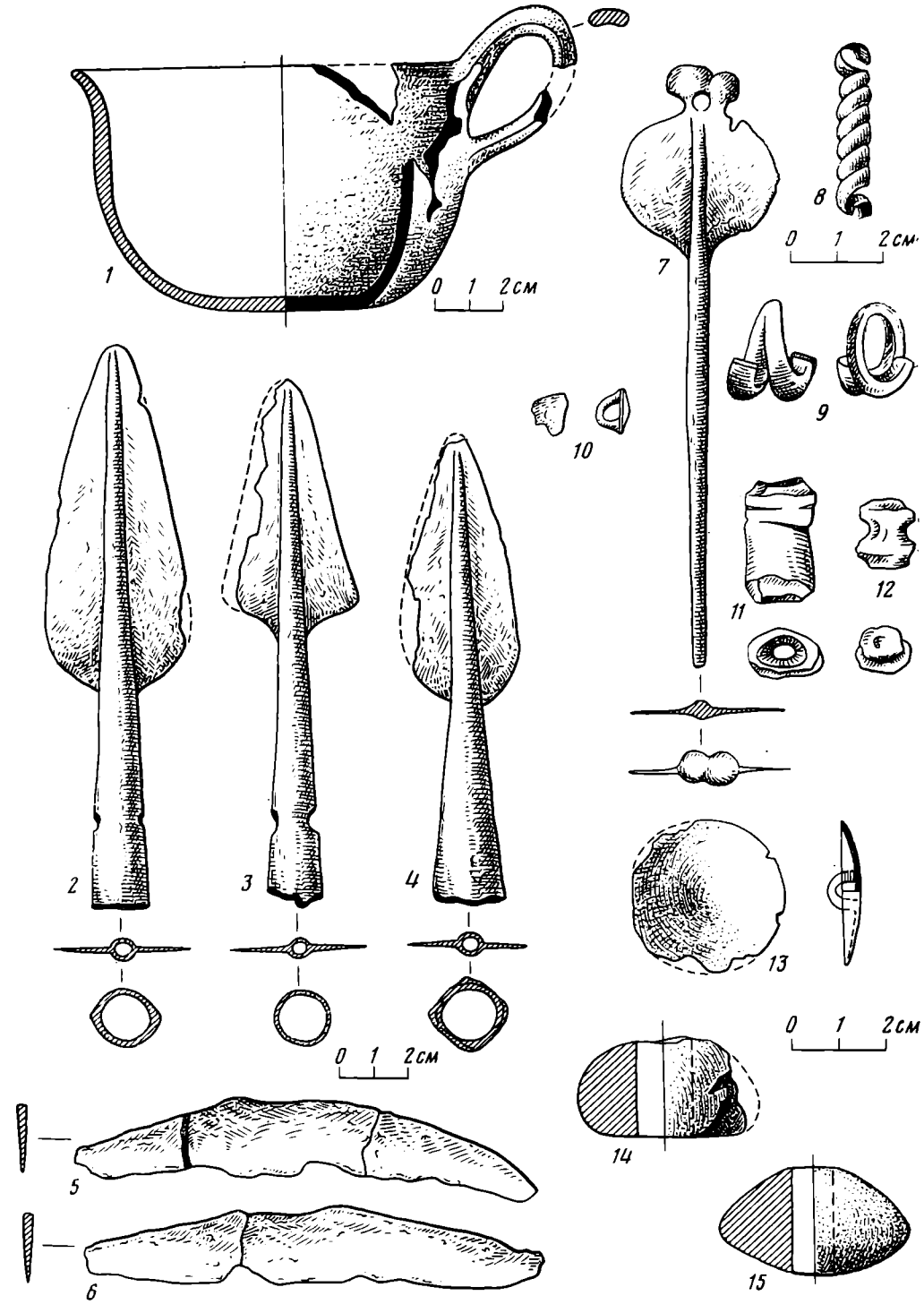


Рис. 2. Могильник Псыбе. Погребальный инвентарь. *1* — чарка; *2—4* — наконечники копий; *5, 6* — ножички; *7* — булавка; *8* — спиралька; *9* — височное кольцо; *10* — пуговка; *11, 12* — пуговицы; *13* — бляшка; *14, 15* — пряслица. *1, 15* — глина; *2—4, 5, 7—10, 13* — бронза; *6* — железо; *11, 12, 14* — кость

[1, с. 77]. Конструкция ящиков следующая: в яму ставили боковые плиты, между которыми помещали торцовые стенки, при этом боковые плиты всегда выступали по краям ящика на 7—10 см (рис. 1, III). Толщина стенок варьировала от 3 до 5 см, а перекрытий — от 5 до 10 см. В могилах подростков и ребенка наблюдалось особенно тщательное устройство, а также непременное покрытие дна плитами — деталь, отсутствующая в погребениях взрослых.

В положении костяков наблюдались различия, обусловленные поло-

возрастными факторами. В мужских погребениях костяки лежали на спине, руки были вытянуты вдоль туловища (рис. 1, I), только в одном случае (погр. 4) ноги погребенного оказались слегка подогнутыми и скрещенными. Костяки в женских захоронениях лежали в скорченном положении, на левом боку, руки были согнуты в локтях, кисти перед лицом. Только в одном случае в женском погребении руки были вытянуты перед туловищем (рис, 1, III). Судя по сохранившимся костякам подростков и ребенка, они лежали на спине, руки вытянуты вдоль туловища. Ориентировка всех погребенных — восток или юго-восток.

В могилах встречались обожженные куски известняка, морская галька, куски древесного угля и красной охры. В единственном случае мужской костяк (погр. 12) ниже пояса был обильно посыпан охрой. В погр. 4 найдены зуб коровы и альчик — характерные признаки погребений поздней бронзы на Северо-Западном Кавказе [2, с. 115]. В могилах попадались фрагменты керамики, костей, органики, оказавшиеся в них путем наносов.

В расположении погребального инвентаря также наблюдается определенная закономерность. В мужских погребениях слева у черепа (в трех случаях) лежали бронзовые наконечники копий (рис. 2, *2—4*). Кроме того, в погр. 12 под наконечником копья находились фрагменты бронзовых спиралек, а у пояса бронзовая пуговка (рис. 2, *10*), в погр. 4 у черепа найден бронзовый серповидный ножичек (рис. 2, *5*), в погр. 1 оказался слева у локтя такой же ножичек, только железный (рис. 2, *6*).

На каждом женском костяке в области шеи найдены фрагменты бронзовых спиралек (рис. 2, *8*), а в двух могилах (погр. 2 и 14) слева у ног оказались пряслица: глиняное и костяное (рис. 2, *14*, *15*). В погр. 2, слева у черепа, лежали бронзовая булавка (рис. 2, *7*) и бляшка (рис. 2, *13*). В двух могилах (погр. 9 и 14) найдены височные кольца в полтора оборота с заходящими один за другой концами (рис. 2, *9*). В погр. 14 оказались две костяные пуговки (рис. 2, *11*, *12*).

В полуразрушенном погр. 10 у ног костяка находилась фрагментированная глиняная чарка с ручкой (рис. 2, *1*) в виде петли, темно-коричневого обжига, из хорошо отмученного теста с примесью дресвы, с округлым плоским дном. Высота сосуда 8,5 см, диаметр горловины 12 см, диаметр донца 5,5 см. Подобные чарки широко распространены в материалах могильников с. Николаевского [2, табл. 1, *3*, *4*], Ясеновая Поляна [4, табл. II, *7*, *13*], близ г. Абинска [5, с. 57, рис. 1, 2].

Найденные серповидные бронзовый и железный ножички аналогичны находкам из могильника с. Николаевского [2, табл. III, *7*]. Пряслице из головки бедренной кости животного тождественно пряслицу из Ясеновой Поляны [4, табл. II, *4*]. Бронзовые листовидные наконечники копий сходны с наконечниками в могильниках с. Николаевского [2, табл. II, *2*], хут. Кубанского [3, с. 45], близ г. Абинска [5, рис. 1, *6*], а также в окрестностях Сочи [7, с. 58, рис. 26, *7*] и Новороссийска [8, с. 20]. Массивная бронзовая булавка с длинным стержнем, плоской головкой и двумя спаренными шпшечками наверху (рис. 2, *7*) находит ближайшую аналогию в булавках из гагринского погребения, датируемого IX—VIII вв. до н. э. [9, с. 257, рис. 1—3]. Бронзовые височные кольца, витые спиральки, полусферическая бляшка и пуговица с овальной петелькой часто встречаются в могильниках прикубанской культуры.

Таким образом, могильник Псыбе может датироваться в рамках VIII—VII вв. до н. э. Вероятно, он оставлен племенем прикубанской культуры (по А. А. Иессену [10, с. 124]). Так, по данным античных авторов [11, с. 34—36] в середине I тысячелетия до н. э. Северо-Западный Кавказ населяли протоадыгские племена: меоты, синды, керкеты, тореты, ахеи. Одно из этих племен, ахеи, проживали на территории современного Туапсинского р-на. Можно высказать следующее предположение: могильник Псыбе оставлен протоахеями. Окончательные выводы, однако, возможны лишь после полного исследования памятника, представляющего интерес в свете изучения истории финальной бронзы на Черноморском побережье Западного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
2. *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник с. Николаевского.— СМАА, 1961, т. II.
3. *Анфимов Н. В.* Новый памятник древнемеотской культуры (могильник у хут. Кубанского).— В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
4. *Дитлер П. А.* Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс.— СМАА, 1961, т. II.
5. *Анфимов Н. Н.* Древнемеотский могильник близ г. Абинска.— ВАА, 1981.
6. *Ханов И. Н.* Геленджикские подкурганные дольмены.— СА, 1961, № 1.
7. *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
8. *Дмитриев А. В.* Новые материалы VIII—V вв. до н. э. из района Новороссийска: Тезисы VI Крупновских чтений в г. Краснодаре. М., 1976.
9. *Воронов Ю. Н., Гунба Н. Н.* Новые памятники колхидской культуры в Абхазии.— СА, 1978, № 2.
10. *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, 1951, № 23.
11. Очерки истории Адыгеи. Т. I. Махачкала: Адыгейское кн. изд-во, 1957.

АЙБАБИН А. И., ВЕЙМАРН Е. В.

СКЛЕП 406 СКАЛИСТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В археологической литературе высказываются противоречивые мнения о датировке раннесредневековых амфор с сужающимся к центру туловом [1, с. 119—120, рис. 149, *1—2*; 2, с. 131—132, рис. 4, *1*; 3, с. 83, рис. 2; 4, с. 23, обр. 3*и*; 5, с. 281, рис. 12, *4*, *5*; 6, с. 57; 7, с. 12] и некоторых типов краснолаковых сосудов [1, с. 126, рис. 160, 161; 8, с. 298—301, табл. IX—X, *214—242*; 9, с. 53, 56—58, табл. XI, *940—947*; 10, с. 319—321; 11, с. 34—36; 12, с. 123—125, рис. 51, *9*; 13, с. 26—27, рис. 6, *1—3*; 14, с. 110—113, рис. 1; 15, с. 45—46, рис. 1, *6—8*; 16, с. 163—164, рис. 8, *7—12*; 17, с. 329—338, рис. 67, *7*, 68, *15*, *28*]. Для обоснования датировки этих групп керамики большое значение имеет публикация найденного в Скалистом (Бахчисарайский р-н Крымской обл.) в склепе 406 вещевого комплекса, состоящего из деталей поясного набора, верхней части амфоры и краснолаковых мисок упомянутых выше типов.

Склеп 406 расположен в западной части могильника. Сохранилась нижняя часть прямоугольного дромоса (длина 2,3, ширина 0,7, глубина 1,2 м), входного отверстия и трапециевидной камеры (длина 2, ширина 1,8—1,6, глубина 1,3 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток (рис. 1, *1*). На дне дромоса в земле найдена серебряная фибула (рис. 1, *4*), видимо, потерянная грабителями склепа. В камере рядом со входом лежала известняковая закладная плита (0,12×0,7×0,65 м). На полу камеры среди разбросанных обломков гнилого дерева от колод, костей животного и костей от трех скелетов взрослых собраны два деформированных черепа мужчин лет 40—50, бронзовые поясные наконечники (рис. 1, *5*, *6*) и бляшка (рис. 1, *13*), обломки серебряной пластины от наконечника (рис. 1, *19*), бронзовые литые трехгранное кольцо с ромбической жуковиной (рис. 1, *8*), пластинчатое кольцо с фигурной жуковиной с гравированной линией (рис. 1, *7*), кольцо с гравированными пересекающимися линиями (рис. 1, *14*) и два кольца с овальной жуковиной (рис. 1, *15*), маленькая бронзовая пряжка с кольцом и язычком из проволоки и щитком из перегнутой вокруг тыльной стороны кольца пластины (рис. 1, *2*), три проволочных язычка от подобных пряжек (рис. 1, *16—18*), бронзовые стержень (рис. 1, *39*), обломок иглы (рис. 1, *11*), игла фибулы с приемником (рис. 1, *12*), серебряный гвоздик с полушаровидной шляпкой от большой пряжки с прямоугольным щитком (рис. 1, *3*), две половинки бронзового бубенчика (рис. 1, *9*, *10*), кусочки кожи и ткани, мелкие фрагменты стеклянного сосуда, горло стеклянной колбы (рис. 1, *30*), три лепных темноглиняных кувшина (высота 12,5 см — рис. 2, *10*; высота 11,5 см — рис. 2, *9*; высота 15,5 см — рис. 2, *11*) и обломки темноглиняного лепного кувшинчика (высота 10,4 см — рис. 2, *12*), лепная темноглиняная миска (высота 6 см —

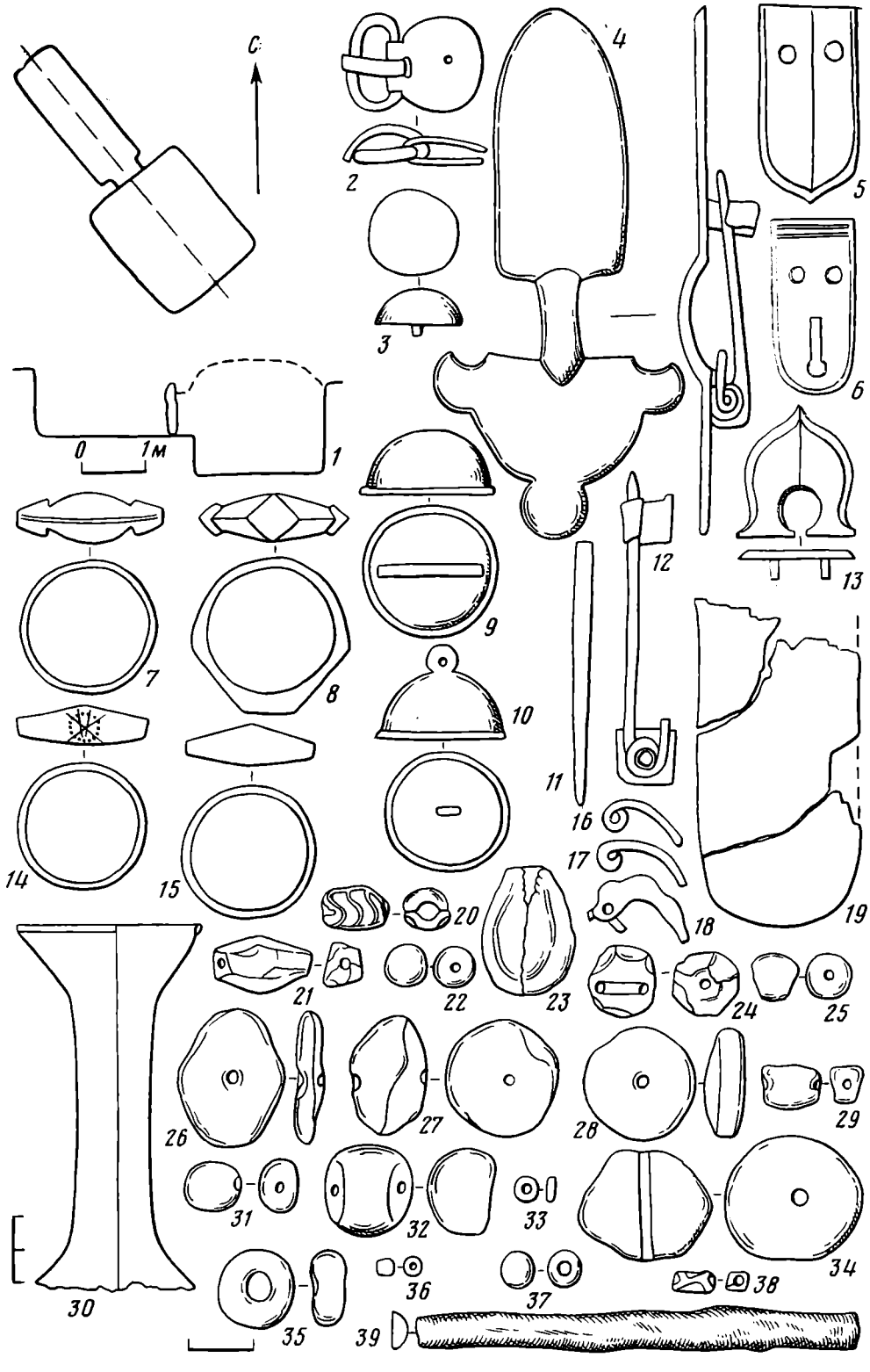


Рис. 1. Скалистое, склеп 406. *1* — план и разрез; *2—39* — находки. *2, 3, 5—18, 39* — бронза; *4, 19* — серебро; *20, 30, 32, 33, 35, 36, 38* — стекло; *21, 22, 37* — сердолик; *23* — раковина каури; *24, 34* — горный хрусталь; *25, 26—29, 31* — янтарь

рис. 2, *8*), обломки двух краснолаковых мисок (рис. 2, *6*, *7*), верхняя часть красноглиняной амфоры, покрытой изнутри черным смолистым веществом (рис. 2, *13*), обломки железных ножей (рис. 2, *15*) и небольшие сильно коррозированные обломки узкого клинка—меча или палаша, две раковины каури (рис. 1, *23*), шаровидная и биконическая бусины из горного хрусталя (рис. 1, *24*, *34*), четыре сердоликовые бусины (рис. 1,

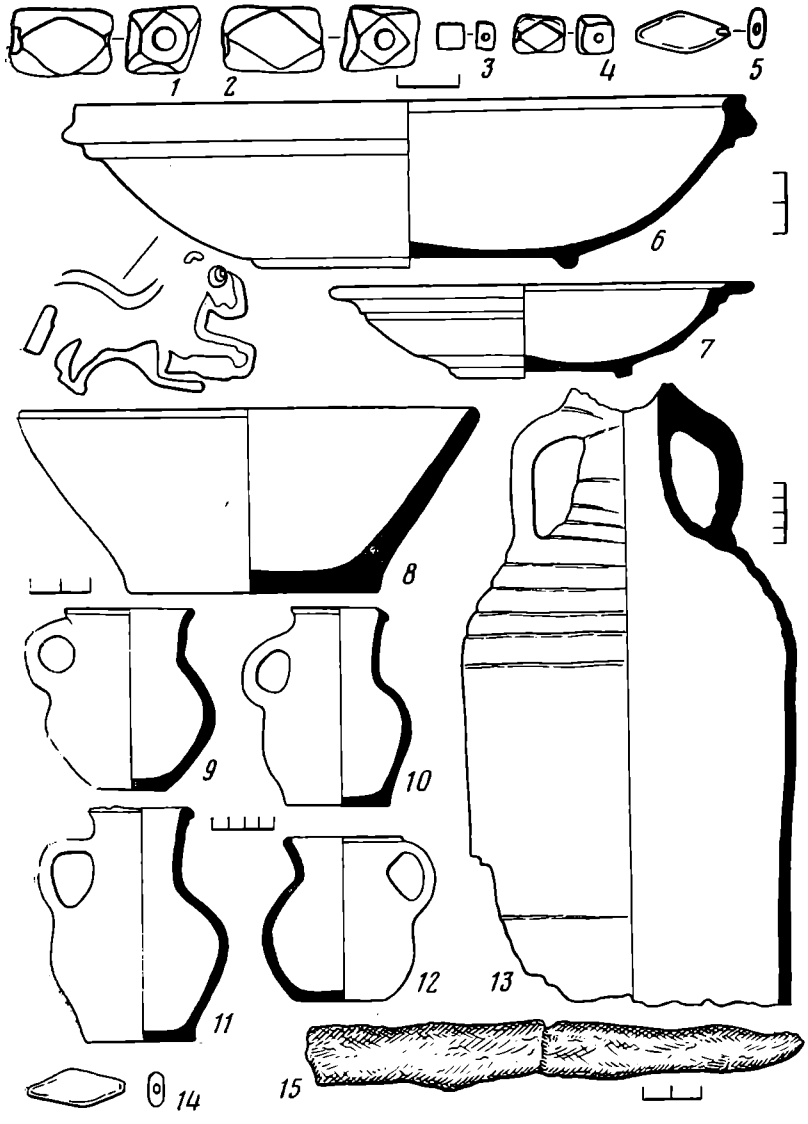


Рис. 2. Находки из склепа 406. *1—4* — стекло; *5* — янтарь; *6, 7* — гончарные красноглиняные краснолаковые миски; *8—12* — лепные сосуды из темно-серой глины; *13* — красноглиняная амфора; *14* — сердолик; *15* — железо

21, *22*, *37*; 2, *14*), 48 янтарных бусин (рис. 1, *25*, *26—29*, *31*; 2, *5*), одна из светло-коричневого стекла (рис. 1, *32*), одна из темно-синего (рис. 1, *35*), четыре многогранных из светло-синего (рис. 2, *1*, *2*), одна из синего с красноватыми вставками (рис. 2, *4*), две цилиндрические из синего (рис. 2, *3*), одна из голубого с синими прожилками (рис. 1, *20*), две из синего с желтоватыми накладными нитями (рис. 1, *38*) и 14 бисеринок из черного стекла (рис. 1, *33*, *36*).

Серебряная двухпластинчатая фибула (рис. 1, *4*) отличается от других однотипных крымских раннесредневековых фибул тем, что она литая. Головка фибулы украшена круглым выступом и двумя стилизованными изображениями птичьих голов. С обратной стороны к головке припаяна бронзовая пружина иглы, а к ножке — бронзовый приемник иглы. Длина фибулы 7,8 см. А. К. Амброз классифицировал крымские раннесредневековые двухпластинчатые фибулы по форме и длине. Самые маленькие фибулы (длина не более 8 см) он отнес к четвертому подварианту [18, с. 207—209] и датировал второй половиной VII в. [19, табл. II, 23, с. 114, 116]. Длина бронзового игольного аппарата второй фибулы 5 см. Вероятно, он принадлежал двухпластинчатой фибуле третьего подварианта (по классификации А. К. Амброза длина этих фи-

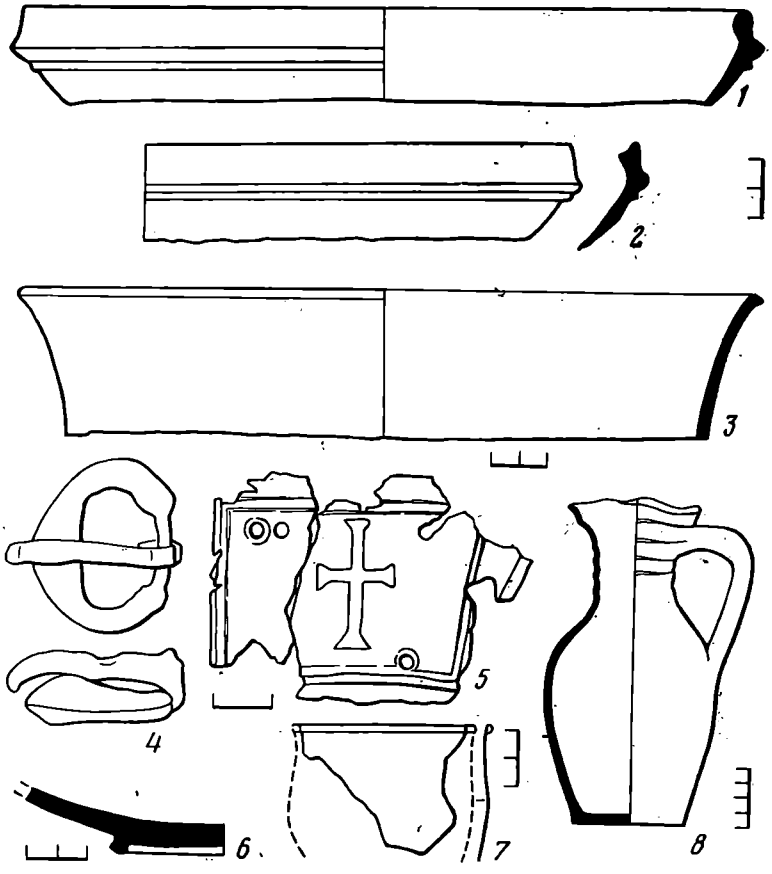


Рис. 3. Находки из Скалистого из склепов 3в (*1—3*) и 418 (*4—8*). *1, 2, 6* — фрагменты гончарных красноглиняных краснолаковых мисок; *3* — фрагмент лепной миски из темно-серой глины; *4* — бронза; *5* — серебро; *7* — зеленоватое стекло; *8* — гончарная красноглиняная ойнохоя

бул от 9 до 18 см.: [18, с. 209]). Оба наконечника ремней и поясная бляшка отлиты с загнутыми боковыми краями. Один наконечник декорирован двумя круглыми отверстиями. К его обратной стороне припаяны два шпенька. Длина наконечника 2,8 см (рис. 1, *5*). Другой наконечник при отливке украшен двумя углубленными параллельными линиями, двумя круглыми и одним продолговатым отверстиями (рис. 1, *6*). К ремню наконечник крепился одним шпеньком. Длина наконечника 2,5 см. К обратной стороне бляшки припаяны два шпенька. Ее длина 2 см (рис. 1, *13*). Подобные бляшки отнесены А. К. Амброзом ко второй половине VII в. [20, рис. 1, *52*, с. 294—296]. Горло стеклянной колбы (высота 11 см — рис. 1, *30*) по форме аналогично горлу колбы, обнаруженной в Керчи в склепе 180 вместе с орлиноголовой пряжкой, пальчатыми фибулами и поясным набором второй половины VII в. [18, с. 186; 21, рис. на с. 60]. Темноглиняные лепные кувшины и миски, близкие по форме публикуемым, найдены в склепах IV в. в Озерном [22, рис. 1, *1*, 6, *1*, *8*], в могиле конца IV — первой половины V в. в Заморском [23, рис. 6, *10*; 7, *1*], в Скалистом, в склепе второй половины V в. [24, с. 23, 31, рис. 1, *4*], в Суук-Су в склепах второй половины VI в. [25, с. 12, табл. IV, *26*; 26, с. 106, рис. 9; 19, табл. II, с. 114] и в склепе 284а в Скалистом вместе с пряжкой типа «Коринф» первого подтипа. От амфоры из красно-кирпичной глины сохранилась большая часть конусообразного горла с двумя короткими ручками и верхняя часть сужающегося к центру тулова с округлыми плечиками, покрытыми глубоким рифлением (высота 40 см). Венчик и нижняя часть тулова амфоры утрачены (рис. 2, *13*). Такая же, но целая амфора находилась на полу раскопанного на Ильичевском городище помещения вместе с амфорами [2, с. 132, рис. 5] первой половины VII в. [6, с. 59]. Часть тулова одно-

типной амфоры обнаружена в земле над дромосом склепа 65 на склоне высоты «Сахарная Головка» [27, с. 61, 62, рис. 17]. Время сооружения склепа определяется по происходящим из него пряжкам типа «Сиракузы» [27, с. 60] — вторая половина VII в. [28, с. 236].

Из собранных на полу фрагментов были склеены две краснолаковые миски: 1) маленькая миска из темно-розовой хорошо отмученной глины (высота 3 см, верхний диаметр 14 см), с горизонтальным слегка прогнутым бортиком, с тонкой профилированной стенкой, с плоским дном и низким кольцевидным поддоном (рис. 2, *7*); 2) большая миска (высота 5,4 см, верхний диаметр 21,7 см) из светло-красной хорошо отмученной глины с мелкими вкраплениями извести, с небольшим нависающим профилированным венчиком, слегка округлой тонкой стенкой, плоским дном и низким кольцевидным поддоном (рис. 2, *6*). Обе миски покрыты тусклым темно-розовым лаком с бурыми пятнами. На внутренней стороне дна большой миски штампом оттиснуто изображение зверя (барса или пантеры). В стенке этой миски имеются маленькие отверстия для скрепок; по-видимому, миска в древности подвергалась ремонту. Фрагменты верхних краев двух однотипных краснолаковых мисок (диаметр венчиков 24 и 28 см) извлечены из камеры разрушенного скалистинского склепа 3в (рис. 3, *1*, *2*) вместе с верхней частью лепной сероглиняной миски (рис. 3, *3*). Обломок дна еще одной краснолаковой однотипной миски (рис. 3, *6*) найден вместе с бронзовой пряжкой (рис. 3, *4*), кусками пластинчатого серебряного щитка пряжки (рис. 3, *5*), фрагментом стеклянного бокала (рис. 3, *7*), красноглиняной ойнохоей (высота 21,5 см — рис. 3, *8*), железной пряжкой, обломками железных ножей и бусами среди немногочисленных человеческих костей, разбросанных на полу скалистинского склепа 418. Бронзовые пряжки, аналогичные публикуемой (рис. 3, *4*), встречены в Суук-Су в могилах 71 [25, с. 21, табл. X, *15*] и 118 [29, с. 109, табл. XVI, *9*] с пряжками VII в. [19, табл. II, *14*, *26*]. Серебряная пластина от прямоугольного щитка пряжки декорирована вдавленным крестом (рис. 3, *5*). Однотипная пряжка обнаружена в Херсонесе в склепе VI — первой половины VII в. [24, с. 31, рис. 2, *8*]. Вероятно, скалистинский склеп 418 можно датировать первой половиной VII в. Еще две целые краснолаковые миски интересующего нас типа найдены в Суук-Су в склепе второй половины VI в.[1] [26, с. 106, рис. 10; 19, табл. II, с. 114] и в Керчи в могиле 19 с пальчатыми фибулами VI—VII вв. [18, с. 182—184]. На внутренней стороне дна миски из Суук-Су оттиснуто изображение барана, а на внутренней стороне дна миски из Керчи — изображение креста.

Как писалось выше, краснолаковые миски рассматриваемого типа входят в состав комплексов второй половины VI в. (Суук-Су, склеп 193), первой половины VII в. (Скалистое, склеп 418) и второй половины VII в. (Скалистое, склеп 406). Однако миска из склепа 406 находилась в употреблении довольно длительное время. Видимо, датировку большей части найденных в Крыму мисок данного типа следует ограничить рамками второй половины VI — первой половины VII в. Такая датировка подтверждается новыми раскопками в Херсонесе [16, с. 163—164].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.— МИА, 1952, № 25.
2. *Сокольский Н. И.* Ильичевское городище.— СА, 1966, № 4.
3. *Антонова И. А., Даниленко В. Н., Пващута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса.— АДСВ, 1971, вып. 7.
4. *Кузманов Г.* Ранновизантийска керамика от кастела на нос Калиакра.— Археология, 1978, № 2.
5. *Scorpan C.* Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-bizantins (IVe—VIIe siècles) dans l'espace Istro-Pontique.— Dacia, N. S., 1977, t. XXI.
6. *Баранов И. А.* Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма.— В кн.: Плиска — Преслав. Вып. 2, София, 1981.

[1] Краснолаковая миска из Суук-Су из склепа 193 хранится в ГЭ, инв. № 2358/26.

7. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
8. *Waage F.* The Roman and Byzantine pottery.— Hesperia, 1933, N II.
9. *Waage F.* Hellenistik and Roman tableware.— In: Antioch-on-the Oronts, IV. 1. Princeton, 1948.
10. *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 г.— МИА, 1952, № 25.
11. *Беляев С. А.* Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв.— АИКСП, Л.: Наука, 1968.
12. *Беляев С. А.* К вопросу о североафриканской краснолаковой керамике IV в. н. э. из Херсонеса и Керчи.— КСИА, 1972, вып. 130.
13. *Романчук А. И.* Херсонес VI — первой половины IX в. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1976.
14. *Николаева Э. Я.* Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища — КСИА, 1978, вып. 156.
15. *Арсеньева Т. М.* Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV— начала V в. н. э.— КСИА, 1981, вып. 168.
16. *Кутайсов В. А.* Четырехапсидный храм Херсонеса.— СА, 1982, № 1.
17. *Hayes J. W.* Late roman pottery. L., 1972.
18. *Амброз А. К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв: Докт. дис. ИА АН СССР, 1974. Архив ИА АН СССР, р. 2, № 2142.
19. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2.
20. *Амброз А. К.*— СА, 1973, № 2.— Рец. на кн.: Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969.
21. *Артамонов М. И.* История Хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
22. *Лобода И. И.* Раскопки могильника Озерное III в 1963—1965 гг.— СА, 1977, № 4.
23. *Корпусова В. М.* Сільське населення пізньоантичного Боспору.— Археологія, 1973, № 8.
24. *Айбабин А. И.* Погребения второй половины V — первой половины VI вв. в Крыму.— КСИА, 1979, вып. 158.
25. *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов Ч. I.— ИАК, 1906, вып. 19.
26. *Репников Н. И.* Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году.— ИАК, 1909, вып. 30.
27. *Веймарн Е. В.* Археологічні роботи в районі Інкермана.— АП, 1963, № XIII.
28. *Айбабин А. И.* Салтовские поясные наборы из Крыма.— СА, 1977, № 1.
29. *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов. Часть II.— ЗООИД, 1907, № XXVII.

РУНИЧ А. П.

ЖЕЛЕЗНОВОДСКИЙ МОГИЛЬНИК I (I—IV вв.)

Публикуемые материалы происходят из погребений, разрушенных в 1980 г. при строительных работах в 0,5 км от микрорайона г. Железноводска. Могилы вскрыты на северо-западном склоне небольшого останца, остальная часть которого занята дачами и археологическому обследованию недоступна. Сведения о погребениях и публикуемые вещи переданы в Пятигорский музей (инв. № 6678) [1].

По словам рабочих, погребения встречались на глубине 2—3 м в плотной жирной аллювиальной глине. Разрушено примерно 25—30 овальных камер, в которых обычно находилось по одному скелету, только в 2—3 камерах было встречено по два. Погребенные лежали на спине, головами в основном на юг, некоторые — на северо-восток. Судя по количеству разрушенных катакомб и по рельефу останца, можно предполагать, что задета лишь нижняя часть могильника, а основная часть осталась под садами и дачами.

Большинство найденных глиняных сосудов серого или темно-серого цвета. Они слаболощеные, изготовлены в основном на гончарном круге из теста с значительной примесью дресвы и крупного песка, слабо обожжены, без орнамента и, очевидно, местного изготовления. Клеймо на дне встречено только 1 раз (рис. 1, *11*, *11А*). На нескольких кувшинах имеются (в верхней части) горизонтальные валики и бороздки (рис. 1,

[1] Благодарю Н. С. Колоколова, А. В. Орлова и В. П. Овчинникова, собравших и сохранивших публикуемые материалы.

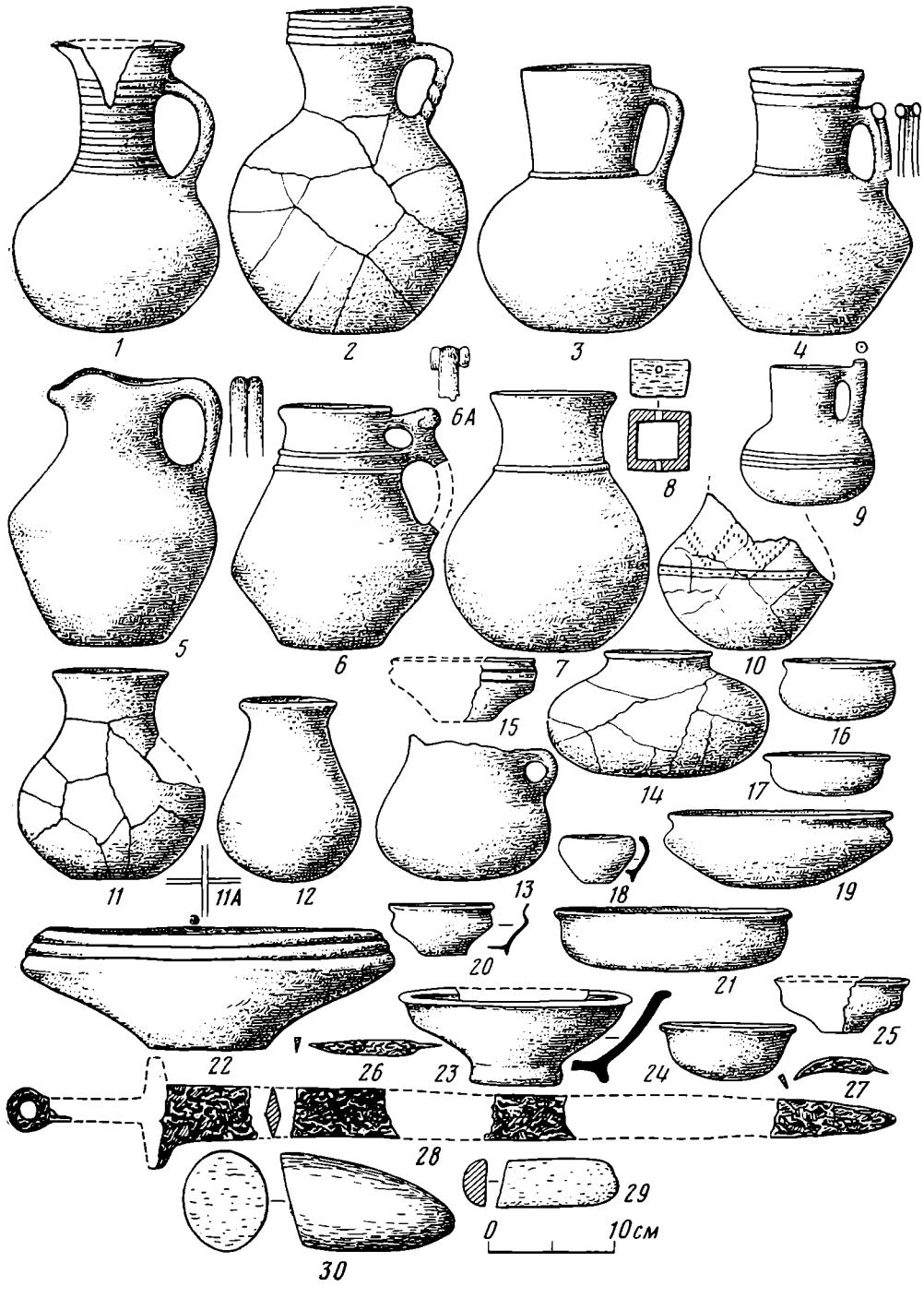


Рис. 1. Находки из Железноводского могильника 1: *1—25* — керамика; *26—28* — железо; *29, 30* — камень

1—4, *6*, *7*), а на одном — еще зигзаг из точек (рис. 1, *10*). Часть кувшинов снабжена простыми ручками, два зооморфными (рис. 1, *4*, *6*), остальные без ручек (рис. 1, *7*, *11*, *12*). Широко распространены керамические чашки различного размера и формы также без орнамента, среди которых две миниатюрные (рис. 1, *18*, *20*). В одной камере рабочие нашли в кучке 127 альчиков, среди которых были три «биты», а наверху этой кучки стояла чашечка (рис. 1, *18*). Сосуд на рис. 1, *14* впервые встречен в захоронении этого времени на территории Кавминвод. Сосуды, изображенные на рис. 1, *3*, *4*, *15*, *20*, *22*, очень близки к посуде из коллективного захоронения около г. Кисловодска, которое датируется концом I тысячелетия до н. э.— началом новой эры [1, с. 116, рис. 16, 97—99] и из ранних захоронений Клин-Ярского могильника 3 [1, с. 120, рис. 17, 126, 127]. Тип кувшинчика с ручкой-сливом (рис. 1, *9*) известен и в погребении

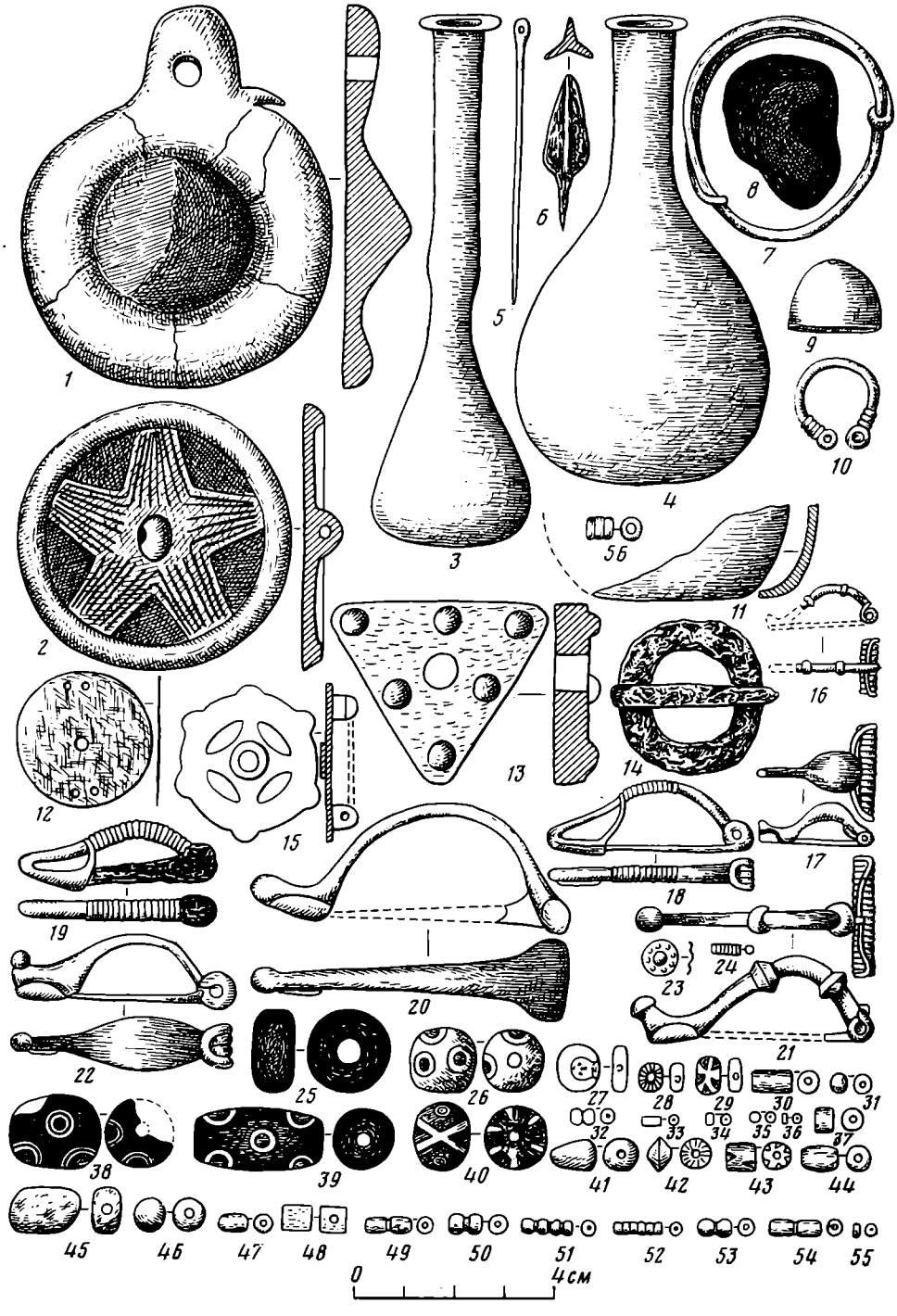


Рис. 2. Находки из Железноводского могильника 1: *1, 2, 5, 7, 10, 12, 15—22, 56* — бронза; *3, 4, 48—55* — стекло; *8* — смоловидное вещество; *6, 14* — железо; *9* — низкопробное серебро; *23, 24* — золото; *13, 25—44* — паста; *45* — янтарь; *46, 47* — сердолик

V—VI вв. [2, с. 227, рис. 3, 4]. Кувшины с «витой» (рис. 1, *2*) и с зооморфными (рис. 1, *4—6*) ручками имеют аналогии на Северо-Восточном Кавказе [3, рис. 33, *1*; 35, *4*; 40, *3*].

Особого внимания заслуживают два сосуда (рис. 1, *5*, *23*). Они светло-красного цвета, сделаны на гончарном круге из однородного теста без добавок, очень хорошо обожжены и при постукивании издают звонкий металлический звук, чего нет у других сосудов из указанного могильника, сохранились следы покрывавшего их желтоватого лака. Один из них — кувшин с носиком-сливом (рис. 1, *5*), второй — чашка на довольно высоком кольцевом поддоне и с отогнутым горизонтальным венчиком

(рис. 1, *23*). Такие сосуды были широко распространены в юго-западном Крыму и в Херсонесе, где, видимо, и изготовлялись [4, с. 32—40, рис. XIV, *25*; XVII, *13*]. Квадратный сосудик с двумя отверстиями в стенках для подвешивания мог служить курильницей (рис. 1, *8*).

Кроме керамики в коллекцию входят бальзамары из очень тонкого желтоватого стекла (рис. 2, *3*, *4*) и маленький сосуд из алебастра (рис. 2, *11*). Бальзамары в древности служили для хранения благовоний и имели довольно широкое распространение в состоятельных семьях как туалетная принадлежность. В первые века нашей эры они поступали из древних культурных центров, какими являлись Александрия и некоторые города Италии. Из соседних областей подобные находки нередки в могильниках Прикубанья, где они датируются I—II вв. н. э. [5, с. 200], но в районе Кавказских Минеральных Вод они встречены впервые.

Орудия труда представлены плохо сохранившимися прямыми и серповидными железными ножами (рис. 1, *26*, *27*), бронзовой иглой (рис. 2, *5*), оселком (рис. 1, *29*), каменным гладилом (рис. 1, *30*) и «гладильной» каменной доской размерами 38×22×3 см. Серповидные ножи в этом районе Кавказа бытовали очень долго: в VIII—VII вв. до н. э. [6, рис. 5, 15], в скифское время [7, рис. III, *13*, *23*] и в I—II вв. н. э. [8, рис. 2, *11*].

В двух или трех катакомбах находились железные мечи с прямым перекрытием и кольцевым навершием на рукояти. Общая длина мечей была, вероятно, около 90 см, но от них уцелели только фрагменты (рис. 1, *28*). В сарматских памятниках Поволжья и Приуралья этот тип оружия известен уже с III в. до н. э., но господствует там в I в. до н. э.— II в. н. э. [9, с. 103; 10, с. 159], а на Украине — в среднесарматское время [11, с. 106]. У Кисловодска он найден в коллективном хасаутском захоронении II в. до н. э.— I в. н. э. [1, с. 117, рис. 16, *75*]. Еще из оружия в 3—4 усыпальницах были плохо сохранившиеся трехлопастные железные черенковые наконечники стрел (рис. 2, *6*) в количестве 10—13 шт. Судя по «спекшимся» экземплярам, есть основание предполагать, что они находились в колчанах. Наконечники тождественны таким же из Клин-Ярского могильника 3, относящегося к II—IV вв. н. э. [1, рис. 17, *106*, *108*]. Есть остатки кольчуг из железных колечек.

Найденные бронзовые зеркала оказались исключительно плохой сохранности. В основном они сделаны в виде подвесок с умбоновидным выступом на тыльной части (рис. 2, *1*), характерны для позднего сарматского времени и датируются началом нашей эры. Они известны из Клин-Ярского могильника 3 [1, рис. 17, *109*, *112*], из захоронения у «Острого мыса» и ряда других мест в Кисловодской котловине. Всего одно зеркало было с петелькой и орнаментом в виде пятиконечной звезды (рис. 2, *2*). Железная пряжка (рис. 2, *14*) обычна в сарматское время [1, рис. 17, *119*] и в погребениях V—VIII вв. [13, рис. VI, *31*; 14, рис. 3, 4]. Видимо, с одеждой связана и бронзовая петелька (рис. 2, *10*). Тип бронзовых подвязных фибул (рис. 2, *18*), арбалетовидных (рис. 2, *16*, *17*, *21*) и других (рис. 2, *20*, *22*) из этого могильника обычен для памятников I—II вв. [15, с. 40, 43, 48, табл. 5, *4*, *12*; 8, *6*; 9, *2*, *3*]. Они же известны из катакомб II—IV вв. Клин-Ярского могильника [1, с. 119, рис. 17, *111*, *113*]. Одна брошка в виде шестигранника с шарнирной застежкой (рис. 2, *15*) аналогична фибулам из Северного Причерноморья [15, с. 31, табл. 14, *17*].

Украшения немногочисленны. Проволочные бронзовые браслеты в полтора оборота, концы которых закреплены петлей (рис. 2, *7*), впервые зафиксированы в районе Кавказских Минеральных Вод, как и крупная пастовая подвеска в виде треугольника с шестью полушаровидными бугорками и отверстием в середине (рис. 2, *13*). Характерно полное отсутствие серег. Бус собрано 990. В основном они сделаны из пасты (рис. 2, *20—44*) с преобладанием мелких одноцветных (желтоватых, белых и голубоватых). Крупных было всего семь (рис. 2, *25*, *26*, *38—40*), из которых особенно интересна голубая с коричневыми глазками и черным окаймлением, украшенная накладной золотой фольгой в виде крестиков (рис. 2, *40*). Есть пастовые бусы — «таблетки» с изображением человеческой головы (рис. 2, *27*). Каменных бус мало: одна из днепровского ян-

таря (рис. 2, *45*) и семь сердоликовых (рис. 2, *46*, *47*). Заслуживают внимания стеклянные бусы «цепочки», впервые найденные в погребениях этого времени. Они желтоватого цвета (рис. 2, *49*, *50*, *52—54*), есть голубая (рис. 2, *51*) и красная в виде кубика (рис. 2, *48*). Одна буса бронзовая (рис. 2, *56*). С украшением одежды связаны 32 золотые бляшки и трубочки из золотой фольги (рис. 2, *23*, *24*), а также, возможно, колокольчик из низкопробного серебра (рис. 2, *9*) и бронзовый кружок (рис. 2, *12*). Встречались в погребениях и кусочки смоловидного вещества (рис. 2, *8*).

Несмотря на то что Железноводский могильник фактически остался не исследованным, собранный материал способствует изучению одного из наиболее слабо освещенных периодов древней истории Кавказских Минеральных Вод. Выяснилось, что захоронения в этом могильнике были в катакомбах, которые в целом датируются I—IV вв., а рядом имеются следы от поселения того же времени. Последнее указывает, что древние обитатели тогда здесь жили оседло, об их достатке свидетельствуют находящиеся в погребениях украшения из золота, мечи, кольчуги и т. д. На связи с «внешним миром» указывают бальзамары из Александрии и городов Италии, керамические сосуды (рис. 1, *5*, *23*), фибула (рис. 2, *15*) и янтарная буса из Северного Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа.— АЭС, 1969, т. III.
2. *Афанасьев Г. Е., Рунич А. П.* Могильник № 1 у Лермонтовской скалы близ г. Кисловодска.— СА, 1970, № 4.
3. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
4. *Гущина И. П.* Население сарматского времени в долине речки Бальбек в Крыму (по материалам могильников).— АИОВЕ, 1974.
5. *Анфимов Н. В.* Тахтамукаевский могильник.— СМАА, 1961, т. II.
6. *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья.— АЭС, 1976, т. IV.
7. *Афанасьев Г. Е., Рунич А. П.* Минераловодский могильник VI—V вв. до н. э.— Изв. ЮОНИИ АН ГССР. Цхинвали, 1976.
8. *Рунич А. П.* Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы.— СА, 1961, № 1.
9. *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов.— ВДИ, 1947, № 3.
10. *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи.— МИА, 1954, № 33.
11. *Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— СА, 1961, № 1.
12. *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1974 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5249.
13. *Рунич А. П.* Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях.— МАДИСО, 1969, т. II.
14. *Рунич А. П.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска.— СА, 1971, № 2.
15. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1—30.

НЕДОШИВИНА Н. Г.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КРЕСТОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ ИЗ ЛИСТОВОГО СЕРЕБРА

Среди крестовидных подвесок Древней Руси выделяется (рис. 1) чрезвычайно интересный тип крестиков, который требует специального рассмотрения. Эти подвески найдены в количестве 11 экз. в четырех пунктах, значительно удаленных друг от друга — в погребениях Киева, Гнёздова, Тимерева, а также близ дер. Васильки Владимирской обл.[1] Изображения восьми из них известны, об остальных можно судить лишь по описаниям, которые, однако, не оставляют сомнения в том, что эти

[1] Дер. Васильки, Владимирская обл., кург. 199 [1, с. 830]; Киев, погр. 117, 124, 125 ([2, с. 190, табл. XXIX], фонды ГИМа, инв. № 33 602, оп. 1678/4); г. Гнёздово, Смоленская обл., кург. 5, 27, 38 (фонды Археологического музея кафедры археологии МГУ); дер. Большое Тимерево, Ярославская обл., кург. 417, 459 ([3, с. 37, рис. 21, *12*], фонды ГИМа, инв. № 104 269, оп. 2475/78).

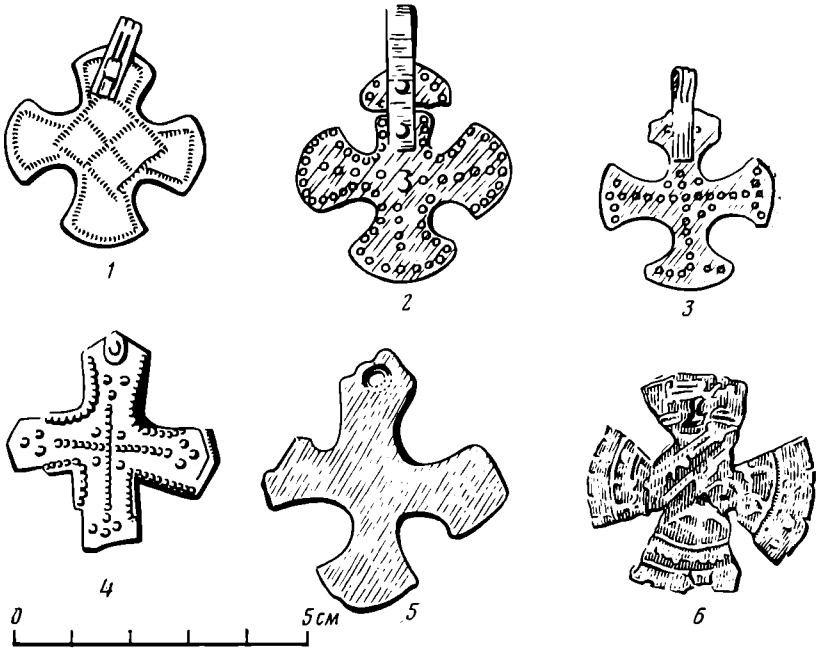


Рис. 1. Крестовидные подвески из листового серебра. *1* — Киев, погр. 124; *2* — Киев, погр. 125; *3* — Бирка, погр. 480; *4* — Гнёздово, кург. 27; *5* — Гнёздово, кург. 5; *6* — Б. Тимерево, кург. 459

подвески относятся к крестам данного типа. Так, по словам А. С. Уварова, в кург. 199 дер. Васильки находился «изломанный листовой крестик» [1, с. 830], а в парном захоронении № 117 г. Киева были обнаружены два тонких серебряных креста [2, с. 190].

Отличительной особенностью крестов этого типа является техника их изготовления. Если основная масса крестовидных подвесок Древней Руси отливалась в литейных формах, то крестики данного типа вырезались или штамповались из тонкой серебряной пластины. К одной из лопастей подвески приклепывалось ушко для подвешивания (такие ушки сохранились на крестах из погр. 124 и 125 г. Киева), в тех же случаях, когда ушко не сохранялось (а во всех остальных подвесках, кроме киевских, они отсутствовали), на крестике оставалось лишь пробитое отверстие от заклепки.

Лопасти крестов имеют различную форму: секировидную (Киев, Тимерево); подтреугольную (Гнёздово) или прямоугольную (Тимерево, Гнёздово [2]). У всех крестов этого типа длина равна их ширине (без учета длины ушка) и колеблется в пределах от 28 до 35 мм.

Следует отметить, что кресты из Киева и Гнёздова сделаны чрезвычайно тщательно — они имеют правильную форму и украшены орнаментом, нанесенным или зубчатым колесиком (Киев, погр. 124), или пуансоном, позволяющим нанести узор из мелких кружков (Гнёздово, кург. 27; Киев, погр. 125). Лишь два крестика из Гнёздова (кург. 5 и 38) не орнаментированы. В то же время подвески из Тимеревских курганов имеют неправильную, асимметричную форму и носят следы поспешной работы. Видимо, под рукой не нашлось подходящего материала, и обе они были вырезаны из восточных монет, из которых легче всего оказалось сделать крест, точно соблюдая форму и пропорции подвесок, распространенных в это время. На подвесках пробиты отверстия для подвешивания.

Датировка крестов из листового серебра определяется сравнительно узким хронологическим интервалом. В погр. 124 и 125 Киевского некрополя были обнаружены скорлупообразные фибулы второй четверти — середины X в., в погр. 124, кроме того, найдены две византийские монеты (931 и 944 гг.). Тимеревские подвески вырезаны из дирхемов второй

[2] Поль, кург. 38; все крестики из листового серебра найдены в Гнёздове в Правобережной Ольшанской (Заольшанской) группе.

половины X в. (997 или 999 г., 969—970 гг.), а оба крестика обнаружены в курганах на краю кладбища. Эти курганы по ряду признаков могут быть отнесены к концу X — началу XI в. Курганы 27 и 38 Гнёздовского могильника по керамике датируются серединой и второй половиной X в.[3] Таким образом, крестовидные подвески, вырезанные из тонкой серебряной пластины, на территории Древней Руси могут быть датированы в основном второй половиной X в., а частично и началом XI в. Следовательно, это самые ранние из крестовидных подвесок, известных на Руси.

Кресты аналогичной формы известны и по рисункам на рунических камнях, где они датируются 1020—1060 гг. [4, с. 76]. Эта дата подтверждается находками аналогичных крестиков как в захоронениях материковой Швеции (Бирка), так и в кладах о. Готланда. Самый простой из них — крестик из Броа (гладкая неорнаментированная подвеска с прямыми концами, в верхней части имеется отверстие для прикрепления ушка) — найден в кладе, зарытом около 990 г. [5, с. 95 табл. 183, *2*). Крестики из погр. 125 г. Киева находят себе полную аналогию в захоронениях 480, 517 и 983 Бирки конца X в. [6, табл. 102, *7*, *9*, *11*].

Тождество крестиков из Бирки и Киева позволяет поставить вопрос о происхождении и месте изготовления крестиков данного типа. Анализируя формы подвесок из Бирки, М. Стенбергер пришел к выводу, что кресты, сделанные из тонкой серебряной пластины, с полным основанием следует признать местными [7]. Если это заключение справедливо, то мы можем предположить следующее: подвески из Киева и Гнёздова могли попадать на Русь вместе с их носителями — варягами. Действительно, в погр. 124 и 125 Киева обнаружены богатые женские захоронения, при которых вместе с крестовидными подвесками были найдены комплекты из двух скорлупообразных фибул (элементы этноопределяющего женского костюма [8, с. 92—94]) [4]. Крестики из Тимерева были, несомненно, сделаны на месте, однако сделаны людьми, хорошо знакомыми с привозными формами.

Интересно отметить, что все находки крестиков из листового серебра связаны с кладбищами (Гнёздово, Тимерево, Киев, Владимирские курганы), в которых наличие скандинавских погребений является бесспорным.

Что же представляли собой эти кресты, самые ранние из известных нам на Руси? Служили ли они просто украшениями или являлись предметами культа и употреблялись как христианские символы? Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Может сложиться представление, что они служили просто украшениями, тем более что большинство их как на Руси, так и за ее пределами обнаружены в женских захоронениях и находились в составе ожерелья вместе с бусами. Исключение составляет погр. 417 Тимеревского могильника, где был найден мужчина с боевым топором и крестиком, вырезанным из дирхема. Однако ряд наблюдений позволяет предположить, что крест в захоронениях являлся не только украшением, но служил и ритуальным предметом, связанным с распространением христианской религии.

Интересно, что все кресты из листового серебра были обнаружены в трупоположениях, получивших распространение в конце X — начале XI в., бесспорно, под влиянием христианства. Тем более что крестики обнаружены в тех памятниках, где на кладбище присутствуют и сожжения, и трупоположения и где в сожжениях крестики отсутствовали.

В Бирке прослеживается устойчивая связь трупоположений в узких грунтовых могилах и деревянных гробах с другими элементами христианского культа — крестиками в могилах [10, с. 152]. Крестовидные подвески, найденные в Тимереве, сделаны наспех, специально для погребения. По-видимому, без этого предмета захоронение считалось невозможным. Это могло быть только в том случае, когда подвеска служила не просто

---

[3] Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность Д. А. Авдусину и Е. В. Каменецкой за предоставленный для публикации материал.

[4] Может быть, киевские захоронения можно связать с теми варягами-христианами, о которых упоминает летопись под 945 и 983 гг. [9, с. 39, 58].

украшением, а являлась амулетом, крестом-тельником, положенным в курган с определенными ритуальными целями.

Таковы небольшие, но интересные материалы, позволяющие говорить о первых шагах христианской религии на территории Древней Руси [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам.— Тр. I АС, М., 1871.
2. *Каргер М. К.* Древний Киев. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
3. Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Советская Россия, 1963.
4. *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. М.: Наука, 1977.
5. *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands T. I. Stockholm, 1958.
6. *Arbman H.* Birka. B. I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940.
7. *Stenberger M.* Christliche Einflüsse im archäologischen material der wikingerzeit in Schweda.— Acta visbyensia, 1969, III.
8. *Пушкина Т. А.* О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси.— Вестн. МГУ. Сер. историч., 1972, № 1.
9. Повесть Временных лет./Подгот. текста Д. С. Лихачева. Пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Ч. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
10. *Лебедев Г. С.* Социальная топография могильника «эпохи викингов» в Бирке.— Скандинавский сборник. Вып. XXII. Таллин, 1977.

[5] После того как настоящая заметка была сдана в редакцию, в Центральной группе Гнёздовского могильника (кург. 301, раскоп 1982 г.) был обнаружен еще один аналогичный крестик.

Критика и библиография

Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М.: Наука, 1978. 310 с.

Исследователи древней Руси получили в свое распоряжение новый ценный источник — свод граффити Новгородского храма Софии. В нем собраны и прокомментированы 253 надписи XI—XIV вв., из числа которых лишь около 40 были изданы в предшествующее время В. Н. Щепкиным [1]. До нашего времени дошли подлинники только 111 надписей, но работа над архивными материалами позволила А. А. Медынцевой ввести в научный оборот еще 100 надписей, сохранившихся на фотографиях или в слепках, и 42 надписи, известные по прорисям.

Как отмечает автор, основная задача исследования собранных надписей Новгородской Софии состояла в прочтении текстов, зачастую дошедших до нас в неудовлетворительном состоянии, анализе их исторического содержания и определении хронологии. По содержанию А. А. Медынцева выделяет молитвенные и поминальные записи, богослужебные тексты, надписи, отражающие религиозную жизнь, автографы (*«имярек писал...»*), метки мастеров, хозяйственные, бытовые и фольклорные записи, наконец, граффити, связанные с летописными известиями. В ее руках граффити — ценный исторический источник. Важны полученные ею данные о строителях храма Софии и расписывавших его художниках. Анонимный доселе мир творцов этого великолепного памятника древнерусского зодчества и монументальной живописи ожил: мы узнали их имена (Стефан, Петр, Сежир, Георгий, Гага, Олисей и др.), этническое происхождение (русские, греки), социальное положение (Стефан — монах), время и сроки производства работ (записи о начале росписи храма, о начале сезонных строительных работ 21 мая и т. д.), обстоятельства, сопровождавшие их работу (*«Гага с Сежирем в беде»*) и пр. В высшей степени вероятна атрибуция надписи с именем ПЄТРЪ и рисунком храма, известному из третьей новгородской летописи соименному зодчему начала XII в., строителю Георгиевского собора (с. 59—60) [1]. Интересны суждения А. А. Медынцевой о социальном составе авторов надписей Новгородской Софии, о слабом уровне грамотности женщин сравнительно с мужчинами. Полученные данные проливают свет на отдельные моменты политической, бытовой и религиозной жизни древнего Новгорода [2]. Важен раздел о глаголических надписях. Их немного сравнительно с кирилловскими — десяток, что свидетельствует, по мнению А. А. Медынцевой, о распространении этого вида славянской письменности на Руси преимущественно среди представителей верхних слоев. В граффити храма Софии упоминается множество имен новго-

[1] Впервые это предположение было высказано Г. М. Штендером.

[2] В этом плане заслуживают упоминания следующие надписи. Граффито № 146 сообщает о руге, плате причту храма Софии, вносимой неким жертвователем в два приема — весной и осенью. В граффито № 182 говорится о прибытии в Новгородскую Софию из Киева от князя Ярослава «пришельца Николы», которого А. А. Медынцева идентифицирует с упоминаемым «Повестью временных лет» Микулой Чудиным, предполагая, что он был послан Ярославом по смерти Владимира Ярославича для управления Новгородом от имени великого князя. Граффито № 197 представляет собой коллективный автограф дружинников князя Ярополка. Надписи № 199 и 203 предоставляют исследователям народного песенного творчества подлинные образцы песенного фольклора XIII в.— загадку о колоколе и шуточную песенку о перепелке. Граффито № 247 — жалоба клирика на неустройство низшего духовенства. Надпись № 72 представляет собой филиппику против еретиков. Надпись № 145 повествует об обряде братчины, совершенном четырьмя новгородцами на лестнице храма Софии (при этом следует заметить, однако, что, поскольку в надписи говорится о питье — ИСПИЛН ЛАГВНЦЮ,— то это братчина земледельческого характера [2, с. 133—134], а не «строительная жертва», как полагает А. А. Медынцева).

родцев. Вклад надписей этого рода в просопографию Новгорода XI—XIV вв. весьма значителен. Наряду с данными берестяных грамот и летописями они предоставляют обширные материалы для создания просопографического свода средневекового Новгорода.

Заслуживают внимания методические принципы распределения материала, которыми руководствовалась А. А. Медынцева. Если С. А. Высоцкий при публикации надписей киевской Софии придерживался хронологическо-тематического принципа [3, 4], то А. А. Медынцева сделала большой упор на хронологическо-пространственный принцип, что представляется существенным шагом вперед в методическом отношении. Она выделила три хронологические группы (надписи второй половины XI — первой половины XII в., второй половины XII — первой половины XIII в., наконец, XIII—XIV вв.), внутри которых материал распределен в основном по местам нахождения граффити в том или ином архитектурном объеме храма. Внутри первой хронологической группы надписи с архитектурно-стратиграфической датой или без нее сгруппированы по их местонахождению на столбах и стенах алтаря, нефов и придела Иоанна Богослова, а также в лестничной башне. В этой хронологической группе выделены два раздела — глаголические надписи и автографы художников и строителей храма. Надписи второй и третьей хронологических групп распределены по их местонахождению в тех же перечисленных и иных объемах собора (лестничная башня, Мартирьевская паперть, ризница). Насколько такой принцип распределения материала методически правилен, можно убедиться на примере в целом отлично написанного раздела о надписях художников и строителей Софии. Как уже отмечалось, это единственный из разделов надписей, выделенный по тематическому принципу. Справедливость выделения этого ценного материала бесспорна, но работа над ним велась без учета местонахождения граффити в том или ином архитектурном объеме, прежде всего — лестничной башни. Иначе говоря, каждое граффито исследовалось как «вещь в себе», без учета содержания близлежащих надписей, что может повлечь за собой некоторую аберрацию выводов. А. А. Медынцева предположила, что в Софии работали две художнические артели: в середине XI в.— Сежир, Гага, Георгий, Олисей; в начале XII в.— Стефан, Радко, Микула. Первая группа мастеров выделена по их автографам, сделанным на цемяночной обмазке парусов северо-западного купола (надписи Олисея расположены в других местах). А. А. Медынцева основывается на том, что роспись середины XI в. была сделана на первоначальной цемяночной обмазке собора («по самой древней цемяночной штукатурке», с. 42), что сделанные по ней фресковые автографы мастеров могли быть написаны сразу по окончании строительства собора («автограф-граффити Сежира — Иоанна палеографически датируется XI—XII вв., но по совокупности с автографом-фреской его можно отнести ко времени первой росписи собора — середине XI в.», с. 47). Вторая группа художников выделена по автографам, представляющим собой «единый комплекс надписей, связанных местоположением, манерой исполнения, временем» (с. 40).

На мой взгляд, некоторые данные противоречат разделению упомянутых мастеров на две группы. Предварительно отмечу, что палеографически разница в 60 лет не улавливается. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что автографы мастеров второй группы сделаны на той же цемяночной обмазке, что и надписи мастеров первой группы (с. 34—37). Между тем роспись начала XII в. была сделана не на цемянке, а на специальном грунте — штукатурке, причем А. А. Медынцева придерживается мнения тех исследователей, которые полагают, что в это время полностью были расписаны центральное помещение Софии и приделы (с. 13, 33—34). Это обстоятельство делает странным тот факт, что мастера начала XII в. не оставили ни одной своей надписи на штукатурке: обычно художники делали свои автографы на том грунте, на котором они рисовали, что видно на примере надписей мастеров первой группы. По-видимому, автографы мастеров на цемяночной обмазке датируются временем до росписи начала XII в. Живописные циклы XI в. распадаются на две разновидности: первую образуют росписи al fresco, по еще не просохшей цемянке, т. е. фрески времени завершения строительства собора (около 1050 г.); вторая представлена единичным фрагментом — изображением Константина и Елены, сделанным al secco, по просохшей цемянке (о предпочтительности датировки его поздним XI веком см. примечание 7). Незначительность масштабов росписи второй разновидности сравнительно с первой предполагает, что написанные на цемянке автографы принадлежат мастерам, расписывавшим Софию

в середине XI в. Есть еще одно обстоятельство, которое позволяет уточнить круг этих мастеров — содержание их надписей.

Надписи Гаги и Сежира (№ 22), Хотена (№ 200, у А. А. Медынцевой — ХОТЄЦЬ, об этом имени см. ниже), Мутяты (№ 147), Стефана (№ 12) объединены одинаковым содержанием — все они сообщают о нависшей над их авторами беде [3]. Из них только последняя расположена на крестчатом столбе внутреннего пространства храма (кафоликона), все остальные — на лестнице: Хотена, Гаги и Сежира — в амбразуре лестничного окна, Мутяты — на лестничном столбе между третьей и четвертой площадками. Тут же на столбе, над четвертой площадкой лестницы, расположен и один из автографов Стефана (№ 13), другой его автограф представлен на откосе упоминавшегося лестничного окна. На том же столбе на уровне второй лестничной площадки расположена еще одна надпись Хотена. Поскольку Стефан, Сежир и Гага, как показала А. А. Медынцева, безусловно были художниками, постольку по идентичности специфического содержания и одному и тому же месту расположения надписей к их артели должны быть причислены Хотен и Мутята. Таким образом, автографы перечисленных мастеров синхронны и оставлены членами одной артели. Поскольку Сежир и Гага определенно работали в середине XI в. (первому принадлежит автограф, исполненный фресковой техникой, второй упоминается вместе с Сежирем в надписи № 22), постольку к этому же времени должна быть отнесена деятельность Стефана, Хотена и Мутяты [4].

Приведенный пример показывает, сколь существен учет месторасположения надписей. В ряде случаев этот фактор может иметь то же значение, что и содержание надписи. Следовательно, в сводах надписей тех памятников, которые содержат большое число граффити, материал должен группироваться по плоскостям архитектурных объемов: в алтаре (жертвенник, центральная апсида, диаконник, вима), в центральном и боковых нефах (порознь столбы, стены, перегородки), в приделах, притворах, галереях, башнях, тайниках, на хорах, внешних плоскостях сооружения и т. д. Только такой способ описания надписей позволит дать полностью все граффити, начерченные на той или иной плоскости сооружения, включая даже отдельные буквы. Монографические публикации Киевской и Новгородской Софий, выполненные С. А. Высоцким и А. А. Медынцевой, в этом плане не отвечают требованиям Корпуас (впрочем, такую задачу названные исследователи и не ставили перед собой). Например, на том же рис. 10 с надписями амбразуры окна лестницы Новгородской Софии видны отдельные буквы и более значительные остатки надписей, не отмеченные издательницей [5].

---

[3] В стк. 6—7 надписи Стефана А. А. Медынцева читала: ГН НЗБАВНМ [ѧ]ꙗ ѡТ [ПРѢЛЬ]СТ Н СЕѧ . В лакуне стк. 7, однако, не могло быть более четырех букв, поэтому лучше восстанавливать здесь слово [NАПА] СТН, соразмерное величине лакуны. Именно оно представлено в таком же точно контексте одной из надписей Киевской Софии: избави... от напасти [4, № 104].

[4] Отсюда следует, что датированная надпись Радко (№ 17), расположенная в амбразуре лестничного окна рядом с автографами Стефана и Хотена,— более позднего происхождения. Дата надписи Радко прочитана А. А. Медынцевой как 6620 г., что, по ее мнению, указывает на производство работ по росписи храма еще в 1112 г. «Возможно, что этот год и был годом окончания работ»,— считает исследовательница (с. 39). Начало работ она отнесла к 1109 г., отметив, что сообщение Первой новгородской летописи под 6616 г. о начале росписи Софии по мартовскому циклу приходится не на 1108, а 1109 г. На мой взгляд, дата в надписи Радко читается как ѕХКЗ (6627 г.), и А. А. Медынцева отказалась от чтения последней цифры не столько на эпиграфических основаниях, сколько в попытке приблизить ее к летописной дате начала росписи Софии. Нельзя согласиться с ее заключением, что «в дате на месте единиц имеется несколько царапин, напоминающих букву «земля» (7), но несоразмерность этой буквы с остальными и отсутствие над ней титла не позволяет считать ее буквой-цифрой» — в надписи достаточно хорошо читается «земля» с удлиненной ножкой, какую мы встречаем на этом же рис. 10 (надпись № 150) и в надписи № 63. Отсутствие титла над одной из цифр, а то и над всей датой, встречается в византийской и древнерусской рукописной традиции, а также в эпиграфике, например среди датированных надписей Софии Киевской.

[5] Например, под надписью Недана (? № 219) расположены первые буквы еще одного автографа Гаги (Гагаса?); начертание обеих букв совершенно то же, что и в имени Гаги надписи № 22. Под пентаграммой надписи № 22 находится греческое граффито: κέμη[τ]αι|τὸν δοῦλο[ν]σόν|Θεω -- «упокой раба своего Фео --». В стк. 1, впрочем, может быть, следует читать обычные в греческой эпиграфике лигатуры слов κ(ύρι)ε и β(οήθ)η [5], т. е. в целом «Господи, спаси

Чрезвычайно сложен вопрос о хронологии собранных в книге надписей. А. А. Медынцева использовала все имевшиеся в ее распоряжении средства датировки надписей — их палеографию, фонетику, содержание, архитектурно-стратиграфические показания. С большинством данных ею датировок следует согласиться, но тем не менее время составления многих надписей, к сожалению, остается неясным. Это основной недостаток современного состояния древнерусской эпиграфики: мы располагаем пока еще незначительным набором прочных датирующих признаков. Насколько широкими могут быть некоторые датировки, показывает пример с граффити Мартирьевской паперти, процарапанными по первоначальной цемянке (№ 162—167). А. А. Медынцева вынужденно датирует их широким отрезком времени между постройкой собора и фресковой росписью паперти, относимой ею к 1196 г. (см. ниже), т. е. надписи датируются периодом в полтора столетия, и мы не располагаем какими-либо эпиграфическими критериями для уточнения датировки. В числе граффити новгородского и киевского соборов Софии есть немало примеров как таких, так и гораздо более широких эпиграфических датировок, которые показывают, сколь непрочными хронологическими критериями вынужден пока еще руководствоваться исследователь древнерусской эпиграфики. В этом плане очень важна проделанная Б. А. Рыбаковым [6] и С. А. Высоцким [4, с. 146 сл.] работа по уточнению палеографии датированных древнерусских надписей. Дальнейшее обобщение полученных ими результатов в сочетании с данными надписей Новгородской Софии обещает несколько выправить неблагополучное положение с хронологией древнерусских граффити.

Несколько слов следует сказать о вспомогательных архитектурно-стратиграфических критериях хронологии надписей. А. А. Медынцева справедливо связывает ее с историей росписи Новгородской Софии. Принимая выводы В. Г. Брюсовой [7], А. А. Медынцева полагает, что в середине XI в. были расписаны центральная глава, барабан, средняя часть храма в отдельных местах, а также частично Мартирьевская паперть; в 1109 г. храм был расписан полностью — его средняя часть и приделы (с. 13—14, 33—34). Отсюда она заключает, что надписи, прочерченные по первоначальной цемяночной обмазке собора и происходящие из раскопов в центральной его части, тем самым датируются временем между 1050—1109 гг., поскольку штукатурка росписей начала XII в. закрыла цемяночную обмазку интерьера. В целом справедливая, эта исходная предпосылка, к сожалению, мало приложима ко многим конкретным случаям: мы не знаем, был ли покрыт росписями тот или иной участок поверхности с надписями, а если был, то когда именно. Пока нет оснований считать вместе с Ю. Н. Дмитриевым или В. Г. Брюсовой, к мнению которых присоединяется А. А. Медынцева, «что полностью собор был расписан в 1108 г.» (с. 13): первая и третья новгородские летописи, на которые ссылаются при этом, как известно, сообщают лишь о начале росписи («на весну почяшя пьсати святую Софию»). Таким образом, летописи не указывают, полностью или частично был расписан храм, а в результате варварского ремонта конца прошлого столетия, когда была сбита значительная часть древней росписи, мы пока вообще не в состоянии установить это до тотального вскрытия позднейшей штукатурки на всех плоскостях собора. В. Н. Лазарев предпринял попытку реконструкции фресковой декорации Софии 1109 г., но указывал на ее гипотетичность [8, с. 26 сл.], поскольку она основана лишь на нескольких раскрытых В. В. Сусловым фрагментах, очень обобщенно определенных им в качестве древних [9, с. 11—15]. Таким образом, не зная, насколько было покрыто росписью центральное помещение Софии, кафоликон, на высоте человеческого роста (а относительно Künstlersignaturen и отдельных надписей других жанров — и в высотных его частях), мы не вправе полагать, что штукатурка фресок 1109 г. дает надежный terminus ante quem для всех надписей кафоликона, прочерченных по розовой цемянке. Конечно, для какой-то части надписей она дает его, но для какой — не всегда известно[6]. В таких условиях важно отмечать, было ли

раба своего Фео --» (к сожалению, надписи рис. 10 дошли до нас не в подлиннике). Еще раз слово Κ̔ήμετ[αι] содержится в стк. 3 надписи № 18; оно показывает, что и стк. 2, нечитаемая по-древнерусски (NHNOMHCH), должна читаться по-гречески, как и стк. 1, где А. А. Медынцева читала довольно необычное сокращение имени Георгий — ГЄОРІ Ψ[АЛЪ]. Также и надпись № 50, нечитаемая по-древнерусски, но, как справедливо отметила А. А. Медынцева, близкая стк. 2 надписи № 18, должна быть признана греческой.

[6] О том, что не все плоскости средней части Софии и ее приделов были расписаны в начале XII в., могут свидетельствовать надписи, процарапанные по

расчищено данное граффито или группа граффити из-под штукатурки (причем из-под какой именно по составу, что может способствовать уточнению датировки), либо же было вскрыто раскопками in situ, о чем в рецензируемой работе сообщается мало.

Роспись Мартирьевской паперти А. А. Медынцева относит вслед за В. Г. Брюсовой к концу XII в., в связи с чем надписи, процарапанные по цемяночной обмазке, она датирует временем между 1050—1196 гг., а надписи на штукатурке — временем не ранее конца XII в. (с. 14, 106, 145). Недавнее исследование Г. М. Штендера [10], вышедшее в свет после работы А. А. Медынцевой, позволяет несколько уточнить датировку надписей Мартирьевской паперти. На основании формата кирпичей гробницы, закрывшей фреску «Деисус», Г. М. Штендер показал, что роспись была сделана в 1144 г., а гробница предназначалась для Нифонта, умершего в 1156 г. Отсюда мы можем заключить, что надписи № 208—210 у композиции «Деисус» могли быть сделаны в промежутке между росписью и возведением гробницы, закрывшей фреску, т. е. примерно на протяжении десятилетия после 1144 г. Это относится и к надписям № 201—207, если справедливо, что они нанесены на ту же самую по составу штукатурку. Надписи № 162—167, прочерченные по цемяночной обмазке восточной пилястры северной стены придела, с изображением Константина и Елены датируются временем между 1050 г.— концом XI в. [7]

Необходимо затронуть также несколько вопросов технического характера. В публикации древнерусских грамот и граффити пока еще нет унифицированной системы условных обозначений для адекватной передачи текста подлинника. Принятая в литературе система таких условных диакритик разнобойна и громоздка. Как, например, обозначается фрагментированность буквы или ее утрата? А. А. Медынцева берет фрагментированные буквы в круглые скобки, С. А. Высоцкий — в прямые, а издатели берестяных грамот вообще никак это не обозначают. Утраченные буквы названные исследователи заключают в прямые скобки в восстановленном тексте, а издатели берестяных грамот ничем не выделяют восстановленный текст. Утраченный и нереконструируемый текст А. А. Медынцева обозначает тремя точками или дефисом безотносительно к тому, сколько букв утрачено, другие исследователи — произвольным числом дефисов. Все это загромождает текст надписей отсутствующими в них различного рода знаками или, как в случае с берестяными грамотами, не вполне адекватно отражает текст подлинника. Между тем унифицированная система диакритик давно выработана на материале греческой и латинской эпиграфики, так что исследователям древнерусских надписей достаточно придерживаться так называемой лейденской системы эпиграфических диакритик, в которой фрагментированная буква обозначается точкой снизу [8], известное количество утраченных букв обозначается соответствующим числом точек в строке, а неизвестное — двумя-тремя дефисами, дополненный текст заключается в прямые скобки, ошибочно написанные в подлиннике и исправленные исследователем буквы отмечаются круглыми скобками и т. д. [13; 14, с. 6—11]. Все это — азы эпиграфики, между тем даже слово «граффити» специалисты по древнерусским надписям, за редкими исключениями [6], употребляют безотносительно к одной или нескольким надписям, хотя это итальянское слово по парадигме мужского рода в единственном

цемяночной обмазке одного из крестчатых столбов средней части храма (рис. 9). Точное его месторасположение в кафоликоне неизвестно, но примечательно, что на нем представлены две записи о росписи Софии — Стефана (№ 12) и еще одного мастера (№ 51). Отсюда явствует, что плоскости храма вблизи столба расписывались, но сам столб остался нерасписанным при живописных работах как середины XI в., так и начала XII в.

[7] Стилистическая близость фрески «Константин и Елена» изображению Георгия в церкви Ипрари работы мастера Тевдоре 1096 г. (собственно, это греческий художник Феодор) [11, табл. 19, 20], на мой взгляд, указывает на датировку ее концом XI в. Для обеих фресок показательны графичность слабо моделированных изображений и характерные особенности письма, в частности «яблоки» на щеках. Также ср. к. фрагменту фрески, опубликованному М. К. Каргером [12, с. 121], изображение придворного Диоклетиана из росписи того же Тевдоре церкви в Накипари [11, табл. 46, 47]. В иконографии композиция «Константин и Елена» нередко имеет мемориальный характер. Соответственно и новгородская фреска была сделана ad hoc, по какому-то специфическому поводу (отсюда и техника al secco) — то ли к освящению придела, то ли к началу ремонтных работ 21 мая.

[8] Скобки при фрагментированных буквах приведенных здесь надписей, данных в чтении А. А. Медынцевой, заменены точкой.

числе имеет окончание — о, а во множественном — і, соответственно различающиеся и в русском языке (одно *граффито*, два и более *граффити*).

Рецензируемая работа отлично иллюстрирована. Бóльшая часть надписей снабжена фотографиями и прорисями. Однако во многих случаях, когда простой текст отличной сохранности хорошо читается на фото, прориси необязательны, их следовало бы заменить иллюстрациями к надписям, изданным В. Н. Щепкиным и инкорпорированным в работу А. А. Медынцевой (№ 91—141). Желательны также иллюстрации к кратким надписям № 28, 33, 57, 58. Сложные для чтения надписи № 13, 192, 206 почему-то снабжены только прорисями, хотя можно было бы проиллюстрировать их и фотографиями. К сожалению, большой объем книги не позволил автору дать указатель слов и имен, что затрудняет пользование материалом. Нет плана собора с указанием места расположения надписей.

Конечно, больше всего вопросов, как это обычно в эпиграфике, встает в связи с прочтением текстов и их интерпретацией. Тексты многих надписей прочтены А. А. Медынцевой с бесспорной точностью. Вместе с тем немало надписей нуждается в уточнении текста, в более адекватной интерпретации их содержания. К сожалению, ограниченный объем рецензии не позволяет остановиться на этом подробно, поэтому проиллюстрирую сказанное лишь двумя примерами в дополнение к приведенным выше.

Надпись № 23, сохранившаяся лишь в прописи, прочтена А. А. Медынцевой так:

ПО РѪСАЛНАХЪ ВЪТОРѪ|Ю NѢДѢЛЮ РП---Ѣ ДѢѦ|ЛН NА СТАГО-- ДОТА .

По ее мнению, «в надписи речь идет о каком-то событии, состоявшемся «по русалиях во вторую неделю», видимо, на день святого Феодота Анкирского. Она отметила, что смысл слова РН — — Ѣ неясен, далее, возможно, следовало «деяли» или «даяли». Граффито прочтено издательницей почти полностью, но оно осталось малоинформативным, поскольку утраченная часть стк. 2 и определяла смысл всей записи. В связи с этим обращает на себя внимание форма Р стк. 2 — первой буквы коррумпированного текста. Если в стк. 1 обе буквы Р имеют округлую головку, то в стк. 2 она имеет совсем иное, треугольное очертание. Это показывает, что исполнивший прорись чертежник принял за Р случайные прочерки при наклонных гастах буквы Л, поскольку все слово хорошо читается в контексте всей записи как ЛН[Ц]ЂД(Ѣ)ѦЛН. Что в надписи речь действительно идет о лицедействе, каком-то представлении, подтверждается нарисованной под нею личиной — театральной маской. В связи с этим уместно вспомнить, что в середине XI в. епископ Лука Жидята в своем поучении увещевал новгородцев: «москолоудьство вам, братие, нелѣпо имѣти...», т. е. скоморошеские представления (ср. МОСКОЛОУДНЇЄ = μιμολογια [15, т. 2, с. 176]). Какого свойства представление подразумевается в нашем граффито — неясно: это могло быть как литургическое или полулитургическое действо, так и скоморошье представление: как известно, русальские празднества включали игрища и представления с масками, переодеваниями, музыкой и танцами. Поскольку в надписи речь идет не о русальной неделе, а послерусальной, и указывается день святого Феодота (такое восстановление имени святого, предложенное А. А. Медынцевой, единственно возможное), то можно полагать, что в ней подразумевается театрализованное полулитургическое действо на сюжет богатой подвигами жизни анкирского (?) мученика, показанное в Новгородской Софии в противовес только что прошедшим русальным игрищам, которые церковь всегда осуждала.

Надпись № 200 прочитана А. А. Медынцевой так:

ДЂ
ХОТ(Е)ЦЬ ПЛ̄Ъ | ВЪ БѢЕ ТО О

СТ̄Ѧ|Ѧ СОФЪЕ ꙁБѦВН МѦ БѢДЫ ,

с переводом: «*Хотець псал в беде тот. О святая Софья, избави мя от беды*». Надпись известна только по ретушированному фото, что затрудняет ее адекватное прочтение. Тем не менее стк. 1 позволяет предпочесть чтению незасвидетельствованного имени Хотець чтение обычного для Новгорода имени ХОТ[Ъ]NЪ (см. [16.

вып. 1, с. 224—225]), которое содержится также в граффито № 148, расположенном в той же лестничной башне. В стк. 2 своей записи этот Хотен ошибочно опустил в слове БѢДѢ две последние буквы, но, заметив это, надписал их над буквами БѢ. За ними следуют буквы ЕТО. А. А. Медынцева читает буквы ТО как «тот», что безосновательно, поскольку в таком случае буква Е оказывается излишней. Таким образом, в уточненном виде надпись звучит так: ХОТ[Ъ]NЪ ПЛ$\overline{Ъ}$ |ВЪ БѢ{ДѢ} ЕТО. О СТ$\overline{А}$ | А — — «*Хотен писал в беде это. О, святая София...*». Предложенное незначительное уточнение существенно в плане датировки надписи и чисто лингвистическом аспекте. А. А. Медынцева понимала ТО как редуцированную форму указательного местоимения мужского рода ТЪ — «тот», на основании чего отнесла граффито к XIII в. Чтение здесь ЕТО, во-первых, снимает препятствие к датировке надписи более ранним временем, на что указывает близость ее по содержанию и месту расположения к группе аналогичных записей художников середины XI в., о чем речь шла выше. Во-вторых, такое чтение показывает, что надпись содержит лингвистически существенную очень раннюю фиксацию указательного местоимения ЕТОТЪ, до сих пор зафиксированного в памятниках начиная с 1510 г., но время возникновения которого в принципе было неясным [17, с. 65, 18, с. 260]. На возможность бытования его в древнерусском языке до XVI в. указывает параллельная старославянская форма ЕСЕ, включающая тот же дейктический элемент Е и указательное местоимение среднего рода. (Анализ формы СОФЪЕ откладываю до более удобного случая.)

Как видно, в рецензируемой работе сделано многое, но немало еще предстоит сделать. Точнее будет сказать, что этим превосходным сборником надписей Новгородской Софии открыты новые перспективы для исследования различных вопросов эпиграфики, филологии и истории древнего Новгорода. В основном проблематику дальнейших исследований составят уточнение текста надписей, анализ их содержания и установление более основательной в ряде случаев хронологии. Конечная цель работы — создание Корпуса граффити Новгорода и его земель. Исследованием А. А. Медынцевой заложен хороший фундамент для этого.

Яйленко В. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Щепкин В. Н.* Новгородские надписи – graffiti.– Древности, 1902, т. XIX, вып. 3.
2. *Зеленин Д. К.* Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая.– В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928.
3. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев: Наук. думка, 1966.
4. *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев: Наук. думка, 1976.
5. *Avi-Yonach M.* Abbreviations in Greek Inscriptions. Jerusalem — London, 1940.
6. *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.: Наука, 1964.
7. *Брюсова В. Г.* О технике стенописи Софии Новгородской.– СА, 1974, № 1.
8. *Лазарев В. Н.* О росписи Софии Новгородской.– В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М.: Наука, 1968.
9. *Суслов В. В.* Пояснительная записка к проекту стенной живописи для Новгородского Софийского собора.– МАР, 1897, вып. 21.
10. *Штендер Г. М.* «Деисус» Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде.– В кн.: Древнерусское искусство. М.: Наука, 1980.
11. *Аладашвили Н. А., Алибегашвили Г. В., Вольская А. И.* Росписи художника Тевдоре в Верхней Сванетии. Тбилиси: Мецниереба, 1966.
12. *Каргер М. К.* Новгород Великий. Л.– М.: Искусство, 1961.
13. *Stählin O.* Editionstechnik. Leipzig, 1914.
14. *Woodhead A. G.* The Study of Greek Inscriptions. Cambridge, 1959.
15. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. Спб., 1895.
16. *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. Вып. 1. М., 1897.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М.: Наука, 1978.
18. *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.

Тарасов Л. М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука, 1979.

Для довоенного времени Гагаринское поселение было хорошо изучено и опубликовано С. Н. Замятниным [1; 2]. В дальнейшем совершенствование методики изучения поселений, проведение масштабных работ на целом ряде палеолитических памятников, появление новых вопросов и проблем привели к устарению характера сведений по Гагаринскому поселению и к необходимости выяснения некоторых его особенностей, не отраженных в имевшейся документации. Выполнение этой задачи взял на себя Л. М. Тарасов. В 1961—1969 гг. им были предприняты новые исследования памятника, включавшие также и вскрытие основных старых раскопов. Результаты новых исследований Гагаринского поселения обобщены в рецензируемой монографии.

Исследования Л. М. Тарасова и привлекавшихся им специалистов смежных дисциплин существенно расширили источниковедческую базу по Гагаринскому поселению. Была раскопана и разведана шурфовкой значительно бо́льшая площадь, чем в 20-х годах, установлен ряд новых важных деталей поселения, удвоены сборы кремня со следами обработки и собрана большая коллекция необработанного расщепленного кремня; значительно увеличился объем костяного инвентаря и предметов украшения; замечательными образцами пополнилось собрание скульптуры; выполнены работы по изучению геологии и геоморфологии поселения и связанных с ним остатков фауны, спор и пыльцы.

Глава I монографии Л. М. Тарасова посвящена истории исследования памятника. В **главе II** рассмотрены вопросы геологии и геоморфологии. Сделано это с привязкой к специально снятому топографическому плану поселения и его окрестностей [1]. Л. М. Тарасов разделяет точку зрения М. Н. Грищенко, согласно которой Гагаринское поселение располагается на второй надпойменной террасе Дона. Не считая выводы М. Н. Грищенко окончательными, он справедливо отмечает, что они наиболее обоснованы среди других точек зрения.

С большой тщательностью изучен характер породы, вмещающей культурные остатки,— палевого песчанистого суглинка — на разных участках поселения, ее связь с древним рельефом и подстилающими и перекрывающими породами. Это дало достаточно ясное представление о геологических процессах, предшествовавших основанию поселения, современных ему и протекавших в последующий период. Песчанистый суглинок с культурными остатками подвергался склоновому размыву. Водой были унесены чешуйки кремня, остальной кремень на площади поселения имеет следы интенсивной заполированности, известняковая щебенка в верхней части суглинка окатана. Длительная экспозиция и увлажнение привели к разрушению костей. Они сохранились лишь в углублениях. Углубления обеспечили хорошую сохранность и других культурных остатков.

Разрушение костей на открытых участках поселения не позволило произвести относительно полный подсчет остатков животных различных видов по раскопанному комплексу. Этому препятствовало также использование для подсчетов в старых и новых исследованиях разных костей. В главе III отмечено, что в новой коллекции, как и в старой, преобладают кости песца и мамонта. Впервые выявлены кости сурка, полевки, а также кости неопределенных видов птиц и рыбы. В целом фауну поселения составляют животные, приспособленные к суровому континентальному климату с малоснежьем. О довольно суровых условиях среды свидетельствуют и данные спорово-пыльцевых анализов. Основываясь на слабо выраженных следах ископаемой почвы в 0,6—0,7 м ниже культурного слоя (заметных визуально и по данным спорово-пыльцевых анализов), а также на общем характере ископаемой фауны и флоры, Л. М. Тарасов предположительно относит поселение к началу похолодания W III, последовавшего за интерстадиалом W II—III.

В **главе IV** детализируется описание культурного слоя — особенностей его формирования, состава, сохранности. Здесь же рассматривается и знаменитое жилище из раскопок С. Н. Замятнина.

Гагаринское поселение является как бы символом открытия новой области исследования — палеолитических жилищ, поселений и многообразных, связанных с

[1] Подобные планы, являющиеся важным инструментом исследования палеолитических поселений, к сожалению, практически исчезли даже из монографической литературы.

ними сторон жизни древних коллективов. Обнаружение жилища навсегда останется заслугой С. Н. Замятнина. Но исторически неверно было бы считать, что произошло оно благодаря использованию методических приемов, отличных от применявшихся в то время. С. Н. Замятнин был еще молодым ученым, получившим первый небольшой опыт в раскопках Борщево-I, Костенок-I и Ильской.

Важно отметить два объективных обстоятельства, способствовавших обнаружению жилища: 1) методика раскопок 20-х годов, несмотря на существенные недостатки, все же были достаточной для выявления жилищ, от которых сохранились выразительные остатки; 2) такого типа жилища впервые встретились в Гагарино. В начале века с остатками жилищ столкнулись Ф. К. Волков в Мезине (1910—1911 гг.), В. М. Щербаковский и В. А. Городцов в Гонцах (1915 г.). Однако в обоих случаях это были «костяные» жилища, гораздо более сложные для понимания. Подобное же жилище было вскрыто по частям в 1926—1927 гг. П. П. Ефименко и Б. С. Жуковым в Супонево и также осталось нераспознанным, как и елисеевичское, раскопанное К. М. Поликарповичем в 1935 г. В отличие от этих жилищ гагаринское благодаря углубленности напоминало землянки, известные в то время вплоть до неолита, а применявшиеся в нем каменные плиты в отличие от костей мамонта — и до сего дня широко распространенный строительный материал. Кроме того, план гагаринского жилища не маскировали близко расположенные хозяйственные ямы и богатый прижилищный культурный слой.

Поскольку полевая документация старых раскопок линзы культурного слоя, оставшейся от жилища, полностью отсутствует, характеристика слоя в ней дана по небольшим участкам, уцелевшим до исследования Л. М. Тарасова. Автор подробно описывает местоположение различных предметов в линзе, особо отмечая, что женские статуэтки, как и изделия из кости в целом, размещались по краям. Справедливо его заключение, что специально вырытые ямки в полу вдали от очага со своеобразными комплексами находок являются хранилищами. Большой интерес представляют остатки очага на днище линзы, уточнение ее южной границы (оказалась на 0,7 м севернее) и обнаружение за северным краем линзы двух больших ям с богатым заполнением, включавшим женские статуэтки. Эти важные характеристики жилища получены благодаря раскопкам Л. М. Тарасова.

В **главе V**, излагающей итоговые соображения о жилище и поселении, Л. М. Тарасов совершенно верно замечает, что открытие жилища в Гагарино послужило целенаправленным толчком для поисков жилых и хозяйственных комплексов на каждом палеолитическом поселении открытого типа (с. 52). Но это произошло благодаря своевременности открытия, совпавшего с началом серьезных идейно-теоретических поисков в советской археологии. Гагаринское жилище стимулировало и придало определенное направление разработкам П. П. Ефименко [3] и побудило его к выработке новой методики исследований для максимального конкретного выявления теоретически воссозданной в общих чертах картины жизни палеолитических поселений. Последние раскопки в Гагарино как раз могут служить примером того, насколько возрос уровень полевых исследований палеолитических поселений на основе выработанной П. П. Ефименко методики и дальнейшего ее совершенствования.

По характеристике Л. М. Тарасова, углубленное гагаринское жилище имело округлые очертания, диаметр около 5 м, площадь его достигала 20 м². Недалеко от центра находился очаг с углубленным основанием. Вход, вероятно, был обращен к западу. Вполне убедительна мысль автора, согласно которой, жилище имело не коническое, а округлое перекрытие, поскольку на некоторых участках ограждения каменные плиты стояли вертикально.

Из двухкамерных ям, примыкавших к жилищу с севера, восточная содержала культурный слой, аналогичный жилищному. В ней разводился огонь и, по-видимому, имелось перекрытие. Эта яма, как отмечает автор, напоминает краевые землянки Авдеевского поселения. Заполнение небольшой по размерам западной ямы содержало в нижней части лапки песца, которые имелись и в специальных нишах-подбоях обеих камер вместе с женскими статуэтками. На северном краю ямы встречен маленький очажок, функционально связываемый Л. М. Тарасовым со статуэтками в яме.

После исследований 60-х годов Гагарино представляется Л. М. Тарасову в виде поселения, состоящего из одного жилого комплекса и примыкающей к нему обжитой части мыса (с. 56—57). Однако, хотя вокруг жилища на расстоянии, обычном

для промежутков между жилищами внутри палеолитических поселений, никаких объектов не встречено, на наш взгляд нельзя быть вполне уверенным, что они отсутствуют и дальше. Наиболее широко раскопанные палеолитические поселения, близкие по времени к Гагаринскому и с аналогичным характером охотничьего хозяйства или состоят из нескольких жилищно-хозяйственных комплексов, или представляют собой, как однокультурные с Гагарино костенковско-авдеевские памятники, более мощные жилищно-хозяйственные комплексы.

В конце главы автор делает попытку изобразить историю возникновения палеолитического жилища (с. 60—61). Гипотеза его очень стройна и внутренне логична. В качестве начального условия ставится владение огнем, в качестве побудительного стимула к созданию жилища — постепенное похолодание климата. Похолодание заставляло все в большей мере дорожить теплом очага, вокруг которого в холодное время сосредоточивались обитатели поселения и концентрировалась трудовая деятельность. Процесс совершенствования защиты открытого очага от ветра и осадков и создание удобных условий размещения возле него людей и завершается, по мнению Л. М. Тарасова, возникновением жилища.

Однако бросается в глаза, что в качестве исходного материала автор использует исключительно позднепалеолитические жилища и лишь одно более древнее — позднемустьерское жилище поселения Молодова-I. Вне поля зрения остались такие фундаментальные свидетельства, как ашельские жилища Терра-Аматы, жилища или жилые конструкции олдувайской эпохи. Последние, как известно, лишены огня, а в целом факты наиболее раннего домостроения связаны с иными климатическими и ландшафтными условиями, чем те, которые отмечены в книге. Обращение автора лишь к восточноевропейским материалам могло бы навести на мысль, что его гипотеза касается жилищ только этого региона. Однако автор придает гипотезе всеобщий характер. Поэтому использование наиболее ранних свидетельств совершенно необходимо.

В **главе VI** достаточно подробно рассмотрен и хорошо проиллюстрирован кремневый инвентарь, насчитывающий почти 11 тыс. предметов, 9,3% которых составляют орудия. Однако необходимо помнить, что процент этот поневоле завышен, так как расщепленный кремень без вторичной обработки из раскопок 1927 г. почти полностью утрачен. Более половины наличного кремня найдено в углублении жилища.

Довольно значителен костяной инвентарь поселения, освещенный в **главе VII.** Он насчитывает более 506 предметов из кости, в частности и из бивня с обработкой и следами использования: наконечники, манки, шилья, иглы, лощила, лопаточки и пр., в том числе 385 обломков кости и бивня с нарезками, царапинами, сглаженностью, заполировкой. Изделия относятся в основном к предметам домашнего обихода. В костяной инвентарь включены и подвески из клыков песца и бивней мамонта, описание которых дано уже в следующей главе, посвященной украшениям. Примечательно, что основная часть подвесок из клыков песца (47 из 61) собрана на месте жилища. Как отмечает автор, имеющиеся материалы содержат мало сведений об орнаменте, применявшемся обитателями поселения. К несомненно орнаментированным предметам отнесен только игольник с процарапанными треугольниками и парными нарезками (рис. 57, *14*). Орнаментирован нарезками и край обломанной лопаточки (рис. 56, *10*).

На поселении собрано несколько сотен кусочков и множество крошки ярко-красной краски. Краской окрашена и нижняя часть культурного слоя в жилище. Вслед за С. Н. Замятниным автор считает, что охра была предназначена для окраски тела (с. 122). Но, учитывая обилие ее на ряде поселений и условия обитания в суровом климате, на наш взгляд, следовало бы попытаться пересмотреть эту старую и широко распространенную точку зрения, исходящую главным образом из недавнего образа жизни ряда народов низких широт. Не отрицая вполне вероятное применение охры для окраски тела, основным представляется какое-то технологическое ее использование — скорее всего для выделки шкур и изделий из кожи.

В **главе IX** дано описание замечательной коллекции женской скульптуры. Из 14 экз. шесть найдены в процессе новых раскопок. Полностью законченными являются пять статуэток. Автор выделяет две группы статуэток, различающиеся между собой и по внешним аналогиям. Одна группа найдена внутри жилища, другая — в западной яме.

В новых раскопках поселения, как известно, обнаружены две незаконченные скульптуры человека, размещенные голова к голове на одном стержне из бивня. Л. М. Тарасов считает их двойной скульптурой и проводит аналогию с двойным погребением детей Сунгирского поселения (с. 135—138). Он полагает, что совмещение двух фигур на одной заготовке вряд ли можно объяснить техническим преимуществом при их изготовлении, так как это, по его мнению, увеличивало возможность случайной поломки изделия. Однако сравнительно маленькие размеры статуэток представляли бы мастеру большие трудности при их раздельном изготовлении. Возможность более разнообразного и прочного захвата заготовки вопреки мнению автора должны были обеспечить более легкую и надежную обработку статуэток. Не противоречит, а подтверждает сказанное и правильность очертаний и одинаковая глубина кольцевого надреза, разделяющего фигурки. Для разделения деревянного стержня ручным способом необходимо сделать более или менее глубокий и равномерный кольцевой надрез. При таком истолковании данный предмет приоткрывает завесу над одним из интересных технических приемов первобытного человека. Вполне возможно, что и другие мелкие статуэтки в Гагарино почти полностью обрабатывались на совмещенной заготовке. Но эти соображения, естественно, нуждаются в проверке по коллекционным материалам.

В истолковании скульптурных изображений позднего палеолита Л. М. Тарасов придерживается направления, заложенного П. П. Ефименко и развитого А. П. Окладниковым и З. А. Абрамовой. Интересны критические замечания, высказанные им по поводу охотничье-магической гипотезы назначения женских статуэток (с. 144), а также некоторые общие соображения методического характера относительно подхода к данной категории предметов.

В **главе X** исследуется вопрос о месте памятника в палеолите Европы. Критически рассмотрев существующие представления о соотношении костенковско-авдеевских поселений в Восточной Европе и сходных с ними памятников Центральной Европы, Л. М. Тарасов обосновывает свой взгляд. В соответствии с ним поселения слоя 5 Виллендорфа-II. Дольни Вестонице и Павлова могут быть поставлены в один ряд, в котором каждый из них отражает определенный этап в развитии единой культуры. Родственная первой вторая культура — костенковско-виллендорфская (точнее было бы назвать ее виллендорфско-костенковской,— *В. С.*) существует, начиная со слоя 9 Виллендорфа-II, сложившегося на базе нижележащих слоев 5—8 при очень значительном влиянии традиций поселения Петржковице. К этой культуре отнесены Виллендорф-I и Виллендорф-I север, Мораваны — Подковице, Бердыж, Авдеево, Костенки-I (верхний слой), Костенки XIII, XVIII, Гагарино. Данная разработка проблемы несомненно будет способствовать дальнейшему ее разрешению, которое связано с необходимостью более углубленного изучения геологии памятников, более полного и детального сравнения коллекций и бытовых деталей. Нельзя еще вполне положиться на те или иные абсолютные даты по Костенкам-I, Авдеево, Гагарино и некоторым другим памятникам.

Таким образом, тщательные раскопки Гагаринского поселения завершены столь же тщательной обработкой, осмыслением и публикацией материалов. Книга Л. М. Тарасова является ценным пополнением пока еще небольшой отечественной монографической литературы по палеолиту.

Сергин В. Я.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zamiatnine S.* La station aurignacienne de Gagarino et les données nouvelles qu'elle fournit sur les rites magiques des chasseurs quaternaires.— Bul. l'Académie l'histoire culture matériell. fasc. 88. 1934.
2. *Замятнин С. Н.* Раскопки у села Гагарина (верховья Дона, ЦЧО) — Изв. ГАИМК, 1935, вып. 118.
3. *Ефименко П. П.* Значение женщины в ориньякскую эпоху.— Изв. ГАИМК, 1931, т. XI, вып. 3—4.

Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979, 204 с., илл.

Выход в свет монографии И. А. Лозе, подводящей некоторые итоги исследований Лубанской экспедиции Института истории АН Латвийской ССР давно ожидался специалистами. В этой работе публикуется массовый, хорошо документиро-

ванный материал относящийся к периодам позднего неолита и ранней бронзы.

Во введении к монографии дается характеристика физико-географических условий Лубанской равнины (Восточная Латвия), излагается история ее археологического изучения, тесно связанная с мелиоративными работами в этом районе. Именно проводившиеся с 60-х годов крупные мелиоративные работы позволили Лубанской экспедиции, руководимой автором монографии, развернуть широкомасштабные исследования.

Видное место в работе занимает глава I — обзор исследованных памятников. И. А. Лозе разделяет поселения, исходя из их топографии, на две группы: расположенные непосредственно в торфянике и на земляных буграх среди торфяника. Основное место среди исследованных памятников Лубанской равнины принадлежит поселению Абора I (вскрыто 1311 м²). Значительные материалы происходят также с поселений Лагажа I (377 м²), Асне I (78 м²), Эйни (60 м²), а также с поселения в устье р. Мальмута. Приводятся подробные данные о стратиграфии и планиграфических особенностях памятников. Литологически культурный слой поселений в большинстве случаев неоднороден, нередко представляя собой переслаивание суглинка, торфа, песка, сапропеля. Возможно, этому обстоятельству, указывающему на изменения в период существования поселений степени увлажненности и характера накопления осадков, следовало уделить большее внимание.

Весьма интересны зафиксированные при исследованиях участки, прямо связанные с хозяйственной деятельностью населения. Так, в Абора I открыты очаги, сопровождающиеся скоплениями пепла, рыбьей чешуи и позвонков рыб. Отмечая находки кремневых скребков в этих скоплениях, И. А. Лозе обоснованно считает их прямым свидетельством того, что близ очагов чистили рыбу. Уникальны находки на том же поселении остатков вершей, изготовленных из сосновой лучины. На поселении отмечены также многочисленные остатки очагов (хотя вряд ли все обнаруженные на поселениях валунные камни следует связывать непременно с очагами).

В этой же главе рассматриваются поздненеолитические погребения. Значительная серия захоронений, открытая на стоянке Абора I (61 погребение), является самой крупной для средней и северной частей Восточной Прибалтики. Погребения Абора I И. А. Лозе делит на три группы, исходя из глубины залегания. Деление это весьма условно, так как разница глубин (от 0,2—0,3 до 0,5—0,6 м) невелика и погребения всех трех групп по другим признакам не различаются. Довольно спорным, в этой связи, представляется категоричный вывод исследователя: «захоронения носителей культуры ладьевидных топоров и шнуровой керамики (к которым отнесены все скорченные погребения,— В. Т.)... предшествовали захоронениям, где покойник лежал на спине в вытянутом положении» (с. 52). Приводимые И. А. Лозе подробные, сгруппированные в таблицу (табл. 5), фактические данные позволяют сделать вывод лишь о том, что среди погребений, залегающих на глубине 0,2—0,3 м преобладают вытянутые, а среди погребенных, залегающих на большей глубине, представлены скорченные, вытянутые, а также погребенные в сидячем положении.

К позднему неолиту отнесены также 15 погребений на площади средненеолитического поселения Квапаны II, близких по своему обряду погребениям Абора I.

Очень интересной для специалистов является глава II, («Сооружения»), в которой анализируются различные виды строительных остатков, обнаруженные на поздненеолитических поселениях Лубанской равнины. Наиболее благоприятными для сохранности остатков деревянных сооружений были условия на тех поселениях, культурный слой которых залегал в торфе или оторфованном суглинке. Особенно выделяется в этой связи поселение Лагажа, где культурный слой был «запечатан» сверху стерильной прослойкой суглинка. Благодаря этому строительные остатки остались непотревоженными.

И. А. Лозе приходит к выводу, что характер застройки поздненеолитических поселений Лубанской равнины зависел от топографических условий (с. 55). Все жилища были наземными, столбовой конструкции, в плане четырехугольными, чаще всего прямоугольными, с двускатной крышей, площадь их не превышала 40—50 м². Жилища состояли из одного или двух помещений, обычно, в жилище было два или три очага. Имеются данные (балки, обнаруженные на поселении Лагажа) о наличии в жилищах пола из досок.

Особый интерес представляет проделанный в работе анализ планировки позднe-

неолитических поселений. Территория поселения Лагажа (или часть ее), по мнению И. А. Лозе, могла быть огорожена. И. А. Лозе считает, что на этом поселении могло быть свыше 25 жилищ, а в центральной части поселения Абора I — около 10. Правда, при определении числа жилищ автор руководствуется простым соотношением площади памятника с устанавливаемой в некоторых случаях площадью жилища (40—50 м²), учитывая также общее количество остатков очагов на поселении. На поселении Абора I автор выделяет особые участки, использовавшиеся для захоронения умерших (с применением настилов или более сложных погребальных сооружений, недостаточно сохранившихся). Могли, как отмечает И. А. Лозе, совершать погребения и в жилых сооружениях.

При анализе топографии и планиграфии поселения Абора I И. А. Лозе выделяет особое место ее приречной части. Она приходит к заключению, что разные части берега использовались по разному: в верхней части его находились жилища, а в нижней — «деревянные платформы и мостки, которые обеспечивали доступ обитателям поселения к реке» (с. 59). Привлекая данные, полученные Ф. А. Загорскисом для поселения Крейчи, автор считает подобную застройку склона типичной для поздненеолитических поселений Восточной Латвии.

В главе III («Орудия и предметы домашнего обихода») анализируются разнообразные изделия из кремня, других пород камня, кости, рога, дерева. Существенно значительное количество разнообразных сланцевых изделий, в комплексах предшествующего времени немногочисленных. Это обстоятельство, как указывает И. А. Лозе, приводит к выводу о наличии в позднем неолите значительного влияния с севера, с территории Финляндии и Карелии. Крупная коллекция костяных и роговых изделий (1199 экз.) позволила дать подробную характеристику этих видов индустрии. Приведены отдельные деревянные предметы, обнаруженные на поселении Абора I. Большое значение имеют также остатки тигельков со следами выплавленной бронзы, найденные на поселении Лагажа.

Керамические комплексы исследованных поселений рассматриваются в главе IV. Проводя систематизацию материала, И. А. Лозе разделяет керамику на группы, в зависимости от характера глиняной массы, а группы — на виды керамики, в зависимости от характера обработки поверхности сосудов. Выделено три группы керамики: пористая, с примесью песка (шнуровая), и с примесью дресвы. Керамику с примесью дресвы автор относит к эпохе бронзы, остальные группы — к позднему неолиту. В группе пористой керамики И. А. Лозе выделяет виды керамики орнаментированной по ровной поверхности и текстильной, причем текстильная керамика подразделяется на керамику с отпечатками ткани на дощечках. Группу керамики с примесью дресвы И. А. Лозе делит на три вида: «лубанского типа», штрихованную и текстильную (два последних вида представлены немногочисленными фрагментами). Проведена систематизация и создана дробная типология орнаментальных мотивов различных видов керамики: для пористой керамики, орнаментированной по ровной поверхности, на приведенных в монографии обобщающих таблицах можно насчитать 62 орнаментальных мотива, выполненных оттисками перевитого шнура (веревочки, намотанной на палочку), гребенчатым штампом, нарезками; для текстильной керамики выделено 47 орнаментальных мотивов; для шнуровой керамики таких мотивов — 29; на керамике «лубанского типа» — 90 орнаментальных мотивов. В монографии приводятся подробные таблицы количественного распределения пористой, шнуровой и «лубанского типа» керамики по стратиграфическим горизонтам исследованных поселений. В специальных разделах главы IV дается подробная характеристика выделенных видов керамики.

В той же главе сформулирован и ряд положений, имеющих важное значение для изучения неолита и ранней бронзы широкой территории лесной полосы Восточной Европы. Анализ всех имеющихся данных позволил И. А. Лозе сделать обоснованный вывод о том, что ранняя текстильная керамика представляет единое культурное явление с другими видами поздненеолитической пористой керамики Лубанской низменности. Исследователь отмечает локальные особенности восточноприбалтийской неолитической текстильной керамики и впервые детально характеризует керамику с отпечатками ткани на дощечках, как особый подвид текстильной керамики. Подробно рассматриваются вопросы, связанные с изучением шнуровой керамики, в том числе — некоторые параллели и аналогии для шнуровой керамики лубанских памятников на других территориях. Кажется, что следовало бы спе-

циально осветить этапы развития пористой керамики. Этому важному вопросу посвящено лишь несколько строк.

Важное место занимает раздел, где подробно охарактеризована своеобразная керамика «лубанского типа», специфичная именно для поселений исследуемого региона. Керамику «лубанского типа» И. А. Лозе относит уже к эпохе бронзы. Именно с этой керамикой связываются обнаруженные на поселении Лагажа тигельки для выплавки бронзы. Это соответствует стратиграфическому положению данного вида керамики на исследованных И. А. Лозе поселениях: керамика «лубанского типа» характерна для верхних горизонтов культурных напластований. Определенные параллели керамике «лубанского типа» И. А. Лозе видит в материалах фатьяновской культуры, так называемой северобелорусской (по А. М. Микляеву) культуры, а также в некоторых комплексах эпохи бронзы Верхнего и Среднего Поднепровья.

Существенно, что материалы памятников Лубанской низменности демонстрируют убедительные примеры сосуществования групп керамики с различного характера примесями в тесте (пористой и шнуровой, поздней пористой и «лубанского типа»).

Уникальна коллекция предметов искусства, открытых на поздненеолитических поселениях (глава V). В монографии детально охарактеризованы фигурки людей, животных, птиц, пресмыкающихся и рыб, выполненные из кости, рога, а также дерева и глины, серия орнаментированных костяных и роговых предметов, среди которых выделяются три роговые пластинки — предохранители кисти при стрельбе из лука. В небольшой специальной главе (VII) охарактеризована значительная коллекция янтарных украшений (1319 предметов), ранее получившая широкую известность по журнальным статьям И. А. Лозе [1; 2]. Детальная классификация этих находок имеет первостепенное значение для прибалтийской археологии эпохи неолита — раннего металла.

Специальные главы посвящены проблемам хронологии (гл. VII), культурной и этнической принадлежности памятников (гл. IX), а также формам хозяйственной деятельности населения (гл. VIII). Сложные вопросы, анализируемые в этих главах, рассматриваются с привлечением широкого круга источников. И. А. Лозе весьма фундированно анализирует вопросы относительной и абсолютной хронологии, привлекая как типологические данные и данные о количественном составе различных видов материалов в стратиграфических горизонтах, так и результаты применения естественно-научных методов датирования (радиоуглеродного и палинологического). На наш взгляд, следует принять высказанное в монографии положение о том, что рубежом между неолитом и эпохой бронзы является отрезок времени, на который приходится «появление определенного вида керамики, внесшего существенные изменения в облик всей культуры в целом» (с. 120—121). Для Лубанской низменности, как убедительно показано в монографии, такой керамикой является керамика «лубанского типа».

Большой интерес представляют прослеживаемые И. А. Лозе моменты генезиса различных групп и видов керамики позднего неолита и ранней бронзы. Подробно анализируются вопросы хозяйственной деятельности населения эпохи позднего неолита — ранней бронзы. Существенно, что при характеристике хозяйства автор смог опереться на обширный палеозоологический и палеоихтиологический материал (определения К. Л. Паавера, В. П. Данильченко и Я. Я. Слоки). Вполне обоснован вывод о том, что поздненеолитическое хозяйство на Лубанской равнине было еще присваивающим, однако уже с некоторыми чертами производящего.

В то же время, не со всеми высказанными И. А. Лозе положениями можно согласиться. Так, кажется несколько преувеличенным мнение о важной роли культуры шнуровой керамики в позднем неолите Лубанской низменности. Собственно шнуровой керамики на поселениях Лубанской низменности обнаружено очень немного: на поселениях Абора I, давшем наибольшее ее количество — 197 фрагментов шнуровой на 16697 фрагментов пористой керамики, в Асне I — 48 фрагментов шнуровой на 470 пористой, в Эйни — 5 фрагментов шнуровой и 2514 пористой керамики (табл. 2 и 4.). Преждевременным кажется также вывод о раннем возрасте шнуровой керамики в позднем неолите Лубанской низменности, о том, что она появилась там «не позднее пористой керамики» (с. 120). Здесь заслуживают особого внимания данные по раскопу С на поселении Абора I (табл. 2), с наибольшей для этого поселения мощностью культурных отложений. Из десяти стратиграфических

горизонтов, последовательно вскрытых в раскопе, находки шнуровой керамики были отмечены лишь в верхних четырех, а нижележащие горизонты дали «чистые комплексы» пористой керамики.

Наличие среди поздненеолитической пористой керамики плоскодонных сосудов может и не связываться с влияниями шнуровой керамики. Например, в Юго-Восточной Прибалтике плоскодонные сосуды появляются значительно раньше шнуровой керамики. Так, на поселении Цедмар А в Калининградской области плоскодонные сосуды с примесью раковин в тесте датированы 5300—5100 лет тому назад, серийными радиоуглеродными датировками [3, с. 8, 9]. Маловероятно, что пористая керамика «воспринимает» от шнуровой принцип орнаментирования сосудов преимущественно по верхней части. Орнаментация сосудов лишь по верхней части в Восточной Прибалтике особенно характерна для ранненеолитической керамики нарвского типа и родственных ей типов, а в последующее время — для многих сосудов в средненеолитической керамике типа Пиестиня [4, с. 17], непосредственно предшествующей пористой поздненеолитической керамике. Скорее всего, орнаментация сосудов лишь по верхней части (так же как и ряд других признаков, отмеченных И. А. Лозе) свидетельствует о бытовании среди поздненеолитического населения Лубанской низменности традиций, восходящих к населению нарвской культуры раннего неолита. Несомненно, более обоснованным является положение о том, что пористая керамика позднего неолита может рассматриваться как дальнейший этап развития средненеолитической керамики (с. 87).

Неожиданным является вывод И. А. Лозе о том, что «в позднем неолите на Лубанской равнине бытовали две культуры — культура шнуровой керамики и ладьевидных топоров и культура поздненеолитической пористой керамики. Эти две культуры... сосуществовали сравнительно длительное время на одних и тех же поселениях» (с. 129). Неясно, какое содержание вкладывается автором в понятие «археологическая культура». Имеющиеся определения, в частности, и для неолитического времени [5, с. 47; 6, с. 15], включают, в качестве важнейшего признака, территориальное разграничение культур. На наш взгляд, приводимые материалы свидетельствуют, скорее, не о сосуществовании двух неолитических культур на одних и тех же поселениях, а о «проникании» в среду местного населения носителей культуры шнуровой керамики, о контактах, имевших место на протяжении довольно длительного времени (возможно — ставших традиционными).

Выход в свет фундаментального труда И. А. Лозе явился важным событием в прибалтийской археологической литературе. В научный оборот введены материалы первоклассных археологических памятников, исследованных широкой площадью, комплексно, на современном научном уровне. Работа хорошо иллюстрирована (79 рисунков, чертежей, фотографий, графиков и 59 сводных таблиц рисунков). Разработанная И. А. Лозе классификация разнообразных групп артефактов имеет важное значение для всех исследователей периодов позднего неолита — ранней бронзы лесной полосы Восточной Европы. Исторические выводы автора, важные и ответственные, хотя и не всегда бесспорные, являются существенным вкладом в разработку этнокультурной проблематики каменного века — эпохи металла Восточной Прибалтики.

Тимофеев В. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лозе И. А.* Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике.— СА, 1969, № 3.
2. *Loze I.* Neolithic amber ornaments in the eastern part of Latvia.— Przeglad Archeologiczny, Wroclaw—Warszawa—Krakow—Gdansk, 1975, t. 23.
3. *Тимофеев В. И.* Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1980.
4. *Загорскис Ф. А.* Ранний и развитой неолит в восточной части Латвии. Автореф. кан. дис. Рига: Институт истории АН Латвийской ССР, 1967.
5. *Фосс М. Е.* О терминах «неолит», «бронза», «культура»,— КСИИМК, 1949, вып. XXIX.
6. *Гурина Н. Н.* Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зон Европейской части СССР.— В кн.: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зон Европейской части СССР в эпоху неолита. Л.: Наука, 1973.

Максимова М. И. Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979, 152 с., илл.

Одним из основных достижений дореволюционной русской археологии является исследование многочисленных курганов в южнорусских степях и некрополях античных городов Северного Причерноморья. В результате этих работ был накоплен огромный, во многих отношениях уникальный материал. Но зачастую он был обесценен отсутствием публикаций, где давалась бы полная характеристика всего курганного комплекса в целом. Настоятельная необходимость введения материалов в научный оборот в полной мере была осознана еще в первые годы советской власти. Тогда Государственной академией истории материальной культуры была выдвинута идея создания Corpus tumulorum для Южной России.

Лишь последние десятилетия, однако, ознаменовались для советской науки новыми исследованиями курганных комплексов, раскопанных в дореволюционный период [1; 2; 3]. Среди этих иследований важное место принадлежит монографии М. И. Максимовой, посвященной Артюховскому кургану, раскопанному в 1878—1879 гг. на Таманском полуострове.

По своей структуре рецензируемая книга состоит из двух частей. В первой части Артюховский курган рассматривается как памятник истории культуры Боспорского царства. Вторая часть включает описание и исследование комплексов трех нетронутых погребений кургана. Кроме того, в книге имеются приложения с описанием разграбленных погребений (гробницы IV—VIII), сводной таблицей керамики и описью предметов из погребений; каждый из предметов имеет свой инвентарный номер, под которым и фигурирует в тексте. Это значительно облегчает работу с приложениями.

В первой части вслед за обстоятельным описанием истории раскопок кургана, восстановленной на основе отчетов Археологической комиссии и архивных материалов, следуют выводы автора о датировке Артюховского кургана, ранее колебавшейся в пределах 220—100 гг. до н. э. Предложенная М. И. Максимовой в специальной статье дата комплекса 140—125 гг. до н. э. [4, с. 46 сл.] к настоящему времени принята большинством советских и зарубежных ученых и не вызывает сомнения. Приводятся также новые нумизматические данные, убедительно подтверждающие ее (с. 8).

Далее рассматриваются погребальные сооружения кургана, среди которых выделяются четыре типа: 1) каменный ящик, сложенный из тесанных плит (гробницы I, IV, VIII); 2) каменный склеп (гробницы II, VII); 3) погребальная камера, перекрытая каменными плитами (гробница III); 4) простая земляная гробница прямоугольной формы (V, VI). Все эти типы сооружений имели широкое распространение на азиатском Боспоре в эпоху эллинизма (с. 13).

При изучении погребального обряда М. И. Максимова отмечает полное отсутствие трупосожжений, восточную ориентировку гробниц с большими или меньшими отклонениями к северу. Она приходит к следующему выводу: в Артюховском кургане продолжают господствовать старые боспорские традиции (с. 14). Считая погребения в кургане принадлежащими варварской знати Боспорского царства, автор выделяет два явления: обилие золотых украшений в женских захоронениях и немногочисленность предметов, связанных с официальными культами Боспора (с. 20). В то же время она указывает на вполне вероятную связь кургана с Кепами, недалеко от которых он расположен (с. 24).

Особый интерес представляют отмеченные М. И. Максимовой при анализе инвентаря захоронений отдельные предметы, которые она связывает с сарматским влиянием: серебряная пряжка сарматского типа, браслеты из крученого четырехгранного дрота и исполненная в той же технике гривна, а также крупные сферические бусы из халцедона (с. 20). Насыщенность погребений Артюховского кургана греческими по своему типу вещами и греческие элементы погребального обряда автор объясняет широкой эллинизацией социальной верхушки Тамани середины II в. до н. э. (с. 19).

В заключении к первой части монографии М. И. Максимова кратко характеризует значение Артюховского кургана для изучения культуры населения Таманского полуострова накануне восстания Савмака и митридатских войн. Особо подчеркивается тот факт, что памятник типичен для состоятельного слоя населения Таманского полуострова третьей четверти II в. до н. э. (с. 23).

Во второй части книги дается подробная характеристика отдельных категорий предметов из погребений Артюховского кургана. При этом особое внимание уделяется произведениям торевтики, которыми чрезвычайно богат этот комплекс. Рассмотрению отдельных видов изделий предпосланы общие характеристики золотых и серебряных предметов.

Прежде всего автор выясняет вопрос о месте соответствующих изделий среди родственных им памятников эллинистического времени. Привлекая обширные сравнительные материалы, М. И. Максимова последовательно опровергает высказывание М. И. Ростовцева о близком сходстве между находками из комплексов раннего эллинизма, в частности у Карантинного шоссе близ Керчи, и предметами из Артюховского кургана. В этом отношении особенно интересно предпринятое ею сравнение форм серебряной утвари из эллинистических комплексов разного времени: Зеленского кургана, погребений у Карантинного шоссе и Артюховского кургана (с. 74, рис. 23). Тем самым еще раз подтверждается правильность датировки трех неразграбленных погребений последнего.

Другая важная проблема, которую поднимает М. И. Максимова,— это выделение местных и привозных изделий с целью выяснения объема и характера местного производства и торговых связей. Прежде всего исследователь выявляет небольшую группу изделий, характеризующихся местными производственными традициями, чуждыми античному миру в целом: золотые бляшки, начельник, погребальные венки, браслеты в виде свернувшейся змеи и перстни со вставками из необработанных кусков железа. Некоторые изделия связываются автором с существовавшей в Пантикапее в эллинистический период собственной ювелирной мастерской, выпускавшей продукцию, отличавшуюся высоким художественным качеством и совершенной техникой исполнения (с. 38). Не исключается боспорское происхождение и для известной золотой диадемы с геракловым узлом. В связи с этим и другими изделиями, украшенными яркими вставками из цветных камней или эмали, М. И. Максимова коротко останавливается на вопросе о развитии полихромного стиля в эллинистическом ювелирном искусстве. Отмечая, что в Артюховском кургане мы имеем предметы, демонстрирующие уже вполне сложившиеся приемы декора, она оставляет открытым вопрос о времени его появления в Северном Причерноморье.

Относительно происхождения большей части ювелирных изделий автор не делает определенных выводов, так как в современной науке «лицо даже крупных ювелирных мастерских, их роль в создании тех или иных видов изделий остаются загадкой» (с. 39). Тем более интересна попытка М. И. Максимовой выявить среди импортной серебряной посуды предметы, связанные с таким крупным производственным и культурным центром, как Пергам. К пергамскому производству она относит два серебряных канфара с рельефным чеканным орнаментом и ручками в форме гераклова узла. Эти изделия имеют большое сходство и лишь незначительно отличаются друг от друга по форме и орнаменту. У одного из канфаров (Арт. 106) высокая шейка, покатые плечики и полусферическое тулово. Верхняя часть сосуда опоясана линеарным и растительным орнаментом в виде жемчужника, веток аканфа и трехрядной плетенки, тулово украшено чередующимися листьями аканфа и водяной лилии, а подставка — лесбийским киматием. Другой канфар (Арт. 61) не имеет четко выделенной шейки и тулово его по форме напоминает «мегарские» чаши. Элементы орнамента те же, но несколько видоизменены: растительная чаша на тулове образована листьями аканфа и лотоса, дополненными цветами трех видов.

Отмеченное сходство рассматриваемых изделий по фактуре и художественному стилю позволяет автору говорить об изготовлении их в одной мастерской. Учитывая отсутствие прямых аналогий среди произведений торевтики и в то же время использование отдельных элементов их формы и орнамента в декоре более дешевых по материалу керамических изделий, М. И. Максимова, на наш взгляд вполне справедливо, приходит к выводу, что имеются определенные указания в пользу пергамского происхождения серебряных канфаров Артюховского кургана. Во-первых, профиль их тулова близок к профилям пергамских «мегарских» чаш. Во-вторых, орнаментация, а также горизонтальные пластины на ручках канфаров имеют соответствующие аналогии именно в Пергаме (с. 79). Это наблюдение, наряду с уже имеющимися данными относительно импорта пергамской керамики на Боспор [5, с. 275 сл.; 6, с. 107 сл.; 7, с. 41 сл.], служит дополнительным свидетельством

значительного развития торговых связей этого региона с Пергамом в позднеэллинистический период.

Говоря о пергамских изделиях на Боспоре, интересно отметить, что в той же гробнице II, откуда происходит один из упомянутых серебряных канфаров, вдоль всего костяка погребенной здесь женщины лежали золотые нити, видимо — остатки золототканой материи или покрова. Как известно, техника изготовления таких тканей была достаточно сложной и в рассматриваемый период практиковалась главным образом в Пергаме. Именно поэтому золототканые одежды получили название «одежд Аттала» — по имени одного из пергамских царей [8, с. 246].

Вслед за изделиями из драгоценных металлов в публикации М. И. Максимовой подробно и обстоятельно рассмотрены изделия из бронзы (зеркала, светильник, чаши, бронзовые детали ложа и др.). Светильник с вытянутым рожком и ручкой в виде гераклова узла, по мнению М. И. Максимовой, относится к малоазийскому импорту, так как почти полной аналогией ему является бронзовый светильник из Приены. С этим эллинистическим центром, возможно, связаны и бронзовые детали ложа, которые, как указывает автор, ближе всего соответствуют реконструкции ложа II в. до н. э. из Приены (с. 98).

Далее рассматриваются немногочисленные изделия из железа (фрагменты ключей и замка, перстень, нож, стригили), алебастра, раковины, кожи и стекла.

Значительный раздел работы посвящен керамике, происходящей из погребений кургана. Здесь представлена как простая бытовая керамика (миски, тарелки, кувшины, унгвентарии), так и художественная керамика (чернолаковые чашки, пиксида и стамнос, вазы стиля «западного склона» и рельефные сосуды).

М. И. Максимова не ставила задачи выявления определенных центров производства привозных керамических изделий. Следуя уже утвердившимся в нашей литературе атрибуциям, в частности, Т. Н. Книпович [5, с. 271 сл.], подавляющую часть импортной керамики она отнесла к продукции малоазийских гончарных мастерских. Все же относительно отдельных сосудов этот вопрос может быть решен более конкретно. Это относится, например, к амфоре, расписанной жидкой розовой глиной и белой краской с применением резьбы (Арт. 78). Форма амфоры, покрытой буровато-красным лаком, отличается приземистыми пропорциями. Ручки в нижней части украшены круглыми налепами, тулово покрыто вертикальными каннелюрами. Орнаментальный декор состоит из тении с зерновидными подвесками на горле и лавровой гирлянды на плечиках сосуда. В настоящее время такой тип сосудов причисляется к продукции пергамских керамических мастерских. Й. Шафер, посвятивший специальную монографию эллинистической керамике Пергама, даже ссылается на амфору из Артюховского кургана в качестве типичного образца пергамских изделий подобного рода [9, с. 50, рис. 3, *1*]. Отметим также, что влияние пергамской рельефной керамики усматривается М. И. Максимовой в декоре небольшой гидрии с ручкой в виде фигуры Приапа, для которой она не исключает боспорское происхождение (с. 121).

Рассмотрение находок из Артюховского кургана завершается описанием бус с их классификацией и стеклянных амулетов. Позиция автора в данном случае несколько ослаблена опорой на уже устаревшую классификацию Х. Бека, так как М. И. Максимова не смогла ознакомиться с разработанной на материалах Северного Причерноморья классификацией античных бус, предложенной Е. М. Алексеевой [10, с. 59 сл.].

В качестве мелкого замечания укажем на недостаточно осторожный подход к решению вопроса об этнической принадлежности погребений кургана, принадлежащих, по мнению автора, эллинизированной варварской знати. Следует учитывать такие моменты, как подавляющее преобладание греческих по своему типу вещей, соответствие инвентаря, сопровождавшего погребенных мужчин и женщин, греческим погребальным обычиям и несомненное знакомство их с греческим языком и письменностью (имеется в виду перстень с дарственной надписью). По-видимому, более обосновано не этническое, а социальное определение погребений Артюховского кургана, связанных с рабовладельческой верхушкой близлежащих Кеп (Ср.: [11, с. 273; 12, с. 107]).

Нельзя также согласиться со следующим положением автора: материалы Артюховского кургана показывают, что «боспорское общество середины II в. до н. э. вступило на путь слияния местных и эллинских культурных элементов» (с. 24). В различных регионах Боспорского царства этот процесс развивался по разному,

причем на азиатском Боспоре он начался гораздо раньше середины II в. до н. э. (достаточно вспомнить погребальные комплексы Большой Близницы).

Наконец, обращает на себя внимание и расплывчатое употребление М. И. Максимовой термина «местный», под которым в одних случаях подразумеваются неэллинские элементы (с. 15), в других — он служит знаменателем определения «боспорский» (с. 36).

В целом книга М. И. Максимовой, представляющая собой первое полное издание находок из Артюховского кургана, несомненно, вносит новый вклад в дело изучения такого пока еще малоисследованного периода в истории Боспорского царства, как эпоха позднего эллинизма. Богатство и разнообразие погребального инвентаря, отсутствие в нем предметов вооружения не соответствуют принятой многими исследователями характеристике этого периода как времени политического и экономического упадка и служат еще одним аргументом в пользу уже имеющихся в нашей литературе наблюдений относительно экономического подъема городов азиатского Боспора во второй половине II в. до н. э.

Ценность исследования М. И. Максимовой особенно велика, так как Артюховский курган — в своем роде типичный памятник, характеризующий средние слои боспорского общества второй половины II в. до н. э. Материалы из раскопок Артюховского кургана позволяют сделать определенные выводы не только в отношении внутренней истории Боспора, но и его внешних связей с крупными центрами эллинистического мира, в частности, с Пергамом.

Горончаровский В. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Манцевич А. П.* Талаевский курган.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, Изд-во АН УССР, 1957.
2. *Силантьева Л. П.* Некрополь Нимфея.— МИА, 1959, № 69.
3. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980.
4. *Максимова М. И.* О дате Артюховского кургана.— СА, 1960, № 3.
5. *Книпович Т. Н.* К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма.— СА, 1949, т. XI.
6. *Шургая И. Г.* Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия.— КСИА, 1963, вып. 95.
7. *Шургая И. Г.* К вопросу о пергамском импорте на Боспоре во II в. до н. э.— КСИА, 1965, вып. 103.
8. Эллинистическая техника. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
9. *Schäfer J.* Hellenistische Keramik aus Pergamon. Berlin, 1968.
10. *Алексеева Е. М.* Классификация античных бус.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
11. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925.
12. *Сокольский Н. И.* Кепы.— В кн.: Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 243 с.

Изучению процессов этногенеза и этнической истории народов Западной Сибири в последнее время уделяется большое внимание. Различные аспекты этой проблематики получили освещение на ряде всесоюзных конференций археологов, этнографов и лингвистов, регулярно проводимых на базе Томского университета и пединститута [1; 2], на всесоюзных конференциях по проблемам происхождения аборигенов Сибири и их языков [3—5], на Уральских, Урало-Поволжских и финно-угорских совещаниях [6; 7]. Вышло несколько монографий, в которых эти вопросы получили освещение в большей или меньшей степени [8—10]. К их числу относится рецензируемая книга В. И. Васильева, в которой подводятся итоги изучения этногенеза и этнической истории самодийского населения тундровой и прилежащей к тундре лесной полосы Евразии (различные группы ненцев и энцев).

Работа состоит из введения, пяти глав и заключения. Во введении изложены методологические посылки исследования и дан критический анализ историографии, имеющей более чем двухвековую традицию. Анализируя трактовку различными авторами понятий этногенез и этническая история, В. И. Васильев проводит четкое разграничение содержания этих категорий и ставит вопрос об их взаимодействии и отношении друг к другу. В. И. Васильев понимает под этногенезом процесс исто-

рического формирования этноса или его сложение из разнородных (разноязычных, разнорасовых) этнических компонентов. Вслед за Н. Н. Чебоксаровым он считает, что при разборе этногенеза любого народа следует иметь в виду только коллективных этнических предков. В таком случае под этнической историей, естественно, понимается период исторического развития этноса, начиная с заключительной стадии его формирования до любого заданного хронологического отрезка, включая современность.

Следует отметить, однако, что, принимая и поддерживая разработанные автором определения понятий, нужно иметь в виду следующее: на ранних дописьменных этапах истории этносов зачастую очень сложно, а порой и невозможно квалифицировать содержание этнического процесса как «этногенез» или «этническая история», поскольку они могут тесно переплетаться и не всегда их можно спроецировать в узкие хронологические отрезки.

В исследовании процессов этногенеза В. И. Васильев совершенно оправданно использует данные комплекса наук — лингвистики, этнографии, археологии, антропологии. Это обеспечивает глубокую фундированность построений автора. Особенно большое внимание уделено анализу лингвистической преемственности. При выявлении этнических (родовых, родоплеменных) компонентов сложения ненцев и энцев как самостоятельных этносов автор особенно широко применяет данные этнонимики. Это вполне обосновано, поскольку этнонимы часто заимствуются независимо от их языковой принадлежности, в результате этнонимические названия часто консервируют древние фонетико-морфологические и лексические явления.

Надо сказать, что при решении вопросов этногенеза, да и этнической истории, особенно на ранних дописьменных этапах развития этноса, не менее важно исследование историко-культурной преемственности материальной культуры в различных, особенно традиционных, аспектах ее проявления, своеобразия погребального ритуала и культовых представлений, наиболее ярко выражающих духовную сущность народа, его этническую цельность [11, с. 152], а также выявляющие составные компоненты этноса, языковая принадлежность которых может быть неодинаковой. Изучение историко-культурной преемственности в сочетании с данными топонимики и антропологии позволяет проследить развитие этноса в течение длительного отрезка времени, в том числе и в тех случаях, когда лингвистическая ретроспекция затруднена или невозможна, а хронологическая привязка этнонимов является спорной или трудно определимой. В таких случаях при изучении развития этноса исследование историко-культурной преемственности выступает на первый план.

При решении вопросов этногенеза самодийцев В. И. Васильев большое внимание уделяет данным археологии, широко используя их при анализе ранних периодов формирования различных самодийских этносов. Учитывая важность этих источников, следует несколько подробнее остановиться на интерпретации автором взглядов различных исследователей, имеющей важное значение в построениях глав I—III книги.

Рассматривая ранние этапы этногенеза самодийцев, В. И. Васильев справедливо поддерживает мнение М. Ф. Косарева (с. 11) о самодийской принадлежности еловской культуры. В настоящее время эта точка зрения наиболее обоснованна, а на материалах Томско-Нарымского Приобья связь еловцев с самодийцами по ряду элементов культуры доказывается ретроспекцией. Констатированная М. Ф. Косаревым [12, с. 27] и вслед за ним В. А. Посредниковым [13, с. 30] двухкомпонентность еловской культуры, проявляющаяся в сочетании северных, гребенчато-ямочных и южных, «андроноидных», элементов не противоречит этому и представляет один из моментов этногенеза угросамодийцев Среднего Приобья, один из начальных этапов формирования предков современных селькупов и, вероятно, также и других самодийских этносов. Именно в эпоху последней четверти II тысячелетия до н. э. констатируется наиболее глубокое проникновение к северу носителей южных лесостепных культур, которое отмечается не только в Среднем Приобье, но и на Нижней Оби, а также на р. Таз. Керамика из сборов Р. С. Кольса в низовьях Таза обнаруживает крайнюю близость посуде сузгунской культуры южной части тайги Прииртышья по основным элементам и композициям орнамента [14, с. 48—49]. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что некоторые группы населения южной части тайги и северной лесостепи проникали в современные районы предтундровой и тундровой зоны еще в конце II тысячелетия до н. э. Не исключено,

что среди них были и самодийцы [15, с. 134], но скорее всего на севере они тогда не составили значительного этнического массива.

Совершенно правильно В. И. Васильев присоединяется к мнению тех исследователей, которые считают молчановскую культуру следующим этапом развития одной из основных групп самодийского этноса (с. 12). Прослеживаемая двухкомпонентность молчановской культуры, восходящая к еловской культуре, демонстрирует продолжающийся процесс этногенеза самодийских групп Среднего Приобья, осложненный наслоившимся в начале I тысячелетия до н. э. северным компонентом: отражением этого является орнаментация керамики узорами типа волны, змейки и крестового штампа [16, с. 10, 13—14]. Культурная близость памятников молчановской культуры и памятников завьяловского типа в Новосибирском Приобье [17], связанных по происхождению с молчановскими, дает основание предполагать, что памятники завьяловского типа оставлены самодийским этносом.

На основе молчановской культуры формируется кулайская культура в ходе последующего развития которой складывается релкинско-малгетская культура [18, с. 141]. Связь последней с самодийцами доказывается ретроспекцией ([16, с. 14], см. также [19, с. 49—51; 20, с. 13; 21, с. 179—180; 22, с. 184]), и В. И. Васильев не без основания поддерживает эту точку зрения. Автор присоединяется к мнению о самодийской принадлежности большереченской культуры и культуры Новосибирского Приобья (с. 12). На этом положении остановимся подробнее, так как здесь имеются некоторые осложняющие моменты. В то время как связь носителей кулайской культуры с древними угросамодийцами в настоящее время не вызывает существенных возражений, гораздо менее аргументирована принадлежность к более южным группам самодийцев памятников кижировского типа и большереченской культуры. Локализуемые в Томском Приобье памятники кижировского типа [23] демонстрируют в культуре смещение кулайских и большереченских черт. Первые проявляются в элементах звериного стиля, зоо- и антропоморфных изображениях [23, рис. 26, *21*, 27, *18*, 28, *2*, 31], имеющих аналогии в кулайских и усть-полуйских памятниках, а также — в гребенчато-ямочно-жемчужной орнаментации части керамики, находящей аналогии в узорах посуды васюганского этапа кулайской культуры [24, табл. 1]. Большереченские черты документируются распространением характерных баночных форм сосудов, украшенных жемчужно-накольчатым орнаментом [23, рис. 5, 6], подобным орнаментации керамики бийского этапа большереченской культуры [25, табл. XXII].

В настоящее время уже нельзя, кажется, безоговорочно атрибутировать большереченскую культуру, как самодийскую, как нельзя говорить и о прежнем понимании культуры в целом. Необходимы коррективы, вызванные результатами полевых исследований последних лет. Благодаря этим исследованиям выявился сложный этнический состав большереченской культуры и наметились существенные изменения в культуре, относящиеся ко второй половине I тысячелетия до н. э. Эти изменения обусловили трансформацию если не всей, то, во всяком случае, хотя бы части культуры, занимавшей левобережные лесостепные районы Приобья.

В отличие от Томско-Нарымского Приобья, где преемственность развития от раннего железного века до средневековья ретроспективно прослеживается по ряду черт культуры, в Верхнем Приобье такая ретропроекция фактически исключена, поскольку здесь имела место неоднократная смена культуры, обусловленная в основном не спонтанным развитием, а внешними факторами, появлением здесь иных этнических групп: иранских — в середине и третьей четверти I тысячелетия до н. э., северных, самодийских — около рубежа нашей эры (верхнеобская культура) и тюркских — в VI—IX вв. В результате взаимодействия последних с местными аборигенами складывается сросткинская культура.

Остановимся на этнической характеристике большереченской культуры. На первом, большереченском этапе (VII—VI вв. до н. э.) эта культура имеет определенные связующие элементы с более северными памятниками Томского Приобья, а именно с Томским могильником, в орнаментации керамики, металлическом инвентаре и погребальном обряде. Для обоих районов характерно расположение погребенных скорченно, на правом боку, головой на юго-запад, наличие мисковидных форм глиняных сосудов, крестового и зубчатого штампов в орнаментации, присутствие ножей «большереченского типа» и др. [25, табл. X, XIII, XIV, XVII—XX; 26, рис. 17—23]. Принимая во внимание самодийскую принадлежность памятников Притомья, при указанном сходстве логично ставить вопрос о самодийском элементе,

а возможно, и самодийской принадлежности населения большереченской культуры на первом ее этапе. Однако около середины — третьей четверти I тысячелетия до н. э. в Верхнее Приобье продвигаются носители иных этнических элементов с запада и юго-запада, в культуре которых проявляются новые черты (могильные ямы с заплечиками, наличие диагональных погребений, положение в могилу мяса — бок лошади или части туши барана — на деревянных блюдах, меловая подсыпка, кувшиновидные формы сосудов, каменные курильницы, зеркала сарматских типов и др.). Эти инновации соотносятся с подобными чертами в обряде и инвентаре ранних сармат, сако-суней и юэчжей [27, с. 20, 22—23; 28, с. 40—41; 29, рис. 23, 26, *10—12*], что говорит о продвижении кочевых и полукочевых этнических групп из степей Казахстана на восток и северо-восток, вплоть до лесостепных районов Верхнего и Новосибирского Приобья, а возможно, даже до Мариинской лесостепи [30, с. 84—85]. Их приход вызвал изменения в этническом составе населения Верхней Оби, и с середины I тысячелетия до н. э. можно говорить лишь о наличии самодийских элементов в составе населения этого района, а не о самодийской принадлежности населения большереченской культуры. Вероятно, к самодийскому компоненту в большереченской культуре восходит ареал гидронимов на «ча», охватывающий междуречье Бии и Катуни, а также бассейн Бии [31, карта]. На этой территории большереченские памятники известны в большом количестве. Находки большереченской керамики представлены даже к югу от Телецкого озера, на Чулышмане [32, с. 36], а по Катуни большеречепцы заходили до Чемала и Куюса [33, с. 261].

На основании сходства элементов орнаментации крестовым штампом В. И. Васильев включает в одну культурную общность с большереченской горно-лесную каменогорскую культуру Зауралья (с. 13). В решении вопроса о культурной близости большереченской и каменогорской культур надо, по-видимому, проявлять большую осторожность. Между названными культурами больше различий, чем сходства. Различаются формы керамики: горшковидные и чашевидные сосуды с резко отогнутой профилированной шейкой, типичные для каменогорской культуры [34, табл. 1; 35, рис. 2, *а—в*], совершенно несвойственны большереченской, для которой типичны слабопрофилированные сосуды баночной и чашевидной формы [25, табл. X, XIII, XIV, XIX]. Отличаются основные элементы орнамента и орнаментальные композиции — характерный для узора каменогорских сосудов поясок из сдвоенных ямок по шейке [34, табл. 1, *1*, *13*, *14*; 35, рис. 2] отсутствует на большереченской посуде. Типичные для большереченских сосудов ряды жемчужины вдоль венчика не свойственны каменогорской керамике. Техника нанесения орнамента на каменогорской посуде прокаткой специального штампа [34, табл. 11, 12] не встречена на большереченской посуде. Сходство между большереченской и каменогорской керамикой проявляется только в наличии у той и другой орнаментального элемента в виде крестового штампа. Однако узоры, исполненные этим штампом на большереченской и каменогорской посуде, различны: густые многорядовые оттиски крестового штампа, характерные для каменогорских сосудов [34, табл. 1, *1*, *2*, *5*; 35, рис. 2, *а*, *б*], чужды большереченской посуде; в то же время композиции в виде «свисающих» треугольных фестонов и оттисков крестового штампа, представленные на большереченской керамике [25, табл. IX, *25*; X, *3*, *6*; XIV, *3*; XIX, *27*], неизвестны на каменогорской. Ряды оттисков крестового штампа на большереченской посуде чередуются с рядами других штампов, ямок и жемчужин, так что в целом вся орнаментальная композиция с ее горизонтальной зональностью традиционно восходит к зонально расчлененным орнаментальным схемам предшествующей керамики еловской культуры, о связи которой с самодийцами уже говорилось, а узор из «свисающих» фестонов также связан с предшествующей большереченцам ирменской культурой. Указанные различия не позволяют относить каменогорскую и большереченскую культуры к одной культурной общности. Общий для большереченской и каменогорской культур элемент орнаментации крестовым штампом в переходное время от бронзового к железному веку распространяется на целый ряд различных культур почти по всей лесной полосе и лесостепи Западной Сибири от Урала до Енисея. Причины этого эпохального явления пока не получили удовлетворительного объяснения, за исключением имевшего место в это время некоторого сдвига лесного населения к югу. Если этническая увязка большереченской культуры с самодийским элементом на большереченском этапе наиболее вероятна, то этническая интерпретация каменогорской культуры остается пока

нерешенной. Вероятно, эта культура связана с лесными группами угров. Об этом может говорить тот факт, что каменогорская культура явилась одним из компонентов сложения финно-угорских и угорских культур раннего железного века — северного варианта ананьинской и иткульской [36, с. 123, 124, рис. 2].

В. И. Васильев присоединяется к точке зрения о самодийской принадлежности среднеиртышской культуры (с. 12), памятники которой локализуются на сравнительно ограниченных участках в низовьях р. Оми и по р. Таре. Такое заключение правомерно; среднеиртышская культура связана генетически с кулайской культурой, а реки Омь и Тара, текущие из болот Васюганья, служили естественным путем миграции кулайцев на запад.

Останавливаясь на сложном вопросе этнической принадлежности усть-полуйской культуры, В. И. Васильев склоняется к мнению о ее самодийской принадлежности, хотя бы на заключительном этапе (с. 13). Эта точка зрения поддерживается сейчас рядом исследователей и базируется на большом сходстве керамики третьей группы усть-полуйской культуры, орнаментированной штампом «уточка», с керамикой саровского этапа кулайской культуры [37, с. 79; 38, с. 181]. Проникновение этого населения в Нижнее Приобье, судя по хронологии саровской керамики, может быть датировано началом I тысячелетия н. э. и было связано, очевидно, с проникновением на север первой значительной волны южносамодийского населения эпохи железа, связанного своим происхождением с населением Среднего Приобья.

Тщательный анализ данных, содержащихся в различных источниках, приводит В. И. Васильева к следующему заключению: этническое ядро современных северосамодийских народов, основные элементы их материального и духовного культурного комплексов сформировались в результате синтеза самодийско-язычных пришельцев и автохтонов Заполярья (с. 17). Завершающий этап формирования северных этносов В. И. Васильев датирует концом XVI — началом XVII в. (с. 18) и последующий период их развития относит к этнической истории, для оснащения которой ведущее значение, по праву в данном случае, отводит историческим письменным источникам. Останавливаясь на археологических источниках этого периода, В. И. Васильев ограничивается только кратким анализом материала Басандайского могильника в окрестностях Томска (с. 18). Между тем, кроме него в Нарымском Приобье исследован еще ряд памятников XVI—XVII вв. Непосредственно к рассматриваемому вопросу имеет отношение раскопанный Т. Д. Яновичем могильник Халас-Погор в низовьях Оби, около Салехарда [39]. Наряду с погребениями хантов здесь открыты захоронения ненцев XVIII—XIX вв. Материалы могильника, иллюстрируя смешение обеих этносов в этом районе, наглядно подтверждают положение автора о том, что этническая история не исключает элементов этногенеза [40].

Анализируя южные компоненты в составе ненцев, В. И. Васильев убедительно доказывает южное происхождение одного из крупных ненецких родов Харючи, сопоставляя его с этнонимом Кара и усматривая три ареала распространения последнего. Восточный — локализуется автором на Саянах и связывается с тофаларами (карагасами). Центральный, наиболее обширный регион, охватывает Томское Приобье и предположительно сопоставляется В. И. Васильевым с территорией обитания томских карагасов. Частично он включает ареал расселения селькупов и отюреченной их группы — карагалинских татар. С центральным регионом этнонима Кара автор связывает также происхождение одного из подразделений рода Харючи — Тазу Харючи, обитавших, по источникам конца XVIII — первой половины XIX в., в бассейне р. Таз (гл. 1). Представляется, что этот регион следует считать также исходным для тех Кара, которые явились предками основной части ненецкого рода Харючи. В этом районе представлены топонимы на «-ях», «-яха», указывающие на места былого проживания ненцев [41; 42, с. 95]. Здесь же сконцентрированы основные археологические культуры раннего железного века и средневековья, увязываемые с самодийцами. Этот район и был исходным для продвижения самодийцев на север в усть-полуйское время — около начала I тысячелетия н. э.

Западный ареал расселения Кара В. И. Васильев помещает в лесостепном Прииртышье и Притоболье, на территории саргатской и, возможно, гороховской культур, считая эти культуры самодийскими (с. 33). Такое предположение базируется на существовании в XVII в. в районе Тюмени Каскаринской волости, название которой автор транскрибирует как «Каса (а) Кара», т. е. «род журавля». Основанием стало наличие культа журавля у заболотных татар, а также сущест-

вование в первой половине XVII в. родовой тамги, изображающей журавля у населения Колмакова юрта в бассейне Ницы, выше устья Ирбита (с. 31—33).

Этническая интерпретация саргатской культуры сложна, указывает на ее неоднородность, на присутствие в составе ее этноса иранских [43, с. 47] и, очевидно, угорских элементов, находившихся в тесной взаимосвязи. Приведенные В. И. Васильевым аргументы еще не являются достаточным основанием для увязки самодийского этнонима «Кара» с саргатской культурой. Локализация западной части региона этнонима Кара совпадает с ареалом саргатской культуры только в одном окраинном районе, прилежащем к Тюмени. Но вблизи этого района известны находки керамики, орнаментированной фигурными штампами [44, с. 154, рис. 7], которые могут указывать на миграции отдельных групп населения по Тоболу и его притокам с Нижнего лесного Прииртышья во второй четверти I тысячелетия н. э., когда саргатская культура уже прекратила существование. Такая керамика на памятниках лесного Прииртышья сопоставляется с носителями Кара и свидетельствует о том, что Кара появились в Притоболье после исчезновения саргатской культуры. Кроме того, не исключена транскрипция наименования волости Каскаринская с тюркского языка — языка проживавших здесь в XVII в. тюменских татар. Саргатская культура в пору ее расцвета не имела почти ничего общего с увязываемыми с самодийцами культурами Среднего и Верхнего Приобья — основных районов расселения предков самодийцев в прошлом, что уже само по себе говорит против самодийской принадлежности носителей саргатской культуры. В известной мере можно думать о включении этноса саргатской культуры в ограниченных пределах в состав самодийцев, но этот процесс происходил не ранее второй четверти I тысячелетия н. э., когда оставшиеся в лесостепи остатки населения саргатской культуры смешивались с продвигавшимися с севера в опустевшую лесостепь группами лесного угро-самодийского этноса. Результатом такого смешения явилось появление памятников типа Бобровского и Переймипского могильников [45; 44, с. 166—174], комплекса материала Ирбитского городища [46, рис. 17, *8*, *9*], обнаруживающих известную близость с материалом памятников кушнаренковского типа Башкирии и Татарии [47, с. 155]. Свидетельств же глубокого проникновения саргатского населения на север в эпоху великого переселения народов пока нет. Памятников саргатской культуры или активных следов ее воздействия в районе расселения заболотных татар не обнаружено. Нет данных для доказательств продвижения больших групп саргатского населения в это время в таежную зону. Пока можно говорить об этом только для южной части лесной полосы и то — по косвенным данным [48, с. 89]. Скорее всего основная часть саргатского населения мигрировала в эпоху великого переселения народов на запад. Если придерживаться мнения о западносибирских истоках культуры древних венгров, то в настоящее время среди культур эпохи железа Западной Сибири с предками венгров может быть увязана только саргатская культура. Миграция их в степи Европы в основном происходила в эпоху около III в. н. э.

Постановка вопроса о южносибирском происхождении европейско-ненецкого родового компонента Лэхэ (в форме Логей), увязываемого с районом Лугуйской и Тунусской волостей на северо-западе Барабы (с. 36), не вызывает возражений. Однако это не свидетельствует в пользу самодийской принадлежности саргатской культуры. Ареал этих волостей захватывал бассейн Тары, куда саргатские памятники распространяются лишь частично, это их крайняя северо-восточная периферия. К тому же в их материале здесь присутствует керамика, очень близкая посуде васюганского типа кулайской культуры [49, с. 5—6], что говорит о взаимодействии здесь кулайского самодийского лесного и, вероятно, угорского населения саргатской культуры.

В свете локализации первоначальных самодийских родов в Среднем и Верхнем Приобье находит объяснение самодийский элемент и почитание журавлей у кумандинцев Алтая, а также самодийские корни рода Чор у шорцев (с. 39). Их можно рассматривать как оторванный и изолированный тюрками во второй половине I тысячелетия н. э. фрагмент до этого относительно единого самодийского массива бассейна Средней и Верхней Оби.

Если говорить о самодийском периоде истории района Ницы, части бассейна Туры и Заболотья, то кроме второй четверти I тысячелетия н. э. его можно относить также предположительно ко второй половине I тысячелетия н. э. (материалы типа Перейминского могильника, Ирбитского городища, который сопоставляется с

кушнаренковскими памятниками Башкирии). Однако полной уверенности о связи названных памятников с самодийцами нет; не исключено, что они могут относиться к угорскому этносу. Аналогичным образом неоднозначно решается вопрос об этнической принадлежности потчевашской культуры, сопоставимой по облику керамике и звериному стилю с угро-самодийской релкинско-малгетской культурой Среднего Приобья.

Большой интерес представляет мнение автора о неодновременности миграционных потоков южносамодийских групп на север, а также заключение (с. 41), что путь движения самодийцев и части кетских родов на север в XIII в. пролегал по левому берегу Енисея.

В монографии подвергнута тщательному анализу проблема аборигенного субстрата северной Евразии и определена его роль в этногенезе ненцев и энцев. В. И. Васильев приходит к заключению, что местное население арктической тундры — сииртя — было частью истреблено, а в большинстве в конечном итоге ассимилировано самодийцами, составив основу фратрии Вануйта и родов Лодоседа, Тынгин, Марьик и др. В развитие представления В. Штейница о формировании фратрий у обских угров В. И. Васильев приводит мысль, что фратриально-родовая организация сибирских тундровых ненцев является не рудиментом древней социальной организации, а специфическим институтом, сформировавшимся в силу ряда исторических причин (с. 72). Вслед за Б. О. Долгих автор обоснованно развивает положение, что у сибирских тундровых ненцев фратрию Харючи образуют, видимо, потомки пришельцев-оленеводов, а другая фратрия, Вануйта, сложилась на основе потомков аборигенов Севера (с. 53, 71). Примечательно, что аналогичное положение в оформлении дуально-фратриальной организации имело место у других народов Сибири. Так, можно предполагать более западное, возможно, приуральское и горноуральское происхождение фратрии Мос и аборигенный, зауральский, характер фратрии Пор у манси, оформившихся, по-видимому, во второй половине I тысячелетия н. э., когда в бассейнах Туры и Тавды наблюдалось слияние двух этнических компонентов — носителей гребенчато-фигурно-штамповой и гребенчато-шнуровой керамики [50, с. 68—72]. Обращаясь к более раннему времени, можно констатировать сочетание пришлых, иранских, и аборигенных, очевидно угорских, элементов в саргатской культуре [43, с. 47].

В процессе взаимодействия аборигенного и пришлого южносамодийского населения много неясного. Не исключено, что первая вышеуказанная самодийская волна конца I тысячелетия до н. э.— начала I тысячелетия н. э., прослеживаемая в усть-полуйской культуре, была поглощена аборигенами. Волна, относимая В. И. Васильевым к IX в. и связываемая с давлением тюрок, возможно, датируется несколько более ранним временем. Вероятно, начало ее относится к VII в., поскольку в это время отмечается активное воздействие тюрок на южных самодийцев, констатируемое материалом могильника Релка [18, с. 132—133]. Автор обращает внимание на сложность этнического процесса у энцев, в ареал которых с юга в разное время проникали представители различных родов, в результате чего фратриальная организация у энцев не сложилась (с. 73).

Этнической истории XVII—XVIII и XIX — начала XX в. посвящены главы IV—V монографии. Опираясь на тщательно проработанные и глубоко анализированные в основном архивные и литературные источники, автор характеризует этнические процессы этого периода во всем их многообразии. Тщательно изучена динамика численности и родового состава различных групп европейских и сибирских ненцев и энцев. Автор прослеживает процесс постепенного распада родовой организации у ненцев и выделения патронимий, наиболее активно происходивший у европейских ненцев (с. 83, 100). Особый раздел В. И. Васильев отводит анализу этнических контактов и этнических конфликтов на самодийском Севере в XVII—XVIII вв. (с. 120—131). Хотя Север и входил в состав единого централизованного Русского государства, отношения отдельных групп самодийцев между собой и с соседними народами — коми, хантами, селькупами, русскими были различны. В европейской части преобладающее влияние имел процесс культурного взаимовлияния, распространялись смешанные браки и развивались языковые контакты. На севере Сибири имели место эпизодические военные столкновения различных этнических групп, набеги самоедов на хантов и энцев. Согласно преданиям, между ненцами и энцами было три большие войны. По подсчетам В. И. Васильева (с. 129), две из них падают на вторую половину XVII в., а третья — на середину XIX в. В ре-

зультате этого ненцы вытеснили энцев с левобережья Енисея и из бассейна Таза, ассимилировав оставшихся на этой территории представителей энецких родов. В свою очередь ханты вытеснили с Ваха лесных ненцев. С этими событиями в преданиях ваховских хантов ассоциируются отдельные археологические памятники [51]. Постепенно, главным образом с конца XVIII в., процесс культурного взаимовлияния получает все более преобладающее значение. Увеличивается количество смешанных браков ненцев с коми и русскими, ненцев с хантами и др., развиваются языковые контакты, распространяется двуязычие. Данные наблюдения, важные для познания процесса этнической истории самодийцев Севера, представляют большой интерес при реконструкции социальных отношений обществ, выявленных на археологическом материале.

Постепенно патриархально-родовые отношения распадаются и в конце XIX — начале XX в. заменяются соседско-территориальными. Это способствовало усилению контактов между отдельными самодийскими группами, подготовляя почву для сложения ненецкой народности.

Основу хозяйства ненцев составляло кочевое оленеводство. Развитие имущественной дифференциации вело к появлению богатых оленеводов, владевших многотысячными стадами скота, и бедняков, которые, потеряв по каким-либо причинам оленей, переходили к оседлости, занимались другими промыслами или нанимались пастухами к владельцам крупных стад, что аналогично подобному явлению у кочевников степей.

В Заключении подведены основные итоги проведенного исследования.

В работу вкрались отдельные технические недочеты. На с. 13 «кара-якуповский» археологический тип Башкирии напечатан искаженно. На с. 31 р. Тара фигурирует как левый приток Иртыша, в действительности это правый приток. Однако эти незначительные упущения не снижают общей высокой ценности монографии В. И. Васильева. Книга насыщена фактическим материалом, который автор подверг тщательному анализу. В работе освещены различные аспекты проблем этногенеза и этнической истории ненцев и энцев от II тысячелетия до н. э. до начала XX в. Данные в книге методологические разработки проблем этногенеза, этнической истории, развития дуально-фратриальной организации представляют большой интерес для широкого круга специалистов.

Могильников В. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970.
2. Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979.
3. Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (тезисы докладов Всесоюзной конференции). Новосибирск, 1973.
4. Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973.
5. Языки и топонимия Сибири. Томск, 1976.
6. Этническая история народов Урала и Поволжья (препринты докладов и сообщений). Уфа, 1976.
7. Вопросы финно-угроведения. Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финноугроведов. Т. II. Сыктывкар, 1979.
8. *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1972.
9. *Хомич Л. В.* Ненцы. М.– Л.: Наука, 1966.
10. *Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976.
11. *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974.
12. *Косарев М. Ф.* Некоторые проблемы древней истории. Обь-Иртышья.– СА, 1968, № 2.
13. *Посредников В. А.* О культурной принадлежности поселения Большой Ларьяк II и некоторых других памятников в таежном Приобье (эпоха бронзы).– ИИС, 1973, вып. 7.
14. *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья.– МИА, 1953, № 35.
15. *Хлобыстин Л. П.* О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.)– МКЭНСА, 1969.
16. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1964.
17. *Троицкая Т. Н.* Поселение VII–VI вв. до н. э. у с. Завьялово Новосибирской области.– КСИА, 1968, вып. 114.
18. *Чиндина Л. А.* Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977.
19. *Косарев М. Ф.* К вопросу о кулайской культуре.– КСИА, 1969, вып. 119.
20. *Могильников В. А.* Население южной части лесной полосы Запацной Сибири

в конце I – начале II тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1964.
21. *Могильников В. А.* К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья.– ПАС, 1969.
22. *Чиндина Л. А.* Молчановский могильник «Релка» и некоторые вопросы этногенеза народов Западной Сибири.– ПАС, 1969.
23. *Плетнева Л. А.* Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977.
24. *Чиндина Л. А.* Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа.– ИИС, 1973, вып. 7.
25. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.– МИА, 1956, № 48.
26. *Комарова М. Н.* Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.– МИА, 1952, № 24.
27. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.– САИ, 1963, вып. Д1–10.
28. *Акишев К. А.* Курган Иссык. М., 1978.
29. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.– МИА, 1952, № 26.
30. *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979.
31. *Дульзон А. П.* Этнический состав населения Западной Сибири по данным топонимики.– В кн.: Доклады на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.
32. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыгрэ как источник по истории алтайских племен. М.– Л.: Наука, 1965.
33. *Окладников А. П., Погожева А. П., Молодин В. И.* Работы в Горном Алтае.— АО – 1978. М., 1979.
34. *Берс Е. М.* Памятники и керамика гамаюнской культуры.— В кн.: Из истории Урала. Свердловск, 1960.
35. *Сальников К. В.* Иткульская культура.– В кн.: Краеведческие записки. Вып. 1. Челябинск, 1962.
36. *Бельтикова Г. В.* Иткульские поселения.– В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.
37. *Чиндина Л. А.* Саровское городище.– ВАЭС, 1978.
38. *Могильников В. А.* К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа.– ИИС, 1973, вып. 7.
39. *Руденко С. И.* Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска.— МЭР, 1914, т. 2.
40. *Могильников В. А.* Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор на Оби.– АЭБ, 1964, т. II.
41. *Калинина Л. П.* О некоторых вопросах топонимики левобережья Средней Оби.– Уч. зап. ТГПИ, 1959, т. XVIII.
42. *Воробьева И. А.* Топонимика Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977.
43. *Могильников В. А.* К вопросу о причинах и характере миграций в лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке.– В кн.: Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979.
44. *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э.– МИА. 1957, № 58.
45. *Арсланова Ф. Х.* Бобровский могильник.– Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1963, вып. 4.
46. *Викторова В. Д.* Археологические исследования по рекам Реж и Ница.– ВАУ, 1962, вып. 2.
47. *Могильников В. А.* К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н. э.– I тысячелетия н. э.– АЭБ, 1971, т. IV.
48. *Могильников В. А.* Исследование Малотебендинских курганов.– КСИА, 1969, № 120.
49. *Могильников В. А.* Отчет о работах в Прииртышье в 1972 году. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4739.
50. *Могильников В. А.* К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н. э.– СА, 1974, № 2.
51. *Посредников В. А.* Большеларьякское городище.– СА, 1981, № 2.

Francfort H. P. Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze à l'époque Kouchane. Travaux de l'Unité de recherches archéologiques, 10, Paris, 1979. 95 с. 18 илл.

Изучение фортификации осуществлялось археологами на многих памятниках периода бронзы, раннего железа, античной поры в среднеазиатских республиках, а также в Северном Афганистане, где параллельно вели исследования сотрудники Французской археологической миссии. Но до сих пор полученный материал не был обобщен. Труд этот взял на себя французский археолог А. П. Франфор. Он выполнил задачу превосходно — результатом проведенного исследования стала рецензируемая монография «Фортификация Средней Азии от бронзового века до эпохи Кушан». Книга помечена 1979 г., но попала на книжные полки лишь в 1980 г.

Во вступлении (с. 8—12) автор формулирует проблему: что дает современный уровень изучения древней фортификации среднеазиатского региона в почти двухтысячелетнем отрезке времени? Он определяет географические рамки региона, выделяя в нем три основные области: Хорезм, Маргиану-Парфиену и Бактриану-Согдиану. Хронологически автор рассматривает памятники по трем периодам: доэллинистический (II — середина I тысячелетия до н. э.), эллинистический (IV—II вв. до н. э.), кушанский (II в. до н. э.— IV в. н. э.).

Исходя из недостаточной полноты информации в отношении большинства рассматриваемых памятников (лишь некоторые из них подвергались раскопкам, большинство же имеет лишь визуальные описания), А. П. Франфор останавливается на наиболее «общих показателях» (с. 10) путем распределения объектов на карте, анализа планов (размеры, форма), изучения фортификационной структуры. Эти показатели содержатся как в первой, обобщающей, части (с. 6—43), так и во второй, включающей аналитические сводки по отдельным параметрам фортификационных сооружений (с. 45—68). Автор выделяет ведущие формы окруженного крепостными твердынями пространства, а также подразделяет памятники в зависимости от их размеров на города, большие и малые крепости, цитадели, донжопы.

В основном изложении А. П. Франфор анализирует предложенную периодизацию среднеазиатской фортификации, предваряя анализ краткими описаниями исследованных археологических памятников, а в ряде случаев высказывая по поводу некоторых памятников свои соображения. В заключение предлагается обобщенная характеристика фортификационной системы соответствующего периода. Выдвигается совершенно справедливый тезис о том, что «композиция населенных пунктов (Средней Азии — *Г. П.*) редко следует теоретическому трехчастному подразделению на шахристан (город), диз (цитадель) и рабад (пригород)» (с. 39). Дискуссии по этому поводу в советской науке не иссякают, но археологическое изучение конкретных объектов показывает, что действительно в данную схему не вписывается большое число как крупных, так и небольших среднеазиатских городов.

Обобщающие выводы сформулированы в заключении к 1-й части (с. 40—43), и мы их вкратце повторим. Автор отмечает, что ранние — «доэллинистические» среднеазиатские укрепления выполнялись из битой глины, они небольшой толщины, вдоль куртин следуют галереи для стрелков. Башни круглой или прямоугольной формы, имеют стрелковые камеры, пронизаны бойницами. Ворота иногда защищены выступом — барбаканом. Сам укрепленный пункт прямоугольный, но чаще круглый в плане. Этот тип появляется в Бактрии уже во II тысячелетии до н. э. и отличен от укреплений других стран Древнего Востока. Во времена Ахеменидов данный тип получает распространение во всех областях Средней Азии, будь ли то города, культовые центры, поселения, приграничные государственные крепости. Отмечается, что «полые» (т. е. с внутристенными устройствами) среднеазиатские укрепления обеспечивали защитные качества, основанные на стрельбе множества лучников, способных остановить атаку вооруженной конницы, ибо главную опасность представляла атака степных народов — прирожденных кавалеристов. Однако они были неэффективны против артиллерии и осадных машин.

В «эллинистический» период, после основания Александром и его преемниками греческих колоний в Маргиане, Парфиене, Бактрии и Согдиане, во всех провинциях, управлявшихся вначале греками, а затем эллинизированными азиатскими правителями, населенные пункты в плановом решении получили прямоугольные очертания, круглые же в плане поселения — исчезают. Структура укреплений существенно модифицируется: это сплошной массив сырцовых или пахсовых кладок, стены приобретают очень большую толщину. Башни, как правило, прямоугольные, также выведенные сплошной кладкой, нередко они лишь слегка выступают и расположены близко одна от другой. Защита осуществляется сверху — с волгангов и боевых площадок. Эти изменения связаны с обороной против приемов греческой полиоркетики: такие массивы противостоят как осадным машинам, так и камнеметной артиллерии. Сами укрепленные пункты, как и ранее, принадлежат к разным типам — от больших городов до малых крепостей. В стороне от этих структурных трансформаций остается Хорезм, сохранивший прежний тип доэллинистических укреплений с внутристенными устройствами, поскольку здесь они не были объектами артиллерийского и осадного штурма.

В «кушанский» период возрождаются внутристенные структуры фортификации, а иногда и круглый план, вновь появляются круглые башни. Это возвращение к

старой местной традиции объясняется новым преобладанием на театре парфянских и кушанских военных действий стрельбы из лука, конного и рукопашного боя, свойственных конным среднеазиатским народам — не только степнякам, но и оседлым. Увеличение в цветущих империях Парфян и Кушан в первых веках нашей эры числа мелких укрепленных пунктов, возможно, знаменует раздробление центральной власти как предвозвестия феодализации. С IV в. возрастает число замков и донжонов.

Отмечая, сколь большую и важную информацию уже дало археологическое изучение крепостной архитектуры рассматриваемой эпохи, автор вместе с тем подчеркивает, что она ограничивается в основном конкретными данными о приемах обороны, но не дает ответа на вопросы о социальной структуре. Это наглядно предстает, когда единые (отличные лишь в частностях) принципы фортификации отмечаются в памятниках древнебактрийской цивилизации и в фортификационных приемах времени развитых государств Аршакидов и Кушан, хотя социальный строй и классовая структура уже были совершенно иными.

Каталог объектов содержит статистический анализ, включающий девять рубрик и 57 пунктов с подсчетом конкретных данных по приблизительно 120 памятникам, привлеченным А. П. Франфором (формы планов, башен, куртин, внутренних устройств, основные размеры для разных периодов и пр.). На этой основе даны некоторые общеисторические выводы (с. 47—50). Вслед за примечаниями и кратким резюме (с. 95) следуют 15 иллюстраций и три карты расположения памятников, а также предполагаемого местоположения упоминаемых древними авторами среднеазиатских городов.

В книге есть некоторые спорные моменты или неточности, на которых стоит остановиться.

Автор предлагает собственную трактовку некоторых вошедших в литературу объектов. Так, круглое, фланкированное девятью башнями сооружение Дашлы-3, которое В. И. Сарианиди считал храмом, по мнению А. П. Франфора, было «второстепенным укреплением» населенного пункта, или, пользуясь средневековой терминологией, донжоном (с. 13—14). Однако наличие обводного коридора и глухих башен еще не говорит об их оборонной функции. Так, круглое сооружение Жига-тепе в Балхском оазисе III—II вв. до н. э., где также были башни и обводной коридор, масса стреловидных и прямых прорезей типа бойниц, имело входные проемы в каждой куртине (до 32), нарушающие основное правило фортификации — минимум ворот, чаще всего единственные. «Фортификационное» истолкование памятника, на наш взгляд, нереально. Напомним также Сурх-Котал (II в. н. э.), где храмовый комплекс окружен типичными для кушанского времени стенами крепостного вида, с прямоугольными башнями, хотя ни у кого не вызывает сомнения культовый характер памятника.

Дискуссионным представляется истолкование крестовидного в плане сооружения, расположенного в том же комплексе Дашлы-3. В. И. Сарианиди считает его дворцом. А. П. Франфор подчеркивает наличие выступающего на углу входа-барбакана, не настаивая, однако, на оборонных функциях сооружения (с. 14, 15). С нашей точки зрения это не дворец, и не крепость: слишком функционально неудобная и уж во всяком случае «не дворцовая» у него планировка, нет ни одного зала для государственных собраний и пиршеств. Скорее всего, это также храм, где лабиринтообразная конфигурация узких коридоров и помещений Г-образного плана делала эти помещения недоступными для непосвященных, в них могли ориентироваться лишь служители культа. Храм мог быть связан с иным божеством, чем круглый храм, и потому бактрийский архитектор придал ему иную форму. Что касается барбакана, то это еще не признак фортификационного назначения. В месопотамской архитектуре, например, парадные входы дворцов и храмов были сходны по форме с городскими воротами.

В отношении трех выделенных А. П. Франфором периодов — «доэллинистического», «эллинистического» и «кушанского» приемлем лишь средний из этих терминов, но трудно согласиться с первым и третьим. Ведь собственно эллинистический период охватывал всего два столетия, в то время как «доэллинистический» — более тысячелетия и потому ставить его в зависимость от привнесенных греками видоизменений фортификации едва ли правомерно. К сожалению, в исторических дисциплинах применительно к Средней Азии нередко фигурируют такие термины в периодизации, как «доарабский» или «домонгольский», как если бы процесс чуже-

земного завоевания, который нередко приводил страну к великим бедствиям (а таковым было и вторжение македонской армии), являлся основным фактором для определения предшествующего ему длительного исторического периода.

С другой стороны, империя Кушан и ее роль на исторической арене далеко не охватывали ни указанных А. П. Франфором хронологических пределов II в. до н. э.— III вв. н. э. (Кушаны выступают лишь около рубежа н. э.), ни всего Среднеазиатского региона, а лишь часть его южной зоны. И потому, несколько выходя за рамки рецензии, я бы предложила следующую схему эволюции фортификации в веках.

1. Архаический (или древний) период, II — начало I тысячелетия до н. э. Появление простейших стенных ограждений крупных прагородов, а также планировочных образований общественного или культового характера и первых крепостей. Стены с волгангом, иногда с внутренним коридором либо отсеками, округлые или квадратные башни. Приемы защиты ввиду незначительной по высоте сохранности стенных устройств пока неясны.

2. Предантичный период VII—IV вв. до н. э. Подпрямоугольный, реже округлый план укрепленных пунктов. Стены на невысокой платформе, толщина их невелика, они с внутристенной галереей, но иногда без нее. Башни полукруглые, со стрелковыми камерами. Иногда имеется ров. Защита осуществляется из-за стен стрельбой из лука через бойницы, отчасти, возможно, также с верха башен из-за парапета.

3. Эллинистический период, III—II вв. до н. э. Сплошные монолиты стен большой толщины, очень широкие по фасу прямоугольные башни или выступы, ров. Боевые операции велись сверху: стрельба из лука, из-за ограждающего парапета, сброс горячих веществ и камней на эскаладирующего врага, камнеметная артиллерия, действующая с площадок, расположенных на башнях. Эта система была предназначена в основном для противодействия ударам таранов и эскаладированию.

4. Период развитой античности, I в. до н. э.— I в. н. э. Мощь нижней зоны стен, протейхизма, ров; в верхней половине — внутристенные коридоры, казематы. Прямоугольные башни с камерами и верхними площадками. Множество бойниц в двух и даже трех уровнях. Фортификация способна противостоять ударам стенобитных орудий, но приспособлена при кавалерийском штурме к безопасной для укрытых за стенами защитников стрельбе из часто расположенных бойниц.

5. Период зрелой античности, II—III вв. Та же система, но при еще большей мощи стен, сильном выносе башен и гибком сосредоточении боевых узлов в наиболее удобных для обороны пунктах. Концентрация фронтального обстрела в верхних ярусах обороны, но также применение навесного боя через бойницы из внутристенных помещений.

6. Позднеантичный период, III—IV вв. При использовании старых стен они путем забутовки галерей и камер преобразуются в монолит, оборона ведется сверху. При создании же новых ограждений возводятся либо просто валы, либо стены с внутристенными устройствами. Башни полукруглые с радиальным расположением бойниц, возрастают пролеты куртин.

7. Период крушения античности, IV—V вв. Постепенное разрушение большинства фортификационных сооружений античности.

Разумеется, это лишь схема, но она отражает основные этапы видоизменений древней среднеазиатской фортификации подробней, чем в классификации А. П. Франфора.

В книге А. П. Франфора остается спорной (с нашей точки зрения — неприемлемой) позиция автора о парфянском и кушанском феодальном обществе (с. 37, 42), хотя сам автор и отмечает, что сооружения типа донжонов в равной мере могут быть истолкованы не только как замок феодала, но и как резиденция правителя, и как место пребывания небольшой общины (с. 37).

Едва ли приемлем термин «ахеменидский ренессанс» (с. 16). Ренессанс — это возрождение. Но возрождение чего? По отношению к культуре времени раннего железа (первая треть I тысячелетия до н. э.) период вхождения Средней Азии в состав государства Ахеменидов предстает как прямое продолжение единых традиций, хотя, несомненно, этот фактор и дал импульс к дальнейшему развитию местной раннеурбанистической цивилизации. Сам автор подчеркивает, что среднеазиатская фортификация ахеменидского времени не идентична таковой в ахеме-

нидском Иране, но является продолжением локальных традиций, которым присущи оригинальные черты (с. 22).

В свете исследований Советско-Афганской археологической экспедиции отпадает отождествление г. Аорна с Ташкурганом, выдвинутое некогда Тарном и принятое А. П. Франфором. Столь древних остатков в Ташкургане и его окрестностях нет. Кроме того, сопоставление археологических данных со сведениями письменных источников позволили Э. В. Ртвеладзе отождествить с Аорном громадное, хорошо укрепленное городище Дильёр-тепе в Балхской области, обследованное З. А. Хакимовым.

К сожалению, в французскую транскрипцию некоторых русских фамилий вкрались неточности. Так, Н. И. Крашенинникова фигурирует как Крашенинки (прим. 156). З. А. Хакимов переделан в Ханыкова (прим. 68; 264), кстати, он не является соавтором цитированной в прим. 264 статьи Э. В. Ртвеладзе, ссылки же на страницы данной статьи в прим. 264—276 приведены неверно. ЮТАКЭ — не Южно-Туркменская, а Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (с. 68). Но это, разумеется, лишь досадные мелочи.

При всей неполноте полученных до настоящего времени археологических данных, о чем пишет и сам автор (раскопки осуществлялись далеко не на всех городищах, да и то лишь на небольших участках их укреплений), суммарный обзор памятников делает убедительным большинство его выводов, каковые прежде основывались лишь на привлечении единичных объектов. Исследование А. П. Франфора представляет в этом отношении ценный вклад в изучение древней фортификации Среднеазиатского региона как первый опыт обобщения данных о ней и о ее эволюции на протяжении почти двухтысячелетнего отрезка истории.

Пугаченкова Г. А.

Федосеева С. А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 224 стр.

Ымыяхтахская культура (далее — Ык.) впервые была обнаружена А. П. Окладниковым в долине Лены на ряде стоянок, в частности Ымыяхтах, в 1942 г., но тогда еще не выделялась в особую культуру. Понятие это впервые было введено в науку Ю. А. Мочановым в 1966 г. В рассматриваемой книге в той или иной мере проанализировано более половины из общего числа примерно полутораста памятников Ык., условно сгруппированных в шесть территориальных комплексов: 1) Алдан и Олекма, 2) Лена, 3) Вилюй, 4) Оленек, Анабар и Таймыр, 5) Индигирка и Колыма. 6) Чукотка. Таким образом, Ык. занимает, по определению автора, огромную территорию, охватывающую практически весь бассейн Ледовитого океана к западу от Енисея, а также бассейн Анадыря. Кроме последнего в Тихоокеанском бассейне памятников Ык. нет, хотя влияние ее на Охотском побережье прослеживается.

Вопрос хронологии Ык. остается предметом дискуссии. По расчетам С. А. Федосеевой, выполненным на базе радиоуглеродного анализа, Ык. скорее всего сменила бельканчинскую культуру в интервале между XXIII—XX вв. до н. э. Дополнительной аргументацией в пользу этого автор считает новые радиоуглеродные даты для культуры луншань, на керамике которой встречаются «вафельные» отпечатки. На мой взгляд. такое сопоставление слишком отдаленно и вряд ли в нем есть необходимость. Можно считать, что к XIV в. до н. э. Ык. занимала полностью весь свой ареал, а с XIII в. до н. э. на основной своей территории Ык. сменяется усть-мильской культурой. Что касается районов восточнее Колымы, то автор правомерно считает, что в видоизмененном варианте Ык. могла существовать здесь и в I тысячелетии до н. э. став более схожей с комплексом нортон. На эту мысль С. А. Федосееву наводят даты для «вафельной» и «рубчатой» керамик этого комплекса. «Вафельная» и в меньшей степени «рубчатая» керамика многослойного налепа с дырочками по венчику, равно как и специфический комплекс каменного инвентаря, служат автору основными индикаторами культуры.

С методической точки зрения книгу можно оценить очень высоко. Автор создал глубоко продуманную, тщательно разработанную схему классификации керамики и каменного инвентаря. Очень удачно. на наш взгляд, разделив орнамент на «технический» (отпечатки «вафельного» или «гребенчатого» штампа, уплотнявшего

слои налепа) и «художественный» (линейный рисунок, наносившийся поверх проштампованной поверхности), автор анализирует сочетание тех или иных форм орнамента с различными формами сосудов и распределение их сочетаний по выделенным регионам. Такое же региональное распределение дано и в отношении весьма дробно типологизированного каменного инвентаря.

Строго говоря, дырочки, включенные автором в систему художественного орнамента, на наш взгляд, скорее всего являлись не орнаментальной, а функциональной деталью, служившей, вероятно, для прикрепления обвязки и тяжей для подвешивания (из жильных ниток или еще какого-нибудь материала), однако они действительно выступают организующими точками линейного орнамента.

Автор подчеркивает высокую степень однородности Ык. во всем ее ареале, наличие во всех регионах одних и тех же по форме и орнаменту типов сосудов, одного и того же характерного комплекса каменного инвентаря, затруднительность выделения в связи с этим каких-либо четко выраженных локальных особенностей. Кстати сказать, не вполне ясно, почему материал в тексте разделен на 6 ареалов, а в таблицах его пространственного распространения — более дробно.

По вполне обоснованным подсчетам С. А. Федосеевой, общая численность ымыяхтахцев вряд ли могла превышать 10 тыс. человек. Однако это население, разбросанное на столь обширной территории, вполне могло включать несколько этносов с совершенно различными языками, притом с четырьмя-пятью разными племенными диалектами в рамках каждого этноса. Все они, по-видимому, вели образ жизни пеших охотников, в тайге — на лося, в тундре — на северного оленя. Однако условия жизни в южноякутской тайге и в приморской тундре ощутимо различны. Хотя нигде в Ык. нет указаний на существенную роль рыболовства или добычи морского зверя, все же хозяйственно-культурный тип таежных и тундровых жителей не мог быть вполне идентичным. С. А. Федосеева с удовлетворением отмечает, что в последних работах А. П. Окладникова и Л. П. Хлобыстина региональные термины среднеленской, субарктической, буолкалаахской и других культур отброшены и заменены общим понятием Ык. Немало места (с. 159—168) посвящено в монографии критике положений Н. Н. Дикова и доказательству того, что северочукотская и усть-бельская культуры не являются отдельными культурами, а укладываются в общие рамки Ык. Однако, сколь ни велико было бы сходство керамики и каменного инвентаря на всех памятниках, объединяемых С. А. Федосеевой в рамках Ык., невозможно предположить, что население, оставившее памятники в столь взаимно удаленных и экологически разнородных местах, как бассейны Олекмы и Анадыря, могло быть этнически однородным и вести идентичный образ жизни. Разумеется, могут быть разные точки зрения на то, насколько убедительны аргументы Н. Н. Дикова при выделении северочукотской и усть-бельской культур как отдельных. Не вдаваясь в обсуждение деталей этого спорного вопроса, отметим следующее: чтобы сделать понятие Ык. операциональным в этноисторическом и культурно-историческом плане, необходим поиск признаков, позволяющих провести ее внутреннее членение на более дробные локальные комплексы. Они, возможно даже не вполне совпадут ни с условными географическими подразделениями, принятыми в работе С. А. Федосеевой, ни с культурами, выделяемыми Н. Н. Диковым, но тем не менее отразят вариации, существовавшие во времени и пространстве внутри такой «суперкультуры» какой выглядит Ык.

В этом плане не могут не обратить на себя внимание те существенные различия (отмечаемые, кстати, с рядом оговорок и самой С. А. Федосеевой), которые обнаруживаются между южными (Вилюй, Средняя Лена, Олекма, Алдан) и северными (Нижняя Лена, Индигирка, Колыма, Чукотка) районами. Они обнаруживаются и в орнаментации керамики, (которая на севере ослаблена и в техническом, и в художественном аспекте), и в некоторых видах каменного инвентаря. Среди северных памятников особо ярко выделяется район нижней Индигирки с основной стоянкой Бурулгино, близкими к ней стоянками Уларовская и Татьянино озеро. Кое в чем с этим комплексом перекликаются и нижнеленские памятники (Бутачанское погребение и др.). Именно в этом ареале мы встречаем такие формы скребков, топоров, долот, тесел, овальных ножей, которые многими веками позже обнаруживаются в древнеберингоморской эскимосской культуре. Еще более явственна эта перекличка в костяном инвентаре. В особенности поразителен бурулгинский орнамент из кружков с точками, соединенных штрихованными линиями (рис. 104, *5—7*). На наш взгляд, его можно считать непосредственным прототипом ранних

форм древнеберингоморско-оквикского орнамента, которому до сих пор таких прототипов нигде отыскать не удавалось. Сходство это не осталось незамеченным автором, но отмечено лишь мимоходом, тогда как оно заслуживает гораздо большего внимания.

Некоторые виды изделий Ык. (например, иволистные наконечники со струйчатой ретушью) в целом для древнеэскимосских культур не характерны, но изредка встречаются в погребениях, причем в роли высокоценимых объектов (типа амулетов, священных реликвий и т. п.), судя по условиям их захоронения.

С. А. Федосеева проявляет осторожность в этнической интерпретации Ык., правильно отмечая, что «существует очень много мнений и очень мало фактов» (с. 215). Скорее всего носители Ык. образовывали полиэтническую историко-культурную целостность, и сама Ык. выражает общность типа историко-культурной провинции. В ней могло быть, как уже говорилось, четыре-пять, если не более, этносов, которые все могли и не быть прямыми предками современных нам этнических общностей, но, несомненно, внесли свой вклад в формирование некоторых из них. Вполне возможно, что к общностям, включившим в свой состав потомков носителей Ык., принадлежат нганасаны и юкагиры. С. А. Федосеева отмечает признание Р. С. Васильевским значительного влияния ымыяхтахцев на сложение древнекорякской культуры. Что касается этногенеза чукчей и коряков, равно как и в еще большей степени эскимосов, нам представляется, что и на самых своих ранних этапах он протекал скорее не столько во внутренних районах Сибири, сколько в областях, тяготеющих к охотскому, беринговоморскому и вообще тихоокеанскому побережью. Однако то, что какая-то часть носителей определенных, преимущественно северных и северо-восточных вариантов Ык. внесла свой вклад в формирование этих народов, кажется почти несомненным. Более того, очевидно, влияние наследия Ык. сказывалось по обоим берегам Берингова пролива и отразилось, в частности, на формировании комплекса нортон.

Выше мы указывали, что в своей интерпретации Ык. С. А. Федосеева, на наш взгляд, несколько переоценивает гомогенность и нерасчлененность Ык. Тем не менее основные черты облика и основные показатели значимости этой культуры, которые, возможно, во многом являются ключевыми для последующих этноисторических судеб северо-востока Азии, охарактеризованы ею ярко и убедительно. Как фактический материал, обобщенный в рецензируемой книге, так и осуществленный в ней методический опыт построения классификационной таксономии и дистрибутивной систематизации представляет собой ценный вклад в науку, который может послужить солидной опорой для дальнейших более детализованных исследований по мере накопления новой информации по археологии Сибири.

Арутюнов С. А.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР/Отв. редактор С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981

Средневековая история и культура кочевого населения евразийских степей привлекали и привлекают пристальное внимание исследователей разных стран — историков, археологов, этнографов, фольклористов. Интерес к кочевнической проблематике вполне естественен: в бескрайних степях Евразии формировались великие «кочевые империи», складывалось этническое ядро таких народов, как венгры и болгары. Из глубин Азии через урало-каспийские ворота двигались, наводя ужас и сметая все на своем пути, неисчислимые кочевые орды. Наводняя своими кибитками и стадами степи между Волгой и Днестром, воинственные кочевники периодически вторгались в Юго-Восточную и Западную Европу. История передовых феодальных государств Востока и Запада, история Византии и Древней Руси неотделима от многоэтничного кочевого мира.

В научном кочевниковедении сталкиваются различные исторические школы, направления и методы исследования. Это наглядно продемонстрировал Международный симпозиум «Славяне и номады в VI—XI вв.», состоявшийся в Болгарии в октябре 1977 г. В нем приняли участие ученые Болгарии, СССР, Германской Демократической Республики, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Италии и других стран.

Поэтому выход в свет коллективной монографии «Степи Евразии в эпоху Средневековья», открывающей серию томов подписного издания «Археологии

СССР», весьма своевременен. Издание задумано директором Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбаковым и осуществляется большим коллективом ученых — главным образом силами сотрудников института.

Рецензируемый том «Археологии СССР» — первый опыт систематизации, анализа и исторического обобщения огромных и постоянно пополняемых археологических материалов, дающих представление о культуре степных народов Евразии на протяжении целого тысячелетия. Чрезвычайно важно, что эта итоговая монография позволяет проследить общие закономерности развития, свойственные любому кочевническому обществу — от периода военной демократии до образования раннефеодальных государств. Для последних характерны наличие письменности и официального государственного языка, монотеизм и принятие мировых религий, войны за политическое господство, сложение устойчивых этнических общностей. Археологические данные, обработанные на современном методическом уровне (типология, корреляция и картография), значительно дополняют скупые сообщения письменных источников о социальном строе, материальной и духовной культуре степняков, освещают различные аспекты хозяйства, общественных отношений, идеологии и быта, позволяют глубже проникнуть в историческую обстановку того времени.

Сведенные воедино материалы наглядно свидетельствуют о культурной общности кочевников на всем громадном пространстве евразийских степей, особенно в раннем средневековье. Общность отразилась в сходных обычаях и обрядах, связанных с культом вождей — героев-всадников (погребения с захоронениями коней), в единообразных типах конского убора и сбруйных украшений, наступательного оружия и оборонного доспеха, в поясах с накладными бляхами, наконец, в близости мотивов изобразительного искусства (например, наскальные изображения всадников). Обычаи и моды, ремесленные навыки и художественные традиции при переносе на тысячекилометровые расстояния становились всеобщими.

Монография общим объемом 44,5 п. л. состоит из девяти глав, написанных А. К. Амброзом и В. Б. Ковалевской — специалистами по археологии раннего средневековья, в частности Северного Кавказа, Л. Р. и И. Л. Кызласовыми (Южная Сибирь), В. А. Могильниковым, который провел раскопки памятников тюрков, кимаков, карлуков, Н. А. Мажитовым, изучающим средневековую Башкирию, покойным А. П. Смирновым — исследователем народов Поволжья и Волжской Болгарии, Г. А. Федоровым-Давыдовым, основным специалистом по истории Золотой Орды, С. А. Плетневой принадлежат главы о восточноевропейских степях в VIII—XIII вв., а также введение и заключение к тому. Таким образом, в крупном совместном труде советских археологов географически охвачены огромные степные и лесостепные пространства от Забайкалья до низовьев Дуная, а хронологически — древности от начала средневековья (IV—V вв.) до образования монголо-татарских государств в XIII — начале XIV в. По хронологическому принципу книга разделена на две части: первая включает кочевнические памятники раннего средневековья (IV — первая половина X в.), вторая посвящена эпохе развитого средневековья (вторая половина X — первая половина XIV в.). Текст сопровождают свыше 100 хронологических таблиц с рисунками вещей, планами городищ, построек и погребений, многочисленными картами. Подавляющее их большинство не просто иллюстрации, а результат классификации и типологического анализа. Сводные таблицы с подробными легендами имеют самодовлеющую ценность и могут послужить исходным материалом для будущих трудов. Некоторые разделы основаны на новейших публикациях, многие памятники впервые введены в науку. Не все известные культуры, своего рода локально-временны́е варианты кочевнической культурной общности, представлены одинаково полно, поскольку сделан акцент на самые показательные. Их вполне достаточно для выявления как общеисторических закономерностей, так и своеобразия отдельных регионов.

Во Введении кратко обрисован процесс хозяйственной и общественной эволюции кочевых народов: от круглогодичного (таборного) кочевания (первая стадия) к кочеванию с сезонными стойбищами-зимовками и летниками (вторая стадия). При благоприятных условиях вре́менные стойбища перерастали в постоянные поселения. Стремясь максимально расширить территории для выпаса стад и охоты, народы первой стадии кочевания находились в состоянии непрерывной войны-нашествия. От первого этапа, при отсутствии постоянных становищ и родовых кладбищ, до археологов доходит единственный вид памятников — одиночные погре-

бения, разбросанные по степным просторам. Из их числа исследованы некоторые наиболее богатые комплексы — могилы вождей. Вторая стадия кочевания, когда границы передвижения каждой орды стабилизируются, когда образуются большие этнические общности с единым языком, а иногда и письменностью, оставила более ощутимые следы — стационарные кладбища (курганные и бескурганные), а также обломки посуды, кости животных и разные мелкие вещи в узких полосах обитания по берегам рек — на местах кратковременных стойбищ полуоседлых кочевников. Постепенно недавние кочевники переходили к оседлости, начинали заниматься ремеслами, торговлей, земледелием, осваивая эффективные злаковые культуры, садоводство, виноградарство. На основе комплексной земледельческо-скотоводческой экономики и развитого ремесла возникали могущественные и организованные государственные объединения — известные по средневековым хроникам раннефеодальные каганаты. К этой третьей, полуоседло-земледельческой стадии развития кочевнического общества относятся обширные поселения с общим укрепленным центром — замком или городом и регулярные могильники при них. Эти памятники дают возможность достаточно полно представить синкретичную материальную и духовную культуру степных государств [1]. Знание закономерностей развития кочевничества помогает исторически интерпретировать археологические памятники и даже тогда, когда их явно недостаточно, теоретически воссоздавать недостающие звенья.

В первой главе А. К. Амброзом рассмотрены археологические памятники народов, сменивших кочевников-сармат и носителей земледельческой черняховской культуры в эпоху «великого переселения народов». Автор подробно разобрал вещественные свидетельства событий, происходивших в степях Восточной Европы, Казахстана и Киргизии в V—VIII вв., в том числе связанные с периодом могущества гуннов в Европе и началом владычества в степи хазар. При яркости и разнообразии самих находок археологические факты об этой полной войн и больших переселений эпохе, препятствовавшей образованию оседлости, все же весьма отрывочны. В основном это одиночные, нередко случайно открываемые при земляных работах погребения. Их малочисленность пока не позволяет разграничить памятники отдельных племен, известных нам из письменных источников зачастую только по названию. Сейчас степные древности V—VIII вв. можно систематизировать только хронологически. Но и здесь встречается немало трудностей, которые не позволяют уверенно приурочить отдельные из них к определенной исторической эпохе. Поэтому не случайно именно в этой главе много внимания уделено вопросам датировки. Автор сам предупреждает читателя, что разработанная им хронология «предварительна и дискуссионна»: к этому обязывает общая сложность проблемы и обилие взаимоисключающих решений. Подробно описывая развитие кочевнического вооружения, конского снаряжения, украшений, обычаев, А. К. Амброз по-новому решает ряд вопросов. В частности, он показывает неоднородность древностей «гуннского» круга и совпадение лишь одной их группы с исторически зафиксированной территорией гуннского государства в период его наибольшего расширения при Аттиле (первая половина V в.). Другую группу он связал с кочевниками, сохранившими некоторые гуннские традиции вплоть до VII в. Уже после выхода книги им были найдены прямые свидетельства того, как эти древние традиции смешивались с новым стилем геральдических украшений [2, с. 56—58]. Заслуживает внимания новая интерпретация известного Вознесенского комплекса VIII в. в Поднепровье (у г. Запорожье). Вместе с тем остается пожалеть, что, неоднократно обращаясь по разным поводам к уникальной Перещепинской находке и стремясь проследить по ней творчество самих кочевников, А. К. Амброз ни в иллюстрациях, ни в тексте не отразил замечательной «коллекции» иранской и византийской художественной посуды из этого комплекса, очень важной для понимания многих аспектов истории кочевого общества того времени.

Древности Башкирии VI—X вв. рисуют нам иную картину, чем в степи, служившей открытой дорогой для все новых кочевых волн с востока. Попадая в плодородную область, благоприятную и для скотоводства, и для земледелия, лежавшую в стороне от вечно бурлящего юга, кочевники переходили к более стабильному образу жизни, вступали в тесный контакт с местным оседлым населением. В Башкирии хорошо представлены долговременные поселения и обширные могильники. Все разделы о древностях Башкирии с VI по XIV в. (с. 23—28, 80—82, 222—223) написаны Н. А. Мажитовым преимущественно на впервые открытых и введенных в науку самим автором обширных материалах — результатах многолетних экспеди-

ционных работ. Им рассматривается местная бахмутинская культура, с VII в. параллельно ей фиксируются явно кочевнического происхождения курганы и поселения турбаслинской культуры. Большое внимание уделяется группе кочевнических памятников с богато орнаментированной керамикой караякуповских типов и прослеживается непрерывное развитие ее форм с конца VII по XI в. Приток новых кочевых групп происходил, как устанавливает автор, и в XII—XIV вв. Н. А. Мажитов с полным основанием делает вывод, что этногенез башкирского народа происходил в сложных условиях многовековых контактов и смешения финно-угорских и тюркских компонентов. Автор подчеркивает предварительный характер решения некоторых этнических вопросов. В частности, он не уверен в попытках ряда авторов (3—5) на основе некоторых общих признаков в древностях Южного Урала конца I тысячелетия н. э. и в культуре дунайских венгров отождествлять территорию Южного Урала с «Великой Венгрией».

Во второй главе подробный обзор древностей тюрков сделан В. А. Могильниковым. Под тюрками здесь подразумеваются лишь те тюркоязычные народы, которые в VI—VIII вв. входили в состав I, II тюркских каганатов, т. е. прежде всего тюрки — тугю, теле и родственные им, археологически важным признаком которых исследователи считают погребения человека в сопровождении коня. В. А. Могильниковым обстоятельно рассмотрены погребальные обычаи, культовые сооружения, статуи, надписи, вооружение, конское снаряжение, предметы быта и другие находки, оставленные тюрками VI—X вв. на территории Алтая, Тувы, Казахстана, Киргизии и Согда. В специальном разделе разобрана сросткинская культура, объединившая в себе тюркские и угро-самодийские элементы. Более кратко из-за состояния источников охарактеризованы древности, связываемые с кимаками VIII — начала XI в. и с карлуками. Даны сведения о городах, формировавшихся на территории, контролируемой карлуками. Следует отметить, что при изучении тюркских древностей исследователей встречают те же трудности, что и на территории степей Восточной Европы. Даже при большом фактическом материале племенные подразделения, отраженные в письменных источниках, пока не удается связать с конкретными данными археологии. Интересны подборки древних изображений кочевников тюркской эпохи, составленные В. А. Могильниковым, С. А. Плетневой (рис. 21) и А. К. Амброзом (рис. 22). Несмотря на разную художественную манеру изображений, они свидетельствуют о большом сходстве антропологического облика, костюма, причесок в огромной зоне от Тувы до Среднего Подунавья.

Разделы о хакасских древностях VI—X вв., написанные Л. Р. Кызласовым, основаны на новейших исследованиях автора. Детально и четко охарактеризована эпоха, представленная погребальными сооружениями типа чаатас — каменными наземными мавзолеями знати, густо обставленными высокими плитами-менгирами, и примыкающими к ним надмогильными сооружениями рядового населения. Показана эволюция сооружений, погребального обряда, разнообразных категорий предметов и керамики. Много внимания автор уделил возникновению енисейской письменности. Важны собранные Л. Р. Кызласовым данные о существовании черт преемственности культуры чаатас с предшествовавшей таштыкской культурой Хакасии. Новы сведения о монументальной архитектуре древнехакасского государства.

Далее Л. Р. Кызласов показывает, как традиции эпохи чаатас сохраняются и развиваются в тюхтятской культуре, которую он связывает с эпохой широкой экспансии древнехакасских феодалов в IX—X вв. Автор уделяет большое внимание истории хозяйства и социальных отношений. К числу его интереснейших открытий, отраженных в серии работ и резюмированных в обсуждаемой книге, относится уточнение дат памятников енисейской письменности, которые, как показал Л. Р. Кызласов, относятся к разным периодам развития древнехакасского государства, вплоть до XIII в. Енисейская руническая письменность до сих пор не была представлена сводной таблицей (рис. 34), которая демонстрирует все категории эпиграфических памятников (эпитафийные стелы и межевые надписи на менгирах и скалах, надписи на монетах, бытовых и культовых предметах) и свидетельствует об относительно широкой грамотности в среде местного населения.

Л. Р. Кызласовым подведены итоги изучения памятников уйгур времени их каганата (745—840 гг.), рассмотрена их широкая строительная деятельность, материальная культура и своеобразные обычаи. Особенно следует отметить, что только работы Л. Р. Кызласова на территории Тувы и Забайкалья дают представление о

древностях времени кратковременного могущества уйгур — этого знаменитого в истории Азии народа.

События бурной политической истории представлены картой границ древнехакасского государства IX—XII вв. с обозначением направлений многочисленных военных походов (рис. 32).

Глава завершается обзором памятников Западного Забайкалья IX—X вв. Автор обосновывает принадлежность населения, оставившего эти древности, к тюркоязычным народам.

Третья глава — «Восточноевропейские степи во второй половине VIII—X вв.» — написана почти полностью С. А. Плетневой. В ней рассмотрены конкретные поселения, оставленные степняками на различных этапах пути «от кочевий к городам». Это места кочевий в виде полос обитания, обнаруженные разведками на Среднем Дону, поселения без следов укреплений и с земляными укреплениями, мысовые городища с каменными стенами — замки, города-крепости и города, выросшие на юге на местах античных поселений. В главе подробно освещены погребальные памятники, материальная и духовная культура населения степей. Глава сильно отличается от двух предыдущих по стилю — она написана намного легче, с меньшим количеством сносок на литературу, с менее подробной характеристикой памятников и вещевых комплексов. То же можно сказать и о сопровождающих текст таблицах, в которых материал подан лаконичнее и проще, чем в таблицах других разделов. Видимо, это объясняется тем, что весь основной материал по салтово-маяцкой и близким ей культурам, которым посвящена глава, издан в нескольких монографиях и крупных сборниках, хорошо известных читателям рецензируемого тома (работы М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина, С. А. Плетневой, Н. А. Мажитова, А. Х. Халикова и В. Ф. Генинга и др.). Как правило, в них дана не только публикация, но и обобщение разнообразных данных, накопленных об этих культурах и создавшем их населении. Глава является как бы развернутым иллюстрированным рефератом этих книг.

В четвертой, последней главе первой части книги В. Б. Ковалевская представила широкую картину северокавказских древностей V — первой половины X в. в пределах трех этногеографических регионов (Центральное, Западное и Восточное Предкавказье). На протяжении пяти веков Северный Кавказ был тесно связан с евразийскими кочевниками, с одной стороны, и с крупнейшими мировыми державами — Ираном и Византией, чьи интересы столкнулись на Кавказе,— с другой. Автор справедливо подчеркивает первостепенную важность создания обоснованной хронологической шкалы. Она обобщает огромный вещественный материал из комплексов и случайных находок, приводит в систему в большинстве своем неопубликованные материалы, ставшие базой для историко-археологических построений.

В разделе, посвященном археологии Центрального Предкавказья, главное внимание сосредоточено на аланской культуре, включившей черты материальной культуры сармато-алан и ряд особенностей материальной культуры местных кавказских племен (с. 86—90). Подробно рассмотрены разнообразные изделия алан и характерные аланские погребальные обычаи, свидетельствующие о широких торговых и культурных связях. Интересен систематизированный обзор поселений и крепостей, недостаточно освещенных в археологической литературе. Много внимания уделено памятникам верований алан. Особо важным представляется обзор так называемых каменных городищ. Обследование крепостей по верхним правым притокам Подкумка позволило автору поставить вопросы о размерах сельскохозяйственных территорий, о закономерностях в их расположении, отношении к скотопрогонным путям, выпасам, воде и т. д.

В отдельном разделе рассмотрены древности адыго-черкесских племен Прикубанья и Черноморского побережья, их поселения, могильники, особенности материальной культуры. Среди использованных памятников особое место занимает функционировавший с V по IX в. обширный могильник на р. Дюрсо, прекрасно исследованный А. В. Дмитриевым.

Завершает главу раздел о Восточном Предкавказье, где на территории равнинного, приморского и предгорного Дагестана власть переходила от одних могущественных кочевых народов к другим. Опираясь на широкие исследования дагестанских археологов, проведенные за последние десятилетия, автор характеризует города, могильники этого района, большую роль наследия сармат и Кавказской Албании, связи с кочевниками степей Сибири и Средней Азии. По материалам

погребального обряда, типам вооружения и конского снаряжения, технике домостроительства и керамике прослеживаются археологические следы проникновения тюркоязычных племен на территорию алан (с. 89) и адыгов (с. 92, 93).

Каждый из трех разделов главы имеет в центре судьбы одного крупного народа — алан, адыгов и хазар. Четвертый народ — болгары — оставил следы своего пребывания в разных районах Северного Кавказа. Сведения о них даны в связи с отдельными конкретными темами по трем разделам. Можно пожалеть, что составленные автором карты (рис. 57, 66) не снабжены легендами, что ослабляет впечатление о добротности источниковедческой базы.

Вторая часть книги посвящена степям в эпоху развитого средневековья. Кочевнические древности XI—XIV вв. на Алтае и в Казахстане, представленные, как и ранее, погребениями по обряду трупоположения, рассмотрел В. А. Могильников в начальных разделах пятой главы. Он охарактеризовал исследования поселений и погребальных памятников кипчаков на территории Казахстана. Далее автор проследил перемены, связанные с монгольским завоеванием; остановился на этапах проникновения ислама к кочевникам Средней Азии и Южного Казахстана.

Аскизская культура хакасов X—XIV вв. разобрана в разделе И. Л. Кызласова: дана ее всеобъемлющая характеристика, выделены хронологические этапы, отмечена возросшая роль горного дела и черной металлургии, дана оценка фортификационному искусству носителей аскизской культуры.

Глава «Волжская Болгария» очень невелика (с. 208—212), что несколько восполнено иллюстративным материалом (рис. 75—80). Она написана А. П. Смирновым и может рассматриваться как резюме его давних исследований, обобщенных в монографии «Волжские булгары» (М., 1951). Конечно, это крупное восточноевропейское государство заслуживает большего внимания. Отсутствуют новые данные, добытые продолжателями и учениками А. П. Смирнова: исследователи Волжской Болгарии слишком медленно вводят в научный оборот результаты своих раскопок. В главе допущены некоторые ошибки: неправильно указано функциональное назначение отдельных зданий в Булгаре (с. 209), перс Джувейни назван арабом (с. 208) и др.

Главы о кочевнических древностях восточноевропейских степей в X—XIII вв., Южного Урала и Северного Кавказа написаны С. А. Плетневой, Н. А. Мажитовым и В. Б. Ковалевской сжато и добротно. Седьмая глава о кочевниках восточноевропейских степей почти полностью принадлежит С. А. Плетневой. Естественно, что автор и здесь постарался включить только скрупулезно обработанные и изданные материалы. Вышедшие в 50-е — 70-е годы книги о так называемых поздних кочевниках значительно облегчили поставленную задачу (монографии и статьи С. А. Плетневой, Г. А. Федорова-Давыдова и др.). Привлеченные ими материалы, методика их обработки, основные выводы нашли отражение в седьмой главе. Положенные в ее основу исследования давно получили апробацию в зарубежной историографии, поэтому ни текст, ни таблицы к нему не перегружены излишними подробностями. В целом глава производит очень хорошее впечатление. Жаль, что по техническому недосмотру в ней встречаются отдельные опечатки. Так, осталась незамеченной опечатка на с. 214, где князь Святослав Игоревич назван Святославом Владимировичем.

Очень компактная восьмая глава — «Северный Кавказ в X—XIII вв.» (В. Б. Ковалевская) — является закономерным продолжением и завершением четвертой главы. Рассмотрение социальных и этнических процессов, зарождение которых приходится на предшествующий период, доведено до монгольского нашествия.

В заключительной главе второй части Г. А. Федоровым-Давыдовым написан исторический очерк о монголо-татарских завоеваниях — жестоких захватнических войнах, нанесших колоссальный урон покоренным странам. Охарактеризованы археологические материалы кочевников XIV в. и более подробно — эклектичная материальная культура городов Золотой Орды, построенных пригнанными пленными ремесленниками и рабами.

Можно упрекнуть редактора тома и авторов некоторых глав в том, что не на всех легендах и рисунках указано точное местонахождение вещей (номера могильников, курганов, погребений). Это, однако, не представляется необходимым в тех случаях, когда материалы, из которых скомпанованы таблицы, изданы монографически А. Х. Халиковым, Е. А. Халиковой, Н. А. Мажитовым, С. А. Плетневой и др. Тогда же, когда они не опубликованы, подобные легенды составлялись. Следует отметить, что некоторые таблицы (№ 62, 64 и др.) чрезмерно перегружены мелкими

рисунками. При подготовке к изданию следующих томов необходимо учесть, что кроме прорисовок наиболее художественных изделий необходимы и их высококачественные фотографии. Прорисовки орнамента на золотых сосудах из Копенского чаатаса (рис. 29) и серебряном ковше из Коцкого городка (рис. 49) далеки от точности и дают неполное представление об этих шедеврах ювелирного искусства.

Отмеченные недостатки не умаляют огромной научной значимости рецензируемого труда — крупного вклада советских археологов в изучение народов, кочевавших в эпоху средневековья на бескрайних просторах Сибири и Европы. Читатель получит представление об экономике и социальной структуре кочевнического общества, о присущем только ему понимании мира и своеобразных формах коллективной психологии, о типологическом единстве кочевнических культур. Население степей рассмотрено не изолированно, а в тесной связи с исторической жизнью других народов и стран. Археологические источники позволили установить границы степных государств и объединений, рассмотреть вопросы о степени их феодализации. Путем картографирования привозных вещей нарисована широкая картина международных связей степняков. Перед нами монография, объединенная единством методики и исторического подхода к археологическому материалу, первый обобщающий труд по археологии степей Евразии в эпоху средневековья, охватывающий целые массивы племен и народов.

Новые археологические открытия, углубленное изучение отдельных проблем и разработка спорных вопросов, вероятно, заставят пересмотреть и некоторые датировки, и этническую интерпретацию археологических материалов. Но и первая попытка создания истории евразийских степей по данным археологии дала возможность уловить важные закономерности развития кочевнических культур. Не подлежит сомнению, что появление первого выпуска 20-томной «Археологии СССР», вышедшей в свет накануне 60-летия нашего многонационального государства,— крупный вклад в историческую науку. Безусловно, он будет по достоинству оценен как в нашей стране, так и за рубежом.

Даркевич В. П., Макарова Т. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982.
2. *Амброз А. К.* О месте Преградненской и Галайтинской находок среди раннесредневековых древностей.— В кн.: Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. Тезисы докладов. М., 1982.
3. *Шмидт А. В.* Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук.— Хозяйство Башкирии, 1929, № 8, 9.
4. *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968.
5. *Халикова Е. А.* Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья.— СА, 1976, № 2.

Хроника

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 80-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРТЕМИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА АРЦИХОВСКОГО

27—28 декабря 1982 г. на Историческом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова проходила ставшая традиционной конференция, посвященная памяти замечательного советского ученого, члена-корреспондента Академии наук СССР, лауреата Ленинской и Государственных премий Артемия Владимировича Арциховского (1902—1978).

А. В. Арциховский был крупнейшим специалистом в области славяно-русской археологии, выдающимся педагогом, много лет возглавлявшим кафедру археологии Исторического факультета МГУ. Артемием Владимировичем был создан в своем роде беспримерный курс всемирной археологии. Широко известен его замечательный по полноте и сжатости изложения курс, посвященный древностям нашей страны. Многие из учеников А. В. Арциховского стали крупными учеными. Артемий Владимирович был основателем и бессменным главным редактором журнала «Советская археология».

Конференция, посвященная памяти замечательного ученого совпала с 50-летием Новгородской археологической экспедиции — главного дела жизни Артемия Владимировича.

Конференцию открыл член-корреспондент АН СССР, заведующий кафедрой археологии Исторического факультета МГУ В. Л. Янин. Он подчеркнул роль А. В. Арциховского в изучении древнего Новгорода и средневековой Руси в целом. Действительно, труды Артемия Владимировича во многом определили дальнейшее развитие науки не только в области изучения древнерусского города, но и в исследовании курганных древностей, вопросов истории искусства и культуры Древней Руси. В. Л. Янин отметил, что конференция проводится уже в четвертый раз и привлекает все большее число участников — историков и археологов.

Тематика докладов, зачитанных на конференции, была весьма широка. Эта широта соответствует энциклопедическому характеру научной и преподавательской деятельности А. В. Арциховского.

Н. Б. Леонова (МГУ) в докладе «Планиграфическое исследование свидетельств использования охотничьей добычи» рассмотрела материалы одной из палеолитических стоянок Нижнего Подонья, раскапываемой в течение последних лет Донской археологической экспедицией МГУ. В основу доклада положены остеологические данные. В докладе Н. В. Рындиной (МГУ) «К проблеме использования самородной меди в древней металлургии Ближнего Востока» использованы результаты применения естественно-научных методов. Эта работа была проведена автором в лаборатории структурного анализа кафедры археологии. Серия структурных анализов свидетельствует о том, что ранняя стадия обработки самородной меди характеризуется методом холодной ковки. Предположение об этом высказывалось и раньше, но до проведения анализов оно было умозрительным. Н. В. Рындина считает возможным датировать первые шаги в истории металлургии значительно более ранним временем, VII тысячелением до н. э. Доклад И. В. Яценко (МГУ) «Графитто с посвящением из раскопок городища „Чайка“ в Евпатории» посвящен интересному памятнику эпиграфики. Это посвятительная надпись моряков, по-видимому, созданная в память спасения от смертельной опасности во время бури, которую можно предположительно датировать I в. н. э., или несколько более поздним временем. По мнению И. В. Яценко, обнаруженная надпись возможно свидетельствует о существовании рядом с городищем гавани, которая функционировала в период его заселения скифами. Л. Р. Кызласов прочитал доклад «Древнейшие изображения судов и колесниц в Южной Сибири». Он проанализировал интересные изображения, обнаруженные при раскопках могильников и интерпретировал их с помощью широкого круга аналогий. По мнению докладчика, одно изображение колесницы, выбитое на каменной плите, входившей в конструкцию каменного ящика в погребении Окуневской культуры, относится к более раннему времени — около IV тысячелетия до н. э. и было использовано в могильном комплексе вторично. Д. С. Раевский (Институт востоковедения АН СССР, Москва) посвятил свой доклад разбору первой из приводимых Геродотом легенд о происхождении скифов. Как известно, ряд исследователей считает, что эта легенда не принадлежала скифам-кочевникам, поскольку в ней среди священных атрибутов царской власти присутствует плуг, и, кроме того, упомянут особый этноним — «сколоты». Д. С. Раевский отметил существование верований, связанных с плугом

у ираноязычных кочевников евразийских степей и объяснил его наследием эпохи, когда предки этих народов еще не перешли к номадизму. Докладчик привел также ряд лингвистических аргументов в пользу того, что «скифы» и «сколоты» — это лишь разные формы воспроизведения одного и того же этнонима. Еще один аргумент в пользу того, что рассматриваемая легенда связана с «собственно скифами» — контекст, в котором легенда помещена в труде Геродота.

Ряд докладов был посвящен древнерусской тематике. И. К. Лабутина (Псковский государственный педагогический институт) в докладе «Раскопки во Пскове» подвела итоги более чем 50-летнего историко-археологического изучения города. Важным открытием последних лет является обнаружение на городской территории курганного кладбища X — начала XI вв. с обрядами трупосожжения и трупоположения. Рядом с могильником открыто культовое сооружение в виде круглой площадки диаметром около 11 м, окруженной ровиком с проходом с юго-западной стороны. Доклад М. В. Седовой (Институт археологии АН СССР) «Раскопки в Суздале» был посвящен результатам многолетних раскопок. В Суздале сделаны интересные наблюдения над планировкой города, имеются разнообразные, часто весьма ценные вещевые находки. Особый интерес представляет богатая усадьба XI в. Среди находок — массивные золотые браслеты и интересная литейная форма для отливки украшений, несущая также руническую надпись. С. А. Изюмова (МГУ) в своем докладе «К вопросу о погребениях на Супрутском городище» рассказала об интересном памятнике бассейна Оки эпохи становления Древнерусского государства. Это был небольшой торговый центр. На городище найдены украшения балтского, финно-угорского, салтовского и славянского типов. Докладчик предполагает разноэтнический состав населения городища. В слое пожарища, нередко внутри жилищ, обнаружены многочисленные костяки в разнообразных, иногда неестественных позах. По мнению С. А. Изюмовой, эти костяки — свидетельство гибели городища в связи с походами Святослава во второй половине X в. Доклад Т. А. Пушкиной (МГУ) «Две камеры из раскопок Гнездова в 1982 г.» был посвящен новым работам на известном курганном могильнике. Два описанных погребения относятся к типу камерных и отличаются великолепной сохранностью дерева. К числу редчайших находок в погребениях относятся восковые свечи. Детали устройства камер и некоторые другие особенности позволили Т. А. Пушкиной сблизить раскопанные погребения с некоторыми курганами Дании и юго-западной Норвегии эпохи викингов. В докладе А. В. Чернецова (Институт археологии АН СССР) «О происхождении Радзивилловской летописи» отмечен ряд особенностей этой известной рукописи, свидетельствующих в пользу наиболее аргументированной гипотезы о ее западнорусском происхождении. По мнению докладчика, некоторые приписки на полях, а также детали отдельных миниатюр указывают на то, что рукопись была создана в Полоцке. В докладе была отмечена выдающаяся роль А. В. Арциховского в изучении Радзивилловской летописи.

Ряд докладов был посвящен археологии Новгорода — города, изучению которого А. В. Арциховский посвятил большую часть своей жизни. В. Л. Янин в своем докладе «Археологические исследования Новгорода за 50 лет» обрисовал историю археологического изучения города и его основные итоги. В. Л. Янин отметил, что уже на первом этапе археологического изучения Новгорода (1932—1950 гг.), когда работы здесь велись еще относительно небольшими площадями, именно здесь создавались основы методики изучения древнерусского города и его культурного слоя. Сенсационное открытие 26 июля 1951 г. берестяных грамот послужило импульсом для увеличения масштаба работ. Второй этап (1951—1966 гг.) — это вскрытие колоссальных площадей (прежде всего, компактная территория, подвергшаяся сплошному обследованию на Неревском раскопе), выявление планировки, оконтуривание усадеб, создание хронологической шкалы, опирающейся на абсолютные дендрохронологические даты. Продолжающийся с 1967 г. третий этап характеризуется повышенным вниманием к охранным раскопкам, приуроченным к площадям, отводимым под застройку. В этот период нашло свое решение множество историко-топографических вопросов. Получает значительное развитие комплексный метод исследований. Устанавливаемые по берестяным грамотам имена владельцев усадеб дают основания для непосредственной привязки раскопочных материалов к летописным известиям и данным актового материала. Среди подобных открытий Новгородской экспедиции последних лет — работы на усадьбе Олисея Гречина.

Доклад А. С. Хорошева (МГУ) посвящен спорному вопросу изучения территории Ярославова Дворища. В литературе встречается упоминание о могильнике с трупосожжением, открытом на Торговой стороне в 1937 г. А. А. Строковым и Б. К. Мантейфелем. Анализ краткого отчета об этих раскопках, а также о работах А. В. Арциховского в 1938 г. на Ярославовом Дворище позволили А. С. Хорошеву показать, что имеющиеся здесь культурные напластования связаны не с могильником, а с какими-то бытовыми постройками. Эти материалы датируются не ранее второй половины XI в. и относятся к периоду после введения в Новгороде христианства. Ю. Л. Щапова (МГУ) зачитала доклад, посвященный двум стеклянным сосудам, найденным на боярских усадьбах. На основе анализа стекла, а также типологических наблюдений автор относит один сосуд к изделиям венецианской мастерской, а другой — к изделиям, созданным в Богемии, но в венецианской манере.

Помимо научных докладов участники конференции заслушали выступления Д. А. Авдусина (МГУ) и С. О. Шмидта (Археографическая комиссия).

В своих воспоминаниях об Артемии Владимировиче Арциховском они донесли до слушателей его живой облик, таким, каким он был на археологических раскопках, в стенах Московского университета. Присутствовавшим на конференции был также показан небольшой фильм о раскопках в Новгороде, снятый в 50-х годах киностудией МГУ. В промежутке между докладами ряду ветеранов Новгородской экспедиции были вручены почетные грамоты Новгородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

Подводя итоги работы конференции В. Л. Янин отметил ее высокий научный уровень, а также то, что она привлекла не только многочисленных учеников А. В. Арциховского и их учеников, но и гораздо более широкий круг археологов и историков из разных городов и научных учреждений.

КРАЙНОВ Д. А., КОЛЬЦОВ Л. В.

25 ЛЕТ (1959—1983 гг.) ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В 1983 г. исполнилось 25 лет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР и Управлений культуры Ярославского, Ивановского и Калининского Облисполкомов. Экспедиция была организована в 1959 г. на основе существовавшей Ярославской экспедиции ИА АН СССР, с целью планового археологического обследования территории Верхнего Поволжья, а также для производства охранных раскопок разрушаемых памятников. В связи с работой по созданию Сводов памятников истории и культуры по отдельным областям экспедиция приступила к сплошному археологическому обследованию территорий Ивановской, Ярославской и Калининской областей.

В результате двадцатипятилетних работ Верхневолжской экспедицией было открыто и обследовано около 2500 разновременных и разнокультурных памятников от палеолита до средневековья включительно. Из них около 170 памятников подверглись широким детальным и планомерным раскопкам на большой площади, что позволило сотрудникам Верхневолжской экспедиции решать узловые вопросы древнейшей и древней истории Центра Русской равнины. Эти вопросы возникли в связи с открытием экспедицией ряда новых культур (особой группы палеолитических памятников типа стоянок Золоторучье I, Алтыново, культур эпохи мезолита: бутовской и иеневской; ранненеолитической — верхневолжской культуры и позднеолитической — протоволосовской).

Изучение стратиграфии и культурных остатков многослойных поселений Верхнего Поволожья (Золоторучье I, II, III, Алтыново I, Пеньково, Федюково, Ивановское II, III, V, VII, Сахтыш I, II, VIII, Ронское I, Торговище I, Языково I, III и других), а также однослойных памятников с чистыми комплексами, позволили по-новому установить хронологическую последовательность, ареалы, взаимосвязь и характер первобытных культур Волго-Окского междуречья, начиная с финального палеолита и кончая поздним историческим временем. В свете этих исследований устанавливается следующая последовательность в смене культур центра Русской равнины: 1. Особая верхневолжская культурная группа памятников финального палеолита, представленная поселениями типа Золоторучье I, Алтыново, Федюково I и др.; 2. Мезолитические культуры ранней и поздней стадий (бутовская, иеневская и др.).; 3. Ранненеолитическая — верхневолжская культура, открытая экспедицией в 1972 г.; 4. Льяловская культура, а в юго-восточной и восточной частях Волго-Окского междуречья — рязанская и балахнинская культуры с ямочно-гребенчатой керамикой; 5. Протоволосовская позднеолитическая гибридная культура; 6. Волосовская энеолитическая культура — или общность с локальными культурами; 7. Фатьяновская культура, или историко-культурная общность с локальными вариантами; 8. Культуры эпохи поздней бронзы (абашевская, поздняковская и культуры с ранней текстильной керамикой); 9. Ранняя дьяковская культура с сетчатой и штрихованной керамикой, относящаяся к железному веку; 10. Поздние культуры, связанные с историческими финнами, балтами и славянскими племенами.

Эта закономерность в смене культур подтверждается стратиграфией многослойных поселений, взятых в разных частях данной территории. Подобная же закономерность в смене культур наблюдается и в Восточной Прибалтике, на Верхнем Днепре и части Среднего Поволжья. Она не может быть случайным совпадением, а вероятно свидетельствует об одинаковой и одновременной смене близких этнических групп населения (северных европеоидов), протобалтов, протофиннов, поздних балтов, финнов и славян).

Комплексное (археолого-палеогеографическое) изучение многослойных опорных поселений Верхнего Поволжья выявило и другую закономерность — удивительное совпадение процесса появления культур с процессом дифференциации ландшафтов лесной зоны и дальнейших совпадений крупных узловых моментов в развитии культуры данного региона с крупными климатическими и природными изменениями.

Верхневолжской экспедицией было открыто семь памятников конца палеолита на Верхней Волге, это: нижний слой стоянки Золоторучье I; Алтыново (нижний слой), Нестерово, Скнятино (нижний слой), Поповка, Авсерьгово I, и Федю-

ково (нижний слой). Геологическая датировка этих памятников относится к концу плейстоцена. Открытие этих поселений удревнило историю Верхнего Поволжья на несколько тысяч лет и поставило перед нами проблему о характере и направлении первоначального заселения Верхнего Поволожья. В этой связи небезынтересен факт находки в палеолитическом слое стоянки Алтыново нескольких орудий из кремня, аналогичного кремню деснинских позднепалеолитических стоянок. По-видимому, в конце валдайского оледенения в указанном районе Верхнего Поволжья, входившем в зону пограничья перигляциальной степотундры и лесной зоны, появились отдельные группы позднепалеолитического населения, проникавшего из бассейна Десны.

Что касается памятников эпохи мезолита, то до работ Верхневолжской экспедиции на территории Верхнего Поволжья их насчитывалось не более десяти, а за 25 лет работы экспедиции количество их превысило 250.

Ранний мезолит Волго-Окского междуречья известен нам сейчас по целому ряду раскопанных и открытых за последнее время памятников. Они распадаются на две культурные группы: одна из них расположена в западной части региона (Бутово I, Настасьино, Тихоново, Кошево II, Гремячее, Соболево VII, Лукино I и др.) и характеризуется наконечниками стрел свидерского, аренсбургского, а также производными от них, получившими в литературе название постсвидерских. Большими сериями представлены вкладыши — пластинки с ретушью по краю или двум краям. Эта группа памятников за последнее время получила название бутовской культуры.

Памятники другой культурной группы встречены в восточной части региона. Наиболее характерными представителями ее являются нижние мезолитические слои стоянок Елин Бор и Золоторучье III. Наконечники стрел в них, в основном аморфные, изготовлены на отщепах. Эта группа получила название елиноборской.

Хронология обеих указанных групп установлена еще недостаточно. Геологические даты нижних слоев Елина Бора и Золоторучья III, а также стоянки Бутово I относятся к бореальному периоду, т. е. ко второй половине VIII—VII тысячелетия до н. э.

Где-то в конце бореального периода в Верхнем Поволжье появляется еще одна группа мезолитического населения. Ее памятники впервые обнаружены и раскопаны Верхневолжской экспедицией. Это стоянки Иенево II, Старое Константиново IV, Дмитровское I, Черная Грязь I, Журавец, Алтыново (верхний слой), Золоторучье III (верхние мезолитические слои), Богоявление, Коприно, Федюково — мезолитические слои, Пеньково, Усть-Кеза I—IV и др. В их инвентарях особого внимания заслуживает охотничье вооружение и микролитические орудия. Основным типом наконечников стрел является асимметричный наконечник на отщепе с боковой выемкой в основании, обработанной крутой ретушью, по выемке и противоположному краю. Распространены наконечники стрел с поперечным лезвием. Широко представлены в этой группе геометрические микролиты. Это, прежде всего, многочисленные трапеции, встреченные иногда в больших (для лесной зоны) сериях (до 45 экз. на памятнике). Кроме трапеций, распространены узкие равнобедренные треугольники и тупоугольные неравносторонние треугольники вытянутых пропорций. Очень разнообразны и макролитические орудия. Здесь, в первую очередь, выделяются специфические формы топоров и тесел с перехватом и полуперехватом, присущие в Верхнем Поволжье только этой культурной группе.

Эта культурная группа, получившая название иеневской культуры, имеет ряд памятников, датированных методами естественных наук. Пыльцевые спектры стоянок Дмитровское I, Коприно, Дальний Остров, а также геологические даты стоянок Дмитровское I и Старое Константиново IV помещают эту культуру в конец бореального и атлантический период, т. е. в конец VII—VI тыс. до н. э. (до начала верхневолжской неолитической культуры).

Бутовская культура продолжает свое существование и в атлантическом периоде. Однако ее памятники смещаются теперь в восточную часть Верхнего Поволжья и в бассейн Оки. К позднебутовским поселениям относятся стоянки Берендеево III, Ивановское III и VII, Соболево V, Скнятино I—III, Устье, Некрасово, Саметь, Борки, Шумашь, Шагары I, Петрушино, Микулино, средний слой Елина Бора, Мордовское, Старая Пустынь, Новошино, Угольново I, Велетьминская IX и др. Хронология этих ступеней бутовской культуры определена радиокарбоновым анализом стоянок Берендеево III, Ивановское III, VII и пыльцевым спектром стоянок Скнятино и среднего слоя Елина Бора атлантическим периодом.

Таким образом, раскопки в последнее время 35 мезолитических стоянок и открытие еще более 200 позволили поставить ряд проблем этой эпохи в Верхнем Поволжье. Это, прежде всего, вопрос о культурном делении мезолита данного региона. Из изложенного выше становится совершенно ясным, что на протяжении VIII — середины V тысячелетия до н. э. в регионе существовало, по крайней мере, три мезолитические культуры. Второй вопрос — это проблема происхождения этих культур. Очевидно, что в основе бутовской культуры лежит свидерский субстрат с примесью аренсбургских и местных палеолитических элементов. Елиноборская группа складывается в основном на основе местного палеолита. Что же касается иеневской культуры, то ее происхождение нужно связывать с мезолитом Верхнего Поднепровья.

Детальное изучение Верхневолжской экспедицией мезолитических культур Верхнего Поволжья позволило впервые поставить проблему их внутреннего деления на локальные группы. Наконец, открытие нами больших серий геометрических ору-

дий в ряде памятников позволяет говорить о том, что Верхнее Поволжье входило в зону их распространения в мезолите, что ранее отрицалось.

Особо следует отметить значительные работы Верхневолжской экспедиции в области изучения памятников эпохи неолита. За годы исследований было раскопано свыше 50 неолитических поселений на территории Ивановской, Костромской, Ярославской и Калининской областей, среди которых особый интерес представляют многослойные стоянки: Сахтыш I, II, VIII, Стрелка I, II, Ивановское III, II, V, VII, Золоторучье III, Берендеево II[а], Унича, Торговище I, Языково I, Ронское I, II, Романово, Скрабы и др. Раскопки этих поселений позволили выделить новые неолитические культуры, установить время появления ранненеолитических культур; установить более четкую хронологию и периодизацию неолита Верхнего Поволжья, взаимосвязь культур и решить вопросы других сторон жизни неолитических племен.

До 1972 г. считалось бесспорным, что самой ранней неолитической культурой Волго-Окского междуречья была льяловская культура. Однако, раскопками Верхневолжской экспедиции многослойных стратифицированных поселений (Ивановское III, VII, Сахтыш I, II, VIII, Языково I и др.) была открыта в 1972 г. новая ранненеолитическая культура, названная нами верхневолжской. Эта культура предшествовала льяловской культуре в Центре Русской равнины. Ее открытие по-новому поставило вопросы хронологии, периодизации, взаимосвязей и происхождения неолитических и волосовской культуры, а также вопросы смены этнических групп населения. Изменилась, в связи с этим, и карта распространения неолитических культур лесной полосы Европейской части СССР.

Дальнейшими работами Верхневолжской экспедиции удалось выяснить ареал, хронологию, периодизацию, материальную культуру, хозяйство, локальные варианты и происхождение верхневолжской культуры, связанной с поздней (бутовской) стадией местного мезолита. Ареал памятников верхневолжской культуры простирался от истоков Волги и верховьев Западной Двины до Прикамья. Северные границы уходят в Заволжье, а южные за Оку. Не исключено, что ареал этой культуры будет в дальнейшем расширен. Хронология ее устанавливается радиокарбоновым, палинологическим, стратиграфическим и другими методами концом VI, V и первой половиной IV тысячелетия до н. э. Это вторая половина атлантического периода — время так называемого климатического оптимума.

Частично выяснена и периодизация верхневолжской культуры. Материальная культура раннего неолита характеризуется наличием накольчато-гребенчатой керамики и кремневого инвентаря пластинчатой техники. Жилища и округлые и подпрямоугольные. Хозяйство охотничье-рыболовческое с доминантой рыболовства, на основе которого в раннем неолите возникает сравнительно прочная оседлость. Верхневолжская культура близка нарвской, днепродонецкой, сперрингс и волгокамской ранненеолитическим культурам, связанным общим происхождением от постсвидерских культур мезолита. Установлено, что верхневолжская культура предшествовала культурам с ямочно-гребенчатой керамикой. На всех многослойных поселениях Волго-Окского междуречья слои с ямочно-гребенчатой керамикой залегают над слоями верхневолжской культуры и датируются более поздним временем (с середины IV и до второй четверти III тысячелетия до н. э.). Отмечено, что между ними нет стерильной прослойки. Перед Верхневолжской экспедицией стоял вопрос генетической связи между верхневолжской и льяловской культурами, но эта гипотеза не может быть сейчас доказана положительно.

Вопрос о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой остается открытым. Очевидно, население верхневолжских памятников и населения поселений с ямочно-гребенчатой керамикой относятся к разным этническим образованиям. Верхневолжской экспедицией накоплен огромный материал и по этой неолитической культуре. Во-первых, удалось четко установить этапы в ее развитии. Ранний — характеризуется остродонной и круглодонной керамикой со сплошным ямочным орнаментом и разделителями в виде лунниц, ординарных гребенчатых поясков и косых гребенчатых штампов; средний этап — появлением больше гребенчатости и поздний этап — развитием так называемой керамики с редкоямочным фигурным орнаментом. Во-вторых, нами установлено, что культуры с ямочно-гребенчатой керамикой характеризуются отщепной кремневой индустрией. В-третьих, Верхневолжской экспедицией были открыты и исследованы прямоугольной формы жилища этой культуры, тогда как ряд ученых доказывали, что у этих неолитических племен существовали только округлые жилища. На стоянке Сахтыш I было раскопано уникальное огромное жилище с четырьмя строительными горизонтами, давшими хронологию и периодизацию этой культуры. Очевидно, в какой-то период времени верхневолжская и льяловская культуры сосуществовали и затем путем смешения их появилась протоволосовская стадия волосовской культурно-исторической общности, выделенная нами впервые.

Верхневолжской экспедицией, на указанных выше многослойных поселениях Верхнего Поволжья, были выделены и исследованы слои с остатками волосовской культуры и раскопаны стоянки с чистыми волосовскими комплексами (Стрелка I, Клячино I, II, Толстуха, Иваньково IV и др.). На основании многолетних исследований были получены новые радиокарбоновые даты, определившие хронологию волосовской культуры со второй четверти III тысячелетия и по вторую четверть II тысячелетия до н. э. Были выделены четыре этапа в ее развитии: проволосовский, ранневолосовский, развитой и поздний этапы. Определены границы распространения волосовской историко-культурной области и ее локальные варианты (или культуры). В связи с открытием верхневолжской культуры, по-новому решен

вопрос происхождения этой общности, отрицающий миграцию волосовской культуры из Волго-Камья. Верхневолжской экспедицией открыты на поселениях (Сахтыш I, II, VIII) большие волосовские поселки, состоящие из прямоугольных жилищ, соединенных друг с другом переходами. Обнаружены и исследованы погребения волосовские с янтарными украшениями балтийского происхождения. Особо следует отметить находку «Святилища» на стоянке Сахтыш II, свидетельствующего о наличии у волосовцев медвежьего культа и большого количества предметов искусства, позволяющих судить об идеологии волосовских племен.

Следует отметить, что возникновение волосовской культуры совпало с переходом атлантического периода к суббореальному, сопровождавшимся глубокой регрессией в гидрологической сети, похолоданием, деградацией теплолюбивых широколиственных лесов и увеличением бореальных фаунистических элементов (северного оленя, куницы, белки и т. д.). Развитие волосовской культуры привело к прочной оседлости, дальнейшему развитию охотничье-рыболовческого хозяйства и резкому демографическому скачку и росту благосостояния волосовских племен.

В первой четверти II тысячелетия до н. э. на территории Волго-Окского междуречья появляются пришлые племена скотоводов-земледельцев — фатьяновцев. В поздневолосовских слоях стоянок встречаются вещи фатьяновской культуры, а на территории указанного региона появляются фатьяновские могильники на высоких холмах моренного происхождения.

Изучению памятников фатьяновской культуры Верхневолжская экспедиция посвятила более 10 лет. За эти годы на территории Ярославской, Ивановской, Костромской, Московской, Владимирской и Калининской областей были выявлены сотни памятников фатьяновской культуры. Раскопано было свыше 50 могильников, давших новые материалы, позволившие установить хронологию, периодизацию, материальную культуру, хозяйство, происхождение и другие общие вопросы фатьяновской культуры. Среди исследованных памятников особое внимание заслуживают: Волосово-Даниловский, Никульцинский, Галузиновский, Воронковский, Болшневский, Олочинский, Тимофеевский, Кривцовский, Скомороховский и др. могильники. Эти разрушаемые карьерными работами памятники были спасены для науки Верхневолжской экспедицией. На основе их раскопок и других данных определен огромный ареал фатьяновской культуры от Прибалтики до Камы и от Вологды до Пензы. Выделены локальные варианты фатьяновской культурно-исторической общности и выявлена ее генетическая связь со среднеднепровской культурой и прибалтийскими культурами боевых топоров. Доказано существование у фатьяновских племен собственной металлообработки, связанной с медистыми песчаниками Среднего Поволжья. Хорошо изучен антропологический тип фатьяновцев и установлен их балтский этнос.

Наряду с фатьяновскими памятниками Верхневолжской экспедицией исследовались и памятники поздней бронзы, относящиеся к абашевской (Кухмарский, Милославский и др. могильники) и поздняковской культурам (Дикариха, Кираш, Боровое). Их раскопки дали интересный и ценный материал для выяснения характера северных абашевских и поздняковских памятников, решения вопросов их происхождения и связей с местными культурами.

На многослойных поселениях исследовались слои с сетчатой керамикой. Получены новые данные об удревнении этой культуры и ее связей с поздним этапом культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Не менее важные материалы получены и раскопками городищ и селищ дьяковской культуры, из которых наибольший интерес представляют городища и селища: Пентурово, Дулево, Отмичи, Казаково, Захарьино в Калининской области и Васильки, Богоявление, Родионово — в Ярославской обл. Выяснены: система укреплений, жилища и металлургия. Особый интерес представляют бронзовые украшения из городища Отмичи.

Экспедицией раскапывались и ранние финские памятники, среди которых следует особо отметить Кочинский могильник II—V вв. н. э. в Ивановской обл., а также мерянские могильники и селища (Золоторучье I, II, Кухмарь, Плешковский могильник) с большим количеством украшений и монет.

Верхневолжская экспедиция уделяла значительное внимание и славянским памятникам. В Калининской, Ярославской и Ивановской областях раскапывались курганные могильники, селища и городища.

Исследования славянских курганов в Калининской обл. (Иворово I, IV, Дулево, Пекуново, Плешково, Скрабы и др.) дали не только ценный погребальный инвентарь, но и новые детали обряда погребения. При раскопках группы высоких курганов у дер. Иворово Старицкого района был обнаружен саркофаг из белого известняка с погребением мужчины и на другом кургане — каменный крест. Раскопки большой группы Пекуновских курганов в Кимрском районе привели к открытию большого количества монет, из которых интересны редкие западноевропейские монеты. Раскопки курганов в Скрабах (верховья Зап. Двины) дали обряд погребения «в домовинах», близких по форме и обряду погребения известного Тимеревского курганного могильника под г. Ярославлем, части раскопок которого также финансировались Верхневолжской экспедицией.

В Ярославской обл. исследовались курганные могильники в Угличском, Мышкинском, Брейтовском, Некоузском, Переславском, Ярославском и Гаврилово-Ямском районах и городище «Клещин» под Переславлем. Здесь также обнаружены были бронзовые украшения, сосуды, железные орудия и другой инвентарь, характеризующий славян XI—XIII вв. н. э. В Некоузском и Брейтовском районах были исследованы предполагаемые места известной битвы русских с татарами на р. Сить.

Не меньший интерес представляют и раскопки курганных могильников в разных районах Ивановской обл. (Яришнево, Семухино, Абабково, Пайдово, Якшино I, Рубское III, Антоново и др.). В некоторых из них, наряду с прекрасными бронзовыми, серебряными и другими украшениями, были обнаружены остатки византийской ткани (Рубское III) и в одном из Антоновских курганов XIII в. найдены парчевая налобная лента и остатки сарафана из парчи. Также представляет интерес и берестяные покрывала в колодах с погребенными. Следует отметить наличие в славянских курганах Ивановской обл. большого количества мерянских бронзовых украшений, что свидетельствует о довольно быстром смешении славян с мерянами.

Таким образом, за 25 лет работы Верхневолжская экспедиция производила исследования памятников разных эпох. Сотрудниками экспедиции написаны монографии, статьи и заметки в различных изданиях. В них помещены не только отчеты о раскопках указанных памятников, но и дается решение ряда узловых вопросов древнейшей и древней истории Верхнего Поволжья. Здесь следует заострить внимание на комплексном исследовании экспедицией древних поселений с привлечением палеогеографов, почвоведов, палинологов, антропологов, зоологов, химиков, геологов и представителей других наук с целью всестороннего изучения природного окружения первобытного человека.

Сотрудники Верхневолжской экспедиции неоднократно выступали с докладами не только на заседаниях соответствующих секторов Института археологии, но и на различных всесоюзных и региональных конференциях и совещаниях.

На основе материалов и коллекций экспедиции развернуты экспозиции дореволюционных отделов Ярославского, Ивановского и Калининского областных музеев, а также экспозиции Угличского, Переславского, Ростовского, Ильинско-Хованского и других районных музеев Верхнего Поволжья. Часть коллекций сдана в Государственный Исторический музей. При активном участии сотрудников Верхневолжской экспедиции подготовлены Своды памятников археологии по Ярославской, Ивановской, Костромской и Калининской областям.

В целях популяризации и охраны памятников сотрудниками экспедиции были прочитаны десятки лекций в клубах предприятий, городов, колхозов и на местах раскопок.

В завершение обзора, считаем приятной обязанностью отметить многолетнюю плодотворную работу ведущих сотрудников Верхневолжской экспедиции: О. С. Гадзяцкой, Н. А. Кирьяновой, Е. И. Ерофеевой, Л. С. Китициной, К. И. Комарова, М. Б. Крайновой, Е. М. Молодцовой, Е. Л. Костылевой, А. В. Уткина, Ю. Б. Цетлина и М. Г. Жилина.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 50-летию ОТДЕЛА ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В 1981 г. исполнилось полвека с момента образования в Государственном ордена Ленина Эрмитаже Отдела истории первобытной культуры (первоначально — Отдел доклассового общества). К этому событию была приурочена научная сессия, состоявшаяся в Эрмитаже с 27 по 30 октября 1981 г. Сессия носила название «Контакты и взаимодействие древних культур», и именно этот аспект объединял все разнообразие тематики, представленной в докладах, прочитанных сотрудниками отдела и учеными, работавшими здесь в разные годы. Это был своего рода творческий отчет о научной деятельности за 50 лет. Поскольку отдел хранит и изучает коллекции материалов многих археологических эпох — от палеолита до средневековья — то и диапазон тем докладов был столь же велик. На юбилее присутствовала большая группа археологов и музейных работников Ленинграда, Москвы, Киева, Вильнюса, Краснодара, Каменец-Подольска, Ижевска и других городов. К юбилею была организована выставка «Резная кость», составленная из материалов, хранящихся в фондах отдела, был издан каталог.

Научная сессия открылась заседанием, посвященным истории создания и существования отдела. Директор Эрмитажа академик Б. Б. Пиотровский выступил с докладом «Отделу истории первобытной культуры — 50 лет». Докладчик остановился на истории первых появлений археологических находок в музее, постепенном расширении их собраний, организационном оформлении этого вида деятельности Эрмитажа уже в советское время (на общем фоне переустройства музейного дела и все увеличивающегося интереса к древним памятникам материальной культуры), приведшем в 1931 г. к созданию Отдела истории первобытной культуры. Особое внимание Б. Б. Пиотровский уделил современному состоянию отдела, его разнообразной обширной работе (хранительской, экспозиционной, экспедиционной, научной). Он охарактеризовал научные достижения отдела в целом и круг исследовательских тем всех его сотрудников. Подробно докладчик говорил об экспозиционной деятельности отдела, в частности об организации на его материалах 25 выставок в 18 зарубежных странах (1960—1981 гг.), что явилось заметным вкладом в международное сотрудничество в области культуры.

Доклад одного из старейших сотрудников отдела М. П. Грязнова «Монументальное искусство на заре скифо-сибирских культур в степной Азии» был посвящен мало изученной, но чрезвычайно яркой странице древнего художественного

творчества — «оленным камням» Монголии и Саяно-Алтая. Докладчик сделал акцент на искусствоведческом анализе памятников (изобразительные приемы, стилистическая манера, композиции). Монументально-художественные произведения ранних кочевников восточных степей предстали в докладе как искусство, в котором в полной мере прослеживается характер народного творчества. Докладчик считает, что стиль оленных камней был распространен на огромной территории степей — от Дуная до Китайской стены. Зарождение его было общим процессом создания монументального изобразительного искусства первого этапа развития скифо-сибирских культур (IX—VII вв. до н. э.). Только в некоторых местах памятники этого стиля не сохранились (вероятно, там «оленные камни» создавались из дерева).

А. Д. Столяр выступил с докладом «Об основных аспектах исследования палеолитического изобразительного творчества как исторического источника». Докладчик отверг возможность буквального «чтения» изображений древнекаменного века в качестве каких-то прямых свидетельств практических свершений той эпохи. Он считает, что при попытках познания семантической сути изображений следует особое внимание обратить «на источниковедчески отправную операцию...— выявление признаков глубинных смысловых связей между различными символическими элементами палеолитического репертуара». Важнейший аспект исследования палеолитического творчества, по мысли А. Д. Столяра,— анализ его как существеннейшего «фактора становления и развития сознания». Ключом к раскрытию этой проблемы, только поставленной наукой, является положение Маркса и Энгельса о первичном производстве идей, прямо включенном в материальную деятельность и материальное общение людей.

Все последующие доклады отражали, как правило, темы исследовательских, часто многолетних работ авторов, или результаты изучения тех или иных интересных и значительных коллекций, хранящихся в Отделе истории первобытной культуры. Н. К. Анисютки н в докладе «О взаимодействии среднепалеолитических культурных единств на территории юго-западной части СССР» анализировал материалы среднего палеолита, известные в настоящее время на территории Молдавии и Западной Украины, и пришел к выводу о существовании в данном регионе двух единств (единство — «более широкое, чем археологическая культура, понятие»), отражающих две линии развития, соответствующие двум традициям изготовления каменных орудий. Автор подчеркивает контрастность двух культурных единств; заметных взаимовлияний здесь не наблюдается.

Доклад И. В. Калининой «Неолит Прикамья — история изучения» имел подзаголовок: «К вопросу о понятии „археологическая культура“». Автор показал, что в ходе исследования неолита Прикамья выявилось наличие двух археологических культур: камской и волго-камской. По мнению И. В. Калининой, в настоящее время может быть поставлен вопрос не только о сосуществовании в пределах одного ареала двух археологических культур, но и об их активном взаимодействии в конце эпохи неолита, которое обусловило их трансформацию и интеграцию. Выступившая по докладу И. В. Калининой Л. Я. Крижевская отметила актуальность темы сообщения и желательность продолжения работы в выбранном автором направлении. Она оценила усилия докладчика по привлечению всей полноты материала и подчеркнула возможности предложенной автором интерпретации исторических судеб двух неолитических культур.

Н. К. Качалова в докладе «О взаимодействии поволжских срубных и абашевских племен» сосредоточила внимание на комплексах смешанного, срубно-абашевского облика в поволжских степях и лесостепи. Проведенное сочоставление их — степных и лесостепных — показало определенные отличия, а также позволило «построить» некоторые исторические обобщения: продвижение племен, их связи, характер взаимодействия и т. п.

Ряд докладов был посвящен памятникам предскифского и скифского времени на Украине и Кавказе. Доклад Я. В. Доманского и Ю. Ю. Пиотровского «Новый археологический комплекс бронзовых вещей из Дагестана» касался поступившей в недавнее время в Отдел истории первобытной культуры весьма интересной и своеобразной группы бронзовых предметов (в большинстве своем украшений). Вещи были обнаружены случайно в горах юго-западного Дагестана (сел. Чадаколоб). Все они находились в одном большом сосуде, который, может быть, являлся принадлежностью святилища, относящегося приблизительно к второй четверти I тысячелетия до н. э. О том, что представленный в этом докладе яркий материал заслуживает серьезного внимания и может раскрыть существенно новое в древней истории Дагестана, говорила В. И. Козенкова. По ее мнению, авторы правильно оттенили связь составляющих комплекс бронзовых вещей, при всей их самобытности, с традициями кобанской культуры, но недостаточно полно разработали вопрос о датировке памятника, дата пока остается неясной.

Большой интерес вызвали доклады Г. И. Смирновой, Л. К. Галаниной и А. Ю. Алексеева. Все три доклада были высоко оценены аудиторией, им сопутствовал оживленный обмен мнениями. Г. И. Смирнова в основу доклада «Предскифский период на Буковине (контакты и взаимодействия)» поставила материалы своих исследований поселения и кургана у с. Днестровка (Среднее Поднестровье). Результаты исследования этих памятников позволили сделать ряд выводов о контактах чернолесских племен Поднестровья с соседними культурами. Так, удалось установить воздействие на чернолесцев культур Гава-Голиграды, Сахарна-Солончены, высоцкой, а также выделить элементы и обратных связей. А. И. Мелюкова, выступая по докладу, отметила значение нового положения — доказательств

присутствия голиградских элементов в чернолесской культуре, и остановилась на своих расхождениях с докладчиком относительно роли влияний фракийского населения Молдавии в сложении погребального обряда чернолесцев Среднего Поднестровья. Г. Т. Ковпаненко в своем выступлении обратилась к результатам собственных раскопок поселения у с. Комаров, расположенном недалеко от Днестровского поселения, и подчеркнула близость обоих памятников. Б. А. Шрамко, отметив значимость новых материалов для характеристики мало известной чернолесской культуры в западном регионе лесостепи, остановился на вопросе влияния фракийских племен на территории значительно восточнее Днестра — в Поворсклье, что подтверждают новые находки. В заключительном слове Г. И. Смирнова основное внимание уделила вопросам, затронутым А. И. Мелюковой, особенно интерпретации обрядов погребений в Среднем Поднестровье и Молдавии. Она еще раз подчеркнула, что контакты между чернолесцами и носителями культуры Сахарна-Солончены имели двусторонний характер (появление у последних курганного обряда захоронения со скорченными скелетами).

Доклад Л. К. Галаниной «К вопросу о древневосточных элементах в раннескифских уздечных наборах (по материалам Келермесских курганов)» отражал многолетние исследования автора материалов одного из интереснейших комплексов скифской архаики. Л. К. Галанина обратила внимание на две группы уздечных наборов, одна из которых — по происхождению местная — отражала древневосточные влияния, а другая являлась продукцией какого-то закавказского центра. В. Г. Петренко отметила успешное открытие докладчиком новых восточных связей для части инвентаря Келермесских курганов, а также поддержала мысль о необходимости пересмотра даты (в сторону удревнения) некоторых комплексов этих курганов.

А. Ю. Алексеев в докладе «Чертомлыкский курган в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н. э.» обратился к сложной проблеме датировок скифских «царских» курганов. Опираясь на такой массовый тиражированный материал, как золотые штампованные бляшки и бронзовые наконечники стрел, на их сочетаемость в комплексах, он сумел вычленить несколько хронологических пластов, Чертомлык, по этим данным, должен попасть в пласт Б середины третьей четверти IV в. Но А. Ю. Алексеев считает, что для таких больших и сложных комплексов следует различать время функционирования вещей, составивших комплекс, и время совершения захоронения. Последнее же в данном случае определяется сочетанием дат амфорных клейм, попавших в землю при сооружении кургана. Эта дата для Чертомлыка — конец IV — рубеж IV—III вв. до н. э. Доклад вызвал живую реакцию. Высоко была оценена методика докладчика, хотя Н. А. Онайко и Б. Н. Мозолевский призвали к осторожности при использовании датировок амфор. Не всегда ясно, попадают ли они в насыпь курганов при совершении захоронения или связаны с более поздними тризнами. Особенно существенным представляется вывод, достаточно категорично сформулированный в выступлениях И. Б. Брашинского и Н. А. Онайко — «В Скифии нет „царских" курганов III в. до н. э.».

Видное место в исследованиях эрмитажных ученых всегда занимала сибирская тематика, представленная на сессии кроме доклада М. П. Грязнова еще тремя — М. П. Завитухина «Тагарское искусство периода архаики (VII—VI вв. до н. э.) и его соотношение с искусством карасукской эпохи», Л. Л. Баркова «Изображение на саркофаге из второго Башадарского кургана (к вопросу о переднеазиатских элементах в искусстве древнего Алтая) и Л. С. Марсадолов «Дендрохронология археологических памятников ранних кочевников Саяно-Алтая».

М. П. Завитухина убедительно показала наличие карасукских элементов в тагарском искусстве, что, по ее мнению, не сыграло решающей роли в формировании скифо-сибирского «звериного стиля» в целом. Л. Л. Баркова, отметив сходство с переднеазиатскими таких сюжетов, как шествие зверей и животные с поджатыми ногами и повернутой головой, сцены терзания, пыталась толковать все изображения на башадарском саркофаге как единую композицию. Последнее вызвало однако возражения со стороны М. П. Грязнова. Л. С. Марсадолов подробно рассказал о методике работы с образцами древесины из алтайских курганов. Его выводы ближе к более ранним заключениям И. М. Замоторина, чем к данным Е. И. Захариевой. В работе болгарской исследовательницы произошел сдвиг дендрографиков 5-го Пазырыка на один 60-летний ритм вперед, а для кургана Аржан на 60-летний ритм назад. Но дендрохронология дает лишь относительную хронологию, и в попытке выйти для сибирских курганов на хронологию абсолютную Л. С. Марсадолов обратился к материалам середины и третьей четверти V в. из 2-го и 4-го Семибратных курганов Прикубанья, сопоставляя их с находками 1-го и 2-го Пазырыка. Правомерность такого сопоставления, однако, была поставлена под сомнение выступившей по докладу Г. И. Смирновой.

«Звериному стилю» был посвящен и доклад Е. Ф. Чежиной «Изображение свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в скифскую эпоху». Искусствоведческий анализ позволяет усмотреть различия в стиле изображений обоих регионов, что объясняется различным направлением культурных связей, а возможно, и различиями этническими.

Доклад И. П. Засецкой «Классификация наконечников стрел гуннской эпохи» имел подзаголовок — «К вопросу о взаимосвязи гуннов и хунну». Изучение стрел из комплексов южнорусских степей гуннской эпохи показало их восточное

происхождение — они продолжают линию развития центральноазиатских и среднеазиатских образцов.

Н. Г. Горбунова в докладе «К вопросу о взаимовлиянии культуры земледельцев и скотоводов» показала сложность культурных процессов, протекавших с VI в. до н. э. по VI в. н. э. на территории Ферганы. Удалось наметить направление движения групп кочевников, проследить, с одной стороны, процессы интеграции различных культурных влияний, с другой — возникновение локальных отличий.

Тесно переплетается научная тематика К. В. Каспаровой и М. Б. Шукина, они заняты изучением западных связей зарубинецкой культуры. Сопоставлению системы относительной хронологии памятников полесской группы зарубинецкой культуры (четыре фазы с подфазами) с системой европейской хронологии был посвящен доклад К. В. Каспаровой «Хронологическое соотношение зарубинецкой культуры и культур эпохи Латена». При общем соответствии исследовательница наблюдала некоторые расхождения в ритмах развития. Отмечено, в частности, ослабление западных контактов на III фазе эволюции зарубинецкой культуры, синхронизируемой с Латеном D, и со стадиями C и начала «позднего предримского времени», по Р. Хахманну. На IV фазе, в конце I в. до н. э. и начале I в. н. э. западные связи возобновляются.

Попытку объяснения этого феномена предпринял М. Б. Щукин в докладе «Зарубинецкая культура, янтарный путь и венеды». На заключительном этапе зарубинецкой культуры появляются некоторые вещи, указывающие на контакты со Средним и Верхним Подунавьем. Объяснение М. Б. Щукин ищет в той исторической ситуации, которая сложилась на рубеже нашей эры в Центральной Европе. Пшеворская культура в это время становится, по наблюдениям К. Годловского, замкнутым военизированным обществом, и проходящий через ее территорию янтарный путь прерывается. Торговцы янтарем из Верхнего и Среднего Подунавья могли попытаться найти обходной путь в Прибалтику через земли зарубинецкой культуры.

Два выступления касались эпохи раннего средневековья. О. И. Давидан в докладе «Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII—XIII вв. (по материалам Земляного городища)» выделила два периода в жизни Старой Ладоги. На первом, с середины VIII в. до первой трети IX в., сочетаются контакты со Скандинавией и со странами Востока. Ладога стояла на Балтийско-Волжском пути. Во втором периоде (конец XI—XIII вв.) восточные контакты ослабевают, но появляются вещи византийские и древнерусские. В первом периоде скандинавы, входившие в состав населения города, во многом определили облик его культуры, а в XI—XIII вв. крепнут экономические и политические связи Ладоги с Киевом и Новгородом. Ладога становится древнерусским городом.

О торговых путях и связях раннего средневековья шла речь и в докладе З. А. Львовой «Контакты охотничьих племен Прикамья со странами Средиземноморья в VIII—X вв. (по материалам стеклянных бус)». Многочисленные спектральные анализы показали, что все разнообразные бусы Старой Ладоги, Лядинского, Томниковского и Салтовского могильников обнаруживают большее сходство с египетским стеклом, нежели с римским и византийским. И даже уникальные бусы I Поломского могильника, ранее рассматривавшиеся автором как результат местного производства, на поверку тоже оказались средиземноморскими. Если в Старую Ладогу египетские бусы попадали по европейским речным путям (Дунай, Везер и Эльба, Балтика, Нева, Ладожское озеро), то в Прикамье они поступали при посредничестве волжских болгар по «меховым» путям — через Среднюю Азию или по Волге, через земли Салтовской культуры. Причем часть бус на этих путях оседала.

Оба доклада вызвали оживленное обсуждение. Б. И. Маршак считает, что происходит некоторая недооценка восточных связей Старой Ладоги. Не учтены, в частности, находки восточной керамики. Кроме того, арабская торговля рассматривается слишком обобщенно — должны прослеживаться связи средиземноморские, согдийские, хорезмийские. В. В. Кропоткин отметил, что приток восточного серебра следует датировать по составу кладов, а не по единичным монетам. Самые же ранние клады Скандинавии относятся только к рубежу VIII—IX вв. О. И. Давидан в заключительном слове подчеркнула, однако, еще раз, что монета в Старой Ладоге обнаружена в комплексах из нижнего слоя E_3, датированного по сочетанию археологического материала и по дендрохронологии серединой VIII в. З. А. Львова отметила, что расхождения в наборах бус в различных регионах связаны не столько с разными путями их попадания, сколько с избирательностью населения, приобретавшего бусы, поэтому трудно их дифференцировать по путям попадания.

Как всякие юбилеи, сессия Отдела истории первобытной культуры была достаточно торжественна: были приветственные речи, адреса, телеграммы. Но превалировала рабочая обстановка живой заинтересованности, доброжелательной деловитости, всегда свойственные атмосфере ОИПК. Краткие тезисы докладов были перед началом сессии опубликованы и розданы участникам заседаний. Полные тексты докладов изданы дополнительно, в 25-м выпуске «Археологического сборника» Государственного Эрмитажа.

Доманский Я. В., Щукин М. Б.

ВОПРОСЫ ПАЛИНОЛОГИИ НА СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛЕВЫХ СЕМИНАРАХ

С января 1976 г. проводятся совместные комплексные исследования советских и французских ученых по теме: «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами». По этой программе были проведены два советско-французских полевых семинара в СССР (1978, 1981 гг.) и два семинара во Франции (1977, 1979 гг.). С советской стороны организаторами этих работ выступали Институты географии и археологии АН СССР. Во Франции в организации семинаров принимали участие Министерство иностранных дел, Национальный Центр научных исследований, Министерство университетов, Министерство культуры и связи. Обе советские делегации во Франции возглавлял директор Института географии АН СССР акад. И. П. Герасимов. Во главе французских делегаций в СССР был профессор Института истории древнего человека в Париже Анри де Люмлей.

Итогам семинаров по палеогеографии и археологии уже был посвящен специальный обзор [1, с. 3—24]. Палинологические проблемы в этом обзоре не затрагивались.

Вопросам палинологии на семинарах уделялось большое внимание. Горячие дружеские дискуссии по вопросам палинологии возникали даже чаще, чем по проблемам палеогеографии или археологии. Своеобразна и структура французских делегаций в СССР. В составе первой французской делегации из 10 человек был один палеогеограф, один литолог, антрополог, радиоуглеродчик, археолог, но два палеозоолога и три палинолога. В составе второй французской делегации из 12 человек было два палинолога. Нашу страну посетили палинологи: д-р Арл. Леруа-Гуран из Лаборатории палинологии Музея человека в Париже, известная своими многочисленными работами по памятникам каменного века Ближнего и Среднего Востока, северного и южного Средиземноморья; д-р Ж. Рено-Мисковская из Института истории древнего человека в Париже, занимающаяся палинологией палеолитических памятников Франции; д-р Ж.-П. Сюк из Лаборатории палинологии Национального Центра научных исследований Университета науки и техники в Лангедоке, специализирующийся на палинологическом изучении нижней границы плейстоцена.

Повышенный интерес французских коллег к нашей палинологической информации по палеолитическим памятникам СССР не случаен. Французские коллеги считают, что «на основе палинологических данных можно получить даже более тонкую периодизацию палеолитических памятников, чем на основе типологии археологического инвентаря, особенно для памятников эпохи верхнего палеолита и эпипалеолита» [2, с. 35]. Кроме того, палинологические данные дают информацию о составе флор прошлого, местных и зональных особенностях растительного покрова, палеоклимате, степени воздействия человека на первичные фитоценозы, древнем собирательстве.

Во время семинаров участники ознакомились с материалами по наиболее ранним памятникам каменного века (ашель, мустье, верхний палеолит), которые расположены в южных районах Франции и СССР. В СССР основные центры концентрации подобных памятников — Крым, Кавказ, лесостепь Русской равнины. Возраст наиболее древних памятников в СССР и во Франции — около 1 млн. лет. На каждом памятнике участников знакомили с геологическими разрезами, литологическими, палеопедологическими и палинологическими данными, коллекциями археологического инвентаря. Коллектив советских палинологов продемонстрировал палинологические материалы по стоянкам Заскальная V (район г. Белогорска в восточной части предгорий Крыма), Ахштырская пещера (в 15 км от г. Адлер), Апианча (ущелье р. Кодори), Цуцхватской пещерной системе (в 10 км от г. Кутаиси), Сакажиа (северная Имеретия, бассейн р. Риони), ряду пещер Юго-Осетии (южный склон центральной части Большого Кавказа) — Кударо I, Кударо III, Цона, пещере Азых (восточная часть Малого Кавказа, Азербайджан), а также по группе стоянок с жилищами из костей мамонта, существовавших в бассейнах Дона, Десны, Днепра и Днестра около 32—10 тыс. лет назад: Костенки I, XI, XVII, XXI (Воронежская обл.), Авдеево (Курская обл.), Хотылево II (Брянская обл.), Тимоновская стоянка (г. Брянск), Добраничевская стоянка (Киевская обл.). Межирич (Черкасская обл.), многослойные стоянки Молодово и Кормань на Днестре, одна из ранних мустьерских стоянок Русской равнины – Кетросы (Черновицкая обл.). Эти материалы опубликованы в путеводителях, подготовленных к советским этапам семинаров [3, с. 1—102; 4, с. 1—147], а также в ряде монографий, написанных совместно археологами и палеогеографами по отдельным стоянкам [5, с. 1—184; 6, с. 1—183; 7, с. 1—167].

Для юга Франции известны палинологические данные примерно по 60 палеолитическим памятникам (материалы палинологов М. Жирар, Арл. Леруа-Гуран, М. Ван Кампо, Б. Бастен, М. Пакро, М. Куто, Ж. Коэн, Ж. Доннер, С. Фарбо-Тексье, Г. Меон-Виллиан, Ж. Рено-Мисковская, Ж. Жалю). Они сведены в обзорной работе Л. Рено-Мисковской и Арл. Леруа-Гуран [2, с. 35—49]. На семинарах, проходивших во Франции в 1977 и 1979 гг., демонстрировалась часть этих материалов, а также некоторые новые диаграммы французских коллег, опубликованные в путеводителе, специально подготовленном к семинару [8, с. 1—249].

Палинологические материалы по наиболее ранним стоянкам Европы (материалы Ж. Рено-Мисковской по гроту Валлоне и Э. М. Зеликсон по пещере Азых

из Азербайджана) показали, что первоначальное заселение юго-западной и юго-восточной Европы происходило около 2 млн. лет назад в условиях смены тепловых межледниковых условий холодными (время оледенения гюнц в Альпах). Это подтверждается и фаунистическими данными. На юге Франции появление древнего человека совпадает с началом сокращения зоны широколиственных лесов и расширения площадей, занятых различными травяно-кустарничковыми растениями. В оптимальную фазу межледниковья в составе лесов в районе Ниццы доминировали разнообразные средиземноморские древесные породы (Cupressaceae, Pinus cf. pinaster, Pinus cf. halepensis, Quercus cf. coccifera, Pistacia sp., Platanus sp., Olea sp., Phyllirea sp.). Встречались: Quercus sp., Ulmus sp., Tilia sp., Fraxinus sp., Carpinus sp., Acer sp., Juglans sp., Pinus sp.

В Азербайджане, в пещере Азых слои с наиболее древними галечными орудиями формировались в условиях смены хмелеграбовых лесов с энгельгардтией и различными широколиственными древесными породами — хмелеграбовыми лесами без широколиственных древесных пород.

Стоянки неандертальского человека появились на юге Франции и СССР после климатического оптимума рисс-вюрмского межледниковья, которое закончилось около 100 тыс. лет назад. Во время оптимума этого межледниковья на юге Франции, а на Кавказе даже в пределах верхней части лесного пояса гор были распространены леса, образованные разнообразными широколиственными породами — дуб, липа, вяз, граб, клен, ясень, грецкий орех. Это особенно отчетливо видно по палинологическим данным, полученным для памятника Ла Брой во Франции (палинолог М. Пакро, археолог Ж. Тексье) и пещерных стоянок Кударского р-на Юго-Осетии на Кавказе (археолог В. П. Любин, палинолог Г. М. Левковская). Средиземноморские элементы, перечисленные ранее, в лесах Франции этого времени встречались уже в небольшом количестве. Особенностью этого межледниковья является также широкое распространение повсеместно в равнинных районах Европы и на юге Франции ольхи и орешника. В окрестностях Кударских пещер, которые расположены сейчас на абсолютных отметках около 1600 м, обитали макак, носорог. Растительность сначала представляла здесь сочетание сосняков, широколиственных лесов и безлесных сообществ, образованных разнообразными Asteraceae. Это был, вероятно, оптимум еще до рисс-вюрмского межледниковья. Позже здесь были распространены эвксинские широколиственные леса с Pterocarya, изредка встречались Taxodiaceae и Juglans.

После рисс-вюрмского межледниковья, в мустье — верхнем палеолите, на протяжении многих тысячелетий (между 100 000 — 10 000 годами от наших дней) на юге Европы не существовало сплошной зоны широколиственных лесов. На юге Франции растительность представляла сочетание сосняков и безлесных сообществ, в составе которых доминировали Poaceae, Asteraceae, Cichoriaceae, Chenopodiaceae. Широколиственные древесные породы (в том числе Juglans sp.) и некоторые сосны (Pinus cf. pinaster, Pinus cf. uncinata, P. cf. maritima) появлялись на юге Франции в очень небольшом количестве лишь во время межстадиальных — межфазиальных этапов улучшения климата, отмечавшихся около 60 000, 36 000—35 000, 31 500—30 000, 29 000—27 000, 24 000—23 000, 20 000—19 000, 18 000—16 500, 15 000—14 800, 14 500—14 000, 13 300—12 300, 11 800—10 800, 10 200—8700 лет назад.

В ранние из этих этапов средиземноморские элементы, перечисленные выше, еще отмечаются в ряде мест. Позже в течение нескольких тысячелетий (около 37 000—10 200 лет назад) они почти совсем не встречаются на юге Франции. Только в одном случае (район убежища Мокки) зафиксировано появление средиземноморских древесных пород во время межстадиала арси, около 31 500—30 000 лет назад, и в одном случае (разрез Ля Бом де Валёрк) — во время аллередского межстадиала, около 11 400 лет назад.

Ухудшение климата в конце рисс-вюрмского межледниковья в Юго-Осетии [6, с. 128—151] привело к деградации влажных широколиственных эвксинских лесов с Pterocarya sp., развитых в районе кударских пещерных стоянок (они расположены на абсолютных отметках около 1600 м). Сначала в районе пещер появились более ксерофильные сообщества, образованные Carpinus orientalis Mill. и можжевельником, позже — субальпийские луга. Здесь более подробно, чем на юге Франции, прослежена история изменений климата и растительного покрова для интервала от 100 000 до 40 000 лет от наших дней: зафиксировано три межстадиальных этапа улучшения климата, чередующихся с этапами ухудшения климатической обстановки. Во время межстадиальных климатических фаз в районе пещер дважды распространялись темнохвойные леса с незначительной примесью широколиственных древесных пород, позже — субальпийские березняки. В этапах ухудшения климата пещеры оказывались то на верхнем пределе древесной растительности, то среди лугов — альпийских и субальпийских. В конце мустье и, особенно, в финале верхнего палеолита — мезолите леса частично заменились безлесными формациями, образованными сложноцветными и маревыми.

На Русской равнине после рисс-вюрмского межледниковья вплоть до голоцена не существовала зона широколиственных лесов. Временами господствовала безлесная растительность, а леса занимали очень небольшие площади. Облесенность территории несколько возрастала лишь в этапы улучшения климата [9, с. 20]. Местами в небольшом количестве появлялись широколиственные древесные породы; примерно до широты города Воронежа продвигалась ель; сокращались площади ксерофильных травянистых сообществ. Особенно суровые условия существовали на

Русской равнине между 25 000—18 000 годами от наших дней. Около 20 тыс. лет назад на севере образовался ледниковый покров, который продвинулся почти до широты города Минска. В период, предшествующий оледенению, и во время оледенения древесная растительность сохранялась лишь в долинах. В бассейнах Днестра, Днепра, Десны, Дона росли — ольховник, карликовая березка, морошка, тундровые виды плаунов, плаунок. Основные площади занимали безлесные сообщества, образованные злаками, астровыми, лебедовыми.

Отмечаются таким образом, сходные тенденции в развитии растительности Западной и Восточной Европы, обусловленные сходными изменениями климата.

Разработка детальной палинологической и палеоклиматической шкалы, датированной радиоуглеродным методом (21 осцилляция для интервала 37—10 тыс. лет от наших дней) позволила французским палинологам создать наиболее дробную для Западной Европы схему периодизации 92 палеолитических памятников [2, рис. 1, 2]. Дробное расчленение этого интервала намечается в настоящее время и на основе новых палинологических данных, полученных по стоянкам в СССР, а также по некоторым геологическим данным [9, стр. 20]. В докладе Г. М. Левковской на пленарном заседании в г. Ленинграде была сделана попытка на климатостратиграфической основе сопоставить спорово-пыльцевые диаграммы палеолитических памятников юга СССР, Кавказа, бассейнов Дона, Десны, Днестра.

На семинаре 1981 г. французские коллеги по типологии археологического инвентаря «омолодили» верхний палеолит Восточной Европы. Сопоставление палинологических данных по многослойным эталонным верхнепалеолитическим стоянкам Костенковско-Боршевского р-на на р. Дон и Молдовской группе стоянок на р. Днестр позволяет датировать начало верхнего палеолита на Русской равнине, как и во Франции, примерно 35 000—32 000 годами от наших дней (фазой ухудшения климата, следующей за интерстадиалом хентело).

Но не все палинологические материалы, представленные на семинарах, пригодны для корреляций. Так, для Цуцхватских пещер палинологом Н. М. Мамацашвили был сделан вывод о том, что «сложная последовательность климатических фаз, устанавливаемая по литологическим признакам, палеоботанически не выявляется» [3, с. 65]. Французские коллеги считают, что климатические осцилляции не выявились из-за редкого отбора образцов в разрезах.

Нельзя считать окончательной приведенную в путеводителе семинара палинологическую характеристику важного разреза Костенки XI [7, с. 11—14]. Так, формирование верхов лессовой толщи происходило в Костенковско-Боршевском р-не в условиях холодного климата [10, с. 59, 61, 62; 11, с. 78; 12, с. 84—95] и максимума похолодания, отмечавшегося на Русской равнине и в Западной Европе 25 000—18 000 лет назад.

В путеводителе говорится о распространении в это время в районе широколиственных лесов из двух видов вяза. На семинаре этот же комплекс докладывался как переотложенный. В дублях образцов непосредственно из этого разреза четыре палинолога (Л. А. Куприянова, Г. Н. Бердовская, Г. М. Левковская, В. И. Хомутова) обнаружили пыльцу холодолюбивых растений (Alnus fruticosa и другие), но не встретили пыльцу широколиственных древесных пород. Возможно, серия образцов, о которых речь идет в путеводителе, была засорена пыльцой растений, которые цвели в момент обработки проб.

Палинологическое исследование разреза Костенки XI, с которым связано уникальное жилище из черепов и костей мамонтов, превращенное в музей, продолжается.

Большинство палинологических материалов, представленных на семинаре советскими палинологами, получило высокую оценку французских коллег. Особенный интерес вызвали палинологические материалы по стоянкам Азых, Молдовской группе стоянок, а также по стоянкам Хотылево I, Межирич, Добраничевка и другие и сводные диаграммы, составленные для Костенковско-Боршевского и Кударского районов (материалы палинологов Н. С. Болиховской, Э. М. Зеликсон, Г. М. Левковской, Г. А. Пашкевич). По мнению французских коллег кударские материалы могут быть основой для увязки памятников Европы, Азии, Африки.

На семинарах выявилась специфика советской и французской палинологической школ. Французские коллеги по-разному обрабатывают лёссы и пещерные отложения. Они пользуются часто не соляной, а фтористо-водородной кислотой, которая очень токсична, но растворяет не только карбонаты, но и силикаты. При обработке образцов, слабо насыщенных пыльцой и спорами, употребляются особые минеральные фильтры. Интересно исследуются сталактиты и сталагмиты: образцы на спорово-пыльцевой анализ высверливаются из них по ряду концентрических срезов.

Семинары показали, что необходимо унифицировать способы расчетов и графического изображения результатов анализов, что нами уже отмечалось [13, с. 120]. Французские коллеги за 100% принимают всю сумму пыльцы и спор в образце и строят «суммарные диаграммы». Этот метод весьма нагляден при составлении сводных для района диаграмм (подобным образом были построены сводные диаграммы для Кударского и Костенковско-Боршевского районов). Но на «суммарных» диаграммах не удается детально проанализировать состав пыльцы недревесных растений. Поэтому «конкретные» диаграммы лучше строить по-иному.

Большой интерес французских коллег вызвал методический доклад Е. А. Спиридоновой о составе современного «пыльцевого дождя», выпадающего в Костенковско-Боршевском районе, и особенностях захоронения спектров в делювиальных отложениях. Практически все реконструкции советских палинологов выполнены на

основе сопоставления ископаемых спектров с рецентными. В работах французских коллег редко используются данные по рецентным спектрам, а палеоклиматические показатели в их работах обычно не выражаются в цифрах.

Сильной стороной французской школы является глубокое понимание палинологами археологических проблем. Это позволяет им извлекать из палеоботанических данных нестандартную информацию, важную для археологов. Они реконструируют вторичные фитоценозы, возникающие в результате хозяйственной деятельности древнего человека, определяют места тропинок в пределах древних поселений, делают выводы об использовании растений в ритуальных целях и т. д.

В СССР специальные полевые и лабораторные исследования в этом аспекте проводятся пока лишь в ЛОИА АН СССР. Это позволило палеоботанически обосновать долговременность некоторых жилищ Костенковско-Боршевского района (на совещании французские коллеги высказывали предположение лишь о сезонном существовании поселений с жилищами из костей мамонтов на Русской равнине).

Семинары показали, что в плане определений советские и французские палинологические исследования образцов выполняются примерно на одном уровне. Определения пыльцы и спор обычно доведены до семейства, рода и лишь очень редко до вида, причем они, как правило, не подтверждены микрофотографиями пыльцы. Французские коллеги определяют до вида дубы, сосны и некоторые другие растения. В работах советских палинологов, представленных на семинаре, приводились видовые определения пыльцы древесных пород: сосен, ели пихты, граба, липы, ольхи, а также папоротников, плаунов и ряда травяно-кустарничковых растений; обращалось внимание на морфологическую изменчивость пыльцы как источник возможных ошибок при реконструкциях.

Недостаточное количество видовых определений снижает информативность палинологических данных. Однако в настоящее время имеется уже много работ, посвященных описанию пыльцы и спор отдельных семейств, родов и видов растений. В Советском Союзе и за рубежом изданы очень удобные для палинологов-практиков «Пыльцевые флоры»: Всемирная [14], Скандинавская [15], а также «Пыльцевая флора растений европейской части СССР» [16] в трех томах и т. д. Все это способствует увеличению количества видовых определений.

Семинары показали, что палинологические материалы являются источником разнообразной информации при исследовании памятников каменного века. Информативность палинологических данных возрастет, если исследования будут проводить палинологи, хорошо знакомые с археологическими проблемами, рассматривающие каждый культурный слой как своеобразный антропогеоценоз. Важно также, чтобы исследователи получили возможность монографически изучать ископаемые пыльцевые флоры, доводя определения до вида и документируя материал не только диаграммами, но и микрофотографиями, выполненными как на обычном, так и на электронном микроскопе.

Важным итогом семинаров являются установление дружеских контактов между советскими и французскими палинологами, обмен советских и французских палинологических школ опытом работы в области археологии. Очередной (неолитический) этап советско-французского полевого семинара состоится в 1983 г. во Франции.

Левковская Г. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Герасимов И. П., Любин В. П., Величко А. А., Праслов Н. Д.* Древнейшие люди в Европе и условия их обитания. Первые результаты совместных советско-французских исследований.– ВАН, 1981, № 10.
2. *Leroi-Gourhan A., Renault-Miskovsky J.* Le palynologie appliquée a l'archéologie: methodes et limites.– In: Approche écologique de l'Homme fossile. Supplément au Bulletin de l'Association Francaise pour l'Etude du Quaternaire, 1977, № 47.
3. Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. М.: Наука, 1981.
4. Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. М.: Наука, 1981.
5. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М.: Наука, 1977.
6. Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М.: Наука, 1980.
7. Кетросы. Мустьерская стоянка на среднем Днестре. М.: Наука, 1981.
8. Le Pleistocéné supérieur in France, III-e colloque Franco-Sovietique, 10–25 septembre, 1979.
9. *Заррина Е. П., Краснов И. И., Спиридонова Е. А.* Климатостратиграфическая корреляция и хронология позднего плейстоцена северо-запада и центра Русской равнины.– В кн.: Международный геологический конгресс, XXVI сессия. Доклады советских геологов. Геология четвертичного периода. М.: Наука, 1980.
10. *Гричук В. П.* Растительность на Русской равнине в позднем палеолите.– В кн.: Природа и развитие первобытного общества. М.: Наука, 1969.
11. *Левковская Г. М.* Палинологическая характеристика разрезов Костенковско-Боршевского района.— В кн.: Палеоэкология древнего человека. М.: Наука, 1977.
12. *Праслов Н. Д., Левковская Г. М., Кулькова Т. Ф.* Условия залегания культурного слоя гмелинской позднепалеолитической стоянки.– В кн.: Палеоэкология древнего человека: М.: Наука, 1977.
13. *Левковская Г. М.* Современное представление о способах подсчетов результатов

спорово-пыльцевого анализа и построения диаграмм.– В кн.: Проблемы палеогеографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965.
14. World Pollen and Spore Flora. Stockholm, 1973.
15. *Erdtman G., Praglowski J., Nilsson S.* An Introduction to a Scandinavian Pollen Flora. V. I, II Stockholm, 1961, 1963.
16. *Куприянова Л. А., Алешина Л. А.* Пыльца и споры растений флоры европейской части СССР. Т. I–III. Л.: Наука, 1972–1982.

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ БАРЕНЦБУРГА НА АРХИПЕЛАГЕ ШПИЦБЕРГЕН

Летом 1982 г. в краеведческом музее поселка Баренцбург на архипелаге Шпицберген был открыт археологический отдел[1]. Его экспозицию составили материалы, полученные в результате пятилетних работ на Шпицбергене экспедиции Института археологии АН СССР. Помещение отдела и его оборудование предоставлено руководством рудника Баренцбург треста «Арктикуголь» (директор рудника В. А. Гуреев.)

В светлом просторном зале площадью 50 м² развернута большая, хорошо оформленная экспозиция. Ее тематическая направленность отражает основную проблематику исследований советских археологов на архипелаге: она полностью посвящена истории открытия и хозяйственного освоения Шпицбергена русскими людьми.

Экспозиция открывается большой рельефной картой архипелага, на которую нанесены места расположения русских поселений и крестов XVI—XIX вв. Более 100 памятников густой полосой покрывают западное побережье острова Западный Шпицберген, о. Сёркап, имеются они и на других островах архипелага. Около 50 из них в настоящее время изучены раскопками.

Древнейшим памятником на Шпицбергене является в настоящее время дом у р. Стаббэльва, которому посвящен специальный отдел экспозиции. Он включает в себя стенд, на котором показан план раскопанного дома и его фотография, и витрину с наиболее интересными находками. Среди последних — надписи на различных деревянных предметах, часть слюдяной оконницы и детали токарного (?) станка. По данным дендрохронологии (анализ произведен в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР), сооружение дома относится к 1564 г., что на 32 года раньше даты официального открытия Шпицбергена голландским мореплавателем В. Баренцем. Интересно, что надписи, найденные в этом доме, содержат ряд имен зимовавших здесь поморов, среди которых одно полное: Галаха Кабачев. Помимо Стаббэльвы к числу памятников датированных XVI в., относится часть материала домов у лагуны Гравшён и в Ван-Мюйден-букта.

Большое место в экспозиции занимают орудия промыслов, отражающие характер деятельности поморов на Шпицбергене. Среди них рогатины на белого медведя, гарпуны и промысловые копья (так называемые спицы) для добычи моржей, охотничьи ножи (кожаные и роговые), ружейные кремни, пули, детали ловушек и капканов, рыболовные крючки, иглы для ремонта сетей, фрагменты самих сетей и грузил. Интересны остатки ручных охотничьих нарт и различный лодочный снаряд.

В двух витринах представлены предметы быта, которые среди находок особенно многочисленны. Раскопки на Шпицбергене показали, что поморы имели здесь прочный, хорошо налаженный быт, рассчитанный на многолетнее обитание. Это относится как к самим домам, так и к разнообразным предметам повсеместного обихода. В экспозиции представлены различные типы керамической посуды, деревянный ковш, ложка, сковородник, ухват, резная кухонная доска, веретено, а также образцы одежды и обуви: кожаный сапог, шерстяной чулок, пуговицы и другие предметы.

В отдельных витринах показаны предметы, связанные с домашними ремеслами, которые были широко распространены в среде поморов на Шпицбергене. Среди них сапожные колодки и молотки, иглы, наперстки, катушка с нитками, гребни и их заготовки из китовой кости, спица, перекованная на жиковину, точеные изделия и фрагменты токарного станка.

Украшением экспозиции являются уникальные предметы, отражающие высокий уровень духовной культуры простых русских людей — полярных мореходов, землепроходцев и промышленников. Этот раздел открывают шахматы: доски и шахматные фигурки. В настоящее время на Шпицбергене найдены четыре шахматные доски (одна из них сохранилась целиком) и четыре фигурки: две — точеные деревянные, одна — резная деревянная и одна — точеная костяная. Особый интерес представляют шахматные доски, которые до этого были известны только по раскопкам Мангазеи [1]. Один из фрагментов доски был обнаружен в доме у р. Стаб-

[1] Большую работу по оформлению отдела провели сотрудники Шпицбергенской экспедиции ИА АН СССР А. А. Фараджев, П. Ю. Черносвитов, Л. П. Хлобыстин, В. И. Завьялов, Е. Н. Зимин, П. К. Халяев, А. В. Куйбышев.

бэльва, датированном, как уже отмечалось, 60-ми годами XVI в., что значительно раньше мангазейских находок [2].

Отдельная витрина посвящена надписям, которые были найдены в нескольких домах на Шпицбергене. Центральное место занимают надписи, найденные у лагуны Гравшён и уже опубликованные нами [2]. Интересна надпись вырезанная на китовом позвонке: «ОНДРЕЙ ...ОВ».

Особая витрина посвящена демонстрации таких уникальных находок, как резной деревянный крест, календарь на короткой деревянной планке, нательный серебряный крестик и алфавит, вырезанный русским полууставом. Крест и алфавит были найдены в составе одного комплекса, датированного концом XVII — началом XVIII в.

Особое место в экспозиции отведено поморским крестам, выполнявшим важные функции культовых, обетных и навигационных сооружений. Судя по нашим исследованиям, в прошлом на Шпицбергене было установлено несколько десятков крестов (нами осмотрены остатки 22 крестов), но до наших дней дошел всего один стоящий крест на Русском острове (Северо-Восточная земля), еще один поваленный крест находится на мысу Слеттнесет в заливе Бельсунн. Последний имеет очень плохую сохранность. Остальные обследованные экспедицией кресты представлены обрубками оснований, закрепленными в земле при помощи бревенчатых срубов и каменных закладок. В экспозиции имеется два подлинных фрагмента крестов и две литографии 1838 г. с изображениями поморских крестов на Шпицбергене.

В отдельной витрине показаны вещи из дома легендарного помора Ивана Старостина, прожившего на Шпицбергене более 30 лет (из них 15 лет безвыездно) и умершего там же в 1826 г. Дом И. Старостина находился в районе мыса Старостина на северном берегу залива Ис-фьорд, где в 1956, 1960 гг. проводила раскопки экспедиция скандинавских археологов под руководством Х. Христианссона. Там был вскрыт большой комплекс построек, в который входили жилые и хозяйственные помещения, в том числе кузница, а также 20 погребений. Многочисленные находки, полученные в результате раскопок, хранятся в настоящее время в музее г. Тромсё. В 1980 г. небольшие работы на памятнике провела советская археологическая экспедиция: были взяты образцы на дендрохронологию и собран небольшой вещественный материал. Среди находок, представленных в экспозиции, имеется сапожная колодка, рыболовный крючок, ланцет и другие предметы.

Значительное место в отделе занимает экспозиция, посвященная экспедиции В. Я. Чичагова, базовый лагерь которой в заливе Бельсунн был раскопан нашей экспедицией в 1979 г. Это выдающийся памятник русского арктического мореплавания. Экспедиция В. Я. Чичагова была организована в 1763 г. М. В. Ломоносовым. Она является первой русской высокоширотной экспедицией, перед которой стояла задача отыскать кратчайший путь в Тихий океан, пройдя водами Центральной Арктики. На стенде и в витрине демонстрируется план раскопанного памятника и многочисленные предметы, происходящие отсюда.

Одно из центральных мест экспозиции занимают материалы, посвященные морскому судоходству поморов. Здесь представлены различные детали судов: часть киля с форштевнем, шпангоуты, бортовые доски и другие предметы, а также большое полотно с изображением поморского ледового судна — коча.

Несмотря на небольшой срок работы отдела, он получил высокую оценку как со стороны советских горняков, работающих на Шпицбергене, так и представителей зарубежных официальных, деловых и научных кругов.

Старков В. Ф.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981.
2. *Старков В. Ф., Овсянников О. А.* Археологические исследования на Шпицбергене.– ВАН, 1980, № 3.

[2] Находкам шахмат будет посвящена специальная публикация.

ПАМЯТИ ИГОРЯ ГЕОРГИЕВИЧА ШУРГАЯ

6 февраля 1981 г. скоропостижно скончался Игорь Георгиевич Шургая — заведующий Группой античной археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, член КПСС с 1967 г. Это был один из наиболее талантливых археологов-античников, находившийся в расцвете творческих сил, уже много сделавший и имевший обширные научные замыслы.

И. Г. Шургая родился 1 мая 1934 г. в Ленинграде. Со школьных лет его любимой наукой стала классическая археология. Обучаясь в 1952—1957 гг. на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ, он страстно отдавал всего себя изучению античного прошлого Причерноморья, принимал ежегодное участие в исследованиях Боспорской археологической экспедиции, работавшей под руководством выдающегося ученого, профессора В. Ф. Гайдукевича, и стал его учеником, помощником и последователем. По совету В. Ф. Гайдукевича еще в студенческие годы И. Г. Шургая начал заниматься изучением эллинистической керамики Северного Причерноморья и Средиземноморья. Впоследствии уже в ЛОИА, в коллективе которого он начал работать с 1958 г. в качестве научно-технического сотрудника, эта тема стала основой его кандидатской диссертации «Керамическое производство Александрии Египетской эпохи эллинизма (конец IV—I вв. до н. э.)», защищенной в 1967 г. С годами круг научных интересов И. Г. Шургая расширялся, охватывая различные области античной археологии. Особое внимание он уделял проблемам формирования античных городов, экономическим и культурным связям Северного Причерноморья с эллинистическими центрами Средиземноморья. Одним из итогов этих исследований стала подготовленная к печати монографическая работа «Александрия Египетская. Очерки истории культуры столицы Птолемеев в эпоху эллинизма», в которой с присущей И. Г. Шургая тщательностью рассмотрены различные аспекты жизни этого города. Знание древних и современных иностранных языков, изучение обширной литературы, посещение африканских стран Средиземноморья позволили Игорю Георгиевичу войти в широкий круг проблем, связанных с культурой и экономикой Северной Африки в пунийский и римский периоды. В ЛГУ он читал курсы по теме «Северная Африка в античную эпоху». В течение ряда лет им увлекательно читались лекции по античной археологии в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Одновременно И. Г. Шургая занимался исследованиями памятников Боспора, проводил раскопки Мирмекия, города-крепости Илурата. Продолжая развивать научные направления своего учителя В. Ф. Гайдукевича по изучению боспорских городов, он в 1972 г. возглавил Боспорскую экспедицию. Изучение Илурата, ставшего основным объектом раскопочной деятельности И. Г. Шургая, позволили ему прийти к выводу о том, что строительство этой крепости осуществлялось по плану римского военного лагеря, и, по-видимому, она проектировалась римскими инженерами. Незадолго до смерти И. Г. Шургая закончил и сдал в печать монографию «Боспорские города», в которой на основе анализа различных источников демонстрируется значение боспорских городских центров в системе культурных и экономических связей античного мира Ближнего Востока. Последние годы И. Г. Шургая особое внимание уделял вопросам теории и методологии археологических исследований. С высокой требовательностью относясь к подготовке своих исследований к печати, Игорь Георгиевич успел написать около 70 научных работ. Его лепта, внесенная в изучение античных памятников, весома и с годами не потеряет своего значения, работы его продолжат его ученики.

Душевные качества И. Г. Шургая, его большая доброта, поистине рыцарская готовность всегда прийти на помощь, высокая принципиальность, широта культурных интересов привлекали к нему людей. Комсомолец, затем коммунист, Игорь Георгиевич Шургая ярко проявил эти свои качества и в большой общественной работе. Память об этом светлом человеке навсегда сохранится в наших сердцах.

Группа товарищей

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ — Античная древность и средние века. Свердловск
АДУ — Археологічні дослідження на Україні
АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев
АИЮВЕ — Археологические исследования на юге Восточной Европы. Москва
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСб.ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
ВАА — Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВАЭС —Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск
ВДИ — Вестник древней истории
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета
ВФ — Вопросы философии
ГАИМК — Гос. Академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. Исторический музей
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
Древности — Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Москва
ГЭ — Гос. Эрмитаж
ЗАН ИФО — Записки Академии наук по историко-филологическому отделению. Спб.
ЗВО РАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИГЕМ — Институт геологии, естественных месторождений, петрографии АН СССР
ИИС — Из истории Сибири. Томск
КБН — Корпус боспорских надписей. / Под ред. акад. В. В. Струве. М.—Л.: Наука. 1965
КПИ — Куйбышевский педагогический институт
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
ЛГУ — Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИ ГММК — Материалы и исследования гос. музеев Московского Кремля
МКЭНСА — Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск
МЭР — Материалы по этнографии России. Ленинград
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПАС — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры
СГУ — Саратовский гос. университет
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп
СЭ — Советская этнография
ТГПИ — Томский гос. педагогический институт
ТГЭ — Труды Гос. Эрмитажа
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР
Тр... АС — Труды I—XV археологических съездов
Тр. ГИМ — Труды Гос. Исторического музея
Тр. КИЧПЕ — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода Европы
УАС — Уральское археологическое совещание. Сыктывкар
ЮОНИИ — Южно-Осетинский научно-исследовательский институт
AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin
AAAd — Antichità Altoadriatiche
AAH — Acta archaeologica. Academiae scientiarum hungaricae. Budapest

AqN — Aquileia nostra
AÉ — Archaeologiai Értesitö. Budapest
AMitt — Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts zu Athen (Rom)
AOH — Acta Orientalia Academiae scientiarum hungaricae. Budapest
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
IOSPE — Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, v. I, edit. 2. Petropoli, 1916
FM — Finskt Museum. Helsinki
JAS — Journal of archaeological science
JGS — Journal of glass Studies
MNy — Magyar Nyelv. Budapest
NSc — Notizie degli scavi di antichità
RA — Révue archéologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
SE — Studi etruschi
SlA — Slovenská archeológia. Bratislava

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1983 ГОД

	№	Стр.
Айбабин А. И., Веймарн Е. В. Склеп 406 Скалистинского могильника	4	213
Алексеев В. А., Кузнецова Э. Ф. Кенказган — древний медный рудник в Центральном Казахстане	2	203
Алексеев Л. В. Берестяная грамота из древнего Мстиславля	1	204
Артеменко И. И., Левченко Б. М. Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области	2	144
Арутюнов С. А. Федосеева С. А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980	4	256
Астраханский В. С. Неизвестная статья В. Н. Татищева	2	253
Барцева Т. Б. Химический состав изделий античного импорта, найденных в среднем Поднепровье (по данным спектрального анализа)	4	70
Беленькая Д. А. Шиферная иконка из Зарядья	2	196
Белецкий С. В. Новое в изучении длинных курганов (Аун М. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллин, 1980)	2	286
Брайчевский Ю. М. [Рец.] Новые археологические открытия в Киеве. (Археологія Київа. Дослідження і матеріали. Київ. Наукова думка, 1979)	3	256
Булатов Н. М. Золотой браслет с Селитренного городища	3	219
Булкин В. А. [Рец.] Финно-угры и славяне (доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 15—17 ноября 1976 г). Л., 1979	2	270
Буров Г. М. О нижнем хронологическом пределе лебяжской культуры	2	34
Бутузова Г. А., Фрейденберг М. М., Хохлов А. Н. Средневековое оружие на Балканах в работах Д. Петрович	1	302
Виноградов Ю. А. Тигель из Илурата	2	229
Винокур И. С., Сымонович Э. А. Симпозиум «Позднейшие судьбы черняховской культуры»	3	270
Вихляев В. И. Металлургический горн рубежа I и II тысячелетий н. э. из Мордовии	2	237
Воробьева Е. В., Тиц А. А. Анализ и реставрация Успенского собора XII в. в Галиче	1	213
Генинг В. Ф. Симпозиум по проблемам истории кочевничества (Токио, ноябрь 1981 г.)	3	276
Гиголашвили Е. Всесоюзная научная конференция, посвященная новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V Археологического съезда	1	311
Гопак В. Д., Пачкова С. П. Железные изделия с поселения Круглик на Буковине	2	231
Гопак В. Д., Шовкопляс А. М. Черный металл зарубинецкого поселения на Оболони в Киеве	4	154
Горбунова Н. Г. Кугайско-карабулакская культура Ферганы	3	23
Горончаровский В. А. Пергамская керамическая мастерская и ее продукция на Боспоре	2	117
Горончаровский В. А. Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979	4	241
Гречкина Т. Ю. О технике раскалывания кремня (по материалам стоянки Кокорево 1 на Енисее)	3	194
Григорьев Г. П. Gabori M. Les civilisations du Paléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural., Esquisee historique. Akádemiai Kiadó. Budapest, 1976	3	231
Гуревич Ф. Д. О формировании городов Черной Руси по данным археологии	3	61
Даркевич В. П., Стародуб Т. Х. Иранская керамика из раскопок Старой Рязани	2	183
Даркевич В. П., Макарова Т. И. [Рец.] Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981	4	258
Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника	3	129
Днепровский К. А. Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье»	2	293
Доманский Я. В., Щукин М. Б. Научная сессия, посвященная 50-летию Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа (27—30 октября 1981 г.)	4	271

	№	Стр.
Журавлев А. П. Раннеэнеолитическое поселение Пегрема IX (Онежское озеро)	1	271
Захаров В. А. Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979	1	294
Захарук Ю. Н. Об одной концепции археологического источниковедения	3	72
Захарук Ю. Н. Марксизм и некоторые вопросы развития археологии	4	5
Иванов В. А. Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М., 1977	2	264
Иоаннисян О. М. Новые исследования одного из памятников галицкого зодчества XII века	1	231
Каменецкая Е. В. Керамические клейма XI—XIII вв. из Смоленска	2	244
Кикодзе З. К. К методике изучения нижнепалеолитических бифасов	3	185
Клапчук М. Н. Новые данные о палеолите и мезолите Прикарпатья	4	10.
Кобылина М. М. Страницы ранней истории Фанагории	2	51
Ковалевская В. Б. Jean-Claude Gardin. Une archéologie théorique. L'Esprit Critique. Hachette. Paris, 1979	3	235
Козенкова В. И. XI Крупновские чтения (Новороссийск, 1981 г.)	1	315
Козенкова В. И. XII Крупновские чтения (Геленджик, 1982 г.)	3	281
Колосова И. О., Харлашов Б. Н. Дружинное погребение Псковского могильника	2	241
Колотухин В. А. Многослойное поселение в юго-восточном Крыму	1	277
Колтухов С. Г. Кинжал из некрополя Неаполя Скифского	2	222
Коробкова Г. Ф., Гаджиев М. Г. О культурных и хозяйственных особенностях поселения Гинчи (Дагестан)	1	130
Косарев М. Ф. [Рец.] Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, вып. 1, 1979; вып. 2, 1980	2	279
Крайнов Д. А., Кольцов Л. В. 25 лет (1959—1983 гг.) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР	4	267
Краснов Ю. А. Коробушкина Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. Минск, 1979	2	275
Кригер В. А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область)	3	171
Кузнецов А. М. К технике получения микропластин-вкладышей (Приморье)	3	82
Куратов А. А. Соловецкие стоянки II—I тысячелетия до н. э.	4	199
Курбансахатов К. К. Стратиграфия верхних слоев Северного холма Анау	1	30
Кызласов Л. Р. Курганы тюхтятской культуры в Туве (по материалам раскопок 1915—1929 гг.)	3	153
Ларенок П. А. Левобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону	3	210
Левковская Г. М. Вопросы палинологии на советско-французских полевых семинарах	4	275
Логинов В. А. Новые материалы по археологии Диоскуриады	2	228
Лоренсо Х. Л. Мексиканская археология и североамериканские археологи	4	95
Ляшко С. Н. Скифское изваяние из района Днепровского Надпорожья	2	224
Макаров Н. А. Раскопки средневекового могильника Погостище в Вологодской области	3	215
Макарова Т. И., Плетнева С. А. Пояс знатного воина из Саркела	2	62
Малевская М. В. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979	1	299
Малов Н. М. Конструктивные особенности псалия из Краснополья	4	204
Марковин В. И. Дольменные постройки в бассейне р. Кяфар	3	90
Марченко К. К. Еще раз к вопросу о каллипидах	1	67
Масленников А. А. Еще раз о боспорских валах	3	14
Мацкевой Л. Г., Адаменко О. М., Пашкевич Г. А., Татаринов К. А. Природная среда и мезолит Запада Украины	1	5
Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б. Древнерусские строительные растворы	2	152
Михайлов С. П., Станюкович А. К. Голосник из собора Ивановского монастыря в Пскове (к вопросу о дате собора)	3	148
Михеев В. К. Две раннесредневековые находки на Харьковщине	3	212
Могильников В. А., Коников Б. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье	2	162
Могильников В. А. [Рец.] Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979	4	244
Морозов В. В. Геральдика на иконе «Благословенно воинство»	2	247
Недошивина Н. Г. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра	4	222
Обломский А. М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры	1	103
Охонько Н. А. Изображения на стенах гробницы с реки Кривой (Прикубанье)	2	78
Охотников С. Б. Поселение Надлиманское—VI в Нижнем Поднестровье	1	167
Павлов П. Г. Новые находки каменного века в Южной Киргизии	2	213
Панова Т. Д. Памятники Московского Кремля в Лицевом своде XVI века	4	83
Перхавко В. Б. Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978	3	262

	№	Стр.
Пичикян И. Р. Александр-Геракл (греко-бактрийский портрет великого полководца)	1	80
Попконстантинов К. Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979	1	297
Потемкина Т. М. Алакульская культура	2	13
Потехина И. Д. О носителях культуры Средний Стог II по антропологическим данным	1	144
Прохорова Т. А. Погребение предскифского времени из станицы Грушевской	3	208
Пряхин А. Д., Синюк А. Т. Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский	3	197
Пугаченкова Г. А. Иштиханские древности (некоторые итоги исследований 1979 г)	1	259
Пугаченкова Г. А. [Рец.] Francfort H. P. Les fortifications an Asie Centrale de l'âge du bronze à l'epoque Kouchane. Paris, 1979	4	252
Пятых Г. Г. Исследования могильника новый Ризадей 1 (Среднее Поволжье)	2	216
Розов В. Н. Боспорские монеты VI—V вв. до н. э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975—1980 гг.)	2	109
Ртвеладзе Э. В. Могильник кушанского времени у Ялангтуш-тепе	2	125
Рубан В. В. Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея	1	285
Рунич А. П. Железноводский могильник I (I—IV вв.)	4	218
Савельева Т. В. Всесоюзное совещание «Проблемы исследования средневековой археологии Средней Азии и Казахстана (XIII—XVIII вв.)»	2	291
Савостина Е. А. К символике изображения лука на Боспоре	4	45
Санжаров С. Н. Катакомбное погребение близ г. Северска (Донецк)	3	202
Седов В. В., Смирнов К. А. V Международный конгресс финно-угроведов	1	308
Семенов Г. Л. Городские стены Пенджикента и история Согда V—VIII вв.	3	47
Сергин В. Я. Тарасов Л. М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы Л., 1979	4	233
Сериков Ю. Б. Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье)	1	121
Скоробогатова Т. В. Одна из групп золотоордынской художественной керамики XIV в.	2	92
Смирнов Ю. А. Binford S. R. A structural comparison of disposal of the dead in the Mousterian and Upper Paleolithic.— Southwestern Journal of Anthropology, 1968, v. 24. N 2. p. 139—154; Harrold F. B. A survey and formal analysis of Middle and Upper Paleolithic burials from Europe and Southwest Asia. The University of Chicago. Chicago, Illinois, 1974, 63 pp.; Harrold F. B. A comparative analysis of Eurasian Paleolithic burials. World Archaeology, 1980, v, 12, N 2, p. 195—211	3	246
Сорокина Н. П., Трейстер М. Ю. Две группы бронзовых зеркал из собрания Государственного Исторического музея	4	142
Станюкович А. К., Силантьев Г. Л., Лесман Ю. М. Совещание «Физико-математические науки в изучении производительных сил»	2	296
Старков В. Ф. Отдел археологии в краеведческом музее Баренцбурга на архипелаге Шпицберген	4	279
Старостин П. Н. Богородицкий могильник	1	193
Стефанов В. И., Днепров С. А., Корочкова О. Н. Курганы федоровского типа могильника Урефты I	1	155
Стоколос В. С. Существовал ли новокумакский горизонт?	2	257
Столяр А. Д. Тезис К. Маркса о материальном «производстве идей» в свете археологических источников	4	22
Сулейман А. Раскопки памятников раннего и среднего бронзового века в городе Алеппо (Сирия)	4	118
Сымонович Э. А. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов	1	91
Сымонович Э. А. Сюжетные изображения на черняховской керамике	4	132
Сыркина И. А. Клад с городища Лорвож (XII в.)	4	182
Татаринов С. И. Металлургия бронзы у племен срубной культуры Восточной Украины	4	32
Тер-Акопян Н. Б. Развитие взглядов Карла Маркса на первобытное общество	4	13
Терехова Н. Н. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период	3	110
Тешев М. К. Новый памятник поздней бронзы на Западном Кавказе	4	209
Тимофеев В. И. Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979	4	236
Тимощук Б. А., Русанова И. П. Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута	4	161
Толмачева М. М. Технология кузнечного ремесла Старой Рязани	1	245
Трифонов В. А. Jean-Claude Gardin. Archaelogical Constructs. An aspect of Theoretical archaeology. Cambridge, 1980	3	241
Фахрутдинов Р. Г. Скифские зеркала бассейна Казанки	1	291
Формозов А. А. К проблеме «очагов первобытного искусства»	3	5
Чалый В. В. Новые поселения срубной культуры в Нижнем Подонье	1	282

	№	Стр.
Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал)	1	47
Шарма Дж. Л., Щетенко А. Я. Каменный век Непала	2	5
Шелов Д. Б. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе	4	57
Шилов В. П. Запорожский курган (к вопросу о погребениях аорсской знати)	1	178
Шрамко Б. А. Muntz A. Die Kunst des Metalldrehens bei den Römern. Interpretationen antiker Arbeitsverfahren auf Grund von Werkspuren. Basel, 1972	3	224
Эрдели И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне	4	174
Яйленко В. П. Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978	4	226
Конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Артемия Владимировича Арциховского	4	265
Памяти Марии Александровны Тихановой	3	286
Памяти Игоря Георгиевича Шургая	4	281

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В этом номере журнала печатаются Правила приема статей с изменением требований к оформлению библиографии в связи с Правилами, принятыми ГОСТом.

Новый порядок оформления библиографии введен с № 3—1981 года.

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ. Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 3 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не рассматриваются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи.

3. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть ТЩАТЕЛЬНО проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона.

4. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. В тексте указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80].

Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются **на русском языке: т., рис., табл., с.**

Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой (^{1}, ^{2}, ...).

5. Ссылки на оригинальные работы древних авторов (Her., Plin., и т. д.) даются в тексте статьи **и в список цитированной литературы не вносятся.** Если используются переводные источники, тогда они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

В журнале принят следующий порядок оформления списка литературы:

Книги, сборники

1. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.
2. Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.

Для литературы на иностранных языках вместо — В кн.: писать In:

Журналы и продолжающиеся издания

(Труды, Ученые Записки, Сообщения, а также сборники типа МИА, КСИА, КСИИМК)

3. Белицер В. Н. Мордовские сюлгамы.— СА, 1977, № 2.
4. Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире Волынском.— Уч. зап. ЛГУ, 1958, № 252. Сер. истории искусств, вып. 29.
5. Попова Т. Б. Происхождение поздняковской культуры.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
6. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.

Оформление сборников типа АО, АИУ, АИМ, ОАК

7. Фамилия автора. Название статьи.— АО — 1969. М., 1970.
8. ОАК за 1900 г. СПб., 1901.

Рецензии

9. Черных Е. Н.— СА, 1976, № 3.— Рец. на кн.: Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
10. Glasser G. Rec.: Новгородова Э. Л. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970.— EW, v. 23, N 1—2.

Авторефераты диссертаций

11. Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Автореф. докт. дис. Тбилиси: Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, 1968.
12. Аскаров А. Низовья Зеровшана в эпоху бронзы. Автор. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1962.